

**ВЕСТНИК
Томского государственного университета**

2019. № 448. Ноябрь

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПЕДАГОГИКА
- ПРАВО
- PHILOLOGY
- PHILOSOPHY
- HISTORY
- PEDAGOGICS
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2019. № 448. November

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

Учредитель – Томский государственный университет

Founder – Tomsk State University

**НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY**

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
И.В. Ивонин, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Д.А. Катунин, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р
филол. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, канд. биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**,
д-р техн. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.;
Л.С. Гринкевич, д-р экон. наук, проф.; **С.К. Гураль**, д-р
пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол. наук, проф.;
Ю.М. Ершов, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук,
проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.;
И.Ю. Малкова, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р геол.-
минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательского
Дома Томского государственного университета; **Т.С. Портнова**,
канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ;
А.И. Потехаев, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Л.М. Прокументов**, д-р
юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.;
Ю.Г. Слижов, канд. хим. наук, доц.; **В.С. Сумарокова**, директор
Издательства ТГУ; **С.П. Сушенко**, д-р техн. наук, проф.;
П.Ф. Тарасенко, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татьяна**,
канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук,
проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук, проф.;
Э.И. Черняк, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р
пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р техн. наук, проф.

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
I. Ivonin, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice
Chairman); **V. Demin**, PhD in Physics and Mathematics, Associate
Professor (Vice Chairman); **D. Katunin**, PhD in Philology,
Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics
and Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of
Philosophy, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology, Associate
Professor; **S. Vorobyov**, PhD in Biology, Senior Researcher;
A. Glazunov, Dr. of Engineering, Professor; **A. Gortsev**, Dr. of
Engineering, Professor; **L. Grinkevitch**, Dr. of Economics,
Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**,
Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology;
V. Zinoviev, Dr. of History, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics
and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy,
Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor;
O. Petrin, Head of Tomsk State University Publishing House;
T. Portnova, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor,
Director of Scientific and Technical Literature Publishing House;
A. Potekaev, Dr. of Physics and Mathematics, Professor;
L. Prozumentov, Dr. of Law, Professor; **Z. Sakharova**, PhD in
Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**, PhD in Chemistry,
Associate Professor; **V. Sumarokova**, Director of TSU Publishing
House; **S. Sushchenko**, Dr. of Engineering, Professor;
P. Tarasenko, PhD in Physics and Mathematics, Associate
Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy, Associate
Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**, Dr.
of Physics and Mathematics, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of
History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor;
E. Shragr, Dr. of Engineering, Professor

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Главный редактор –
В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Editor-in-Chief
Vasilii P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Заместители главного редактора:
Е.В. Борисов,
д-р филол. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Deputy Editors-in-Chief
Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Ответственный секретарь –
Д.А. Катунин,
канд. филол. наук, доцент

Executive Editor
Dmitry A. Katunin,
PhD in Philology, Associate Professor

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прокументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суворцев,
д-р филол. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Айзикова И.А. В.А. Жуковский – идеолог и практик образования и воспитания великого князя Александра Николаевича (на материале писем к К.К. Мёрдеру)	5
Волков И.О., Жилиякова Э.М. И.С. Тургенев и О. де Бальзак: на пути к Шекспиру (по материалам родовой библиотеки писателя). Статья вторая	16
Гнюсова И.Ф. «Некрещеный поп» и «Булгамптонский vicar»: отзвуки романа Э. Троллопа в повести Н.С. Лескова	24
Зусева-Озкан В.Б. Маскулинность и фемининность в литературе русского модернизма: случаи Блока и Цветаевой	30
Киселев В.С., Лебедева О.Б. Письма к В.А. Жуковскому как феномен русской культуры и эдиционная проблема	35
Колмогорова А.В., Калинин А.А., Маликова А.В. Типология и комбинаторика вербальных маркеров различных эмоциональных тональностей в интернет-текстах на русском языке	48
Крапивкина О.А. О роли фактора адресата в судебной коммуникации	59
Майборода С.В. Коммуникативные стратегии и тактики в речевой партии врача в диалоге о самолечении	65
Соколова Т.С., Старикова Г.Н. Метафорический термин <i>гнездо</i> и его производные в русистике	75

ФИЛОСОФИЯ

Мелик-Гайказян И.В., Первущина Н.А., Смышляева Л.Г. Исследовательская программа педагогической биоэтики в условиях неопределенности социальных сценариев	83
Миронов В.А. Научное и образовательное измерение геологии: к вопросу о проблеме неоднозначности понятия «геология»	91
Широкова М.А. Философия славянофилов как начало «религиозно-философского ренессанса» в России первой половины XIX в.	96

ИСТОРИЯ

Борисов Д.А., Сафаров А.М. ИГИЛ в Центральной Азии: ближневосточные аналогии и региональная специфика	101
Бугров К.Д., Запарий В.В. Танкостроение в контексте военно-хозяйственной стратегии СССР 1930-х гг.	108
Каменская Е.В. Советско-китайский конфликт во второй половине 1960-х гг. в зеркале советской сатиры	119
Огнев Д.А., Шевцов В.В. Диссертационные советы по историческим наукам К 063.53.18 и К 212.267.01 при Томском государственном университете: к 20-летию диссертационного совета по специальностям 07.00.07 – этнография, этнология и антропология, 07.00.10 – история науки и техники и 25-летию научно-учебной исследовательской лаборатории «Сибирь: исторические традиции и современность»	129
Павлюкевич Р.В. Развитие рыбной промышленности Красноярского экономического района в 1957–1964 гг.	136
Плотников Д.Ю. Теория военного искусства и Кавказская кампания 1855 г.: генерал от инфантерии Н.Н. Муравьев как последователь А.-А. Жомини	142

CONTENTS

PHILOLOGY

Ayzikova I.A. Vasily Zhukovsky as an Ideologist and Practitioner of Education and Bringing-Up of Grand Prince Alexander Nikolaevich (Based on the Letters to Karl Merder)	5
Volkov I.O., Zhilyakova E.M. I.S. Turgenev and H. de Balzac: On the Way to Shakespeare (On the Materials of the Writer's Family Library). Article Two	16
Gnyusova I.F. <i>The Unbaptized Pope</i> and <i>The Vicar of Bullhampton</i> : A response to Anthony Trollope's Novel in Nikolay Leskov's Story	24
Zuseva-Özkan V.B. Masculinity and Femininity in the Literature of Russian Modernism: Cases of Blok and Tsvetaeva	30
Kiselev V.S., Lebedeva O.B. Letters to Vasily Zhukovsky as a Phenomenon of Russian Culture and an Editorial Problem	35
Kolmogorova A.V., Kalinin A.A., Malikova A.V. The Types and Combinatorics of Verbal Markers of Different Emotional Tonalities in Russian-Language Internet Texts	48
Krapivkina O.A. On the Addressee as a Key Category of Courtroom Discourse	59
Mayboroda S.V. Communicative Strategies and Tactics in the Doctor's Speech in Dialogues About Self-Treatment	65
Sokolova T.S., Starikova G.N. The Metaphorical Term <i>Gnezdo</i> and Its Derivatives in Russian	75

PHILOSOPHY

Melik-Gaykazyan I.V., Pervushina N.A., Smyshlyayeva L.G. The Research Program of Pedagogical Bioethics in the Conditions of Uncertainty of Social Scenarios	83
Mironov V.A. A Scientific and Educational Dimension of Geology: On the Problem of the Ambiguity of the Term "Geology"	91
Shirokova M.A. The Philosophy of the Slavophiles as the Beginning of the "Religious-Philosophical Renaissance" in Russia in the First Half of the 19th Century	96

HISTORY

Borisov D.A., Safarov A.M. ISIS in Central Asia: Middle East Analogies and Regional Features	101
Bugrov K.D., Zapariy V.V. Tank Production in the Context of the USSR Military-Economic Strategy in the 1930s	108
Kamenskaya E.V. The Soviet-Chinese Conflict in the Second Half of the 1960s Through the Mirror of Soviet Satire	119
Ognev D.A., Shevtsov V.V. Dissertation Councils on Historical Sciences K 063.53.18 and K 212.267.01 at Tomsk State University: To the 20th Anniversary of the Dissertation Council for Specialties 07.00.07 – Ethnography, Ethnology and Anthropology and 07.00.10 – History of Science and Technology and to the 25th anniversary of the Research and Training Laboratory "Siberia: Historical Traditions and Modernity"	129
Pavlyukevich R.V. The Development of Fish Industry in Krasnoyarsk Economic District in 1957–1964	136
Plotnikov D.Yu. The Theory of Military Art and the Campaign of 1855 in the Caucasus: General of Infantry N.N. Muravyov as an Adherent of Jomini	142

Сорокин А.Н., Латышев А.С., Грибовский М.В. К истории развития и перспективам эффективной кадровой политики современного конкурентоспособного университета в России	150	Sorokin A.N., Latyshev A.S., Gribovskiy M.V. The History of the Development and the Prospects of an Effective Personnel Policy of a Modern Competitive University in Russia	150
Трофимович В.В., Сухих А.Ю., Трофимович Л.В. Идеологическое противостояние советских партизан и украинских повстанцев на Волыни в 1942–1944 гг.	160	Trofymovych V.V., Sukhykh A.Yu., Trofymovych L.V. The Ideological Confrontation of Soviet Guerrillas and Ukrainian Rebels in Volhynia in 1942–1944	160
Туров С.В. К вопросу об экологических аспектах оленеводства коми-ижемцев Северного Зауралья (XIX – первая треть XX в.)	172	Turov S.V. Environmental Aspects of Reindeer Husbandry of the Izhma Komi of Northern Trans-Urals (The 19th – the First Third of the 20th Centuries)	172
Фоминых С.Ф., Степнов А.О. Между сциллой послушания и харибдой независимости: конфликт профессоров Императорского Томского университета П.М. Богаевского и Н.Я. Новомбергского осенью–зимой 1911–1912 гг.	179	Fominykh S.F., Stepnov A.O. Between the Scylla of Obedience and the Charybdis of Independence: The Conflict of Professors of the Imperial Tomsk University P.M. Bogaevsky and N.Ya. Novombergsky During the Autumn–Winter of 1911–1912	179

ПЕДАГОГИКА

Акинина М.Д., Сухоставская К.В., Колпашникова В.С. Занятия каратэ как средство двигательной и психомоторной подготовки детей дошкольного возраста	187	Akinina M.D., Sukhostavskaya K.V., Kolpashnikova V.S. Karate Classes as a Means of Motor and Psychomotor Training for Preschool Children	187
Сунгурова Н.Л., Пеич И. Культурный интеллект и стратегии когнитивной регуляции эмоций как предикторы социокультурной адаптации иностранных студентов в процессе обучения в международном вузе	193	Sungurova N.L., Pejic I. Cultural Intelligence and Strategies of Cognitive Regulation of Emotions as Factors of Foreign Students' Sociocultural Adaptation While Studying in an International University	193

ПРАВО

Александров А.С., Андреева О.И., Зайцев О.А. О перспективах развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровизации	199	Alexandrov A.S., Andreeva O.I., Zaytsev O.A. On Development Prospects of the Russian Criminal Proceeding in the Context of Digitalization	199
Залесны Я., Остапович И.Ю., Шиманек Я. Конституционное правосудие в президентской и полупрезидентской формах государственного правления: размышления в области права и устройства государства	208	Zalésny J., Ostapovich I.Yu., Szymanek J. Constitutional Justice in Presidential and Semi-Presidential Forms of Government: Reflections on the Law and Structure of the State	208
Имекова М.П. Экологические инновации как инструмент устойчивого развития России	219	Imekova M.P. Ecological Innovations as a Tool for Russia's Sustainable Development	219
Исаева А.А. Пределы свободы совести в практике Европейского суда по правам человека и Конституционного суда Российской Федерации	226	Isaeva A.A. The Limits of Freedom of Conscience in the Practice of the European Court of Human Rights and the Constitutional Court of the Russian Federation	226
Кожевина М.А. Николай Андрианович Неклюдов в истории отечественной криминологии	232	Kozhevina M.A. Nikolai Andrianovich Neklyudov in the History of National Criminology	232
Плохова В.И. Детализация критериев правомерного ограничения прав человека в уголовной сфере	239	Plokhova V.I. On Specifying the Criteria of Lawful Restriction of Human Rights in the Criminal Sphere	239
Россинский Б.В., Россинский С.Б. Уголовно-процессуальные акты как формы государственного управления	246	Rossinskiy B.V., Rossinskiy S.B. Criminal Procedure Acts as Forms of Public Administration	246

LAW

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	255	INFORMATION ABOUT THE AUTHORS IN RUSSIAN	255
--	-----	---	-----

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 821.161.1

И.А. Айзикова

В.А. ЖУКОВСКИЙ – ИДЕОЛОГ И ПРАКТИК ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА (НА МАТЕРИАЛЕ ПИСЕМ К К.К. МЁРДЕРУ)

*Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований
в рамках научного проекта № 18-012-00113.*

На материале, в том числе архивном, писем В.А. Жуковского 1826–1833 гг. к коллеге и соратнику по воспитанию великого князя Александра Николаевича Карлу Карловичу Мёрдеру рассматривается вопрос об институциональной значимости педагогической деятельности первого русского поэта-романтика, его стратегий поведения в этой сфере, обретших статус институциональной нормы и сложившихся в традицию. Обосновывается методологическое, историко-литературное и историко-культурное значение такого рода исследований.

Ключевые слова: В.А. Жуковский; К.К. Мёрдер; великий князь Александр Николаевич; педагогическая деятельность поэта-романтика.

Педагогическая деятельность В.А. Жуковского привлекала внимание ученых с конца XIX в. Одним из первых к этой проблеме обратился П. Загарин [1]. Специальный труд посвятил Жуковскому – наставнику великого князя Александра Николаевича О.Ф. Миллер [2]. Далее последовали работы А.И. Кирпичникова [3], А.В. Красногородцева [4], Н.П. Степанова [5], священник Д. Ромашкова [6] и др., построенные на материале опубликованных фрагментов планов обучения наследника престола и некоторых конспектов Жуковского. После долгого, длиной почти в столетие, перерыва, возникшего в изучении данной темы по понятным причинам, к ней вновь обратились на рубеже XX–XXI вв. такие исследователи, как С.О. Шмидт [7, 8], П.М. Симиновский, Б.К. Тебиев [9]. Новый источниковедческий материал, связанный с придворно-педагогической деятельностью первого русского поэта-романтика, начал активно вводиться в научный оборот в 2000–2010-е гг. усилиями Л.Н. Киселевой [10], Д. Ребеккини [11–13], Э.М. Жиликовой, В.С. Киселева [14], Т. Гузаирова [15], Е.Э. Ляминой, Н.В. Самовер [16], священник Д. Долгушина [17–19], И.А. Айзиковой [20–23]¹. В этих работах была использована и новая методология в анализе педагогической практики Жуковского при дворе².

Однако исследования институциональной значимости педагогической деятельности Жуковского, его стратегий поведения в этой сфере, обретших статус институциональной нормы и сложившихся в педагогическую традицию, отсутствуют. Между тем такие исследования имели бы методологическое, историко-литературное и историко-культурное значение. Обратимся к этим проблемам на материале (в том числе архивном) писем Жуковского 1826–1833 гг. к генерал-майору, генерал-адъютанту, воспитателю Александра II Карлу Карловичу Мёрдеру.

По свидетельству современников, Мёрдер был «прирожденным педагогом, тактичным и внимательным. Правил его работы было развить хорошие черты ребенка и сделать из него честного человека»

(из воспоминаний великой княжны Ольги Николаевны) [31]. Великий князь Александр Николаевич был искренне привязан к своему наставнику. П.Е. Подделкова в своей работе приводит фрагмент дневниковой записи Мёрдера, сделанной им во время болезни в сентябре 1832 г.: «Нездоровье мое послужило новым доказательством привязанности великого князя ко мне. Видя меня слабым и страдающим, он заливался слезами, и только силой могли отвести его от моей постели. <...> Мне сделалось дурно, великий князь был неутешен. <...> Его высочество навещал меня ежедневно по нескольку раз в день и осыпал меня всевозможными ласками <...>» (цит. по: [32])³. Письма Жуковского к Мёрдеру и другим лицам свидетельствуют о его высочайшем уважении и дружеских чувствах к соратнику и коллеге по воспитанию цесаревича.

В письме к императрице Александре Федоровне от 1 (13) июля 1826 г. Жуковский писал о Мёрдере:

Прежде всего скажу, что я бесконечно уважаю его за чистоту нравственных свойств; я убежден, что он принесет в будущем бесконечное благо своему воспитаннику; он уже во многом развил его чувства; он с полнейшим бескорытием любит его; он внушил любовь к себе, и дитя слушается его из привязанности, без всякого стеснения его воли, которую следует лишь направлять, не подавляя ее. Мёрдеру хорошо знаком детский мир; он сам отец; он уже руководил чужими детьми; у него твердый характер и, что весьма важно, безукоризненно ровный характер, что позволяет ему выполнять свой долг с постоянством и всегда так, чтобы это не было ни утомительно для него, ни тягостно для его воспитанника. Такой человек драгоценен, и мы весьма счастливы, что им обладаем [34].

В письме к ней же от 8 июля 1828 г. читаем о Мёрдере:

...я совершенно счастлив моим товариществом с моим почтенным, редким Мёрдером. Мы идем с ним к святой нашей цели рука в руку; еще не было между нами ни в чем разногласия. Его твердый характер и

прекрасное сердце дают всему ход спокойный и постоянный [35. С. 374].

Узнав о болезни Мёрдера, Жуковский писал А.И. Тургеневу 15/27 января 1833 г.:

Мёрдера заменить будет не можно; хотя он и не имеет образования европейского, но своим характером и твердым, здравым умом принес уже весьма много пользы великому князю. Такие люди, как он, сокровище при детях царских: благодаря ему (и мне) великий князь не потеряет уважения к людям [36. С. 270].

7 мая 1834 г. в «Северной пчеле» [37] без заглавия, в рубрике «Внутренние известия» была опубликована статья Жуковского, впоследствии названная издателями «Воспоминания о К. К. Мёрдере» [38]. Отчасти выполнявшая функцию некролога, она написана в русле романтической философии воспоминания Жуковского («Не говори с тоской: *их нет*; / Но с благодарностию: *были*»). В конце статьи Жуковский описывает картину смерти Мёрдера и раскрывающую ее подтекст сцену «первой присяги на жизнь земную» наследника русского престола, ученика К.К. Мёрдера [39. С. 329].

Возвращаясь к поставленной в данной статье проблеме, считаем необходимым дать еще одну справку, касающуюся общих характеристик состояния русского общественного сознания второй половины 1820–1830-х гг., времени переписки Жуковского с Мёрдером. Разгром восстания декабристов и их идеологии в 1825 г. поставил точку в развитии целого ряда идейных течений преддекабристской поры, а вместе с ними и их периодических изданий, служивших платформой для печатного обсуждения идеологических и социально-политических проблем времени. Движение западников и славянофилов только-только начинает формироваться в 1830-е гг. В этой классической ситуации, точно определенной Ю.М. Лотманом как «уже не – еще не», основным носителем преобразований в России выступило государство. А. Мартин, рассуждая об идеологии в России в эпоху «Священного союза», утверждает, что граждане Российской империи могли участвовать в управлении государством, только находясь на «чиновной, военной или придворной службе, но в этой среде приходилось действовать в идейных рамках существующей системы, не обсуждая идеологические или даже государственные вопросы принципиального характера». Вместе с тем, по мнению ученого, эти вопросы могли подниматься «через литературу или журналистику, но там обсуждались – уже хотя бы по одним цензурным соображениям – главным образом отвлеченные, теоретические, далекие от злободневной политики темы» [40. С. 87–88]. Соглашаясь с данной мыслью, добавим, что попытки влиять на историю страны предпринимались и в области педагогики.

При отсутствии сформированных институциональных каналов коммуникации культуры и государства писатели, журналисты, нередко бравшие на себя обязанность педагогов, пытались получить доступ к опосредованному сообщению с властью, стремились «вписаться» в ее систему, войти в число ее доверенных лиц, наставников и руководителей. Конечно, деятельность представителей культуры, обратившихся к

области образования и воспитания, в таком контексте сводилась к высказыванию власти личного мнения, личных идей и предложений, к личным практикам, направленным на их реализацию. Но это способствовало в первую очередь расширению сферы социальной влияния культуры, литературы, а также сферы публичного в обстоятельствах автократии.

В свете сказанного особое значение приобретает изучение взглядов и стратегии В.А. Жуковского педагога, воспитателя наследника русского престола. Являясь одной из ключевых фигур русской литературы 1820-х – начала 1830-х гг., поэт явно претендует на роль идеолога и организатора, способного решать важнейшие проблемы русского общества постдекабристской поры, выстраивая определенным образом свою деятельность в разных сферах, в том числе в области придворной педагогики.

Реконструируем позицию Жуковского, поэта-педагога, на материале его писем к Мёрдеру, имея в виду высокую степень доверительности эпистолярных высказываний писателя, обращенных к единомышленнику в деле воспитания великого князя Александра Николаевича, будущего императора России. Прежде всего, отметим переходящую из письма в письмо мысль Жуковского о педагогической деятельности при дворе как исполнении высочайшего долга перед настоящим и будущим России, а также перед вечностью, перед Богом, что и укрепляет их союз с Мёрдером. Так, в письме от 1 (13) октября 1826 г. Жуковский квалифицирует занятия с наследником престола как «святое дело». Письмо завершается следующим образом:

В эту минуту я чувствую себя истинно счастливым: имею цель высокую, думаю об одном, занимаюсь одним, и впереди драгоценная сердцу деятельность. Чего более для жизни и каких благ еще можно искать в ней? Настоящей судьбы своей не променяю ни на какую другую. Я люблю сердцем свою должность! Люблю сердцем тех, к кому она меня привлекает. Ум в работе, чувство удовлетворено. Понимать ее и твердым шагом к ней стремиться – в этом вся жизнь! Могу ли чего еще желать? Одного благословения свыше! Да пошлет его Отец небесный [41. С. 328].

В письме от 19 (31) августа 1826 г. из Францбруна, куда Жуковский уехал лечиться, читаем:

Место, которое мы друг подле друга занимаем в этой жизни, должно утверждать и усовершенствовать нашу дружбу. Мы рука в руку идем к той цели, которая одна уже может составить высокое счастье для души высокой: быть верными товарищами на нашей святой дороге есть быть друзьями. Идти по ней нельзя без жаркого энтузиазма к добру, к пользе, ко всему, что есть прямо драгоценного в здешнем мире. <...> За Вас, как и за себя поручусь, что личная выгода никогда не замешается в нашу деятельность, что Вы действуете без самолюбия, без корысти и что всегда готовы пожертвовать собственным для успеха своего дела. Уверенность, что мы так действуем, и неутомимость в исполнении своего долга составляет для Вас, как и для меня, примерную награду нашу и в то же время нашу независимость от всего случайного. Это наше неотъемле-

мое. Успех принадлежит не нам; он во власти Провидения. Ему и предоставляем его. Да благословит Оно истинность нашего рвения [41. С. 321].

Или в письме от 10 января 1827 г.:

Слово «счастье России» великое слово. Оно для нас с Вами особенно представляет главную цель наших мыслей и нашей деятельности: надобно, чтобы душа нашего великого князя получила всю способность, которой суть вложила в нее природа, для постижения всего великого смысла этого слова. Поневоле возьмет страх, когда подумаешь о необходимой обязанности, которая теперь лежит на нас. Поистине может успокоивать нас только мысль, что мы истинно, бескорыстно будем стремиться к этой цели, забыв все собственное, уничтожив самое самолюбие с готовностью на великое пожертвование [Там же. С. 328].

В письме от 11–23 января 1833 г. Жуковский весьма показательно описывает результат своих с Мёрдером трудов:

Вы уже и теперь можете смело стать на суд перед людьми и перед Богом; никакое место, конечно, не было столь совестно, столь чисто занято, как Ваше Вами; все то, что Вы могли сделать с совершенным забвением самого себя, сделано; а что сделано, то весьма много: наш великий князь сохранил младенческую чистоту души своей; он испытал в Вашем лице благодетельное действие бескорыстной любви и научился платить любовью за любовь; с колыбели своей видел он подле себя человека, который может всему предпочитать долг, далек от расчетов корысти, непреклонен, когда дело идет о святыне чести и справедливости: он привык уважать людей в лице того, кто их перед ним представляет. В этом случае и себя присоединяю к Вам, ибо имею право думать, что и ко мне имеет он это, столь нужное душе его, уважение [42. Л. 50] (тексты писем из РО ИРЛИ подготовлены В.С. Киселевым. – И.А.).

Деятельность Мёрдера в области воспитания наследника престола получает из уст Жуковского не просто очень высокую оценку, она сакрализуется, ей придаются высшие смыслы, она оценивается возможностью предстать перед Судом Бога (собственно здесь дается и самопрезентация Жуковским своего вклада в «святое дело» воспитания будущего монарха России, что, как известно, весьма характерно для концепции жизнестроительства поэта).

К.К. Мёрдер был полностью солидарен с Жуковским в понимании высокого предназначения своей педагогической миссии при дворе. П.Е. Подделкова приводит фрагмент письма Мёрдера к жене, который, услышав от Николая I, что он спокоен за своего сына, так как великий князь Александр Николаевич находится в надежных руках, писал ей: «Вот, мой друг награда, которую ни за что в мире не променяю. Если даст Бог услышать через 10 лет от государя: «Сын мой был в хороших руках, он человек, какого я желал в нем видеть», – тогда счастливее меня не будет человека. Государь дал мне то, что для меня и целой России есть драгоценнейшего – сына, наследника престола. Да поможет мне Бог исполнить мое великое дело и я

покойно сойду с вышины, куда непостижимая десница возвела меня» (цит. по: [32]).

Любопытно отметить, как в связи с этим трактуется часто поднимаемая в письмах тема здоровья Жуковского и Мёрдера, неизменно переплетаемая с темой «святого дела» и выполнения высокого долга. Так, рассуждая о необходимости продолжить свое лечение за границей, что потребовало оставить занятия с великим князем, Жуковский пишет Мёрдеру 19/31 августа 1826 г.:

...мне велят непременно возвратиться будущую весною в Эмс и решительно запрещают ехать на зиму в Петербург. Сначала я не мог и вообразить себе этого возможным, но теперь вижу, что это неизбежно. Я должен вернуть здоровье, без него я ни на что не буду годиться. Что если возвращусь на старое? Не отниму ли у себя всю возможность (и навсегда) действовать так, как должно. Почитаю великим счастьем, что беда случилась со мною в начале моей работы. Теперь еще мне можно отлучиться! Но что если бы я был на половине своей дороги? И что если возвращусь не долечившись и снова впаду в мое несчастное бессилие? Тогда надобно будет от всего отказаться и сказать навсегда прости счастью [41. С. 323].

И ниже:

...несчастливая необходимость велит мне остаться, я должен для пользы нашего дела выгнать из себя болезнь, иначе возвращусь только для того, чтобы снова впасть в нее и сделаться неспособным продолжать начатое. А это одно и ужасает меня. Жалею не жизни, а того, что теперь составляет главную ее цель [Там же. С. 325].

Или в письме, написанном не позднее 20 января 1833 г.:

...то, о чем я теперь хлопотать обязан, это здоровье, эта жизнь, принадлежит великому князю; не имею права отдать их на произвол случая: я должен исполнить все, что мне предписывает необходимость, дабы избежать нареkania совести [42. Л. 56].

Письма Жуковского к Мёрдеру 1832–1833 гг. во многом посвящены теме здоровья последнего. Оно беспокоит поэта не только как друга Мёрдера, но и в связи с достижением ими высокой цели: «Уведомьте меня хорошенько о ходе Вашего здоровья: признаюсь, известие о Вашей болезни меня жестоко испугало; Вы мне дороги по всем важнейшим отношениям жизни; сохрани Вас Бог и для нашего общего святого долга, и собственно для меня, который привязан к Вам неизменною дружбою», – пишет он в письме от 5/17 ноября 1832 г. [42. Л. 47 об.]. В письме от 11–23 января 1833 г. вновь читаем:

Письмо Ваше огорчило меня весьма описанием Вашей болезни. Мое сердце болит Вашим. Сохрани Вас Бог, мой милый друг; говоря это, я эгоист. Мне Вы необходимо надобны, сколько для моей к Вам нежной дружбы, столько и для успеха нашего общего дела [Там же. Л. 50].

Получив письмо от Жилля «с печальным известием» о здоровье Мёрдера, Жуковский вновь пишет Мёрдеру в начале февраля 1833 г.:

Грущу об Вас, мой бесценный Карл Карлович, не потому единственно, что мне жаль великого князя, что польза его для меня выше всего, но и потому еще, что Вы для меня Вы; мне Вы дороги как друг, с которым я в главном деле жизни живу заодно, которого мне легко и сладко любить, который знает меня и любит. Мне жаль в Вас собственной моей драгоценности. Между тем, несказанно меня тревожит и нарушение установленного нами порядка во всем, что касается до великого князя: он необходимо должен произойти от Вашего удаления. Назначив на место себя Кавелина, Вы как будто знали и мою мысль: благородный характер Кавелина должен Вас успокоить. Но из Жиллева письма вижу, что Кавелин не беспрестанно с великим князем, что он только в некоторые часы с ним бывает. Какое же будет средство иметь он, чтобы узнать в<еликого> к<нязя>? чтобы его с собою сблизить и самому с ним сблизиться? чтобы приобрести его доверенность и овладеть его уважением и покорностью, одним словом, чтобы дойти до того, чтобы в<еликий> к<нязь> хотя отчасти имел к нему то чувство, какое он имеет к Вам, отчего произошло для него столько нравственного добра? А это главное [42. Л. 57].

Важно при этом отметить не только горячее желание Жуковского изменений в России, во имя чего он, писатель, определявший лицо русской литературы, решил заняться воспитанием будущего монарха России, но его искреннюю надежду на то, что эти изменения произойдут не революционным путем, а мирными преобразованиями, происходящими по инициативе и при поддержке государя. Неслучайно, в письмах к Мёрдеру лейтмотивом проходит мысль о желании государя преобразовать Россию и плодотворном сотрудничестве поэта и власти в деле воспитания будущего российского монарха. 10 января 1827 г. он пишет Мёрдеру:

Другой источник успокоения и поощритель в деятельности есть мысль о государе. Черта его, которую Вы мне сообщаете, порадовала меня; можно действовать, когда отец государь так доступен и верит тем, на кого возложил такую святую должность. Он не потребует от нас, чтобы мы когда-нибудь действовали вопреки своему убеждению. Без полной, святой свободы нет возможности действовать полезно. Государь это знает, он видит в нас людей, которых главная цель не быть угодниками; а просто действовать для добра и пользы, без всяких посторонних видов. Я уже знаю на опыте, с какою свободой можно сообщать ему свои мнения и как он доступен всему, что сказано прямо и от сердца. Это открытие сделал я с тех пор, как он на троне. Мы можем свободно идти к своей цели: в нем найдем постоянного помощника [41. С. 329].

5/17–10/22 ноября 1832 г., в связи с рождением великого князя Михаила Николаевича Жуковский писал Мёрдеру:

На русском троне расцветет свежее племя, которое, как сочное, ветвистое дерево, приготовит приют для потомства, устоит противу бурь, и под

тенью его будут мирно благоденствовать дети детей наших [42. Л. 44]).

Как показывают письма, Жуковский последовательно согласовывает свои с Мёрдером действия с государем и государыней, о чем он постоянно информирует коллегу. Укажем, прежде всего, на письмо императору Николаю I от сентября 1827 г., как известно, представляющее собой «Проект плана учения» великого князя Александра Николаевича, в котором, как отмечает В.С. Киселев, концептивно изложены «основные пункты “Плана учения...”» [39. С. 669]. В письме Жуковский представляет государю на согласование время начала своих лекций, порядок контроля за работой преподавателей, состав изучаемых дисциплин, последовательность занятий. По поводу того, «что нужно будет сделать для статистики и изучения прав», Жуковский намерен подать Николаю I «особенную записку» [Там же. С. 101, 669]. На утверждение Николаю I подавалась и рукопись «Плана учения...» (см. об этом подробнее: [Там же. С. 671–680]). Примеры можно продолжать. Отметим при этом, что Жуковский постоянно извещает Мёрдера о проведенном согласовании их действий с императором.

В письме императрице Александре Федоровне от 15/27 июня 1826 г. он обсуждает с ней важность религиозного воспитания великого князя и выбора «духовного лица», которое будет заниматься этим: «Нам нужен человек, который мог бы вполне разделять наш план. Религия не отдельная наука, которую изучают, как, например, математику; она не может быть рассматриваема только, как предмет *обучения*; она скорее служит *средством воспитания*, она должна входить во все, должна сливаться со всеми чувствами, со всеми мыслями, чтобы стать *жизненным правилом*, иначе влияние ее будет очень ничтожно. Все зависит от выбора учителя» [43. С. 17]. В письме от 18 (30) августа 1826 г., содержание которого Жуковский просил передать и императору, он хлопочет о высочайшем позволении остаться в Германии еще на год, в связи с чем представляет государыне ход «подготовительных работ», которыми он планировал заняться во время своего «пребывания, в качестве выздоравливающего, в Германии...: надо составить записки по истории, исторические картины и карты и генеалогические таблицы. Эта работа, сообразно с моим планом, должна обнять и соединить много различных предметов, потребует больших чтений и особенно много механического труда. Я надеюсь окончить все, что относится к древней истории, в продолжение тех месяцев, которые будут употреблены мною на отдых, а не на лечение. Покончив с этим, я посвящу свободные месяцы всему остальному, что имеет отношение к первому периоду обучения Его Высочества. Эта выгода неочевидна. В то же время, имея здесь под руками все, что необходимо для обучения, я мог бы составить полную коллекцию книг, карт, планов, гравюр и т.д.». Далее поэт описывает свои предложения об организации обучения великого князя в его отсутствие. «На все это я считаю своей обязанностью обратить внимание Вашего Императорского Величества. <...> я думаю, что исполняю долг совести, сообщая Вам по-

дробно мои соображения. Сблагovolите, всемилостивейшая Государыня, почтить их своим вниманием; сблагovolите сообщить их Государю Императору. Я буду ждать в Дрездене Его Высочайшего решения, чтобы сообразоваться с ним без всякого промедления. <...> Осмеливаюсь просить Вас, всемилостивейшая Государыня, сообщить мне приказания Его Величества без промедления, дабы, если он найдет более удобным мое возвращение в Петербург, я мог немедленно отправиться в путь и прибыть к назначенному сроку на свой пост. <...> повторяю здесь свою покорнейшую просьбу, которую уже повергал к стопам Вашего Императорского Величества...: чтобы до моего приезда ничто не было *ни изменено, ни увеличено, ни сокращено* в занятиях Его Высочества. Надо строго держаться раз принятого плана; всякая перемена повредит успехам в занятиях» [43. С. 40–41, 42, 43]. Об этих согласованиях поэт также извещает Мёрдера.

Установка Жуковского на глубоко продуманную системность образования и воспитания великого князя – черта, безусловно, характеризующая отношение Жуковского к «святому делу», разделяемое и Мёрдером, с которым обсуждаются цели и задачи других учителей наследника⁴ и которого он постоянно просит в свое отсутствие держать под контролем все, что касается обучения будущего российского императора. Больше всего Жуковский беспокоится о строгом следовании в занятиях составленному и согласованному с императором и императрицей плану, о том, чтобы в его отсутствие «не было никакой перемены в методе», чтобы «не было никакой перемены в плане, чтобы наблюдалось в точности все то, что было прежде принято нами вообще за правило. Это значит, чтобы в занятии великого князя не введено было ничего нового, постороннего, а именно то, что назначено в нашем плане и совершенно в том порядке» [41. С. 324]. Единственное, что он допускает, так это передача часов, положенных на его занятия, для занятий английским языком, ибо, в его представлении, «успехи в языках» – это основа образования: «вообще, надобно стараться, чтобы в это время великий князь поболее сделал успехов в языках. Это чрезвычайно облегчит наши будущие работы» [Там же. С. 324–325].

Не менее важным, чем планирование, Жуковскому представляется выбор учителей наследника престола. И это он также берет под личный контроль, позволяя себе обращаться напрямую к императрице с просьбой отложить выбор учителя до его возвращения, как это было в случае с учителем Закона Божьего (об этом поэт писал Александре Федоровне в письме от 15 (27) июня 1826 г.). Позднее, понимая, что отложить это дело невозможно, поскольку ему предстоит долгое лечение за границей, Жуковский обсуждает кандидатуру учителя с Мёрдером. В письме к нему от 1 (13) октября 1826 г. он рассказывает, что уже говорил об этом с императором и даже предложил ему свою кандидатуру, отклонив выдвинутую Николаем I:

Теперь надобно сделать этот важный выбор без меня. Государь император изволил мне лично говорить об отце Петре, том священнике, который в последнее время был употреблен в крепости и так много

и благотельно действовал⁵. Он человек достойный по твердому характеру, по уму и по сердцу. Но этого мало: нужно иметь при характере и большие сведенья по богословию. С этой стороны предпочтительнее отец Герасим Павский⁶. Он учился в Невской академии, где удостоен степени доктора богословия; был прежде 3-м священником в Казанском соборе; теперь священником в какой-то церкви на Васильевском острове. Он прекрасный, почтенный человек, весьма учен и может хорошо учить. Не думаю, чтобы между нашими священниками можно было бы найти другого, более знающего. Характер его беспорочный. Постарайтесь с ним познакомиться лично, поговорить о плане и попросите его написать ко мне с изложением этого плана [41. С. 325].

В этом же письме Жуковский представляет Мёрдеру учителя английского языка Альфрея (Альфри), с которым он тоже уже лично беседовал, и который ему представляется «человеком достойным». Полагаясь на рекомендации людей, которым он доверяет⁷, Жуковский в первую очередь желает увидеть в претенденте на высокую должность его способность быть «не простым учителем догматов», а «действовать на характер... питомца», влиять на его душу и нравственность, делать их источником его деятельности.

Организуя лично воспитание и обучение будущего императора России, Жуковский берет на себя и формирование фонда учебно-методических материалов и составление библиотеки наследника, также активно обсуждая это с Мёрдером в письмах и согласуя все свои действия в этих областях с государем и государыней (напр., в письмах к императрице Александре Федоровне от 2/14 октября 1826 г. и 5/17 октября 1826 г.). Поэт уверен, что для реализации учебного плана понадобится очень многое: «книги, гравюры, карты, образцы для рисования и проч.» [41. С. 326]. Что же касается библиотеки, то Жуковский считает, что великому князю «нужно иметь свою особенную библиотеку, составленную из лучших книг (сообразно с планом его учения), из таких книг, которые должно будет читать и перечитывать, дабы чтением дополнять учение в классах. Правда, теперь ему еще читать нельзя и не должно; но чем далее вперед, тем нужнее книги. Надобно их иметь наготове (теперь более для нас, а со временем и для него)». В личной библиотеке наследника, по убеждению Жуковского, должны быть и изоиздания, прежде всего, собрания гравюр – «видов известных мест, древних и новых зданий, антиков, портреты, исторические гравюры и проч. и проч., весьма нужные для дополнения преподаваемого в уроках, они удивительно врезают в память преподаваемое, если ими пользоваться методически и их показывать не вдруг, а по мере того, как учение будет делать их интересными; но их именно поэтому должно иметь под рукою» [Там же]. Как известно, именно Жуковский, полагаясь на свой опыт собирания книг и живописи, сформировал библиотечный фонд наследника престола и его живописные собрания, ныне хранящиеся в Эрмитаже. Подчеркнем лишь, что и этот вид деятельности Жуковский согласовывал с государем: «Прошу Вас представить об этом важном предмете государю императору»,

пишет он Мёрдеру в этом же письме, при этом уже рассчитав сумму, которая понадобится на покупку книг [41].

Мотивируя свое активное участие в формировании круга чтения великого князя «на всю жизнь» («Он будет иметь тогда все главные книги во всех родах», уточняет поэт), Жуковский, конечно, пишет о финансовых выгодах, которые могут быть получены при покупке книг за границей. Но главное для него – это возможность все выбрать самому и «вдруг все, что нужно на время учения» [Там же. С. 327]. Под этим «все, что нужно» подразумеваются книги европейских авторов: немецких, французских, английских. Беря формирование личной библиотеки великого князя полностью на себя, Жуковский уверен, что знает, «что великому князю нужно теперь и что будет нужно после», и потому «может составить полную избранную библиотеку как учебных (книг), так и для чтения» [Там же]. Он считает необходимым посоветоваться в этом деле «с знающими людьми» лишь «об некоторых предметах, например, книгах военных» [Там же]. Жуковский просит Мёрдера, чтобы Жиль, Шамбо и Альфри тоже составили списки книг, которые «особенно могут быть нужны» для преподавания их предметов. «Пуškai и Зауервейд⁸ пришлет реестр того, что может быть годным по его особенной части. Остальное предоставляю на мой выбор: ненужного ничего не будет» [Там же]. Формируя личную библиотеку цесаревича, Жуковский не намерен ориентироваться на запреты цензуры: «само по себе разумеется, что в числе книг будут и такие, которые стоят в запретительном реестре цензуры; это до нас касаться не должно» [Там же. С. 329]. Мёрдера Жуковский просит «наперед устроить, чтобы книги и все, что послано будет, не было ни остановлено, ни осматриваемо в таможне и цензуре» [Там же].

Особое внимание следует обратить на желание Жуковского снабдить своего воспитанника современными периодическими западными изданиями:

Я считаю необходимым подписаться и на многие политические и литературные журналы, ибо для нас необходимо знать все, что делается в Европе по части наук и что происходит в политическом свете, иначе мы от своего времени отстанем. На получение всех этих журналов надобно иметь высочайшее разрешение. Прошу Вас об этом позаботиться и наперед выхлопотать повеление, чтобы книги, доставляемые на имя государя императора, не были останавливаемы и тронуты в таможне и цензуре [41].

Заодно с организацией составления личной библиотеки великого князя Жуковский предлагает свои услуги в формировании личной библиотеки и великой княжны Марии Николаевны и просит Мёрдера переговорить об этом с ее наставницей Ю.Ф. Барановой.

Усматривая в воспитании, особенно в воспитании будущего российского монарха, один из основных проблемных вопросов времени, связанных с формированием национальной идентичности, Жуковский берет на себя преподавание великому князю таких дисциплин, как древняя история и древняя география. Гото-

ваясь к занятиям заранее, продумывая до мелочей методику обучения, Жуковский, по его словам, испытывает абсолютное счастье, составляемое личной удовлетворенностью делом, которым поэт занимается во имя общего блага:

Работаю теперь над древней историей и древней географией. Постараюсь в течение своей дрезденской жизни кончить и таблицы и исторические карты древней истории, также постараюсь приготовить и к тем урокам, которыми надобно мне будет заняться непосредственно по приезду моем в Петербург. Не могу Вам сказать, как меня все эти занятия – мирные, порядочные, обращенные к одному предмету – делают счастливым, как душа спокойна, довольна настоящим, и весело глядишь на будущее. Теперешнего положения своего не променяю ни на какое в жизни: то, что может быть человеку нужно в жизни, это иметь вполне деятельность! Счастлив тот, кто в своей деятельности видит и свою цель, для кого деятельность не есть только средство, не есть нечто постороннее, только ведущее к чему-то иному, чего надобно достигнуть, чтобы сказать себе: я счастлив. Нет, вне той жизни, в которой я теперь заключен со всеми своими желаниями и мыслями, я ничего не вижу. Лучшее для меня есть то, что имею теперь [41. С. 328].

Крайне важным Жуковский считает религиозное воспитание, имеющее особое значение для будущего русского государя. Выбор кандидатуры на пост учителя Закона Божьего Жуковский подробно обсуждает с императрицей Александрой Федоровной в письме от 15/27 июня 1826 г., в письме от 10 января 1827 г. к К.К. Мёрдеру поэт дает чрезвычайно высокую оценку законоучителю наследника Г.П. Павскому, которого он рекомендовал царю на эту должность:

В исполнении его системы виден человек честный, твердый, христианин в прекрасном смысле этого слова, он будет не простым учителем догматов, он будет действовать на характер нашего питомца, и в этом отношении он будет одним из главных действующих лиц в нашем воспитании. Я рад ему не как товарищу, но более как наставнику, с которым весело будет советоваться. Его религия не в его сане и одежде, а в его правилах, которыми руководствуется земля наша. Религия для всех одна: то же влияние, какое она имеет на скромную жизнь частного человека, должна она иметь и на высокую судьбу государя. Надобно, чтобы она вошла в душу, сделалась источником деятельности, осветила нравственность. Религия, в истинном смысле, друг просвещения, хранительница свободы, страж блага народного и частного. Она одна во все времена; она не противится нуждам времени; она явный враг притеснения, поощритель образования, не боится вести человека вперед, напротив, сама летит вперед, тем светильником просвещения, ибо чем более свету, тем яснее мысли нашего Павского и поблагодарил со слезами на глазах Бога за то, что он приблизил такого человека к душе нашего расцветающего наследника России [41. С. 329].

В заключении своей оценки поэт подчеркивает основополагающую роль связи религии и просвещения, веры и внутренней свободы верующего человека, веры и блага народа.

Наконец, письма поэта к Мёрдеру позволяют поставить еще один вопрос в рамках исследования институциональности педагогической деятельности Жуковского во второй половине 1820-х – начале 1830-х гг. – о формировании им отношения современников к их с Мёрдером деятельности в области воспитания наследника русского престола и к ее влиянию на развитие коммуникации культуры, литературы, в частности, с властью.

Жуковский выступил здесь не только организатором обучения и воспитания великого князя Александра Николаевича⁹, но и мощной консолидирующей силой, собравшей вокруг себя талантливых педагогов, сумевшей объединить их своими идеями, «общим святым делом». Он находится в постоянной переписке с учителем немецкого языка И.П. Шамбо, учителем французского языка и исторической географии Ф.А. Жиллем, законоучителем Г.П. Павским и др., знакомит их с письмами, полученными от участников проекта, передает им друг через друга «крепкие рукопожатия», напоминает о своих оставшихся не отвеченными письмах, планирует их работу, обеспечивает их нужной литературой. Жуковский постоянно подчеркивает свое единомыслие не только с Мёрдером, но и со всеми остальными участниками его проекта. Так, напр., он пишет Мёрдеру о Жилле:

Скажите другу Жиллю, что я буду подробно отвечать на письмо его и сообщу ему свои мысли, хотя, впрочем, не почитаю моего руководства для него необходимым, ибо мы совершенно понимаем друг друга, и он в своем письме выразил слово в слово то, что я сам думаю и думал [41. С. 325].

Примечательно стремление Жуковского вовлечь в «общее дело» как можно больше людей. Он постоянно обращается за помощью в организации учебного процесса наследника престола, в организации помощи его учителям и т.д. Так в письме Мёрдеру от 29 декабря 1826 г. он пишет:

Другая просьба: нам нужно составить минералогический кабинет. Хорошо, когда бы это было сделано прежде моего прибытия. Поручите это г. Шемьоту⁶, к которому я писал, чтобы он к вам адресовался⁷. Нужно будет ему доставить для этого способы; он на этот счет с вами объяснится. Ваше дело, чтобы труд его не остался ему без пользы. Пускай соберет кабинет и держит у себя до моего приезда. Когда возвращусь, приведем в порядок [Там же. С. 331].

А.М. Миклашевскому он поручает передать Мёрдеру каталог книг «по части теологической» для Павского. П.Н. Игнатьева он просит передать деньги, пожалованные по ходатайству Жуковского императором Мёрдеру на лечение, и т.д.

Кроме того, Жуковский организовал вокруг своей педагогической деятельности, направленной на воспитание будущего русского царя, мощное поле обсуждения выдвигаемых и реализуемых им идей, формируя, с определенными ограничениями, конечно, общественное мнение по этому поводу. Поэт активно

делится своими мыслями о воспитании наследника престола, описывает педагогические практики, применяемые в его обучении, в письмах не только непосредственным участникам обучения великого князя, но и своим друзьям, знакомым, среди которых, как известно, было очень много весьма влиятельных лиц.

Итак, на материале писем первого русского поэта-романтика В.А. Жуковского к К.К. Мёрдеру 1826–1833 гг. мы проследили стратегии поведения писателя в области «придворной педагогики», выявили инструменты и функции социальной влиятельности поэта, выступившего в сложнейшую для России постдекабристскую эпоху идеологом и практиком образования и воспитания будущего русского императора Александра II. Он действует в рамках логики просвещенного абсолютизма, беря на себя подготовку для России нового типа властителя, стремясь таким образом повлиять на политику государства не только в отношении культуры, но шире – в отношении комплекса насущных проблем страны, пережившей восстание декабристов и его поражение. При всем социально-историческом утопизме идей Жуковского следует признать, что его действия имели большую силу в формировании настроений современного ему российского общества. Они отражали, прежде всего, устремления интеллектуальной элиты, которая рассматривала себя как важнейшего агента модернизации и европеизации страны и видела свою задачу в усвоении европейского образа жизни, включая его социальные, экономические, мировоззренческие, моральные и эстетические нормы. Желая изменений существующего порядка, но при этом отрицая революционный путь, поэт рассчитывает на постепенные реформы, проводимые по инициативе и при поддержке сверху. Отсюда его стремление войти в круг доверенных лиц власти, которые могут влиять на нее и даже формировать ее лидеров. Одновременно Жуковский стремится развить «росток» общественного мнения по поводу его идеологии, консолидируя с этой целью многие лица в разных сферах своей деятельности, в частности в области придворной педагогики.

В результате Жуковскому была поручена организация воспитания наследника престола и он получил возможность реализации идей своей «придворной педагогики», вокруг него был создан ореол придворного поэта, имеющего влияние на членов царской семьи, ему оказывалась постоянная финансовая поддержка императора. Письма поэта к Мёрдеру демонстрируют определенное сходство в идеологических позициях, направлениях практической педагогики Жуковского с государством, которое вполне лояльно относится к попыткам поэта содействовать усилиям власти, и не только с помощью его творчества, но и его педагогической деятельности. Однако при этом напомним лишь об одном факте: наиболее острые свои статьи 1840-х гг., касающиеся вопросов воспитания, идеального образа русского монарха, его внешней и внутренней политики, издать воспитателю цесаревича не удалось. Так что вопрос о том, насколько Жуковский, выступающий независимым союзником власти, нужен был лояльной к нему власти – сложный, требующий специального внимания ученых.

Завершая статью, подчеркнем другое: значение и плодотворность изучения педагогической деятельности выдающегося русского поэта. Оно, во-первых, позволяет увидеть, что литература – это не только система текстов, но и специфический социальный институт, организующий воспроизводство и функционирование культуры. Во-вторых, исследование вносит свой вклад в системное описание места и роли В.А. Жуковского в развитии институтов русской литературы первой половины XIX в. Роль Жуковского в формировании литературных институций огромна: он, продолжая начинания Карамзина, смог превратить

словесность в силу большого социального влияния, не только идейного, но и организационного. Регулирование литературы со стороны общества благодаря усилиям Жуковского сместилось в сторону регулирования общества литературой. Рассмотренные письма поэта к Мёрдеру открывают, в частности, важные страницы в истории «придворной педагогики», реализуемой русским писателем-классиком. Наконец, изучение деятельности Жуковского-педагога позволяет приблизиться к созданию полной научной биографии Жуковского и традиции, в которую он вписывается как писатель-педагог.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Поздним педагогическим опытом Жуковского также посвящен ряд работ: [24–27].

² Тема «царской педагогики» Жуковского поднималась и в научной литературе, посвященной придворной жизни Российской империи XIX в. См., напр.: [28–30].

³ Жуковский неоднократно упоминает в дневнике о своих встречах и разговорах с Мёрдером, фиксирует отправку писем к нему и получение ответных (см. записи от 25 апреля 1827 г., 30 октября 1831 г., июня 1832 г., 11, 12 января, 1, 4 февраля, 2, 10, 14, 30 марта, 22 июня, 2 августа 1833 г.) (см.: [33]).

⁴ Так, напр., подробнейшее письмо было написано Жуковским в октябре 1826 г. учителю французского языка и исторической географии Ф.А. Жиллю. В нем приводился полный план обучения по периодам и классам, с перечислением предметов, видов деятельности учителя и обучающегося и определением их места в общей образовательно-воспитательной системе, с описанием метода и способов обучения, с анализом пройденного и планами на ближайшее время, с рекомендацией литературы, с советами по обустройству минералогического кабинета и с просьбой к Жиллю вести дневник занятий и отправлять его ежемесячно Жуковскому. По содержанию этот план близок к «Плану учения Его Императорского Высочества Великого Князя Наследника Цесаревича Александра Николаевича», представленного к утверждению Николаю I.

⁵ Имеется в виду Петр Николаевич Мысловский (177–1846), протоиерей Казанского собора в Санкт-Петербурге, духовник многих декабристов.

⁶ Павский Герасим Петрович (1787–1863), протоиерей, филолог, богослов, профессор Петербургского университета.

⁷ В случае с Алфри, кроме рекомендации англичанина, лейб-медика при дворе Николая, почетного члена Московского университета, почетного члена Физико-медицинского общества В.П. Крейтона, была еще рекомендация «английского пастора», служащего в Петербурге, Иоганна фон Муральта (1780–1850), педагога, последователя системы Песталоцци: «Учитель готов: Альфри, с которым я уже говорил и которого весьма рекомендуют Крейтон и английский пастор в Петербурге» [41. С. 326].

⁸ Зауервейд Александр Иванович (1783–1844), профессор батальной живописи, преподавал наследнику рисование.

⁹ Так, напр., в письме от 29 декабря 1826 г. он пишет Мёрдеру: «прошу Вас немедленно сообщить адрес, который бы я мог сделать на ящиках, в которых будут книги. Вы получите два транспорта, один из Берлина с книгами немецкими, другой из Парижа с французскими и английскими. Также и о разрешении на журналы позаботьтесь и уведомите, по какому адресу они должны доставляться. Прошу Вас об этом немедленно подумать и списаться со мною, дабы по приезде в Берлин я уже знал адрес и все мог устроить до моего отъезда в Париж. Эта поездка в Париж меня радует» [41. С. 331]. Ниже он дает столь же четкие распоряжения насчет книг для Г.П. Павского и формирования минералогического кабинета для наследника престола.

ЛИТЕРАТУРА

1. Загарин П. В.А. Жуковский и его произведения. М., 1883. С. 405–410.
2. Миллер О.Ф. В.А. Жуковский как человек и как наставник Императора Александра II. М., 1883. 28 с.
3. Кирпичников А.И. В.А. Жуковский как поэт-воспитатель // Вестник воспитания. 1902. № 4. С. 1–14.
4. Красногородцев А.В. Педагогические взгляды Жуковского (1852–1902): В память пятидесятилетия со дня смерти поэта. СПб., 1902. 24 с.
5. Степанов Н.П. 1852–1902. В.А. Жуковский как наставник Царя-Освободителя. СПб., 1902. 94 с.
6. Ромашков Д., свящ. Взгляд В.А. Жуковского на задачу и цель воспитания. М., 1905. 30 с.
7. Шмидт С.О. Подвиг наставничества. В.А. Жуковский – наставник наследника престола // Русское подвижничество. М.: Наука, 1996. С. 187–222.
8. Шмидт С.О. Василий Андреевич Жуковский – великий русский педагог. М., 2000. 47 с.
9. Симиновский П.М., Тебнев Б.К. Образование для добродетели. Педагогические взгляды и деятельность В.А. Жуковского. М., 2003. 160 с.
10. Киселева Л.Н. Жуковский – преподаватель русского языка (начало «царской педагогики») // Пушкинские чтения в Тарту 3: материалы междунар. конф., посвященной 220-летию В.А. Жуковского и 200-летию Ф.И. Тютчева. Тарту, 2004. С. 199–228.
11. Ребеккини Д. В.А. Жуковский и библиотека престолонаследника Александра Николаевича (1828–1837) // Жуковский: Исследования и материалы. Томск, 2013. Вып. 2. С. 77–136.
12. Rebecchini D., Vassena R. Reading with maps, prints and commonplace books, or how the poet V.A. Zhukovsky taught Alexander II to read Russia (1825–1838) // Reading in Russia. Practices of Reading and Literary Communication. 1760–1930. Milano, 2014. P. 99–116.
13. Ребеккини Д. Мир символов: мнемонические таблицы В.А. Жуковского и их практическое значение // Жуковский: Исследования и материалы. Томск, 2017. Вып. 3. С. 238–257.
14. Жилиякова Э.М., Киселев В.С. «План учения наследника... цесаревича Александра Николаевича» в контексте педагогического наследия В.А. Жуковского // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 6 (32). С. 129–132.
15. Гузаиров Т. Учебные пособия В.А. Жуковского по истории // Статьи на случай. Сборник в честь 50-летия Р.Г. Лейбова. URL: http://www.ruthenia.ru/leibov_50/Guzairov.pdf (дата обращения: 20.08.2019).
16. Лямина Е.Э., Самовер Н.В. Бедный Жозеф: Жизнь и смерть Иосифа Вильегорского. М., 1999. 557 с.
17. Долгушин Д.В. Неизданный конспект В.А. Жуковского по истории // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2012. Т. 11, вып. 12: Филология. С. 232–238.
18. Долгушин Д. Придворный локус и авторефлексия русской литературы к. XVIII – перв. пол. XIX в.: Михаил Муравьев, Василий Жуковский, Петр Плетнев // Toronto Slavic Quarterly. 2015. № 53. С. 361–373.

19. Долгушин Д.В. В.А. Жуковский и протоиерей Герасим Павский: у истоков школьного преподавания библейской истории в России // Духовно-нравственные основы российской культуры и образования : материалы Новосибирских Кирилло-Мефодиевских чтений. Новосибирск, 2016. Вып. 3. С. 73–95.
20. Айзикова И.А. «Библейские повести» В.А. Жуковского // Русская литература и религия. Новосибирск : Наука, 1997. С. 85–94.
21. Айзикова И.А. Неопубликованная проза Жуковского (Из тетрадей, составленных для занятий с Великой Княгиней Александрой Федоровной). Публикация и научный комментарий // Вестник Томского государственного университета. Сер. Философия. Культурология. Филология. 2003. № 277. С. 121–124.
22. Айзикова И.А. Сюжеты и нарратив переводных сказок В.А. Жуковского // Нарративные традиции славянских литератур: Повествовательные формы Средневековья и Нового времени : сб. науч. тр. Новосибирск, 2009. С. 184–203.
23. Айзикова И.А. Жанрово-стилевая система прозы В.А. Жуковского. Томск : ТГУ, 2004. 404 с.
24. Добровольская Е.Б. «Это педагогическая поэма». В.А. Жуковский – воспитатель своих детей // В.А. Жуковский и русская культура : сб. науч. ст. СПб., 2005. С. 182–195.
25. Никонова Н.Е. В.А. Жуковский – современник педагогического века Германии: немецкая литература о воспитании и творческие искания поэта 1840–1850-х гг. // Имагология и компаративистика 2014. № 1. С. 87–124.
26. Долгушин Д.В. Иконическая и словесная репрезентация текста в «Живописной Священной истории» В.А. Жуковского // Духовно-нравственные основы российской культуры и образования. Новосибирск, 2015. Вып. 3. С. 5–72.
27. Долгушин Д.В. Педагогическая поэма В.А. Жуковского // Сибирский филологический журнал. 2018. № 1. С. 89–106.
28. Зимин И.В. Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их окружение. М., 2011. 576 с.
29. Подделкова П.Е. Культурное пространство воспитания монарха в императорской России : дис. ... канд. культурологии. СПб., 2015. 193 с.
30. Сидорова А.Н. Воспитание великих князей в семьях императоров Николая I и Александра II (подготовка к государственной деятельности : дис. ... канд. ист. наук. М., 2016). 311 с.
31. Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846. URL: http://dugward.ru/library/olga_nick.html (дата обращения: 31. 08.2019).
32. Подделкова П.Е. Первый воспитатель великого князя Александра Николаевича, Карл Карлович Мердер // Молодежь. Наука. Инновации : труды II междунар. науч.-практ. интернет-конференции / под ред. Г.К. Сафаралиева, А.Н. Андреева, В.А. Казакова. Пенза: Изд-во Пензенского филиала РГУИТИ, 2010–2011. 607 с. URL: http://mgutupenza.ru/mni/index.php?view=themes&data=parts_view&id=23 (дата обращения: 31. 08.2019).
33. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 13: Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1804–1833. М. : Языки славянской культуры, 2004. 607 с.
34. Русский архив. 1873. Кн. 1. Стлб. XII (франц. текст), стб. XXIII (русский перевод).
35. Жуковский В. Сочинения: С прилож. писем, биографии / под ред. П.А. Ефремова. 7-е изд. СПб., 1878. Т. 6. 688 с.
36. Письма В.А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. М., 1895. 322 с.
37. Северная пчела. 1834. № 101. С. 401–402.
38. Стихотворения Василия Жуковского: в 13 т. 5-е изд. СПб., 1857. Т. 13. С. 151–156.
39. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 11. Первый полутом: Проза 1810–1840-х годов. М. : Издательский дом ЯСК, 2016. 1047 с.
40. Мартин А. «Воспоминание» и «пророчество»: возникновение консервативной идеологии в России в эпоху наполеоновских войн и «Священного союза» // Исторические метаморфозы консерватизма. Пермь, 1998. С. 85–102.
41. Жизнь: Литературный, научный и политический журнал. Т. 15. Кн. 3. № 9. Март. СПб., 1898.
42. РО ИРЛИ. Ф. 184 (Б.Л. Модзалевского). Оп. 1. № 154/1.
43. Памяти В.А. Жуковского и Н.В. Гоголя. СПб., 1907–1909. Вып. 1. Отд первый. VI, 213 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 25 сентября 2019 г.

Vasily Zhukovsky as an Ideologist and Practitioner of Education and Bringing-Up of Grand Prince Alexander Nikolaevich (Based on the Letters to Karl Merder)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 448, 5–15.

DOI: 10.17223/15617793/448/1

Irina A. Ayzikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: wand2004@mail.ru

Keywords: V.A. Zhukovsky; K.K. Merder; Grand Prince Alexander Nikolaevich; pedagogical activity of Romanticist poet.

The aim of the article is to analyse the first Russian Romanticist poet Vasily Zhukovsky's strategy of behavior in the sphere of "court pedagogy", tools and functions of his social influence. In the post-Decembrist epoch, most difficult for Russia, Zhukovsky acted as the ideologist and the practitioner of education and bringing-up of future Russian Emperor Alexander II. This research problem is revealed on the archival material of Zhukovsky's letters of 1826–1833 to Karl Merder, his colleague in bringing up the then Grand Duke Alexander Nikolaevich. The research is interdisciplinary, bringing together literary studies (in particular, historical, literary and textual approaches), sociology of literature and culture. Zhukovsky's letters to Merder, which required scientific research in connection with their dating and immersion in the context of the epistolary and other poet's works, are also considered through the prism of the author's relations with the contemporary sociocultural environment. The study showed that the poet acted in the enlightened autocracy logic taking upon himself a mission to bring up a new type of ruler for Russia and, in this way, influencing the government policy in solving urgent problems of the country. With his social-historical utopian ideas, Zhukovsky is to be recognized as a man greatly influencing the shape of views in the Russian society of the time and reflecting, first of all, aspirations of intellectuals who considered themselves to be crucial agents in the modernization and Europeanization processes in Russia. With a desire to change the existing order and power, but denying a revolutionary way, the poet looked forward to the gradual reforms launched and supported by the government. Consequently, the poet strove to become a confidant for the supreme power who can influence it and shape its image. At the same time, Zhukovsky tried to grow a "sprout" of public opinion regarding his ideology and, for this purpose, united a number of people in various spheres of his activity, for example, in the sphere of court teaching. Based on the results of the study of Zhukovsky's pedagogical activity, the author comes to conclusions concerning the methodological, historical, literary and sociocultural significance of this kind of research. It allows recognizing that literature is a specific social institution that organizes reproduction and functioning of culture. Research contributes to the systematic description of Zhukovsky's place and role in the development of Russian literature of the second half of the 19th century. The considered poet's letters to Merder discover, in particular, important pages in the history of court teaching performed by the Russian writers. Finally, the study of Zhukovsky's activity as a teacher helps in the creation of a complete academic Zhukovsky's biography and tradition he is part of as a writer and educator.

REFERENCES

- Zagarin, P. (1883) V.A. Zhukovskiy i ego proizvedeniya [V.A. Zhukovsky and His Works]. Moscow: Tipografiya M.N. Lavrova i K^o. pp. 405–410.
- Miller, O.F. (1883) V.A. Zhukovskiy kak chelovek i kak nastavnik Imperatora Aleksandra II [V.A. Zhukovsky as a Person and as a Mentor of the Emperor Alexander II]. Moscow: Tipografiya M.N. Lavrova i K^o.
- Kirpichnikov, A.I. (1902) V.A. Zhukovskiy kak poet-vospitatel' [V.A. Zhukovsky as a poet-educator]. *Vestnik vospitaniya*. 4. pp. 1–14.
- Krasnorođotsev, A.V. (1902) *Pedagogicheskie vzglyady Zhukovskogo (1852–1902): V pamyat' pyatidesyatiletiya so dnya smerti poeta* [Pedagogical Views of Zhukovsky (1852–1902): In memory of the fiftieth anniversary of the poet's death]. St. Petersburg: Izdatel'stvo knizhnogo sklada L.M. Shakh-Paroniantsa.
- Stepanov, N.P. (1902) *1852–1902. V.A. Zhukovskiy kak nastavnik Tsarya-Osvoboditelya* [1852–1902. V.A. Zhukovsky as a mentor to the Tsar-Liberator]. St. Petersburg: V. D. Smirnov.
- Romashkov, D. (1905) *Vzglyad V.A. Zhukovskogo na zadachu i tsel' vospitaniya* [V.A. Zhukovsky's View on the Task and Purpose of Education]. Moscow: tipografiya Shtaba Moskovskogo voennogo okruga.
- Shmidt, S.O. (1996) Podvig nastavnichestva. V.A. Zhukovskiy – nastavnik naslednika prestola [The feat of mentoring. V.A. Zhukovsky as a mentor to the heir to the throne]. In: Knyazevskaya, T.B. (ed.) *Russkoe podvizhnichestvo* [Russian Asceticism]. Moscow: Nauka. pp. 187–222.
- Shmidt, S.O. (2000) *Vasilii Andreevich Zhukovskiy – velikiy russkiy pedagog* [Vasily Andreevich Zhukovsky: A great Russian educator]. Moscow: Izdatel'stvo URAO.
- Siminovskiy, P.M. & Tebiev, B.K. (2003) *Obrazovanie dlya dobrodeteli. Pedagogicheskie vzglyady i deyatel'nost' V.A. Zhukovskogo* [Education for Virtue. Pedagogical views and activities of V.A. Zhukovsky]. Moscow: Mezhdunarodnaya gosudarstvennaya pedagogicheskaya akademiya.
- Kiseleva, L.N. (2004) [Zhukovsky as a teacher of the Russian language (the beginning of “Tsarist pedagogy”)]. *Pushkinskie chteniya v Tartu 3* [Pushkin Readings in Tartu 3]. Proceedings of the International Conference dedicated to the 220th anniversary of V.A. Zhukovsky and 200th anniversary of F.I. Tyutchev. Tartu: University of Tartu. pp. 199–228.
- Rebekkini, D. (2013) V.A. Zhukovskiy i biblioteka prestolonaslednika Aleksandra Nikolaevicha (1828–1837) [V.A. Zhukovsky and the library of the heir to the throne Alexander Nikolayevich (1828–1837)]. In: Yanushkevich, A.S. & Ayzikova, I.A. (eds) *Zhukovskiy: Issledovaniya i materialy* [Zhukovsky: Studies and materials]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University. pp. 77–136.
- Rebecchini, D. & Vassena, R. (2014) Reading with maps, prints and commonplace books, or how the poet V.A. Zhukovsky taught Alexander II to read Russia (1825–1838). In: Rebecchini, D. & Vassena, R. (eds) *Reading in Russia. Practices of Reading and Literary Communication. 1760–1930*. Milan: University of Milan. pp. 99–116.
- Rebekkini, D. (2017) Mir simvolov: mnemonicheskie tablitsy V.A. Zhukovskogo i ikh prakticheskoe znachenie [World of characters: mnemonic tables of V.A. Zhukovsky and their practical significance]. In: Yanushkevich, A.S. (ed.) *Zhukovskiy: Issledovaniya i materialy* [Zhukovsky: Studies and materials]. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University. pp. 238–257.
- Zhilyakova, E.M. & Kiselev, V.S. (2014) “Plan of the education . . . of Tsarevich Alexander Nikolaevich” in the context of V.A. Zhukovsky's pedagogical legacy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 6 (32). pp. 129–132. (In Russian).
- Guzairov, T. (2013) Uchebnye posobiya V.A. Zhukovskogo po istorii [History textbooks by V.A. Zhukovsky]. In: *Stat'i na sluchay. Sbornik v chest' 50-letiya R.G. Leybova* [The Articles in Case. A collection in honor of the 50th anniversary of R.G. Leibov]. [Online]. Available from: http://www.ruthenia.ru/leibov_50/Guzairov.pdf. (Accessed: 20. 08.2019).
- Lyamina, E.E. & Samover, N.V. (1999) “Bednyy Zhozef”: Zhizn' i smert' Iosifa Viel'gorskogo: Opyt biografii cheloveka 1830-kh godov [“Poor Joseph”: The Life and Death of Joseph Vielgorsky: The experience of the biography of a 1830s person]. *Yazyki russkoy kul'tury*.
- Dolgushin, D.V. (2012) Unpublished notes on history of V. A. Zhukovsky. *Vestnik NGU. Seriya Istoriya, filologiya – Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*. 12 (11). pp. 232–238. (In Russian).
- Dolgushin, D. (2015) Pridvornyy lokus i avtorefleksiya russkoy literatury k. XVIII – perv. pol. XIX v.: Mikhail Murav'ev, Vasilii Zhukovskiy, Petr Pletnev [The court locus and autoreflexion of Russian literature of late 18th – the first half of the 19th century: Mikhail Muravyov, Vasily Zhukovsky, Petr Pletnev]. *Toronto Slavic Quarterly*. 53. pp. 361–373.
- Dolgushin, D.V. (2016) V.A. Zhukovsky and archipriest Gerasim Pavskiy: the fountains of teaching Bible history in Russian schools. *Dukhovno-nravstvennyye osnovy rossiyskoy kul'tury i obrazovaniya – Spiritual and Moral Foundations of Russian Culture and Education*. 3. pp. 73–95. (In Russian).
- Ayzikova, I.A. (1997) “Bibleyskie povesti” V.A. Zhukovskogo [“Biblical Tales” by V.A. Zhukovsky]. In: Gryubel', R. & Odinkov, V. (eds) *Russkaya literatura i religiya* [Russian Literature and Religion]. Novosibirsk: Nauka. pp. 85–94.
- Ayzikova, I.A. (2003) Unpublished Prose of Zhukovsky (From Notebooks Made up for the Teaching of the Grand Duchess Alexandra Fedorovna). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 277. pp. 121–124. (In Russian).
- Ayzikova, I.A. (2009) Syuzhety i narrativ perevodnykh skazok V.A. Zhukovskogo [Plots and narrative of V.A. Zhukovsky's translated fairy tales]. In: Romodanovskaya, E.K. & Silant'ev, I.V. (eds) *Narrativnye traditsii slavyanskikh literatur: Povestvovatel'nye formy Srednevekov'ya i Novogo vremeni* [Narrative traditions of Slavic Literatures: Narrative forms of the Middle Ages and the Modern Age]. Novosibirsk: Novosibirsk State University. pp. 184–203.
- Ayzikova, I.A. (2004) *Zhanrovo-stilevaya sistema prozy V.A. Zhukovskogo* [Genre-style prose system of V.A. Zhukovsky]. Tomsk: Tomsk State University.
- Dobrovol'skaya, E.B. (2005) “Eto pedagogicheskaya poema”. V.A. Zhukovskiy – vospitatel' svoikh detey [“This is a pedagogical poem”. V.A. Zhukovsky – the educator of his children]. In: Iezuitova, R.V. (ed.) *V.A. Zhukovskiy i russkaya kul'tura* [V.A. Zhukovsky and Russian Culture]. St. Petersburg: Vserossiyskiy muzey A. S. Pushkina. pp. 182–195.
- Nikonova, N.E. (2014) V.A. Zhukovsky as the coeval of the pedagogic epoch in Germany: German literature about upbringing and artistic pursuits of the poet in 1840-1850. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 1. pp. 87–124. (In Russian). DOI 10.17223/24099554/1/7
- Dolgushin, D.V. (2015) Icon and verbal re-presentation of text in “Picturesque Sacred History” by V.A. Zhukovsky. *Dukhovno-nravstvennyye osnovy rossiyskoy kul'tury i obrazovaniya – Spiritual and Moral Foundations of Russian Culture and Education*. Vol. 3. pp. 5–72. (In Russian).
- Dolgushin, D.V. (2018) The “Pedagogical poem” of V. Zhukovsky (on unpublished materials). *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 1. pp. 89–106. (In Russian). DOI: 10.17223/18137083/62/7
- Zimin, I.V. (2011) *Detskiy mir imperatorskikh rezidentsiy. Byt monarkhov i ikh okruzhenie* [Children's World of Imperial Residences. Everyday life of monarchs and their surroundings]. Moscow: Tsentrpoligraf.
- Poddelkova, P.E. (2015) *Kul'turnoe prostranstvo vospitaniya monarkha v imperatorskoy Rossii* [The cultural space of the education of the monarch in imperial Russia]. *Culturology Cand. Diss.* St. Petersburg.
- Sidorova, A.N. (2016) *Vospitanie velikikh knyazey v sem'yakh imperatorov Nikolaya I i Aleksandra II (podgotovka k gosudarstvennoy deyatel'nosti)* [The upbringing of the great princes in the families of emperors Nicholas I and Alexander II (preparation for state activity)]. *History Cand. Diss.* Moscow.
- Literatura i Zhizn'. (n.d.) *Son yunosti. Vospominaniya velikoy knyazhny Ol'gi Nikolaevny. 1825–1846* [The Dream of Youth. Memoirs of Grand Princess Olga Nikolaevna. 1825–1846]. [Online]. Available from: http://dugward.ru/library/olga_nick.html. (Accessed: 31. 08.2019).
- Poddelkova, P.E. (2010-2011) [The first teacher of the Grand Duke Alexander Nikolaevich, Karl Karlovich Merder]. *Molodezh'. Nauka. Innovatsii* [Youth. Science. Innovations]. Proceedings of the II International Web-Conference. Penza. November 2010. Penza: Penza Branch of Rus-

sian State University of Innovative Technologies and Entrepreneurship. [Online]. Available from: http://mgutupenza.ru/mni/index.php?view=themes&data=parts_view&id=23. (Accessed: 31. 08.2019).

33. Zhukovskiy, V.A. (2004) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Vol. 13. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
34. *Russkiy arkhiv* [Russian Archive]. (1873) Book 1. Column XII (French text), column XXIII (Russian Translation).
35. Zhukovskiy, V. (1878) *Sochineniya: S prilozh. pisem, biografii* [Works: With letters and biography]. 7th ed. Vol. 6. St. Petersburg.: I.I. Glazunov.
36. Zhukovskiy, V.A. (1895) *Pis'ma V.A. Zhukovskogo k Aleksandru Ivanovichu Turgenevu* [V.A. Zhukovsky's letters to A.I. Turgenev]. Moscow: Universitetskaya tipografiya.
37. *Severnaya pchela* (1834) 101. pp. 401–402.
38. Zhukovskiy, V.A. (1857) *Stikhotvoreniya Vasiliya Zhukovskogo* [Vasily Zhukovsky's poems]. 5th ed. Vol. 13. St. Petersburg: Pridvornaya tipografiya V. Gaspera v Karlsruhe. pp. 151–156.
39. Zhukovskiy, V.A. (2016) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Vol. 11. Moscow: Izdatel'skiy dom YaSK.
40. Martin, A. (1998) "Vospominanie" i "prorochestvo": vzniknoenie konservativnoy ideologii v Rossii v epokhu napoleonovskikh voyn i "Svyashchennogo soyuza" ["Remembrance" and "prophecy": the emergence of conservative ideology in Russia in the era of the Napoleonic Wars and the "Holy Alliance"]. In: Rakhshmir, P.Yu. (ed.) *Istoricheskie metamorfozy konservatizma* [Historical metamorphoses of conservatism]. Perm: Perm State University. pp. 85–102.
41. *Zhizn': Literaturnyy, nauchnyy i politicheskiy zhurnal*. (1898) 15. 3 (9). St. Petersburg.
42. Manuscript Department of Institute of Russian Literature. Fund 184 (B.L. Modzalevskiy). List 1. File 154/1.
43. Veselovskiy, A.N. & Sobolevskiy, A.I. (eds) (1907–1909) *Pamyati V.A. Zhukovskogo i N.V. Gogolya* [In memory of V.A. Zhukovsky and N.V. Gogol]. 1 (1): VI. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk.

Received: 25 September 2019

И.О. Волков, Э.М. Жилыкова

И.С. ТУРГЕНЕВ И О. ДЕ БАЛЬЗАК: НА ПУТИ К ШЕКСПИРУ (ПО МАТЕРИАЛАМ РОДОВОЙ БИБЛИОТЕКИ ПИСАТЕЛЯ)

Статья вторая

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00219 «И.С. Тургенев и проблемы западноевропейской литературы (по материалам родовой библиотеки писателя)».

Разрабатывается вопрос творческого взаимодействия И.С. Тургенева с О. де Бальзаком. В структуре художественного диалога двух авторов органично выделяется фигура У. Шекспира, ставшая значимой точкой эстетического пересечения. На примере комедии «Нахлебник» подвергается анализу раннее художественное осмысление Тургеньевым шекспировского сюжета («Король Лир»). В тургеньевской разработке образа отвергнутого отца обнаруживается влияние романного опыта Бальзака («Отец Горюно»).

Ключевые слова: И.С. Тургенев; О. Бальзак; У. Шекспир.

На случай конкретного творческого сближения И.С. Тургенева с О. де Бальзаком впервые указал М.П. Алексеев, предположивший, что в изображении Лемма («Дворянское гнездо») писатель мог вложить впечатления от героев романа «Кузен Понс» – музыкантов Понса и Шмуке [1. С. 11]. Вслед за М.П. Алексеевым несколько художественных схождений кратко обозначила М.Г. Ладария («Фауст» и «Лилия долины», «Дворянское гнездо» и «Герцогиня де Ланже») [2. С. 105]¹.

Более полное сравнение между произведениями двух авторов предпринял Л.П. Гроссман. Ученый сопоставил тургеньевскую пьесу «Месяц в деревне» (1850) с драмой Бальзака «Мачеха» (1848), выявив как признаки сознательной ориентации, так и важные черты отличия [5. С. 169–181]. Выстроенная Л.П. Гроссманом параллель (хотя и зачастую жестко схематическая) на основании типологии героев (жених воспитанницы, муж, домашний врач), структуры конфликта (борьба двух женщин), сюжетных ходов (выпытывание сердечной тайны, смирение юной соперницы) и сценических приемов (колелопоклонение, прошупывание пульса, азартная игра) убедительно показывает хорошее знание Тургеньевым текста бальзаковской драмы. Интересно указание ученого на то, что в период сценического представления «Мачехи» в Париже (25 мая 1848 г.)² русский писатель находился здесь же и был всецело погружен в театральный мир французской столицы.

Бальзак написал свою драму после возвращения из России. Насколько повлияли на возникновение и развитие этого замысла впечатления от пребывания в украинском имении Э. Ганской – неизвестно. Однако рядом с «Мачехой», по признанию самого автора, вызревала идея «обширной драмы в шекспировском духе», сюжетно основанной на русской истории, – «Пётр I и Екатерина» (цит. по: [7. С. 280]). В «Мачехе» же Бальзак планировал создать трагедию, в которой обычная семейная жизнь таила бы в себе бурю страстей. Свой замысел он описывал так:

Мужчины благодушно играют в вист при свете свечей, приподнятых над маленькими абажурами.

Женщины болтают и смеются, работая над вышивками. Пьют патриархальный чай. Словом, все возвещает порядок и гармонию. Но там, внутри, волнуются страсти, драма тлеет, чтобы потом разразиться пламенем пожара (цит. по: [8. С. 111]).

Подобная постановка вопроса о драматическом содержании пьесы не может не напоминать известную формулу А.П. Чехова: «Люди обедают, только обедают, а в это время слагается их счастье и разбиваются их жизни» [9. С. 521]. Однако Бальзак не создал камерную драму с изображением конфликта внутри тесных человеческих взаимоотношений. В традициях своей прозы он значительно нагружает ее также и социально-политической проблематикой. При этом в одну из основ драматической коллизии им положена шекспировская история двух влюбленных: «разыгрывается трагедия Ромео и Джульетты в современных Бальзаку условиях» [8. С. 113].

«Месяц в деревне» Тургенева к принципам чеховской драматургии оказывается намного ближе. Эта драма разыгрывается в узком мире семейного бытования и практически не выходит за его пределы. Писатель сосредоточенно наблюдает развитие чувства, вначале лишь едва уловимого, а затем обретающего четкие очертания, но по-прежнему внешне остающегося в рамках индивидуального переживания. Как и Бальзак, Тургенев ставит в центр действия сильного женского персонажа, показывая на протяжении всей пьесы сложные перипетии его внутреннего мира. Сам автор признавался М.Г. Савиной, исполнившей роль Верочки во время постановки на сцене Александринского театра (1879), что здесь «все дело в Наталье Петровне...» [10. С. 246].

«Мачеха» Бальзака, представляя сцены буржуазной жизни, формально заключает в себе элементы разных драматических жанров: от классической трагедии и сентиментальной драмы до романтической трагикомедии [11. Р. 396]. Вместе с тем, следуя традиции Шекспира, французский автор стремится содерзжательно раскрыть в характере главной героини, Гертруды (имя заимствовано из трагедии «Гамлет»),

огромность и беспредельность ее страстной природы, катастрофичность безудержной любви, неуклонно ведущей к печальным последствиям. Это не трафаретная злодейка, но «несчастливая, страдающая женщина, готовая на предельное самопожертвование и отречение» [8. С. 115].

Вероятно, усвоив в пьесе Бальзака с большим вниманием обрисовку главного женского характера, заключающего в себе острые («демонические») противоречия, Тургенев построил психологически неоднородный образ Натальи Петровны. Но он не принял у Бальзака его насыщенной и ограниченной социальной обусловленности (измена мужу, внебрачный ребенок и т.д.), наполнив собственный образ пошекспировски объемным нравственно-философским содержанием.

В 1877 г. в романе «Новь» Тургенев снова возвратился к ситуации «месяца в деревне». На протяжении довольно большой части повествования (главы V–XXVII, с перерывами) он изображает во многом подобное положение героев и даже сходное развитие действия. Но акценты здесь расставлены уже по-иному (два изначально сильных женских характера, социально-политическая мотивировка событий, элементы драматической интриги), что дает возможность говорить о новом прочтении опыта Бальзака.

Таким образом, драма «Месяц в деревне» обозначила в творчестве Тургенева важный момент раннего взаимодействия русского писателя с традицией французского романиста, которая как дополняет общую картину авторского диалога, так и уравнивает ее. Однако это не первое и не единственное для 1840-х гг. обращение Тургенева к эстетике Бальзака. Перед тем, как написать пьесу «Месяц в деревне», писатель создал комедию в двух действиях «Нахлебник» (1848). В этом произведении запечатлен процесс художественной полемики, предметом которой стал один из грандиозных трагических характеров Шекспира. Отцовская драма «маленького человека», исполненная в шекспировской образности, в своем обыкновленном и камерном («семейном») варианте у Тургенева сближается с проблематикой романа «Отец Горио» (1834).

Сам Бальзак творчество Шекспира знал достаточно хорошо, хотя знакомился с ним в переделках Ж. Дюсиса и переводе П. Легурнера. Для исправленной редакции последнего он даже печатал в 1827 г. в своей типографии титульные листы и переплеты [13. С. 7] (очевидно, тогда же Бальзаку стал известен этюд Ф. Гизо «Жизнь Шекспира», открывавший все издание, – с этим эстетическим манифестом был хорошо знаком и Тургенев). Английский драматург сначала привлекал Бальзака эффектностью сценических приемов, но к периоду зрелого творчества отношение к нему становилось серьезней, «присутствие» Шекспира в собственных произведениях писателя сказалось более явно, а частота упоминания его персонажей увеличилась [Там же].

Грандиозный замысел «Человеческой комедии» роднит французского романиста с Шекспиром не только своей «могучей творческой фантазией» [14. С. 261], но и принципом осмысления современного человеческого мира. Подобно британскому драматур-

гу Бальзак «извлекает могучую и своеобразную поэзию» из действительности, утратившей «прочные понятия о добре и зле» [14. С. 267]. Улавливая в «вульгарном происшествии» шекспировское звучание, он находит «пружины нового драматизма» [15. С. 149].

«Отец Горио» явился в творчестве Бальзака первым «осуществлением нового писательского метода» [16. С. 43], здесь впервые «с такой отчетливостью и полнотой» получило свое выражение «стремление изобразить современность во всех ее разрезах, интерпретировать происходящую в ней борьбу, оценить ее» [17. С. 85]. В своих первых изданиях роман провозглашал ориентацию на Шекспира⁴ с самой титульной страницы: в качестве эпиграфа здесь была вынесена фраза «All is true» (Все это правда) с прямым указанием на источник – «Shakespeare» (подробней см.: [16. С. 225–227]). Это альтернативное название хроники «Генрих VIII», под которым она шла на сцене [19. С. 13], далее было устранено, однако фраза также повторялась автором и в самом тексте.

Установка на правдивость изображения мыслилась Бальзаком в тесной связи с драматизацией эпического материала: свой роман он настойчиво называет «невдуманной драмой» (*drame n'est ni une fiction*). Это притязание автор пытается оправдать, в том числе и через формальный аспект, диалогизируя повествование, делая его многоголосым (см. подробнее: [16. С. 44; 20. С. 54–55, 94]). Чтобы достичь шекспировской достоверности, Бальзак выстраивает обыденную жизнь семейного пансиона Воке по законам исторической хроники. Разворачивающаяся здесь человеческая драма в своих многоликих вариантах не имеет ни начала, ни конца, но один из представленных моментов ее течения фиксирует катастрофу, хотя и не выходящую за рамки социальной обусловленности. Одновременно жизнь пансиона в своем постоянстве соседствует с кипучим движением большого мира: «Видали мы с тобой и что приключилось с Людовиком Шестнадцатым, и как пал император, и как он вернулся, и как снова пал» [21. Т. 3. С. 195].

Прочная связь истории вермишельщика Горио, сколка своей эпохи, с трагедией короля Лира основана на мотиве поруганного отцовства. Однако если у Шекспира отец является в то же время и королем, а первое значительно подчинено второму, то Бальзак использует исключительно «семейный» элемент, но в многократном его увеличении. Он представляет любовь отца к дочерям в качестве всепоглощающей, гипертрофированной страсти, которая не только исчерпывает характеристику героя, но служит также и стимулом «для развития действия» [15. С. 314].

Как и шекспировский Лир, Горио оказывается обманут в своих чувствах, однако прозрение у него мимолетно и прерывисто, оно наступает лишь в последние мгновения жизни. Бальзак реализует отцовскую любовь в вещной форме, которая постоянно подкрепляется перечислением тех предметов, что служат ее залогом. Но несмотря на гиперболу этого чувства, автор стремится к некоторой его поэтизации (героизации), что со всей значительностью проявлено в именовании героя «Христом-отцом» (*Christ de la Paternité* – «Христос отцовства»). Подобно тому, как

Ф.М. Достоевский называет Мышкина в «Подготовительных материалах» к роману «Идиот» «князь-Христос» [22. С. 246, 249, 253, 277]. Сам Горио говорит о себе: «когда я был отцом, я понимал Бога» (*quand j'ai été père, j'ai compris Dieu*) [21. Т. 3. С. 120]. «Подвижничество» героя, таким образом, вступает в противоречие с его пороком буржуа, разбогатевшего на спекуляции хлебом во время голода. Одновременно любовь героя к дочерям не выдерживается во всей чистоте и искренности, являясь воплощением эгоизма: он любит детей только для себя: «Дочери были моим пороком, моей любовной страстью...» [Там же. С. 238].

Бальзаковский способ разработки шекспировского сюжета и образа, очевидно, привлек Тургенева, с одной стороны, обыкновенностью материала, в котором разыгралась трагедия человека, с другой – остротой социального звучания. В «Нахлебнике» он показывает положение обедневшего дворянина в кризисный момент, когда размеренное существование вдруг рушится, жизнь теряет свою устойчивость. Интересно, что во время создания комедии Тургенев посетил Тулонскую каторжную тюрьму, литературная известность которой приобретена благодаря именно творчеству Бальзака: она является местом заключения Вотрена (Жака Коллена), который играет ключевую роль в «Отце Горио».

Соотношение «Нахлебника» с трагедией Шекспира обозначено автором легкой штриховкой, но все же на первый план явственно выступает проблема «отцов и детей», тесно связанная с противоречиями внутри «дворянского гнезда» и шире – национального уклада, современной жизни вообще. Ориентацию на «Короля Лири» в комедии Тургенева более явной делает именно наличие художественного «посредника», в роли которого выступил роман «Отец Горио», известный русскому писателю на языке подлинника.

Тургенев избегает неестественности и чрезмерного преувеличения в изображении отцовской любви, которая намечена четким пунктиром. Фигура отца в пространстве комедии, соответствуя бальзаковской образности, трактуется как нарушающая светские приличия. Дочери Горио, Анастаси и Дельфина, подобно Регане и Гонерилье, поочередно отказывают отцу от дома, соблюдая негласные правила французского общества относительно невыгодного родства. В комедии Тургенева ставшая известной тайна внебрачного рождения Ольги также бросает тень на «детей», а средство избавления от позора и общественного осуждения видится только в высылке «неблагонадежного» родственника за пределы семьи («Оно неприлично... в порядочном доме...») [23. Т. 2. С. 149].

Любовь Кузовкина, как и в случае с несчастным отцом Бальзака, проявляет себя в форме благоговейного обожания, которое доступно ему лишь со стороны. Горио издали любитесь «туалетом своих дочек» [21. Т. 3. С. 107], и бедный дворянин Тургенева точно так же в роли постороннего зрителя с умилением наблюдает появление Ольги в доме («А, Ваня, какова? Нет, скажи, какова? Как выросла, а? Красавица какая стала?») [23. Т. 2. С. 124]), радуется ее супружескому счастью («Мужу своему меня представила. Видный

мужчина! Молодец!» [Там же]). В горячем и робком приветствии Кузовкина видна истинная природа его чувства – он наслаждается приездом не хозяйки дома, а именно своей дочери.

Вынося в заглавие пьесы категорию нахлебничества (в другом варианте – «Чужой хлеб»), Тургенев ставит акцент на провозглашаемую шекспировским Лиром проблему бесприютного скитальчества. В английской трагедии король, разделивший государство между детьми, в результате своего великодушия сам оказывается изгнан. А во время скитания в степи его настигает человеческое прозрение: монарх спускается до понимания бед «нагих несчастливцев». Кузовкин Тургенева лишен высокого ореола трагического героя, хотя его судьба серьезно исполнена драматического содержания. Это герой маленькой драмы, но его существование не столь безответно и безропотно, как в случае с другим тургеневским нахлебником – Тихоном Недопускиным («Чертопханов и Недопускин», 1849). В Кузовкине сохранилось сознание своего достоинства, которое спрятано глубоко внутри и которое явит себя в момент душевного кризиса: «Я столбовой дворянин... Вот кто я-с!» [23. Т. 2. С. 166].

Нахлебник (*pensionnaire*) – это определяющий признак в романе Бальзака, который тягостно довлеет над каждым обитателем пансиона Воке. Однако Горио, как и Кузовкин, представляет собой высшую степень этого свойства. Оба героя доведены до предела в несамостоятельности своего повседневного существования. Пансионеры Бальзака и приживальщик Тургенева практически равны по своей позиции, качественно наделенной общим презрением.

Атрибутом униженного положения оказывается «необходимость» исполнять роль шута. Оба писателя дают сцену всеобщего «пира», во время которого происходит насмешливая инициация, невольное представление героя в шутовской ипостаси. Бальзак показывает это в тот момент, когда пансионеры за завтраком обсуждают характер отношений между Горио и графиней де Ресто (накануне отец ради спасения дочери отнес на переплавку серебряное блюдо, олицетворявшее последнюю память об умершей жене). Над Горио насмехаются, подозревая его в сладострастии, а кульминацией становится выходка Вотрена, который «нахлобучил ему шляпу по самые глаза» [21. Т. 3. С. 50]. Жест каторжника оказывается символом околпачивания⁵. Тургенев, изначально представивший своего героя «нечто вроде шута» [23. Т. 2. С. 128], прочитывает эту сцену еще более решительно. Он высшую точку драматического напряжения венчает «огромным колпаком из сахарной бумаги» [Там же. С. 144], который с помощью Карпачова оказывается на голове у Кузовкина.

Шутка, таким образом, оборачивается шутовством. В обоих случаях происходит отсылка к разоблачению короля у Шекспира, когда шут предлагает Лиру обменять его корону на свой колпак (акт I, сцена 4). Разгадав намек слуги, монарх грозит его высесть, а герои произведений Бальзака и Тургенева выражают лишь бессильный протест. Горио говорит Вотрену, что тот когда-нибудь «дорого поплатится за это» [21. Т. 3. С. 50], Кузовкин произносит упрек Елецко-

му. В то же время каждая из двух ситуаций оказывается переломной: издевательства пансионеров над вермишельщиком на этом прекращаются (далее Эжен закрепит произошедшее изменение: «Кто станет обижать папашу Горио, тот будет иметь дело со мной» [21. Т. 3. С. 76]), и «взрыв» Кузовкина также «радикально меняет» ход всей драмы [12. С. 496].

Опредмечивая страстную природу Горио, Бальзак главную причину его трагедии материально воплощает в виде яркого символа парижского общества – бумажного векселя, требующего уплаты. Именно с погашенного обязательства начинается разворачиваться истинная история взаимоотношений Горио с дочерями. Вексель оказывается практически единственной связью между отцом и Анастаси, без которой, однако, оба они не могут существовать: для них он являет любовь – его к дочери, ее к де Траю – в деформированном состоянии. Денежный билет и венчает муки Горио («Дети мои, я умираю! В голове у меня жжет, как огнем» [21. Т. 3. С. 212]), сознающего свое бессилие в потребности утолить отцовскую страсть.

Вексель как жестокий символ человеческого несчастья заимствован Бальзаком из трагедии «Венецианский купец». У Шекспира он материализован в открыто натуральной форме, поскольку его эквивалентом сделана плоть, часть тела. Именно такую плату – «фунт прекраснейшего мяса» [24. С. 228] Шейлок назначает Антонио. Трагический элемент, осложняющий внешне комическое действие пьесы, физически реализован в мотиве чудовищной равноценности денежного долга и человеческой жизни. Недопустимость такого обмена (а Шейлок неуклонно требует его реального осуществления) ясно сознается героями трагедии, но изменить дикуню бессмыслицу никто не в силах, так как она имеет законное право.

Значимую роль вексель играет и в драматичной судьбе Кузовкина, хотя Тургенев не заимствует вполне у Шекспира его кровожадную сущность. Писатель по примеру Бальзака оперирует им в социальном смысле, делая эту ценную бумагу виновником бесприютности героя. Кузовкин – дворянин, но дворянин без имения, и это половинчатое достоинство становится предметом осмеяния. Рассказ о затянувшейся тяжбе по поводу сельца Ветрово превращается в фарс. Уплата же по заявленному векселю (т.е. такая возможность, определенная выданной Елецким и Ольгой суммой) для героя оборачивается бесповоротным отказом от отцовского права («вы хотите купить меня...» [23. Т. 2. С. 166]), который навсегда удалит его от только что обретенной дочери.

Еще один значимый момент, сближающий бальзаковский роман и комедию Тургенева, связан с шекспировским изображением скитающегося по степи короля. Лир во время своих блужданий испытывает трансформацию душевного мира и изменение внешнего облика. Открывая истину всего произошедшего несчастья в личном существовании, он одновременно постигает трагедию человеческого мира.

Для Горио моментом прозрения становится стадия его умирания, символизирующая «агонию отцовского чувства» (*l'agonie du sentiment paternel*) [21. Т. 3. С. 207]. Испытывая невероятные физические страдания («Все

нутро горит!» [21. Т. 3. С. 240]), меняющие его внешность («искаженное болью, бледное, резко осунувшееся лицо», «седые всклокоченные волосы» [Там же. С. 231, 239]), он вдруг произносит: «Я обманут! Они меня не любят и не любили никогда!» [Там же. С. 239]. Однако мысли старого отца полно соответствуют его состоянию – они хаотичны и противоречивы, поэтому герой не останавливается только на обличительном заключении. Признания в любви и требование свидания с дочерьми сменяются обвинительным приговором: «я прокрилаю их, я буду по ночам вставать из гроба и повторять свои проклятья» (*je les maudis; je me relèverai, la nuit, de mon cercueil pour les remaudire*), а за ним снова следует попытка оправдать детей: «...я люблю их, обожаю!» [Там же. С. 240].

В «Нахлебнике» Тургенева терзания души главного героя проявлены в нескольких сценах, показывающих тонкие переливы чувства. Понимая всю низость положения, в которое его поставили Елецкий и Трембинский во время «невинного» розыгрыша за столом, он сквозь горечь сожаления выражает робкий, но полный горячего самосознания протест. В этом возмущении Кузовкин совершает роковое признание, которое оборачивается новой драмой.

Сцена объяснения с Ольгой, в течение которой явлена история отцовства, вновь оказывается для героя потрясением, но с иным спектром чувств. Тоска, отчаяние, робость, волнение, живость – все эти качества его состояния, ремарками сопровождающие исповедь героя, передают остроту переживания. Следующий эпизод – разговор с раздраженным Елецким – резко меняет регистр. Смиренный Кузовкин вынужден защищаться от несправедливых обвинений в расчетливости и корысти. В минуту наибольшего унижения он заявляет о своем дворянском достоинстве, которое нельзя купить.

Наконец, во время последнего свидания с Ольгой на мгновение снимаются все сословные условности, и на первый план выступают отношения отца и дочери. Елецкая и Кузовкин, признавая между собой родственную связь, обращаются – первая с неуверенной лаской, второй с растроганной нежностью – друг к другу на «ты»:

Кузовкин <...> Ах, Оля, Оля...

Ольга. Не плачьте – не плачь... Мы будем видеться... Ты будешь ездить...

Кузовкин. Ах, Ольга Петровна, Оля... я ли это, не во сне ли это? [23. Т. 2. С. 168]

Однако при появлении посторонних мимолетная душевная близость тут же рассеивается. Принимая уверения дочери в том, что они будут видеться, Кузовкин в то же время понимает невозможность будущих встреч, которых он и сам не допустит.

Герой Тургенева смиряется и всю вину за произошедшее (как в прошлом, так и в настоящем) берет на себя: «а я, конечно, сам виноват» [Там же. С. 159]. В этом слышится отголосок лировских слов: «Нет в мире виноватых!», однако признанию Кузовкина автор не придает шекспировского значения. Отсутствует

философский смысл и в откровениях Горио: «Друг мой, они не виноваты», «Виноват один я, но вся вина в моей любви» [21. Т. 3. С. 239]. Бальзак не возвышает героя над его драмой, она полностью остается в пределах личности (личности отца). Тургенев также смирение в несчастье замыкает внутри самочувствия «маленького человека», однако позже восклицанию Лира он даст более подробную и существенную интерпретацию и развернет ее на примере другого сложного образа.

Разница в уровнях художественного обобщения трагедии человека между Шекспиром и Бальзаком проявлена и в других случаях. Так, английский король призывает на защиту своего попранного права силы природы, мощь стихии, Горио же ищет поддержку у «кодекса законов»: «Пошлите за ними жандармов, приведите силой! За меня правосудие...» [Там же. С. 238]. Кроме того, если Лир в своем несчастье слышит отголосок пошатнувшегося мира, то парижский вермишельщик от предательства родных детей предостерегает все французское общество: «Если отцов будут топтать ногами, отечество погибнет» [Там же].

Тургенев в своей драме словно соединяет эти две несоразмерные позиции. Как и Бальзак, он обращается к конфликту, имеющему остросоциальную природу, что составляло важную дань традициям «натуральной школы». Например, В.В. Виноградов («в динамическом и противоречивом раскрытии» психологии тургеневского героя находил влияние «сентиментально-натурального изображения социальных характеров» Ф.М. Достоевского [25. С. 69, 71]. Однако писатель не останавливается только на аспекте «человек и среда», он включает драму дворянского быта в сложное противоречие самой русской жизни – в этом видна логика шекспировского универсализма.

Герой французского романа, как и Лир Шекспира, действительно через «личный опыт постигает неустройство мира» [20. С. 67], однако Горио (а за ним и сам автор) мыслит мир не как широту и безграничность человеческого существования – вся вселенная, а как исключительно социальную категорию. Для Бальзака конфликт человека сосредоточен внутри французского общества. Позже, в повести «Банкирский дом Нусингена», прочитанной Тургеневым во второй половине 1850-х гг., французский романист скажет прямо и отчетливо: Горио – это «жертва общества» [21. Т. 8. С. 351].

Герой «Нахлебника», в отличие от старого вермишельщика, самостоятельно не делает никаких заключений в духе шекспировского короля, но автор понимает драму Кузовкина как проблему русской действительности. И к такому способу изображения он приходит через бальзаковское осмысление искаженных человеческих отношений в буржуазном Париже. Во многом именно на примере французского романиста Тургенев раскрывает неустройство одной дворянской семьи, выходя в пространство национального существования – это же открытие, по-своему гениально, затем совершит А.П. Чехов в «Вишневом саде» (1903).

К разработке лировской проблематики на обыкновенном материале Тургенев возвращается в повести

«Степной король Лир» (1870). Соотношение между своим произведением и английской трагедией писатель делает уже намного более отчетливым и значительным⁶. И в этом сопоставлении он все же не отказывается совсем от опыта Бальзака. Вероятно, по примеру последнего Тургенев лишает своего героя третьей дочери (вариант Корделии)⁷, но в то же время позволяет проявиться положительным чертам (жалость и ласка) в образе младшей из них (Дельфина у Бальзака и Евлампия у Тургенева) – в момент душевного кризиса отца, предшествующего его смерти.

В свете романа «Отец Горио» интересен также образ тургеневского рассказчика, который напоминает Растиньяка. Этот герой Бальзака с гамлетовским сложением характера не мог не привлечь внимание писателя еще в 1840-е гг., когда им усиленно разрабатывалась проблема «русского Гамлета». Он, вероятно, отметил, что молодой провинциал в Париже поставлен перед решением вопроса «to be, or not to be». А «борьба Растиньяка с самим собой представляется величайшей драмой» [27. С. 60], суть которой, однако, глубоко социальна. Позднее она была выражена Бальзаком в словах: «Иметь или не иметь доход, вот в чем вопрос, как сказал Шекспир»⁸. В повести же Тургенев, возможно, заимствует хроникальную сущность Эжена, делая своего юного повествователя сочувствующим свидетелем всех несчастий провинциального помещика Мартына Харлова. Он не только исполняет роль того, кто мог бы «взвесить, оценить, осмыслить обстоятельства и события» [17. С. 111] происходящей трагедии, но оказывается также и тем, кто возвысит ее и поведает остальным.

Во второй половине 1870-х гг. Тургенев познакомился с письмами Бальзака (Correspondance de H. de Balzac), которые впервые стали доступны широкой публике. Следом за их появлением Э. Золя создал объемную статью «Бальзак и его переписка», которая при посредничестве русского писателя была помещена в журнале «Вестник Европы» (1877, т. 1), где в это же время начал публиковаться роман «Новь». В своем очерке Золя, обильно цитируя письма знаменитого романиста, идет по пути восторженного признания его таланта, незаслуженно оскорбленного французской критикой при жизни. Он передает личное сочувственное отношение к «Бальзаку – частному человеку» [28. С. 262] и признает его открывателем «натурального романа» [Там же. С. 295]. В конце статьи Золя сравнивает Бальзака с Шекспиром⁹ на том основании, что оба автора своими произведениями составили «обширные архивы человеческих документов» [Там же. С. 296].

Тургенев отозвался на эту публикацию в «Вестнике Европы» лишь формально, указав автору на возросший объем его корреспондентий для журнала. Однако статья Золя и письма Бальзака не могли оставить русского писателя равнодушным, тем более что последние вызвали живой отклик в кругу его близких современников. Так, например, о них отозвался Г. Флобер:

Я прочитал «Письма» Бальзака. Ну что ж, для меня это *поучительное* (здесь и далее курсив Фло-

бера. – И.В., Э.Ж.) чтение. Вот бедняга! Что за жизнь! Как он страдал и как работал! Какой пример! Не смеешь больше жаловаться, когда вспоминаешь все мучения, через которые он прошел, – и невольно любишь его. Но как он озабочен денежными делами! И как мало тревожится об Искусстве! *Ни разу* он об этом не пишет! Он стремился к Славе, но не к Прекрасному. К тому же какая ограниченность! Легитимист, католик, одновременно мечтающий и о звании депутата, и о Французской академии! И при этом невежественный как пень и провинциальный до мозга костей: роскошь ошеломляет его. Самые бурные литературные восторги вызывает у него Вальтер Скотт.

Я предпочитаю «Письма» Вольтера. Насколько неизмеримо шире его кругозор! [29. Т. 2. С. 187].

Тургенев же в это время не только находился с Флобером в постоянной переписке, на неизвестных страницах которой, вероятно, Бальзак имел свое место, но также был занят переводом сначала его «Легенды о св. Юлиане Милостивом», а затем «Иродиады». Русский текст обоих произведений появился в «Вестнике Европы» в том же 1877 г. (кн. 4–5), писатель открыл публикацию предисловием, в котором указал на то, что автор этих повестей провозглашен «главою французских реалистов и наследником Бальзака» [23. Т. 10. С. 193].

В результате Бальзак, так резко и настойчиво осуждаемый Тургеневым, оказался на самом деле для него тем автором, что по-своему стимулировал его творческую активность. Строго отрицательная оценка в отношении французского романиста, которая все возрастала с течением времени, имела у русского писателя под собой прочное основание. Тургенев очень внимательно и подробно изучил эстетику и поэтику бальзаковского творчества, не раз к ней возвращался, особенно в период собственной работы в рамках романного жанра. А именно на вторую половину XIX в. в европейской культуре пришлось осознание того факта, что Бальзак своей эпической деятельностью составил целую эпоху в развитии мировой литературы. Чуткий и просвещенный ум Тургенева не мог опровергать очевидного, хотя субъективно относился к этому явлению негативно.

В пространстве большого диалога опыт Бальзака побудил Тургенева к созданию собственной концепции «лировского» характера, которая прошла важную эволюцию от 1840-х к 1870-м гг. Сосредоточенный в начале своего творчества на проблеме «русского Гамлета», писатель не разворачивает провинциальную драму отцовства во всей полноте, однако он намечает в «Нахлебнике» отдельные аспекты, которые в повести «Степной король Лир» получают объемное, пошекспировски трагичное звучание.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. также: [3, 4].

² О представлении «Мачехи» на парижской сцене в русской печати восторженно сообщала «Библиотека для чтения». В кратком обзоре дан пересказ содержания пьесы, и особенно выделено новое и оригинальное лицо – Полина, отличающаяся от «дюжинных, плачевных героинь французских мелодрам» [6. С. 61].

³ Образ Натальи Петровны, «её “классичность”, противостоящая экстремизму романтического или связанного с традицией романтической драмы трагического героя, особенно ощутима при сопоставлении персонажей “Месяца в деревне” Тургенева, с одной стороны, и “Мачехи” Бальзака – с другой» [12. С. 507].

⁴ О сопоставлении романа Бальзака с трагедией Шекспира см.: [18].

⁵ Е.Ф. Корш при переводе этого фрагмента делает его смысл более прозрачным, употребляя само слово «колпак».

⁶ Повесть Тургенева рядом с романом Бальзака на основании типологического сходства впервые поставила М.Г. Ладария [2. С. 104–105], см. также: [26. С. 128–134].

⁷ В некотором смысле Бальзак восполняет отсутствие Корделии образом Викторины Тайфер, выстраивая, как и Шекспир, параллельный сюжет «отцов и детей», но в перевернутом варианте.

⁸ Фраза из романа «Кузен Понс» (1846): «Avoir ou n'avoir pas de rentes, telle était la question, a dit Shakspeare».

⁹ Неоднократные сравнения Бальзака с Шекспиром с разной расстановкой акцентов возникают на страницах «Дневника» Ж. и Э. Гонкуров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев М.П. И.С. Тургенев и музыка. Киев, 1918. 22 с.
2. Ладария М.Г. И.С. Тургенев и писатели Франции XIX века. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1987. 216 с.
3. Евдокимова А.А. Художественный спор И.С. Тургенева с О. де Бальзаком: романы «Дворянское гнездо» и «Лилия долины» // Вестник МГОУ. Сер. Русская филология. 2018. № 2. С. 107–115.
4. Евдокимова А.А. Концепт «счастье» в творческой интерпретации И.С. Тургенева и О. де Бальзака // Филологические чтения ЯРГУ им. П.Г. Демидова: материалы конф. Ярославль: ЯРГУ, 2018. С. 37–41.
5. Гроссман Л.П. Театр Тургенева // Гроссман Л.П. Собрание сочинений: в 5 т. М., 1928. Т. 3. С. 117–255.
6. Французский театр в Париже // Библиотека для чтения. 1848. Т. 89. Отд. VII. С. 58–68.
7. Гроссман Л.П. Бальзак в России // Литературное наследство. М.: Жур.-газ. объединение, 1937. Т. 31–32. С. 149–372.
8. Гербстман А.И. Театр Бальзака. Л.; М.: Искусство, 1938. 152 с.
9. Гурлянд И.Я. Из воспоминаний об А.П. Чехове // Театр и искусство. 1904. № 28. С. 520–522.
10. Савина М.Г. Мое знакомство с И.С. Тургеневым // И.С. Тургенев в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Худож. лит., 1983. Т. 2. С. 349–357.
11. Culianu-Georgescu C. Turgenev's «A Month in the Country» and Balzac's «La Marâtre». The Originality of Turgenev's Play // Russian Literature. 1984. Vol. 16, is. 4. P. 385–410.
12. Лотман Л.М. Драматургия И.С. Тургенева и натуральная школа 1840-х гг. // История русской драматургии. XVII – первая половина XIX века. Л.: Наука, 1982. С. 474–513.
13. Резник Р.А. Об одной шекспировской ситуации у Бальзака. К проблеме «Бальзак и Шекспир» // Реализм в зарубежных литературах XIX – XX веков. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1989. С. 4–14.
14. Гриб В.Р. Художественный метод Бальзака // Гриб В.Р. Избранные работы. М.: Худож. лит., 1956. С. 260–274.

15. Реизов Б.Г. Творчество Бальзака. Л. : ГИХЛ, 1939. 412 с.
16. Грифцов Б.А. Как работал Бальзак. М. : ГИХЛ, 1958. 300 с.
17. Реизов Б.Г. Бальзак : сб. ст. Л. : ЛГУ, 1960. 330 с.
18. Варламова Е.А. Преломление шекспировской традиции в творчестве Бальзака: «Отец Горю» и «Король Лир» : дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 171 с.
19. Пинский Л.Е. Шекспир. Основные начала драматургии. М. : Худож. лит., 1971. 605 с.
20. Бахмутский В.Я. «Отец Горю» Бальзака. М. : Худож. лит., 1970. 109 с.
21. Бальзак О. Собрание сочинений: в 15 т. М. : ГИХЛ, 1951–1955.
22. Достоевский Ф.М. Идиот. Подготовительные материалы // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л. : Наука, 1974. Т. 9. С. 140–288.
23. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений : в 30 т. Сочинения : в 12 т. М. : Наука, 1978–1986.
24. Шекспир У. Венецианский купец // Шекспир У. Полное собрание сочинений : в 8 т. М. : Искусство, 1958. Т. 3. С. 211–309.
25. Виноградов В.В. Тургенев и школа молодого Достоевского (конец 40-х годов XIX века) // Русская литература. 1959. № 2. С. 45–71.
26. Варламова Е.А. Шекспировский миф о Короле Лире у Бальзака и Тургенева («Отец Горю» и «Степной Король Лир») // Модернизм. Постмодернизм. Антимодернизм. СПб., 2009. С. 128–134.
27. Пузиков А.И. Портреты французских писателей. Жизнь Золя. М. : Худож. лит., 1981. 576 с.
28. Золя Э. Бальзак и его переписка // Вестник Европы. 1877. Т. 1. Кн. 1. С. 257–296.
29. Флобер Г. О литературе, искусстве, писательском труде. Письма. Статьи : в 2 т. М. : Худож. лит., 1984. 503 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 25 августа 2019 г.

I.S. Turgenev and H. de Balzac: On the Way to Shakespeare (On the Materials of the Writer's Family Library). Article Two
Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 448, 16–23.
 DOI: 10.17223/15617793/448/2

Ivan O. Volkov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: wolkoviv@gmail.com

Emma M. Zhilyakova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: emmaluk@yandex.ru

Keywords: I.S. Turgenev; H. de Balzac; W. Shakespeare.

The article dwells on the issue of the artistic interaction of I.S. Turgenev and H. de Balzac. For them, from the aesthetic point of view, W. Shakespeare's heritage, which became an important crossing point, finds traces in the structure of the authors' artistic dialogue. For the first time, the issue of Turgenev's personal attitude to the literary work of the French Romanticist is studied on the materials of the writer's personal (family) library. During his lifetime, Turgenev had been repeating a negative attitude to Balzac's artistic method; however, the Russian writer admitted his "great talent". Turgenev's statements gave an important reason to parallel two aesthetics, which resulted in the development of typological and contact connections on different grounds. Younger Turgenev's coevals became interested in the probable proximity of the Russian writer to Balzac (P. Bourget, E.-M. de Vogue, G. Moore, P.D. Boborykin). For the most part, they argued Turgenev's claim that Balzac's artistic method was "alien" to him. Later, significant common and different traits of the two aesthetics were introduced into Russian and foreign research works of the 20th century (by D.S. Gutman, M.P. Alekseev, M.G. Ladaria, L.P. Grossman, C. Culiuanu-Georgescu). *A Month in the Country* (1850) marked an important period of the Russian writer's early contact with the French novelist's tradition. From Balzac's play *The Stepmother*, Turgenev accurately learned the way of making the main female character image with sharp contradictions. Based on this example, Turgenev made a psychologically heterogeneous image of his female image. However, the writer did not adopt the French author's deep and limited social context of the character (cheating on her husband, a bastard child, etc.). On the contrary, following Shakespeare, Turgenev filled his own female image with a vast moral and philosophical content. The artistic polemic with Balzac, focusing, among other matters, on the grandiose Shakespeare's tragic characters, is represented in the comedy *Fortune's Fool* (1848). Expressed in line with Shakespeare's imagery, the father drama of a "little man", in its everyday and intimate family version, is approaching the problem set of *Old Goriot* (1834) in Turgenev's work. Following Balzac, on the example of a noble family, Turgenev shows the dramatic chaos of the whole national existence. Many years later in his story "A Lear of the Steppes" (1870), Turgenev gets back to develop the issue of Lear, which includes the new reading of Balzac's novel.

REFERENCES

1. Alekseev, M.P. (1918) *I.S. Turgenev i muzyka* [I.S. Turgenev and Music]. Kiev: Obshchestvo issledovaniya iskusstv.
2. Ladariya, M.G. (1987) *I.S. Turgenev i pisateli Frantsii XIX veka* [I.S. Turgenev and writers of France of the 19th century]. Tbilisi: Tbilisi State University.
3. Evdokimova, A.A. (2018) Art dispute of I. Turgenev with H. de Balzac: novels "Noble Nest" and "The Lily Of The Valley". *Vestnik MGOU. Seriya Russkaya filologiya – Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*. 2. pp. 107–115. (In Russian). DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-107-115
4. Evdokimova, A.A. (2018) [The concept of "happiness" in the creative interpretation of I.S. Turgenev and H. de Balzac]. *Filologicheskie chteniya YaRGU im. P.G. Demidova* [Philological readings of Yaroslavl State University named after P.G. Demidov]. Proceedings of the International Conference. Yaroslavl. 20–21 April 2018. Yaroslavl: Yaroslavl State University. pp. 37–41.
5. Grossman, L.P. (1928) *Sobranie sochineniy* [Collection of Works]. Vol. 3. Moscow: Sovremennye problemy (N. A. Stolyar). pp. 117–255.
6. *Biblioteka dlya chteniya*. (1848) Frantsuzskiy teatr v Parizhe [French Theater in Paris]. 89 (VII). pp. 58–68.
7. Grossman, L.P. (1937) Bal'zak v Rossii [Balzac in Russia]. In: Lebedev-Polyanskiy, P.I. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage]. Vols 31–32. Moscow: Zhurnal'no-gazetnoye ob'edinenie. pp. 149–372.
8. Gerbstman, A.I. (1938) *Teatr Bal'zaka* [Balzac's Theater]. Leningrad; Moscow: Iskusstvo.
9. Gurlyand, I.Ya. (1904) Iz vospominaniy ob A.P. Chekhove [From the memories of A.P. Chekhov]. *Teatr i iskusstvo*. 28. pp. 520–522.
10. Savina, M.G. (1983) Moe znakomstvo s I.S. Turgenevym [My acquaintance with I.S. Turgenev]. In: Petrova, S.M. & Fridlyand V.G. (eds) *I.S. Turgenev v vospominaniyakh sovremennikov* [I.S. Turgenev in the Memoirs of Contemporaries]. Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 349–357.
11. Culiuanu-Georgescu, C. (1984) Turgenev's "A Month in the Country" and Balzac's "La Marâtre". The Originality of Turgenev's Play. *Russian Literature*. 16 (4). pp. 385–410.
12. Lotman, L.M. (1982) Dramaturgiya I.S. Turgeneva i natural'naya shkola 1840-kh gg. [I.S. Turgenev's drama and the Natural School of the 1840s]. In: Lotman, L.M. (ed.) *Istoriya russkoy dramaturgii. XVII – pervaya polovina XIX veka* [History of Russian Drama. 17th – the first half of the 19th century]. Leningrad: Nauka. pp. 474–513.

13. Reznik, R.A. (1989) Ob odnoy shekspirovskoy situatsii u Bal'zaka. K probleme "Bal'zak i Shekspir" [On one Shakespearean situation in Balzac's work. Towards the "Balzac and Shakespeare" problem]. In: Petrova, E. A. (ed.) *Realizm v zarubezhnykh literaturakh XIX – XX vekov* [Realism in Foreign Literature of the 19th–20th Centuries]. Saratov: Saratov State University. pp. 4–14.
14. Grib, V.R. (1956) *Izbrannye raboty* [Selected Works]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 260–274.
15. Reizov, B.G. (1939) *Tvorchestvo Bal'zaka* [Balzac's Works]. Leningrad: GIKhL.
16. Griftsov, B.A. (1958) *Kak rabotal Bal'zak* [How Balzac worked]. Moscow: GIKhL.
17. Reizov, B.G. (1960) *Bal'zak* [Balzac]. Leningrad: Leningrad State University.
18. Varlamova, E.A. (2003) *Prelomlenie shekspirovskoy traditsii v tvorchestve Bal'zaka: "Otets Gorio" i "Korol' Lir"* [Refraction of Shakespearean tradition in Balzac's works: "Father Gorio" and "King Lear"]. Philology Cand. Diss. Moscow.
19. Pinskiy, L.E. (1971) *Shekspir. Osnovnye nachala dramaturgii* [Shakespeare. The main principles of the drama]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
20. Bakhmutskiy, V.Ya. (1970) *"Otets Gorio" Bal'zaka* ["Old Goriot" by Balzac]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
21. Balzac, H. (1951–1955) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Moscow: GIKhL.
22. Dostoevskiy, F.M. (1974) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 9. Leningrad: Nauka. pp. 140–288.
23. Turgenev, I.S. (1978–1986) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. *Sochineniya* [Works]. Moscow: Nauka.
24. Shakespeare, W. (1958) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 3. Moscow: Iskusstvo. pp. 211–309.
25. Vinogradov, V.V. (1959) Turgenev i shkola mladogo Dostoevskogo (konets 40-kh godov XIX veka) [Turgenev and the school of young Dostoevsky (late 40s of the 19th century)]. *Russkaya literatura*. 2. pp. 45–71.
26. Varlamova, E.A. (2009) Shekspirovskiy mif o Korole Lire u Bal'zaka i Turgeneva ("Otets Gorio" i "Stepnoy Korol' Lir") [The Shakespearean myth of King Lear in Balzac's and Turgenev's works ("Father Gorio" and "Steppe King Lear")]. In: *Modernizm. Postmodernizm. Antimodernizm* [Modernism. Postmodernism. Anti-modernism]. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 128–134.
27. Puzikov, A.I. (1981) *Portrety frantsuzskikh pisateley. Zhizn' Zolya* [Portraits of French Writers. Life of Zola.]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
28. Zola, É. (1877) Bal'zak i ego perepiska [Balzac and his correspondence]. *Vestnik Evropy*. 1 (1). pp. 257–296.
29. Flaubert, G. (1984) *O literature, iskusstve, pisatel'skom trude. Pis'ma. Stat'i* [On literature, art, writing. Letters. Articles]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

Received: 25 August 2019

И.Ф. Гнусова

«НЕКРЕЩЕННЫЙ ПОП» И «БУЛГАМПТОНСКИЙ ВИКАРИЙ»: ОТЗВУКИ РОМАНА Э. ТРОЛЛОПА В ПОВЕСТИ Н.С. ЛЕСКОВА

Предпринята попытка доказать, что при создании повести «Некрещенный поп» Н.С. Лесков опирается на опыт Э. Тrolлопа, в частности роман «Булгамптонский викарий». Рассматривается место произведений в творчестве писателей и их намерение изобразить героя, воплощающего авторское представление о сущности священнослужения, а также художественные приемы сенсационного романа, помогающие Лескову завуалировать создание «мифа» о попе-праведнике захватывающим и драматичным сюжетом.

Ключевые слова: Н.С. Лесков; Э. Тrolлоп; О. Голдсмит; М.Э. Брэддон; священник; Церковь; психологический реализм; сенсационный роман.

Исследователями не раз отмечалось особое значение английской литературы и культуры для формирования творческого метода Н.С. Лескова (см. об этом, напр.: [1–4]). Особенно очевидно оно в большой группе произведений, посвященных одной из самых важных для писателя тем: судьбе священнослужителя и путям обновления русской Церкви. Традиции Голдсмита, Тrolлопа и Джордж Элиот можно обнаружить при анализе романа-хроники «Соборяне» (1872), где Лесков предпринимает попытку представить собирательный образ попа-праведника, равнодушного, деятельного и трагически одинокого борца за веру и Отечество. А в цикле очерков «Мелочи архиерейской жизни» (1878) писатель активно использует поэтический инструментарий английской литературы о духовенстве как в сатирическом описании владык-самодуров, так и в драматическом рассказе о жизни и общественном положении священнослужителей в России. Кроме того, упоминает о чтении Диккенса и Вальтера Скотта и вводит в повествование сразу нескольких героев-англичан (см. об этом подробнее: [5–7]).

В повести «Некрещенный поп», написанной в 1877 г. незадолго до начала работы над «Мелочами», на первый взгляд, совершенно отсутствует этот английский контекст. Исследователи творчества Лескова указывают на то, что изображенное в повести «невероятное событие» (или «легендарный случай», как гласят два подзаголовка произведения) имеет реальную основу и упоминается в одном из очерков писателя. Действие повести происходит в малороссийском селе, и основные образы и мотивы открыто перекликаются с гоголевской «Ночью перед Рождеством». Здесь и умная и хитрая казачка Керасивна, прославившая ведьмой, и суровый казак Дукач, и адская метель, которая сбивает людей с пути. К гоголевским «Вечерам» отсылает и сама атмосфера жизни малороссийского люда, где вера и суеверия тесно переплетаются с бытом, и юмористически-сказовый тип повествования. В то же время А.А. Новикова-Строганова утверждает, что «первые пятнадцать глав повести строятся по всем канонам святочного жанра с его неизменными архетипами чуда, спасения, дара» [8. С. 60], – но здесь уже необходимо сделать оговорку о том, что жанр рождественского, или святочного, рассказа очень тесно связан с английской традицией, в частности с творчеством Диккенса, хорошо известным Лескову.

Однако увлекательный рассказ о ведьмовских проделках Керасивны и драматической поездке с новорожденным в соседнее село лишь предваряет вторую часть повести, в которой на первый план выходит образ «доброго священника» отца Саввы, настолько любимого прихожанами, что в случае его отставки они готовы податься «в турецкую веру». В контексте многочисленных произведений Лескова о священнослужителях, в том числе и остросатирических, очевидно, что здесь писатель лаконично представляет свой идеал духовного лица. Так, отец Савва кроток, добр, «беден, но совершенно равнодушен к деньгам» [9. С. 195], искренне любит мать и крестную, приютил у себя двух мальчиков-сирот. Но главное: молодой священник совершенно неортодоксально трактует традиционные церковные установления: так, он советует ради искупления грехов не ходить в Киев, а «трудиться дома», помогать семье, а также «больным и бедным». Богатому казаку отец Савва рекомендует оставить деньги не на новый колокол для церкви, а на школу для детей, где сам впоследствии «учит их грамоте и слову божию» [Там же. С. 197]. И в остальном земное, конкретно-человеческое в его «епитимных назначениях» преобладает над абстрактно-каноническим, за счет чего он мягко, но активно способствует перевоспитанию своих односельчан.

Если рассматривать повесть в контексте лесковских поисков идеального священнослужителя, с искренней заботой относящегося к людям, то у «Некрещенного попа» обнаруживается весьма примечательный литературный предшественник, а именно роман Энтони Тrolлопа «Булгамптонский викарий» (1868). Отметим сразу, что речь идет не о типологических параллелях: Лескову было хорошо известно имя Тrolлопа, одно из произведений которого он даже упоминает в рассказе «Шерамур»¹ (1889). Перевод «Булгамптонского викария» печатался в 1869–1870 гг. в журнале «Русский вестник», где именно в этот период активно публиковались практически все новые произведения Лескова, в частности его роман «На ножах». Учитывая интерес писателя к Англии и хорошее знание им английской литературы, трудно предположить, чтобы Лесков не читал роман Тrolлопа, посвященный, кроме всего прочего, герою-священнослужителю.

Энтони Троллоп – один из крупнейших английских авторов второй половины XIX в., стоявший у истоков психологического реализма. Им восхищался Лев Толстой, записав в дневнике: «Троллоп убивает меня своим мастерством» [10. С. 64]. Наиболее известен писатель своими парламентскими романами, а также циклом «Барсетширские хроники», где ярко описывает жизнь представителей духовенства в небольшом соборном городке Барчестере. Последний роман цикла был опубликован в 1867 г., а год спустя Троллоп вновь обращается к изображению героя-священника, но на этот раз в совершенно ином ракурсе. Если в «Барсетширских хрониках» писатель был погружен в исследование поступков и внутренних побуждений несовершенных персонажей-священников, анализировал больше их слабости и недостатки, то теперь он нуждается в безусловно положительном герое, способном бросить вызов не только окружающим, но и будущим читателям романа, поскольку главная его тема – судьба падшей женщины. Эту «положительность» булгамптонского викария неоднократно отмечали исследователи. Томас Эскотт, современник Троллопа, в своей книге замечал, что Фенвик – «широко мыслящий, великодушный, справедливый и добросердечный, всегда готовый высказать свое мнение, каким бы несвоевременным оно ни было, вполне может сойти за набросок автора» [11. Р. 240].

«Булгамптонский викарий», таким образом, занимает в творчестве Троллопа место, схожее с «Некрещеным попом» для Лескова: уделяя значительное внимание сатирическому изображению властолюбия и тщеславия представителей духовенства, оба писателя здесь пытаются показать героя, воплощающего их представления о сущности священнослужения². Троллоп акцентирует специфику взглядов своего героя уже в одной из первых глав, когда упоминает, как жена мельника не может понять, почему неверие ее мужа не «возбудит... негодования» мистера Фенвика, и почему он «говорит больше о жизни, ее пороках и радостях, о возможностях добра, нежели о требованиях религии» [12. С. 42]. А в главе, где священник приезжает к Кэрри Брэттл, изгнанной из дома отцом-мельником и вынужденной вести порочную жизнь, повествователь, словно извиняясь перед читателем, так размышляет о взглядах Фенвика: «Можно, пожалуй, отнести к числу его недостатков, что он не способен был относиться к грешнику с неумолимой строгостью» [Там же. С. 159].

Высветить характер героя и Лескову, и Троллопу помогает идентичный прием: изображение конфликта со священнослужителем совершенно иного склада. В повести Лескова антагонистом отца Саввы становится священник из соседнего села, безымянный «перегудинский поп», который завидует народной любви к герою и не только пишет на него доносы архиерею, но и рассказывает прихожанам «нескладницы вроде того, что он чародей и его крестная матка была всем известная в молодости гулячка и до сих пор остается ведьмой» [9. С. 197]. Враги есть и у булгамптонского викария. Глупый и напыщенный маркиз Тробриндж в ужасе от того, что Фенвик защищает падшую женщину и ее брата, возможного убийцу, и жалуется на него

епископу, считая дерзкого и прямолинейного священника безбожником и лгуном. Ему вторит мистер Пудделхэм, священник методистской общины, который назло своему конкуренту начинает строить уродливую часовню прямо напротив дома Фенвиков.

Этот сюжетный элемент также можно обнаружить в повести Лескова: когда на службы к герою начинают приходить жители соседнего села, перегудинский поп, «соревнуя отцу Савве... отстроил каменную церковь не в пример лучше парипсянской и богатый образ достал, от которого людям разные чудеса сказывал» [9. С. 197]. Реагируют на это герои одинаково: Фенвик с сочувствием относится к священнику-методисту и призывает жену смириться с часовней; отец Савва и «чудесам не завидовал, а все вел свое тихое дело по-своему» [Там же]. Надо отметить, что тема раскола возникает и в лесковской повести: в финале истории отца Саввы автор замечает, что «вокруг его села кругом штунда, а в его малой церковке все еще полно народу» [Там же. С. 210].

Однако при всем внешнем сходстве Фрэнсис Фенвик – все-таки романный персонаж, он более сложен, чем отец Савва, чей портрет нарисован Лесковым весьма схематично. Троллоп изображает своего героя традиционным для себя способом: он пытается максимально объективно проанализировать его характер и побуждения³. При очевидной симпатии к молодому священнику писатель показывает и его упрямый и немного задиристый нрав, а главное – полное непонимание характера еще одной центральной героини, Мэри Лоутер, в которую влюблен друг викария помещик Джилмор. Хотя Фенвик не играет столь активной роли во второй сюжетной линии романа, его позиция, а именно неодобрение действий героини, весьма симптоматична. Она напоминает о первоначальном варианте заглавия, которое дал Троллоп своему роману, – «I Count Her Wrong», что означает «Я неверно судил о ней». С одной стороны, это отсылка к главному женскому образу «Булгамптонского викария», Кэрри Брэттл, и в данном случае Фенвик пытается переломить общее мнение о несчастной дочери мельника. С другой стороны, такой заголовок прямо указывает на отношение друзей Мэри Лоутер, в том числе и Фенвика, к ее решению разорвать помолвку с Джилмором, и здесь ошибается уже сам викарий.

Таким образом, при всей своей терпимости священник Булгамптона предстает совсем не безгрешным носителем абсолютных истин – он обычный человек, со своими слабостями и заблуждениями. Чрезвычайно важно, что Троллоп показывает его, чаще всего, «домашним образом» – в собственном доме, в кругу семьи, в беседах с женой и друзьями. Но именно такой священнослужитель в итоге оказывается способен на незаурядный поступок – вопреки общественному мнению, гневу местного аристократа и, главное, косности старого мельника, Фенвик возвращает Кэрри Брэттл в семью и к праведной жизни. На этом пути священнику приходится терпеть множество неприятностей: помимо происков маркиза Тробринджа и методистов, частые встречи Фенвика с Кэрри вызывают слухи, способные разрушить его репутацию. Хотя все эти беды несопоставимы по величине с

катастрофой, потрясшей семью векфильдского священника в одноименном романе О. Голдсмита, дань традиции очевидна⁴: Троллоп точно так же пытается показать жизнь простого и честного человека, пытающегося не только жить в соответствии с христианскими ценностями, но и пролить свет на души других людей. Как отмечает Уильям Кэдбери, главная цель Фенвика в романе – «применить христианскую доктрину к жизни в миру» [14. Р. 155].

Эта цель Троллопа – найти героическое в простом, показать обыкновенного человека, способного выстоять в своих поступках, – была чрезвычайно близка Лескову с его стремлением обнаружить тип истинного праведника на национальной почве. Именно это обуславливает сходство многих мотивов и характеров «Булгамптонского викария» и «Некрещеного попа». Сам центральный образ неортодоксального священника одинаково несет у Троллопа и Лескова особую идеологическую нагрузку. Фрэнсису Фенвику автор доверяет ту задачу, которую он ставил перед собой при создании романа. О ней говорится в предисловии к «Булгамптонскому викарию»: по словам Троллопа, он желает не романтизировать образ павшей женщины, что нередко делалось в современной писателю литературе, и тем самым не «делать привлекательными порок и несчастье». Напротив, автор хочет показать «правду жизни» в надежде, что «иная беспечная девушка могла бы стать более вдумчивой, или что сердца иных родителей могли бы смягчиться» [15]. Выбор героя-священнослужителя для реализации этой задачи не случаен: известно, что Троллоп, как и многие писатели-викторианцы, был убежден, что должен воспитывать своего читателя. В «Автобиографии» он прямо сравнивает себя с проповедником и полагает, что его «проповеди» могут быть «как полезными, так и приятными для аудитории» [16].

Идейная нагрузка, возлагаемая на главного героя, очевидна и в повести Лескова. Обратим внимание на своеобразное промежуточное положение «Некрещеного попа» в творчестве писателя: если в «Соборнах» он еще пытался представить полнокровные образы попов-праведников во главе с Савелием Туберовым, то здесь фигура идеального священника мельчает, бледнеет, теряется за яркими образами других героев повести – прежде всего, Дукача и Керасивны. На первый план выходит совсем не характер «добротного попа» и не его деяния – они почти незаметны на фоне остросюжетной истории несостоявшегося крещения. И с этой точки зрения приобретают особый смысл два подзаголовка повести. «Невероятным событием» и «легендарным случаем» становится вовсе не возведение в сан священнослужителя некрещеного человека, которым оказывается отец Савва, но само появление подобного идеального священника, чьи указания «были не только всем под силу, но и многим очень по сердцу» [9. С. 196]. Неслучайно, перечисляя «странности» молодого попа, повествователь упоминает о том, как он снимает обет, данный прихожанками святым угодникам: «это многим показалось таким богохульством, которое едва ли возможно для человека крещеного» [Там же. С. 195]. Эта фраза придает дополнительный смысл и заголовку повести: получает-

ся, что истинным христианским пастырем может быть только некрещеный, находящийся вне церковной системы человек.

Печальная констатация того факта, что человеческий, неортодоксальный, искренне заботящийся о людях священник – уже почти миф, легенда, делает повесть последним шагом Лескова на пути к открытой сатире на Церковь. Одновременно «Некрещеный поп» – это своеобразный «каркас», схема для будущих «Мелочей архиерейской жизни», где писатель также будет делать акцент на полусмешных-полупечальных «анекдотах» из жизни высшего духовенства и в то же время показывать характеры почти идеальных архиереев, «простых и препростых» пастырей, которых часто не знают или не понимают их прихожане.

Сходство произведений Троллопа и Лескова не ограничивается, однако, акцентом на ключевом образе героя-священнослужителя. Как и отец Савва, Фрэнсис Фенвик не единолично находится в центре повествования: его характер во многом затмевается расследованием убийства местного фермера и сложным выбором Мэри Лоутер между двумя женихами. Оба произведения представляют собой широкое полотно провинциальной жизни, в котором авторское внимание останавливается на каждом из самобытных народных характеров. Показательно, что в системе персонажей можно обнаружить еще массу переключек. Общие доминанты, например, очевидны в образах Петро Дукача, отца будущего некрещеного попа, и мельника Джейкоба Брэттла. Богатый казак Дукач был «человек тяжелый, сварливый и дерзкий» [9. С. 161], не любил односельчан и весьма жестоко обходился со своим племянником Агапом. Упрямство и нелюбимость героя, по сути, и служит завязкой действия повести: никто не хочет идти в кумовья его новорожденному сыну, в результате чего Дукач отправляет племянника и «ведьму» Керасивну крестить сына в соседнее село. В романе Троллопа мельник Брэттл обладает схожими чертами характера: «раздражительный, спорщик, капризный и крутой» [12. С. 32]. Его упрямство и непримиримость также составляют одну из главных проблем сюжета: Кэрри готова вернуться домой и к честной жизни, но мельник не только не принимает дочь, но даже запрещает упоминать ее имя. Однако в финале оба героя приходят к смирению: Брэттл прощает дочь и мирится с сыном; Дукач, спасенный односельчанами от ссылки за убийство, вернулся «очень добрым стариком, всем повинился в своей гордости, у всех испросил себе прощение» [9. С. 188].

Обращает на себя внимание и наличие в произведениях Лескова и Троллопа одинакового сюжетного элемента – а именно убийства. В «Некрещеном попе» Дукач случайно убивает своего племянника Агапа, а в «Булгамптонском викарии» сын мельника подозревается в убийстве соседа-фермера. В обоих случаях преступление не играет определяющей роли в развитии сюжета. Однако само появление криминальной тематики, а также связанных с ней тем суда, преследования, наказания весьма симптоматично и указывает на очевидное влияние на творчество Лескова и Троллопа

жанра сенсационного романа, зародившегося в Англии и приобретшего огромную популярность как раз в 1860–1870-е гг. (самым известным автором, создавшим произведения в этом жанре, является Уилки Коллинз). Как правило, сенсационный роман строился вокруг преступления и его раскрытия, и при этом обязательно включал мотивы тайны, загадочного происхождения, сокрытого прошлого. Из готического романа в этот жанр перекочевали, как пишет А.И. Хотинская, «мистическая атмосфера, проникнутая тайной, страхом и ожиданием», а также «лейтмотивы вещей снов и предзнаменований, скитальчества и преследования» [17. С. 9].

Следует упомянуть, что отношение Треллопа к жанру сенсационного романа было сложным. С одной стороны, сенсационность в принципе была чужда его писательским принципам: как пишет В.В. Ивашева, Треллоп «постоянно говорил о своем недоверии к любым формам мелодрамы и сенсационности в искусстве, процветавшим в романе “сенсационной школы”» [18. С. 406]. Более того, он «всегда отрицательно относился к резким поворотам фабулы, неожиданностям и случайностям в ведении рассказа» [Там же. С. 404] – отсюда его любовь к хроникальному повествованию, которая тоже роднит его с Лесковым. Однако в понятие «сенсационности» Треллоп вкладывал и другой смысл: если произведения, полные намеренной гиперболизации и театрализации, он называл «фальшиво сенсационными», то истинную сенсацию, по словам В.А. Бячковой, писатель «искал в познании своих героев; их созидание и изучение было, по Треллопу, первейшей задачей романиста» [19. С. 54]. В «Автобиографии» писатель заявлял: «Хороший роман должен быть и в высшей степени реалистичным, и в высшей степени сенсационным» [16].

Очевидно, что в «Булгамптонском викарии» Треллоп заимствует из популярного жанра только внешние признаки – сам факт убийства, поиск преступников, подозрения в отношении Сэма Брэттла; а также делает одним из центральных персонажей падшую женщину, живущую в воровской среде (именно сенсационный роман привлек внимание викторианской публики к образу женщины-преступницы). Но не эти элементы сюжета поддерживают интерес к действию, которое отнюдь не является напряженным и захватывающим, как в классическом сенсационном романе. Цель викария Фенвика – не расследовать преступление (хотя он и помогает его раскрытию), а заставить семью мельника и всех жителей Булгамптона принять Кэрри Брэттл как равную себе, вспомнить о христианском всепрощении.

Но если английский писатель последовательно дистанцируется от сенсационности, то Лесков в своей повести, напротив, словно сознательно следует канону популярного жанра. С самого начала повесть изобилует страшными пророчествами: священник с сарказмом предсказывает, что ребенку Дукача «целый век оставаться некрещеным» [9. С. 167], односельчане также убеждены: «бог не допустит, чтобы сын такого недоброго человека... был крещен, да еще через известную всем ведьму» [Там же. С. 180]. Самым напряженным моментом сюжета становится поездка с

новорожденным в соседнее село: в поле поднимается «лютая метель» [9. С. 180], «настоящий ад» [Там же. С. 182]. Вышедший из дома Дукач проваливается в могилу – «неминуемый злой знак» [Там же. С. 185], как понимает он сам. Кульминационной точкой в тяжелой атмосфере ожидания становится убийство Агапа – ребенок же чудесным образом выжил и даже крещен, по словам Керасивны.

С этого момента Лесков активно пользуется еще одним средством из инструментария сенсационного романа – а именно приемом сохранения мнимой интриги. Наиболее ярко этот способ построения сюжета был использован английской писательницей Мэри Элизабет Брэддон в ее невероятно популярном романе «Тайна леди Одли» (1862), с которым Лесков также мог быть знаком по публикации в журнале «Отечественные записки» [20]. Читателю романа Брэддон не составляет труда догадаться, что хозяйка богатого имения является женой моряка, якобы погибшей, однако вместе с главным героем вынужден последовательно искать доказательства двоемужества героини; при этом расследование сопровождается нагнетанием атмосферы таинственности и тревоги.

То же самое делает Лесков: казалось бы, заголовок повести предельно ясно говорит о том, в чем заключается тайна главного героя, однако писатель вплоть до развязки действия продолжает поддерживать ее. Описывая взросление будущего попа Саввы, Лесков методично упоминает о странностях его крестной Керасивны, которая сразу после драматической поездки «ходит как не своя» [9. С. 187]; признается, что ей «тяжко», поскольку хранит «тайну великую» [Там же. С. 188]; просит Дукача молиться за две пропавшие души и «неистово» ведет себя во время приобщения мальчика к церкви. Апогея загадочное поведение Керасивны достигает в момент пострига Саввы: «она без стыда разорвала на себе плахту и наместо; пала на кучу перегноя и выла: – Ой земля, земля! возьми нас обоих!» [Там же. С. 194]. Тайна открывается только в конце повести, когда героиня во время предсмертной исповеди рассказывает правду о несостоявшемся крещении нынешнего попа. Однако эта ситуация, как и в традиционном сенсационном романе, разрешается благополучно: архиерей признает возможным «во Христа окреститься», «сквозь облако пройдя» [Там же. С. 209], и даже повышает отца Савву в чине. Впрочем, в этом финале скорее сказывается уже упомянутая традиция святочного рассказа: смиренный и благочестивый герой вознаграждается Богом – да еще с чудесной помощью святого Саввы, которую усматривают в этой развязке его односельчане.

Повесть «Некрещеный поп», таким образом, представляет собой любопытный синтез различных жанровых и повествовательных традиций, однако несомненно, что значительное место среди них занимает художественный инструментарий английской литературы. Реальный скандальный случай с некрещеным попом дает Лескову возможность изобразить свой идеал священнослужителя, и здесь опорой для писателя вполне мог послужить художественный опыт Энтони Треллопа и его образ булгамптонского викария. В то же время приемы сенсационного романа помогают Лескову уси-

лить напряженность повествования и, возможно, завуалировать основную авторскую задачу – создание «мифа» о попе-праведнике с захватывающим и драматичным сюжетом и элементами роковой тайны, убийством и наказанием за грехи. Проведенное исследова-

ние позволяет существенно дополнить представления об интертекстуальности произведений Лескова и уверенно ввести имя Троллопа в ряд английских авторов, творчество которых оказало влияние на художественную манеру русского писателя.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Речь идет о романе Э. Троллопа «Попенджой ли он?», см.: [9. С. 286].

² Эти представления Лескова точно характеризует в своей статье Е.А. Макарова: «В христианстве писатель выделяет, прежде всего, его общечеловеческий пафос. В его понимании христианство – это религия активного милосердия и сострадания, проповедь нравственного совершенствования человечества, призванного творить добро в жизни» [1. С. 268].

³ Об этой особенности художественного метода Троллопа пишет Б.М. Проскурнин: «Как известно, роман Троллопа – это не столько роман событий, сколько хроника психологических реакций и мотивов поведения персонажей в их сложнейших связях и взаимодействиях» [13. С. 64].

⁴ Наиболее явно на это указывает название романа, ср.: «The Vicar of Wakefield» – «The Vicar of Bullhampton».

ЛИТЕРАТУРА

1. Макарова Е.А. «Сентиментальное путешествие» Н.С. Лескова (Карамзинская традиция в творчестве писателя) // Карамзин и время. Томск, 2006. С. 257–277.
2. Минеева И.Н. Эффект левизны, или отношения Н.С. Лескова с Англией // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. Общественные и гуманитарные науки. Петрозаводск, 2014. № 7 (144). С. 70–75.
3. Овчинникова И.В. Стернианские «отражения» и их функция в романе-хронике Н.С. Лескова «Соборяне»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2013. 19 с.
4. Першина М.А. Англоязычная литература как текст-прецедент в произведениях Н.С. Лескова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киров, 2013. 24 с.
5. Гнюсова И.Ф. «Мелочи архиерейской жизни» Н.С. Лескова в контексте английской прозы о жизни священнослужителей (Дж. Элиот и Э. Троллоп) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2015. № 1. С. 98–107.
6. Гнюсова И.Ф. «Изнемогший в бою русский витязь»: образ священнослужителя в романе-хронике Н.С. Лескова «Соборяне» в контексте традиций английской литературы («Сцены из клерикальной жизни» Джордж Элиот) // Вестник Томского университета. 2015. № 393. С. 5–13.
7. Гнюсова И.Ф. Репрезентация образа священнослужителя в русской и английской литературе XIX в. Томск, 2018. 142 с.
8. Новикова-Строганова А.А. Евангельская концепция преображения мира и человека в творчестве Н.С. Лескова (повесть «Некрещеный поп») // Вопросы филологии. 2012. № 1 (40). С. 59–64.
9. Лесков Н.С. Собрание сочинений: в 11 т. М., 1957. Т. 6. 684 с.
10. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 48–49. М.; Л., 1952. 538 с.
11. Escott T.H.S. Anthony Trollope: His Work, Associates and Literary Originals. London, 1913. 351 p.
12. Булгамптонский викарий. Роман Антони Троллопа. М., 1869. 480 с.
13. Проскурнин Б.М. «Парламентские» романы Энтони Троллопа и проблемы эволюции английского политического романа: учеб. пособие по спецкурсу. Пермь, 1992. 111 с.
14. Cadbury W. The Uses of the Village: Form and Theme in Trollope's "The Vicar of Bullhampton" // Nineteenth-Century Fiction. 1963. Vol. 18, № 2. P. 151–163.
15. Trollope A. The Vicar of Bullhampton. URL: <https://ebooks.adelaide.edu.au/t/trollope/anthony/vicar-of-bullhampton/preface1.html> (дата обращения: 06.08.2019).
16. Trollope A. Autobiography. URL: <https://ebooks.adelaide.edu.au/t/trollope/anthony/autobiography/index.html> (дата обращения: 7.08.2019).
17. Хотинская А.И. Джозеф Шеридан Ле Фанно и английский сенсационный роман. Проблема трансформации жанра romance: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 26 с.
18. Ивашева В.В. «Век нынешний и век минувший...»: Английский роман XIX века в его современном звучании. М., 1990. 477 с.
19. Бячкова В.А. Читатель в художественной системе романов Энтони Троллопа 1860-х гг.: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2009. 207 с.
20. Тайна леди Одлей. Роман мистрисс Браддон // Отечественные записки. 1863. № 2–6.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 26 сентября 2019 г.

The Unbaptized Pope and The Vicar of Bullhampton: A response to Anthony Trollope's Novel in Nikolay Leskov's Story

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 448, 24–29.

DOI: 10.17223/15617793/448/3

Irina F. Gnyusova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: irbor2004@mail.ru

Keywords: N.S. Leskov; A. Trollope; O. Goldsmith; M.E. Braddon; clergyman; church; psychological realism; sensation novel.

The aim of the article is to prove that N.S. Leskov employed A. Trollope's experience, in particular, the novel *The Vicar of Bullhampton*, when he created the story *The Unbaptized Pope* (1877). This hypothesis is verified by the typological comparison of the two main characters of the works. The analysis of *The Unbaptized Pope* shows that Leskov presents his ideal of a clergyman: the Reverend Savva is mild-tempered, kind, indifferent to money. But the main thing is that he interprets traditional church ordinances in a completely non-Orthodox way. For example, he advises not to go to Kiev for the atonement of sins, but to help the family, the sick and the poor: the earthly, the specifically human constantly prevail over the abstract-canonical. The analysis of the novel *The Vicar of Bullhampton* reveals that Trollope sets a similar aim. He needs an absolutely positive character, able to challenge not only those around him, but also future readers of the novel, because its main subject is the fate of a fallen woman. At the same time, Trollope represents Francis Fenwick as objectively as possible. With all his tolerance and breadth of views, the vicar of Bullhampton is an ordinary person, with his weaknesses and errors. But it is this clergyman who is capable of an extraordinary deed: contrary to public opinion, Fenwick returns Carry Brattle to the family and to an honest life. The author concludes that Trollope's aim—to find the heroic in the simple, to show ordinary people who can rise in their actions—was extremely close to Leskov with his aspiration to discover the type of the righteous man on the national ground. However, it is still not the character of a “good pope” that is in the

foreground in the story: it is almost invisible against the background of the action-packed story of the failed baptism. The comparative analysis reveals the specific meaning of the two subtitles of the story: the “incredible event” and the “legendary case” are not the consecration of an unbaptized person, but the very appearance of such an ideal priest. The second part of the article focuses on the influence of the sensation novel on Leskov’s and Trollope’s works. Trollope’s attitude towards this genre was complex: sensationalism was alien to his writer’s principles; therefore, he borrows only outward signs from the popular genre. Leskov, on the contrary, consciously follows the canon: the abundance of terrible prophecies, the motive of mystery. The writer also actively uses the method of preserving a seeming intrigue, known from M.E. Braddon’s novel *Lady Audley’s Secret* (1862). The methods of the sensation novel help Leskov to increase the tension of the narrative and possibly veil the main author’s goal, the creation of a “myth” about the righteous pope, by an exciting and dramatic plot with elements of a fatal secret, murder and punishment for sins. Concluding the research, the author confidently states that Trollope is among English authors whose works influenced Leskov’s artistic principles.

REFERENCES

1. Makarova, E.A. (2006) “Sentimental’noe puteshestvie” N.S. Leskova (Karamzinskaya traditsiya v tvorchestve pisatelya) [N.S. Leskov’s “Sentimental journey” (Karamzin’s tradition in the writer’s work)]. In: Ayzikova, I.A. & Yanushkevich, A.S. (eds) *Karamzin i vremya* [Karamzin and the Time]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 257–277.
2. Mineeva, I.N. (2014) Leftism effect or N. S. Leskov’s relationship with Britain. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta – Proceedings of Petrozavodsk State University*. 7 (144). pp. 70–75. (In Russian).
3. Ovchinnikova, I.V. (2013) *Sternianskie “otrazheniya” i ikh funktsiya v romane-khronike N.S. Leskova “Soboryane”* [Sternian “reflections” and their function in the N.S. Leskov’s chronicle novel “The Cathedral Clergy”]. Abstract of Philology Cand. Diss. Voronezh.
4. Pershina, M.A. (2013) *Angloyazychnaya literatura kak tekst-pretseptent v proizvedeniyakh N.S. Leskova* [English-language literature as a precedent text in the works of N.S. Leskov]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kirov.
5. Gnyusova, I.F. (2015) N. S. Leskov’s “Trifles from the Life of Archbishops” in the context of English literature about clerical life (George Eliot and Anthony Trollope). *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya – Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 1. pp. 98–107. (In Russian).
6. Gnyusova, I.F. (2015) “Russian knight, beaten out in battle”: character of clergyman in N.S. Leskov’s novel-chronicle *The Cathedral Clergy* in the context of English literature traditions (George Eliot’s *Scenes Of Clerical Life*). *Vestnik Tomskogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 393. pp. 5–13. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/393/1
7. Gnyusova, I.F. (2018) *Reprezentatsiya obraza svyashchenmosluzhitelya v russkoy i angliyskoy literature XIX v.* [Representation of the image of a clergyman in Russian and English literature of the 19th century]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Novikova-Stroganova, A.A. (2012) *Evangel’skaya kontseptsiya preobrazheniya mira i cheloveka v tvorchestve N.S. Leskova (povest’ “Nekreshchenyy pop”)* [The gospel concept of the transfiguration of the world and man in the work of N.S. Leskova (the story “Unbaptized Pope”)]. *Voprosy filologii*. 1 (40). pp. 59–64.
9. Leskov, N.S. (1957) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 6. Moscow: GIKhL.
10. Tolstoy, L.N. (1952) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vols 48–49. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel’stvo khudozhestvennoy literatury.
11. Escott, T.H.S. (1913) *Anthony Trollope: His Work, Associates and Literary Originals*. London: John Lane.
12. Trollope, A. (1869) *Bulgamptonskiy vikariy. Roman Antoni Trollopa* [The Vicar of Bullhampton by Anthony Trollope]. Moscow: Universitetskaya tipografiya.
13. Proskurmin, B.M. (1992) *“Parlamentskie” romany Entoni Trollopa i problemy evolyutsii angliyskogo politicheskogo romana* [“Parliamentary” novels by Anthony Trollope and the issues of the evolution of the English political novel]. Perm: Perm State University.
14. Cadbury, W. (1963) The Uses of the Village: Form and Theme in Trollope’s “The Vicar of Bullhampton”. *Nineteenth-Century Fiction*. 18 (2). pp. 151–163.
15. Trollope, A. (2015) *The Vicar of Bullhampton*. [Online]. Available from: <https://ebooks.adelaide.edu.au/t/trollope/anthony/vicar-of-bullhampton/preface1.html>. (Accessed: 06.08.2019).
16. Trollope, A. (2014) *Autobiography*. [Online]. Available from: <https://ebooks.adelaide.edu.au/t/trollope/anthony/autobiography/index.html>. (Accessed: 7.08.2019).
17. Khotinskaya, A.I. (2006) *Dzhozef Sheridan Le Fanyu i angliyskiy sensatsionnyy roman. Problema transformatsii zhanra romance* [Joseph Sheridan Le Fanyu and the English Chiller. The problem of transformation of the romance genre]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
18. Ivasheva, V.V. (1990) *“Vek nyneshniy i vek minuvshiy...”*: *Angliyskiy roman XIX veka v ego sovremennom zvuchanii* [“This century and the past . . .”]: English novel of the 19th century in its modern sound]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
19. Byachkova, V.A. (2009) *Chitatel’ v khudozhestvennoy sisteme romanov Entoni Trollopa 1860-kh gg.* [Reader in the art system of Anthony Trollope’s novels of the 1860s]. Philology Cand. Diss. Perm.
20. *Otechestvennye zapiski*. (1863) Tayna ledi Odley. Roman mistriss Braddon [Lady Audley’s Secret, a novel by mistress Braddon]. 2–6.

Received: 26 September 2019

В.Б. Зусева-Озкан

МАСКУЛИННОСТЬ И ФЕМИНИННОСТЬ В ЛИТЕРАТУРЕ РУССКОГО МОДЕРНИЗМА: СЛУЧАИ БЛОКА И ЦВЕТАЕВОЙ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10100) в ИМЛИ РАН.

Статья посвящена сопоставлению двух «систем гендерных координат» эпохи модернизма – А. Блока и М. Цветаевой. В результате анализа как художественных текстов, так и прямых, публицистических высказываний делаются выводы о разрушении гендерного эссенциализма в творческом сознании Блока и Цветаевой и об общей для них идее «нового» человека, который бы соединил в себе «женственное» и «мужественное» и тем самым стал существом высшего порядка.

Ключевые слова: гендер; маскулинность; фемининность; А. Блок; М. Цветаева; воительница; валькирия; амазонка; андрогин.

Культура модернизма, как в один голос указывают историки, социологи, литературоведы, характеризуется «взрывным» ростом женского влияния на социальную жизнь, литературу и искусство. В период 1890–1930-х гг., отмеченный политическими и социальными катаклизмами, коренной ломкой социально-политического устройства Российского государства, и общественное положение женщины, и его литературная репрезентация претерпели решительную ломку. Жесткая дихотомия между фемининным и маскулинным, обусловленная эссенциалистскими взглядами, на рубеже XIX и XX вв. начинает стираться, ставиться под сомнение, гендерные стереотипы подвергаются резкой переоценке и экспериментам, что многообразно отразилось в модернистской литературе. Это и возникновение огромного – по сравнению с предшествующим периодом – числа женщин-авторов (отсюда в сфере искусства появляется запоминающееся именование «амазонки авангарда»). И интерес литературы рубежа веков к «психологии пола», проблемам сексуальности, введение соответствующих тем в литературные произведения (поскольку исследование психологических и поведенческих особенностей мужчин и женщин в интересующую нас эпоху подводилось под рубрику «психологии пола» и пол зачастую отождествлялся с сексуальностью), нередко в аномальном аспекте. Это мотив андрогинности, столь принципиальный для декадентов и символистов и наделявший мистическими коннотациями; и грандиозный по значению и влиянию образ «вечной женственности». Это и мена гендерными ролями, проявляющаяся, в частности, в «женских» речевых масках писателей-мужчин и «мужских» масках писательниц. Все это – как на уровне биографий писателей, в том числе отразившихся в эго-документах, так и на уровне собственно литературных произведений. Параллельно с изменениями в обществе, а иногда и опережая их, литература предлагала новые ролевые модели, так что привычный «женский» мир – дом, семья, эмоциональная сфера – расширялся за счет включения в него «мужских» занятий, в том числе профессиональной деятельности и творчества.

Нельзя не отметить, что движущую силу этих изменений составляли именно женщины, и в первую очередь в женском творчестве обнаруживаются но-

вые подходы к пониманию фемининного, маскулинного и границ между ними. В этой статье мы ставим вопрос о сопоставлении двух «систем гендерных координат» эпохи модернизма – А. Блока и М. Цветаевой. По нашему мнению, цветаевская концепция женственности характеризуется радикальной новизной (хотя и уходит корнями в миф), тогда как блоковская в большей мере связана с традицией – что не удивительно, учитывая, что она создавалась в рамках мужской перспективы как перспективы «нормативной». *Tertium comparationis*, или основанием для сравнения именно этих двух кейсов, является тот факт, что, как мы постарались показать в других статьях [1–5], принципиальным образом художественного мира обоих поэтов является гендерно неоднозначный образ девы-воительницы (ей часто сопутствует образ избранного героя, равносильного героине и вступающего с ней в сложные отношения любви-борьбы), который можно представить как выражение «гендерного беспокойства» на фоне нормы гендерного дисплея рубежа XIX и XX вв. Сама Цветаева, безусловно, видела основания для сопоставления себя и Блока в интересующем нас ракурсе. В письме Ю.П. Иваску от 4 апреля 1933 г. она, оценивая его статью о себе, отмечала: «Хорошо сопоставление *последнего рыцаря* – Блока и *единоличного бойца* <...> – меня» [6. Т. 7. С. 381].

Действительно, образ воительницы является своего рода *alter ego* Цветаевой, тогда как для Блока таким был, соответственно, образ воина – но, по нашему мнению, необязательно рыцаря, паладина Прекрасной Дамы: присутствуют в его творчестве и другие варианты, например, князь из цикла «На поле Куликовом» или Сигурд / Зигфрид. Примечательно, что, в соответствии с жизнестроительной практикой символизма, лирическая и биографическая персоны зачастую сливались как в собственном сознании автора, так и в сознании окружающих; так, Л.Д. Блок писала: «...он прекрасно воплощал образ светлокурого, голубоглазого, стройного, героического арийца. Строгость манер, их “военность”, прямизна выправки, сдержанная манера одеваться и в то же время большое сознание преимущества своего облика и какая-то приподнятая манера себя вести, себя показывать довершали образ “зигфридоподобия”» [7. С. 73].

Лирический герой Блока, таким образом, предстает в традиционнейшем из мужских амплуа – воинском, которое есть квинтэссенция патриархатной культуры; добавим, что ни у какого другого поэта Серебряного века нет такого количества воинских метафор, ассоциаций и боевых атрибутов лирического героя (латы, меч, копьё, щит, знамя и пр.). Традиционно и то, что герой представлен в позиции поклонения Прекрасной Даме, идеалу чистоты, которая в более поздней лирике явлена в «падшем» облике, отмеченном влиянием «страшного мира», – тоже элемент патриархатной картины мира со специфическим для нее представлением о женской «чистоте».

Но гораздо менее традиционно то, что магистральный для блоковского творчества «софийный» сюжет спасения, гностический по происхождению, проигрывается у него не только в основном своем варианте, когда плененная, спящая Мировая Душа должна быть спасена избранным героем, но и во взаимодополнительном ему варианте, когда пленен злыми силами оказывается герой, в конечном счете освобождаемый софийной героиней. В этом «активном» своем качестве спасительницы героиня Блока, как правило, превращается в воительницу – ср., например, стихотворение «Дали слепы, дни безгневны...» (апрель–май 1904), где спящая царевна просыпается, подхватывает щит, упавший из рук плененного злыми чарами «всадника-весны», солярного героя, и сама выступает в роли избавителя. Похожая ситуация – в стихотворении «За холмом отзвенели упругие латы...» (2 апреля 1907) с его вагнеровским подтекстом, где героя спасает полубожественная героиня-валькирия, «направляющая копьё полуночи» в грудь самому «Солнцебогу». В пьесе «Песня Судьбы» (1908) Елене приданы черты мифологической, небесной валькирии (особенно явные в черновых вариантах), а Фаине – черты земной воительницы; при этом, хотя Герман призван спасти Фаину, Елена в перспективе спасает героя. Статус «спасающего» и «спасаемого» оказывается у Блока меняющимся, нестабильным, осциллирующим, эти сюжетные возможности чередуются, мерцают, взаимоотражаются. Подобно тому как Д.М. Магомедова доказала, что идиллическая и демоническая героини Блока представляют собой двойников, или, точнее, две стадии пути Софии (в славе и в падении) [8. С. 35], мы утверждаем, что спящая царевна, персонаж пассивный, и воительница, персонаж активный, тоже двойники, тоже две ипостаси одной сущности. Глубинной связью двух вариаций образа героини у Блока объясняется тот факт, что воительница (в том числе валькирия) часто приобретает у него черты Девы Марии и ангела. При этом Блок почти отказывается от какой бы то ни было активности героини вне сюжета с участием избранного героя, так что эта фигура оказывается у него как бы несамостоятельной.

Дело в том, что для Блока активность и, так сказать, субъектность – воля к самоопределению, жизненная сила, героическая твердость, творческое начало, профессионализм, предприимчивость – представлялись именно мужскими атрибутами, как это явно показывают не художественные, а прямые, публицистические его высказывания: «Завоевать хотя бы не-

большое пространство воздуха, которым дышишь по своей воле, независимо от того, что ветер все время наносит на нас тоску или веселье, легко переходящее в ту же тоску, – это и есть действие мужественной воли, творческой воли» [9. Т. 7. С. 247]. Или: «Будь у Вас какая-нибудь любимая работа, “специальность”, Вы бы иначе себя чувствовали. <...> Пока ее нет, все отношение к миру выходит женское, много “настроенный” и мало действия» [Там же. Т. 8. С. 420]. Женщина же оказывалась не субъектом, а скорее объектом, даже если и поклонения – ср. письмо Л.Д. Менделеевой А. Блоку от 13 января 1903 г.: «...жутко и непонятно, что “ты – для славы”, что для тебя есть наравне со мной <...> этот чуждый, сокрытый для меня мир творчества, искусства; я не могу идти туда за тобой <...> ведь и я-то, и твоя любовь, как и вся твоя жизнь, для искусства, чтобы творить, сказать свое “да”; я для тебя – средство, средство для достижения высшего смысла твоей жизни» [10. С. 101] (Любовь Дмитриевна прямо касается здесь того, что станет сутью конфликта будущих супругов, в основе которого лежал жизнестроительный сюжет Блока). См. также: «Подруга Л. Сегаль... пишет ей по поводу моего весеннего письма к Сегаль... “Блок говорит, что женщине творчество в искусстве почти недоступно <...>”» [11. С. 198]. Приведенные высказывания, конечно, укладываются в традиционную концепцию мужского превосходства.

Но важно иметь в виду, что Блок противопоставлял не столько «мужское» и «женское», что, по его мнению, пошло (как «почти всегда» пошлостью является и «женоненавистничество – черта, столь свойственная среднему мужчине» [9. Т. 5. С. 467]), сколько «мужественное» и «женственное». В этом смысле Блока нельзя назвать гендерным эссенциалистом – ср., например: «...я хочу мужественного ученичества, а факт напечатания будет свидетельствовать о “женственном (т.е. ни к чему не обязывающем) поучении”» [Там же. Т. 8. С. 308]; «Когда мужественное превращается в мужское, то гнев вырождается в злобу; когда женственное превращается в женское, то доброе превращается в чувствительное» [Там же. Т. 5. С. 465]. В статье об Августе Стриндберге, которым Блок очень интересовался, поэт говорит о совершающемся «создании нового человека», о «новом “половом подборе”, о гармоническом распределении мужественных и женственных начал»: «Мы видим, сверх того, работу природы и культуры, которые стремятся к обновлению обоих вырожденных типов, пытаясь облагородить мужское – женственным и женское – мужественным; большинство сочетаний дает, разумеется, средний, ничего не обещающий тип...» [Там же. Т. 5. С. 465] (ср.: «...только оттого, что мы перестаем “красоваться” и любоваться на самих себя, – мы сразу начинаем говорить человеческими голосами, и не теми “декадентскими”, “нечестными”, какими-то “муже-женскими”, или – проще, бабьими, которые раздаются в таком обилии в современной литературе» [Там же. Т. 8. С. 413]). В человеке высшего порядка, по Блоку, должны соединиться «мужественное» и «женственное» начала (но не «мужское» и «женское», репрезентирующие «вырождение»). Тем не менее Блок явно сближает сильное,

«героическое» и «мужественное». Таким образом, в художественном творчестве Блок оказывается более радикальным в конструировании фемининного, нежели в прямых, публицистических высказываниях.

Иной случай представляет собой М. Цветаева, творчество которой сугубо неконвенционально. На протяжении всей жизни она говорила о своей мужественности – и души, и тела, и текстов, причем мужественные черты отмечали в ней и окружающие. Роман Гуль: «В Цветаевой было что-то мужественное. Ходила широким шагом, на ногах – полумужские ботинки...» [12. С. 252]; «...в творчестве своем Цветаева <...> была, я бы сказал, мужественна. Женственные ноты в ее лирике прорывались нечасто...» [Там же. С. 255]; Марк Слоним: «Рукопожатие ее было крепкое, мужское» [Там же. С. 306]; Андрей Седых: «Рукопожатие ее было крепкое, почти мужское» [Там же. С. 378]; Юрий Иваск: «По-мужски подпоясывается кожаным ремнем» [Там же. С. 431]; Софья Липеровская: «Во внешней манере, в мальчишеских хватках, в крепком пожатии руки (по-мужски), в прическе напоминала тогда Марка Волохова из “Обрыва” Гончарова» [Там же. С. 33]; Павел Антокольский: «Широкими мужскими шагами пересекает она Арбат...» [Там же. С. 86]; Борис Пастернак: «Цветаева была женщиной с деятельной мужской душой, решительной, воинствующей, неукротимой» [Там же. С. 286]; Елена Извольская: «Некая суровость сочетается с удалством, женская ласковость с мужественной, мужской твердостью» [13. С. 152–153].

В дневниках и прозе Цветаева высказывалась и о *преодолении пола*, как бы возвышении над ним: «Мужчины и женщины мне – не равно близки, равно – чужды. Я так же могу сказать: “вы, женщины”, как: “вы, мужчины”. Говоря: “мы – женщины”, всегда немножко преувеличиваю, веселюсь, играю» [6. Т. 4. С. 572] («Из записных книжек и тетрадей», август 1918 г.); «Я кому-то: – Я наверное любила бы гребенки... <...> Любила бы – если бы что? Очевидно, если была бы женщиной» [Там же. С. 78] (записная книжка, примерно 1921 – начало 1922 г.); «– Какая вы, однако, твердая! – восхищенно <...> – Кузмин.

– Ein Mann – ein Wort!

– Но вы ведь – Frau!

– Нет! Mensch! Mensch! Mensch!» [Там же. С. 290] («Нездешний вечер», 1936 г.). И о *сочетании женской души и мужской внешности*: «Бог, давший мне широкие плечи и крепкие руки, знал, что он делал. Но Бог, давший мне при этом такую душу – определенно не знал» [Там же. С. 584] («Из записных книжек», март 1919 г.); и, напротив, о *мужской душе при женском теле*: «С Володей я отводила свою мужскую душу» [Там же. С. 344] («Повесть о Сонечке», 1937 г.); «Моя мать хотела сына Александра, родилась – я, но с душой (да и головой!) сына Александра...» [Там же. Т. 7. С. 510] (из письма А. Берг от 17 ноября 1937 г.; это часто повторяющийся мотив в автобиографической прозе Цветаевой); «Я, кажется, всех мужчин превращаю в женщин. Хоть бы какой-нибудь один меня – назад – в свой <сверху: мой> пол» [14. С. 36] (запись 1921 г. в записной книжке).

Как и Блок, Цветаева отнюдь не ставит знака равенства между полом и гендером: «Женственность во мне не от пола, а от творчества. Парки сонной лепетанье – такая»; «Я поняла одну вещь: с другим у меня было “р”, буква, которую я предпочитала, – самая я из всего алфавита, самая мужественная: мороз, гора, герой, Спарта, зверь – все, что во мне есть прямого, строгого, сурового» [6. Т. 5. С. 470] («Флорентийские ночи», 1932 г.). Во всех случаях Цветаева оказывается крайне далека от конвенциональной женственности, и (декларативно) ценит в своей личности то, что традиционной фемининности противопоставляет: невнимание к собственной внешности, отсутствие кокетства, жеманства и притворства, физическую силу и быстроту, легкость не стесненных ничем движений, внутреннюю прямогу и честность, душевную силу, способность к героическим проявлениям, суровость, смелость и прямогу, умение переносить физические лишения и страдания, склонность защищать более слабых, воинственность.

Любимые героини Цветаевой всегда андрогинны – см., например, пьесу «Метель» (1918), где Дама в плаще предстает «чуть юношественной» [Там же. Т. 3. С. 358], и другие персонажи высказывают сомнения в ее половой принадлежности: «Плащ-то плащом, а узнать занятно – / Есть ли и женщина под плащом!» [Там же. С. 362] (в «Повести о Сонечке» Цветаева признается: «Дама в плаще – моя душа...» [Там же. Т. 4. С. 298]). В двух пьесах о Казанове – «Приключении» и «Фениксе» (обе 1919) – героини тоже предстают в мужском облике: единственное «неприключение» героя, Генриэтта, является ему впервые как гусар Анри, и он именно так ее называет в самые нежные моменты: «Тринадцать лет, Анри, в каком аду! / Платонова родная половина!» [Там же. Т. 3. С. 496]; «Моя Любовь! Мой лунный мальчик!» [Там же]. Франциска в «Фениксе» есть своего рода отражение Генриэтты: за призрак прежней возлюбленной принимает ее Казанова, когда она появляется перед ним как «существо в плаще и в сапогах» [Там же. С. 540]. Аттестует она себя так: «Я – он, верней сказать – одета / Как мальчик – как бы вам сказать? / Я – девочка» [Там же]. Она носит за поясом пистолеты, мечтает о «луке самострельном», знает толк в ружьях и седлах. Наличие черт обоих полов оказывается в сознании Цветаевой признаком существа высшего порядка, признаком Психеи – души, сбросившей оковы плоти, всегда слишком однозначной и потому приземленной. Собственно, именно этот сюжет разыгрывается в поэме-сказке «Царь-Девушка» (1920), где героиня наделена отчетливо мужскими, воинственными, даже разбойничьими чертами и при этом является существом полубожественным, а в финале окончательно освобождается от земного и плотского.

Высшим выражением андрогинности, гендерной неоднозначности является присутствующий у Цветаевой на всем протяжении ее творчества образ воительницы, т.е. женщины, ведущей сугубо мужской образ жизни. (Хотя и с мужчиной-воином она себя тоже ассоциировала – см., например, стихотворение «Пражский рыцарь»; а в письме А. Бахраху от 27 сентября 1923 г. Цветаева писала: «У меня есть друг в Праге, каменный рыцарь, очень похожий на меня ли-

цом» [6. Т. 6. С. 614]. Еще раньше это были другие каменные рыцари: «В передней огромные истуканы-рыцари. Оставлены за ненужностью... никому, кроме меня. Но мне нужны, равно как я, единственная из всех здесь, им сродни» [Там же. Т. 4. С. 456–457]; «Мои службы», 1918–1919.) Лирическая героиня Цветаевой неизменно осознает себя воительницей, хотя само содержание этого образа постепенно меняется. В ранней лирике это своего рода разбойница, «беззаконница», стихийная героиня, свободно проявляющая себя в мире и ему равная. С 1914 г. амазонка начинает пониматься еще и как «подруга» – в лесбийском смысле (см. также позднейшее «Письмо к Амазонке»), как женщина, не нуждающаяся в мужчинах. С 1917 г. – что, видимо, не случайно – воительница обращается в Жанну д'Арк, провидицу и спасительницу, наделенную божественной миссией; эта миссия у Цветаевой, особенно в 1921–1922 гг., понимается как отказ от всего мирского, в том числе от земной любви, ради поэтического призвания, ради мистического соединения с Гением. В то же время сохраняется почти неизменное у Цветаевой представление о силе лирической героини, которая реализуется в разных обликах. Так, в 1923 г. на первый план выступают «разрозненные пары» – Ахилл / Пентесилея и Зигфрид / Брунгильда, с которыми связаны мотивы трагического разминовения равных (причем равенство понимается и как глубинное родство, «братственность»), их «ратоборства», любви-вражды. Наконец, к 1927 г. амазонка принимает и образ мужененавистницы, презрительной к жизни плоти, но при этом нежной матери, жертвующей собой ради сына.

Цветаева, разумеется, куда радикальнее конструирует гендер, в частности женский, нежели Блок. Во-

первых, ее лирическая героиня гендерно неконвенциональна, маскулинизирована, тогда как лирический герой Блока вполне конвенционален – как и героиня, которая в облике воительницы лишается у него такой существенной изначальной черты этого образа, как определенное «мужеподобие» (типичный мотив «неузнания» девы в мужском облачении воина в творчестве Блока не встречается ни разу, хотя есть даже у любимого им Вагнера, не говоря уже о мифе и эпосе). Цветаева, напротив, не боится придавать своим героиням и внешне мужские черты (чему апофеозом становится заглавный образ поэмы «Царь-Девича»). Во-вторых, если у Блока героиня, даже в активном ее варианте, в образе воительницы, равной герою или превосходящей его по силе, оказывается сюжетно несамостоятельна, выступает лишь в паре с героем, то у Цветаевой героиня не только бесконечно превосходит мужских персонажей (которые, в свою очередь, предстают феминизированными и / или инфантилизированными), но и зачастую вообще не нуждается в них – либо как святая провидица, «герольд» Бога на земле, отрицающая плоть вообще, либо как «амазонка», презирующая мужчин, но не женщин. В последнем случае Цветаева оставляет своим героиням такую типично «женскую» черту, как материнская любовь. В-третьих, и в собственной биографической практике Цветаева стирала границы между женским и мужским гендерами, чего нельзя сказать в случае Блока. При этом в текстах обоих поэтов отразилось представление о необходимости рождения «нового» человека, который бы соединил в себе «женственное» и «мужественное» и тем самым стал существом высшего порядка, – идея, как бы носившаяся в воздухе Серебряного века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зусева-Озкан В.Б. Образ девы-воительницы в творчестве М.И. Цветаевой // Русская литература. 2017. № 4. С. 212–228.
2. Зусева-Озкан В.Б. Образ воительницы в поэме «Царь-Девича»: к вопросу о характерологии М. Цветаевой (Статья первая) // Новый филологический вестник. 2016. № 4 (39). С. 71–86.
3. Зусева-Озкан В.Б. Образ воительницы в поэме «Царь-Девича»: к вопросу о характерологии М. Цветаевой (Статья вторая) // Новый филологический вестник. 2017. № 1 (40). С. 105–118.
4. Зусева-Озкан В.Б. Образ девы-воительницы в художественном мире А. Блока (на материале драм и прозы) // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 443. С. 44–53.
5. Зусева-Озкан В.Б. «И поднимет щит девица...»: дева-воительница в лирике А. Блока (Статья первая) // Новый филологический вестник. 2019. № 2 (49). С. 160–176.
6. Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 т. М., 1994–1995.
7. Блок Л.Д. И были и небылицы о Блоке и о себе. Бремен, 1979.
8. Магомедова Д.М. Автобиографический миф в творчестве А. Блока. М., 1997.
9. Блок А. Собрание сочинений: в 8 т. М., 1960–1963.
10. А.А. Блок – Л.Д. Менделеева-Блок. Переписка. 1901–1917. М., 2017.
11. Блок А. Записные книжки. 1901–1920. М., 1965.
12. Воспоминания о Марине Цветаевой. М., 1992.
13. Извольская Е. Поэт обреченности (Из воспоминаний о Марине Цветаевой) // Воздушные пути: альманах. III. Нью-Йорк, 1963. С. 150–160.
14. Цветаева М.И. Неизданное. М., 1997.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 19 сентября 2019 г.

Masculinity and Femininity in the Literature of Russian Modernism: Cases of Blok and Tsvetaeva

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 448, 30–34.

DOI: 10.17223/15617793/448/4

Veronika B. Zuseva-Özkan, Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: v.zuseva.ozkan@gmail.com

Keywords: gender; masculinity; femininity; A. Blok; M. Tsvetaeva; female warrior; Valkyrie; Amazon; androgyny.

This article examines the constructing of gender in the Russian Modernist literature based on the works and life-building practices of two authors: Alexander Blok and Marina Tsvetaeva. Both poets create new (though relying on the long mythological and philo-

sophical tradition) concept of femininity, but, in the case of Tsvetaeva, this novelty is radical, and, in the case of Blok, it is more related to the tradition. *Tertium comparationis* for these two cases is the fact that the important integral part of both poets' artistic worlds was the gender-nonconforming figure of the female warrior. For Tsvetaeva, this image represents her *alter ego* (the main lyrical mask). For Blok, such a mask was the male warrior, and the female warrior was another fundamental plot actor. Thus, Blok's lyrical hero appears in the most traditional role of the patriarchal culture, that of the warrior. But much less traditional is the fact that the main plot of Blok's works, i.e. the Sophian myth with Gnostic origins, develops in two variants: not only of the imprisoned, enchanted and sleeping World Soul waiting to be rescued by the hero, but also of the hero which is kept by the forces of evil and ultimately released by the Sophia-like heroine. The traditional concept of male superiority is, therefore, partly overthrown in Blok's artistic practice, but, in his direct statements, the poet usually stresses the affinity between the "heroic" and the "masculine". It is also taken into consideration that Blok did not equate "masculine" with "male", "feminine" with "female" and believed that the birth of the "new man" would happen as a union of the "masculine" and "feminine" elements. Tsvetaeva constructs gender, in particular, feminine, in a much more radical way than Blok. Her lyrical heroine is gender-nonconforming, masculinized (while Blok's lyrical hero is rather conventional in gender sense) and not only infinitely superior to male characters who are, in turn, feminized and/or infantilized, but often does not need them at all: as a saint prophet, God's herald on Earth renouncing flesh in general or as an Amazon despising men but not women. Her favorite heroines are androgynous, possessing both masculine and feminine traits (same as Tsvetaeva herself did, in her own opinion and in the opinions of others). Thus, the texts of both poets reflect the idea of the creation of the new, androgynous human who would be the creature of a higher order transcending the earthly baseness: the idea which was in the air of the Silver Age.

REFERENCES

1. Zuseva-Ozkan, V.B. (2017) The Persona of a Woman Warrior in the Works by M. I. Tsvetaeva. *Russkaya literatura*. 4. pp. 212–228. (In Russian).
2. Zuseva-Ozkan, V.B. (2016) The Image of the Warrior Maid in the Fairy-Tale Poem "The Tsar-Maiden": Toward the Characterology of Marina Tsvetaeva. Article 1. *Novyy filologicheskii vestnik – The New Philological Bulletin*. 4 (39). pp. 71–86. (In Russian).
3. Zuseva-Ozkan, V.B. (2017) The Image of the Warrior Maid in the Fairy-Tale Poem "The Tsar-Maiden": Toward the Characterology of Marina Tsvetaeva. Article 2. *Novyy filologicheskii vestnik – The New Philological Bulletin*. 1 (40). pp. 105–118. (In Russian).
4. Zuseva-Ozkan, V.B. (2019) The Image of a Female Warrior in the Creative World of A. Blok (Based on His Dramas and Prose). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 443. pp. 44–53. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/443/5
5. Zuseva-Ozkan, V.B. (2019) "And the Maiden Will Pick Up the Shield . . .": Female Warrior in A. Blok's Poetry (Article I). *Novyy filologicheskii vestnik – The New Philological Bulletin*. 2 (49). pp. 160–176. (In Russian). DOI: 10.24411/2072-9316-2019-00040
6. Tsvetaeva, M.I. (1994–1995) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Moscow: Ellis Lak.
7. Blok, L.D. (1979) *I byli i nebylitsy o Bloke i o sebe* [Truth and fables on Blok]. Bremen: Kafka-Press.
8. Magomedova, D.M. (1997) *Avtobiograficheskiy mif v tvorchestve A. Bloka* [Autobiographical Myth in the Works of A. Blok]. Moscow: IChP "Martin".
9. Blok, A. (1960–1963) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Moscow, Leningrad: Goslitizdat.
10. Lavrov, A.V. (ed.) (2017) *A.A. Blok – L.D. Mendeleeva-Blok. Perepiska. 1901–1917* [A.A. Blok – L.D. Mendeleeva-Blok. Correspondence. 1901–1917]. Moscow: IWL RAS.
11. Blok, A. (1965) *Zapisnye knizhki. 1901–1920* [Notebooks. 1901–1920]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.
12. Mnukhin, L.A. & Turchinskiy, L.M. (eds) (1992) *Vospominaniya o Marine Tsvetaevoy* [Memories of Marina Tsvetaeva]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
13. Izvol'skaya, E. (1963) Poet obrechennosti (Iz vospominaniy o Marine Tsvetaevoy) [Poet of doom (From the memoirs of Marina Tsvetaeva)]. In: Grinberg, R.N. (ed.) *Vozdushnye puti: al'manakh* [Airways: almanac]. III. New York: Rausen Bros. pp. 150–160.
14. Tsvetaeva, M.I. (1997) *Neizdannoe* [Unpublished]. Moscow: Ellis Lak.

Received: 19 September 2019

В.С. Киселев, О.Б. Лебедева

ПИСЬМА К В.А. ЖУКОВСКОМУ КАК ФЕНОМЕН РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И ЭДИЦИОННАЯ ПРОБЛЕМА

*Исследование проведено в Томском государственном университете за счет гранта
Российского научного фонда (проект № 19-18-00083 «Русская эпистолярная культура
первой половины XIX века: текстология, комментарий, публикация»).*

Представлен проект, посвященный архивной и текстологической подготовке, комментированию и публикации писем к В.А. Жуковскому. Дан обзор этого архива (более 4 000 писем) и истории его издания, делается вывод о малой его представленности в научном обороте. Предложен комплекс текстологических и эдиционных решений для комментированной публикации полного объема переписки В.А. Жуковского. В приложении приведен список корреспондентов поэта (565 человек) с указанием архивов, где хранятся их письма.

Ключевые слова: русская литература; русская эпистолярная культура; переписка; текстологическая подготовка; научный комментарий; В.А. Жуковский.

«Между тем письма накапливаются, – сетовал В.А. Жуковский в письме к А.П. Зонтаг от 2–6 февраля 1831 г. [1. Л. 29], – и, наконец, накопится их столько, что меня начинает терзать беспокойство, которое даже портит самую мою работу. Это беспокойство всегда предшествует письменному извержению. Долго рука не поднимается на взятие пера. Наконец, вдруг льется лава двадцати и более писем, и душа успокоивается до следующего извержения». В другом письме к А.П. Зонтаг от 27 апреля 1834 г. поэт сообщал: «Вообразите: я столько накопил писем, что теперь ровным счетом мне надобно написать тридцать писем, из коих еще половина по-французски: это истинно мука» [Там же. Л. 37 об.]. Эти жалобы позволяют почувствовать масштабы эпистолярного общения В.А. Жуковского, беспрецедентного для русских писателей первой половины XIX в.

В истории русской культуры письма к В.А. Жуковскому – явление уникальное. В них – отзывы из Германии, Швейцарии, Франции, Италии, Англии, зарисовки немецкой, французской, английской, швейцарской, итальянской, голландской, австрийской, шведской природы, достопримечательностей, бытовой жизни и рефлексии общения с виднейшими представителями культуры, политики, науки этих стран, картина общественной и интеллектуальной жизни александровского и николаевского царствования, разнообразие взглядов и идеологий от официальных, консервативных, монархических до оппозиционных, либеральных, декабристских, широкая панорама империи от Лифляндии, Малороссии и Крыма до Тобольска и мест сибирской ссылки, жизнь царского двора и перипетии дворцовых отношений, история общения с М.А. Мойер (Протасовой) и А.А. Воейковой, А.П. Елагиной, А.И. Тургеневым, П.А. Вяземским, А.С. Пушкиным, Н.В. Гоголем, личные драмы и общественные катастрофы, как российские (Отечественная война 1812 г., 14 декабря 1825 г., польское восстание 1830–1831 гг.), так и европейские (революция 1848 г.), события литературной борьбы и человеческой дружбы, прошедшей все испытания или оборвавшейся из-за каких-то причин...

В настоящее время коллектив исследователей из Томского государственного университета, ИРЛИ и ИМЛИ, поддержанный грантом РНФ (№ 19-18-00083 «Русская эпистолярная культура первой половины XIX века: текстология, комментарий, публикация»), приступил к работе по архивной и текстологической подготовке, научному комментированию и публикации писем различных корреспондентов к В.А. Жуковскому. Объем этого корпуса писем огромен и известен широкой аудитории лишь в малой степени, несмотря на то, что в его составе едва ли не все лица русской литературы «золотого века» (Н.М. Карамзин, И.И. Дмитриев, Ю.А. Нелединский-Мелецкий, В.В. Капнист, В.А. Озеров, К.Н. Батюшков, А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, П.А. Вяземский, В.Ф. Одоевский, И.И. Козлов, Н.И. Гнедич, Ф.И. Тютчев, Д.В. Давыдов, Е.А. Баратынский, П.Я. Чаадаев, П.А. Плетнев, Ф.Н. и С.Н. Глинки, В.К. Кюхельбекер, А.В. Кольцов, В.И. Даль, А.Ф. Воейков, М.Н. Загоскин, И.В. Киреевский, Н.А. Мельгунов, Д.П. Ознобишин, М.П. Погодин, Е.Ф. Розен, О.И. Сенковский, В.А. Соллогуб, В.Г. Тепляков, С.П. Шевырев и мн. др.), царственные особы дома Романовых (императрица Мария Федоровна, великая княгиня и императрица Александра Федоровна, великий князь и император Николай I, великие князья Михаил Павлович, Александр Николаевич, Константин Николаевич, Николай Николаевич, Михаил Николаевич, великие княгини Анна Павловна, Елена Павловна, Мария Павловна, Мария Николаевна, Александра Николаевна, Ольга Николаевна, П.Г. Ольденбургский), сановники, чиновники, военачальники (В.Д. Олсуфьев, В.А. Перовский, Я.И. Ростовцев, А.Н. Голицын, С.С. Ушаков, А.Х. Бенкендорф, Д.Н. Блудов, Л.В. Дубельт, К.Я. и А.Я. Булгаковы, Р.Р. Родионов, В.Ф. Адлерберг, М.Ю. Виельгорский, Г.И. Вилламов, П.М. Волконский, А. Мериан, А.М. Горчаков, Д.В. Дашков, И.И. Дибич, А.П. Ермолов, Г.В. Жомини, А.А. и Д.А. Кавелины, К.К. Мердер, Е.Ф. Канкрин, И.А. Каподистрия, В.Н. Каразин, Н.И. Кривцов, И.Ф. Крузенштерн, К.А. Ливен, М.Н. Лонгинов, А.Ф. Малиновский, Ф.П. Литке, М.А. Милорадович, К.В. Нессельроде, А.Н. Оленин, И.Ф. Паскевич, Д.П. Северин, П.Я. Убри, И.П. Шамбо

и др.), известные представители дворянской и разночинной среды, московской, петербургской, провинциальной (И.П., П.П., Б.П., А.И., Н.И., С.И. Тургеневы, А.М. Тургенев, А.П. Елагина, А.П. Зонтаг, К.К. Зейдлиц, А.О. Смирнова-Россет, С.П. Жихарев, Ю.Ф. Баранова, Г.С. Батеньков, А.Д. Блудова, Н.Н. Шереметева, С.А. Бобринская, Ф.Ф. Вигель, И.М. Виельгорский, А.А. Воейкова, М.А. Мойер, З.А. Волконская, Н.И. Греч, А.А. Иванов, А.И. Кошелев и десятки других), европейские писатели, художники, политики, ученые и врачи (император Фридрих-Вильгельм IV, Иоганн Саксонский, Карл Прусский, И. Радовиц, Ф. Мюллер, Ф.В. Бранденбург, Ф. Ансильон, Ф. фон Арним, Г. Рейтерн, К.А. Фарнгаген фон Энзе, К.Д. Фридрих, И.Г. Гете, Ф. де ла Мотт Фуке, Л. Тик, Ф. Гизо, К. Бонстеттен, К.К. Бунзен, А.Г. Вейраух, Дж. Гибсон, Д. Гуфеланд, Т. Дессулави, Ф. Заремба, Г. Карусс, А. и Ю. Кестнеры, М. Клейст, И.Г. Копп, А. Крейттон, Ф. Лагарп, Ф. Мальтиц, Кс. де Местр, А. Мицкевич, Ю. Немцевич, Ф. Овербек, А. Одескальки, Ф. Палацкий, Ф. Паррот, Э. Пиниц, С. и М. Потоцкие, А. Ренненкамф, Дж. Северн, С. Миллер, А. Сиркур, Ф. Скрибицкий, Ф.Л. Челаковский, Г. Эверс, К. и Ю. Эглоффштейн, М.Г. Якоби и мн. др.) (приложение).

Полный объем писем к В.А. Жуковскому составляет, по данным на момент написания статьи, более 4 000 текстов, хранящихся в обширном ряде отечественных (ИРЛИ, РНБ, РГИА, РГА ВМФ, СПб РАН, ГАРФ, РГАДА, РГБ, РГАЛИ, ГИМ, АВПРИ, региональные собрания) и зарубежных (Веймар, Берлин, Франкфурт, Ольденбург, Базель, Женева, Рим, Неаполь, Париж, Лондон, Эдинбург и др.) архивов. Среди их авторов 565 человек (кроме того, около 40 писем пока не атрибутированы). Недостаточное введение в научный и культурный оборот их писем искажает представление о биографии и творческом пути В.А. Жуковского и его корреспондентов, их круге общения, мировоззрении, порождает лакуны в истории русской литературы и культуры. В совокупности эти письма открывают репрезентативный пласт русской эпистолярной культуры первой половины XIX в. и требуют комплексного подхода, в том числе координации с ведущейся участниками проекта подготовкой к печати эпистолярных томов «Полного собрания сочинений и писем» В.А. Жуковского (в печати 15-й и 16-й тома, готовятся 17–20-й тома). Только благодаря последнему оказывается возможным восстановить полный контекст взаимной переписки.

Судьба писем к В.А. Жуковскому прихотлива. Сюжеты их «путешествий» требуют отдельного и подробного разговора в каждом отдельном случае. Так, по традициям эпохи, после смерти того или иного корреспондента поэт возвращал его письма семье или наследникам. В результате, например, в семейном архиве Тургеневых (сначала БАН, затем – ИРЛИ, ф. 309) оказались письма Андрея и Александра Ивановичей, хотя некоторую часть их В.А. Жуковский сохранил у себя, в том числе 11 писем Андрея, не вошедших в публикацию В.Э. Вацура и М.Н. Виротайнен [4] и до сих пор остающихся неизвестными широкой публике. Судьба некоторых подобных под-

борок еще не выяснена, в частности, из крупных не удалось пока обнаружить письма К.Я. Булгакова к В.А. Жуковскому. После смерти поэта некоторая часть писем к нему также была возвращена наследниками корреспондентам. Так, в частности произошло с письмами великого князя Александра Николаевича (Александра II), которые после его гибели сложными путями оказались не в общем собрании Зимнего дворца, ныне хранящемся в ГАРФ, а в РГАДА среди писем царственных особ к различным корреспондентам. К настоящему моменту они расшифрованы нами и готовятся к печати.

К концу XIX в. ситуация усложнилась постепенным дроблением архива В.А. Жуковского – часть его, в основном касающаяся творчества, была передана в 1884 г. П.В. Жуковским в Императорскую Публичную библиотеку. Еще часть он передал в 1902 г., в ее составе оказался и ряд писем, преимущественно иностранных корреспондентов и сравнительно небольшой и ныне составляющий часть второй описи фонда В.А. Жуковского (ф. 286). К ним присоединились и отдельные письма из личных коллекций П.И. Бартенева (переплетенный конволют писем разных корреспондентов), А.Ф. Бычкова и др. Судьба основного массива писем к поэту, около 2 000, т.е. более половины всех известных, оказалась связана с частным парижским собранием А.Ф. Онегина, которому его передал в 1890-е гг. П.В. Жуковский. В специальной командировке Б.Л. Модзалевский в 1908 г. по разрешению владельца частично описал этот корпус [5]. Впоследствии еще часть материалов собрания была описана и фрагментарно опубликована М.Л. Гофманом [6]. После смерти А.Ф. Онегина эти бумаги были доставлены в 1928 г. в СССР и ныне хранятся в ИРЛИ в составе так называемого шифрованного фонда, будучи приписанными к фонду В.А. Жуковского (ф. 475). Значительная часть писем к В.А. Жуковскому попала в ИРЛИ в составе других личных собраний – П.Я. Дашкова, П.А. Плетнева, К.Я. Грота, П.И. Бартенева и др. В 1951 г. еще один крупный блок писем к поэту, включавший, в частности, письма А.М. Тургенева и А.А. Воейковой, был передан в ИРЛИ из ИМЛИ (ныне Разряд III. Оп. 9). Два других крупных блока писем сохранились в Остафьево, среди бумаг семьи Вяземских, и в Уткино, в семейном собрании Елагиных. Оба они поступили в середине 1920-х гг. в связи с передачей фондов провинциальных архивохранилищ в столицу, соответственно, в РГАЛИ, где позднее были выделены в отдельный фонд поэта (ф. 198), и в РГБ (ф. 104). К последнему добавились в конце 1930-х гг. письма из собрания М.В. Беэр.

Не менее прихотлива история публикации писем к В.А. Жуковскому. Сразу же после смерти поэта П.А. Плетнев стал хлопотать о собирании и издании его эпистолярия, обратившись за помощью к ближайшим друзьям поэта. В письме к А.С. Стурдзе от мая 1852 г. А.П. Зонтаг сообщала: «Петр Александрович Плетнев, бывши всегда сердечно предан Жуковскому, предпринял в помощь семейству покойного собрать сколько возможно его писем и издать их для назидания многих» [7. С. 584]. Она обратилась к Стурдзе с просьбой переслать Плетневу имеющиеся у

него письма Жуковского, известив о том, что выслала Плетневу адресованные ей письма поэта. Вероятно, вышедшая через три года брошюра «Переписка Жуковского с А.С. Стурдзою» (1855), в которую оказалось включено три письма А.С. Стурдзы, стала реализацией этого замысла, хотя задуманное Плетневым издание не было осуществлено.

В 1852 г. появились статьи-воспоминания (П.А. Плетнев, А.В. Никитенко, С.П. Шевырев), в которых публиковались отрывки из писем поэта и ответных писем к нему. Юбилеи Жуковского 1883 и 1902 г. активизировали интерес к эпистолярно поэту. Материалы монографий К.К. Зейдлица, П. Загарина, В.И. Резанова, А.Н. Веселовского [8–11] включали достаточно обширное фрагментарное цитирование писем друзей к поэту. Если К.К. Зейдлиц, очевидец перипетий жизненного пути Жуковского, включил отрывки из своих писем к нему, а также писем А.А. Воейковой, М.А. Мойер, Е.А. Протасовой и др. на правах воспоминаний, о чем свидетельствует подзаголовок его книги, если П. Загарин акцентировал значение писем в педагогической деятельности поэта, если В.И. Резанов использовал этот материал как репрезентацию творческой лаборатории Дружеского общества, то в фундаментальном исследовании А.Н. Веселовского, посвященном прежде всего поэзии Жуковского как «поэзии чувства и сердечного воображения», его письма и письма к нему приобретают масштаб житетворческого материала, реализующего важный эстетический принцип Жуковского: «Жизнь и Поэзия одно» и раскрывающего своеобразия рефлексии поэта.

Самую обширную по масштабам и систематическую деятельность по публикации не только писем самого Жуковского, но и ответных развернул П.И. Бартенев. Уже в 1859 г. он опубликовал в «Библиографических записках» письмо Н.В. Гоголя от 10 мая 1846 г. (ошибочно датированное 1843 г. [12. С. 101–102]), а в 1861 г. письмо А.С. Пушкина от 4 июля 1834 г. [13. С. 259–260]. С 1868 г. его публикации стали регулярными и массивными, в результате представив публике на страницах «Русского архива» подборки писем Н.М. Карамзина, Е.А. Баратынского, великой княгини Александры Николаевны, И.И. Дмитриева, И.В. Киреевского, М.И. Невзорова, П.А. Плетнева, А.С. Пушкина, К.Н. Батюшкова, Ф.Ф. Вигеля, Г. Жомини, А.В. Кольцова, В.К. Кюхельбекера, А.Ф. Мерзлякова, С.С. Уварова, Н.В. Гоголя, Д.В. Давыдова, П.А. Осиповой, И.Ф. Паскевича, И.А. Петина, Г. Разумовской, Я.И. Ростовцева, Д.И. Хвостова, С.П. Шевырева, Д.Н. Блудова, А.Д. Блудовой, Ф. Гизо, Н.И. Гнедича, А.А. Иванова, Ю.А. Нелединского-Мелецкого, В.А. Озерова, Х. Бунзена, А.П. Елагиной, А.П. Зонтаг, Е.Д. Турчаниновой, А.Н. Арбеновой, М.Г. Буниной, Г.П. Павского, Д.П. Дашкова, великих князей Константина Николаевича и Александра Николаевича, великих княгинь Марии Николаевны и Ольги Николаевны, великой герцогини Марии Павловны, королевы Нидерландов Анны Павловны, А.И. Тургенева, Н.И. Тургенева, С.И. Тургенева, великой княгини и императрицы Александры Федоровны, Ф.П. Литке, С.Н. Глинки,

Н.А. Мельгунова, М.П. Погодина, Н.М. Смирнова, Ф.В. Чижова, П.А. Вяземского, А.О. Смирновой-Россет, Л.К., С.М., М.Ю., И.М. Виельгорских, В.Ф. Одоевского, К.К. Зейдлица, А.М. Тургенева, Фридриха-Вильгельма IV, Д.Н. Шереметева, А.Н. Голицына.

Специальные издания историко-литературного и библиографического характера, такие как «Русская старина», «Русский вестник», «Вестник Европы», «Русский библиофил», «Старина и новизна», «Литературный вестник», «Гатевский сборник», «Известия ОРЯС» и др. на протяжении 1860–1910-х гг. также вводили в оборот русской культуры большие подборки писем к В.А. Жуковскому. На их страницах усилиями Н.П. Барсова, К.К. Зейдлица, И.А. Шляпкина, И.А. Бычкова, А.Н. Веселовского, А.И. Кирпичникова, Г.А. Тройницкого, И. Захарьина, Н.Ф. Дубровина, Н.М. Данилова были опубликованы письма Г.П. Павского, Е.А. Протасовой, М.А. Мойер, Н.В. Гоголя, А.С. Пушкина, А.М. Тургенева, И.И. Дмитриева, В.Г. Теплякова, П.Я. Чаадаева, Г.И. Вилламова, императрицы Марии Федоровны, В.А. Перовского, В.Ф. Одоевского, А.С. Стурдзы, Ф. Челаковского, И.И. Козлова и ряда других корреспондентов. Особого внимания заслуживает выход в 1912 г. специального выпуска журнала «Русский библиофил» (№ 7/8), посвященного Жуковскому. На его страницах была опубликована подготовленная А.А. Фоминым переписка Жуковского с королем прусским Фридрихом Вильгельмом IV и Р. фон Сидовом, включающая 13 писем русского поэта и 7 ответных. В 1915–1916 гг. в нем же Н.В. Соловьев первоначально опубликовал письма А.А. Воейковой, А.И. Тургенева, И.И. Козлова и др., позднее вошедшие в его книгу об А.А. Воейковой.

Появление в юбилейные годы специальных изданий и публикаций, посвященных Жуковскому [2, 3, 14–20] способствовало систематизации эпистолярного наследия Жуковского и обогатило его новыми материалами ответных писем.

Рассматривая дореволюционные издания писем к Жуковскому, можно констатировать три момента. Во-первых, стремление друзей, издателей, филологов к максимальной полноте собрать письма друзей, разбросанные по разным частным собраниям. Во-вторых, отсутствие общей хронологической картины, выявляющей эволюцию переписки. В-третьих, неразработанность эдиционных принципов, что приводило к искажению и сокращению текстов, отсутствию научного комментария. Нередки были и ошибки в датировке писем.

В послереволюционную эпоху еще некоторое время продолжалось издание «Архива братьев Тургеневых», обращавшее память к эпохе В.А. Жуковского [2]. М.Л. Гофман в своей книге «Le Musée Pouchkine d'Alexandre Opéline a Paris» [6] и в брюссельском журнале «Благонамеренный» опубликовал несколько писем к В.А. Жуковскому. Об эпистолярном общении В.А. Жуковского, связанном с последними днями жизни Пушкина, напоминал в переизданиях своей книги «Дуэль и смерть Пушкина» (1922, 1928) П.Е. Щеголев [21]. Шесть ранее неизвестных писем А.О. Смирновой-Россет подготовила Л.В. Крестова

[22]. Восемь писем А.И. Тургенева опубликовал С.Я. Штрайх [23]. В 1930–1950-е гг. несколько писем к В.А. Жуковскому было опубликовано в изданиях Пушкинского дома («Звенья», «Литературный архив»), сборниках «Литературного наследства» (во фрагментах), «Летописях Государственного литературного музея». Но на долгие годы Жуковский как «реакционный романтик», «монархист», «царедворец», «мистик» был вычеркнут из арсенала русской словесной культуры, а его эпистолярный не вызывал издательского интереса по цензурным обстоятельствам – исключение составляли, пожалуй, только письма декабристов. Единственными большими комплексами писем стали в эту эпоху материалы А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя, вошедшие в состав их академических «Полных собраний сочинений и писем» [24, 25]. Новые тонкие ручейки публикаций начали течь только к 1950–1970 гг., включаясь в книгу М.И. Фетисова (письмо В.И. Даля [26. С. 101–102]), журнальные публикации М.И. Гиллельсона (письма И.В. Киреевского [27. С. 123–124]), В.Г. Базанова (письмо Ф.И. Германа с ошибочной датировкой 1834 г. [28. С. 123]), Л.С. Кишкина (письмо Ф. Палацкого [29. С. 83–85]), Л. Ланского (фрагменты писем Н.И. Тургенева – [30. С. 210–227]) в комментарии И.Д. Гликмана к стихам И.И. Козлова [31. С. 21–22, 40].

Юбилей поэта 1983 г. был существенной вехой в новом прочтении Жуковского. Стало очевидно, что его поэзия прошла «веков завистливую даль», а его эпистолярный – органическая часть русского литературного и общественного сознания. В 1980 г. М.И. Гиллельсон по материалам РГАЛИ опубликовал переписку П.А. Вяземского и В.А. Жуковского 1842–1852 гг. [32], воссоздающую малоизвестный период творческой биографии позднего В.А. Жуковского. На страницах юбилейного сборника «Жуковский и русская культура» впервые появились подготовленные В.Э. Вацуру и М.Н. Виролайнен «Письма Андрея Тургенева к Жуковскому» [4]. Эти 49 эпистолярных документов 1798–1803 гг., снабженных прекрасной вступительной статьей и тщательно прокомментированные, – существенная страница в биографии поэта периода его человеческого и творческого становления. По существу, эти две публикации стали вехами в осмыслении эпистолярной биографии В.А. Жуковского от его поэтического рождения до последних лет его жизни и творчества. Ценный вклад в публикацию писем к поэту внесли материалы «Ежегодника Рукописного Отдела Пушкинского Дома» на 1879 и 1980 гг. [33, 34], подготовленные Р.В. Иезуитовой, Р.М. Гороховой и Е.П. Горбенко (письма Дж. Розини, П.И. Шаликова, А.А. Шаховского, А.Ф. Воейкова, М.Т. Каченовского, Д.А. Кавелина, Ю.А. Нелединского-Мелецкого, В.Н. Олина, П.А. Плетнева). Несколько новых писем были опубликованы на страницах монографии Р.В. Иезуитовой «Жуковский и его время» [35].

К сожалению, и 1990–2000-е гг. не принесли прорыва в научном издании писем к В.А. Жуковскому. Появившиеся в этот период публикации Е.О. Ларионовой (несколько писем А.И. Тургенева), Л.И. Вуич (письма К.К. Зейдлица), Н.Б. Реморовой (письма Ф.П. Литке), Г.В. Зыковой (письма М.Т. Каченовско-

го) были ценными, но единичными исключениями. Большой ряд писем к Жуковскому был представлен лишь в книге Е.Э. Ляминой и Н.В. Самовер «Бедный Жозеф»: Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского: Опыт биографии человека 1830-х годов» [36], где к заново сверенным по автографам письмам И.М., М.Ю., Л.К. и С.М. Виельгорских добавился ряд новых из собрания ИРЛИ. Обильно, но фрагментарно цитировал еще не известные письма И.В. Киреевского и Г.П. Павского в своей монографии «В.А. Жуковский и И.В. Киреевский: Из истории религиозных исканий русского романтизма» Д.В. Долгушин [37]. Достаточно широкое представление о письмах Ф.А. Жилля к поэту дала монография Ж.К. Павловой «Флориан Жиль и императорский Эрмитаж» [38], где они цитировались насыщенно, но в извлечениях.

Существенные изменения принес лишь рубеж 2000–2010-х гг., когда в печати появились первые издания «монографического» характера, представляющие переписку Жуковского с такими важными для него адресатами, как А.П. Елагина и А.И. Тургенев. В 2009 г. в московском издательстве «Знак» появилась «Переписка В.А. Жуковского и А.П. Елагиной. 1813–1852», подготовленная Э.М. Жилияковой и включающая 251 письмо А.П. Елагиной [39], а в 2012 г. в Германии вышел первый том переписки Жуковского и А.И. Тургенева, подготовленный немецким славистом Хольгером Зигелем [40]. Второй том переписки был опубликован совсем недавно, в 2019 г. [41]. В совокупности два тома включают 304 письма А.И. Тургенева. Оба эти издания не являются академическими и полными, так, комментарий и текстологическое описание в них лапидарны и иногда недостаточны, присутствуют ошибки в датировках, а в представлении известного архивного материала есть существенные лакуны: в издании Э.М. Жилияковой оказалось пропущено 20 писем, хранящихся в РГБ и ИРЛИ, а в книге Х. Зигеля отсутствует порядка 200 писем А.И. Тургенева из РГБ, РГАЛИ, РНБ и ИРЛИ. Тем не менее они позволяют составить репрезентативное представление о данных персональных блоках переписки.

Эту обозначившуюся тенденцию развивают публикации 2010-х гг., в первую очередь сосредоточенные в трех выпусках сериального издания «Жуковский: Исследования и материалы» [42–44], где И.А. Айзикова, Н.Е. Никонова, С.В. Березкина, Л.Н. Киселева, Э.М. Жилиякова, А.В. Петров, И.А. Поплавская, А.С. Янушкевич, Т.Л. Мусатова, Р. Казари представили научной аудитории письма к поэту А.С. Стурдзы, М.А. Дундукова-Корсакова, С.С. Уварова, великой княгини Александры Николаевны, П.М. Редерера, Д.П. Северина (57 писем, ИРЛИ), А.Я. Булгакова, А.И. Мещевского, А. Одесскальки, европейских художников. Письма великого князя Константина Николаевича и В.Д. Олсуфьева ввели в оборот А.Н. Сидорова и А.А. Петров [45. С. 446–476, 311–328]. На страницах «Ежегодника Рукописного Отдела Пушкинского Дома» [46] несколько писем А.Ф. Воейкова опубликовала С.В. Березкина.

Особо следует отметить цикл статей и монографий Н.Е. Никоновой, в которых в выдержках или полных текстах был представлен большой комплекс писем к

В.А. Жуковскому немецких и немецкоязычных адресатов – К.К. Зейдлица, Н.Ф. Аделунга, К. Грасгофа, Иоганна Саксонского, М. Асмуса, Г.Г. Крига, Ф. Овербека, Ю. Кернера, Ф. фон Мальтица, Ф. фон Мюллера, М.М. Вильдермет, Х.К.Й. фон Бунзена, К. и Ю. Эглоффштейн [47–56].

***

Работа над подготовкой «Полного собрания сочинений и писем» В.А. Жуковского в 20 томах позволила выявить основную часть писем к поэту, хранящихся в архивохранилищах как России, так и зарубежных стран. Этот поиск продолжается, и проект, поддержанный грантом РФФИ № 19-18-00083 «Русская эпистолярная культура первой половины XIX в.: текстология, комментарий, публикация», нацелен на его окончание с составлением полной картотеки (алфавитной и хронологической) и планомерную публикацию авторских блоков переписки. Предшествующий опыт позволил определить и эдиционные принципы подготовки и издания писем к В.А. Жуковскому.

Во-первых, это максимальная полнота, исходящая из необходимости дать представление обо всех известных и впервые выявленных на сегодняшний день письмах к поэту определенного корреспондента. Сложность этой задачи связана с тем, что только отдельные научные публикации (академические собрания сочинений А.С. Пушкина [24] и Н.В. Гоголя [25], собрание сочинений К.Н. Батюшкова [57]) предлагают полные корпуса писем к В.А. Жуковскому, в большинстве же своем это лишь выборки, ограниченные одним периодом или местом архивного хранения документов. В целом же можно констатировать, что в настоящее время отсутствует полная и точная информация о местах хранения и составе архивных единиц, содержащих письма к поэту. Тем самым первоочередной задачей данного проекта является архивное разыскание, описание, атрибуция и датировка писем к В.А. Жуковскому, что позволит дополнить круг уже известных автографов. Если учесть, что это эпистолярное наследие разбросано по многим архивохранилищам Москвы и Петербурга, а также Эстонии, Польши, Германии, Швейцарии, Италии, Франции, Великобритании, то работа по его выявлению становится наиболее трудоемкой. Между тем в решении этой задачи у коллектива существует большой задел в виде составленной предварительной картотеки архивных писем (около 4 000 единиц).

Вторая задача проекта – текстологическое изучение писем к В.А. Жуковскому, что предполагает составление развернутых текстологических справок, комментариев с вариантами текста (при наличии копий и черновых писем), а сам текст писем должен проходить сверку по всем обнаруженным автографам, копиям и книжно-журнальным публикациям. Применительно к данному комплексу документов подобная работа за отдельными исключениями никогда еще не производилась по причине ее крайней трудоемкости из-за разбросанности, а часто и невыявленности рукописных источников. Решению этой задачи способствует упомянутая выше картотека и уже произведенная текстологическая подготовка более 600 писем.

Третья задача проекта – научное комментирование и системное осмысление писем к В.А. Жуковскому. Несмотря на наличие широкого круга публикаций, преимущественно дореволюционных, эти эпистолярные тексты, опять же за отдельными исключениями, редко снабжались комментарием, даже в этом случае оставшимся фрагментарным и поверхностным. Тем самым применительно к основному корпусу писем остается много неразрешенных и требующих дополнительных разысканий вопросов, связанных с атрибуцией, датировкой, разьяснением биографических, историко-культурных, литературных реалий. Все это станет предметом реального и концептуального комментария, призванного осмыслить письма к В.А. Жуковскому как единую культурную систему. Большой опыт и отправной материал для комментария представляет работа участников коллектива над изданием эпистолярных томов «Полного собрания сочинений и писем» В.А. Жуковского.

Четвертая задача проекта – подготовка к изданию блоков писем к В.А. Жуковскому (по авторам). Эдиционные принципы представления эпистолярия – чрезвычайно сложная проблема, во многом не решенная даже в академических собраниях сочинений русских классиков. Письма к В.А. Жуковскому далеко не всегда публиковались в полном, системном и аутентичном (без сокращений, лакун, цензурных изъятий) виде, примером чему могут служить письма царственных особ, и проект нацелен на выработку максимально адекватных подходов к их изданию. Эдиционным образцом здесь выступают эпистолярные тома «Полного собрания сочинений и писем» В.А. Жуковского (т. 15–20).

Источниками публикации в ходе работ по проекту являются авторский автограф, копия или первая полная публикация в тех случаях, когда автограф или копия неизвестны. Источник, по которому печатается письмо, а также время и место первой его публикации, описан в начале примечаний к нему. Для автографов и копий указывается местонахождение и шифр, для первопубликаций – выходные данные и страницы издания.

Если в автографе имеется дата, она воспроизводится в тексте письма или в правом верхнем углу, или в левом нижнем, как в оригинале. Сохраняется графика и состав даты автографа, причем ошибка в ней (описка, несовпадение чисел старого и нового стилей) не устраняется. Однако, несмотря на наличие или отсутствие авторской даты, каждое письмо снабжено редакторской датой, напечатанной перед письмом в виде подзаголовка, после имени автора; состав редакторской даты включает указания числа, месяца, года и места написания письма. В случае, если в автографе дата неполная (отсутствует указание числа, месяца или года), дополнения в редакторской дате заключены в угловые скобки. Предполагаемые редакторские даты в их полном составе также заключены в угловые скобки. Если же источником текста письма является не автограф и не копия, а первопубликация, в редакторской дате воспроизведена датировка публикации, в случае необходимости дополненная (дополнения оговариваются в примечаниях).

В примечаниях авторская дата не приводится и не оговаривается, если в ней нет ошибок. Отсутствие даты (Б. д.) или ее неполнота (Б. г.) фиксируется и обосновывается точная или предположительная датировка, которая и переносится в подзаголовок. Письма с неопределенными датировками располагаются в конце возможного для них периода. При этом 1–10 числа обозначаются как «начало», 11–20 – как «середина», 21–31 – как «конец» месяца. Письма, датируемые по почтовому штемпелю или по косвенным данным (дневник или ответные письма В.А. Жуковского, упоминаемые реалии), печатаются с обозначением: «около» или «не позднее» соответствующего числа привлекаемых документов. Письма, написанные в течение нескольких дней и датированные несколькими числами, вводятся в общий хронологический ряд писем согласно последней дате. В подзаголовке фиксируются обе (или несколько) даты создания текста. Сомнительные редакторские даты и дополнения к неполным датам отмечаются знаком вопроса.

Тексты писем воспроизводятся с возможной точностью в обозначении обращений, приписок, заключительных фраз, подписи и т.д. Недописанные или сокращенно написанные слова дополняются в угловых скобках. Сомнительное прочтение сопровождается знаком вопроса в угловых скобках, а слова, оставшиеся неразобранными, помечаются знаком <нрзб.>, с цифрой, обозначающей количество непрочитанных слов, если их больше одного – например <2 нрзб.>. Все подчеркивания автора воспроизводятся курсивом, за исключением названий периодических изданий и произведений, которые заключаются в кавычки. Все иноязычные слова и фразы, встречающиеся в тексте писем, отмечены астерисками, их перевод с обозначением в скобках языка оригинала дается в постраничных сносках. Если письмо полностью написано на иностранном языке, перевод дается в основном тексте.

Письма печатаются по современным нормам орфографии и пунктуации. Все опiski, пропуски знаков препинания специально не оговариваются. Снимаются знаки тире, обозначающие начало нового абзаца, и текст дается с красной строки. Унифицируется написание таких титульных обозначений, как «его (ее) величество (высочество)», «великий князь», «великая княгиня», «милостивый государь», «император», «императрица» (за исключением писем, адресованных царствующим особам и членам императорской фамилии), а также слов в именительном и косвенных падежах, отражающее неустойчивость и общую эволюцию отечественной орфографии и колеблющееся в

пределах иногда даже одного текста (щастие, счастье, счастье). Во всех обращениях к В.А. Жуковскому местоимение Вы и производные от него (Вас, Ваше и т.д.) печатаются с заглавной буквы. Сохраняются особенности орфографии подлинника, связанные с шутливым тоном и игровым поведением автора. Для воссоздания общей атмосферы письма не заменяются слова или фразы, неудобные для печати. Сохранено обозначение некоторых топонимов (Минхен, Цирих, Луцерн) и антропонимов (Бейрон, Рафаель, Ван Ейк, Екгоф). Разночтения в цитатах и автоцитатах стихотворений в автографах писем (в основном это знаки препинания и отдельные лексические вариации) оставлены без изменения и сверки, но оговариваются в комментарии.

В заключение стоит подчеркнуть важнейшие аспекты научной значимости результатов проекта.

Во-первых, он существенно расширит источниковую базу в изучении русской литературы и культуры первой половины XIX в., введя в активный оборот труднодоступные и мало представленные в печати эпистолярные архивы десятков авторов.

Во-вторых, исследование и издание писем будет способствовать обогащению истории русской культуры и общественной мысли 1800–1850-х гг. в ее мировоззренческих, биографических, эстетических, художественных аспектах.

В-третьих, работа с материалом взаимной переписки В.А. Жуковского, являвшегося адресатом многих десятков европейских деятелей культуры, вносит существенный вклад в теорию и практику компаративистики и в изучение русско-европейских литературных связей.

В-четвертых, введение в научный оборот большого пласта материалов, связанных с внутринациональными и международными литературными контактами, существенно расширит представление о природе русской «всечеловеческой отзывчивости», о характере русской философской, исторической, религиозной мысли.

В-пятых, эдиционные и текстологические принципы, выработанные в процессе подготовки комплексов взаимной переписки писателей, сам тип этого издания будет полезен для составления собраний сочинений русских классиков (ср. работу над полным собранием сочинений и писем Н.В. Гоголя в ИМЛИ РАН, А.С. Пушкина в ИРЛИ РАН), в том числе и для научной публикации творческого наследия мало изданных писателей первой половины XIX в. (Н.М. Карамзина, И.И. Дмитриева, А.И. Тургенева, П.А. Вяземского и др.).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Единственный, кто мог бы с ним соперничать, – это А.И. Тургенев, чья переписка, составляющая многие тысячи единиц его писем и писем к нему, до сих пор известна только фрагментарно, несмотря на наличие фундаментальных многотомных изданий, вроде «Архива братьев Тургеневых» [2] и «Остафьевского архива» [3].

ЛИТЕРАТУРА

1. РО ИРЛИ. № 29405.
2. Архив братьев Тургеневых. СПб. : Изд. Отд. рус. яз. и словесности Рос. Академии наук, 1911–1921. Вып. 1–6.
3. Остафьевский архив князей Вяземских. СПб. : Изд. гр. С.Д. Шереметева, 1899–1913. Т. 1–5.

4. Вацуро В.Э., Виролайнен М.Н. Письма Андрея Тургенева к Жуковскому // Жуковский и русская культура. Л. : Наука, 1987. С. 350–431.
5. Модзалевский Б.Л. Описание рукописей Пушкина, находящихся в музее А.Ф. Онегина в Париже // Пушкин и его современники. СПб. : Изд. Отд. рус. яз. и словесности Рос. Академии наук, 1909. Вып. 12. С. 7–47.
6. Гофман М.Л. Пушкинский музей А.Ф. Онегина в Париже: Общий обзор, описание и извлечения из рукописного собрания. Париж : Librairie ancienne honore champion, 1926. 179 с. (Hoffmann M. Le Musée Pouchkine d'Alexandre Onéguine a Paris: Notice, catalogue, extraits de quelques manuscrits. Paris : Librairie ancienne honore champion, 1926).
7. Русская старина. 1902. Т. 6.
8. Зейдлиц К.К. Жизнь и поэзия В.А. Жуковского: По неизданным источникам и личным воспоминаниям. СПб. : Типография М.М. Стасюлевича, 1883. 409 с.
9. Загарин П. (Поливанов Л.И.). В.А. Жуковский и его произведения. М. : Изд. Льва Поливанова, 1883. 584 с.
10. Резанов В.И. Из разысканий о сочинениях В.А. Жуковского. Вып. 1–2. СПб. : Сенатская типография, 1906–1916.
11. Веселовский А.Н. В.А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1904. 571 с.
12. Библиографические записки. 1859.
13. Библиографические записки. 1861.
14. Сочинения и переписка П.А. Плетнева. СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1885. Т. 1–3.
15. Бычков И.А. Бумаги В.А. Жуковского, поступившие в Имп. Публичную библиотеку в 1884 г. // Отчет Императорской Публичной библиотеки на 1884 г. Приложение. СПб. : Типография В.С. Балашова, 1887. С. 1–199 (второй пагинации).
16. Дубровин Н.Ф. В.А. Жуковский и его отношение к декабристам // Русская старина. 1902. № 4. С. 45–119.
17. Петухов Е.В. В.А. Жуковский в Дерпте (1815–1817) // Сборник в память Н.В. Гоголя и В.А. Жуковского. Юрьев : Изд. Имп. Юрьевским университетом, 1902. С. 45–101.
18. Уткинский сборник. Письма В.А. Жуковского, М.А. Мойер и Е.А. Протасовой. М. : Издание М.В. Безр, 1904. 328 с.
19. Памяти В.А. Жуковского и Н.В. Гоголя. СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1907–1909. Вып. 1–3.
20. Соловьев Н.В. История одной жизни. А.А. Воейкова – «Светлана». Русский библиофил, 1915–1916. Т. 1–2.
21. Щеголев П.Е. Дуэль и смерть Пушкина. Пг. : Типография Императорской Академии наук, 1916. 376 с.
22. Смирнова А.О. Записки, дневник, воспоминания, письма. М. : Федерация, 1929. 448 с.
23. Жихарев С.П. Записки современника. М. ; Л. : Academia, 1934. Т. 2. Дневник чиновника. Воспоминания старого театрала. Письма. 610 с.
24. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 16 т. М. ; Л. : Изд. АН СССР, 1937–1949. Т. 13–16.
25. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: в 14 т. М. ; Л. : Изд. АН СССР, 1937–1952. Т. 10–14.
26. Фетисов М.И. Первые русские повести на казахские темы. Алма-Ата : Изд. АН СССР, 1950. 154 с.
27. Русская литература. 1965. № 4.
28. Русская литература. 1965. № 1.
29. Советское славяноведение. 1976. № 2.
30. Вопросы литературы. 1975. № 11.
31. Козлов И.И. Стихотворения. Л. : Сов. писатель, 1956. 352 с.
32. Гиллельсон М.И. Переписка П.А. Вяземского и В.А. Жуковского (1842—1852) // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник. 1979. Л. : Наука, 1980. С. 34–75.
33. Ежегодник Рукописного Отдела Пушкинского Дома на 1979 г. Л. : Наука, 1981. 280 с.
34. Ежегодник Рукописного Отдела Пушкинского Дома на 1980 г. Л. : Наука, 1984. 256 с.
35. Иезуитова Р.В. Жуковский и его время. Л. : Наука, 1987. 290 с.
36. Лямина Е.Э., Самовер Н.В. «Бедный Жозеф»: Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского: Опыт биографии человека 1830-х годов. М. : Языки русской культуры, 1999. 560 с.
37. Долгушин Д.В. В.А. Жуковский и И.В. Киреевский: Из истории религиозных исканий русского романтизма. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 352 с.
38. Павлова Ж.К. Флориан Жиль и императорский Эрмитаж. СПб. : Нестор-История, 2010. 312 с.
39. Переписка В.А. Жуковского и А.П. Елагиной: 1813–1852 / сост., подгот. текста, ст. и коммент. Э.М. Жиликовой. М. : Знак, 2009. 728 с.
40. Der Briefwechsel zwischen Aleksander I. Turgenev und Vasilij A. Žukovskij 1802–1829. Köln; Weimar; Wien : Böhlau Verlag, 2012. 717 s.
41. Der Briefwechsel zwischen Aleksandr I. Turgenev und Vasilij A. Žukovskij 1830–1845. Köln; Weimar; Wien : Böhlau Verlag, 2019. 548 s.
42. Жуковский: Исследования и материалы. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. Вып. 1. 544 с.
43. Жуковский: Исследования и материалы. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. Вып. 2. 726 с.
44. Жуковский: Исследования и материалы. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2017. Вып. 3. 566 с.
45. Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М. : Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2010. 760 с.
46. «Разлука не развод...»: Из переписки В.А. Жуковского и А.Ф. Воейкова 1823 г. / вступ. ст. С.В. Березкиной; подгот. текста и коммент. А.Ю. Балакина и С.В. Березкиной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2015 г. СПб. : Дмитрий Буланин, 2016. С. 263–299.
47. Никонова Н.Е. Письма В.А. Жуковского к К.К. Зейдлицу: русско-немецкий диалог // Русская литература. 2011. № 1. С. 95–119.
48. Никонова Н.Е. Письма В.А. Жуковского к К.К. Зейдлицу: русско-немецкий диалог (Окончание) // Русская литература. 2011. № 2. С. 135–159.
49. Никонова Н.Е. Переписка В.А. Жуковского и семьи Аделунгов (публикация и научный комментарий) // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 362. С. 11–16.
50. Никонова Н.Е. В.А. Жуковский и его немецкие друзья: новые факты из истории российско-германского межкультурного взаимодействия первой половины XIX в. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2012. 340 с.
51. Никонова Н.Е., Рудикова Н.А. В.А. Жуковский и Швейцария: о генезисе историсофских мотивов поздней прозы романтика // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 374. С. 20–26.
52. Никонова Н.Е. В.А. Жуковский и немецкие художники: от К.Д. Фридриха к назарейцам. Статья первая // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 371. С. 38–44.
53. Никонова Н.Е. В.А. Жуковский и немецкие художники: от К.Д. Фридриха к назарейцам. Статья вторая // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 372. С. 33–39.
54. Никонова Н.Е. В.А. Жуковский и немецкие правящие династии: Иоганн Саксонский // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 4 (30). С. 98–110.
55. Никонова Н.Е. В.А. Жуковский и немецкий мир. М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2015. 496 с.
56. Никонова Н.Е. Письма сестер Эглоффштейн к В.А. Жуковскому: из истории европейской литературы и живописи // Имагология и компаративистика. 2019. № 11. С. 53–96.
57. Батюшков К.Н. Сочинения: в 2 т. М. : Худож. лит., 1989. Т. 2. 718 с.

Список корреспондентов В.А. Жуковского
(с указанием места архивного хранения писем или наличия первопубликации)

1. Gerando (ИРЛИ)
2. Аделунг Николай Федорович (ИРЛИ)
3. Аделунг Фридрих фон (ИРЛИ)
4. Адлерберг Александр Владимирович (ИРЛИ)
5. Адлерберг Владимир Федорович (ИРЛИ)
6. Адлерберг Мария Васильевна (ИРЛИ)
7. Азбукина (Юшкова) Екатерина Петровна (РГАЛИ, РГБ)
8. Александр Николаевич, великий князь (РГАДА, ГАРФ, ИРЛИ)
9. Александра Николаевна, великая княгиня (РГАВМФ)
10. Александра Федоровна, великая княгиня, императрица (РНБ, РГБ, ИРЛИ)
11. Александров Матвей (РГАЛИ)
12. Алопеус Давид Максимович (ИРЛИ)
13. Андреев Ефим (РГАЛИ, ИРЛИ)
14. Анна Павловна, великая княгиня (ИРЛИ)
15. Ансильон Иоганн Петер Фридрих (РНБ)
16. Антипин Иван (ИРЛИ)
17. Аратовский Владимир (ИРЛИ)
18. Арбенева Авдотья Николаевна (РГБ, ИРЛИ)
19. Арендт Николай Федорович (ИРЛИ)
20. Арним Ахим фон (РГБ)
21. Асмус Мартин (РНБ, ИРЛИ, РО НБ ТартГУ)
22. Астраков Иван Васильевич (РГБ)
23. Астракова Авдотья Степановна (ИРЛИ)
24. Атрешков Наркиз Иванович (ИРЛИ)
25. Ашик Антон Балтазарович (ИРЛИ, РНБ)
26. Бажанов Василий Борисович (ИРЛИ)
27. Базаров Иоанн Иоаннович (ИРЛИ)
28. Балабина Паулина-Варвара Осиповна (ИРЛИ)
29. Баранова Юлия Федоровна (ИРЛИ)
30. Баратынский Евгений Абрамович (РНБ, РГАЛИ)
31. Барклай А. (ИРЛИ)
32. Бартнев Юрий Никитич (ИРЛИ)
33. Батеньков Гавриил Степанович (РГБ, ИРЛИ)
34. Батюшков Константин Николаевич (РНБ, ИРЛИ, РГАЛИ)
35. Батюшкова Александра Николаевна (РНБ, ИРЛИ)
36. Башуцкий Александр Павлович (ИРЛИ)
37. Бенкендорф Александр Христофорович (ИРЛИ)
38. Бехтеев Александр Алексеевич (ИРЛИ)
39. Блок Александр Иванович (ИРЛИ)
40. Блудов Дмитрий Николаевич (РНБ, РГАЛИ, ИРЛИ)
41. Блудова Антонина Дмитриевна (ИРЛИ)
42. Блудова Лидия Дмитриевна (ИРЛИ)
43. Бобринская Софья Александровна (РГАДА, ИРЛИ)
44. Бок Тимофей Егорович (РГБ)
45. Бонстеттен Карл (РГАЛИ, ИРЛИ)
46. Боратынская Анна Давыдовна (ИРЛИ)
47. Бородин Иван И. (ИРЛИ)
48. Боршнянский Дмитрий Степанович (ИРЛИ)
49. Боссере Сюльпис (Boisserie Julrice) (ИРЛИ, РНБ)
50. Бранденбург Фридрих Вильгельм (ИРЛИ)
51. Брей (Brau) Франц Габриель (ИРЛИ)
52. Бригген Александр Федорович (РНБ, РГАЛИ, ИРЛИ)
53. Бругам Генри, лорд (РГБ)
54. Брунов Филипп Иванович (ИРЛИ)
55. Будберг Андрей Федорович (ИРЛИ)
56. Букильон (Boucqillon) Осип Петрович (ИРЛИ)
57. Булгаков Александр Яковлевич (РГБ, РГАЛИ, ИРЛИ)
58. Бунзен Христиан Карл Иосия фон (РНБ, ИРЛИ)
59. Бунин Алексей Сергеевич (ИРЛИ)
60. Бунина Мария Григорьевна (РГБ)
61. Бутнев Аполлинарий Петрович (ИРЛИ)
62. Бюлер Федор Андреевич (РГАДА)
63. Васильчикова Екатерина (ИРЛИ)
64. Ваттемар Александр (ИРЛИ)
65. Вейдемейер Татьяна Васильевна (РНБ)
66. Вейдемейер Татьяна Семеновна (ИРЛИ)
67. Вейраух Август Генрих фон (РГБ, ИРЛИ)
68. Вейраух Анна (ИРЛИ)
69. Вейраух София (ИРЛИ)
70. Велесов К. (РГАЛИ)
71. Вельс (Азбукина) Авдотья Васильевна (ИРЛИ)
72. Веневитинова Аполлинария Михайловна (ИРЛИ)
73. Вигель Филипп Филиппович (РНБ)
74. Виельгорская Луиза Карловна (ИРЛИ)
75. Виельгорский Иосиф Михайлович (ИРЛИ)
76. Виельгорский Матвей Юрьевич (ИРЛИ)
77. Виельгорский Михаил Юрьевич (только первопубликация)
78. Виельгорская Софья Михайловна (только первопубликация)
79. Викулин Сергей Алексеевич (ИРЛИ)
80. Вилламов Григорий Иванович (РНБ, ИРЛИ)
81. Вильдермет Цецилия (РНБ)
82. Винтер Мария (ИРЛИ)
83. Винтер Ольга (ИРЛИ)
84. Вишняков Иван Петрович (ИРЛИ)
85. Владиславлев Владимир Андреевич (ИРЛИ)
86. Воейков Александр Федорович (РНБ, РГБ, ИРЛИ)
87. Воейков Андрей Александрович (РГБ, ИРЛИ)
88. Воейков Иван Федорович (ИРЛИ)
89. Воейкова (Протасова) Александра Андреевна (РГБ, ИРЛИ)
90. Воейкова Екатерина Александровна (РГБ, ИРЛИ)
91. Волконская (Дурова) Александра Петровна (Алина) (ИРЛИ)
92. Волконская Зинаида Александровна (ИРЛИ)
93. Волконский Петр Михайлович (РГАЛИ, ИРЛИ, ГАРФ)
94. Врангель Егор Васильевич (ИРЛИ)
95. Вульфберг Александр (ИРЛИ)
96. Вяземская Вера Федоровна (РГАЛИ, ИРЛИ)
97. Вяземская Мария Аркадьевна (ИРЛИ)
98. Вяземский Петр Андреевич (РНБ, РГАЛИ, ИРЛИ)
99. Га... (На...) (ИРЛИ)
100. Гавриил, архимандрит (ИРЛИ)
101. Гагарин Иван Сергеевич (РНБ, ИРЛИ)
102. Газан Ф. (Gazan) (ИРЛИ)
103. Галиман Антон (РНБ)
104. Ганнеман Георг / Егор Борисович (Hannemann) (ИРЛИ)
105. Гарденберг Карл Август (РНБ)
106. Гельмфхен П. (ИРЛИ)
107. Герлах Леопольд фон (РНБ)
108. Герман Александр Иванович (ИРЛИ)
109. Герман Федор Иванович (ИРЛИ)
110. Гете Иоганн Вольфганг (только первопубликация)
111. Гессе Эмилий (Hesse) (ИРЛИ)
112. Гибсон Джон (АВГРИ)
113. Гизо Франсуа (только первопубликация)
114. Гильдебрандт Иоганн (РНБ)
115. Глинка Авдотья Павловна (ИРЛИ)
116. Глинка Анна Сергеевна (ИРЛИ)
117. Глинка Дмитрий Григорьевич (ИРЛИ)
118. Глинка Михаил Иванович (ИРЛИ)
119. Глинка Сергей Николаевич (ИРЛИ)
120. Глинка Устинья (ИРЛИ)
121. Глинка Федор Николаевич (ИРЛИ)
122. Гнедич Николай Иванович (РНБ, ИРЛИ)
123. Гнейзенау Ф.М. (Gneisenau) (ИРЛИ)
124. Гоголь Николай Васильевич (РНБ, РГБ)
125. Голицын Александр Николаевич (РНБ, РГАЛИ, ИРЛИ)
126. Голицын Леонид Михайлович (ИРЛИ)
127. Голицын Николай Борисович (ИРЛИ)
128. Голицына Анна (ИРЛИ)
129. Голицына Мария (ИРЛИ)
130. Голицына Софья (ИРЛИ)
131. Головин Евгений Александрович (ИРЛИ)
132. Горчаков Александр Михайлович (ИРЛИ)
133. Грабенский Степан (ИРЛИ)
134. Грасгоф Карл (РНБ)
135. Гребен Юлий (ИРЛИ)
136. Греч Николай Иванович (РНБ)
137. Григорович Василий Иванович (РГИА, ИРЛИ)
138. Гримм А. (ИРЛИ)
139. Гринева Елизавета (ИРЛИ)
140. Группе Василий (ИРЛИ)
141. Губарев Воин Иванович (РНБ, ИРЛИ)
142. Гугерт Франц Антон (РГБ, ГАРФ)
143. Гудович Андрей Иванович (ИРЛИ)

144. Гумбольдт Александр (РНБ)
145. Гутмансталь Людвиг Леопольдович (РГБ)
146. Гуфеланд Д. (ИРЛИ)
147. Гюбш Генрих (РНБ)
148. Д. М. (ИРЛИ)
149. Давыдов Денис Васильевич (РНБ, ИРЛИ)
150. Даль Владимир Иванович (ИРЛИ)
151. Данзас Константин Карлович (ИРЛИ)
152. Дашков Дмитрий Васильевич (РНБ, ИРЛИ)
153. Двигубский Иван (ИРЛИ)
154. Дельвиг Любовь Матвеевна (ИРЛИ)
155. Дессулави Томас (АВПРИ)
156. Дибич Иван Иванович (РГАЛИ, ГАРФ)
157. Дитрих Антон (РГБ, ИРЛИ)
158. Дмитриев Иван Иванович (Берлинская государственная библиотека, РНБ, ИРЛИ)
159. Дмитриев Михаил Александрович (РГАЛИ)
160. Долгорукий Дмитрий Иванович (ИРЛИ)
161. Долгоруков Василий Васильевич (ИРЛИ)
162. Дундуков-Корсаков Михаил Александрович (РГАЛИ, ИРЛИ)
163. Дорохова Мария Александровна (ИРЛИ, РГБ)
164. Дубельт Леонтий Васильевич (ИРЛИ, ГАРФ)
165. Дюгамель Карл Осипович (ИРЛИ)
166. Елагин Алексей Андреевич (РГБ, ИРЛИ)
167. Елагина (Юшкова, Киреевская) Авдотья Петровна (РГБ, ГИМ, РГАЛИ, ИРЛИ)
168. Елагина Екатерина Ивановна (ИРЛИ)
169. Елена Павловна, великая княгиня (ИРЛИ)
170. Епископ Стразбургский (ГАРФ)
171. Ермолов Алексей Петрович (ИРЛИ)
172. Жебелев Лев И. (ИРЛИ)
173. Жилье Флориан Антонович (ИРЛИ, ГАРФ)
174. Жихарев Степан Петрович (ИРЛИ)
175. Жомини Генрих Вениаминович (РНБ, ИРЛИ)
176. Жуковская (мать Павла Андреевича) (ИРЛИ)
177. Жуковская Елизавета Андреевна (РГБ)
178. Жуковская Ольга (РГБ)
179. Жуковский Антоний (ИРЛИ)
180. Жуковский Павел Андреевич (РНБ, ИРЛИ)
181. Загоскин Михаил Николаевич (только первопубликация)
182. Загрязская Екатерина Ивановна (ИРЛИ)
183. Заикин Михаил И. (ИРЛИ)
184. Заремба Фелициан (ИРЛИ)
185. Зверев Михаил (РГБ, ИРЛИ)
186. Зейдлиц Карл Карлович (РГБ, РГАЛИ, ИРЛИ)
187. Зенф Карл Август (ИРЛИ)
188. Золотов Василий (ИРЛИ)
189. Зонтаг (Юшкова) Анна Петровна (РГБ, РГАЛИ, ИРЛИ)
190. Зонтаг Егор Иванович (ИРЛИ)
191. Иванов Александр Андреевич (РНБ, РГБ)
192. Иванов Григорий (ИРЛИ)
193. Иванчин-Писарев Николай Дмитриевич (только первопубликация)
194. Иоганн Саксонский (РНБ)
195. Измайлов Александр Ефимович (ИРЛИ)
196. Измайлов Владимир Васильевич (ИРЛИ)
197. Ишимова Александра Осиповна (ИРЛИ)
198. Кавелин Александр Александрович (ИРЛИ)
199. Кавелин Дмитрий Александрович (РНБ, ИРЛИ)
200. Кайсаров Паисий Сергеевич (ИРЛИ)
201. Калайдович Константин Федорович (РНБ)
202. Канкрин Егор Францевич (только первопубликация)
203. Канкрин Екатерина Захаровна (ИРЛИ)
204. Капнист Василий Васильевич (Национальная библиотека Украины)
205. Каподистрия Иоанн Антонович (ИРЛИ)
206. Каразин Василий Назарьевич (ИРЛИ)
207. Карамзин Александр Николаевич (ИРЛИ)
208. Карамзин Николай Михайлович (РГАЛИ, ИРЛИ)
209. Карамзина Екатерина Андреевна (ИРЛИ)
210. Карамзина Екатерина Николаевна (ИРЛИ)
211. Карамзина София Николаевна (РНБ, ИРЛИ)
212. Кареева Мария (ИРЛИ)
213. Карл, принц прусский (ИРЛИ)
214. Карус Карл Густав (Carus G.) (ИРЛИ)
215. Каченовский Михаил Трофимович (ИРЛИ)
216. Кашхадамов Василий (ИРЛИ)
217. Квитка-Основьяненко Григорий Федорович (ИРЛИ)
218. Кернер Юстиниус Андреас Кристиан (РНБ)
219. Кестнер (ИРЛИ)
220. Кестнер Август (РНБ)
221. Кестнер Шарлотта (ИРЛИ)
222. Кестнер Ю. (ИРЛИ)
223. Киль (Kiel) Лев / Людвиг Иванович (ИРЛИ)
224. Киреевская Мария Ивановна (ИРЛИ)
225. Киреевская Наталья Петровна (РГБ, ИРЛИ)
226. Киреевский Василий Иванович (РГБ, ИРЛИ)
227. Киреевский Иван Васильевич (РГБ, ИРЛИ)
228. Клар Август (ИРЛИ)
229. Клаузевиц Мария (ИРЛИ)
230. Клейст Мария (ИРЛИ)
231. Кленце Лео фон (ИРЛИ)
232. Козлов Аполлон (ИРЛИ)
233. Козлов Иван Иванович (РНБ, ИРЛИ)
234. Козлова Александра Ивановна (ИРЛИ)
235. Козлова Е.А. (ИРЛИ)
236. Козловский (ИРЛИ)
237. Коллинс Эдуард (Collins) (ИРЛИ)
238. Кологривова Любовь (ИРЛИ)
239. Колосова Александра Михайловна (ИРЛИ)
240. Кольцов Алексей Васильевич (РНБ)
241. Константин Николаевич, великий князь (ГАРФ, РГАВМФ, ИРЛИ)
242. Копп Иоганн Генрих (РГБ, ИРЛИ)
243. Кордт (ИРЛИ)
244. Корнелиус Петер фон (ИРЛИ)
245. Кошелев Александр Иванович (ИРЛИ)
246. Красинский Викентий (ИРЛИ)
247. Крейтон (Крейчтон) Александр (ИРЛИ)
248. Кривцов Николай Иванович (ИРЛИ)
249. Кривцов Павел Иванович (ИРЛИ)
250. Кривцова Елизавета Николаевна (ИРЛИ)
251. Криг Георг Генрих (РНБ)
252. Кротков Иван Иванович (РГАЛИ)
253. Крузенштерн Иван Федорович (ИРЛИ)
254. Крузенштерн Павел Иванович (ИРЛИ)
255. Крюднер А. (ИРЛИ)
256. Крюднер В. (ИРЛИ)
257. Крюммер Хейнрих (Krummer H.) (ИРЛИ)
258. Кутайсов Павел Иванович (ИРЛИ)
259. Кутузова (Голенищева-Кутузова) Екатерина Петровна (ИРЛИ)
260. Кюхельбекер Вильгельм Карлович (РНБ, РГАЛИ)
261. Лаваль (Трубецкая) Екатерина Ивановна (ИРЛИ)
262. Лагарп Фредерик-Цезарь (ИРЛИ)
263. Лагрене Варвара Ивановна (ИРЛИ)
264. Ламартин Альфонс (ИРЛИ)
265. Ланская Варвара Ивановна (ИРЛИ)
266. Ланская Елизавета Ивановна (ИРЛИ)
267. Ласински Иоганн Адольф (РНБ)
268. Лацниц Эдуард (ИРЛИ)
269. Лекс Михаил Иванович (ИРЛИ)
270. Ливен Дарья Христофоровна (ИРЛИ)
271. Ливен Карл Андреевич (РНБ, РГИА)
272. Ливен Шарлотта Карловна (ИРЛИ)
273. Линднер Фридрих Вильгельм (ИРЛИ)
274. Липман Федор Иванович (РНБ, ИРЛИ)
275. Литке Федор Петрович (ИРЛИ)
276. Лонгинов Николай Михайлович (РГИА, ИРЛИ)
277. Лопухин Иван Владимирович (РГБ)
278. Луцкий Афанасий Николаевич (ИРЛИ)
279. Львов Алексей Федорович (ИРЛИ)
280. Майдель Людвиг фон (ИРЛИ)
281. Майков Аполлон Александрович (ИРЛИ)
282. Максимович Михаил Андреевич (ИРЛИ)
283. Малиновский Алексей Федорович (ИРЛИ, РГАДА)
284. Мальтиц Аполлон Петрович (ИРЛИ)
285. Мальтиц Франц Петрович (ИРЛИ)
286. Мантейфель Юлия (ИРЛИ)
287. Мария (Mary), неизвестная (ИРЛИ)
288. Мария Николаевна, великая княгиня (ИРЛИ)
289. Мария Павловна, великая герцогиня (ИРЛИ)
290. Мария Федоровна, императрица (РНБ, ИРЛИ)
291. Маркевич Николай Андреевич (ИРЛИ)

292. Марков Алексей Тарасович (только первопубликация)
 293. Мартос Лев Петрович (ИРЛИ)
 294. Масалов Николай Андреевич (РНБ)
 295. Матвеев (ИРЛИ)
 296. Матвеева Юлия (РГБ)
 297. Мейер Петр Мартынович (ИРЛИ)
 298. Мельгунов Николай Александрович (ИРЛИ)
 299. Меньшенин Дмитрий Степанович (ИРЛИ)
 300. Мердер Карл Карлович (ИРЛИ, РГАДА)
 301. Мерзляков Алексей Федорович (РНБ, РГБ)
 302. Мерзлякова Любовь Васильевна (ИРЛИ)
 303. Мериан Андрей Адольфович (ИРЛИ)
 304. Местр Ксавье де (РНБ, ИРЛИ)
 305. Мещевский Александр Иванович (РГАЛИ)
 306. Мешерский Элим Петрович (ИРЛИ)
 307. Милонов Михаил Васильевич (РНБ)
 308. Милорадович Михаил Андреевич (ИРЛИ)
 309. Милорадович Петр (ИРЛИ)
 310. Милу Эрнст (ИРЛИ)
 311. Милькеев Евгений Лукич (только первопубликация)
 312. Михаил Николаевич, великий князь (ИРЛИ)
 313. Михаил Павлович, великий князь (ИРЛИ)
 314. Мицкевич Адам (ИРЛИ)
 315. Мойер (Протасова) Мария Андреевна (РГБ, ИРЛИ)
 316. Мойер Екатерина Ивановна (РГБ)
 317. Мойер Иван Филиппович (РГБ, ИРЛИ)
 318. Молоствов Владимир Порфирьевич (ИРЛИ)
 319. Моргенштерн Карл (ИРЛИ)
 320. Моро де ла Мелетьер Федор (ИРЛИ)
 321. Моро де ла Мелетьер Шарлотта Карловна (ИРЛИ)
 322. Муравьев Андрей Николаевич (ИРЛИ)
 323. Муравьев-Апостол Иван Матвеевич (ИРЛИ)
 324. Мюллер Аделберт (РНБ)
 325. Мюллер София (ИРЛИ)
 326. Мюллер Фридрих фон (РНБ, ИРЛИ)
 327. Мятлев Иван Петрович (ИРЛИ)
 328. Нарышкина Елизавета Петровна (РГБ, ИРЛИ)
 329. Нарышкина Мария Яковлевна (ИРЛИ)
 330. Нащокин Павел Воинович (ИРЛИ)
 331. Невзоров Максим Иванович (ИРЛИ)
 332. Неизвестная, графиня (ИРЛИ)
 333. Неизвестный (Вихрь-Атаман) (ИРЛИ)
 334. Нелединский-Мелецкий Юрий Александрович (РНБ, ИРЛИ)
 335. Немцевич Юлиан Урсин (ИРЛИ)
 336. Нерли Фридрих (РНБ)
 337. Нессельроде Карл Васильевич (ИРЛИ)
 338. Нибби (Nibby) Антонио (ИРЛИ)
 339. Никитенко Александр Васильевич (ИРЛИ)
 340. Николай I, император (РГБ, ИРЛИ)
 341. Николай Николаевич, великий князь (ИРЛИ)
 342. Нордгейм Август (РНБ)
 343. Норов Владимир Сергеевич (РГБ)
 344. Обухов Петр (ИРЛИ)
 345. Овербек Фридрих (ОР 6-ки ун-та им. И.-В. Гете в г. Франк-фурт-на-Майне)
 346. Огарев (ИРЛИ)
 347. Одескальки Антонио (ИРЛИ)
 348. Одоевский Владимир Федорович (РНБ, ИРЛИ)
 349. Озеров Владислав Александрович (РНБ)
 350. Озеров Иван Петрович (ИРЛИ)
 351. Ознобишин Дмитрий Петрович (ИРЛИ)
 352. Оленин Алексей Николаевич (РГБ, РГАЛИ, ИРЛИ)
 353. Олин Валериан Николаевич (ИРЛИ)
 354. Олсуфьев Василий Дмитриевич (ИРЛИ, ГАРФ, РГИА)
 355. Ольберг Эдуард фон (ИРЛИ)
 356. Ольга Николаевна, великая княжна (ИРЛИ)
 357. Ольдекоп Август (ИРЛИ)
 358. Ольденбургский Петр Георгиевич (ИРЛИ)
 359. Олферс (Olfers) (ИРЛИ)
 360. Орлов Алексей Федорович (ИРЛИ)
 361. Орлова-Чесменская Анна Алексеевна (ИРЛИ)
 362. Осипова Прасковья Александровна (РНБ)
 363. Остен-Сакен Дмитрий Ерофеевич (РНБ)
 364. Отрешков Николай Иванович (ИРЛИ)
 365. Офросимова Мария Петровна (только первопубликация)
 366. Павский Герасим Петрович (РГАЛИ, ИРЛИ)
 367. Палацкий Франтишек (ИРЛИ)
 368. Панаев Владимир Иванович (ИРЛИ)
 369. Паррот Фридрих (ИРЛИ)
 370. Паскевич Иван Федорович (РНБ, ИРЛИ)
 371. Пассерини Карл (Passerini) (ИРЛИ)
 372. Паткуль Александр Васильевич (ИРЛИ)
 373. Перовский Василий Алексеевич (РНБ, РГБ, ИРЛИ, ГАРФ)
 374. Петерсен Василий (ИРЛИ)
 375. Петерсен Георг Густав (Евстафий Федорович) (ИРЛИ)
 376. Петерсен Юлиус (ИРЛИ)
 377. Петин Иван Александрович (ИРЛИ)
 378. Пиниц Эрнест (Pienitz Ernest) (ИРЛИ)
 379. Писарев Александр Александрович (ИРЛИ)
 380. Писарев Вениамин (РНБ)
 381. Плетнев Петр Александрович (РНБ, РГБ, РГАЛИ, ИРЛИ)
 382. Плещеев Александр Алексеевич (РГБ, ИРЛИ)
 383. Плещеев Алексей Александрович (ИРЛИ)
 384. Плещеева Анна Ивановна (ИРЛИ)
 385. Плещеева Мария Александровна (ИРЛИ)
 386. Погодин Михаил Петрович (РГБ)
 387. Покровский Феофилакт Гаврилович (ИРЛИ)
 388. Полетика Петр Иванович (ИРЛИ)
 389. Попов Иван Васильевич (ИРЛИ)
 390. Попова Елизавета (ИРЛИ)
 391. Потоцкая Мария (ИРЛИ)
 392. Потоцкий Станислав (ИРЛИ)
 393. Приват З. А. (Privat Z.A.) (ИРЛИ)
 394. Прокопович-Антонский Антон Антонович (РНБ, ИРЛИ)
 395. Протасов Александр Павлович (ИРЛИ)
 396. Протасова Екатерина Афанасьевна (РГБ, ИРЛИ)
 397. Протасова Елена Ивановна (РГБ, ИРЛИ)
 398. Проташинский Василий Андреевич (ИРЛИ)
 399. Пулята Николай Васильевич (ИРЛИ)
 400. Пушкин Александр Сергеевич (РНБ, РГБ, ИРЛИ)
 401. Пушкин Лев Сергеевич (только первопубликация)
 402. Пушкин Сергей Львович (ИРЛИ)
 403. Пушкина Елена Григорьевна (РНБ, РГБ, ИРЛИ)
 404. Пушкина Наталья Николаевна (ИРЛИ)
 405. Раевский Николай Николаевич (ИРЛИ)
 406. Разумовская Генриетта (ИРЛИ, ГАРФ)
 407. Раич Семен Егорович (ИРЛИ)
 408. Раух Христиан (Rauch) (ИРЛИ)
 409. Рафн Карл Христиан (Rafn) (РНБ, ИРЛИ)
 410. Редер де Павел Михайлович (РГАЛИ)
 411. Рейтерн Августа Евграфовна (РГБ)
 412. Рейтерн Александр фон (РНБ)
 413. Рейтерн Евграф (Герард) Романович (РГБ, ГАРФ)
 414. Рейтерн Христиан Евграфович (РГБ)
 415. Рейф Карл Филипп (Reiff) (РНБ, ИРЛИ)
 416. Рейх Юлиус (РГБ)
 417. Ренненкамф Карл Иаков Александр фон (Rennenkamf) (ИРЛИ)
 418. Римская-Корсакова Мария Ивановна (ИРЛИ)
 419. Риттер Христина Егоровна (РГБ)
 420. Роберти Павел (ИРЛИ)
 421. Родзянкина Вера (ИРЛИ)
 422. Родзянко Семен Емельянович (ИРЛИ)
 423. Родионов Ростислав Родионович (РНБ, ИРЛИ)
 424. Розен Егор Федорович (РНБ, ИРЛИ)
 425. Розини Джованни (ИРЛИ)
 426. Розинус Констанция (РГАЛИ)
 427. Ростовцев Яков Иванович (РНБ, ИРЛИ)
 428. Ростопчина Евдокия Петровна (ИРЛИ)
 429. Роткирх Антон Федорович (РГБ)
 430. Ругл Йоганн Христиан (РНБ)
 431. Румянцев Сергей (ИРЛИ)
 432. Рушковский Иван Александрович (РГБ)
 433. Салтыкова Екатерина Васильевна (ИРЛИ)
 434. Сапожников А. (ИРЛИ)
 435. Сахаров Иван Александрович (РГАЛИ)
 436. Свербеева Екатерина Александровна (РГАЛИ, РГБ, ИРЛИ)
 437. Свечин Николай Сергеевич (РГБ)
 438. Свечина Мария Николаевна (РГБ, ИРЛИ)
 439. Сева (Seva) Александр Пьер Филипп Корнелиус Роберт де (ИРЛИ)
 440. Северин Дмитрий Петрович (РНБ, ИРЛИ)
 441. Северн Джозеф (Джордж) (АВПРИ)
 442. Семенов Василий Н. (РГБ)
 443. Сенковский Осип Иванович (РНБ)

444. Серапин Федор Дмитриевич (РГБ)
 445. Сербинович Константин Сергеевич (РГИА)
 446. Сеславин И. (ИРЛИ)
 447. Сибиряков Иван Семенович (РГБ)
 448. Сигварт Миллер (ГАРФ)
 449. Сидов Рудольф фон (Sydov von) (ИРЛИ)
 450. Сиркур Адольф Мария Пьер (ИРЛИ)
 451. Сиркур Анастасия Семеновна (ИРЛИ)
 452. Склабовский Александр (ИРЛИ)
 453. Скрибичский Франсуа / Франц (РГБ, ИРЛИ)
 454. Скуридин Михаил (ИРЛИ)
 455. Сленин Иван Васильевич (ИРЛИ)
 456. Смирдин Александр Федорович (ИРЛИ)
 457. Смирнов Николай Михайлович (ИРЛИ)
 458. Смирнова-Россет Александра Осиповна (РГАЛИ, ИРЛИ)
 459. Соболевский Сергей Александрович (ИРЛИ)
 460. Соллогуб Владимир Александрович (ИРЛИ)
 461. Соллогуб София Михайловна (ИРЛИ)
 462. Сомнин Иван Власевич (РНБ)
 463. Сонцов М. (ИРЛИ)
 464. Спасский-Автономов Козьма Федорович (РГАЛИ)
 465. Ставровская Елизавета (РГБ)
 466. Стенбок (ИРЛИ)
 467. Стилке Германн (РНБ)
 468. Столтерфот Аделгейд фон Вильгельмина Юлия (РНБ)
 469. Строганов Григорий Александрович (РНБ, РГАЛИ, ИРЛИ)
 470. Строганов Сергей Григорьевич (ИРЛИ)
 471. Строганова Наталья Викторовна (ИРЛИ)
 472. Струве Аманд (Struve de Amand) (ИРЛИ)
 473. Стурдза Александр Скарлатович (РНБ, РГБ, РГАЛИ, ИРЛИ)
 474. Суворов Александр Аркадьевич (ИРЛИ)
 475. Сухотин Андрей Федорович (ИРЛИ)
 476. Тепляков Виктор Григорьевич (ИРЛИ)
 477. Толстая Пелагея Васильевна (Полина) (ИРЛИ)
 478. Толстой Иван Матвеевич (ИРЛИ)
 479. Триниус Карл Антонович (РГАЛИ)
 480. Трубецкой Сергей Петрович (ИРЛИ)
 481. Тургенев Александр Иванович (РНБ, РГБ, РГАЛИ, ИРЛИ, РГИА)
 482. Тургенев Александр Михайлович (РГБ, ИРЛИ)
 483. Тургенев Алексей Михайлович (РНБ)
 484. Тургенев Андрей Иванович (ИРЛИ)
 485. Тургенев Борис Петрович (ИРЛИ)
 486. Тургенев Иван Петрович (ИРЛИ)
 487. Тургенев Николай Иванович (РГАЛИ, ИРЛИ)
 488. Тургенев Петр Петрович (ИРЛИ)
 489. Тургенев Сергей Иванович (РГБ, РГАЛИ, ИРЛИ)
 490. Тургенева О.М. (ИРЛИ)
 491. Тургенева Ольга Александровна (РГАЛИ, ИРЛИ)
 492. Турчанинова Елизавета Деметьевна (РГБ, ИРЛИ)
 493. Тучкова Маргарита Михайловна (ИРЛИ)
 494. Тютчев Николай Иванович (ИРЛИ)
 495. Тютчев Федор Иванович (РГБ, ИРЛИ, Государственный музей-усадьба «Мураново» им. Ф.И. Тютчева)
 496. Убри Петр Яковлевич (Oubrie) (ИРЛИ)
 497. Уваров Сергей Семенович (РНБ, ИРЛИ)
 498. Уварова Екатерина Сергеевна (ИРЛИ)
 499. Унгерн-Штернберг Александр фон (ИРЛИ)
 500. Уткин Николай Иванович (ИРЛИ)
 501. Ушаков Николай (ИРЛИ)
 502. Ушакова Екатерина Петровна (ИРЛИ)
 503. Фарнгаген фон Энзе Карл Август (ИРЛИ)
 504. Фейхель Л. (ИРЛИ)
 505. Фельсинг Якоб (РНБ)
 506. Фикельмон Дарья Федоровна (ИРЛИ)
 507. Философов Алексей Илларионович (ИРЛИ)
 508. Фишер Егор Федорович (ИРЛИ)
 509. Фовицкий Иван Михайлович (ИРЛИ)
 510. Фогель Фриц (РНБ)
 511. Фонтон Пьер (Fonton Pierre) (ИРЛИ)
 512. Фор Раймонд (ИРЛИ)
 513. Фредро (Fredro) Ян Максимилиан (ИРЛИ)
 514. Фредро Прасковья Николаевна (Fredro P.) (ИРЛИ)
 515. Фридрих Вильгельм IV (РГАЛИ, ИРЛИ)
 516. Фридрих Каспар Давид (Friedrich C.D.) (ИРЛИ)
 517. Фролова-Багреева Елизавета Михайловна (ИРЛИ)
 518. Фуке де ла Мотт Франсуа (ИРЛИ)
 519. Фурман Петр Романович (ИРЛИ)
 520. Хавский Петр (ИРЛИ)
 521. Ханьков Василий (ИРЛИ)
 522. Хвостов Дмитрий Иванович (РНБ, ИРЛИ)
 523. Хрипков (РГБ)
 524. Чаадаев Петр Яковлевич (РНБ, РГБ, РГАЛИ, ИРЛИ)
 525. Чарушин Дмитрий Яковлевич (РГБ, ИРЛИ)
 526. Чевкин Константин Владимирович (ИРЛИ)
 527. Чевкина Екатерина Фоминична (ИРЛИ)
 528. Челаковский Франц-Ладислав (только первопубликация)
 529. Черкасова Пелагея Андреевна (ИРЛИ)
 530. Чернышева (Кругликова) Софья Григорьевна (ИРЛИ)
 531. Чижов Федор Васильевич (РГБ, ИРЛИ)
 532. Шадов фон В. (ИРЛИ)
 533. Шаликов Петр Иванович (ИРЛИ)
 534. Шамбо Иван Павлович (ИРЛИ)
 535. Шатров Николай Михайлович (ИРЛИ)
 536. Шаховской Александр Александрович (ИРЛИ)
 537. Шевченко Тарас Григорьевич (только первопубликация)
 538. Шевырев Степан Петрович (РНБ)
 539. Шези Вильгельм (РНБ)
 540. Шереметев Дмитрий Николаевич (ИРЛИ)
 541. Шереметева Надежда Николаевна (РГБ, ИРЛИ, РГАДА)
 542. Ширинский-Шихматов Платон Александрович (ИРЛИ)
 543. Шишкина Екатерина (ИРЛИ)
 544. Шишков Александр Семенович (ИРЛИ)
 545. Шлиффен Екатерина Петровна (ИРЛИ)
 546. Шмидт Евдокия (ИРЛИ)
 547. Шреккенштейн (ИРЛИ)
 548. Штейнгель А. (Steinheil) (ИРЛИ)
 549. Штер Петр (ИРЛИ)
 550. Штоффреген (ИРЛИ)
 551. Штраус (ИРЛИ)
 552. Шувалов Андрей Петрович (ИРЛИ)
 553. Эверс Густав (Evers G.) (ИРЛИ)
 554. Эглоффштейн Каролина (ИРЛИ)
 555. Эглоффштейн Юлия (ИРЛИ)
 556. Эдлинг (ИРЛИ)
 557. Эленшлагер Адам Готтлиб (Oehlenschlaeger) (ИРЛИ)
 558. Энгельгардт М. (ИРЛИ)
 559. Юшков Василий (ИРЛИ)
 560. Юшков Петр Николаевич (РГБ)
 561. Юшкова Мария Петровна (РГБ)
 562. Яблоков (РГБ)
 563. Языков Дмитрий Иванович (ИРЛИ)
 564. Якоби Мориц Герман (Jacobi M.H.) (ИРЛИ)
 565. Якушкина Анастасия Васильевна (РГБ)
 566. Неизвестные авторы (около 40 писем)

Статья представлена научной редакцией «Филология» 27 сентября 2019 г.

Letters to Vasily Zhukovsky as a Phenomenon of Russian Culture and an Editorial Problem

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 448, 35–47.

DOI: 10.17223/15617793/448/5

Vitaly S. Kiselev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kv-uliss@mail.ru

Olga B. Lebedeva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: obl25@mail.ru

Keywords: Russian literature; Russian epistolary culture; correspondence; textual preparation; scientific commentary; V.A. Zhukovsky.

The study was conducted at Tomsk State University and supported by the Russian Science Foundation (RSF) Project No. 19-18-00083 “Russian Epistolary Culture of the First Half of the 19th Century: Textology, Commentary, Publication”.

The article presents a project devoted to archival and textual preparation, scientific commenting and publication of letters to Vasilii Zhukovsky. The volume of this archive is huge. It has more than four thousand texts stored in Russian (Russian State Library, Russian State Archive of Literature and Art, State Archive of the Russian Federation, State Historical Museum, Russian National Library, Institute of Russian Literature, Russian State Historical Archive, Russian State Archive of Ancient Acts, Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire, Russian State Archive of the Navy, Archive of the Russian Academy of Science in St. Petersburg) and foreign (in Weimar, Berlin, Frankfurt, Oldenburg, Basel, Geneva, Rome, Naples, Paris, London, Edinburgh) archives). The archive was published only partially despite the fact that it included letters from representatives of the “Golden Age” of Russian literature: the royal persons, dignitaries, officials, well-known military leaders, representatives of the noble and other social classes, from European writers, artists, politicians, scientists and doctors. The insufficient introduction of these letters into scientific discourse distorts the view on the biography of Zhukovsky and of his correspondents (565 people), creates gaps in the history of Russian literature and culture. To expand the range of the published epistolary documents, a range of textual and ethnological issues require resolving. The article presents the history of the study and publication of letters to Zhukovsky for the period from 1855 to 2019. Despite the wide range of publications, mainly pre-revolutionary ones, the published epistolary texts, with some exceptions, often have textual defects (incorrect readings, abbreviations, recombinations of parts, editors’ additions, etc.), do not contain indications of archival sources, are rarely supplied with commentaries, which are (if any) fragmented and superficial. Thus, in relation to the main body of letters, there are many unresolved issues requiring additional research related to archival and textological preparation, attribution, dating, clarification of biographical, historical, cultural and literary realities. The article outlines the principles for the publication of letters to Zhukovsky. First of all, this is the maximum completeness, due to the need to give an idea of all the known and first identified letters to the poet. The second objective of the project is the textological study of letters to Zhukovsky, which involves the compilation of textological references, commentaries with different versions of texts (in the presence of copies and draft letters), and the text of the letters should be compared with all detected autographs, copies, and book and journal publications. The third objective of the project is scientific commenting and systematic comprehension of letters to Zhukovsky. The fourth objective of the project is to prepare for publication blocks of letters to Zhukovsky (by authors of the letters). The article describes the features of the textological and editorial presentation of these epistolary documents.

REFERENCES

1. Manuscript Department of Institute of Russian Literature. 29405. (In Russian).
2. Tarasov, E.I. (ed.) (1911–1921) *Arkhiv brat'ev Turgenevykh* [Archive of the Turgenev brothers]. Vols 1–6. St. Petersburg: Izdatel'stvo otdela russkogo yazyka i slovesnosti rossiyskoy Akademii nauk.
3. Saitov, V.I. (ed.) (1899–1913) *Ostaf'evskiy arkhiv knyazey Vyazemskikh* [Ostafeyvo Archive of the Princes Vyazemskys]. Vols 1–5. St. Petersburg: Izd. gr. S.D. Sheremeteva.
4. Vatsuro, V.E. & Virolaynen, M.N. (1987) Pis'ma Andreyu Turgenevu k Zhukovskomu [Andrei Turgenev's letters to Zhukovsky]. In: Iezuitov, R.V. (ed.) *Zhukovskiy i russkaya kul'tura* [Zhukovsky and Russian Culture]. Leningrad: Nauka. pp. 350–431.
5. Modzalevskiy, B.L. (1909) Opisanie rukopisey Pushkina, nakhodyashchikhся v muzee A.F. Onegina v Parizhe [Description of the manuscripts of Pushkin in the museum of A.F. Onegin in Paris]. In: *Pushkin i ego sovremenniki* [Pushkin and his contemporaries]. Vol. 12. St. Petersburg: RAS. pp. 7–47.
6. Hoffmann, M.L. (1926) *Pushkinskiy muzey A.F. Onegina v Parizhe: Obshchiy obzor, opisanie i izyecheniya iz rukopisnogo sobraniya* [Pushkin Museum A.F. Onegin in Paris: A general overview, description and extracts from a manuscript collection]. Paris: Librairie ancienne honore champion.
7. *Russkaya starina*. (1902) 6.
8. Zeydlits, K.K. (1883) *Zhizn' i poeziya V.A. Zhukovskogo: Po neizdannym istochnikam i lichnym vospominaniyam* [Life and Poetry of V.A. Zhukovsky: According to unpublished sources and personal memories]. St. Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha.
9. Zagarin, P. (Polivanov, L.I.). (1883) *V.A. Zhukovskiy i ego proizvedeniya* [V.A. Zhukovsky and His Works]. Moscow: Izd. L'va Polivanova.
10. Rezanov, V.I. (1906–1916) *Iz razyskaniy o sochineniyakh V.A. Zhukovskogo* [From a Research on the Writings of V.A. Zhukovsky]. 1–2. St. Petersburg: Senatskaya tipografiya.
11. Veselovskiy, A.N. (1904) *V.A. Zhukovskiy. Poeziya chuvstva i "serdechnogo voobrazheniya"* [V.A. Zhukovsky. The poetry of feeling and “heart imagination”]. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk.
12. *Bibliograficheskie zapiski*. (1859).
13. *Bibliograficheskie zapiski*. (1861).
14. Pletnev, P.A. (1885) *Sochineniya i perepiska P.A. Pletneva* [Works and Correspondence of P.A. Pletnev]. Vols 1–3. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk.
15. Bychkov, I.A. (1887) Bumagi V.A. Zhukovskogo, postupivshie v Imp. Publichnyuyu biblioteku v 1884 g. [Papers V.A. Zhukovsky, received in Imp. Public Library in 1884]. *Otchet Imperatorskoy Publichnoy biblioteki na 1884 g. Prilozhenie* [Report of the Imperial Public Library for 1884 Appendix]. St. Petersburg: Tipografiya V.S. Balashova. pp. 1–199 (2nd pagination).
16. Dubrovin, N.F. (1902) *V.A. Zhukovskiy i ego otnoshenie k dekabristam* [V.A. Zhukovsky and his attitude towards the Decembrists]. *Russkaya starina*. 4. pp. 45–119.
17. Petukhov, E.V. (1902) *V.A. Zhukovskiy v Derpte (1815–1817)* [V.A. Zhukovsky in Dorpat (1815–1817)]. In: Petukhov, E.V. et al. *Sbornik v pamyat' N.V. Gogolya i V.A. Zhukovskogo* [Collection in memory of N.V. Gogol and V.A. Zhukovsky]. Yur'ev: Izdano Imperatorskim Yur'evskim universitetom. pp. 45–101.
18. Gruzinskiy, A.E. (ed.) (1904) *Utinskiy sbornik. Pis'ma V.A. Zhukovskogo, M.A. Moyer i E.A. Protasovoy* [Utkin Collection. Letters of V.A. Zhukovsky, M.A. Moyer and E.A. Protasova]. Moscow: Izdanie M.V. Beer.
19. Veselovskiy, A.N. & Sobolevskiy, A.I. (eds) (1907–1909) *Pamyati V.A. Zhukovskogo i N.V. Gogolya* [In memory of V.A. Zhukovsky and N.V. Gogol]. Vols 1–3. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk.
20. Solov'ev, N.V. (1915–1916) *Istoriya odnoy zhizni. A.A. Voeykova – "Svetlana"* [The story of one life. A.A. Voeykova – “Svetlana”]. Vols 1–2. Petrograd: Russkiy bibliofil.
21. Shchegolev, P.E. (1916) *Duel' i smert' Pushkina* [Pushkin's Duel and Death]. Petrograd: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk.
22. Smirnova, A.O. (1929) *Zapiski, dnevnik, vospominaniya, pis'ma* [Notes, diary, memoirs, letters]. Moscow: Federatsiya.
23. Zhikharev, S.P. (1934) *Zapiski sovremennika* [Notes of a Contemporary]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: Academia.
24. Pushkin, A.S. (1937–1949) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vols 13–16. Moscow; Leningrad: USSR AS.
25. Gogol', N.V. (1937–1952) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vols 10–14. Moscow; Leningrad: USSR AS.
26. Fetisov, M.I. (1950) *Pervye russkie povesti na kazakhskie temy* [The first Russian Stories on Kazakh Topics]. Alma-Ata: USSR AS.
27. *Russkaya literatura*. (1965). 4.
28. *Russkaya literatura*. (1965). 1.

29. *Sovetskoe slavyanovedenie*. (1976). 2.
30. *Voprosy literatury*. (1975). 11.
31. Kozlov, I.I. (1956) *Stikhotvoreniya* [Poems]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.
32. Gille'son, M.I. (1980) *Perepiska P.A. Vyazemskogo i V.A. Zhukovskogo (1842—1852)* [Correspondence between P.A. Vyazemsky and V.A. Zhukovsky (1842-1852)]. In: Likhachev, D.S. (ed.) *Pamyatniki kul'tury: Novye otkrytiya. Ezhegodnik. 1979* [Monuments of Culture: New discoveries. Yearbook. 1979]. Leningrad: Nauka. pp. 34–75.
33. Muratova, K.D. (ed.) (1981) *Ezhegodnik Rukopisnogo Otdela Pushkinskogo Doma na 1979 g.* [Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for Year 1979]. Leningrad: Nauka.
34. Grigor'yan, K.N. (ed.) (1984) *Ezhegodnik Rukopisnogo Otdela Pushkinskogo Doma na 1980 g.* [Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for Year 1980]. Leningrad: Nauka.
35. Iezuitova, R.V. (1987) *Zhukovskiy i ego vremena* [Zhukovsky and His Time]. Leningrad: Nauka.
36. Lyamina, E.E. & Samover, N.V. (1999) *“Bednyy Zhozef”: Zhizn' i smert' Iosifa Viel'gorskogo: Opyt biografii cheloveka 1830-kh godov* [“Poor Joseph”: The Life and Death of Joseph Vielgorsky: The experience of the biography of a 1830s person]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
37. Dolgushin, D.V. (2009) *V.A. Zhukovskiy i I.V. Kireevskiy: Iz istorii religioznykh iskaniy russkogo romantizma* [V.A. Zhukovsky and I.V. Kireevsky: From the History of the Religious Searches of Russian Romanticism]. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi.
38. Pavlova, Zh.K. (2010) *Florian Zhil' i imperatorskiy Ermitazh* [Florian Gille and the Imperial Hermitage]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
39. Zhilyakova, E.M. (ed.) (2009) *Perepiska V.A. Zhukovskogo i A.P. Elagina: 1813–1852* [Correspondence between V.A. Zhukovsky and A.P. Elagina: 1813–1852]. Moscow: Znack.
40. Siegel, H. (ed.) (2012) *Der Briefwechsel zwischen Aleksander I. Turgenev und Vasilij A. Žukovskij 1802–1829*. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag.
41. Siegel, H. (ed.) (2019) *Der Briefwechsel zwischen Aleksandr I. Turgenev und Vasilij A. Žukovskij 1830–1845*. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag.
42. Yanushkevich, A.S. & Ayzikova, I.A. (eds) (2010) *Zhukovskiy: Issledovaniya i materialy* [Zhukovsky: Research and materials]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
43. Yanushkevich, A.S. & Ayzikova, I.A. (eds) (2013) *Zhukovskiy: Issledovaniya i materialy* [Zhukovsky: Research and materials]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
44. Yanushkevich, A.S. & Ayzikova, I.A. (eds) (2017) *Zhukovskiy: Issledovaniya i materialy* [Zhukovsky: Research and materials]. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University.
45. Nalepin, A.L. et al. (eds) (2010) *Rossiyskiy Arkhiv: Istoriya Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv.* [Russian Archive: History of the fatherland in the evidence and documents of the 18th – 20th centuries.]. Moscow: Studiya TRITE: Rossiyskiy. Arkhiv.
46. Balakina, A.Yu. & Berezkina, S.V. (eds) (2016) *“Razluka ne razvod...”: Iz perepiski V.A. Zhukovskogo i A.F. Voeykova 1823 g.* [“Separation is not a divorce . . .”: From the correspondence of V.A. Zhukovsky and A.F. Voeykov in 1823]. In: *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2015 g.* [Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for year 2015]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 263–299.
47. Nikonova, N.E. (2011) *Pis'ma V.A. Zhukovskogo k K.K. Zeydlitsu: rusско-nemetskiy dialog* [Letters of V.A. Zhukovsky to K.K. Seidlitz: Russian-German dialogue]. *Russkaya literatura*. 1. pp. 95–119.
48. Nikonova, N.E. (2011) *Pis'ma V.A. Zhukovskogo k K.K. Zeydlitsu: rusско-nemetskiy dialog (Okonchanie)* [Letters of V.A. Zhukovsky to K.K. Seidlitz: Russian-German dialogue (Ending)]. *Russkaya literatura*. 2. pp. 135–159.
49. Nikonova, N.E. (2012) *V.A. Zhukovsky and the Adelungs' epistolary intercourse (publication and commentary)*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 362. pp. 11–16. (In Russian).
50. Nikonova, N.E. (2012) *V.A. Zhukovskiy i ego nemetskie druz'ya: novye fakty iz istorii rossiysko-germanskogo mezhkul'turnogo vzaimodeystviya pervoy poloviny XIX v.* [V.A. Zhukovsky and his German Friends: New facts from the history of Russian-German intercultural interaction in the first half of the 19th century]. Tomsk: Tomsk State University.
51. Nikonova, N.E. & Rudikova, N.A. (2013) *V.A. Zhukovsky and Switzerland: on the origin of historic and philosophic motives of the Romanticist's 20 late prose*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 374. pp. 20–26. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/374/4
52. Nikonova, N.E. (2013) *V.A. Zhukovsky and German painters: from C.D. Friedrich to the Nazarenes (Article 1)*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 371. pp. 38–44. (In Russian).
53. Nikonova, N.E. (2013) *V.A. Zhukovsky and German painters: from C.D. Friedrich to the Nazarenes (Article 2)*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 372. pp. 33–39. (In Russian).
54. Nikonova, N.E. (2014) *V.A. Zhukovsky and the German ruling dynasties: Johann von Sachsen*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 4 (30). pp. 98–110. (In Russian).
55. Nikonova, N.E. (2015) *V.A. Zhukovskiy i nemetskiy mir* [V.A. Zhukovsky and the German World]. Moscow; St. Petersburg: Al'yans-Arkheo.
56. Nikonova, N.E. (2019) *Letters from the sisters Egloffstein to V. A. Zhukovsky: from the history of European literature and painting*. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 11. pp. 53–96. (In Russian). DOI: 10.17223/24099554/11/3
57. Batyushkov, K.N. (1989) *Sochineniya* [Works]. Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

Received: 27 September 2019

А.В. Колмогорова, А.А. Калинин, А.В. Маликова

ТИПОЛОГИЯ И КОМБИНАТОРИКА ВЕРБАЛЬНЫХ МАРКЕРОВ РАЗЛИЧНЫХ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ТОНАЛЬНОСТЕЙ В ИНТЕРНЕТ-ТЕКСТАХ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ (проект «Разработка классификатора русскоязычных интернет-текстов по критерию их тональности на основе модели эмоций “Куб Левхейма”» № 19-012-00205).

Теоретически обосновывается понятие вербального маркера. Представлена типология вербальных маркеров восьми эмоций в русскоязычных интернет-текстах в соответствии с уровнем языковой системы, которому принадлежит маркирующая единица: лексические, морфологические, синтаксические, семантические, пунктуационные и текстовые. Приводятся примеры и статистика эффективности маркеров, рассматриваются их комбинаторные особенности.

Ключевые слова: эмоция; интернет-тексты; сентимент-анализ; вербальные маркеры; машинное обучение; когниция.

Введение

Становление антропоцентрической парадигмы в языкознании способствовало изменению функционального статуса языковых данных в исследовательской деятельности. Так, если в системно-структурной лингвистике «показания» языкового материала служили для языковедов свидетельствами специфики устройства языковой системы, а исследователи-когнитивисты так называемой «первой волны» ставили своей целью объяснить различные языковые факты, опираясь на стоящие за ними ментальные феномены [1. С. 53], то сегодняшние лингвисты стремятся диагностировать скрытые от непосредственного наблюдения когнитивно-психологические процессы на основании установления корреляций между ними и употреблением в речи субъектом этих процессов тех или иных языковых единиц, структур.

Актуальность подобного подхода имеет под собой прагматические, теоретические и технологические основания.

Так, научные исследования, выполняемые при поддержке крупных корпораций, государственных и производственных структур, все более ориентированы на получение прагматически конкретных, ясных и применимых на практике результатов.

«Прорывной» с точки зрения теории явилась гипотеза о гипертекстуальном устройстве мозга, исходящей из постулата о том, что разум – это многослойная структура, сеть сетей нейронных сетей. Системной единицей функционирования такой гиперсети является ког – распределенная группа нейронов, сцепленная единым когнитивным опытом, в том числе – и опытом языковым [2]. Иными словами, если представить ког в виде снопа [Там же], то один или несколько его «колосьев», образующих в итоге единую вершину, представляют собой «следы» опыта взаимодействия со словом в некоторой когнитивно значимой для индивида ситуации. Следовательно, например, нейронные связи, сформированные в опыте переживания эмоции, отражают и опыт взаимодействия со словом в эмоционально маркированной ситуации таким образом, что, актуализировав первые, некий стимул актуализирует и вторые, и наоборот.

Наконец, технологический прорыв последних десятилетий дал возможность представителям всех наук, и в том числе лингвистам, использовать, во-первых, массивы «больших данных», а во-вторых, автоматизированные компьютерные приложения для обработки этих данных, в частности, в междисциплинарных исследованиях [3].

В лаборатории когнитивных исследований и прикладной лингвистики Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета в течение нескольких лет ведется разработка теоретических оснований, сбор материала и создание технологического обеспечения для автоматического распознавания эмоциональной тональности интернет-текстов на русском языке.

Интернет-тексты в качестве объекта исследования имеют особую привлекательность, поскольку, во-первых, они формируют один из самых значимых сегментов речевой продукции носителей современного русского языка, а, во-вторых, разработка технологии автоматической оценки их эмоциональности имеет наиболее ясные коммерческие и социальные перспективы: она может быть использована для мониторинга субъективного эмоционального восприятия потребителями той или иной услуги, товара или события на основе оценки текстов форумов, чатов, пабликов, а также для мониторинга эмоциональной безопасности уязвимых социальных групп в социальных сетях (дети, подростки, пожилые люди).

Данная публикация ставит своей целью обобщить опыт установления корреляций между некоторым эмоциональным состоянием, переживаемым субъектом, и теми языковыми средствами, которые он использует в своей текстовой деятельности. В статье теоретически обосновывается понятие вербального маркера эмоций, приводится типология вербальных маркеров, делаются наблюдения о влиянии комбинации маркеров на точность работы классификатора, созданного в целях сентимент-анализа.

Понятие вербального маркера

Анализ научной лингвистической литературы, в которой используется понятие маркера, позволил сде-

лать следующее обобщение: в лингвистике родовой термин «маркер» используется в ситуации, когда *некоторая единица или структура* наблюдается и фиксируется лингвистом на определенном отрезке речи / текста, продуцирование которого по времени совпадает с протеканием в сознании продуцента речи / текста недоступных прямому наблюдению коммуникативных, психических, когнитивных действий или процессов, косвенно указывая на них.

В зависимости от того, на каком уровне абстракции исследователь решает анализировать данные единицу и структуру, для их обозначения используются различные термины.

Так, анализируя интерпретативно-когнитивные процессы участников дискурсивного взаимодействия, оперируют терминами «дискурсивные маркеры» (discourse markers) [4, 5], «дискурсивные операторы» (discourse operators), «дискурсивные коннективы» (discourse connectives), а также «ключевые выражения» (cue phrases) [6].

В контексте средств реализации воздействующей функции языка указывается на важную роль прагматических маркеров, под которыми понимается перечень синтаксически разнородных лексем, обладающих свойствами индексальности, контекстной зависимости и многофункциональности, имеющих оценочную и метакоммуникативную функции, но лишенных концептуального значения [7].

Если исследователи сосредоточены на коммуникативно-жанровом аспекте речевого взаимодействия, то предпочтительным считают сочетание «речевой маркер». Например, в [8. С. 314] реплика «я не прокурор, черт с тобой по душам говорить» рассматривается как речевой маркер наместливого отношения к жанру «разговор по душам», а описательное утверждение «я вчера разозлилась на тебя за то, что ты забыл про нашу годовщину» – как маркер установки на сотрудничество в ситуации бытового конфликта [9].

При рассмотрении корреляций между фонетическими и просодическими характеристиками речи (высотой основного тона, паузацией, акцентным выделением сегментов, ритмом речи, длительностью произнесения слов, звуков) и эмоциональным состоянием говорящего продуктивно используется терминологическое сочетание «речевые временные корреляты эмоций» [10], а для выявления специфической просодики кульминации в юмористических нарративах [11] – собственно «просодические маркеры».

Когда фокус внимания исследователя сосредоточен на лексических единицах, чаще всего в целях автоматической обработки и классификации текстов, то употребительной становится номинация «лексический маркер» [12].

В случаях, когда изучается совокупность единиц и структур разного уровня, совместная встречаемость которых указывает на некоторое неязыковое и недоступное наблюдению явление или феномен (правда и ложь, например [13]), используются обобщенные термины «лингвистические маркеры» или «вербальные маркеры». В работе [14] в качестве вербальных маркеров агрессии в рамках тактики возмущения рассматриваются и лексические (междометие *ну*, напри-

мер), и синтаксические (неполные предложения), и пунктуационные (использование нескольких восклицательных знаков), и графические (запись всего предложения заглавными буквами) средства.

Представляется, что в качестве наиболее нейтральной родовой номинации следует использовать именно термин «вербальный маркер», поскольку, как показывает анализ лингвистической литературы, такая традиция уже сложилась – в случае, когда уровень специфика маркеров не имеет значения, носит смешанный характер [15] или определяется уже *post factum* в результате исследования [16], авторы говорят об именно «лингвистических» или «вербальных маркерах».

С точки зрения своих онтологических характеристик, вербальные маркеры могут иметь качественное и количественное измерения. Так, для идентификации эмоционального состояния боязни, переживаемого персонажем художественного произведения, достаточным оказывается выявление в тексте такой качественной характеристики, как наличие лексем *шепот, прятаться, бледный* [17]. Но, например, для выявления и классификации текстов, написанных людьми, страдающими суицидальными мыслями, маркером является определенное статистически значимое количество так называемых «абсолютистских» слов (*everyone, completely, never, etc.*) [18]. А для исследования уровня манипулятивности политических текстов американских масс-медиа важным оказался не только статистически значимый порог частотности лексических маркеров манипуляции одного какого-то вида, но и степень полноты представленности в тексте различных маркеров из списка слов-предикторов [19]. Иными словами, можно говорить о трех измерениях маркеров: качественном, количественном интенсивном и количественном экстенсивном. В двух последних случаях маркер приобретает статус величины, которую можно измерить и, в соответствии с проведенным измерением, определить некую характеристику текста – маркер превращается в параметр [20. Р. 3].

Таким образом, **вербальный маркер** – это единица или дискретная структура одного из уровней языковой системы, в ряде случаев поддающаяся параметризации, появление которой (а) само по себе или (б) в совокупности с другими релевантными единицами и / или (в) с определенной частотностью в сегменте речи / тексте косвенно указывает на некоторые сложные и недоступные непосредственному наблюдению процессы, феномены, фундированные в когнитивной деятельности, психической жизни продуцента речи / текста, способные при определенных условиях «запускать» аналогичные процессы во внутреннем мире реципиента речи / дискурса.

Методология выявления вербальных маркеров русскоязычных интернет-текстов различных эмоциональных классов

Ведущей методологией реализуемого нами проекта в целом является методология так называемого сентимент-анализа текстов. Это выявление эмоциональной тональности текста при помощи методов NLP (автоматический анализ тональности текста).

тической обработки естественного языка), статистики, машинного обучения [21]. Впервые этот термин был использован в статьях S.R. Das и M.Y. Chen [22], B. Pang, L. Lee и Sh. Vaithyanathan [23].

Существующие алгоритмы сентимент-анализа варьируются по критерию количества классов эмоций, к которым будут отнесены тексты в результате прохождения через классификатор: бинарные классификаторы определяют тональность текста как позитивную / негативную [24] или объективную / субъективную [25]; тернарные – как позитивную / нейтральную / негативную (например, при анализе тональности твитов, опубликованных на протяжении Чемпионата мира по футболу 2014 г.) [26]; многоклассовые осуществляют атрибуцию текста к конкретному классу эмоций, в соответствии с выбранной классификацией эмоций. Такова попытка итальянских исследователей распределить новостные статьи между тринадцатью классами эмоций, доминирующих в них [27]. Для русскоязычного материала используются преимущественно тернарные классификаторы [28, 29]. В нашем проекте решается задача создания многоклассового классификатора для русскоязычных текстов. На сегодняшний момент значение F-меры (гармоническое среднее между точностью и полнотой классификации) в различных эмоциональных классах текстов, а их 8 (+1 нейтральный), варьируется от 30 до 50%. Данный результат несколько лучше аналогичных показателей [30], где значение F-меры для семи эмоциональных классов текстов составило 47%, а для класса нейтральных текстов – 70%, однако еще не достигает показателей, типичных для бинарных классификаторов с точностью 60,6% для текстов с позитивной эмоциональной тональностью и 72,8 – с негативной [31].

Для выделения классов текстов согласно критерию ведущей эмоции, вербализованной в них, мы использовали классификацию эмоций Гуго Лёвхей-

ма, который установил, что, хотя сами по себе эмоциональные состояния, являясь функцией от адаптивных систем человеческого организма, порождаются в лимбической системе и миндалевидном теле головного мозга, дальнейший сигнал об эмоции активируется и распространяется на другие отделы головного мозга благодаря действию трех моноаминов: серотонина, дофамина и норадреналина. Такая система моноаминных медиаторов служит своеобразным «эмоциопроводом» для передачи информации об эмоции всем остальным отделам мозга [32. P. 341]. Иными словами, изменение уровня того или иного моноамина является посланием для мозга об активируемой эмоции. Взяв за основу восьмичленную классификацию аффектов С. Томкинса, выявленную на основе анализа типов выражений лица, Г. Лёвхейм установил корреляцию каждой из восьми эмоций со специфической комбинацией уровней трех названных выше моноаминов. Исследователь визуализировал данную корреляцию в виде куба (рис. 1) на координатной плоскости с осями 5-НТ (серотонин), NE (норадреналин), DA (дофамин). В зависимости от сочетания уровня данных гормонов в крови субъекта эмоции исследователь предложил восьмичленную классификацию эмоций, где первая номинация класса отражает наименее выраженную степень интенсивности эмоции-аффекта, а вторая – ее высшую точку (например, Злость – Гнев): Интерес / Возбуждение; Удовольствие / Радость; Удивление; Странение / Тоска; Гнев / Ярость; Страх / Ужас; Презрение / Отвращение; Стыд / Унижение.

Данная модель представляется одной из наиболее объективных классификаций эмоций, существующих на сегодняшний день, поскольку она базируется на измеряемых физиологически фундированных параметрах, а количество выделяемых эмоций является удобным для дальнейшей работы с текстами.

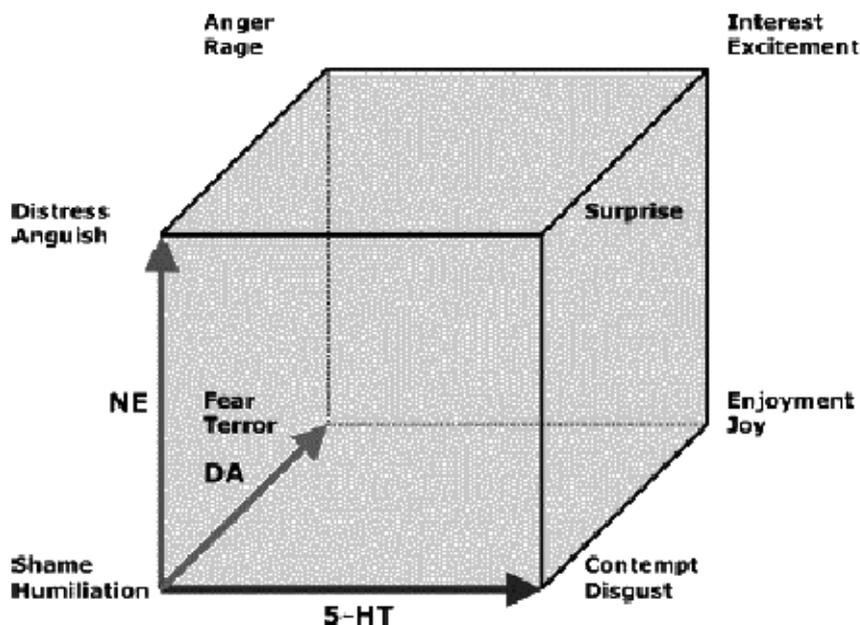

Рис. 1

Хотя существуют классификаторы для сентимент-анализа, построенные на использовании словарей то-

нальностей, в качестве метода для нашего проекта мы выбрали технологию машинного обучения по преце-

дентам, основной принцип которой – по частным данным, представляющим набор пар «объект – ответ», выявить закономерности, присущие не только конкретной обучающей выборке, но и генеральной совокупности данных. Такой выбор обусловлен тем, что, как показывает анализ научных публикаций последних лет, методы машинного обучения существенно расширяют возможности обработки различного текстового материала. Существует два основных алгоритма машинного обучения – нейронные сети [33] и метод опорных векторов (SVM) [34]. В нашей работе использован SVM алгоритм.

Для подобной технологии важнейшим этапом является этап формирования обучающей выборки – коллекции текстов, где каждому из них уже приписан эмоциональный класс: к примеру, некоторый текст вербализует эмоцию радости, а другой отмечен страданием.

Источником данных для обучающей выборки в нашем случае послужил паблик Подслушано в социальной сети ВКонтакте – проект, в котором пользователи анонимно делятся каждый день своими откровениями и жизненными ситуациями. Посты в паблике имеют объем 60–80 слов. По своей жанровой характеристике это нарративы, в которых объектом эмоции является, как правило, некоторая жизненная ситуация, переживаемая самим автором-нарратором в данный момент или пережитая в прошлом, а также ситуации, происходящие с другими людьми, но проецируемые нарратором, в силу эмпатии, на себя.

Для извлечения данных эмоциональные классы по Лёвхейму были соотнесены с хештегами, под которыми размещаются посты пользователей, поскольку именно хештеги в случае коммуникации в социальных сетях передают основной образ, идею [35] (табл. 1):

Таблица 1

Объем подкорпусов и их соотнесение с хештегами

Эмоциональный класс текстов (подкорпус)	Объем подкорпуса в токенах	Хештег в Подслушано
Страдание / Тоска	56 470	#Подслушано_одиночество
Интерес / Возбуждение	184 074	#Подслушано_успех
Удовольствие / Радость	85 117	#Подслушано_счастье
Страх / Ужас	230 730	#Подслушано_страшное
Брезгливость / Отвращение	45 868	#Подслушано_фууу
Злость / Гнев	131 564	#Подслушано_БЕСИТ
Стыд / Унижение	70 232	#Подслушано_стыдно
Удивление	288 272	#Подслушано_наблюдения #Подслушано_странное

Несмотря на то, что редакторы паблика самостоятельно категоризируют посты при помощи хештегов, тексты из каждого класса были рандомизированно оценены ассессорами. В случае значительного разброса оценок ассессоров данные подвергались повторной разметке информантами на одной из краудсорсинговых платформ. Так, например, произошло с корпусом текстов под хештегом #Подслушано_наблюдения#, в постах которого, по нашим оценкам, широко представлена эмоция удивления. Для проведения разметки ассессорам в формате онлайн-опросника предлагалось поставить «галочку» напротив имени той эмоции, которую они чувствуют в данном текстовом фрагменте. В распоряжении информантов-ассессоров было восемь двучленных имен эмоций и девятая номинация – нейтрально. Информанты не были ограничены в количестве приписываемых текстовому фрагменту эмоций. В итоге один и тот же текст оценивался тремя ассессорами. Если в двух или трех ответах-оценках была указана эмоция удивления, то текст включался в класс текстов «Удивление», если подобная эмоция не была указана ни одним или всего одним информантом, он не включался в обучающую выборку.

Хотя классификатор способен самостоятельно строить статистические модели на основе закономерностей, устанавливаемых им на основе анализа обучающей выборки, но если «подать» ему на вход «лингвистические подсказки», т.е. языковые единицы, структуры, на присутствие которых или их ча-

стотность в текстах стоит «обратить особое внимание», то точность классификации значительно возрастает. Для того чтобы эти подсказки сформулировать, необходимо провести лингвистический анализ достаточно объемного массива текстов в каждой из категорий. Сделать это «вручную» чрезвычайно трудно, поэтому был использован инструментальный корпусной лингвистики, предлагаемый корпусным менеджером Sketch Engine. Корпусный менеджер – это специальная информационно-поисковая система, включающая программные средства для поиска данных в корпусе, получения статистической информации [36. С. 139]. В Sketch Engine мы загрузили восемь подкорпусов, каждый из которых соответствует одной из восьми эмоций, согласно Лёвхейму. Результаты, которые станут предметом обсуждения в следующей части статьи, были получены в ходе анализа данных восьми подкорпусов при помощи таких инструментов Sketch Engine, как анализ частотности лексем / словоформы / синтаксемы, выявление комбинаторики лексем, создание конкордансов, тезаурусов для каждой лексемы из корпуса.

Приводимые далее данные об эффективности тех или иных вербальных маркеров для точности классификации получены в ходе работы с прототипом программы – классификатора текстов по их эмоциональной тональности, созданном на базе алгоритма Наивного байесовского классификатора с помощью языка программирования Python.

Типы вербальных маркеров эмоций и эффективность их применения в качестве параметров для работы классификатора

Лексические маркеры эмоции могут иметь различную экстенсивность: для атрибуции текста к определенному эмоциональному классу значимой может быть частотность как одной лексемы, так и коллокации. Кроме того, функцию маркирования эмоции может выполнять число различных лексем-репрезентантов какого-либо лексико-семантического поля (далее – ЛСП) или лексико-семантической группы (далее – ЛСГ), встречающихся в тексте.

Например, сравнительный анализ (1) относительной частотности, (2) статистической значимости по результатам TF / IDF взвешивания¹ и (3) процентного соотношения текстов, содержащих хотя бы одну форму глагольной лексемы *говорить*, в восьми классах текстов из обучающей выборки показал, что в четырех эмоциональных классах текстов (Злость / Гнев, Удивление, Интерес / Возбуждение, Стыд / Унижение) значения всех трех параметров значительно выше, чем для оставшихся классов текстов. И наоборот, для класса текстов, передающих эмоциональную тональность Страдание / Тоска, лексема имеет самые низкие значения во всех трех типах измерений (столбцы 2–4, табл. 2).

Таблица 2

Относительная частотность и статистическая релевантность леммы *говорить* в восьми классах текстов

№	Название	Относительная частотность / ранг	Ранг в первой двадцатке и значение по результатам TF / IDF взвешивания	% текстов в классе, содержащих <i>говорить</i>
1	Злость / Гнев	2,082.64 pm / 6	5 7.549767342194897	9,811
2	Удивление	1,765 pm / 6	11 7.09326299833163	13,138
3	Интерес / Возбуждение	1,684 pm / 3	3 7.432211883185744	12,361
4	Стыд / Унижение	1,580 pm / 6	6 7.915890436201671	12,528
5	Страх / Ужас	1,512.69 pm / 8	не входит в первые 20	13,078
6	Удовольствие / Радость	1,186.6 pm / 10	не входит в первые 20	8,988
7	Брезгливость / Отвращение	1,046.48 pm / 13	не входит в первые 20	7,342
8	Страдание / Тоска	1,027.09 pm / 14	не входит в первые 20	5,030

Когда данный вербальный маркер был добавлен к уже показавшей свою эффективность базе параметров для автоматического анализа, точность классификации выросла на 1% для текстов из классов Брезгливость / Отвращение, Страх / Ужас и Удивление (см. табл. 4).

В ряду лексических маркеров эмоций важную роль играет частотность отдельных коллокаций. Так, кол-

локация *терпеть не могу* оказалась маркером для класса текстов, передающих эмоцию гнева, злости (табл. 3), ее подача на вход классификатора в качестве параметра позволила на 0,5% улучшить точность классификации в классе Злость / Гнев (см. табл. 4):

(1) *И я терпеть не могу, когда меня называют «человек с ограниченными возможностями»* (Злость / Гнев).

Таблица 3

Абсолютная и относительная частотность коллокации *терпеть не могу* в восьми классах текстов

Класс / коллокация	Страдание / Тоска	Интерес / Возбуждение	Удовольствие / Радость	Страх / Ужас	Брезгливость / Отвращение	Злость / Гнев	Стыд / Унижение	Удивление
Терпеть не могу	0	0	0	0	0	5/68.4 pm	1 / 14.24 pm	1/1.73 pm

Наконец, анализ процентного соотношения текстов, содержащих 2 и более лексем из ЛСП «Смерть» (*смерть, умирать, умереть, могила, похороны, кладбище, оплакивать, оплакать, скорбеть, хоронить, похоронить, скончаться, захоронить, погибнуть, погибать, кремировать, осиротеть* и т.д.), в каждом из восьми классов показал, что наибольший процент таких текстов отмечается в эмоциональном классе Страх / Ужас (пр. 2) (27,153%), а наименьший – Брезгливость / Отвращение (0,6%). В результате добавления данного вербального маркера в качестве дополнительного к базовой группе параметров показатель weighted average f1-score, представляющий собой взвешенное по доле каждого класса гармоническое среднее значений точности и полноты классифи-

кации, вырос на 3% (см. табл. 4). Кроме того, в качестве параметров для работы классификатора свою эффективность показали ЛСП «Болезнь» (пр. 4) (weighted average f1-score + 4% (см. табл. 4)), «Одиночество» (пр. 3) (weighted average f1-score + 4% (см. табл. 4)), ЛСГ абсолютистских слов (*нигде, никогда, ни с кем, всегда, все, везде* и т.д.):

(2) *У моей коллеги вчера во время похорон матери умер отец. Мать коллеги повезли на кладбище, а отца в морг. Врагу не пожелаешь такого* (Страх / Ужас);

(3) *Живу с молодым человеком. Он уехал в командировку на три недели. Я осталась в квартире одна. Думала, что это будет мой мини-отпуск, смогу больше времени посвятить уходу за собой и прочее.*

Первые четыре дня было неплохо, но дальше стало сложнее. Завтракать одной, ложиться спать в пустой квартире... Я даже не представляла, как одиночество, пусть даже временное, может давить! В тот момент я задумалась о том, как люди живут совершенно одни. Особенно пожилые. Наверно, это крайне непросто, ведь человеку, как известно, нужен человек (Страдание / Тоска);

(4) У меня хронический гайморит, болею по два-три раза в год. Когда промываю нос морской водой и оттуда вываливаются большие зеленые сгустки... (Брезгливость / Отвращение).

Среди морфологических маркеров эмоций особо стоит отметить частотность сравнительной и превосходной степеней сравнения у наречий, которая оказалась важной для вербализации эмоции стыда. Наибольший разброс значений наблюдался у двух категорий: наречия в превосходной или сравнительной степени встречаются в 28,8% «стыдных» текстов, а в «гневных» текстах это значение минимально – 15,8%. При добавлении данного параметра точность классификации выросла на 4% именно в первом классе текстов (см. табл. 4).

Синтаксические маркеры представлены как определенными синтаксическими структурами, например парцелляциями, так и доминированием у лексемы той или иной синтаксической функции или, наконец, специфической синтаксической комбинаторикой.

Наибольший процент текстов, содержащих парцелляцию, зафиксирован в эмоциональном классе Страх / Ужас (17,464%) (пр. 5), а наименьший – в классах Удивление (10,888%) и Унижение / Стыд (10,421%):

(5) Меня не стало, просто как будто и не было. Моя старенькая мама просто забыла, что я у нее есть. Она узнает всех – моего брата, своих сестер, даже бывшую одноклассницу. А меня – нет. После смерти папы она живет у меня, никто из родственников ее не навещает, брат даже не звонит спрашивать о ней. Но именно меня она забыла. Первую. И так обидно. Ощущение, что я и не жила вовсе (Страх / Ужас).

Использование частотности парцелляций в качестве одного из параметров для автоматической обработки текстов повысило точность атрибуции «удивительных» текстов на 1% (см. табл. 4).

Статистический анализ показал, что практически во всех классах текстов лексемы-соматизмы *рука*, *нога*, *глаз* входят в список из 20 лексем, имеющих наибольший статистический «вес» для текстов данного класса. Анализ синтаксических связей данных лексем выявил, что типичные синтаксические позиции данных соматизмов меняются в разных эмоциональных классах текстов. Например, среди всех классов текстов чаще всего (23% от всех синтаксических связей) соматизм *рука* занимает субъектную позицию в классах Злость / Гнев (например, *руки чешутся*, *тянутся*; *рука устаёт*, *отекает*) и Интерес / Возбуждение (19%) (*руки затряслись* (пр. 6), *опустились*, *рука попала*, *повисла*), а в классе текстов, маркированных эмоцией удивления, таких случаев вообще не зафиксировано, т.е. в

«удивительных» текстах из нашего корпуса лексема *рука* никогда не играет роли агенса.

(6) Муж «сделал предложение» 5 лет назад. Вечер. Вхожу – темно, дорожка из свечей. Ванна с лепестками роз и коробочка в виде сердца. И он стоит, улыбается. У меня руки затряслись, слезы, а он не понимает, почему такая реакция. Беру коробочку, открываю – никак. Я сильнее. И тут она крошится, падает и ШИПИТ в ванной! Оказывается, он просто решил сделать мне сюрприз-релакс, а это была бомба для ванны. Знатных тогда pistoнов отхватил, не понимая за что. А через неделю сделал предложение. Написовала)) (Интерес / Возбуждение).

А вот соматизм *глаза* наиболее часто занимает субъектную позицию как раз в текстах из подкорпуса Удивление – 21% от числа всех синтаксических связей лексемы в данном подкорпусе на фоне 7,8% в среднем по всем другим корпусам: *глаза светятся*, *сияют*, *округляются*, *вылазят из орбит*, *радуются*, *выкатываются*, *дергаются*, *округляются* и т.д.

Учет синтаксической комбинаторики также позволяет формировать новые достаточно эффективные параметры для атрибуции текстов. Например, синтаксема ADV_{интенсификатор} + ADJ оказалась характерна для текстов класса Удовольствие / Радость – 10,1% от всех текстов класса содержали данную синтаксему (пр. 7), а среднее значение по остальным классам не превышало 4,8%:

(7) Однажды я потеряла память: обнаружила себя на отдыхе в бунгало рядом с любимым мужчиной (помнила я только знакомство и то, что я влюбилась по уши). Может, это и странно, но никогда я не была так счастлива, как тогда. Ведь при знакомстве я была уверена, что такой мужчина мне, простушке, не светит, а тут я обнаружила, что мы молодожёны, что он меня любит. Будто бы мгновенное исполнение желания...

Синтаксема ADV_{интенсификатор} + ADV присутствовала в 14,9% текстов из подкорпуса Унижение / Стыд (на фоне среднего значения по оставшимся подкорпусам 4,6%) (пр. 8):

(8) Все время злился на жену за то, что она непонятно куда тратит огромные суммы денег. Пилил ее за то, что не понимал, куда можно деть 2 000 гривен за день, и так регулярно. А потом заглянул в ее ноут по мелочи, увидел незакрытую вкладку и так узнал, что она постоянно перечисляет деньги в благотворительные фонды и на операции людям. Как же стыдно за свои слова. Я никогда в средствах не нуждался, за все 30 лет жизни даже и не думал помогать людям. Теперь понял, что живу с ангелом.

Совместное применение в качестве параметров для классификации вербальных маркеров, связанных с синтаксической позицией субъекта, у соматизмов и двух вышеописанных синтаксем дало увеличение гармонического среднего значений точности и полноты классификации на 1%, а по отдельным классам текстов – точность в классе Злость / Гнев увеличилась на 1%, а в классе Стыд / Унижение на 19% (см. табл. 4).

Наибольшую трудность для обнаружения и дальнейшей параметризации представляют *семантические маркеры*. Например, одним из таких маркеров для выявления эмоциональной тональности является использование соматизмов в каритивных конструкциях в подкорпусе текстов Страх / Ужас:

(9) *Сестра очень много болеет. Не просто простудами, а потяжелее. Одной почки нет, легких 1,5 штуки, матку ей вырезали, кардиостимулятор на сердце, нет пальцев на правой ноге. Живет практически в больницах. На днях нашли лейкомию. А сегодня подошла ко мне и призналась, что рада. Рада, что больше не придется все это терпеть. Так больно мне ещё не было* (Страх / Ужас);

Причем маркирующий характер в данном случае заключается не в частотности каритивных конструкций, а в их наличии, поскольку для остальных подкорпусов каритивные конструкции вообще не характерны. Хотя данный маркер, будучи использован изолированно, не показал своей эффективности в качестве параметра для работы классификатора, мы полагаем, что его значимость обнаружится при сочетании с другими маркерами.

Пунктуационные маркеры являются, пожалуй, наиболее простыми для выявления и параметризации. Так, например, пунктуационные знаки «?» и «!», а также «?!» характерны в наибольшей степени для текстов

из эмоционального класса Злость / Гнев (26,6%; 64,5% и 7,2% текстов из подкорпуса содержат данные знаки соответственно), а в наименьшей – для эмоциональных классов Брезгливость / Отвращение (6,5% текстов содержат «?») и Страдание / Тоска (10,2% содержат «!» и 0,4% включают знак «?!»). Добавление данных маркеров в качестве параметров к уже показавшей свою эффективность группе параметров дало увеличение гармонического среднего значений точности и полноты классификации на 6%, что значимо (табл. 4).

Наконец, такой сложный маркер, как способ передачи чужого слова. По сути дела, этот маркер уходит своими корнями в нарративно-текстовую категорию диегезиса: если нарратив ведется от первого лица (гомидиегезис), то доминировать будет передача чужой речи в форме косвенной, как правило, интегрированной в придаточное дополнительное предложение (*говорит, что...*); в случае гетеронарратива, где нарратор выдает себя за беспристрастного наблюдателя за действующими как бы по своей воле персонажами, доминирует передача слов другого в виде его прямой речи. При анализе текстов жанра интернет-откровений выяснилось, что тип диегезиса даже в текстах непрофессиональных авторов претерпевает влияние испытываемой эмоции: в текстах из подкорпуса Страдание / Тоска доминирует косвенная речь, а в текстах из подкорпусов Страх / Ужас и Удивление – прямая.

Таблица 4

Динамика значений гармонического среднего значений точности и полноты классификации при включении различных вербальных маркеров в качестве параметров, подаваемых на вход классификатору

	Маркер	weighted average f1-score, %	% увеличения точности в отдельном классе
1	ADV _{интенсификатор} + ADJ	+1	+1 Злость / Гнев +19 Стыд / Унижение
2	ADV _{интенсификатор} + ADV		
3	Соматизмы в субъектной позиции		
4	?	+6%	+9 Страдание / Тоска +7 Страх / Ужас +15 Злость / Гнев +2 Страдание / Тоска
5	!		
6	?!		
7	Парцелл.	без изменений	+1 Удивление
8	ЛСП болезнь	+4	–
9	ЛСП смерть	+3	–
10	ЛСП одиночество	+4	
11	<i>Терпеть не могу</i>	без изменений	+0,5 Злость / Гнев
12	Степени сравнения наречий	без изменений	+4 Стыд / Унижение
13	<i>Говорить</i>	без изменений	+1 Брезгливость / Отвращение, Страх / Ужас, Удивление

Хотя данный маркер, будучи использован изолированно, не показал своей эффективности в качестве параметра для работы классификатора, мы полагаем, что его значимость будет ощутима при сочетании с другими параметрами, однако их набор еще предстоит установить.

Как видно из данных (табл. 4), наибольшую эффективность для увеличения гармонического среднего значений точности и полноты классификации имеют лексические и пунктуационные маркеры, но для отдельных классов (Стыд / Унижение) более эффективными оказы-

ваются, например, синтаксические и морфологические маркеры или пунктуационные (Страдание / Тоска).

Комбинаторика маркеров

Как показал анализ, маркеры эмоций чувствительны к синтагматическим отношениям: они вступают в различного рода комбинации с другими маркерами, что оказывает влияние на их значимость в качестве параметров, подаваемых «на вход» классификатору в целях увеличения точности производимой классифи-

кации – значимость может увеличиваться или нивелироваться.

Нами отмечено 3 типа комбинаторных отношений вербальных маркеров: 1) взаимное дополнение, приводящее к усилению маркирующей функции; 2) взаимная нейтрализация, сводящая маркирующую функцию к нулю; 3) конкуренция, обуславливающая появление амбивалентности контекстов и противоречивость их интерпретации, что также приводит к снижению точности классификации.

Рассмотрим три примера, иллюстрирующие каждый из вышеупомянутых типов отношений.

Так, последовательное добавление к базовым параметрам, подаваемым «на вход» классификатора, вербальных маркеров (1) частотность «ADV_{интенсификатор} + ADV», (2) присутствие ЛСГ «служебные слова со значением отрицания» (*не, нет, ни*), а затем (3) частотность пунктуационных знаков «!», «?» дало, соответственно, «прирост» гармонического среднего значений точности и полноты классификации на 1%, на 3% и на 3%, а по отдельным эмоциональным классам текстов – до 43%. Однако, когда к этой «успешной» комбинации был добавлен вербальный маркер ЛСГ «вопросительные наречия» (будучи задан изолированно, данный параметр показал значимый прирост), точность классификации в отдельных классах упала до 0 (Стыд / Унижение). Соответственно, именно первые три из упомянутых маркеров «работали» друг на друга, реализуя отношения дополнения. Четвертый же маркер полностью нивелировал маркирующую функцию первых трех. Иными словами, совокупный учет значений первых трех маркеров (параметров) позволил классификатору создать достаточно успешную статистическую модель, которая перестала работать с добавлением следующего.

Как пример конкуренции приведем, несмотря на то что в фокусе нашего внимания находятся вербальные маркеры, взаимодействие вербальных и невербальных маркеров – эмотиконов. Подобное логическое отступление обусловлено иллюстративной силой данных наблюдений. При использовании хорошо зарекомендовавшей себя базовой комбинации вербальных маркеров значение гармонического среднего значений точности и полноты классификации достигло 48%, но, когда к этим маркерам были добавлены эмотиконы, среднее значение упало до 46%, а для отдельных классов текстов «падение» составило около 5%. Анализ примеров таких текстов показал, что мар-

кирующие функции эмотиконов вступают в конкурентные отношения с вербальными маркерами, что провоцирует противоречия, снижающие эффективность выстраиваемой классификатором статистической модели. Например:

(10) *Где-то прочитала, что 15 февраля – день одиноких людей. Кажется, у меня сегодня будет праааздник* 🍷🍷

В данном примере, иллюстрирующем феномен сарказма, мы имеем, с одной стороны, эффективный вербальный маркер эмоционального класса «Страдание / Тоска» – лексическую единицу-репрезентант ЛСП «Одиночество», а с другой – невербальный маркер. Это эмотиконы «праздничное конфетти» и «звон бокала», которые принадлежат семантическому полю «Праздник». Данный невербальный маркер получает и лексическую поддержку – *у меня сегодня будет праааздник*.

Заключение

Промежуточные итоги проводимого исследования демонстрируют, что в условиях технологической поддержки корпусного инструментария понятие вербального маркера становится основой для проведения автоматической классификации текстов по критерию их эмоциональной тональности. Вербальные маркеры, наблюдаемые на большой коллекции размеченных по принципу «объект – ответ» (текст – тональность) текстов, базируются на единицах и структурах, принадлежащих разным уровням языковой системы: лексическому, синтаксическому, морфологическому, пунктуационно-графическому, а также уровню текстовой реализации. Анализ показывает, что при учете их комбинаторных особенностей вербальные маркеры становятся статистически значимыми и эффективными инструментами для установления корреляций между речевым поведением человека, с одной стороны, и его эмоциональными переживаниями, «запускаемыми» на физиологическом уровне тремя моноaminaми, согласно Г. Лёвхейму, – с другой. Описание системы таких корреляций будет иметь не только практическое значение для создания технологии автоматической классификации интернет-текстов, но и теоретическую значимость, поскольку послужит доказательством единства когнитивной природы языка и эмоций, объединенных гиперсетью мозга.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹Статистическая мера, используемая для оценки важности слова в контексте документа, являющегося частью коллекции документов или корпуса. Вес некоторого слова пропорционален количеству употребления этого слова в документе и обратно пропорционален частоте употребления слова в других документах коллекции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жаботинская С.А. Имя как текст: концептуальная сеть лексического значения (анализ имени эмоции) // Когниция, коммуникация, дискурс. 2013. № 6. С. 47–76. URL: <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/> (дата обращения: 04.03.2019). DOI: 10.26565/2218-2926-2013-06-04
2. Анохин К.В. Когнитом – гиперсетевая модель мозга // Материалы XVII Всероссийской научно-технической конференции Нейроинформатика – 2015. URL: <http://neuroinfo.mephi.ru/conf/Content/Presentations/Anokhin2015.pdf> (дата обращения: 14.02.2019).
3. Масевич А.Ц., Захаров В.П. Методы корпусной лингвистики в исторических и культурологических исследованиях // Компьютерная

- лингвистика и вычислительные онтологии : сб науч. ст. Труды XIX Междунар. объединённой науч. конф. «Интернет и современное общество» (IMS-2016). СПб. : Университет ИТМО, 2016. С. 24–43.
4. Подлесская В.И., Кибрик А.А. Дискурсивные маркеры в структуре устного рассказа: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог 2009». М. : РГГУ, 2009. Вып. 8 (15). С. 390–395.
  5. Fraser B. What Are Discourse Markers? // *Journal of Pragmatics*. 1999. 31 (7). P. 931–952.
  6. Knott A., Sanders T. The Classification of Coherence Relations and Their Linguistic Markers: An Exploration of Two Languages // *Journal of Pragmatics*. 1998. 30 (2). P. 135–175. URL: [https://doi.org/10.1016/S0378-2166\(98\)00023-X](https://doi.org/10.1016/S0378-2166(98)00023-X)
  7. Furko P. The Pragmatic Marker – Discourse Marker Dichotomy Reconsidered: The Case of ‘Well’ and ‘Of Course’. Debrecen : Debrecen University Press, 2007. 136 p.
  8. Дементьев В.В. Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с.
  9. Белова Е.В. Речевые маркеры бытового конфликта // *Вестник ТвГУ. Сер. Филология*. 2017. № 2. С. 157–161.
  10. Потапова Р.К., Потапов В.В. Временные корреляты эмоции как специфические индивидуальные параметры идентификации говорящего в судебной фонетике // *Акустика речи и прикладная лингвистика: Ежегодник Российского акустического общества / отв. ред. Р.К. Потапова. М., 2002. Вып. 3. С. 3–13.*
  11. Pickering L. et. al. Prosodic Markers of Saliency in Humorous Narratives // *Discourse Processes*. 2009. 46 (6). P. 516–540.
  12. Зубова И.И. Автоматическая идентификация конфликтной речевой ситуации в письменном тексте // *Инновации в науке и практике : сб. ст. по материалам VIII междунар. науч.-практ. конф.* 2018. С. 35–42.
  13. Argiuli J., Mallard D., Villar G. “Um, I can tell you're lying”: Linguistic markers of deception versus truth-telling in speech // *Applied Psycholinguistic*. 2010. Vol. 31. P. 397–411.
  14. Фомин А.Г., Якимова Н.С. Тактики и маркеры вербальной агрессии в коммуникативном поведении россиян и американцев (по материалам речеситуативного исследования) // *Сибирский филологический журнал*. 2012. № 2. С. 197–207.
  15. Al-Mosaiwi M., Johnstone T. Linguistic markers of moderate and absolute natural language // *Personality and Individual Differences*. 2018. Vol. 134. P. 119–124. URL: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2018.06.004>
  16. Cohen K. et. al. Detecting Linguistic Markers for Radical Violence in Social Media // *Terrorism and Political Violence*. 2014. 26 (1). P. 246–256.
  17. Колосов Я.В. Лингвистические корреляты эмоционального состояния «страх» в русской и английской речи: формирование базы данных : дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 214 с.
  18. Al-Mosaiwi M., Johnstone T. In an Absolute State: Elevated Use of Absolutist Words Is a Marker Specific to Anxiety, Depression, and Suicidal Ideation // *Clinical Psychological Science*. 2018. Vol. 6, is. 4. P. 529–542. URL: <https://doi.org/10.1177/2167702617747074>
  19. Колмогорова А.В., Горностаева Ю.А., Калинин А.А. Разработка компьютерной программы автоматического анализа и классификации поляризованных политических текстов на английском языке по уровню их манипулятивного воздействия: практические результаты и обсуждение // *Политическая лингвистика*. 2017. № 4 (64). С. 67–75.
  20. Raza M.S., Qamar U. Understanding and Using Rough Set Based Feature Selection: Concepts, Techniques and Applications. Singapore : Springer, 2017. 194 p.
  21. Сарбасова А.Н. Исследование методов sentiment-анализа русскоязычных текстов // *Молодой ученый*. 2015. № 8. С. 143–146.
  22. Das S., Chen M. Yahoo! for Amazon: Extracting market sentiment from stock message boards // *Proceedings of the Asia Pacific Finance Association Annual Conference (APFA)*. 2001. P. 1–16.
  23. Pang B., Lee L., Vaithyanathan Sh. Thumbs up? Sentiment classification using machine learning techniques // *Proceedings of the Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing (EMNLP)*. 2002. P. 79–86.
  24. Hogenboom A., Frasinac F., Jong F., Kaymak U. Polarity Classification Using Structure-Based Vector Representations of Text // *Decision Support Systems*. 2015. Vol. 74. P. 46–56.
  25. Banea C., Mihalcea R., Wiebe J., Hassan S. Multilingual Subjectivity Analysis Using Machine Translation // *Proceedings of the 2008 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing*. 2008. P. 127–135.
  26. Lucas G.M., Gratch J., Malandrakis N., Szablowski E., Fessler E., Nichols J. GOAALLL!: Using Sentiment in the World Cup to Explore Theories of Emotion // *Image and Vision Computing*. 2017. P. 58–65. doi:10.1016/j.imavis.2017.01.006
  27. Staiano J., Guerini M. DepecheMood: A Lexicon for Emotion Analysis from Crowd-Annotated News // *Proceedings of the 52nd Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics (Short Papers)*. Baltimore, Maryland : Association for Computational Linguistics, 2014. P. 427–433.
  28. Loukachevitch N.V., Blinov P.D., Kotelnikov E.V., Rubtsova Y.V., Ivanov V.V., Tutubalina E.V. SentiRuEval: Testing Object-Oriented Sentiment Analysis Systems in Russian // *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the Annual International Conference “Dialogue 2015”*. Moscow, 2015. Vol. 14 (2). P. 3–15.
  29. Loukachevitch N.V., Rubtsova Y.V. SentiRuEval-2016: Overcoming Time Gap and Data Sparsity in Tweet Sentiment Analysis // *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the Annual International Conference “Dialogue 2016”*. Moscow, 2016. Vol. 15. P. 416–426.
  30. Alm C.O., Rot D., Sproat R. Emotions from Text: Machine Learning for Text-based Emotion Prediction // *Proceedings of Human Language Technology Conference and Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing*. Vancouver, 2005. P. 579–586.
  31. Thelwall M., Buckley K., Paltoglou G., Cai D. Sentiment Strength Detection in Short Informal Text // *Journal of the American Society for Information Science and Technology*. 2010. Vol. 61 (12). P. 2544–2558.
  32. Socher R., Perelygin A., Wu J.Y., Chuang J., Manning Ch. Ng A.Y., Potts Ch. Recursive Deep Models for Semantic Compositionality Over a Sentiment Treebank // *Proceedings of the Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing*. 2013. P. 1631–1642.
  33. Chaffar S., Inkpen D. Using a Heterogeneous Dataset for Emotion Analysis in Text // *Canadian AI 2011: Advances in Artificial Intelligence. Lecture Notes in Computer Science*. Berlin, Heidelberg : Springer, 2011. 6657. P. 62–67.
  34. Lövheim H. A new three-dimensional model for emotions and monoamine neurotransmitters // *Medical Hypotheses*. 2012. № 78. P. 341–348.
  35. Пожидаева Е.В., Карамалак О.А. Хэштеги в социальных сетях: интенции и аффордансы (на примере группы сообщений на английском языке по теме «Food» (Пища / еда)) // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2018. № 55. С. 106–118. DOI: 10.17223/19986645/55/8
  36. Захаров В.П., Богданова С.Ю. Корпусная лингвистика. Иркутск : ИГЛУ, 2011. 161 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 25 сентября 2019 г.

The Types and Combinatorics of Verbal Markers of Different Emotional Tonalities in Russian-Language Internet Texts

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 448, 48–58.

DOI: 10.17223/15617793/448/6

Anastasia V. Kolmogorova, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: nastiakol@mail.ru

Alexander A. Kalinin, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: verbalab@yandex.ru

Alina V. Malikova, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: malikovaav1304@gmail.com

Keywords: emotion; Internet texts; sentiment analysis; verbal markers; machine learning; cognition.

The article aims to present theoretical grounds for the concept of the verbal marker, proposes a typology of such markers and summarizes observations about the impact of verbal marker combinations on the accuracy of the computer classifier designed to assign Internet texts in Russian to different emotional classes of texts. As a result of the complex analysis of the up-to-date information based on the international scholarship, the authors of the article give a definition of the term “verbal marker”. The latter is a unit or structure belonging to the one of the linguistic system levels, available to parametrization and appearing in the text as an indicator of processes, covert from direct observation, occurring in human cognitive system. According to the level of the linguistic system in which the unit or the structure with the marking function is localized, the authors propose to distinguish the following types of verbal markers relevant for the analysis of written texts: lexical markers, morphological markers, syntactical markers, semantic markers, punctuation markers and, finally, textual markers. To prove the practical viability of the conception, the authors applied it in their project conducted in the field of sentiment analysis and supposed to resolve the problem of attributing an Internet text in Russian to a particular class of emotions. The authors are deeply interested in the emotional tonality of Internet texts because they became one of the most common forms of texts in Russian, and the technology of their automatic assessment has the clearest commercial and social prospects. The concept of the classifier is based on eight emotions detected by Swedish neuroscientist H. Lövhem in relation to some specific combinations of the levels of monoamines in the limbic system of human brain. To build the classifier, the authors used the method of supervised machine learning which demands the sample selection and the extraction of features. As the data, the authors took 15,000 emotionally rich fragments of 60–80 words selected from the Russian social network VK public Podslushano [Overheard]. For sample extraction, firstly, the authors mapped eight emotional classes of Lövhem’s model to a range of hashtags used by public group editors to publish users’ posts. Secondly, each text from the sample was assessed by three informants on the crowdsourcing platform. After that, the preliminary classified data went through the expert linguistic analysis made by using multiple tools offered by the linguistic corpus manager Sketch Engine. This analysis led the authors to the extraction of a feature set for the SVM algorithm-based classifier. The analysis of eight texts classes by methods of corpus linguistics and the use of prototype of the classifier showed the dynamics of the weighted average f1-score while incorporating different verbal markers as the classifier features. Thus, the results of the research showed the greatest efficiency of lexical and punctuation markers. However, syntactical and morphological markers also proved to be effective for some classes of emotions. In addition, the authors stress the relevance of marker combinations for accuracy of the statistical models created by the classifier. At present, the f1-score of the classifier in different emotional classes of texts varies from 30% to 50%, which is comparable with the results showed by classifiers built for other languages.

REFERENCES

- Zhabotinskaya, S.A. (2013) The name as a text: conceptual network of lexical meaning (analysis of the name of emotion). *Kognitsiya, kommunikatsiya, diskurs – Cognition, communication, discourse*. 6. pp. 47–76. [Online]. Available from: <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/>. (Accessed: 04.03.2019). (In Russian). DOI: 10.26565/2218-2926-2013-06-04
- Anokhin, K.V. (2015) [Cognitom, a hypernetwork model of the brain]. *Neyroinformatika – 2015* [Neuroinformatics – 2015]. Proceedings of the 17th All-Russian Conference. [Online]. Available from: <http://neuroinfo.mephi.ru/conf/Content/Presentations/Anokhin2015.pdf>. (Accessed: 14.02.2019). (In Russian).
- Masevich, A.Ts. & Zakharov, V.P. (2016) Metody korpusnoy lingvistiki v istoricheskikh i kul'turologicheskikh issledovaniyakh [Methods of corpus linguistics in historical and cultural studies]. In: *Komp'yuternaya lingvistika i vychislitel'nye ontologii* [Computer linguistics and computational ontologies]. St. Petersburg: Universitet ITMO. pp. 24–43.
- Podlesskaya, V.I. & Kibrik, A.A. (2009) Diskursivnye markery v strukture ustnogo rasskaza: opyt korpusnogo issledovaniya [Discursive markers in the structure of an oral narrative: the experience of corpus research]. In: *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* [Computer Linguistics and Intelligent Technologies]. 8 (15). Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 390–395.
- Fraser, B. (1999) What are Discourse Markers? *Journal of Pragmatics*. 31 (7). pp. 931–952.
- Knott, A. & Sanders, T. (1998) The Classification of Coherence Relations and Their Linguistic Markers: An Exploration of Two Languages. *Journal of Pragmatics*. 30 (2). pp. 135–175. DOI: 10.1016/S0378-2166(98)00023-X
- Furko, P. (2007) *The Pragmatic Marker – Discourse Marker Dichotomy Reconsidered: The Case of ‘Well’ and ‘Of Course’*. Debrecen: Debrecen University Press.
- Dement'ev, V.V. (2010) *Teoriya rechevykh zhanrov* [Theory of Speech Genres]. Moscow: Znack.
- Belova, E.V. (2017) Verbal markers of conflict. *Vestnik TvGU. Seriya Filologiya*. 2. pp. 157–161. (In Russian).
- Potapova, R.K. & Potapov, V.V. (2002) Vremennyye korrelyaty emotsii kak spetsificheskie individual'nye parametry identifikatsii govoryashchego v sudobnoy fonetike [Temporal correlates of emotions as specific individual parameters of speaker identification in judicial phonetics]. In: Potapova, R.K. (ed.) *Akustika rechi i prikladnaya lingvistika* [Speech Acoustics and Applied Linguistics]. Vol. 3. Moscow: Moscow State Linguistic University. pp. 3–13.
- Pickering, L. et. al. (2009) Prosodic Markers of Saliency in Humorous Narratives. *Discourse Processes*. 46 (6). pp. 516–540.
- Zubova, I.I. (2018) [Automatic identification of a conflicting speech situation in a written text]. *Innovatsii v nauke i praktike* [Innovations in science and practice]. Proceedings of the 8th International Conference. Barnaul: Izdatel'stvo “Dendra”. pp. 35–42.
- Arciuli, J., Mallard, D. & Villar, G. (2010) “Um, I can tell you’re lying”: Linguistic markers of deception versus truth-telling in speech. *Applied Psycholinguistic*. Vol. 31. pp. 397–411.
- Fomin, A.G. & Yakimova, N.S. (2012) The tactics and markers of verbal aggression in the communicative behavior of Russians and Americans. *Sibirskiy filologicheskyy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 2. pp. 197–207. (In Russian).
- Al-Mosaiwi, M. & Johnstone, T. (2018) Linguistic markers of moderate and absolute natural language. *Personality and Individual Differences*. 134. pp. 119–124. DOI: 10.1016/j.paid.2018.06.004
- Cohen, K. et. al. (2014) Detecting Linguistic Markers for Radical Violence in Social Media. *Terrorism and Political Violence*. 26 (1). pp. 246–256.
- Kolosov, Ya.V. (2004) *Lingvisticheskie korrelyaty emotsional'nogo sostoyaniya “strakh” v russkoy i angliyskoy rechi: formirovanie bazy dannykh* [Linguistic correlates of the emotional state of “fear” in Russian and English speech: forming a database]. Philology Cand. Diss. Moscow.
- Al-Mosaiwi, M. & Johnstone, T. (2018) In an Absolute State: Elevated Use of Absolutist Words Is a Marker Specific to Anxiety, Depression, and Suicidal Ideation. *Clinical Psychological Science*. 6 (4). pp. 529–542. DOI: 10.1177/2167702617747074
- Kolmogorova, A.V., Gornostaeva, Yu.A. & Kalinin, A.A. (2017) Computer program design for classifying English polarized political texts by their manipulative impact: results and discussion. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 4 (64). pp. 67–75. (In Russian).
- Raza, M.S. & Qamar, U. (2017) *Understanding and Using Rough Set Based Feature Selection: Concepts, Techniques and Applications*. Singapore: Springer.
- Sarbasova, A.N. (2015) Issledovanie metodov sentiment-analiza russkoyazychnykh tekstov [The study of the methods of sentiment analysis of Russian-language texts]. *Molodoy uchenyy – Young Scientist*. 8. pp. 143–146.

22. Das, S. & Chen, M. (2001) Yahoo! for Amazon: Extracting market sentiment from stock message boards. *Proceedings of the Asia Pacific Finance Association Annual Conference (APFA)*. Bangkok. 4 April 2001. Bangkok: [s.n.]. pp. 1–16.
23. Pang, B., Lee, L. & Vaithyanathan, Sh. (2002) Thumbs up? Sentiment classification using machine learning techniques. *Proceedings of the Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing (EMNLP)*. Philadelphia, PA. 6–7 July 2002. Stroudsburg, PA: Association for Computational Linguistics. pp. 79–86.
24. Hogenboom, A. et al. (2015) Polarity Classification Using Structure-Based Vector Representations of Text. *Decision Support Systems*. 74. pp. 46–56.
25. Banea, C. et al. (2008) Multilingual Subjectivity Analysis Using Machine Translation. *Proceedings of the 2008 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing*. Honolulu, Hawaii. 25–27 October 2008. Stroudsburg, PA: Association for Computational Linguistics. pp. 127–135.
26. Lucas, G.M. et al. (2017) GOAALLL!: Using Sentiment in the World Cup to Explore Theories of Emotion. In: Soleymani, M., Schuller, B. & Chang, Sh.-F. (eds) *Image and Vision Computing*. pp. 58–65. DOI: 10.1016/j.imavis.2017.01.006
27. Staiano, J. & Guerini, M. (2014) DepecheMood: A Lexicon for Emotion Analysis from Crowd-Annotated News. *Proceedings of the 52nd Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics (Short Papers)*. Baltimore, Maryland: Association for Computational Linguistics. pp. 427–433.
28. Loukachevitch, N.V. et al. (2015) SentiRuEval: Testing Object-Oriented Sentiment Analysis Systems in Russian. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Proceedings of the Annual International Conference "Dialogue 2015"*. 14 (2). Moscow. 27–30 May 2015. Moscow: Russian State University for the Humanities. 14 (2). pp. 3–15.
29. Loukachevitch, N.V. & Rubtsova, Y.V. (2016) SentiRuEval-2016: Overcoming Time Gap and Data Sparsity in Tweet Sentiment Analysis. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Proceedings of the Annual International Conference "Dialogue 2016"*. Moscow. Vol. 15. pp. 416–426.
30. Alm, C.O., Rot, D. & Sproat R. (2005) Emotions from Text: Machine Learning for Text-based Emotion Prediction. *Proceedings of Human Language Technology Conference and Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing*. Vancouver, British Columbia, Canada. 6–8 October 2005. Vancouver: Association for Computational Linguistics. pp. 579–586.
31. Thelwall, M. et al. (2010) Sentiment Strength Detection in Short Informal Text. *Journal of the American Society for Information Science and Technology*. 61 (12). pp. 2544–2558.
32. Socher R. et al. (2013) Recursive Deep Models for Semantic Compositionality Over a Sentiment Treebank. *Proceedings of the Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing*. Seattle, Washington, USA. 18–21 October 2013. Stroudsburg, PA: Association for Computational Linguistics pp. 1631–1642.
33. Chaffar, S. & Inkpen, D. (2011) Using a Heterogeneous Dataset for Emotion Analysis in Text. *Canadian AI 2011: Advances in Artificial Intelligence. Lecture Notes in Computer Science*. Berlin, Heidelberg: Springer. pp. 62–67.
34. Lövheim, H. (2012) A new three-dimensional model for emotions and monoamine neurotransmitters. *Medical Hypotheses*. 78. pp. 341–348.
35. Pozhidaeva, E.V. & Karamalak, O.A. (2018) Hashtags in social networks: intentions and affordances (exemplified in the English language by message groups on the topic "Food"). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 55. pp. 106–118. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/55/8
36. Zakharov, V.P. & Bogdanova, S.Yu. (2011) *Korpusnaya lingvistika* [Corpus Linguistics]. Irkutsk: Irkutsk State Linguistic University.

Received: 25 September 2019

О.А. Крапивкина

О РОЛИ ФАКТОРА АДРЕСАТА В СУДЕБНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Анализируется роль фактора адресата как категории, детерминирующей судебные дискурсивные практики агентов юридического поля. Доказывается, что учет адресата определяет эффективность коммуникации. Делается вывод о том, что перлокутивный эффект речи определяется тем, насколько говорящий ориентирован на адресата, активизирует свои знания и представления о нем, создавая его гипотетический образ. Материалом для исследования послужили тексты защитительных речей российских и американских адвокатов.

Ключевые слова: фактор адресата; судебные дискурсивные практики; перлокутивный эффект; асимметрия знания и власти; диалогизация; термин.

Как справедливо отмечал Б. Паскаль, «в чем бы ни вздумалось убеждать, всегда следует видеть того, кого убеждают; необходимо знать его ум и сердце, правила, которыми он руководствуется, и предметы, которые он любит» [1. С. 277].

На особую роль адресата указывал еще Аристотель, отмечая, что «речь состоит из трех элементов: самого говорящего, предмета, о котором он говорит, и лица, к которому обращается и которое есть, собственно, конечная цель всего» [2. С. 14].

В античной риторике слушатель имел статус активного, «интерпретирующего» реципиента. Аристотель отмечал, что дело риторики не убеждать, но в каждом данном случае находить способы убеждения [Там же. С. 18], подразумевая, что выбор и комбинация средств убеждения могут быть настолько своеобразными, насколько сложна аудитория, их воспринимающая.

Особый вклад в разработку фактора адресата внесла теория речевых актов (Дж. Остин, Дж.Р. Сёрль, Г.П. Грайс и др.), социолингвистика (Р.Т. Белл, В.И. Карасик, И.П. Тарасова, Д.Х. Хаймс и др.), когнитивная лингвистика (Т.А. ван Дейк, В.З. Демьянков, В. Кинч, Е.С. Кубрякова и др.), теория аргументации (Х. Перельман, Ф. ван Еемерен, Р. Гроотендорст и др.).

Идея о необходимости учета фактора адресата проходит красной нитью через работу У. Чейфа, который подчеркивает необходимость изучения процессов, связанных с оценкой говорящим «интеллектуальных и рабочих возможностей адресата в пределах конкретного контекста речи: опираясь на результаты этой оценки, говорящий “упаковывает” передаваемое содержание эффективным образом, чтобы адресат мог легко его усвоить» [3. С. 36–39].

Вопросы, связанные с фактором адресата, разрабатываются в русле лингвопрагматики. Так, Р.С. Столнейкер отмечает, что «для достижения взаимопонимания крайне важно, чтобы участники любого фиксированного контекста имели общий набор пресуппозиций» [4. С. 428].

Г.Г. Кларк и Т.Б. Карлсон выделили два типа слушающих (адресат и случайные слушающие) в зависимости от их роли в речевом акте и информирующей силы высказывания, а также ввели понятие «эскиз реципиентов», отметив, что «когда говорящие конструируют свои высказывания, они отводят различным слушающим различные роли, а затем решают, как сказать то, что они говорят, основываясь на своих знаниях, убеждениях и

предположениях о том, что знают, в чем убеждены и что предполагают слушающие в соответствии с отведенными им ролями» [5. С. 282].

Одно из центральных мест понятию «адресата» или «аудитории» отводится в теории аргументации. Понятие аудитории является одним из ключевых в модели аргументации Х. Перельмана: «каждая речь обращена к аудитории и, о чем часто забывают, это также относится ко всякому написанному тексту. Поскольку речь понимается с точки зрения аудитории, физическое отсутствие читателей может привести писателя к уверенности, что он один в мире, хотя его текст всегда обусловлен, сознательно или несознательно, теми людьми, к которым он хочет обратиться. Оратор действительно должен приспособливаться к своей аудитории, если хочет получить какой-то эффект, и мы можем легко понять, что речь, которая будет эффективно воздействовать на некомпетентную аудиторию, не сможет таким же образом воздействовать на философа» [6. Р. 7].

Программой для российской лингвистики стала статья Н.Д. Арутюновой *Фактор адресата* (1981), в которой автор поставила проблему влияния различных «аспектов, амплуа или функций» адресата на адресанта. Фактор адресата охарактеризован в его отношении к (1) речевым актам, (2) внутренней речи и (3) литературному тексту. Как отмечает Н.Д. Арутюнова, «мы пользуемся термином “адресат”, подчеркивая при этом сознательную направленность речевого высказывания к лицу (конкретному или не конкретному), которое может быть определенным образом охарактеризовано, причем коммуникативное намерение автора речи должно согласовываться с этой его характеристикой. Иными словами, всякий речевой акт рассчитан на определенную модель адресата» [7. С. 358]. Исследователь обращает внимание на то, что в реальных дискурсивных практиках осуществляется некоторое «давление» фактора адресата на речь, а «ошибка адресатом» равна обращению не в ту инстанцию.

Дихотомия «автор–адресат» на материале публицистических текстов получила освещение в докторской диссертации Т. В. Чернышовой. Исследователь отмечает важную роль фактора адресата, полагая, что «тексты современных СМИ меняют отношения между коммуникантами, переводя их из плоскости «активный автор – пассивный адресат» в плоскость когнитивно-речевого взаимодействия участников газетной коммуникации,

при котором адресат является со-участником общения и активным интерпретатором речевых действий адресанта. <...>. Интерпретируя реальное событие, пишущий не может не принимать во внимание фигуру адресата, который в современных социально-политических условиях определяет цель акта газетной коммуникации» [8. С. 4–11].

Отдавая должное упомянутым выше концепциям, следует, однако, заметить, что комплексного описания проблема фактора адресата применительно к речедетельностному пространству судебного разбирательства не получила до настоящего времени. Важная роль этого фактора обуславливает необходимость учета его влияния на способы дискурсивного конструирования мира, выявления основных лингвокогнитивных механизмов, оптимизирующих коммуникативное взаимодействие говорящего и адресата в зале суда. «Согласованность параметров общения говорящего и адресата является одним из важных условий его эффективности» [Там же. С. 51].

Учитывая гетерогенность категорий адресанта и адресата, предлагаем рассмотреть участников судебных дискурсивных практик в соответствии с предложенными А.В. Голодновым критериями [9. С. 140]: 1) с позиции коммуникативной роли; 2) с позиции социальной роли; 3) с позиции типа отношений между субъектами дискурса.

С позиции коммуникативной роли субъектами судебных дискурсивных практик являются конкретно-определенные адресант и адресат. Адресат может быть как индивидуальным (судья), так и коллективным (коллегия присяжных заседателей).

Социальные роли субъектов судебных дискурсивных практик обусловлены ситуацией судебного заседания. Участниками судебного разбирательства являются представители института правосудия (прокурор, адвокат, судья) и участники, которым временно присваивается определенный статус (присяжные, свидетели, потерпевший, подсудимый). Адресатом выступает коллегия присяжных заседателей, которая постановляет вердикт, и судья, который на основании вердикта выносит подсудимому приговор. В отличие от Т.С. Сафроновой, которая утверждает, что непосредственным адресатом судебных речей выступают «наряду с судьей и присяжными, и возможные зрители процесса» [10. С. 65], мы полагаем, что последние не являются тем Другим, которого субъект инициирует совместно пережить вводимые в дискурс интерпретанты. Говорящий не стремится оказать на них речевое воздействие, поскольку они не участвуют в оценке соответствия конструируемого им мира фактам реального мира и здравому смыслу. Так, свидетели, даже будучи непосредственными участниками допроса, являются лишь инструментами, с помощью которых допрашивающие пытаются вовлечь присяжных в конструируемые ими контексты ситуации. По метафоричному замечанию К. Эванса, «свидетель для юриста – такой же инструмент, как сверло для стоматолога, а дачу показаний можно сравнить с удалением зуба – мучительным процессом, который с трудом поддается контролю и может привести к неожиданным результатам» [11. Р. 76].

Коммуникация в суде с участием присяжных является асимметричной, поскольку в роли адресанта и адресата выступают разностатусные субъекты с разным когнитивным багажом, что порождает сложную диалогическую игру, в основе которой, с одной стороны, лежит субъективная реконструкция феноменологического опыта носителя обыденного знания, а с другой – аргументация, базирующаяся на логических принципах и нормах закона с опорой на терминологический каркас экспертного сообщества. Одни входят в зал судебного заседания с багажом экспертных знаний, другие – с жизненным опытом и здравым смыслом. Конечной целью интеракции является формирование совместного контекста интерпретации, другими словами, дискурса согласования.

Присущая участникам асимметрия знания предопределяет диалектичное сосуществование различных форм дискурсивного взаимодействия, переход от одной формы к другой: с точки зрения субъекта-эксперта, Другой способен воспринимать экспертное знание лишь на концептуальном уровне. Чтобы интегрировать свой возможный мир в сознание Другого, эксперт вынужден онтологизировать собственную интерпретанту объекта в возможном мире Другого. В результате онтологизации интерпретанта становится согласованным знанием.

Асимметрия власти в суде с участием присяжных обладает определенной спецификой на различных этапах судебного разбирательства. Если на завершающем этапе рассмотрения судебного дела власть принадлежит и реализуется присяжными, которые коллективным вердиктом подводят итог коммуникативным действиям экспертов, то на протяжении предшествующих этапов в позиции власти находятся юристы. Присяжные заседатели лишены права прямо задавать вопросы участникам процесса, выражать точку зрения, требовать разъяснений и т.п. Юристы, напротив, контролируя информационные потоки, решают, что должно оказаться в фокусе внимания, какие языковые средства использовать для оформления высказываний, какой способ изложения событий выбрать. Коммуникативная власть юристов является следствием 1) их более высокого статуса в юридическом поле, 2) владения кодом правовой коммуникации, 3) обладания знанием правовой реальности и фактических обстоятельств судебного дела.

Присяжные могут формулировать вопросы только в письменном виде и подавать их судье через старшину. Однако непосредственная интеракция с участниками процесса исключается. Если присяжный задаст вопрос непосредственно подсудимому, это будет основанием к отмене приговора. До сих пор остается нерешенной дилемма целесообразности вмешательства присяжных в ход судебного процесса. С одной стороны, задавая вопросы, присяжные заседатели, не являющиеся носителями экспертного знания, могут получить разъяснение сложных правовых категорий. С другой стороны, эти вопросы могут обнаружить «мишени» для манипулятивного воздействия на их сознание.

Интенция судебного оратора направлена на изменение действующего представления присяжных о со-

бытии преступления, личностях подсудимого и потерпевшего, т.е. на конструирование определенного контекста ситуации в Мире Действия, включая конструирование идентичностей участников судебного разбирательства. Ориентир на Другого, учет особенностей его феноменологического опыта и знаний делает дискурсивные практики юристов диалогичными, способствует интенсификации их интерактивных характеристик.

Адресант пытается устранить интеракциональную дискриминацию адресата, создать контекст ситуации, в котором оба коммуниканта выступают как равноправные коммуникативные партнеры. С этой целью он использует приемы диалогизации речи, коммуникативной адаптации к адресату посредством перехода на его языковой код.

Одним из таких приемов является переход от термина к понятию с целью формирования совместного контекста интерпретации. Формирование совместного контекста интерпретации в суде с участием присяжных требует передачи экспертного знания с помощью знаков естественного языка. Если говорящий «не хочет остаться непонятым, он вынужден иметь в виду естественно регламентированный коммуникативный код, объединяющий его с адресатом» [12. С. 10–11]. Ясность судебной речи определяется умением оратора учитывать фактор адресата и переключаться с языка экспертного сообщества на естественный язык, определяя юридические термины через понятия.

Обратим внимание на фрагмент судебной речи, в котором адвокат определяет содержание уголовно-правового термина «необходимая оборона»:

*Однако не превысил ли он пределы необходимой обороны? Наше право считает превышением пределов необходимой обороны, если она была несвоевременной, то есть если она началась до начала **реальной опасности** или после того, как вред нанесен и в дальнейшем уже не угрожает. А. начал оборону **своевременно**. Было бы превышением пределов необходимой обороны, если бы в распоряжении А. были иные средства защиты, которыми он имел бы возможность предотвратить дальнейшее нападение, а он предпочел более опасный перочинный нож. Однако других средств самозащиты у него не имелось, и он вынужден был защищаться теми **средствами, которыми он в этот момент располагал** (1).*

Адвокат описывает содержание термина путем указания на его признаки – *своевременность, наличие реальной опасности, доступные средства самозащиты*. Очевидно, что такой дискурс адресован носителю обыденного знания, формируется с учетом предполагаемого когнитивного багажа и опыта Другого. Дескрипции, следующие за термином, позволяют адресату правильно интерпретировать действия подсудимого, «восстанавливают смысл имени, раскрывая свернутое дескриптивное содержание» [13. С. 41], указывая на желание субъекта создать в возможном мире Другого интерпретанту, схожую с собственной.

Приведем еще один пример.

*Ее обвиняют в убийстве общественно опасным способом. **Общественно опасный способ** означает, что*

убить хочешь одного, а опасность возникает и для других (2).

Учитывая отсутствие у адресата экспертного знания и превосходя возможные трудности интерпретации высказывания, субъект прибегает к семантическому развертыванию термина *убийство общественно опасным способом*. Признаками дескрипции являются относительно простая синтаксическая структура и семантическая информация, для интерпретации которой адресату не требуется владеть экспертным знанием.

Рассматриваемый механизм очень часто используется и судьей в напутственном слове присяжным. Судья конструирует правовую реальность, превращая абстрактные правовые категории в обыденные понятия. Юридические термины, составляющие каркас экспертного сообщества, могут быть незнакомы присяжным или иметь в естественном языке иные значения (*убийство, умысел, небрежность, взятка, aggravation, mitigation, burglary, assault* и т.д.). Так, *burglary* в естественном языке имеет значение *breaking into a house and taking something with an intent to steal* [14], а в юридическом – *entering a house or building without authorization while intending to commit a felony inside* [15]. Действия человека, проникшего в дом с намерением убить хозяина (*felony*), будут квалифицироваться как *burglary*, что расходится с обыденным пониманием данного вида преступного поведения. Очевидно, что одно и то же слово имеет разные семантические описания, служащие разным целям, что позволяет говорить о том, что «естественный язык и язык юридический, не разрываясь на автономные подсистемы, имеют качественные различия» [16. С. 13–58].

Таким образом, даже если отказ от юридической терминологии невозможен в контексте судебного заседания, эксперты могут компенсировать когнитивный пробел, имеющийся у адресата.

Любой вербальный контакт есть акт кооперации. Все высказывания продуцируются и интерпретируются, исходя из знания контекста ситуации, предмета общения и коммуникативных целей. Взаимопонимание – результат совместных усилий собеседников, направленных на согласование индивидуальных точек зрения. Для установления контакта адресант должен обладать правильно сформированным образом адресата, который создается на основе имеющейся у адресанта информации о его социальном и когнитивном статусах, мировоззренческих и эмоциональных установках и т.п. «То, что принимается одной аудиторией, не будет принято другой» [17. Р. 19]. Поэтому главная цель оратора – выявить основные характеристики адресата для того, чтобы достичь максимального перлокутивного эффекта.

Рассмотрим два фрагмента защитительной речи.

(1) *Уважаемый суд! Органы предварительного следствия инкриминировали моему подзащитному **умышленное причинение смерти М. и эти действия квалифицировали по ч. 1 ст. 105 УК РФ. Все доказательства исследованы в процессе судебного разбирательства в соответствии с требованиями ч. 1 ст. 88 УПК РФ. Все они допустимы, достоверны, а в своей совокупности достаточны для того, чтобы по делу был постановлен законный, обоснованный и справедливый приговор** (3).*

(2) *В каждой религии говорится, что власть на земле, она от Бога. Одна из ветвей такой власти, – власть судебная. И частичка этой божественной власти, предоставляющей право судить, сегодня в каждом из вас! Это большая честь, высокое доверие и огромная ответственность!* (4).

В первом фрагменте речь адресована судье – профессиональному юристу, который принимает решения с опорой на исследованные в суде фактические данные и юридические нормы. Симметричная профессиональная коммуникация позволяет адвокату углубиться в юридическую терминологию и создать специфическое поле интерпретации. С помощью термина он демонстрирует имеющееся у него специальное знание и указывает на то, что это знание доступно адресату. Ситуация непонимания между адвокатом и судьей возникнуть не может, поскольку термин определен легко описываемым и единым для коммуникантов набором характеристик.

Во втором фрагменте высказывания адресованы присяжным заседателям, которые принимают решения, опираясь на феноменологический опыт, здравый смысл и объекты мира Ценности. Указывая на факт наделения присяжных властью вершить правосудие, которая имеет божественное происхождение, адвокат конструирует фрагмент мира Действия, в котором опорой конструкции является главная непреходящая ценность христианского мира – Бог. Дескрипции, с помощью которых адвокат характеризует право судить, усиливают воздействующий потенциал речи, поскольку *честь, доверие и ответственность* также являются ценностными доминантами. Апеллируя к религиозным началам, адвокат пытается внедрить в сознание адресата идею о милосердии и всепрощении, что означает присоединение адресата к положениям оратора и вынесение оправдательного вердикта. Обращает на себя внимание и употребленный адвокатом квантор *каждый*. Состав присяжных заседателей является гетерогенным, участники могут принадлежать разным вероисповеданиям, поэтому адвокат апеллирует не к религии вообще, а подчеркивает их многообразие, демонстрируя тем самым уважение к религиозным убеждениям *каждого* из присяжных.

Фактор адресата определяет, какой канал воздействия будет положен в основу конструируемого мира – рациональный или иррациональный. Присяжные заседатели имеют индивидуальный опыт интеракции с правовыми явлениями и институтами. Они не могут оценить правовой аспект дела, поскольку не являются экспертами права, не знакомы с теорией доказательств. «Большое значение в дискурсе, обращенном присяжным, приобретают такие категории, как мораль, нравственность, здравый смысл, справедливость и т.п.» [18]. «Одной из важнейших детерминант стремления присяжных к истине и справедливости при разрешении уголовных дел в нестандартных нравственно-конфликтных ситуациях является то, что они сочувствуют и сопереживают общечеловеческим потребностям и чувствам потерпевшего и подсудимого, их родственников, близких им людей» [19]. «Решение присяжных о виновности подсудимого обусловлено имеющейся у них системой представлений об обществе, наказании, типичном поведении, важности следования закону,

ролью, в которой он может представить себя в данной ситуации, тем положением, которое он занимает в жизни» [20. С. 33].

Говорящий должен учитывать и культурные особенности адресата. Так, В.Т. Ефимов отмечает, что «специфика российского менталитета в области правосудия заключается в том, что он ориентирован не столько на правосудие, сколько на “правосудие”. В России высший ориентир в регулировании отношений между людьми – правда и справедливость, а высший судья – совесть» [21. С. 329].

В качестве примера культурной обусловленности сфер воздействия на адресата рассмотрим два фрагмента судебных дискурсивных практик российского и американского адвокатов.

Трех студентов московских вузов связывала крепкая дружба, возникшая еще в детстве. Вдали от близких дружба земляков стала еще крепче (5).

В фокусе внимания оказываются ценности, чуждые индивидуалистическому американскому обществу. Пытаясь создать положительный образ подсудимого, адвокат апеллирует к знакам с эмоционально-оценочной коннотацией – *крепкая дружба, дружба земляков*, которые являются архетипами соборной культуры.

This is the case about marriage and equality. They are being denied both the right to marry and the right to equality under the law (6).

Американский адвокат смещает фокус внимания с события преступления на личную жизнь подсудимых, поднимая ключевой для современной западной культуры вопрос об однополых браках. Апелляция к ценностям *marriage, equality* призвана разрушить конструкцию мира прокурора и привлечь внимание к вопросу нарушения законных прав подсудимых (*the right to marry and the right to equality*). Подобная смена парадигмы с целью кардинального изменения контекста ситуации едва ли будет эффективной в российской культуре в силу несколько иного восприятия социальной категории «сексуальные меньшинства».

Еще одна проблема, связанная с фактором адресата, о которой было упомянуто выше, – разнородность состава присяжных заседателей, которая вызывает определенные трудности для судебного оратора, так как он должен принимать во внимание половозрастные характеристики, морально-волевые качества, ценностные установки, индивидуальный опыт и знания, национально-культурные особенности двенадцати различных индивидов, входящих в состав коллегии. Поскольку в суде с участием присяжных юристы опираются прежде всего на аффективные компоненты, необходимо учитывать различия эмоционально-психологического состояния различных категорий людей.

Необходимо, однако, отметить, что судебные ораторы обладают одним несомненным преимуществом: они имеют право выбора адресата путем заявления мотивированных и немотивированных отводов. Интересен опыт А.В. Васильева, который так описывает аспекты, на которые следует обращать внимание при отборе присяжных: «Отбирая присяжных по делу, в котором будет уделено много внимания огнестрельному оружию, надо постараться, чтобы в коллегии были специалисты, которые в нем разбираются хотя

бы в общих чертах (мужчины, отслужившие в армии), либо, если это противоречит стратегии защиты, – чтобы их там не было. Если по делу для защиты представляют ценность медицинские вопросы, то неплохо было бы, чтобы в коллегии были медики. Если разбирается “скинхедское” дело, надо постараться, чтобы там было как можно меньше лиц нетитульной национальности» [22].

Ориентируя дискурсивные практики на адресата, судебные ораторы эксплицируют свое представление о нем и придают ему статус важнейшей дискурсивной

категории. Фактор адресата выступает в судебной коммуникации организующим началом, а отбор языковых средств является логически производным от этого фактора. Перлокутивный эффект речи определяется тем, насколько говорящий ориентирован на адресата, активирует свои знания и представления о нем, создавая его гипотетический образ. Важная роль фактора адресата для судебной коммуникации обуславливает необходимость выявления и изучения лингвокогнитивных механизмов, оптимизирующих дискурсивное взаимодействие говорящего и адресата в зале суда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Паскаль Б. О геометрическом уме и об искусстве убеждения // Логика и риторика : хрестоматия. Минск : ТетраСистемс, 1997. 624 с.
2. Аристотель. Риторика // Античные риторика / под ред. А.А. Тахо-Годи. М. : Изд-во Московского университета, 1978. С. 15–166.
3. Чейф У.Л. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Наука, 1982. Вып. 11. С. 277–317.
4. Столнейкер Р.С. Прагматика // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистическая прагматика. М. : Прогресс, 1985. Вып. 16. С. 419–438.
5. Кларк Г.Г., Карлсон Т.Б. Слушающие и речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике: Теория речевых актов. М. : Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 270–321.
6. Perelman C. The New Rhetoric. A Treatise on Argumentation. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1969. 566 p.
7. Арутюнов Н.Д. Фактор адресата // Известия АН СССР. Сер. Литературы и языка. 1981. Т. 40 (4). С. 356–367.
8. Чернышова Т.В. Тексты СМИ в ментально-языковом сознании современной России : дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2005. 577 с.
9. Голоднов А.В. Персуазивность как универсальная стратегия текстообразования в риторическом метадискурсе (на материале немецкого языка) : дис. ... д-ра филол. наук. СПб. : Изд-во РГПУ им. Герцена, 2011. 401 с.
10. Сафронова Т.С. Вербализация механизмов суггестивного воздействия в судебном дискурсе (на материале английского языка) : дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2017. 269 с.
11. Evans K. The Golden Rules of Advocacy. London : Blackstone Press, 1993. 109 p.
12. Голев Н.Д. Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема // Юрислингвистика-2: Русский языка в его естественном и юридическом бытии. Кемерово ; Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2000. С. 8–41.
13. Рассел Б. Описание // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. М. : Радуга, 1982. С. 41–54.
14. Oxford Dictionaries. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/ethnicity>
15. Legal Dictionary. URL: <http://legal-dictionary.thefreedictionary.com>
16. Голев Н.Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Юрислингвистика-1. Проблемы и перспективы. Кемерово ; Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999. С. 11–58.
17. Grasso F. Towards a framework for rhetorical argumentation // Proceedings of the 6th Workshop on the Semantics and Pragmatics of Dialogue (EDIALOG-2002) / ed. by J. Bos, M.E. Foster, C. Matheson. Edinburgh, 2002. P. 53–60.
18. Бернэм У. Суд присяжных заседателей. М. : Изд-во МНИИП, 1994. 128 с.
19. Мельник В. В. Искусство защиты в суде присяжных. М. : Дело, 2003. 203 с.
20. Гулевич О.А. Психология в суде присяжных. М. : Междунар. общ-во им. Л.С. Выготского, 2003. 259 с.
21. Ефимов В.Т. Введение в этнопсихологию. Нравы и нравственность. М. : МГУ им. М.В. Ломоносова, 1993. 484 с.
22. Васильев А.В. Отбор присяжных заседателей. URL: <https://pravorub.ru/articles/72610.html>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Защитительная речь. URL: http://zinref.ru/000_uchebniki/05100sud/003_00_Osnovy_sudebnogo_krasnorechia_ritorika_dlya_yuristov__Uchebnoe_posobie_2_Nadezhda_2007/014.htm
2. Стенограмма судебного заседания по делу Б. (авторская запись в зале суда).
3. Защитительная речь. URL: http://zinref.ru/000_uchebniki/05100sud/003_00_Osnovy_sudebnogo_krasnorechia_ritorika_dlya_yuristov__Uchebnoe_posobie_2_Nadezhda_2007/014.htm
4. Защитительная речь. URL: <http://www.yourist-ufa.ru/rech>
5. Защитительная речь. URL: <https://rod-ru.livejournal.com/222574.html>
6. Closing argument. URL: <https://www.oyez.org/cases/2014/14-556>

Статья представлена научной редакцией «Филология» 22 июля 2019 г.

On the Addressee as a Key Category of Courtroom Discourse

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 448, 59–64.

DOI: 10.17223/15617793/448/7

Olga A. Krapivkina, Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: koa1504@mail.ru

Keywords: addressee; courtroom discourse practices; perlocutionary effect; asymmetry of knowledge and power; dialogization; term.

The article analyzes the role of the addressee as a category determining courtroom discursive practices of legal professionals. The material for this study was texts of closing arguments of Russian and American lawyers available on Internet websites as well as transcripts of closing arguments written by the author in court sessions. It is emphasized that the idea about taking into account the addressee's role runs through the works of many Russian and foreign researchers (W. Chafe, G.G. Clark and T.B. Carlson, R. Stolnayker, N.D. Arutyunova, T.V. Chernyshova, et al.). However, the problem of the addressee in courtroom discourses has not been studied yet. The important role of this factor makes it necessary to take into account effects of the addressee on the discursive

construction of the world, to identify the main linguistic and cognitive mechanisms optimizing the communicative interaction of the speaker and the addressee in the courtroom. The focus on the Other, taking into account peculiarities of its phenomenological experience and knowledge makes legal discursive practices dialogical, intensifies their interactive characteristics. Special attention is paid to the linguistic cognitive mechanism “transition from the term to the notion”, which allows the formation of the common interpretation context in the process of communication of professional and non-professional participants of courtroom proceedings. Clarity of judicial speeches is determined by the ability of the speaker to take into account the addressee and switch from the language of the expert community to the language of lay people, define legal terms through lay concepts. The scientific novelty of the research is due to the choice of the research trajectory which is based on the issue of the addressee’s role for producing courtroom discourses. The issue of discursive interaction and methods of its optimization is significant for sociolinguistics and communication theory. The article concludes that the perlocutionary effect of speech is determined by the degree of orientation of the speaker towards the addressee, the adequacy of the addressee’s hypothetical image. Mutual understanding is the result of joint efforts of interlocutors aimed at harmonizing individual points of view. In order to establish contact, the speaker must have a correct image of the addressee using information about their social and cognitive status, worldview and emotional attitudes.

REFERENCES

- Pascal, B. (1997) O geometricheskom ume i ob iskusstve ubezheniya [On the geometric mind and the art of persuasion]. In: Berkov, V.F. & Yaskevich, Ya.S. (eds.) *Logika i ritorika* [Logic and Rhetoric]. Minsk: TetraSistems.
- Aristotle. (1978) Ritorika [Rhetoric]. In: Takho-Godi, A.A. (ed.) *Antichnye ritoriki* [Antique Rhetoric]. Moscow: Moscow State University. pp. 15–166.
- Chafe, W. (1982) Dannoe, kontrastivnost’, opredelennost’, podlezhashchee, topiki i tochka zreniya [Given, contrast, certainty, subject, topics and point of view]. In: Kibrik, A.E. (ed.) *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in Foreign Linguistics]. Vol. 11. Moscow: Nauka. pp. 277–317.
- Stalnaker, R.C. (1985) Pragmatika [Pragmatics]. In: Arutyunova, N.D. & Paducheva, E.V. (eds) *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in Foreign Linguistics]. Vol. 16. Moscow: Progress. pp. 419–438.
- Clark, G.G. & Karlson, T.B. (1986) Slushayushchie i rechevoy akt [Listeners and the speech act]. In: Kobozeva, I.M., Dem’yankov, V.Z. & Gorodetskiy, B.Yu. (eds) *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in Foreign Linguistics]. Moscow: Progress. Vyp. 17. pp. 270–321.
- Perelman, C. (1969) *The New Rhetoric. A Treatise on Argumentation*. Notre Dame: University of Notre Dame Press.
- Arutyunova, N.D. (1981) Faktor adresata [Addressee factor]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya Literaturny i yazyka*. 40 (4). pp. 356–367.
- Chernyshova, T.V. (2005) *Teksty SMI v mental’no-yazykovom soznanii sovremennoy Rossii* [Media texts in the mental-linguistic consciousness of modern Russia]. Philology Dr. Diss. Barnaul.
- Golodnov, A.V. (2011) *Persuazivnost’ kak universal’naya strategiya tekstoobrazovaniya v ritoricheskom metadiskurse (na materiale nemetskogo yazyka)* [Persuasiveness as a universal strategy of text formation in rhetorical metadiscourse (on German language material)]. Philology Dr. Diss. St. Petersburg.
- Safronova, T.S. (2017) *Verbalizatsiya mekhanizmov suggestivnogo vozdeystviya v sudebnom diskurse (na materiale angliyskogo yazyka)* [Verbalization of mechanisms of suggestive influence in judicial discourse (on the material of the English language)]. Philology Cand. Diss. Krasnodar.
- Evans, K. (1993) *The Golden Rules of Advocacy*. London: Blackstone Press.
- Golev, N.D. (2000) Yuridizatsiya estestvennogo yazyka kak lingvisticheskaya problema [Legalization of a natural language as a linguistic problem]. In: Golev, N.D. (ed.) *Yurilingvistika-2: Russkiy yazyka v ego estestvennom i yuridicheskom bytii* [Legal Linguistics-2: Russian language in its natural and legal being.]. Kemerovo; Barnaul: Altai State University. pp. 8–41.
- Russell, B. (1982) Deskriptsii [Descriptions]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in Foreign Linguistics]. Vol. 13. Moscow: Raduga. pp. 41–54.
- Oxford Dictionaries*. [Online]. Available from: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/ethnicity>.
- Legal Dictionary*. [Online]. Available from: <http://legal-dictionary.thefreedictionary.com>.
- Golev, N.D. (1999) Yuridicheskiy aspekt yazyka v lingvisticheskom osveshchenii [The legal aspect of language in linguistic coverage]. In: Golev, N.D. (ed.) *Yurilingvistika-1. Problemy i perspektivy* [Legal Linguistics-1. Problems and prospects]. Kemerovo; Barnaul: Altai State University. pp. 11–58.
- Grasso, F. (2002) Towards a framework for rhetorical argumentation. *Proceedings of the 6th Workshop on the Semantics and Pragmatics of Dialogue (EDILOG-2002)*. Edinburgh. 4-6 September 2002. Edinburgh: Association for Computational Linguistics. pp. 53–60.
- Burnham, W. (1994) *Sud prisyazhnykh zasedateley* [Jury Trial]. Moscow: Izd-vo MNIMP.
- Mel’nik, V. V. (2003) *Iskusstvo zashchity v sude prisyazhnykh* [The Art of Defense in a Jury]. Moscow: Delo.
- Gulevich, O.A. (2003) *Psikhologiya v sude prisyazhnykh* [Psychology in a Jury Trial]. Moscow: Mezhdunar. obshchestvo im. L.S. Vygotskogo.
- Efimov, V.T. (1993) *Vvedenie v etnopsikhologiyu. Nravy i nravstvennost’* [Introduction to Ethnopsychology. Morals and morality]. Moscow: Moscow State University.
- Vasil’ev, A.V. (2016) Otbor prisyazhnykh zasedateley [Jury selection]. *Pravdorub*. [Online]. Available from: <https://pravdorub.ru/articles/72610.html>.

SOURCES

- Speech for the Defense*. [Online] Available from: http://zinref.ru/000_uchebniki/05100sud/003_00_Osnovy_sudebnogo_krasnorechia_ritorika_dlya_yuristov__Uchebnoe_posobie_2_Nadezhda_2007/014.htm. (In Russian).
- Transcript of the Court Hearing in the Case of B. (Recorded by the Author in the Courtroom). (In Russian).
- Speech for the Defense*. [Online] Available from: http://zinref.ru/000_uchebniki/05100sud/003_00_Osnovy_sudebnogo_krasnorechia_ritorika_dlya_yuristov__Uchebnoe_posobie_2_Nadezhda_2007/014.htm. (In Russian).
- Speech for the Defense*. [Online] Available from: <http://www.yourist-ufa.ru/rech>. (In Russian).
- Speech for the Defense*. [Online] Available from: <https://rod-ru.livejournal.com/222574.html>. (In Russian).
- Closing Argument*. [Online] Available from: <https://www.oyez.org/cases/2014/14-556>.

Received: 22 July 2019

С.В. Майборода

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ В РЕЧЕВОЙ ПАРТИИ ВРАЧА В ДИАЛОГЕ О САМОЛЕЧЕНИИ

На материале аудиозаписей диалогов доктора и пациента о самолечении исследованы речевые стратегии коммуникантов, выявлены типичные макроинтенции доктора («поддержать», «запретить», «игнорировать»), в соответствии с которыми предложена классификация коммуникативных стратегий: поддерживающая, отвергающая и игнорирующая. Анализ показал, что наиболее частотной и вариативной является отвергающая стратегия, включающая субстратегии критики и мотивации. Адекватность выбранной стратегии зависит от контекста ситуации и влияет на достижение взаимопонимания с пациентом.

Ключевые слова: медицинский дискурс; коммуникативные стратегии и тактики.

Актуальность. Проблема организации эффективной коммуникации в сфере медицины приобретает в настоящее время особую актуальность в связи с кризисом доверия населения медицинским учреждениям и врачам, который вызван различными причинами: скептическим отношением общества к современной медицине, формируемым средствами массовой информации, широкой доступностью медицинской и псевдомедицинской литературы, коммерциализацией и бюрократизацией медицины. Отсутствие доверия приводит к конфликту в отношениях врачей и пациентов – первые хотят сотрудничать с дисциплинированными пациентами, которые с уважением относятся к их авторитетному мнению и послушно следуют предписаниям; вторые все чаще подвергают сомнению назначения врачей, становятся более требовательными к профессиональным и коммуникативным качествам медиков. Изменилась внутренняя сущность доверия врачу в лечебном процессе: «Доверие, основанное на слепой вере, следует отличать от доверия заслуженного» [1]. Недостаток доверия вызван также отмечаемой в современной специальной литературе дегуманизацией медицинского обслуживания, т.е. объективирующим, технократическим отношением к человеку в системе медицины [2–4].

В результате дефицита институционального доверия пациенты стремятся к независимости от медицинских институтов, прибегая к медицинскому самообразованию, самостоятельной диагностике заболеваний и, как следствие, к самолечению. В выборе метода самодиагностики и самолечения пациент полагается на собственный опыт, советы родственников, знакомых, провизоров, отзывы на форумах и медицинских сайтах, рекламу препаратов и другие источники, которым он доверяет.

Впоследствии, оказываясь в кабинете врача, пациент часто уже имеет представление о своем диагнозе и высказывает собственное мнение о методах лечения и самолечения, не всегда разделяемое врачом. Так, неоднозначную реакцию врачей вызывают сообщения пациентов о самолечении при помощи «народных» и других нетрадиционных методов лечения, отражающих «наивную картину мира, не вполне соответствующую положениям современной медицинской науки» [5. С. 75]. С другой стороны, не остаются без внимания врачей сообщения о самостоятельной диагности-

ке и лечении пациентов, обладающих ложномедицинской эрудицией и стремящихся разделить или оспорить экспертное мнение специалиста. В связи с этим диалог о самолечении выступает как демонстрация инициативы пациента в лечебно-диагностическом процессе и является одним из показателей переходного явления, наблюдаемого в современном медицинском дискурсе: это стремление к преодолению патерналистских установок в общении доктора и пациента.

Переход от патерналистской модели взаимоотношения в медицинском дискурсе к партнерской воспринимается пациентами как возможность равноправного участия в поисках метода диагностики и лечения, что, безусловно, отражается на их установках, типах речевого поведения и выборе языковых средств. Именно поэтому так важна адекватная реакция специалиста на суждения непрофессионала, поскольку ответное речевое поведение врача – коммуникативного и социального лидера медицинского дискурса – влияет на ход диалога, его тональность и тип развития коммуникации: кооперативный или конфликтный, и, как следствие, на возможность установления доверительных отношений с пациентом.

В связи с этим важным объектом современных лингвистических исследований выступает язык медиков (прежде всего врачей-профессионалов) и их речевое поведение, так как от умения врача владеть словом, от уровня речевой культуры и стратегической компетенции во многом зависит формирование комплаентного отношения пациентов к лечебному процессу, иными словами, их готовность следовать предписаниям врача, выполнять рекомендации и план лечения [6]. Отметим также, что учет мотивов, целей и других стратегических особенностей речевой партии пациента в равной степени является важной задачей для исследования медицинского дискурса, поскольку позволяет оптимизировать общение и предупредить возможные коммуникативные сбои.

Особый интерес в изучении дискурса медицины вызывает система коммуникативных стратегий и тактик, присущих данному виду институционального общения и положительно или отрицательно влияющих на достижение взаимопонимания между доктором и пациентом. Различные варианты типологий представлены в работах отечественных и зарубежных исследователей, таких как В.И. Карасик, В.В. Жура, Л.С. Бейлин-

сон, Э.В. Акаева, М.И. Барсукова, Н.Ю. Сидорова, J. Heritage, D.W. Maynard, S. Flei-schman, N. Ainsworth-Vaughn и др. Долгосрочная цель подобных работ – выработка основных принципов определения коммуникативных стратегий и тактик в рамках профессионального дискурса, в том числе медицинского.

Коммуникативная стратегия – процесс построения диалога путем выбора оптимального в конкретной ситуации типа речевого поведения, направленного на достижение цели и обусловленного социальным контекстом и определенными психологическими установками. Реализация коммуникативных стратегий и тактик происходит спланированно или спонтанно на основе свободного выбора оптимального в конкретной ситуации типа речевого поведения, направленного на достижение цели и обусловленного социальным контекстом и определенными психологическими установками. В исследованиях, посвященных профессиональному дискурсу, принято делить речевые стратегии на основные и вспомогательные [7. С. 14].

Основными в медицинском дискурсе являются **диагностирующая, лечащая, рекомендующая** стратегии, т.е. стратегии, реализующие специфические цели: диагностику, лечение, рекомендации [8–10]. Достижение конкретной речевой задачи в процессе построения диалога обеспечивают вспомогательные стратегии, которые имплицитно три целеполагающих компонента: мотив, цель и тактики, вместе подготавливающие прагматический аспект высказывания. Мотивы вспомогательных стратегий основаны на потребности в эффективной коммуникации с наименьшими коммуникативными затратами и зависят от локальных целей общения. Вспомогательная стратегия, направленная на достижение нескольких субцелей, подразделяется на субстратегии, т.е. варианты, являющиеся подчиненными по отношению к ней и обеспечивающие достижение определенной субцели. Субстратегии могут реализовываться как самостоятельно, так и в системе с другими субстратегиями.

Средствами воплощения стратегий и субстратегий в дискурсе выступают речевые тактики и коммуникативные ходы, реализующиеся посредством различных лексико-синтаксических и стилистических средств. В качестве модели описания речевой тактики нами используется система анализа, предложенная О.С. Иссерс:

- 1) цель речевого взаимодействия;
- 2) особенности предстоящего коммуникативного события и типы речевого поведения;
- 3) позиции сторон в диалоге;
- 4) установки на тип общения;
- 5) условия успешности речевой тактики и перлокутивные эффекты;
- 6) последовательность коммуникативных ходов;
- 7) выбор языковых ресурсов [7. С. 247–255].

Тактики, в свою очередь, реализуются при помощи разнообразных коммуникативных действий, или ходов (вопросительные высказывания, переспросы, уточнения, обращения и пр.).

Систематическое описание речевых тактик доктора в медицинском дискурсе было предпринято в исследовании М.И. Барсуковой, где под тактикой пони-

мается совокупность речевых действий, выбираемых и выполняемых коммуникантами в той или иной последовательности для достижения глобальной цели общения. Для каждой из основных стратегий дискурса – диагностической, рекомендующей и лечащей – представлен набор определенных тактик (тактики сближения, убеждения, запроса конкретной информации, угрозы, самопрезентации, утешения, объяснения, обвинения, умолчания, комплимента и др.) [10].

Данная типология тактик не является универсальной, поскольку анализ значительного материала расшифрованных записей реальных коммуникаций «доктор – пациент» позволил выделить массив примеров, не попадающих под уже известные стратегии и тактики. Они отличаются комплексной реализацией и являются специфичными для современного медицинского дискурса. Следовательно, представляется актуальным продолжить изучение записей реальных коммуникаций врачей разных профилей с целью лингвистического уточнения характеристик стратегий и тактик в медицинском дискурсе и определения путей комплаенса, т.е. достижения взаимопонимания между доктором и пациентом.

На наш взгляд, количественные и качественные характеристики стратегий и тактик, применяемых в медицинском дискурсе, могут варьироваться за счет изменений конфигурации медицинских практик и моделей взаимоотношения врача и пациента. Система коммуникативных тактик врача может быть расширена путем введения уровней субстратегий и субтактик, что позволит уточнить имеющуюся классификацию и сопоставить компоненты типологии, выявить и описать типичные коммуникативно-прагматические и лингвистические характеристики речевой партии участников медицинского дискурса.

Учитывая, что «коммуникативный подход к анализу речевого поведения малоэффективен, если игнорируется факт успеха / неудачи акта общения» [7. С. 235], следует выявить наиболее очевидные показатели достижения / недостижения цели коммуникации при обсуждении самолечения, а именно типичные и неожиданные речевые реакции и перлокутивные эффекты. Условия успешности применения определенных стратегий, субстратегий и тактик обнаруживаются при помощи комплексного исследования и сопоставления речевых партий врача и пациента в авторитарной и коллегиальной модели общения.

Цель: определение и классификация речевых стратегий и тактик доктора в диалоге о самолечении пациента с точки зрения их влияния на эффективность коммуникации – достижение комплаенса (согласия) в авторитарной и коллегиальной моделях общения.

Материал исследования: записи 55 аутентичных диалогов врачей и пациентов, что составляет более 700 минут звучащей речи. Условия сбора, использования и представления материалов исследования были одобрены комитетом по этике ФГБОУ ВО «Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского» Минздрава РФ.

Для определения объекта исследования – диалогов о самолечении – был проведен анализ записей меди-

цинских консультаций на семантическом, лексическом, лексико-грамматическом и коммуникативно-прагматическом уровне. С позиций семантики наиболее очевидными маркерами тактики являются семантические клише, например: *К врачу не обращался, лечился самостоятельно*. На уровне лексической семантики отмечается выбор слов, связанных с процессом самолечения:

- лексема «сам» (3);
- обозначение действий: *купить* (2), *лечиться* (2), *принимать* (3), *пить* (41), *мазать* (1), *капать* (5), *промыть* (3), *брызгать* (2), *пробовать* (2) и т.п.;
- точные названия лекарственных средств (37);
- искаженные названия лекарственных средств (2);
- названия средств «нетрадиционной медицины» (*корни, алоэ, говяжий желудок, картофельный сок, облепиховое масло, барсучий жир, кагор*).

На лексико-грамматическом уровне отмечается использование неопределенно-личных местоимений и сочетаний неопределенных местоимений с существительными, обозначающими средство лечения (*Что-то от кашля давали? // Какие-то таблетки желтенькие*).

На коммуникативном уровне развитие темы самолечения принадлежит пациенту (24 диалога), тогда как запросы врача о самолечении (*Что принимали? Чем лечились? и т.п.*), инициирующие начало диалога, встречаются только в восьми случаях. Достаточно часто рассказ о самолечении инициируется пациентом посредством вопроса-просьбы (*А можно еще спросить?*), открывающего новую микротему дискурса либо продолжающего текущую тему; реже встречаются нарративы (рассказы о самостоятельном лечении). Между тем в большинстве диалогов сообщении пациента представляет собой констативное высказывание, в котором упоминается название определенного лекарственного средства (*Протила креон // Пью барсучий жир*). Данное высказывание не является ответом на вопрос доктора, а возникает в речевой партии пациента при описании симптомов и способов их устранения.

Таким образом, результаты лингвистического и коммуникативного анализа записей медконсультаций позволили выделить 34 фрагмента диалогов, релевантных теме «самолечение». Объем диалогов колеблется от одной реплики до двадцати и более и составляет более 2 000 слов. Диалог о самолечении является частью устного медицинского дискурса доктора и пациента на этапе расспроса и сбора анамнеза, а также на этапе рекомендаций по лечению.

Основной целью взаимодействия врача и пациента на этапе сбора анамнеза является получение информации об истории настоящего заболевания (диагностирующая стратегия), соответственно, на этапе рекомендаций – презентация назначений (рекомендующая стратегия). Наряду с основными стратегиями на данных этапах беседы реализуются вспомогательные: в речевой партии пациента это стратегия оправдания визита, в рамках которой выделяется стратегия «сообщение о самолечении» [11]; в речевой партии доктора это прагматические и диалоговые стратегии: селективная, организующая и др., а также специфиче-

ские стратегии, реализуемые в ответ на сообщение о самолечении пациента.

Для выделения и классификации речевых стратегий доктора в диалоге о самолечении следует определить коммуникативную цель, к которой стремится врач, выбирая те или иные языковые средства и речевые действия.

Анализ собранного материала показал, что целями доктора в диалогах о самолечении являются определенные макроинтенции: **поддержать (8 диалогов), запретить (17), игнорировать (9)**. Названные коммуникативные цели позволили объединить материал в соответствующие группы диалогов, в которых, на наш взгляд, осуществляются специфические речевые стратегии доктора, реализующиеся посредством определенных коммуникативных тактик.

Рассмотрим подробно указанные группы диалогов.

1. Группа диалогов с макроинтенцией **поддержать**.

Основной характеристикой данных диалогов является сочетание вербальных и невербальных действий в речевой партии врача, выражающих одобрение действий пациента. Например:

(1) П. *А еще у меня бывает изжога, тяжесть – все вместе. Я омегапрозол еще пила.*

Д. *Омегапрозол хороший, его тоже можно пить.*

(2) П. *Я семя льна пью, начала пить.*

Д. *Молодец. По одной четвертой стакана четыре раза в день через час после еды.*

(3) П. *А печень? Может, карсилчик или что?*

Д. *Пожалуйста, пейте карсил, без вопросов.*

П. *А хорошо это? Или я там сама сочиняю?*

Д. *Нет-нет, вам будет нормально.*

Невербальные действия в речи доктора ограничиваются междометиями (*ага, угу, так-так*) и словами с положительным оценочным значением (*хорошо, правильно, отлично, нормально*); редко встречается похвала (*молодец*); невербальные действия представлены кивком (выражение лица при этом остается нейтральным). Речевые действия разрешения реализуются с помощью лексем *можно, конечно*; глаголов в повелительном наклонении: *продолжайте, не прекращайте, попейте* и т.п); повторов: П: *Мне сказали корни попить и они будут это...* Д. *Попейте, попейте*. Выражение одобрения и поддержки усиливается при помощи просодики в речи доктора: мягкий тон с понижением интонации к концу фразы.

Анализ коммуникативно-прагматических и языковых особенностей рассмотренных диалогов позволил определить, что в речевой партии доктора реализуется специфическая речевая стратегия с рабочим названием *поддерживающая*, направленная на кооперативное общение, имеющая своей целью поддержать (одобрить, разрешить) действия адресата, являющаяся прагматической, т.е. зависящей от контекста и ситуации, и реализующаяся при помощи коммуникативных тактик согласия, разрешения, одобрения, похвалы. Поддерживающая стратегия используется как в авторитарном, так и в коллегиальном типах общения и является одним из способов создания комплаенса.

В авторитарном дискурсе одобрение доктором самостоятельных действий пациента выражается при помощи похвалы и речевых тактик разрешения, в коллегиальном – при помощи вербальных и невербальных средств согласия со словами собеседника. Отметим также, что поддерживающая стратегия врача в диалоге о самолечении ограничивается ситуациями, когда самостоятельное лечение пациента приемлемо, оправдано и не способно привести к серьезным осложнениям.

2. Группа диалогов с макроинтенцией **запретить**.

(1) П. *Если лоперамид выпить, то на два дня хватает, если три штуки сразу выпить.*

Д. **Не... не желательно.**

(2) П. *А еще я узнала, что очень хорошо помогает вино.*

Д. *(замирает и поднимает голову) Что-о-о? Вино?*

П. *Да, красное. Кагор надо разводить с маслом.*

Д. **Нет! Вино категорически! Это конец поджелудочной. В вине кислота, а у вас и так гиперсекреция. Желудок просто разъедается изнутри. Даже не думайте!**

В случае, когда доктор не согласен с методами самолечения и решительно отклоняет инициативность пациента, в его речевой партии активно используются слова с семантикой запрета, отрицания, неодобрения: *нет, нельзя, не желательно, категорически* и т.п. Помимо собственно запрещения (основной цели) реализуются также вспомогательные субцели:

1) дать негативную оценку методам самостоятельного лечения пациента и изменить отношение пациента к самолечению в данном случае;

2) скорректировать его дальнейшее поведение.

На основании названных субцелей представим систему из двух субстратегий: **критики** и **мотивации**. Первая осуществляет воздействие на сферу восприятия и интерпретации, а вторая – на мотивационную сферу адресата. Для того чтобы обосновать наличие данных стратегий в речевой партии доктора, проанализируем коммуникативно-прагматические и языковые способы реализации негативной оценки самолечения в речи доктора.

Способы негативной оценки методов самолечения представлены двумя группами коммуникативно-прагматических ходов, объединенных по степени выражения речевой агрессии:

1. Группа с открытыми формами речевой агрессии.

Пример диалога:

П. *Називином капали.*

Д. **Вы. Месяц. Капали. Називином? Милочка! Если месяц капать, то или вылечитесь, или нос отвалится!**

Речевая агрессия в диалоге проявляется в манере речи, задевающей самолюбие, принижающей достоинство собеседника, словесном выражении негативных оценок, эмоций, чувств или намерений в грубой, неприемлемой в данной речевой ситуации форме. К таким речевым ходам относятся прямое порицание, возмущение, осуждение, обвинение, упрек, негодование, обращение, имеющее оттенок пренебрежения и фамильярности. Осуждение действий пациента выра-

жается при помощи парцелляции (*Вы. Месяц. Капали. Називином?*); просодических средств (повышение громкости голоса, растягивание гласных).

2. Группа со стертými формами речевой агрессии (косвенное осуждение, скрытый упрек, эмоционально-полемический вопрос, насмешка, ирония, сарказм):

(1) П. *А от отеков я ноги капустными листьями обматывала.*

Д. *И как, помогало?*

П. *Да!*

Д. **Ну а что не обмотались вся капустой?**

(2) П. *А я пью, это самое, пью барсучий жир и это ...*

Д. *(перебивает) Ну зачем барсучий жир?*

П. *Не знаю. Сказали, нужно пить.*

Д. **Кто сказал? Кто сказал? Телевизор?**

Критика в форме речевой агрессии проявляется в отборе резких слов, насмешливых интонаций, в отрицательных оценках собеседника и его действий, неприятных для него намеках и др.

Возможность использования средств речевой агрессии зависит от культуры речевого поведения врача и его коммуникативной компетенции, а также от выбора авторитарной модели общения с пациентом. Психосоциальный тип авторитарной личности проявляется как эго-состояние Родителя в гневе: автоматически оценивающее, порицающее, наказывающее, обвиняющее, ищущее виновного, приказное, авторитарное, запрещающее догматичное, претендующее на правоту [12]. Личностные и интеллектуальные качества пациента принижаются прямым указанием или намеком на недостаточность его тезаурусного фонда знаний (*Кто сказал? Телевизор?*), неспособность принять разумные решения (*Что не обмотались вся капустой?*). Прагматические и языковые средства дискурса направлены на достижение немедленного иллюкутивного и перлокутивного эффектов: смущения, стыда, признания ошибки, самообвинения. Долгосрочная цель агрессивной критики – неповторение действий в будущем.

На лексическом уровне отмечается использование слов с экспрессивно-оценочной семантикой. Данная лексика в коммуникативных ходах предназначена для характеристики *личности* и *поступков* пациента. Указание на ответственность пациента за последствия самолечения подчеркивается многократным употреблением местоимений и глаголов 2 л. мн. ч., (*вы, ваши, вы хотите, вы думаете*). Упрек может быть выражен при помощи риторических и эмоционально-полемических вопросов и соответствующего им просодического оформления (*Ну зачем барсучий жир?*).

Речевые акты неодобрения в виде эмоционально-полемических вопросов с ярко выраженной интонацией обладают высокой степенью конфликтогенности, так как вынуждают оппонента либо оправдываться, либо использовать агрессивные речевые приемы: встречные вопросы, возражения (*Д. – Раунатин? Почему такой странный выбор?// П. Я, что ли, делал этот выбор?*). Названный тип вопросов по сути не является вопросительным речевым действием, поскольку направлен не на получение информации, а на выражение упрека и собственных негативных эмоций,

т.е. представляет собой конфронтационный тип поведения.

Итак, рассмотренные способы негативной оценки в виде речевой агрессии свидетельствуют о реализации субтактики **деструктивной критики**, направленной на конфликтное общение и имеющей своей целью дискредитировать собеседника. Данная субтактика используется для быстрого и эффективного воздействия на психику и эмоциональное состояние адресата и предупреждения нежелательного поведения в будущем: заставляя пациента чувствовать стыд и раскаяние за неправильные решения и поступки, доктор предполагает, что в долгосрочной перспективе пациент запомнит свое некомфортное состояние в данной ситуации и не повторит ошибки.

Существенным недостатком данной субтактики является ее высокая конфликтность, так как целью субъекта речевой агрессии является провоцирование у адресата отрицательных эмоций. В некоторых случаях приемы деструктивной критики направлены на ущемление чести и достоинства пациента. Подобные речевые действия находятся вне правового поля, противоречат профессиональным и общегражданским этическим принципам.

Альтернативой деструктивной критике выступает **субтактика конструктивной критики**, которая преследует две цели: дать отрицательную оценку методам самолечения и в то же время не обидеть пациента. Названная субтактика реализуется при помощи информирующих коммуникативных ходов: сообщение альтернативного мнения (*Я не приветствую*); предупреждения (*Это может привести к осложнениям*), демонстрирующих внимание к слову пациента, но при этом эмоционально нейтральных. Помимо этого используются коммуникативные ходы запроса информации о причинах и методах самолечения.

Добавим, что данные типы вопросов оформлены как эмоционально нейтральные (в отличие от риторических) либо в соответствии с приемами эмпатического слушания: с интонацией участия и искренней заинтересованности. Данный коммуникативный ход позволяет не только продемонстрировать интерес к мнению пациента, но и получить сведения об источниках, которым он доверяет, что немаловажно для достижения комплаентности. Пример: *А кто вам рекомендует это средство?*

Негативную оценку методов самолечения смягчают коммуникативные ходы похвалы и одобрения (*Хорошо, что вы, наконец, занялись своим здоровьем*). Тактический прием косвенной оценки позволяет сместить акцент с ошибочных действий пациента на анализ самих методов и их влияние на результаты терапии (*Это не совсем то, что вам подходит / это лекарство с недоказанной терапевтической эффективностью*). Доброжелательный, спокойный, уверенный и твердый тон речи доктора создает атмосферу доверия и сотрудничества, равно как и *мы-совместное*, глаголы 1 л. мн. ч. Субтактика конструктивной критики является, на наш взгляд, эффективным способом обеспечения комплаенса в процессе общения доктора и пациента.

Таким образом, субстратегия **критики** реализуется посредством приемов отрицательной оценки с экспрессивно-эмоциональной составляющей (субтактики деструктивной критики), а также оценки с аргументирующей составляющей (субтактики конструктивной критики).

Субстратегия мотивации осуществляется при помощи приемов намеренного речевого воздействия, посредством авторитета (носителя более высокого институционального статуса, экспертной власти); манипуляции; убеждения или аргументации; психологического давления [7. С. 27]. Рассмотрим фрагмент диалога врача и пациента:

(3) Д. Вы пьете пентаксифин. И после этого начались боли в желудке? Что принимали? Аспирин, кардиомагнил или?

П. Нимесил.

Д. **Во-от!** Все нимесил ваш! Ну все!

П. Но у меня ноги...

Д. **Запомните:** когда вы пьете нимесил, аспирин, ибупрофен, то есть все, что связано с нестероидными противовоспалительными, **вы всегда должны пить омез. Запомнили?** Можно фосфалюгель, чтобы у вас **всегда был защищен желудок**, когда вы принимаете такие препараты. **Обязательно** пить что-нибудь **защищающее желудок**. Потому что у вас есть **предрасположенность, понимаете?**

Коммуникативные цели врача в данном диалоге – негативная оценка действий пациента и коррекция его дальнейшего поведения. Первая цель реализуется с помощью субстратегии деструктивной критики. Об этом свидетельствуют речевые средства, которые используются для выражения упрека, неодобрения, например восклицание (*Ну все!*), растягивание гласных (*Во-от!*), указание на ответственность пациента за его самостоятельный выбор (*Все нимесил ваш*).

Для достижения второй цели доктор прибегает к субстратегии, призванной мотивировать пациента изменить свое поведение в будущем. Для этого говорящий использует специфические речевые средства воздействия на собеседника: слово-зачин для привлечения внимания (*Запомните*); модальность долженствования (*Вы всегда должны пить омез*); интенсификаторы (*Обязательно, всегда*); контролирующие вопросы (*Запомнили? Понимаете?*); повторение позитивных и негативных аргументирующих и предупреждающих речевых действий (*Чтобы всегда был защищен желудок; что-нибудь защищающее желудок; у вас предрасположенность*).

Согласно классификации Парсонса, стратегии воздействия (подчинения) основываются на использовании позитивных и негативных стимулов, а также способов, посредством которых стимул доводится до адресата: ситуативных (предупреждения, угрозы, обещания) и интенциональных (рациональные доводы, указание на пользу / вред для адресата) [13]. Взяв за основу принципы данной классификации, мы дифференцировали тактики, реализующие субстратегию *мотивации*, на два подтипа: тактика *эмоционального воздействия* и тактика *рационального воздействия*.

Тактика эмоционального воздействия. Как было отмечено ранее, конечной целью, отвергающей стра-

тегии доктора, является коррекция поведения пациента с помощью приемов намеренного речевого воздействия. Тактика эмоционального воздействия, выбранная говорящим для достижения данной цели, носит характер открытого психологического давления и реализуется при помощи коммуникативных ходов предупреждения-угрозы, требования, неаргументированного запрещения.

Наибольшей степенью интенсивности воздействия обладают предупреждения-угрозы (превентивы), которые призваны предотвратить попытки пациента продолжить самолечение в будущем. Высказывания с интенцией угрозы имеют негативную направленность и представлены в виде сложноподчиненных конструкций с придаточными частями условия. Признаки ультимативной угрозы отмечаются в высказываниях, где пациента ставят перед выбором, который оформлен разделительным союзом *или*. Запрещение без аргументации является статусно-маркированным и статусно-фиксированным речевым актом с восходящим вектором говорящего [14]. С одной стороны, это социально оправдано, а с другой – запрет без пояснений (особенно выраженный при помощи инфинитивных побудительных высказываний типа *прекратит немедленно!*) свидетельствует о высокой степени авторитарности в речевом поведении доктора, что не всегда приводит к сокращению дистанции и установлению партнерских отношений с пациентом. Более того, в ситуации общения с тревожным пациентом описанные выше речевые действия могут привести к негативным эмоциональным реакциям.

Причиной выбора тактики эмоционального воздействия для реализации отвергающей стратегии можно назвать желание быстро и эффективно воздействовать на адресата путем приказа или запугивания. Данная тактика может быть успешной в том случае, если пациент слепо доверяет и готов подчиниться авторитарному собеседнику. Тем не менее, открытые формы психологического давления в речи врача вредят имиджу пациента, так как демонстрируют социальное и профессиональное превосходство первого и расцениваются как «игра на понижение» и неуважение к личности последнего.

Эмоциогенность тактики заставляет причислить ее к способам речевой агрессии. Предупреждения-угрозы, требования, запрещения без аргументации не способствуют гармоничному общению и поддержанию доверительных отношений между собеседниками и, соответственно, не являются эффективными для реализации коллегиальной модели взаимоотношений. Данные тактические приемы эффективно используются врачами при общении с готовыми подчиняться, конформными пациентами, предпочитающими традиционную патерналистскую модель общения и уважающими авторитарное мнение доктора.

Тактика рационального воздействия. В отличие от «точечных ударов» тактики эмоционального воздействия, нацеленной на быстрое достижение результата, тактика рационального воздействия формируется комплексной последовательностью коммуникативных ходов. Конечной целью является не просто за-

прет, но переубеждение. Последовательность распределения коммуникативных ходов имеет определенную закономерность в зависимости от ответной реакции пациента. Вариант распределения коммуникативных приемов:

Этап 1. Цель: выяснение причин, по которым пациент вынужден был лечиться самостоятельно, оценка метода лечения. Коммуникативные ходы: вербальное и невербальное выражение полного или частичного несогласия с позицией пациента, запрос информации, оценка (*А почему вы решили принимать X? А кто вам назначил X? Я не приветствую*).

Этап 2. Цель: аргументация + негативный стимул: указание на последствия метода самолечения с использованием причинно-следственного моделирования (*Это не лучший выбор для вас, потому что препарат плохо влияет на слизистую желудка*) и акцента на утилитарных моментах (*Вы только деньги потратите, а лечения не получите*).

Этап 3. Цель: выражение альтернативного мнения и представление совместного плана действий. Коммуникативные ходы: информирование, акцент на общности (*Давайте мы с вами сделаем так...*).

Этап 4. Цель: аргументация + позитивный стимул, усиление эффекта воздействия. Коммуникативные ходы: апелляция к категориям блага и пользы (*это будет лучше для вас*), акцент на утилитарных моментах (*это намного дешевле*), указание на положительные моменты предлагаемого лечения (*это проще и эффективнее*), иллюстрация, нарратив.

Этап 5. Цель: закрепление и контроль восприятия. Коммуникативные ходы: дублирование ключевых моментов, повтор, контролирующие вопросы (*Вы поняли, что нужно делать?*), коммуникативные приемы, вынуждающие собеседника выразить согласие с говорящим, например: *Мы с вами договорились?*

Анализ материала показывает, что рассмотренная тактика не сводится к использованию одного коммуникативного хода, следовательно, она коммуникативно не экономна. Несмотря на это, тактика эффективна при общении с критично или агрессивно настроенными пациентами. Убеждение является наиболее сложным способом речевого воздействия на сознание пациента путем обращения к его собственному критическому осмыслению информации и стимулированию рефлексии. Эмоциональная отстраненность и система логических доводов, реализуемая посредством суггестивов и аргументирующих речевых ходов (объяснений, примеров, нарративов), соответствующий отбор языковых средств (избегание экспрессивной лексики, эмотивов) расширяют диапазон воздействия на адресата и в комплексе способствуют успешной реализации коммуникативной цели, а контролирующие вопросы позволяют доктору убедиться в результативности тактики.

Рассмотренные компоненты классификации отвергающей стратегии дают четыре условных модели, в основе которых лежит общая стратегическая цель, а вариативные реализации порождаются в зависимости от коммуникативного контекста:

1) субтактика деструктивной критики + субтактика эмоционального воздействия;

2) субтактика деструктивной критики + субтактика рационального воздействия;

3) субтактика конструктивной критики + субтактика эмоционального воздействия;

4) субтактика конструктивной критики + субтактика рационального воздействия.

Данные модели представляют собой абстракции, которые можно рассматривать как континуум, на одном полюсе которого находятся сочетания позитивных элементов, а на другом – негативных. Промежуточную позицию составляют модели, допускающие возможность сочетания позитивного и негативного элементов. Рассмотрим полярные модели отвергающей стратегии.

Субтактика конструктивной критики + субтактика рационального воздействия. Комплекс конструктивных речевых действий и субтактики рационального воздействия представляет собой механизм коммуникации, позволяющий врачу, с одной стороны, в уважительной форме выразить критическое отношение к действиям и убеждениям пациента относительно самолечения, а с другой – предложить альтернативную программу действий, представив ее как продукт совместного принятия решений. Более того, эмоциональная отстраненность конструктивной критики и логически выстроенная система аргументации свидетельствуют о профессиональной компетентности и коммуникативной компетенции врача, что обеспечивает установление и поддержание доверительных отношений в диаде «врач–пациент».

Сочетание **субтактик деструктивной критики и эмоционального воздействия** проходит на грани кооперативного и конфликтного типов общения и дает риск тактической неудачи, так как содержит приемы прямого речевого давления и другие способы негативного психологического воздействия, способные привести к нежелательным для участников общения перлокутивным эффектам. Другие модели отвергающей стратегии, безусловно, также заслуживают более пристального внимания.

3. Группа диалогов с макроинтенцией **игнорировать**.

Анализ диалогов о самолечении позволил выделить ряд примеров, в которых отмечается полное или частичное отсутствие выраженной ответной реакции на сообщение пациента о самолечении:

(1) Д. *Что-то от каши давали?*

П. *Аскорил. Больше ничего. Ну, нос промывали, горло брызгали.*

Д. *Что ж, давайте измерим [температуру].*

(2) Д. *Чем сбивали температуру?*

П. *Нурофеном.*

Д. *Возьмите ибуклин. Там ибупрофен с парацетамолом.*

(3) П. *Иногда как ток прошел по сердцу и – боль. И сидела я как-то, а ко мне пришла навестить меня соседка. Я ей рассказала, а она: «Ой! Я тебе конкор принесу!». И достала пол-таблеточки. Я выпила – оно помогло. Может, вы тоже мне что-нибудь такое выпишите?*

(пауза 1 мин)

П. *Вот потеплеет, ЭКГ надо будет сделать, анализы сдать мне, да?*

Д. *Да.*

Полное или частичное отсутствие оценки или реакции на слова собеседника могут свидетельствовать о низкой степени актуальности информации для слушающего. Иными словами, последний вербально реагирует на ту информацию, которая представляется важной и нужной, предпочитая оставлять неактуальные или очевидные сведения «за кадром». Рассмотренный тип речевого поведения врача предполагает наличие прагматической стратегии в его речевой партии. Данная стратегия получила рабочее название **игнорирующая**, а разновидностями ее реализации предположительно выступают **аннулирующая** тактика (полное умолчание) и тактика **альтернативы** (частичное умолчание).

Аннулирующая тактика как тип речевого поведения доктора характеризуется тем, что на сообщение пациента о самолечении не следует немедленной или отсроченной реакции. Продолжением диалога служит новая микротема, формально и содержательно не связанная с репликой пациента. Тактика используется врачом в той ситуации, когда методы самостоятельного лечения, о которых говорит пациент, приемлемы настолько, что становятся рутинными, не заслуживающими особого внимания и обсуждения. Однако данная тактика может стать конфликтной, если умолчание следует в ответ на конкретный вопрос пациента или на просьбу дать оценку его действиям, поскольку расценивается как невнимательное отношение и выражение авторитарности.

В отличие от аннулирующей, тактика **альтернативы** предусматривает ответную реакцию врача на сообщение о самолечении. Например: Д – *Чем снимаете боль [ребенку]?* / П. – *Даю полтаблетки цитрамона.* / Д. – *Давайте ибупрофен.* В отличие от речевых действий поддерживающей и отвергающей стратегий, в реализации тактики альтернативы отсутствует эксплицитно выраженная оценка действий пациента. Реагируя на сообщение пациента о методах самолечения, доктор называет другой вариант терапии, но не предлагает никаких оценок и пояснений.

Важным условием успешности названной тактики является ее пресуппозиция: врач должен быть уверен в том, что пациент полностью доверяет и беспрекословно подчиняется ему, признавая в нем авторитет профессионала. Иными словами, альтернативный метод, предлагаемый врачом, должен априори расцениваться пациентом как правильный и действенный. Убедиться в успешной / неуспешной реализации тактики говорящему позволяют типичные реакции адресата.

Так, об успешности свидетельствуют типовые вербальные и невербальные реакции согласия (*да, хорошо, конечно*). Низкая результативность тактики выявляется в ответных коммуникативных ходах уточнения (*– А какое в нем действующее вещество?*); требования пояснений для восполнения информационной лакуны (*– А чем оно лучше моего?*) и возражения (*– А у меня на него аллергия*), невербальных знаков сомнения, непонимания, замешательства. Однако особенно неоднозначной реакцией является ответное молчание

пациента (отсутствие реакции), которое может свидетельствовать как о безусловном подчинении, так и о недоверии доктору и, соответственно, отсутствии комплаентности.

Анализ тактики альтернативы показал, что эффективность ее является спорной, так как отсутствует однозначная оценка действий пациента, следовательно, остается невыясненной приемлемость методов самолечения. Неоднозначность умолчания выражается в том, что данный прием может быть эквивалентом как одобрения, так и негативной оценки. В результате далеко не всегда можно прогнозировать, насколько адекватно адресат интерпретировал коммуникативное намерение говорящего. Например, пациент владеет поверхностными знаниями о схожем действии на организм лекарственного средства X, которое он самостоятельно принимает, и Y, которое называет врач. Соответственно, пациент не видит разницы между X и Y. На этом основании он делает вывод, что предложенный доктором вариант Y не представляет ценности, принимать его нет смысла, а назначение доктора – демонстрация экспертной власти.

Другой вариант неверного понимания: пациент интерпретирует умолчание как одобрение методов самолечения и делает вывод, что названное доктором лекарственное средство является дополнением к тому препарату, который он использует самостоятельно. Разница в пресуппозициональных составляющих когнитивной базы коммуникантов не позволяет адресату адекватно интерпретировать сообщение адресанта. Таким образом, происходит нейтрализация тактики (термин О.С. Иссерс), когда неверная (нежелательная) интерпретация эксплицитного высказывания приводит к эффекту, противоположному ожидаемому.

Для того чтобы избежать неадекватных и нежелательных интерпретаций и скорректировать нежелательные последствия и выводы, тактика *альтернативы* изначально должна включать дополнительные коммуникативные ходы: аргументацию, разъяснение, уточнение. Для сравнения дополним рассмотренный выше пример аргументирующим коммуникативным ходом: – *Чем снимаете боль [ребенку]? / – Даю полтаблетки цитрамона. / – Давайте ибупрофен. Цитрамон содержит ацетилсалициловую кислоту, она пагубно влияет на слизистую желудка // Ибупрофен не так часто вызывает желудочные проблемы.*

В данном случае учитывается отсутствие нужных фоновых знаний у оппонента и дается косвенная оценка метода самолечения пациента путем указания на негативные побочные эффекты используемого им лекарственного средства. Либо сравниваются оба метода: оценка метода самолечения дополняется указанием на достоинства предлагаемой альтернативы при помощи коммуникативного хода апелляции к категориям Вреда или Пользы: – *При длительном приеме цитрамон может вызвать серьезные осложнения. Принимайте лучше ибупрофен, он обладает аналогичными лечебными свойствами, но при этом побочных действий у него меньше.*

Таким образом, промежуточную позицию в ряду вариантов речевых действий врача занимает игнори-

рующая стратегия. Выбор названной стратегии зависит от конкретной ситуации и установки на тип общения: кооперативный или конфликтный. Например, игнорирование может использоваться и как способ избежать конфронтации, и как способ провокации конфликта. Но здесь следует отметить, что в ситуации расспроса пациента мы рассматриваем игнорирующую тактику не как тип поведения личности в конфликтной ситуации, а как вариант речевого поведения в процессе кооперативного общения. Игнорирующая стратегия, реализующаяся при помощи аннулирующей тактики, может рассматриваться как показатель авторитарного поведения врача и расцениваться пациентом как невнимание к его словам. Соответственно, тактика альтернативы является более предпочтительной в дискурсе доктора и пациента, однако в том случае, если она включает дополнительные речевые ходы разъяснения, аргументации.

Заключение. Вариативность речевого поведения врача зависит от социального и коммуникативного контекста и включает поддерживающую, отвергающую и игнорирующую прагматические стратегии, реализующие соответствующие интенции и имеющие глобальную цель – воздействие на поведение пациента и создание комплаентных отношений. Анализ языковых и коммуникативно-прагматических особенностей компонентов классификации показал, что поддерживающая стратегия в речи доктора реализуется в ситуации, когда инициатива пациента в оказании самостоятельной помощи допустима и соответствует концепции ответственного самолечения. Отвергающая стратегия является комплексной и представлена как система из двух субстратегий: критики и мотивации. Компонентами субстратегий выступают тактики конструктивной и деструктивной критики, эмоционального и рационального воздействия, позитивно или негативно влияющих на достижение комплаенса.

Пересечение позитивных и негативных элементов дает четыре условных модели, наиболее эффективной из которых является модель, сочетающая тактики конструктивной критики и рационального воздействия, использующая преимущественно при коллегиальном общении доктора и пациента. Модель, содержащая тактики деструктивной критики и эмоционального воздействия, используется при авторитарном общении и является рискогенной в силу того, что проходит на грани конфликтного и кооперативного типов общения. Игнорирующая стратегия, реализуемая посредством двух тактических вариантов – аннулирующей тактики и тактики альтернативы, может свидетельствовать как о кооперативном, так и о конфликтном общении. Умолчание, как ядерная интенция стратегии, приводит к неоднозначности и непредсказуемости перлокутивных эффектов, вследствие чего невозможно прогнозировать успех и результативность стратегии. Тактики игнорирующей стратегии требуют дополнительных коммуникативных ходов для того, чтобы избежать нежелательных последствий и неоднозначности в процессе установления долговременного комплаенса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Katz J. The silent world of doctor and patient. New York : The Free Press, 1984. 263 p.
2. Hyden Lars-Christer Illness and Narrative // *Sociology of Health & Illness*, 1997. Vol. 19, is. 1. P. 48–69.
3. Beauchamp T.L., Childress J.F. Principles of biomedical ethics. Oxford University Press, 1989.
4. Аронсон П. Утрата институционального доверия в российском здравоохранении // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2006. № 2. С. 120–131.
5. Жура В.В. Нарратологические исследования устного медицинского дискурса // *Международный журнал исследований культуры*. 2013. № 1 (10). С. 72–78.
6. Асриян О.Б. Комплаенс как результат коммуникативной компетентности врача // *Pacific Medical Journal*. 2016. № 4. P. 93–97.
7. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е изд. М. : Изд-во ЛКИ, 2008. 288 с.
8. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.
9. Бейлинсон Л.С. Характеристики медико-педагогического дискурса (на материале логопедических рекомендаций) : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 168 с.
10. Барсукова М.И. Медицинский дискурс: стратегии и тактики речевого поведения врача : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2007. 141 с.
11. Майборода С.В. Речевая тактика «сообщение о самолечении» в диалоге доктора и пациента // *Русский язык в поликультурном мире* : сб. науч. ст. II Международного симпозиума : в 2 т. / отв. ред. Е.Я. Титаренко. 2018. Т. 1. С. 492–498.
12. Берн Э.Л. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений / пер. с англ. А.А. Грузберг; терминологическая правка В. Данченко. Киев : PSYLIB, 2004.
13. Parsons T. On the concept of influence // *The Public Opinion Quarterly*. 1963. Vol. 27, № 1. P. 37–62.
14. Руссинова Т.В. Особенности функционирования запрета: На материале русского и английского языков : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006. 219 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 25 сентября 2019 г.

Communicative Strategies and Tactics in the Doctor's Speech in Dialogues About Self-Treatment

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 448, 65–74.

DOI: 10.17223/15617793/448/8

Svetlana V. Mayboroda, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation); Saratov State Medical University named after V. I. Razumovsky (Saratov, Russian Federation). E-mail: ameli25@yandex.ru

Keywords: medical discourse; communicative strategies and tactics.

The article presents the results of the study of dialogues between the doctor and the patient about self-treatment in order to classify the speech strategies and tactics of the physician and evaluate their effectiveness in achieving mutual understanding with the patient. Fifty-five records of medical consultations were analyzed at semantic, lexical, lexical-grammatical and communicative-pragmatic levels and 34 fragments of dialogues relevant to the topic “self-treatment” were revealed. As a result of their analysis, the typical macrointentions in the doctor's speech were determined: to support (8 dialogues), to prohibit (17 dialogues), to ignore (9 dialogues). These communicative goals allowed to unite the material into appropriate groups of dialogues, in which specific speech strategies are implemented with the working names *supporting*, *rejecting* and *ignoring*. It has been established that these strategies are used both in authoritarian and collegial discourse, pursue common goals, but differ in tactical methods and techniques of language expression in the mentioned types of discourses. The *supporting* strategy is intended to approve patient's actions in situations when self-treatment is acceptable and justified. In authoritarian discourse, the goal is achieved through praise and verbal permission tactics, in collegial through verbal and non-verbal means of agreement with the words of the interlocutor. The most frequent is the *rejecting* strategy aimed at prohibiting independent actions of the patient. It is variable and presents a system of two sub-strategies that are realized through sub-tactics of constructive and destructive criticism, as well as tactics of emotional and rational effect. To establish the long-term compliance, the combination of sub-tactics of constructive criticism and rational effect is effective; it is used primarily in collegial communication between the doctor and the patient. The combination of sub-tactics of emotional effect and destructive criticism is carried out in authoritarian communication; it actively influences the patient's behavior, but is risky as it goes on the verge of conflicting and cooperative types of communication. The *ignoring* strategy realized through two tactical options, the annulling tactics and tactics of alternative, can testify both to cooperative and conflicting communication. Keeping silence, as the nuclear intention of strategy, leads to ambiguity, and, therefore, additional communicative acts in order to avoid undesirable consequences and ambiguity in establishing long-term compliance are required. The choice of an adequate speech strategy by the doctor in discussing self-treatment affects the type of communication development: cooperative or conflicting, the possibility of establishing a trusting relationship with the patient.

REFERENCES

1. Katz, J. (1984) *The silent world of doctor and patient*. New York: The Free Press.
2. Hydén, L.-Ch. (1997) Illness and Narrative. *Sociology of Health & Illness*. 19 (1). pp. 48–69.
3. Beauchamp, T.L. & Childress, J.F. (1989) *Principles of biomedical ethics*. Oxford: Oxford University Press.
4. Aronson, P. (2006) Utrata institucional'nogo doveriya v rossiyskom zdравоохранenii [The loss of institutional trust in Russian healthcare]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii – Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2. pp. 120–131.
5. Zhura, V.V. (2013) Narratological Studies of Spoken Medical Discourse. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury – International Journal of Cultural Research*. 1 (10). pp. 72–78. (In Russian).
6. Asriyan, O.B. (2016) Komplians as result of communicative competence of the doctor. *Tikhookeanskiy meditsinskiy zhurnal – Pacific Medical Journal*. 4. pp. 93–97. (In Russian). DOI: 10.17238/PmJ1609-1175.2016.4.93-97
7. Issers O.S. (2008) *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. 5th ed. Moscow: Izdatel'stvo LKI.
8. Karasik, V.I. (2002) *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena.
9. Beylinson, L.S. (2001) *Kharakteristiki mediko-pedagogicheskogo diskursa (na materiale logopedicheskikh rekomendatsiy)* [Characteristics of medical and pedagogical discourse (based on speech therapy recommendations)]. Philology Cand. Diss. Volgograd.
10. Barsukova, M.I. (2007) *Meditsinskiy diskurs: strategii i taktiki rechevogo povedeniya vracha* [Medical discourse: strategies and tactics of a doctor's speech behavior]. Philology Cand. Diss. Saratov.

11. Mayboroda, S.V. (2018) Rechevaya taktika “soobshchenie o samolechenii” v dialoge doktora i patsienta [Speech tactics “message about self-medication” in a dialogue between a doctor and a patient]. In: Titarenko, E.Ya. (ed.) *Russkiy yazyk v polikul'turnom mire* [Russian in the Multicultural World]. Vol. 1. Simferopol': IT “ARIAL”. pp. 492–498.
12. Berne, E.L. (2004) *Igry, v kotorye igrayut lyudi. Psikhologiya chelovecheskikh vzaimootnosheniy* [Games People Play: The Psychology of Human Relationships]. Translated from English by A.A. Gruzberg. Kiev: PSYLIB.
13. Parsons, T. (1963) On the concept of influence. *The Public Opinion Quarterly*. 27 (1). pp. 37–62.
14. Russinova, T.V. (2006) *Osobennosti funktsionirovaniya zapreta: Na materiale russkogo i angliyskogo yazykov* [Features of the forbiddenness: On the material of the Russian and English languages]. Philology Cand. Diss. Saratov.

Received: 25 September 2019

Т.С. Соколова, Г.Н. Старикова

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ТЕРМИН *ГНЕЗДО* И ЕГО ПРОИЗВОДНЫЕ В РУСИСТИКЕ

Рассматривается возникновение специального значения у существительного *гнездо* и появление на основе его метафорического значения составных терминов типа словообразовательное, лексическое, этимологическое, номинативно-деривационное гнездо и другие, представляющих группировки разноструктурных дериватов (с общим или частично совпадающим составом единиц) вокруг исходной вершины (генератива), различающихся прежде всего аспектами описания.

Ключевые слова: лингвистическая терминология; термин-метафора; ономазиологическая деривация; разноструктурные единицы номинации; номинативное гнездо.

Введение в проблему. Обращения к метаязыку лингвистики выявляют высокую степень метафоризации в процессах терминообразования в этой отрасли знаний, свойственную также лингвистическим текстам в целом (*исследовательское поле, склонять слово, выступать в прямом значении*) [1–3]. Как пишет Е.А. Селиванова, «метафора служит источником расширения знаковых ресурсов терминосистемы, а также орудием научного поиска и познания в данной специальной сфере, средством уточнения и дифференциации понятийного аппарата языкознания» [2. С. 80]. Метафорические термины, отражая взаимодействие наивной и научной картин мира, «позволяют без дефиниции указать на какое-то свойство вновь открытого» [4. С. 74], что нередко осуществляется с помощью определений, далеко не всегда переносного типа: *словообразовательная цепочка, семантическое поле, основа слова* и др. Сказанное выше свидетельствует об актуальности обращения исследовательского интереса к *гнезду* как к одному из подобных терминов¹, породивших большое количество составных специальных номинаций в ряде научных направлений лингвистики.

Гнездами в современном языкознании называют разного рода совокупности номинативных единиц на основе семантической или формально-семантической общности – тематические, лексико-семантические группы, парадигматические ряды, но чаще – объединения однокоренных слов. Подобное рассмотрение обосновано осознанием русистикой системности и социальности как основополагающих свойств языка (прежде всего лексики), с первых шагов своего становления обратившей внимание исследователей не к отдельным словам, а к их объединениям. Именно таким образом А.А. Потемня представляет в этимологических заметках историю ряда групп слов, в том числе наименований поселений и угодий, что позволило ему через рассмотрение однокоренных образований (*селина, оселя, проселок, селище* и др.) и слов одного тематического ряда (*деревня, починок, ополье, околоток* и др.) выявить в них общие закономерности эволюционного развития семантики [6. С. 1–48]. С этим согласуется высказывание М.М. Покровского, определившего во многом в своих работах программу будущих семасиологических исследований: «История значений известного слова будет для нас только тогда понятной, когда мы будем изучать это слово в связи с другими словами, синонимичными с ним, а главное,

принадлежащими к одному и тому же кругу представлений» [7. С. 75].

Такое обозначение групп, образуемых генетически близкими единицами, вытекает из переносного значения существительного *гнездо* – ‘некое объединение по общности происхождения, деятельности, значимости, среде обитания, расположению и т.п. кого-, чего-л.’: *лексическое, словообразовательное; дворянское, культурное, литературное гнездо, гнездо поэтов, птенцы гнезда Петрова; картофельное гнездо* и др. Отмеченное значение развилось из ‘род, потомство’ (с древнерусской эпохи), позже – ‘семья’ (конец XVII в.), тогда же – ‘группа растений, развившихся из одного корня’ [8. С. 43]. Это подтверждает мнение ученых о том, что в терминосистемах русского языка весьма активно представлены образы семьи, рода [2. С. 79]: *дочерняя фирма, материнские разговоры, общий род, женская рифма* и др. Как образно отмечал А.Н. Тихонов, «русское слово живет в родственном окружении, семейно, и познать его до конца невозможно без глубокого изучения родственных связей и отношений» [9. С. 75].

Указанные близкие метафоры (*гнездо, семья, корень*) нашли отражение и в лингвистической терминологии: «ГНЕЗДО – англ. family of words, фр. famille de mots. Группа слов, происходящих от одного корня или объединяемых современными морфологическими или семантическими связями» [10. С. 105]. Данное определение свидетельствует о неполной специализации термина, выражающейся в его широкой семантике, необходимости уточнения последней через определения, как следствие – о возможности обозначения этим словом разнородных языковых явлений. Так, О.С. Ахманова выделяет гнезда *лексические* (*дружить с товарищем, дружный с товарищем, дружба с товарищем*), *синонимические* (*идти, брести, плестись, тащиться*), *словарные* («группа морфологически объединяющихся слов, представляемых в виде одной словарной статьи»), где отсутствие толкований или приведенные иллюстрации не позволяют четко дифференцировать названные типы, а также *словообразовательные* и *этимологические* – не только без определения, но и без примеров [Там же]. В более позднем словаре Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой как термин дается сочетание *гнездо слов* с более узким значением – ‘группа однокоренных слов’ [11. С. 52]. Эта семантика отмечена у слова *гнездо* в Spra-

вочнике Ж.Ж. Варбот и В.Ф. Журавлева [12], как специальное (в лингвистике) – в «Новом словаре русского языка» Т.Ф. Ефремовой [13. С. 317].

Исследование. Материалом для настоящего исследования послужили лингвистические работы преимущественно XXI столетия, в которых были использованы составные термины на основе переносного значения указанного существительного, всего около 150. Его подбор осуществлялся на основе поисковых запросов «гнездо в лингвистике», «лингвистическое / языковое / словарное гнездо», «гнездо слов» и подобных. Предпочтение в отборе отдавалось научным работам квалификационного типа (диссертациям, авторефератам), а также исследованиям, содержащим развернутые дефиниции предлагаемых терминов, относящихся прежде всего к проблемам номинации – сфере научных интересов авторов, что отражено в списке использованной литературы.

Анализ показал активное вовлечение слова *гнездо* в терминосферу русистики, причем исключительно в составе терминов с адъективными определителями: *гнездо генетическое, корневое, лексическое, образное, словообразовательное, этимологическое, языковое* и др., а на их основе – *историческое корневое, лексико-словообразовательное, корневое словообразовательное гнездо* и др. Все они представляют группировки дериватов (с общим или частично совпадающим составом единиц) вокруг исходного корня (непроизводного слова, генератива), различающиеся, как правило, аспектами (задачами) их описания. Сложившаяся в лингвистике многоименность, при которой термины в силу неоднозначного понимания могут образовывать оппозиции семантического тождества, пересечения (эквивалентности) или включения, требует определить семантический объем каждого из них и установить по возможности иерархические отношения в этом терминологическом сегменте. Данная задача обоснована прежде всего практическими нуждами в ясном представлении границ предмета исследования, что осознается как важнейшее требование культуры научных описаний во многих работах, напр.: «Очевидна необходимость разграничения понятий *словообразовательное гнездо* и *гнездо однокоренных слов*, или *корневое гнездо*» [14. С. 95]².

Из указанных выше активнее всего в языкознании употребляется термин *словообразовательное гнездо* (СГ), которое определяется как «упорядоченная отношениями производности совокупность однокоренных слов» [15. С. 270]. Создавая с единомышленниками Словообразовательный словарь русского языка, А.Н. Тихонов, чьим трудам русистика во многом обязана разработкой теории СГ, осознал необходимость выделения еще одной комплексной единицы деривации – *корневого гнезда* слов (КГ), которое образуют однокоренные производные двух или более СГ (подгнезд КГ), возглавляемые единицами со связанными корнями типа *заслонить – прислонить, закупорить – откупорить – раскупорить, говядина – говяжий, география – геодезист* и др. Он писал: «Эти слова состоят из одинакового числа морфем, но они не могут служить друг для друга производящей базой, служа вершиной разных СГ, но их наличие позволяет выде-

лять в них корни, приставки, суффиксы» [15. С. 271]. Таким образом, СГ и КГ, помимо объема своих составов, различаются типом вершин (непроизводное слово со свободным корнем – в первом случае, членимое со связанным корнем – во втором), основанием выделения (СГ выделяются на уровне словопроизводства, КГ – на морфемном). По мнению ученого, КГ образуются утратой исходного слова, в результате чего производные первого шага деривации становятся вершинами для своих подгнезд, или заимствованием (*брахикардия, брахицефал* и др.) [Там же. С. 274].

Вполне логично, что первый путь образования КГ привлек к ним внимание историков языка [16, 17], что столь же ожидаемо привело к расширению семантики данного термина³: «Корневым гнездом называется совокупность всех слов языка, имеющих общий корень. КГ может быть выделено на различных этапах существования языка (синхроническое) или может объединить в себе все исторически родственные слова (диахроническое, историческое)» [20. С. 32]. Диахронисты стали называть им не только гнезда с исходными словами вида *впрячь – запрячь – распрячь, присутствовать – отсутствовать; вынудить – принудить* и подобными, осознаваемыми на современном этапе однокорневыми единицами и потому снабженные в словообразовательных словарях с участием А.Н. Тихонова отсылочной пометой *ср.* к родственным вершинам (*запереть ср. отпереть*), что и служит показателем их отнесения к общему КГ, но и включать в их число дериваты гнезд типа *занять, понять, приятель* [21. С. 43], а также *грусть – груда, лопасть – лопага, горе – гореть* и др. [16. С. 297], родство которых уже требует специальных обоснований.

Как следствие диффузности значения термина последний вновь начинает обрастать атрибутами. Так вводится понятие *корневого словообразовательного гнезда* (КСГ) – «особой комплексной динамической единицы словообразования, объединяющей лексемы с общим историческим корнем, который носителями живого языка зачастую не воспринимается в качестве самостоятельной корневой морфемы вследствие утраты между этимологически родственными словами живых семантических и словообразовательных связей [17. С. 61]. Это определение соответствует трактовке термина *историческое корневое гнездо* (ИКГ) или просто *историческое гнездо* (ИГ) в трудах Л.Г. Яцкевич и ее учеников: «комплексная динамическая система слов, имеющих общий этимологический (исторический) корень» [22. С. 146], развитие которой идет одновременно по осям синхронии и диахронии и допускает утрату родственных связей между единицами некогда единого КГ. Последние термины близки понятию *этимологическое гнездо* (ЭГ), определяемого Ж.Ж. Варбот как «совокупность всех слов, происходящих от одного и того же слова (или корня), в их зависимости друг от друга и в хронологической последовательности через цепь словообразовательных отношений, из которых, однако, некоторые не осознаются говорящими вследствие фонетических изменений слов, преобразования их структур или расхождения их значений: *брать – собирать – сбор – собор – забор – беременная*» [23. С. 89]. При этом в ана-

лизе конкретного материала объем состава одного и того же ЭГ может существенно различаться, поскольку допускает включение лексических ресурсов всех славянских языков или же только одного языка – напр., русского. В последнем случае возможно также его ограничение единицами, потерявшими в ходе исторического развития семантическую связь с вершиной гнезда: «Далее в работе термин “этимологическое гнездо” будет использоваться преимущественно в узком значении, а именно как обозначение той части этимологического гнезда (в широком смысле термина), где утрачены мотивационные отношения с исходным корнем» [24. С. 10].

Выделение отмеченных типов указывает на значимость для единиц данного терминологического сектора не только оснований для объединения в гнездах номинативного материала, но и аспекта их изучения. Например, факт мотивационных связей между единицами групп, учитываемый всеми исследователями, получает специфическое освещение в разноаспектных работах – как при синхронном, так и диахронном подходе. Так, для лексиколога принципиально важным является определение обстоятельств появления слов, их семантики и места в лексической системе на основе установления парадигматических, синтагматических, иерархических и иного типа отношений с другими номинативными единицами языка, для дериватолога – это способы, модели образования слов и их продуктивность, задачи построения СГ на основе принципа формально-семантической выводимости производного из производящего и др., для этимолога – реконструкция праформы слова и его исходной семантики на базе сопоставления с единицами родственных языков и т.п. В частности, В.В. Виноградов, обосновывая необходимость разработки проблем исторической лексикологии, подчеркивал: «Историко-лексико-логическое изучение слова нельзя отождествлять и сливать с историко-этимологическим. Последовательность и ход изменений значения слова, разъяснение тех реальных исторических условий, в которых протекали эти изменения, остаются по большей части за пределами этимологического исследования» [25. С. 39]. Различать задачи исследования ЛГ и СГ в силу разнородности оснований для объединения в их состав производных единиц призывали А.Н. Тихонов [26. С. 148–161], И.В. Евсева [27. С. 145–147] и др.

В то же время в литературе неоднократно высказывалась мысль о продуктивности совмещения различных подходов к описанию генетически однородного языкового материала [27. С. 147; 28. С. 17], следствием чего стало выделение гнезд лексико-словообразовательных (ЛСГ) (иначе: толково-словообразовательных – ТСГ) [27, 29, 30 и др.] и этимолого-словообразовательных (ЭСГ) [31]. Так, М.С. Ачаева определяет ЛСГ как «структурно-семантическое целое», элементарной единицей которого выступает лексический дериват, а совокупность последних «рассматривается как факт не только словообразовательной, но и лексико-семантической системы языка» [30. С. 25].

Если в основу изучения ЛСГ положены семантический и деривационный подходы, то ЭСГ – генети-

ческий и деривационный, первое изучается преимущественно в аспекте синхронии, второе – только в диахронии. По мнению Е.Ю. Красоткиной, ЭСГ есть ЛСГ определенного этапа развития, представленное в исторической динамике [29. С. 3]. При этом важно помнить, что подобные гнезда позволяют углубить выводы комплексного анализа: «Ценность реконструкции гнезд нового типа заключается в том, что такие гнезда способны отражать не только связи однокоренных слов в одном языке, но и межязыковые связи» [31. С. 138]. В лексикографии идея совмещения указанных аспектов описания реализовалась в толково-словообразовательных словарях [13] и отчасти в этимологических типа «Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд», издаваемом Отделом этимологии и ономастики Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН с 1974 г.

Антропоцентрическая парадигма современной лингвистики, обратившая внимание исследователей к языку как средству отражения восприятия и осмысления человеком окружающего мира и своего места в нем, в определенной степени «сгладила» принципиальность последней классификации, сделав главным объектом изучения номинативную организацию лексических подсистем, образуемых составом любого из названных гнезд, а предметом – когнитивную интерпретацию их семантических структур. Так, Е.С. Кубрякова справедливо считала акт номинации «ословливанием и означиванием мира <...> новых структур знания, закреплением и объективацией неких концептуальных объединений, рождаемых в актах познания и оценки мира» [32. С. 407]. Это высказывание прозвучало в адрес словных дериватов (мотивологический аспект не может не апеллировать к языковому сознанию, а генетическое родство слов отражает связность мира), но оно справедливо и в отношении номинативных единиц более сложной структуры, прежде всего – фразеологизмов, которые также могут быть представлены в лингвистике гнездами – фразеологическими (ФГ).

Одно из первых определений ему было дано В.Л. Архангельским: «Фразеологическое гнездо объединяет фразеологические единицы (ФЕ), имеющие в своем составе одно и то же слово в качестве стержневого компонента и реализующие различные виды лексических значений этого слова» [33. С. 64]. Необходимость группировки фраземики вокруг *опорной лексемы (гнездового слова, фразеолекса, фразеоконнента* и др.) родилась из практических нужд лексикографии, требующих ее систематизации при подаче в толковых (общих и собственно фразеологических) словарях, а также из общих задач исследования лингвокультурологического пространства языка. В факте выделения и в дальнейшей разработке теории ФГ легко можно усмотреть аналогию с гнездами слов.

В настоящее время и этот термин характеризуется неоднозначностью, что обусловлено, с одной стороны, различным пониманием сути фразеологии и ее границ, с другой – разнородными основаниями для включения ФЕ в ФГ. С первым связана попытка развести понятия фразеологических и фразеобразовательных гнезд,

допускающих включение в свой состав, помимо собственно ФЕ, разного рода составных наименований, лишенных образности, типа *левая рука* [34]. В соответствии со вторым подходом, в гнездо могут быть объединены фразеологизмы на основе общего слова (*на босу ногу, со всех ног, ни в зуб ногой* и др.) [35] или же общности корневой морфемы в отдельных компонентах фразем (*втереть очки, натереть бока, протереть глаза, вытирать ноги (об кого), тертый калач*) [24. С. 231–241]. Еще более широкое понимание этого термина представлено в диссертации Н.А. Власовой «Фразеологическое гнездо с вершиной ГЛАЗ в общенародном языке и говорах», включившей в его состав не только выражения с указанным словом и его дериватами (*глазки, глазички, глазищи*), но и с их синонимами (*буркалы, гляделки, зенки, талы* и многие др.) [36]. Не требует доказательств утверждение, что данный тип гнезда допускает те же аспекты изучения, что и словные объединения.

Осознание общих функций у слов и ФЕ, возможности однотипных подходов к их описанию вполне логичным образом привели к формированию новой комплексной языковой единицы – *лексико-фразеологического гнезда* (ЛФГ), узко понимаемому как совокупность гнездовой лексемы (или ее отдельного ЛСВ, если слово многозначно) и набора ФЕ, непосредственно мотивированных этой исходной единицей⁴, широко – как совокупность всех лексических и фразеологических дериватов, восходящих к общей для них вершине [38]. Синонимами широкому пониманию ЛФГ служат термины *лексико-фразеологический комплекс* (ЛФК), породивший новый жанр лексикографического труда – *словарь одного слова* [39], *деривационно-фразеологическое гнездо* (ДФГ) [40. С. 82–83], максимально широко – *деривационное гнездо* (ДГ), включающее составные наименования нефразеологического типа (*житель деревни; тот, кто пришел последним*) [41].

Последние термины обоснованы представлением номинативной деривации (деривационной ономастологии, номинатики, ономатики)⁵ как процесса порождения разноструктурных номинативных единиц следующими способами:

1) морфологическим – на базе имеющихся в языке лексических единиц и аффиксальных средств (лексической деривацией, собственно деривацией);

2) лексико-семантическим – путем семантической и лексико-семантической трансформации имеющихся в языке слов и фразеологических сочетаний (семантической деривацией – развитием полисемии);

3) синтаксическим – на основе свободного словосочетания (лексико-синтаксической деривацией) [43. С. 89].

При этом словообразование составляет ядерный, но не единственный тип деривации, а фразеодеривация понимается разными исследователями различно: как реализация фразеобразующего потенциала вершинного слова (*уже – его отдельного ЛСВ: со всех ног, идти в ногу со временем – нога*) [35] или всех дериватов ЛФГ (*рука: легкая рука, схватить за рукав, солнце в рукавицах*), что соответствует понятию ЛФК [39]. Принципиально иное понимание фразеологиче-

ской деривации представляется как образование ФЕ на базе других ФЕ, что может пониматься широко – как любые формальные трансформации последних (*валить в кучу – свалить в кучу, заблудшая овца – заблудшая овечка, выбить из колеи – выбиться из колеи, держать нос по ветру – нос по ветру, грош цена – грош цена в базарный день*) [44. С. 54] или узко (*переменишь декорации – перемена декораций, волей или неволей – вольный или невольный, бить баклуши – бить баклуши*), где, подобно аффиксальному транспозиционному словообразованию, происходит смена категориального значения при сохранении логико-понятийной семантики фразеологизма [45. С. 243]. Если базовый фразеологизм допускает неединственный вариант своего формального преобразования (*день и ночь – дневать и ночевать, денный и ночный, денно и ночью*), совокупность последних образует гнездо, тоже названное *деривационным* (ДГ) [Там же. С. 244].

Результаты исследования. 1. Рассмотренный материал продемонстрировал активное вовлечение существительного *гнездо* в терминосферу ряда направлений русистики, подтвердив тот факт, что метафоризация относится к числу значимых способов лингвистического терминообразования. При этом широкая семантика, ее слабая специализация дают основания для отнесения *гнезда* к лингвистическим квазитерминам, семантика которых в обязательном порядке должна уточняться с помощью атрибутивной лексики. Функция последней – обозначить основания для объединения единиц в гнездо и по возможности охарактеризовать подход к изучению последних, ср. ЛГ и СГ или ФГ; СГ и ЭГ; СГ и ДГ.

2. Являясь согипонимами по отношению к гиперониму *гнездо*, составные термины противопоставляются друг другу разными своими сторонами. Так, ЛГ и СГ, совпадая в материале, различаются лишь аспектами его представления, противоположная картина наблюдается в случае с КГ и СГ: объем единиц разный, аспект же может быть общим, а СГ и ЭГ различаются и тем и другим. Многозначность части созданных терминов этого (детерминирующего) типа (КГ, ДГ, ФГ) еще более усложняет их корректное использование в учебном и научном общении. Это порождает «вторичные» специальные наименования вида ЛФГ, ЛСГ (ТСГ) и ЭСГ, отражающие расширение объекта исследования и комплексный характер его описания. Сужение объема значения подобных терминов конкретными исследовательскими задачами неизбежно ведет к развитию у них полисемии, что нарушает требование однозначности, предъявляемое к специальной лексике. Однако нельзя не признать, что поиски комплексных единиц анализа, разработка новых подходов к их описанию развивает лингвистическую науку в целом и такое ее отдельное направление, как лексикография.

3. Идеальным выглядит составной термин, выражающий как тип объединяемого материала, так и общие задачи его описания. Это позволяет отнести к наиболее удачным продолжающие оставаться однозначными термины *словообразовательное* и *этимологическое гнездо*, указывающие на основания объеди-

нения лексических единиц, одновременно – на базовые, а в течение долгого времени – практически единственные (формально-структурный / генетический) аспекты исследования⁶. Таковым же представляется вводимый в последнее время термин *номинативное гнездо* (НГ), которым возможно заменить термин *деривационное гнездо* (ДГ) в его самом широком значении, поскольку *номинация* совмещает в себе значения процессуальное (называние) и результативное (единицы наименования), т.е. может обозначать как круг вовлекаемого в исследование материала, так и подход к его изучению. Возможно, более точным будет терминологическое сочетание *номинативно-деривационное гнездо*: совокупность разноструктурных производных номинем, восходящих к общей вершине, допускающих различные формально-семантические аспекты их описания, связанные с названием (формальные типы единиц, отражение в их содержании номинативно-познавательной деятельности носителей языка и др.).

4. Поиски «объяснительной силы» составными терминами на основе имени с диффузным значением

вызываются научными интересами лингвистов и конкретными задачами их исследования, результатом чего становится появление вида *гнездо текстов, образное, семантическое, семантико-деривационное* (СДГ), *историко-деривационное гнездо* (ИДГ) и др., которые не рассматривались в настоящей статье, но работы с их использованием легко обнаруживаются в интернет-пространстве. Существование новых терминов может быть оправдано лишь их особым содержанием либо необходимостью замены ими ставших многозначными прежних наименований. Выражением терминологического кризиса могут служить работы, в которых отказываются от подобного типа терминов, используя в названиях определения описательного типа вроде «слова с корнем рух- в истории русского языка», «гнезда однокоренных слов группы 'время года'» и подобные.

В целом же, расширение специальных знаковых ресурсов, в том числе за счет метафор и составных наименований, развивает терминосистему языкознания, служа динамичным показателем поиска научной мысли.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹См.: «Чтобы вникнуть в природу русского языка, выявить особенности его формально-структурного устройства, необходимо глубоко и всесторонне исследовать жизнь гнезда» [5. С. 111].

² Доказательством также может служить запятая в приведенной выше цитате из работы О.В. Ивасюк перед союзом в значении отождествления: «гнездо однокоренных слов», или «корневое гнездо» [14].

³ О принципиальной значимости этого шага говорят названия, напр., работ [18, 19].

⁴Т.е. *фразеологической парадигмы* [37. С. 88], по сути – это и есть ФГ в узком понимании.

⁵См., напр., работы [42; 43. С. 236].

⁶Все более частые замены их в современных работах на термины *деривационное гнездо* [46], *генетическое* или *историческое гнездо* [47] нельзя признать удачными в силу широко понимаемой семантики производящих основ для последних.

ЛИТЕРАТУРА

1. Никитина С.Е. Семантический анализ языка науки (на материале лингвистики). М. : Наука, 1987. 144 с.
2. Селиванова Е.А. Метафорическая основа русской лингвистической терминологии: когнитивный аспект // Язык. Текст. Дискурс. 2013. № 11. С. 71–82.
3. Резанова З.И. Метафора в лингвистическом тексте: типы функционирования // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2007. № 1. С. 18–29.
4. Слюсарева Н.А. Терминология лингвистики и метаязыковая функция языка // Вопросы языкознания. 1979. № 4. С. 69–76.
5. Тихонов А.Н. Словообразовательное гнездо как единица системы словообразования и как единица сравнительного изучения славянских языков // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. М. : Наука, 1987. С. 104–111.
6. Потебня А.А. К истории звуков русского языка. Этимологические и другие заметки. Варшава, 1883. 96 с.
7. Покровский М.М. Семасиологические исследования в области древних языков. М. : Университетская типография, 1895. 132 с.
8. Словарь русского языка XI–XVII вв. М. : Наука, 1977. Т. 4. 404 с.
9. Тихонов А.Н. Гнездовые словари русского языка // Глагол и имя в русской лексикографии: вопросы теории и практики. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1996. С. 75–88.
10. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М. : Сов. энциклопедия, 1969. 608 с.
11. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов : пособие для учителя. 3-е изд., испр. и доп. М. : Просвещение, 1985. 399 с.
12. Варбот Ж.Ж., Журавлев А.Ф. (сост.) Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии. М. : Изд-во ИРЯ РАН, 1998. 54 с.
13. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. Т. 1: А–О. М. : Русский язык, 2000. 1209 с.
14. Ивасюк О.В. Словообразовательное гнездо с вершиной-полисемантом // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2015. № 3 (45): в 3 ч. II. С. 94–96.
15. Тихонов А.Н. Словообразовательные и корневые гнезда слов // Восточнославянское и общее языкознание. М. : Наука, 1978. С. 270–274.
16. Пятаева Н.В. Диахроническое описание лексической системы русского языка через выявление и анализ генетических парадигм // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2011. № 13. С. 297–299.
17. Григорьева Н.С. Развитие корневого гнезда с вершиной *VĚRA в истории русского языка // Вестник СамГУ. 2013. № 8/1 (109). С. 61–66.
18. Бочкарева Г.А. О границах корневых гнезд (на материале префиксальных глаголов со связанными корнями) // Актуальные проблемы русского словообразования : материалы III республ. науч. конф. (21–23 сент. 1978 г.) / отв. ред. А.Н. Тихонов. Ташкент : Укитувчи, 1980. С. 135–142.
19. Ширшов И.А. Границы словообразовательного гнезда // Филологические науки. 1996. № 5. С. 43–54.
20. Современный русский язык: морфемика и словообразование : учеб.-метод. пособие / сост.: Е.Н. Ильина, Ю.Н. Драчева. Вологда : ВоГУ, 2015. 68 с.
21. Пятаева Н.В. Понятие лексического гнезда в современной лингвистике (к проблеме квалификации и классификации) // Филологический класс. 2003. № 9. С. 41–48.
22. Морфемика и словообразование русского языка / под ред. Л.Г. Яцкевич. Вологда : Русь, 2002. 283 с.

23. Варбот Ж.Ж. Этимология // Русская речь. 1968. № 4. С. 86–96.
24. Горбушина И.А. Словообразовательное и этимологическое гнездо слов от праславянского корня *TER- в русском языке на славянском фоне : дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 323 с. URL: <http://www.ruslang.ru/doc/diss/gorbushina.pdf> (дата обращения: 1.03.2019).
25. Виноградов В.В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического изучения // Избранные труды: Лексикология и лексикография. М. : Наука, 1977. С. 39.
26. Тихонов А.Н. Лексические и словообразовательные гнезда как единицы сравнительного изучения восточнославянских языков // Теоретические и методологические проблемы сопоставительного изучения славянских языков. М. : Наука, 1994. С. 148–161.
27. Евсева И.В. Современный русский язык. Актуальные вопросы морфемики, морфонологии и словообразования : учеб. пособие. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2014. 204 с.
28. Ширшов И.А. Теоретические проблемы гнездования. М. : Прометей, 1999. 236 с.
29. Красоткина Е.Ю. Лексико-словообразовательное гнездо с доминантой *часть* в истории русского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 17 с.
30. Ачаева М.С. Симметрия и асимметрия лексико-словообразовательных гнезд с вершинами *полный / пустой* в русском и английском языках // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 6. С. 24–31.
31. Крыжан В.С. Ещё раз о принципах организации лексических дериватов // Вісник Дніпропетровського університету. Сер. Мовознавство. № 11. 2009. Вип. 15, т. 1. С. 138–146.
32. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М. : Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
33. Архангельский В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. Ростов-на-Дону : Изд-во РГУ, 1964. 315 с.
34. Попова А.Р. Реализация словообразовательного и фразеобразовательного потенциала лексической единицы русского языка // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 3. С. 128–133.
35. Лапшина С.С. Особенности словообразовательно-фразеологического комплекса с полисемантом *нога* в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 23 с.
36. Власова Н.А. Фразеологическое гнездо с вершиной *глаз* в общенародном языке и говорах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 1997. 26 с.
37. Кулина Н.И., Шеховцова Т.М. Лингвокультурологический аспект французских фразеологизмов (на материале лексико-фразеологического поля «внутренние органы человека») // Научные ведомости. Гуманитарные науки. 2014. № 13 (184), вып. 22. С. 84–88.
38. Юрина Е.А. Русская пищевая традиция в зеркале языковых образов: опыт лексикографической презентации // Вопросы лексикографии. 2013. № 1 (3). С. 63–80.
39. Попова А.Р. Лексико-фразеологический комплекс как результат реализации креативного потенциала лексической единицы : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Орёл, 2013. 43 с.
40. Березович Е.Л., Кривошапова Ю.А. Деривационно-фразеологическое гнездо «Москва» в русском и иностранных языках // Slavica. 2015. № 1 (84). С. 82–94.
41. Чинчлей Т.С. Словообразовательное и деривационное гнездо // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент : Изд-во Ташкент. гос. пед. ин-та им. Низами, 1982. С. 44–46.
42. Никитевич В.М. Основы номинативной деривации. Минск : Вышэйша школа, 1985. 156 с.
43. Языковая номинация. Виды наименований / под ред. Б.А. Серебrenникова, А.А. Уфимцевой. М. : Наука, 1977. 360 с.
44. Бушуй А.М. К изучению деривационных процессов во фразеологии (на материале русского языка) // Проблемы фразеологии : межвузовский сб. науч. трудов. Тула : Изд-во ТГПИ им. Л.Н. Толстого, 1980. С. 53–59.
45. Ермакова Е.Н. Деривация как процесс фразеобразования и ее следствия // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Сер. Филология. Социальные коммуникации. 2006. Т. 19 (58), № 04. С. 241–245.
46. Никитевич А.В. Деривационное гнездо как объект и модель в теории словообразования и практике лексикографирования // Slavische Wortbildungim Vergleich. Teoretische und pragmatische Aspekte. Bd 12. Berlin : LIT-Verlag Dr. W Hopf, 2014. С. 576–589.
47. Козлова Р.М. Праславянское слово в генетическом гнезде (Структура праславянского слова) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Минск, 1991. 42 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 13 сентября 2019 г.

The Metaphorical Term *Gnezdo* and Its Derivatives in Russian

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 448, 75–82.

DOI: 10.17223/15617793/448/9

Tatyana S. Sokolova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tatyana_sokol-88@mail.ru

Galina N. Starikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: gstarikova@yandex.ru

Keywords: linguistic terminology; metaphorical term; onomasiological derivation; nominal non-structural units; nominative word family.

The article proves that metaphorization is one of the most significant ways of term formation in linguistics. The material for the study was linguistic works in which compound terms were used based on the figurative meaning of the noun *gnezdo* (nest, word family, group, etc.), which, as the analysis showed, is actively involved in the terminology of Russian studies. On the one hand, the term can be called an ontological metaphor that reflects the principle of isolation, organization of a certain commonality of elements based on their typical unity – a common origin. At the same time, its broad meaning and weak specialization give grounds for attributing *gnezdo* to linguistic quasiterms, the semantics of which must necessarily be clarified using attribute vocabulary. The function of the latter is to designate the grounds for associating units into a *gnezdo* and, if possible, to characterize the approach to the study of the latter, cf. *leksicheskoe, slovoobrazovatel'noe, frazeologicheskoe gnezdo* (lexical, derivational, phraseological word family). The polysemy of a significant part of compound terms gives rise to “secondary” special names such as *leksiko-frazeologicheskoe, etimologoslovoobrazovatel'noe gnezdo* (lexical-phraseological, etymological, word-formative word family), which reflect the expansion of the object of study and the complex nature of its description. The constant emergence of such terms (group of texts, figurative, semantic, semantic-derivational group) is caused by the new scientific interests of linguists and the specific objectives of their research. But if the new term does not have a special content, its use is justified only by the need to abandon the ambiguity of the former designation; otherwise, poly-naming reveals a terminological crisis. An expression of the latter can be works in which authors reject this type of terms, using descriptive type definitions in their titles such as “words with the root . . .”, “single-rooted words”, “groups of single-rooted words”, etc. In the authors’ opinion, the most optimal terms of this group should include a derivational and etymological word family: monosemic, indicating simultaneously the bases of an association of linguistic units and the main aspects of their research.

Similar is the terminological combination of the nominative-derived word family introduced in the present work: a set of different structural derived units, going back to a common vertex, allowing for various formal semantic aspects of their description related to naming (formal types of units, reflection of language speakers' nominative-cognitive activities in their content, etc.). In general, the expansion of special sign resources, including through metaphors, develops the terminological system of linguistics as a dynamic provider of the search for a scientific idea.

REFERENCES

1. Nikitina, S.E. (1987) *Semanticheskiy analiz yazyka nauki (na materiale lingvistiki)* [Semantic analysis of the language of science (on the material of linguistics)]. Moscow: Nauka.
2. Selivanova, E.A. (2013) Metaforicheskaya osnova russkoy lingvisticheskoy terminologii: kognitivnyy aspekt [Metaphorical basis of Russian linguistic terminology: cognitive aspect]. *Yazyk. Tekst. Diskurs*. 11. pp. 71–82.
3. Rezanova, Z.I. (2007) Metafora v lingvisticheskom tekste: tipy funktsionirovaniya [Metaphor in a linguistic text: types of functioning]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology* 1. pp. 18–29.
4. Slyusareva, N.A. (1979) Terminologiya lingvistiki i metazykovaya funktsiya yazyka [Linguistics terminology and metalanguage function of a language]. *Voprosy yazykoznanija*. 4. pp. 69–76.
5. Tikhonov, A.N. (1987) Slovoobrazovatel'noe gnezdo kak edinitsa sistemy slovoobrazovaniya i kak edinitsa sravnitel'nogo izucheniya slavyanskikh yazykov [Derivational nest as a unit of word-formation system and as a unit of comparative study of Slavic languages]. In: Neshchimenko, G.P. (ed.) *Sopostavitel'noe izuchenie slovoobrazovaniya slavyanskikh yazykov* [Comparative Study of Word-Formation of Slavic Languages]. Moscow: Nauka. pp. 104–111.
6. Potebnaya, A.A. (1883) *K istorii zvukov russkogo yazyka. Etimologicheskie i drugie zametki* [On the history of sounds of the Russian language. Etymological and other notes]. Warsaw: Tipografiya M. Zemkevicha i V. Noakovskogo.
7. Pokrovskiy, M.M. (1895) *Semasiologicheskie issledovaniya v oblasti drevnikh yazykov* [Semasiological research in the field of ancient languages]. Moscow: Universitetskaya tipografiya.
8. Barkhudarov, S.G. (ed.) (1977) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries]. Vol. 4. Moscow: Nauka.
9. Tikhonov, A.N. (1996) Gnezdovye slovni russkogo yazyka [Nest dictionaries of the Russian language]. In: Komarova, Z.I. (ed.) *Glagol i imya v russkoy leksikografii: voprosy teorii i praktiki* [Verb and name in Russian lexicography: questions of theory and practice]. Ekaterinburg: Ural State University. pp. 75–88.
10. Akhmanova, O.S. (1969) *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
11. Rozental', D.E. & Telenkova, M.A. (1985) *Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. 3rd ed. Moscow: Prosveshchenie.
12. Varbot, Zh.Zh. & Zhuravlev, A.F. (eds) (1998) *Kratkiy ponyatiynno-terminologicheskiy spravochnik po etimologii i istoricheskoy leksikologii* [A Brief Conceptual and Terminological Guide to Etymology and Historical Lexicology]. Moscow: RLI RAS.
13. Efremova, T.F. (2000) *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy* [New Dictionary of the Russian Language. Defining and derivational]. Vol. 1. Moscow: Russkiy yazyk.
14. Ivasyuk, O.V. (2015) Word-formative cluster with the top-polysemant. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 3 (45): II. pp. 94–96. (In Russian).
15. Tikhonov, A.N. (1978) Slovoobrazovatel'nye i kornevye gnezda slov [Derivational and root nests of words]. In: Trubachev, O.N. (ed) *Vostochno-slavyanskoe i obshchee yazykoznanie* [East Slavic and general linguistics]. Moscow: Nauka. pp. 270–274.
16. Pyataeva, N.V. (2011) Diachronic description of lexical system of Russian through revealing and analysis of genetic paradigms. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki – Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 13. pp. 297–299. (In Russian).
17. Grigor'eva, N.S. (2013) Development of the root nest with the top *vera in the history of the Russian language. *Vestnik SamGU – Vestnik of Samara University*. 8/1 (109). pp. 61–66. (In Russian).
18. Bochkareva, G.A. (1980) [On the boundaries of root nests (on the material of prefixal verbs with associated roots)]. *Aktual'nye problemy russkogo slovoobrazovaniya* [Topical Issues of Russian Word Formation]. Proceedings of the III Republican Conference. Tashkent. 21–23 September 1978. Tashkent: Ukhtuvchi. pp. 135–142. (In Russian).
19. Shirshov, I.A. (1996) Granitsy slovoobrazovatel'nogo gnezda [The boundaries of the derivational nest]. *Filologicheskie nauki – Philological Sciences*. 5. pp. 43–54.
20. Il'ina, E.N. & Dracheva, Yu.N. (eds) (2015) *Sovremennyy russkiy yazyk: morfemika i slovoobrazovanie* [Modern Russian language: morphemic and word formation]. Vologda: Vologda State University.
21. Pyataeva, N.V. (2003) Ponyatie leksicheskogo gnezda v sovremennoy lingvistike (k probleme kvalifikatsii i klassifikatsii) [The concept of the lexical nest in modern linguistics (to the problem of qualification and classification)]. *Filologicheskii klass – Philological class*. 9. pp. 41–48.
22. Yatskevich, L.G. (ed.) (2002) *Morfemika i slovoobrazovanie russkogo yazyka* [Morphemic and Word Formation of the Russian Language]. Vologda: Rus'.
23. Varbot, Zh.Zh. (1968) Etimologiya [Etymology]. *Russkaya rech'*. 4. pp. 86–96.
24. Gorbushina, I.A. (2016) *Slovoobrazovatel'noe i etimologicheskoe gnezdo slov ot praslavyanskogo kornya *TER- v russkom yazyke na slavyanskom fone* [Word-formation and etymological nests of words from the Proto-Slavic root *TER- in Russian on a Slavic background]. Philology Cand. Diss. Moscow. [Online]. Available from: <http://www.ruslang.ru/doc/diss/gorbushina.pdf>. (Accessed: 1.03.2019).
25. Vinogradov, V.V. (1977) *Izbrannyye trudy: Leksikologiya i leksikografiya* [Selected Works: Lexicology and Lexicography]. Moscow: Nauka.
26. Tikhonov, A.N. (1994) Leksicheskie i slovoobrazovatel'nye gnezda kak edinitsy sravnitel'nogo izucheniya vostochnoslavyanskikh yazykov [Lexical and derivational nests as units of a comparative study of East Slavic languages]. In: Neshchimenko, G. (ed.) *Teoreticheskie i metodologicheskie problemy sopostavitel'nogo izucheniya slavyanskikh yazykov* [Theoretical and methodological problems of a comparative study of Slavic languages]. Moscow: Nauka. pp. 148–161.
27. Evseeva, I.V. (2014) *Sovremennyy russkiy yazyk. Aktual'nye voprosy morfemiki, morfonologii i slovoobrazovaniya* [Modern Russian language. Actual issues of morphemic, morphonology and word formation]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University.
28. Shirshov, I.A. (1999) *Teoreticheskie problemy gnezdovaniya* [Theoretical problems of nesting]. Moscow: Prometej.
29. Krasotkina, E.Yu. (2013) *Leksiko-slovoobrazovatel'noe gnezdo s dominantoy chast' v istorii russkogo yazyka* [The lexico-derivational nest with a dominant 'part' in the history of the Russian language]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
30. Achaeva, M.S. (2018) Symmetry and asymmetry of lexical derivational families with the base words empty/full in the Russian and English languages. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya Gumanitarnye i sotsial'nye nauki – Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series "Humanitarian and Social Sciences"*. 6. pp. 24–31. (In Russian). DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.6.24
31. Kryzhan, V.S. (2009) Eshche raz o printsipakh organizatsii leksicheskikh derivatov [Once again about the principles of the organization of lexical derivatives]. *Visnik Dnipropetrovs'kogo universitetu. Seriya Movoznavstvo*. 11:15 (1). pp. 138–146.
32. Kubryakova, E.S. (2004) *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniya o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge: On the way to gain knowledge of the language: Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

33. Arkhangel'skiy, V.L. (1964) *Ustoychivye frazy v sovremennom russkom yazyke. Osnovy teorii ustoychivyykh fraz i problemy obshchey frazeologii* [Fixed Phrases in Modern Russian. Fundamentals of the theory of stable phrases and problems of general phraseology]. Rostov-on-Don: Rostov State University.
34. Popova, A.R. (2008) Realization of derivational and phrase-creation potential of a lexical item of Russian language. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Gumanitarnye i sotsial'nye nauki – Scientific Notes of Orel State University. Humanities and Social Science*. 3. pp. 128–133.
35. Lapshina, S.S. (2011) *Osobennosti slovoobrazovatel'no-frazeologicheskogo kompleksa s polisemantom noga v sovremennom russkom yazyke* [Features of a derivational-phraseological complex with a polysemant leg in modern Russian]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
36. Vlasova, N.A. (1997) *Frazeologicheskoe gnezdo s vershinoy glaz v obshchenarodnom yazyke i govorkakh* [Phraseological nest with apex of eyes in the national language and dialects]. Abstract of Philology Cand. Diss. Orel.
37. Kupina, N.I. (2014) Aspects of French linguistic cultural phraseologisms (on the basis lexicological and phraseological field “internal organs”). *Nauchnye vedomosti. Gumanitarnye nauki – Scientific bulletin of Belgorod State University. Humanities Sciences*. 13 (184): 22. pp. 84–88. (In Russian).
38. Yurina, E.A. (2013) Russian food tradition in the mirror of language images: experience of lexicographical presentation. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 1 (3). pp. 63–80. (In Russian).
39. Popova, A.R. (2013) *Leksiko-frazeologicheskii kompleks kak rezul'tat realizatsii kreativnogo potentsiala leksicheskoy edinitsy* [The lexico-phraseological complex as a result of the realization of the creative potential of the lexical unit]. Abstract of Philology Dr. Diss. Orel.
40. Berezovich, E.L. & Krivoshchapova, Yu.A. (2015) Derivative-Phraseological Word Family Moscow in Russian and Foreign Languages. *Slavia*. 1 (84). pp. 82–94. (In Russian).
41. Chinchley, T.S. (1982) Slovoobrazovatel'noe i derivatsionnoe gnezdo [Word-forming and derivational nests]. In: Tikhonov, A.N. (ed.) *Aktual'nye problemy russkogo slovoobrazovaniya* [Actual problems of Russian word-formation.]. Tashkent: Tashkent State Pedagogical University Named after Nizami. pp. 44–46.
42. Nikitevich, V.M. (1985) *Osnovy nominativnoy derivatsii* [Basics of nominative derivation]. Minsk: Vysheysya shkola.
43. Serebrennikov, B.A. & Ufimtseva, A.A. (eds) (1977) *Yazykovaya nominatsiya. Vidy naimenovaniy* [Language nomination. Types of names]. Moscow: Nauka.
44. Bushuy, A.M. (1980) K izucheniyu derivatsionnykh protsessov vo frazeologii (na materiale russkogo yazyka) [To the study of derivational processes in phraseology (based on the material of the Russian language)]. In: Bondarenko, V.T. (ed.) *Problemy frazeologii* [Problems of phraseology]. Tula: Tula State Lev Tolstoy Pedagogical Institute. pp. 53–59.
45. Ermakova, E.N. (2006) Derivatsiya kak protsess frazoobrazovaniya i ee sledstviya [Derivation as a process of phrase formation and its consequences]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya Filologiya. Sotsial'nye kommunikatsii*. 19 (58): 04. pp. 241–245.
46. Nikitevich, A.V. (2014) A derivational nest as an object and a model in the theory of word-formation. In: Mengel, S. (ed.) *Slavische Wortbildung im Vergleich. Teoretische und pragmatische Aspekte*. Vol. 12. Berlin: LIT-Verlag Dr. W Hopf. pp. 576–589. (In Russian).
47. Kozlova, R.M. (1991) *Praslavyanskoe slovo v geneticheskom gnezde (Struktura praslavyanskogo slova)* [Proto-Slavic word in the genetic nest (Structure of proto-Slavic word)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Minsk.

Received: 13 September 2019

ФИЛОСОФИЯ

УДК 167+177+37.017

И.В. Мелик-Гайказян, Н.А. Первушина, Л.Г. Смышляева

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ БИОЭТИКИ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ СЦЕНАРИЕВ

Статья подготовлена в рамках выполнения темы № 35.5601.2017/БЧ Госзадания.

Представлена оригинальная интерпретация позиций педагогической биоэтики, дано обоснование необходимости реализации этих позиций в условиях неопределенности социальных сценариев и брэнности традиций, вызываемых темпами инноваций. На данных концептуальных основаниях выдвинута исследовательская программа создания своеобразного консалтинга, призванного оказать содействие личности в выработке индивидуального образовательного маршрута.

Ключевые слова: семиотика биоэтики; семиотика образования; нелинейная динамика; проблема измерения; диагностика эффективности; консалтинг.

В истории социальных состояний происходит чередование периодов их устойчивости и периодов их неустойчивости. В сравнительно долгие периоды социальной устойчивости будущее понимают как продолжение настоящего. Спектр возможных траекторий от действительности настоящего к прогнозируемому будущему формирует варианты социальных сценариев. Примером может служить выбор образования в периоды социальной устойчивости: образование понимают как повтор профессионального пути тех, кто его уже прошел. Проблему составляет то, что подобные результаты прогностической функции, сформированные в периоды социальной устойчивости, перестают быть действенными в период социальной неустойчивости. Полученное образование перестает быть связанным с будущей профессией, а профессиональная самореализация перестает иметь «образцы для подражания». Из сказанного следует, что, во-первых, в состоянии социальной неустойчивости резко сокращается временной интервал надежного прогноза, во-вторых, происходит зарождение новых социальных сценариев без опоры на опыт их осуществления. Указанные условия есть условия неопределенности социальных сценариев. Актуальность внимания педагогики к этим условиям определена характеристиками современной действительности как «общества знаний», как информационного общества и как постиндустриального общества. Все эти характеристики объединяет констатация доминирующей роли образования. Вместе с тем переживаемый период социальной неустойчивости ставит перед педагогикой проблемы выработки эффективных моделей профессиональной ориентации и самореализации. Цель статьи состоит в обосновании релевантности позиций биоэтики для выдвижения исследовательской программы решения обозначенных проблем.

Оправданием этой цели служит ряд преимуществ, которые мы усматриваем в позициях биоэтики.

1. Биоэтика стала формой защиты индивидуальности [1] не только в области биомедицины, но и в широкой области инновационных технологий, благодаря тому, что биоэтика стала основой гуманитарной экспертизы инноваций [2].

2. Биоэтика стала социальной институцией, сумевшей играть *разные*, но одинаково значимые роли сопровождения, ассистирования и поддержки инноваций [3–5].

3. Именно биоэтика обнаружила в новом социальном состоянии брэнность интеллектуальных традиций и сумела предложить свое измерение проблем профессионального образования [6–7].

4. Семиотическая сущность моделей биоэтики [8] соответствует необходимости в формировании наглядных целей современного образования [9–11] и обеспечивает методологическую возможность их реализации в формировании моделей профессиональной ориентации [12].

Все перечисленные преимущества стали следствием особого подхода к устройству коммуникации пациент–врач, при котором пациенту дано право выбрать свое понимание блага, а это уже предоставляет пациенту право выбирать партнера по диалогу в процессе лечения. Здесь стоит остановиться для подробного разъяснения той отправной точки, которая определяет все дальнейшее рассуждение, обосновывающее выдвигаемую нами исследовательскую программу. Акцентируем, что разъяснения будут оригинальными, т.е. они отсутствуют в дискурсе биоэтики и педагогики, они отсутствуют и в единичных работах, употребляющих словосочетание «педагогическая биоэтика» [13–15].

Упомянутое право выбора своего понимания блага имеет следующие особенности. Во-первых, выбору подлежит не само благо, а некий образ блага, что превращает объект выбора в комбинацию множественной символики блага. Причем в современной культуре эта комбинация может быть весьма эклектичной, поэтому мы говорим о символике блага, а не символе блага, понимая под символикой отдельные части «разбитого» символа. Во-вторых, выбирают не свое понимание блага, а понимание блага большинством и / или понимание, существующее в некой общности. Это обстоятельство ограничивает свободу выбора семиотическими параметрами той общности, к которой принадлежит человек, осуществляющий выбор. В-третьих, в действительности люди осуществляют не выбор из

всех имеющихся вариантов, а из известных им вариантов, т.е. из вариантов, нашедших широкую и наглядную презентацию, воплотивших себя в семиотическую реальность. Из зафиксированных нами особенностей мы делаем выводы о семиотической сущности биоэтики как социальной институции и о причине того быстрого темпа, с которым она завоевала свое место в современной действительности, формируемой тотальными инновациями, поскольку именно семиотические операторы управления обладают наибольшей эффективностью в постиндустриальном обществе. Сделанные выводы позволяют уточнить утверждение о том, что биоэтика есть «форма защиты индивидуальности в современной культуре» [1. С. 108], и выдвинуть тезис: биоэтика есть семиотическая форма защиты жизненных целей индивидуальности. Этот тезис указывает место биоэтики в педагогике. В педагогической теории и практике присутствует иллюзия: получение образования не может нанести вред. Это очень опасная иллюзия, поскольку вред нанести можно, если понять вред как напрасный расход самого ценного ресурса в жизни человека – времени. Необратимо потраченного времени на получение образования, не способствующего достижению индивидуальной цели. Подчеркнем, что речь идет не о хорошем / плохом образовании, а о нужном или не нужном образовании, о нужном для достижения индивидуальных целей, а не целей общества, работодателей и т.д.

Представленные разъяснения нашей позиции указывают на путь решения поставленной задачи – на методологию семиотических исследований.

Подходы и методы уже определены словами «неустойчивость» и «неопределенность», употребленными нами при характеристике постановки задачи и определении ее актуальности. Эти слова употреблены в качестве терминов нелинейной динамики, междисциплинарной области фундаментальных наук. Нелинейную динамику в отечественных гуманитарных исследованиях предпочитают называть синергетикой, или теорией самоорганизации сложных открытых систем. «Проблема “проектирования будущего”, поиска устойчивых и безопасных траекторий развития имеет непосредственное отношение к нелинейной динамике» [16. С. 17]. Поскольку есть в нелинейной динамике понятие очень перспективное для гуманитарных исследований и социальных наук – это «понятие притягивающего множества в фазовом пространстве, или *аттрактора*» [Там же. С. 39]. Перспективным это понятие является на том основании, что устанавливает объективные цели самоорганизующихся систем, *притягивающие* из асимптотически удаленного будущего актуальное настоящее. Данных в системе целей – аттракторов – может быть несколько. В конкурентной среде выигрыш – за «траекторией развития», устремленной к тому аттрактору, который станет действительным будущим. Цитаты из книги настоящих «синергетиков», физиков и очень успешных популяризаторов «синергетической парадигмы», казалось бы, должны внушать оптимизм в том, что большинство задач гуманитарных исследований обретает решение на прочном научном фундаменте. Элемент пессимизма вносит утверждение из этой же книги: «новые результаты главным образом были связаны с разработ-

кой эффективных численных методов» [16. С. 41]. Иными словами, без реализации численных методов любые версии «синергетического подхода» в гуманитарных исследованиях будут оставаться имитацией методологии. Реализация же численных методов затруднена нерешенностью в гуманитарных исследованиях проблемы измерения. Процедуры численных расчетов нужны для того, чтобы «выяснить, как меняется число и конфигурация возникающих структур при изменении какого-нибудь внешнего параметра или начальных данных. Эту задачу стали называть построение *бифуркационной диаграммы*. При этом под самым термином *бифуркация* подразумевали изменения числа или устойчивости решения определенного типа» [Там же. С. 9]. Окрестности точки бифуркации соответствуют неустойчивому состоянию в нелинейной динамике системы, в котором система способна сама выбирать дальнейшие траектории или сценарии эволюции. Выбор совершается в принципиальной степени случайно, что характеризует это состояние как неопределенное. Выбранный сценарий может вести к повышению значений управляющего параметра порядка, что диагностирует самоорганизацию, а может вести к понижению этого значения, что диагностирует самодезорганизацию. Избранный сценарий способен разрушающим путем к распаду и крушению системы, к «плохому» будущему, к «плохому» аттрактору. Траектория, ведущая в фазовом пространстве к аттрактору, является оптимальной, поскольку состояние аттрактора «притягивает», как водоворот течения в потоке реки. Приведенное сравнение лишь наглядно выражает то, что является приложением одного из инструментов нелинейной динамики. «Дифференциальные уравнения определяют потоки, задавая в каждой точке пространства вектор скорости, или, как говорят, при помощи *векторного поля*» [Там же. С. 39]. Мы могли бы привести цитаты, аналогичные по смыслу, из трудов тех, кто не столько предугадал нелинейную динамику, сколько специальными усилиями создавал ее основные идейные направления: В.И. Арнольд, А. Бергсон, А.Н. Колмогоров, С.П. Курдюмов, Т. Постон, И.Р. Пригожин, А. Пуанкаре, А.А. Самарский, Р. Тома, А. Тьюринг, А.Н. Уайтхед и далее еще долгий-долгий список славных имен. Из этого списка мы просто упомянули любимые нами имена. Выбор цитируемой книги обеспечен, во-первых, ее названием «Современные проблемы нелинейной динамики», свидетельствующим, что эта междисциплинарная область фундаментальных наук отнюдь не является чем-то ставшим. Она развивается, а потому еще обладает многими проблемами. Во-вторых, содержание всех цитат относится к ее раннему этапу, от которого нас уже отделяет более полувека.

Наглядность бифуркационных диаграмм сделала их очень популярными в дискурсе гуманитарных исследований. Но при этом забывалось, что это «считанная игра» (по словам одного литературного персонажа) и что вся эта наглядность принадлежит фазовому пространству, которое еще нужно умудриться задать. Итак, для применения результатов нелинейной динамики в гуманитарном исследовании необходимы как минимум аналоги процедур измерения, выяснения управляющего параметра, определения осей, задающих фазовое пространство, и вектора скорости.

Мы предлагаем прибегнуть к «обходному маневру». Обход проблемы измерения позволяет совершить семиотика, точнее, связь синергетики и семиотики, проявленная благодаря методологическим следствиям динамической теории информации. К этим методологическим следствиям отнесено [6–8] следующее: а) информация есть необратимый во времени процесс, состоящий из инвариантной последовательности стадий; б) результат каждой стадии воплощен в семиотической форме; в) информационные процессы есть механизмы самоорганизации социокультурных систем. Самым главным является возможность сопоставления фаз самоорганизации и стадий информационного процесса, т.е. возможность прибегнуть к рассчитываемым характеристикам информации и распределению этих характеристик по фазам и стадиям, если принять процессуальную сущность всего феномена информации. В контексте нашей задачи важны стадия генерации информации (состояние сильной неустойчивости, портретом которой является бифуркационная диаграмма), стадия трансляции информации (устойчивая траектория) и стадия формирования оператора (структура-аттрактор в качестве приближения к асимптотически удаленному аттрактору). Под оператором понимают способ и / или алгоритм для совершения целенаправленных действий, воплощение в действие результата генерации информации. За этими тремя стадиями «закреплены» свои характеристики. Стадию генерации информации, которая, кстати, отсутствует в кибернетической парадигме, характеризует ценность информации, рассчитываемая по соотношениям вероятностей достижения цели. Стадии трансляции информации соответствует характеристика количества информации, а стадии оператора – характеристика эффективности информации, определяемая по соотношению ценности и количества информации. Иными словами, по лаконичности способа, позволяющего достичь цели, зафиксированной в первоначальном выборе.

Эти стадии соответствуют реализации сценария, избранного в точке бифуркации. Следствие (а) дает представление о возможной процедуре диагностики ценности избираемого сценария для достижения цели и эффективности избираемого образования как оператора достижения цели. Следствие (б) служит основанием трактовки этой процедуры в качестве семиотической диагностики¹. Следствие (в) обозначает три разных направления диагностики эффективности образования: внутри системы образования; извне, т.е. со стороны социокультурного окружения системы образования; с позиции человека, получающего образование. Соотношение всех трех эффективностей служит аналогом управляющего параметра самоорганизации. Для рецепции результатов нелинейной динамики в нашей исследовательской программе нам осталось обнаружить аналогии фазового пространства. Их позволяет обнаружить пересечение биоэтики и педагогики. Семиотическое выражение понимания блага – это то общее, что объединяет биоэтику и педагогику [8, 17]. Устремленность к этому благу в его выраженности в символах культуры есть подобие вектора скорости [17], а символизм блага есть подобие «семиотического аттрактора» [7].

Парадигмы воспитания есть результаты этических теорий, основанных на определенном понимании блага [18], а их семиотическое воплощение есть так называемые образовательные среды, специфика которых выражена в их коммуникативном устройстве и в распределении ролей субъектов образования [17]. Аналогичное превращение совершила биоэтика: ее модели основаны на прикладном аспекте этических теорий, символизации ролей субъектов биомедицины и определении формата коммуникаций между ними [8], что диктует разные интерпретации одних и тех же принципов и правил². Проблему педагогики составляет отсутствие подобных правил и принципов, способных дать ясное представление о форматах коммуникации субъектов образования.

Таблица 1

Сопоставление моделей биоэтики и моделей образовательных сред

Модели образовательных сред [17]	Модели биоэтики [8]	Классические этические системы и их аксиологические интерпретации [18]	Характеристика границ сопоставляемых моделей
<i>Догматическая</i> субъекты образования находятся в полной зависимости от традиции, в которой универсально понимают благо	<i>Патерналистская</i> пациент изначально согласен с безальтернативным сценарием лечения, имеет равное право знать все и не знает ничего о своей болезни	<i>Альтруизм / Агапизм</i> человек содействует <i>целям других</i> , исходя из того, что каждый разумный человек считает благом	<i>зависимость</i> от довлеющего понимания блага; <i>подчиненность</i> целям других
<i>Карьерная</i> субъекты образования преследуют свои цели, но зависимы от внешних оценок их деятельности	<i>Совецательная</i> пациент имеет право на помощь / совет для выработки требований к сценарию лечения	<i>Перфекционизм</i> человек содействует <i>своим целям</i> , исходя из того, что каждый разумный человек считает благом	<i>зависимость</i> от довлеющего понимания блага; <i>активность</i> в выборе индивидуальной цели
<i>Безмятежная</i> субъекты образования подчинены целям друг друга, и свободны в выборе полезного для них	<i>Интерпретационная</i> пациент, исходя из своего понимания полезного для него, осуществляет выбор сценария лечения, имеет право на разъяснение ему всех рисков каждого из вариантов	<i>Утилитаризм</i> человек содействует <i>целям других</i> , исходя из своего понимания блага	<i>свобода</i> в выборе понимания блага; <i>подчиненность</i> целям других
<i>Творческая</i> субъекты образования самостоятельно выбирают друг друга, самостоятельно выбирают содержание своей деятельности и свободны от внешних оценок своей деятельности	<i>Инновационная</i> пациент самостоятельно выбирает желаемый им сценарий лечения / диагностики и несет ответственность за совершаемый выбор; врач реализует методы лечения и диагностики, основанные на его личном исследовательском и / или специальном опыте	<i>Гедонизм</i> человек содействует <i>своим целям</i> , исходя из своего понимания блага	<i>свобода</i> в выборе понимания блага; <i>активность</i> в выборе индивидуальной цели

Содержание таблицы показывает границы, в которых существуют коммуникативные форматы, распределяющие роли субъектов. Эти границы – свобода, зависимость, активность и подчиненность – задают аналоги осей пространства – состояний образования, в которых возможно произвести оценку его эффективности, а также диагностику меры и направлений воздействий социокультурного окружения систем образования.

Таблица содержит рискованную часть выдвигаемой исследовательской программы. Эта часть носит риск методологического характера. Точнее, часть, требующая дополнительной методологической работы. До сих пор лишь предположения остаются несколько моментов. К ним относится, во-первых, корректность аналогов векторных величин. В работе В.А. Ясвина [19] была предложена «векторная модель», в которой воспитывающие среды, предложенные Я. Корчаком (безмятежная, догматическая, карьерная, идейная), дали названия образовательным средам. «Векторная модель» служила диагностикой образовательных учреждений по положению «вектора» в координатных осях свобода / зависимость и активность / пассивность. Графика этой модели напоминала школьную иллюстрацию вектора единичной окружности. Эта модель была модифицирована [20] для установления не двухмерного пространства, а четырехмерного пространства (зависимость не создает область отрицательных значений свободы) на основе интерпретации «этического квадрата», созданного Р.Г. Апресяном [21]. Позднее было найдено обращение к вектору единичной окружности на основе характеристик информации, которые принимают значение от 0 до 1 [7, 17]. Но использование этого вектора еще очень далеко от перехода к вектору скорости, что требует дальнейшей методологической работы. Во-вторых, в представленной модификации [20] оси получили интерпретацию, схожую с теми границами, которые указаны в табл. 1. Обсуждение с Р.Г. Апресяном корреспонденции образовательных сред и классических этических систем вызвало возражение. Главное возражение Р.Г. Апресяна касалось корреспонденции безмятежной образовательной среды и утилитаризма. Итогом дискуссии стала публикация [18], инициированная одним из авторов данной статьи. Дальнейшей работы заслуживают поиски корреспонденций не только с классическими этическими системами, но и с частными этическими теориями, реализуемыми в образовательной практике³. В-третьих, утверждения о семиотической сущности образования [17] и семиотической сущности биоэтики [8] сделаны впервые, т.е. не получили еще серьезного обсуждения. Кроме того, обращение к нелинейной динамике требует концептуальной разработки того, что мы рискуем назвать «фундаментальной семиотикой». Требуется разработки и способы ответа на вопрос: что собственно визуализируют «экспонаты» [23] социокультурной динамики? Получение ответа мы видим в направлениях семиотических исследований (например [24–25]), в которых преодолеваются рамки простого описания наглядного. В-четвертых, именование образовательных сред повторяет назва-

ния воспитывающих сред семейного воспитания, обобщенных в книге Я. Корчака «Как любить ребенка». Экстраполяция этой классификации на все образовательное пространство следует логическим культам софистики. «Любить» подменяют словом «учить», «ребенка» – словами «учащиеся» или «обучаемые» и т.д. Или следуют тавтологии, применяя тактику «семейного» воспитания (семья по определению состоит из людей разных возрастов) к «разновозрастным» коллективам. Мы осознаем высказанные опасения. Оправданием того, что в предлагаемой исследовательской программе мы не изменяем именованных, служит применение этой классификации к тактике, поддерживающей стремление индивидуальности к своей личной цели. В этом смысле, отвечающем инициативам биоэтики, мы стремимся создать своеобразный консалтинг, осуществляемый в той степени сочувствия и заинтересованности, которая близка к «семейной», причем стиль воспитывающей среды выбирает тот, кто испытывает потребность в функциях консалтинга.

Основные направления исследовательской программы определены с позиции реализации представленных методов и оригинальной интерпретации педагогической биоэтики, обосновывающей тезис: «биоэтика есть семиотическая форма защиты жизненных целей индивидуальности», что определяет место биоэтики в современной педагогике. Предложенная интерпретация обеспечивает релевантность концепции решению проблем, связанных с профессиональной ориентацией и самореализацией в условиях неопределенности социальных сценариев, поскольку темп инноваций вызывает состояние неустойчивости, что, в свою очередь, обнаруживает брэнность традиционных сценариев. Вместе с тем взгляд на все образовательное пространство (табл. 1), способ диагностики трех сторон эффективности систем образования и обнаружение «семиотических аттракторов» социокультурной динамики позволяют сформировать консалтинг, защищающий и поддерживающий стремление индивидуальности к своей цели.

1. Исследование возможности создания алгоритма для разработки индивидуального образовательного маршрута. Неоднородность образовательного пространства имеет границы (табл. 1), разделяющие его этический фундамент. Совмещение коммуникационных форматов, оказывающих воспитывающее воздействие на образ мысли и на расстановку жизненных приоритетов, производят без их проверки «на совместимость» [20]. Эта практика способна лишить эффективности получаемое человеком образование, дезориентировать его в следовании собственной цели. Ситуацию усугубляет так называемое проффильное образование, вынуждающее очень рано выбрать направление своей профессиональной ориентации. При этом смена профессиональной ориентации на протяжении жизни уменьшает эффективность самого образования. То есть самореализация может быть достигнута не благодаря полученному образованию, а вопреки ему. В контексте так называемой неопределенности мира профессий будущего отмеченная ситуация грозит стать критической. Наше насто-

ящее стало тем будущим, которое достаточно точно характеризовал Э. Тоффлер, указывающий на основные результаты образования: уметь самостоятельно приобретать знания, уметь выстраивать коммуникации в профессиональном сообществе и уметь совершать выбор [26. С. 450–452]. Заметим, что умение совершать выбор становится результатом полученного образования, т.е. уже после того, как осуществлен выбор самого образования. Предлагаемый нами консалтинг призван ассистировать процессу выбора образования. Идея консалтинга контрастирует с профессиональной ориентацией, так как акцент делается не на выборе профессии, а на *выборе стиля и образа жизни*. Это семиотическое выражение цели способно диагностировать действительные устремления индивидуальности, что на основе характеристики ценности информации открывает возможность для алгоритмизации эффективного образовательного маршрута через множество разнородных сред воспитания и обучения. Предлагаемый нами консалтинг контрастирует с лучшими его образцами, разработанными к настоящему времени [Ibid.]. Контраст подобен разнице между медицинской этикой и биоэтикой. Медицинская этика и консалтинг в образовании [27–28] есть регуляторы, соответственно, лечения и обучения, существующие *внутри* профессиональных корпораций. Биоэтика обнаружила брэнность интеллектуальных традиций, поставив себя во *внешнюю* позицию, поставив себя на место человека, находящегося в уязвимом положении. По аналогии с этим предлагаемый нами консалтинг измеряет эффективность образования с позиции человека, получающего образование. Изменение остается метафорой в гуманитарных исследованиях. Эту процедуру в педагогических исследованиях подменяют диагностикой, подтверждаемой неким статистическим анализом. Причем таким анализом, который *всегда* подтверждает эффективность предлагаемой новации. Итак, обозначенное направление исследовательской программы предназначено для создания алгоритма, который формализует соотношение операторов социокультурных и образовательных систем, выступающих как контексты достижения целей индивидуальности.

2. Разработка принципов и правил защиты индивидуальности от символизма навязываемых ему целей. В социальном состоянии, всецело подчиненном инновациям, для индивидуальности и для всех общностей индивидуальностей необходима защита от навязываемого им будущего. Эту защиту предполагает предоставлять сопровождающая функция предлагаемого консалтинга. Функция сопровождения состоит в том, что защиту предоставляют уникальным предпочтениям индивидуальности, исходя из индивидуальных устремлений к будущему. В этом смысле консалтинг противостоит властному эгоизму социальных утопий⁴. Консалтинг в качестве социальной институции может и должен расширить свое присутствие в состоянии неопределенностей социальных сценариев. Это расширение может и должно произойти за счет охвата областей, связанных с профессиональной ориентацией и самореализацией. Оптимизм высказанных утверждений основан на пути, быстро

пройденном биоэтикой, который был начат с достаточно специальной темы – обсуждения потенциалов биомедицины для модификаций человека и обозначения границ реализаций этих потенциалов⁵. Полностью оправданными были признаны новации, направленные на восполнение нормы, что бы под этой нормой не понималось. Тревоги биоэтики были связаны с призывами превышать норму на основе различных новаций. Современное образование, «обслуживая» социальный заказ на вундеркиндов и на внешние признаки ранней самореализации, сосредоточено на реализации способов превосходства над нормой. Эта практика обозначает область применения разрабатываемого нами консалтинга в сложившейся в биоэтике роли сопровождения действительной самореализации на основе получаемого образования. Мы понимаем, что в этом направлении исследовательской программы предстоит долгий путь, который нам вряд ли удастся пройти до завершения. Вместе с тем считаем важным его определение для привлечения внимания к выдвиганию и обсуждению педагогических аналогов правил и принципов биоэтики.

3. Выяснение путей и способов внедрения достижений нейронаук, оптимизирующих процессы обучения. Должны предупредить, что это самое трудное направление исследовательской программы, поскольку в нем мы будем вынуждены не столько проводить собственные изыскания, сколько интерпретировать результаты зарубежных коллег.

Исследования нейрофизиологов доказывают, что при обучении мозг изменяется физически, но само обучение происходит постоянно и не всегда целенаправленно [30]. Революцию в нейронауках совершило открытие зеркальных нейронов [31–32]. Было выяснено, что зеркальные нейроны связаны с функционированием механизмов сложной имитации, абстрактным мышлением, сопереживанием, обучением, рецепцией эмоционального фона и намерений другого субъекта [33]. Знание того, как функционируют зеркальные нейроны, способствовало разработке оригинальных способов обучения языку и приобретению новых навыков через подражание [33–35]. Это создает новые техники индивидуализированного обучения. В частности, может быть выяснена вариативная необходимость в «стенографировании» лекций, способном снизить эффективность обучения, или в их «перефразировании» [36]. Мы указали здесь ничтожную часть из приложений нейронаук в образовании, демонстрирующих возможности для создания новой парадигмы преподавания. Эти возможности требуют и специальных исследований, и интерпретаций уже имеющегося опыта применения.

Новые техники существенно оптимизируют обучение взрослых, т.е. в том образовании, в котором человек по-настоящему становится активным участником образовательного процесса [37], несущем личную ответственность за его итоги. Однако сила формируемых техник акцентирует необходимость в консалтинге, в его поддерживающей функции, поскольку формат обучения оказывает необратимое когнитивное и телесное воздействие [38–39]. Стоит принять во внимание, что «новый ключ» к пониманию психофи-

зиологической составляющей интерпретации образов и опыта [40] требует переосмысления неклассической психологии Л.С. Выготского, акцентирующего семиотические аспекты, что получило потом развитие в нейропсихологии [41]. Необходимо и новое внимание к психологическим форматам коммуникаций, реализуемых в разных образовательных средах, что станет предметом разработки поддерживающей функции

предлагаемого нами консалтинга. Успех этой ориентации исследований обеспечит модификация методов в том русле, которой был нами назван «фундаментальной семиотикой».

Концептуальное обеспечение перечисленных функций консалтинга – сопровождения, ассистирования и поддержки – составляют направления представленной исследовательской программы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Обратим внимание на один нюанс: смена стадий информационного процесса обладает необратимостью (например, генерацию сигнала и трансляцию сигнала нельзя поменять местами), а вот семиотическая динамика такого качества лишена, что демонстрирует, в частности, автокоммуникация. Отмеченный нюанс дает объяснение «живучести» семиотических структур и их постоянному возвращению из прошлого в настоящее.

² Известные принципы и правила, разработанные Т. Бичампом и Дж. Чилдресом. Принципы: «не навреди», «делай благо», справедливости, уважения автономии пациента. Правила: правдивости, конфиденциальности, информированного согласия.

³ Пример безграмотного применения [22] нашей модели доказывает необходимость более ясной аргументации.

⁴ Признаком утопии является обещание одинакового для всех счастья в удаленном времени и / или удаленном пространстве, что характерно для всех социальных технологий, в том числе – для педагогических технологий.

⁵ Представление об основных направлениях этих дискуссий может дать статья Б.Г. Юдина [29].

ЛИТЕРАТУРА

1. Мещерякова Т.В. Биоэтика как форма защиты индивидуальности в современной культуре // Высшее образование в России. 2009. № 10. С. 108–112.
2. Тищенко П.Д., Юдин Б.Г. Звездный час философии // Вопросы философии. 2015. № 12. С. 198–203.
3. Брызгалина Е.В., Аласания К.Ю., Садовничий В.А., Миронов В.В., Гавриленко С.М., Вархотов Т.А., Шкомова Е.М., Набиуллина Е.А. Социально-гуманитарная экспертиза функционирования национальных депозитариев биоматериалов // Вопросы философии. 2016. № 2. С. 8–21.
4. Вархотов Т.А., Гавриленко С.М., Стамбольский Д.В., Огородова Л.М., Брызгалина Е.В., Аласания К.Ю. Задачи социально-гуманитарного сопровождения создания национального банка-депозитария биоматериалов в России // Вопросы философии. 2016. № 3. С. 124–138.
5. Вархотов Т.А., Аласания К.Ю., Брызгалина Е.В., Гавриленко С.М., Рыжов А.Л., Шкомова Е.М. Технонаука и этос ученого: контуры этики биобанкинга глазами российского научного сообщества (по результатам опроса специалистов в области биомедицины и смежных видов деятельности) // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2018. № 4. С. 61–83.
6. Мелик-Гайказян И.В. Диагностика *metagogy-turn*, или биоэтическое измерение проблем профессионального образования // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 4 (119). С. 244–247.
7. Melik-Gaykazyan I.V., Melik-Gaykazyan M.V., Mescheryakova T.V., Sokolova N.S. Model of Bioethics as “Semiotic Attractors” for Diagnosing Innovative Strategies of Training Specialists for NBICS-Technologies Niche // SHS Web of Conferences. 2016. Vol. 28. DOI: 10.1051/shsconf/20162801069
8. Мелик-Гайказян И.В. Диагностика моделей биоэтики // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 45. С. 75–82.
9. Касавин И.Т., Тухватулина Л.А. Образование как «продолжение политики другими средствами»: Дж.Ст. Милль и У. Хьюэлл об идее университета // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2018. № 4. С. 148–168.
10. Червонный М.А. Визуализация в обучении школьников физике и математики и в подготовке будущих учителей // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2018. № 4. С. 235–250.
11. Шерайзина Р.М., Донина И.А., Александрова М.В. Реализация идей диверсификационного менеджмента в управлении современной образовательной организацией // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2018. № 4. С. 251–262.
12. Первушина Н.А. Педагогическая биоэтика: семиотический аспект // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2018. № 4. С. 186–201.
13. Швец И.М., Добротина Н.А., Веселов А.П. Педагогика и биоэтика: проблемы взаимоотношений // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 4 (1). С. 43–40.
14. Губенко А. Модели интегративной биоэтики в разных странах // Філософія освіти. 2016. № 2 (19). С. 206–217.
15. Трошин В.Д., Добротина Н.А. Современная биоэтика. Н. Новгород : Изд-во НижГМА, 2017. 308 с.
16. Малинецкий Г.Г., Потапов А.Б. Современные проблемы нелинейной динамики. М. : Эдиториал УРСС, 2000. 336 с.
17. Мелик-Гайказян И.В. Семиотика образования или «ключи» и «отмычки» к моделированию образовательных систем // Идеи и идеалы. 2014. Т. 1, № 4. С. 14–27.
18. Апресян Р.Г. Ценностные парадигмы воспитания // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2008. № 1. С. 89–94.
19. Ясвин В.А. Образовательная среда. От моделирования к проектированию. М. : Смысл, 2001. 365 с.
20. Мелик-Гайказян И.В. Методология моделирования структур элитного образования // Высшее образование в России. 2005. № 11. С. 57–75.
21. Апресян Р.Г. Идея морали и базовые нормативно-этические программы. М. : ИФРАН, 1995. 353 с.
22. Лобанов В.В. Развитие коллектива в векторной схеме педагогических отношений // Проблемы современного педагогического образования. 2016. № 3 (52). С. 153–160. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26184462> (дата обращения: 10.06.2019).
23. Писарев А.А. К истории музеев науки: визуализацией чего являются экспонаты? (Случай Африканского зала Американского музея естественной истории) // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2018. № 4. С. 202–221.
24. Борисов Е.В. Неявные аргументы визуальных предикатов // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2018. № 4. С. 49–61.
25. Суворцев В.А., Родин К.А. Людвиг Витгенштейн о логике цветовых понятий // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2018. № 4. С. 222–234.
26. Тоффлер Э. Шок будущего: пер. с англ. М. : АСТ, 2001. 560 с.
27. Rowan-Kenyon H.T., Savitz-Romer M., Ott M., Swan A., Liu P. Finding conceptual coherence: Trends and alignment in the scholarship on non-cognitive skills and their role in college success and career readiness // Higher education: Handbook of theory and research. Springer; Cham. 2017. P. 141–179.
28. Savitz-Romer M. Fulfilling the Promise: Reimagining School Counseling to Advance Student Success. Harvard Education Press, 2019. 240 p.
29. Юдин Б.Г. Чтоб сказку сделать былью? (Конструирование человека) // Бюллетень сибирской медицины. 2006. Т. 5, № 5. С. 7–19.

30. Zuk J., Benjamin C., Kenyon A., Gaab N. Behavioral and neural correlates of executive functioning in musicians and non-musicians // *PloS one*. 2014. Vol. 9, № 6. P. e99868.
31. Rizzolatti G., Craighero L. The mirror-neuron system // *Annu. Rev. Neurosci.* 2004. Vol. 27. P. 169–192.
32. Rizzolatti G., Fadiga L., Gallese V., Fogassi L. Premotor cortex and the recognition of motor actions // *Cognitive brain research*. 1996. Vol. 3, № 2. P. 131–141.
33. Dapretto M., Davies M.S., Pfeifer J.H., Scott A.A., Sigman M., Bookheimer S.Y., Iacoboni M. Understanding emotions in others: Mirror neuron dysfunction in children with autism spectrum disorders // *Nature neuroscience*. 2006. Vol. 9, № 1. P. 28–30.
34. Arbib M. From monkey-like action recognition to human language: An evolutionary framework for neurolinguistics // *Behavioral Brain Sciences*. 2005. Vol. 28, № 2. P. 105–124.
35. Arbib M. The mirror system hypothesis. Linking language to theory of mind // *Behavioral Brain Sciences*. 2004. Vol. 16. P. 15–28.
36. Mueller P.A., Oppenheimer D.M. The pen is mightier than the keyboard: Advantages of longhand over laptop note taking // *Psychological science*. 2014. Vol. 25, № 6. P. 1159–1168.
37. Смышляева Л.Г. Возможности современных образовательных технологий для реализации компетентностно-ориентированных андрагогических программ // *Сибирский педагогический журнал*. 2009. № 4. С. 55–64.
38. Pervushina N.A. Neuropedagogy and Bioethics' Symbolism: a Place in Knowledge Management // *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS*. Vol. XXXV. 2018. P. 1048–1056.
39. Горбулёва М.С. Применимость принципов биоэтики в высшем образовании // *Высшее образование в России*. 2013. № 2. С. 116–121.
40. Лебедева Н.Н., Zufman A.I., Мальцев В.Ю. Система зеркальных нейронов мозга: ключ к обучению, формированию личности и пониманию чужого сознания // *Успехи физиологических наук*. 2017. Т. 48, № 4. С. 16–28.
41. Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // *Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1: Вопросы теории и истории психологии*. М. : Педагогика, 1982. 488 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 21 июня 2018 г.

The Research Program of Pedagogical Bioethics in the Conditions of Uncertainty of Social Scenarios

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 448, 83–90.

DOI: 10.17223/15617793/448/10

Irina V. Melik-Gaykazyan, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: melik-irina@yandex.ru

Nina A. Pervushina, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: pervushina_na@mail.ru

Larisa G. Smyshlyaeva, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: laris.s@mail.ru

Keywords: semiotics of bioethics; semiotics of education; nonlinear dynamics; measurement problem; diagnostics of efficiency; consulting.

The original concept of pedagogical bioethics is presented. It is based on the substantiation of the thesis “bioethics is a semiotic form of protecting the life goals of individuality,” which determines the place of bioethics in modern pedagogy. The relevance of the concept to the solving of problems related to the professional orientation and self-realization in the conditions of the uncertainty of social scenarios, that is, in social instability conditions under which the frailty of traditional scenarios is revealed, is substantiated. The description of these conditions in terms of “instability” and “uncertainty” caused an appeal to the found interrelationship between the nonlinear dynamics methodology and the methodology of semiotic research. The correspondence between these methodological directions is set forth. The essence of the correspondence is the characteristics of information: value, quantity and efficiency. The value of information, calculated by the probabilities of the achieving of a goal, characterizes the process of making a choice between different scenarios as well as the correspondence of the symbolics of an individual goal to the symbolism of the good. The efficiency of information characterizes the way to achieve a goal depending on its brevity. On the basis of these characteristics, three different directions of the diagnostics of education efficiency are proposed: from within the educational system; from outside, that is, from the side of the sociocultural environment of the educational system; and from the perspective of the person receiving an education. All of the listed directions are methods of semiotic diagnostics of the states of uncertainty of social scenarios. The ascertaining of the semiotic essence of bioethics models and models of educational environments makes it possible to establish their intersection. Such an interpretation of the concept of pedagogical bioethics allows substantiating the need for consulting to accompany, assist and support in the processes of implementing individual educational routes. The relevance of such consulting is determined by the conditions of the uncertainty of social scenarios, which makes it impossible for an individual to be guided by reliable “role models”. This circumstance determines the direction of the research program: (1) the study of the possibility of creating an algorithm for developing an individual educational route; (2) development of principles and rules for the protection of individuality against the symbolism of imposed goals; (3) ascertainment of the ways and means of the implementation of neuroscience achievements which optimize learning processes, which reveals particular relevance in the continuing adult education.

REFERENCES

1. Meshcheryakova, T.V. (2009) Bioetika kak forma zashchity individual'nosti v sovremennoy kul'ture [Bioethics as a form of protection of individuality in modern culture]. *Vysshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*. 10. pp. 108–112.
2. Tishchenko, P.D. & Yudin, B.G. (2015) Neuroethics and Biopolitics of Cognitive Enhancement Biotechnologies. *Voprosy filosofii*. 12. pp. (In Russian). 198–203. DOI: 10.31857/S004287440000231-9
3. Bryzgalina, E.V. et al. (2016) The Social and Humanitarian Expertise of Functioning of the National Depositories of Biomaterials. *Voprosy filosofii*. 2. pp. 8–21. (In Russian).
4. Varkhotov, T.A. et al. (2016) The Objectives of Social and Humanitarian Support to the Establishment of the National Depository Bank of Biomaterials in Russia. *Voprosy filosofii*. 3. pp. 124–138. (In Russian).
5. Varkhotov, T.A. et al. (2018) Techno-science and the scientific ethos: the outlines of ethics of biobanking through the eyes of the Russian scientific community (based on a survey of specialists in the field of biomedicine and related research activities). *IIPAEHMA. Problemy vizual'noy semiotiki – IIPAEHMA. Journal of Visual Semiotics*. 4. pp. 61–83. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2018-4-61-83
6. Melik-Gaykazyan, I.V. (2012) Diagnosis of memory-turn or bioethics measurement problems of vocational education. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 4 (119). pp. 244–247. (In Russian).
7. Melik-Gaykazyan, I.V. et al. (2016) Model of Bioethics as “Semiotic Attractors” for Diagnosing Innovative Strategies of Training Specialists for NBICS-Technologies Niche. *SHS Web of Conferences*. Vol. 28. DOI: 10.1051/shsconf/20162801069

8. Melik-Gaykazyan, I.V. (2018) Diagnosis of bioethics models. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 45. pp. 75–82. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/45/8
9. Kasavin, I.T. & Tukhvatulina, L.A. (2018) Education as the “continuation of politics by other means”: J. S. Mill and W. Whewell on the idea of university. *IIPAЭHMA. Problemy vizual'noy semiotiki – IIPAЭHMA. Journal of Visual Semiotics*. 4. pp. 148–168. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2018-4-148-168
10. Chervonnyy, M.A. (2018) Visualization in teaching mathematics and physics for schoolchildren and in training future teachers. *IIPAЭHMA. Problemy vizual'noy semiotiki – IIPAЭHMA. Journal of Visual Semiotics*. 4. pp. 235–250. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2018-4-235-250
11. Sherayzina, R.M., Donina, I.A. & Aleksandrova, M.V. (2018) Implementation of ideas of diversification management in the management of a modern educational organization. *IIPAЭHMA. Problemy vizual'noy semiotiki – IIPAЭHMA. Journal of Visual Semiotics*. 4. pp. 251–262. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2018-4-251-262
12. Pervushina, N.A. (2018) Pedagogical bioethics: a semiotic aspect. *IIPAЭHMA. Problemy vizual'noy semiotiki – IIPAЭHMA. Journal of Visual Semiotics*. 4. pp. 186–201. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2018-4-186-201
13. Shvets, I.M., Dobrotina, N.A. & Veselov, A.P. (2012) Pedagogics and bioethics: Problems of relationship. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 4 (1). pp. 43–40. (In Russian).
14. Gubenko, A. (2016) Modeli integrativnoy bioetiki v raznykh stranakh [Models of integrative bioethics in different countries]. *Filosofiya osviti – Philosophy of Education*. 2 (19). pp. 206–217.
15. Troshin, V.D. & Dobrotina, N.A. (2017) *Sovremennaya bioetika* [Modern bioethics]. Nizhny Novgorod: Izd-vo NizhGMA.
16. Malinetskiy, G.G. & Potapov, A.B. (2000) *Sovremennyye problemy nelineynoy dinamiki* [Modern problems of nonlinear dynamics]. Moscow: Editorial URSS.
17. Melik-Gaykazyan, I.V. (2014) Semiotics of education or “keys” and “lock picks” to the modelling of educational systems. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*. 1(4). pp. 14–27. (In Russian).
18. Apresyan, R.G. (2008) Value Paradigms of Education. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 1. pp. 89–94. (In Russian).
19. Yasvin, V.A. (2001) *Obrazovatel'naya sreda. Ot modelirovaniya k proektirovaniyu* [Educational environment. From modeling to design]. Moscow: Smysl.
20. Melik-Gaykazyan, I.V. (2005) Metodologiya modelirovaniya struktur elitnogo obrazovaniya [The methodology for modeling the structures of elite education]. *Vysshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*. 11. pp. 57–75.
21. Apresyan, R.G. (1995) *Ideya morali i bazovye normativno-eticheskie programmy* [The idea of morality and basic regulatory and ethical programs]. Moscow: Institute of Philosophy RAS.
22. Lobanov, V.V. (2016) Staff development in the vector diagram of the pedagogical relation. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya – Problems of Modern Pedagogical Education*. 3 (52). pp. 153–160. [Online] Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26184462>. (Accessed: 10.06.2019). (In Russian).
23. Pisarev, A.A. (2018) On the history of science museums: What do exhibits visualize? (A case of the Hall of African Peoples in the American Museum of Natural History). *IIPAЭHMA. Problemy vizual'noy semiotiki – IIPAЭHMA. Journal of Visual Semiotics*. 4. pp. 202–221. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2018-4-202-221
24. Borisov, E.V. (2018) Hidden arguments of visual predicates. *IIPAЭHMA. Problemy vizual'noy semiotiki – IIPAЭHMA. Journal of Visual Semiotics*. 4. pp. 49–61. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2018-4-49-60
25. Surovtsev, V.A. & Rodin, K.A. (2018) Ludwig Wittgenstein on color concepts and their logic. *IIPAЭHMA. Problemy vizual'noy semiotiki – IIPAЭHMA. Journal of Visual Semiotics*. 4. pp. 222–234. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2018-4-222-234
26. Toffler, A. (2001) *Shok budushchego* [Future Shock]. Translated from English. Moscow: AST.
27. Rowan-Kenyon, H.T. et al. (2017) Finding conceptual coherence: Trends and alignment in the scholarship on noncognitive skills and their role in college success and career readiness. In: Paulsen, M.B. (ed.) *Higher education: Handbook of theory and research*. Springer. pp. 141–179.
28. Savitz-Romer, M. (2019) *Fulfilling the Promise: Reimagining School Counseling to Advance Student Success*. Harvard Education Press.
29. Yudin, B.G. (2006) To make a dream true? (Human engineering). *Byulleten' sibirskoy meditsiny – Bulletin of Siberian Medicine*. 5 (5). pp. 7–19. (In Russian).
30. Zuk, J. et al. (2014) Behavioral and neural correlates of executive functioning in musicians and non-musicians. *PLoS One*. 9 (6). p. e99868.
31. Rizzolatti, G. & Craighero, L. (2004) The mirror-neuron system. *Annu. Rev. Neurosci.* 27. pp. 169–192.
32. Rizzolatti, G. et al. (1996) Premotor cortex and the recognition of motor actions. *Cognitive Brain Research*. 3 (2). pp. 131–141.
33. Dapretto, M. et al. (2006) Understanding emotions in others: Mirror neuron dysfunction in children with autism spectrum disorders // *Nature neuroscience*. Vol. 9, № 1. P. 28–30.
34. Arbib, M. (2005) From monkey-like action recognition to human language: An evolutionary framework for neurolinguistics. *Behavioral Brain Sciences*. 28 (2). pp. 105–124.
35. Arbib, M. (2004) The mirror system hypothesis. Linking language to theory of mind. *Behavioral Brain Sciences*. 16. pp. 15–28.
36. Mueller, P.A. & Oppenheimer, D.M. (2014) The pen is mightier than the keyboard: Advantages of longhand over laptop note taking. *Psychological Science*. 25 (6). pp. 1159–1168.
37. Smyshlyaeva, L.G. (2009) The opportunities of modern educational technologies for implementing of competenceoriented andragogic programs. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal – Siberian Pedagogical Journal*. 4. pp. 55–64. (In Russian).
38. Pervushina, N.A. (2018) Neuropedagogy and Bioethics' Symbolism: a Place in Knowledge Management. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS*. Vol. XXXV. pp. 1048–1056. DOI: 10.15405/epsbs.2018.02.123
39. Gorbuleva, M.S. (2013) Primenimost' printsipov bioetiki v vysshem obrazovanii [Applicability of the bioethics principles in higher education]. *Vysshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*. 2. pp. 116–121.
40. Lebedeva, N.N. et al. (2017) Mirror Neuron System as a Key to Learning, Personality Formation and Understanding of Another's Mind. *Uspekhi fiziologicheskikh nauk*. 48 (4). pp. 16–28. (In Russian).
41. Vygotskiy, L.S. (1982) Istoricheskiy smysl psikhologicheskogo krizisa [The historical meaning of the psychological crisis]. In: Zaporozhets, A.R. (ed.) *Sobranie sochineniy: v 6 t.* [Collected Works: in 6 vols]. Vol. 1. Moscow: Pedagogika.

Received: 21 June 2018

В.А. Миронов

НАУЧНОЕ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ГЕОЛОГИИ: К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМЕ НЕОДНОЗНАЧНОСТИ ПОНЯТИЯ «ГЕОЛОГИЯ»

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 18-39-20008.

Рассматривается проблема неоднозначности понятия «геология» через сравнение понимания «геологии» в образовании и в философии науки. Отмечается, что в рамках философии науки методологические проблемы геологии как специальности, т.е. региональной геологии, занимающейся геологическим картированием, не рассматривались. Целью исследования является актуализация методологических проблем региональной геологии в контексте нарративного подхода.

Ключевые слова: геология; региональная геология; геологическая карта; герменевтика; нарратив; интерпретация; философия геологии.

Несмотря на то, что подавляющая часть работ по философии геологии начинается с констатации факта несоответствия укрепившихся в научном сообществе представлений о методологии естествознания и специфике методологии геологии, в данной статье, в силу малой степени известности данной темы, будут также кратко рассмотрены основные методологические проблемы геологического знания. Если исходить из основной проблематики методологии геологии, то стоит упомянуть ряд таких магистральных проблем:

– ограниченность экспериментальной проверки геологических гипотез и невозможность строгой экспериментальной проверки прошлого и глубинных структур Земли дают основания для сомнения в достоверности и, как следствие, в научности геологических гипотез;

– понимание геологии как комплекса геологических дисциплин с методами различной точности, которое позволяет утверждать, что «геология» – это не единая наука, а скорее направление наук о Земле;

– отсутствие строгого и единого определения понятия «геология» в научной среде, что также не способствует прояснению специфики геологического познания.

Каждая из этих проблем уже была так или иначе затронута в предыдущих работах как автором данной статьи, так и другими исследователями. Однако, как и любая другая научная или же философская дисциплина, философия геологии имеет большой потенциал развития, что говорит о необходимости совершенствования предыдущих работ в данном направлении.

В одной из предыдущих статей «Трансформация содержания понятия геология...» [1] было исследовано три магистральных определения понятия «геология», которое встречается в философско-методологической литературе, а именно «геология как история Земли», «геология как учение о полезных ископаемых» и «геология как комплекс наук о Земле». На основании проделанного исследования было указано, что в наибольшей степени нуждаются в философско-методологической обработке два понимания понятия «геология», а именно «геология как история Земли», а также «геология как комплекс наук о Земле». Однако все три указанных магистральных

понимания понятия «геология» не исчерпывают все грани геологического познания, хотя позволяют наметить некоторые направления философской рефлексии по данной теме.

Во время выступлений на конференциях и обсуждений философско-методологических проблем геологического знания аргумент о том, что «геология – это комплекс наук» довольно часто подвергался критике в силу того, что любую современную науку, как, например, химию, физику, биологию и др., можно также назвать комплексом наук. При таком понимании «комплексности» геологическое знание ничем не отличается от других типов знания. Учитывая данные замечания, нам бы хотелось остановиться на некоторых особенностях соотношения геологических дисциплин друг с другом, как в процессе геологического познания, так и в их организации в рамках образовательного процесса при подготовке геологов.

Особенность «комплексности» геологического знания состоит как минимум из двух аспектов. Первый аспект заключается в том, что комплекс геологических дисциплин фундаментально методологически разнороден, точность методов варьируется очень сильно – от прямых и точных исследований горных пород при помощи физических и химических методов до приблизительных исторических (нарративных, герменевтических, палеонтологических и др.) методов. Однако стоит заметить, что даже не все физико-химические методы в геологии (например, в геохронологии) имеют высокую точность, например, диапазон геохронологических датировок колеблется в тысячи и миллионы лет.

Второй аспект комплексности заключается в том, что в отличие, например, от физики каждая геологическая дисциплина имеет один и тот же материальный объект изучения, в самом широком значении – Землю. Однако если же мы будем говорить о физике, то каждая из физических дисциплин преимущественно самостоятельна и самодостаточна. Например, законы механики будут, скорее всего, бесполезны для изучения электричества, а закон Ома не позволит лучше понять законы механического движения тел. В противоположность этому, все геологические дисциплины дополняют друг друга при изучении Земли. Например,

стратиграфия позволяет разбивать геологические разрезы на определенные слои с универсальными значениями (возрастами, например, Юрским), геохимические исследования позволяют понять химический состав, геофизика – геофизические параметры (сопротивление пласта, проницаемость и др.) и т.д.

Каждая из геологических дисциплин в процессе геологического познания перестает быть самостоятельной, включается в общий и сложный процесс интерпретации единичного объекта, не требующего формулировки для своего исследования общих законов. Иными словами, геология становится единым целым, состоящим из множества дисциплин, в процессе интерпретации единичного, уникального геологического объекта. В этом смысле всякое направление геологических исследований – историческое, региональное (изучение современных геологических структур), инженерное (геология для строительства), направление по поиску и разведке полезных ископаемых – это комплекс геологических наук, актуализирующийся в процессе геологического познания, а точнее в процессе интерпретации геологической информации [2, 3].

Однако, несмотря на перспективность предыдущих методологических исследований геологического познания, в них есть некоторые недостатки, которые не позволяют полной мере взглянуть на всю сложность такой области знания, как геология. В частности, геология в философско-методологических работах преимущественно рассматривается как наука и все характеристики методологии геологии также рассматриваются сквозь призму научного восприятия геологии. Однако если посмотреть на образ геологии, который сложился в системе образования, то мы сможем увидеть значительную разницу между философско-методологическим и образовательным взглядами на геологию. Учитывая то, что взгляд на геологию через призму образования еще не был подвергнут детальному исследованию со стороны философов и методологов науки, мы постараемся раскрыть сущность «геологии» как специальности, т.е. как комплекса знаний и навыков, которыми должен обладать каждый выпускник данной специальности.

В частности, пытаясь ответить на вопросы о том, «кто такой геолог?» и «чем геолог должен заниматься?», обратимся к двум, на первый взгляд однородным специальностям: «геолог» и «горный инженер-геолог». Отметим, что «геологи», как правило, готовятся в классических университетах, тогда как «горные инженеры-геологи» – в технических вузах. Такая система подготовки в современной России, несмотря на значительное ее реформирование, сохранила советские основополагающие черты. Довольно известным является факт того, что советская плановая экономическая система и советская система *образования*, в частности высшего, являлись взаимодополняющими структурами. Иначе говоря, каждый специалист готовился для определенного типа работ, востребованного в экономике и прописанного в государственном плане. Не являлась исключением и геологическая отрасль, что указывает на то, что «геологи» и «горные инженеры-геологи» должны были обладать

отличающимися типами компетенций. Так, например, «геологи» в большей степени были и остаются ориентированными на региональные геологические работы (геологическую съемку), тогда как «горные инженеры-геологи» – на геолого-разведочные работы (данный тип работ также делится на поиск, разведку и эксплуатацию месторождений).

Рассмотрим подробнее региональную геологию как основополагающий тип геологических исследований с позиций геологического образования и геологической промышленности. В геологическом словаре Всероссийского научно-исследовательского геологического института (ВСЕГЕИ) дается следующее определение региональной геологии: «Региональная геология – отрасль геологии, изучающая определенные участки земной коры. Объект региональной геологии – геологическое строение и история геологического развития континентов и отдельных регионов, выделяемых по геологическим и географическим признакам. <...> Типовой научный продукт региональной геологии – карты геологического содержания» [4. С. 24]. Также о региональной геологии пишет геолог А. Ставский: «РГР (региональные геологические работы. – *В.М.*) ориентированы, прежде всего, на получение нового знания о недрах, которое может быть использовано и в геологоразведке, и для других нужд человека, государства и общества» [5. С. 5].

Иными словами, в рамках региональных работ производится общее и специальное исследование недр Земли, а результатом работ служат геологические карты разных масштабов. Для данного типа геологических исследований в большей степени окажутся полезными выпускники классических университетов с исследовательской специальностью «геолог», где образовательная программа более направлена на подготовку выпускников к региональным геологическим работам, геологической съемке местности, а также к прогнозированию наиболее перспективных участков для поисков и разведки месторождений полезных ископаемых. Об этом мы можем судить на основании информации из учебных планов о подготовке геологов в классических университетах, как например, в Томском государственном университете, где структурная геология, геокартинг и геологическая съемка являются дисциплинами, результирующими и соединяющими в себе все геологические дисциплины, которые были освоены студентами за все время обучения. Иными словами, умение составлять геологическую карту на основании минералогии, палеонтологии, геохимии и многих других геологических дисциплин – является главной (хоть и далеко не единственной) компетенцией выпускника-геолога.

Однако возникает вопрос о том, кем является «геолог», занимающийся региональной геологией, – инженером или ученым? Если опираться на квалификацию в дипломе, то геолог, занимающийся региональной геологией, не инженер. Геолог – это в первую очередь исследователь, однако исследователь особо рода, так как ищет не универсальные законы, а познает уникальный объект – Землю и ее участки. Региональные карты, несмотря на некоторый «исторический» аспект, всегда являются картами совре-

менного состояния Земли. То есть региональная геология – изучает не историю Земли, а ее настоящее, однако с отсылками на возраст тех или иных структур и геологических тел. Поэтому хотелось бы отметить, что региональная геология не является ни историей Земли, ни учением о полезных ископаемых. Несмотря на то, что определяется она в том числе и как «история геологического развития континентов и отдельных регионов...», мы постараемся обосновать, в каком смысле региональная геологическая карта как основной результат региональных геологических исследований не является историей Земли.

Для обоснования своей позиции обратимся к идеям философа А. Данто, который понимает историю как рассказ, т.е. чтобы объяснить уникальное событие, по его мнению, необходимо рассказать о нем, составить последовательный рассказ, в котором должно быть зафиксировано не только само событие, но и объяснение того, почему и как оно произошло. Также помимо повествования в историческом исследовании может встречаться и хроника, которая также существенно отличается от повествования, несмотря на то что фиксирует множество состояний. Отличие хроники от повествования Данто детально рассмотрел в своей работе «Аналитическая философия истории». Согласно А. Данто, в хронике, в отличие от повествования, отсутствуют объяснение и интерпретация событий: «хроника представляет собой всего лишь сообщение о том, что произошло и не более того» [6. С. 115]. Для повествования важно зафиксировать начало, середину и конец события или как минимум его начало и конец. Хроника в этом смысле нейтральна и фиксирует лишь хронологическую последовательность событий, а не их взаимосвязь.

Если понимать историю как информацию о прошлом, связывающую в единое целое разрозненные сегменты прошлого при помощи повествования, которое бы объясняло произошедшие события прошлого, то тогда геологическая региональная карта является не чем иным, как хроникой, а значит лишь основанием для всех построений и представлений о прошлом. Причем даже хроникой региональная карта является в весьма специфическом смысле, ведь карта не является хронологическим списком. Региональная геологическая карта демонстрирует разные геологические структуры разного возраста, находящиеся на одном пространственном уровне, что требует от интерпретатора карты глубоких фундаментальных знаний наук всего геологического цикла. Также стоит отметить, что сама по себе карта не показывает каузальных связей между событиями, причин формирования той или иной геологической структуры, например, причин отступления моря и формирования морских отложений на территории современной Западной Сибири во времена Мезозойской эры. Это уже будет делать исследователь, преследующий другие цели (например, создание общей теории Земли), увязывая в повествовательной, причинно-следственной форме все этапы развития нашей планеты. Именно на основе одной региональной карты геологи могут выстроить разные «истории» Земли, как взаимодополняющие, так и взаимоисключающие. Все это будет зависеть от

того, какими теориями владеет геолог, приступая к построению прошлого Земли.

Таким образом, можно определить региональную геологию как тип геологических исследований, на основе которого могут быть построены различного рода представления о Земле. Например, на основе региональных данных могут быть созданы: история Земли, прогноз полезных ископаемых, также может быть определено, насколько те или иные территории могут быть пригодны для строительства и иной хозяйственной деятельности. Примечателен тот факт, что каждая новая глобальная теория Земли практически не затрагивает фундаментальных основ региональной геологии. Иными словами, та информация, которая была получена региональными геологами в виде региональных карт, не пересматривается, а лишь добавляется и уточняется. На этом основании можно сделать вывод, что при формировании новых глобальных представлений о структуре и истории Земли в первую очередь кардинально пересматривается интерпретация региональных карт, т.е. не столько настоящее, сколько прошлое Земли.

В этом смысле можно сказать, что региональная геология – это та самая, максимально точная геология, о которой писал английский геолог XIX в.: «Сознавая предмет и цель нашей науки, мы должны поставить себе первой заботой наблюдение, и непременно наблюдение без предвзятых теорий, наблюдение, сопровождаемое точным описанием, настолько точным, насколько возможно при теперешнем состоянии наших знаний» [7. С. 137]. На этапе региональных геологических работ с такими фундаментальными проблемами, как невозможность проведения эксперимента и невозможность прямого познания прошлого, геологи не сталкиваются, что и позволяет региональным геологическим картам оставаться актуальными долгое время, даже при смене геологических парадигм.

Понимание сущности региональных геологических исследований и их значения в структуре геологического знания позволяет зафиксировать, что помимо всех сложнейших фундаментальных проблем геология имеет нерушимую информационную базу в виде геологических карт. А сама региональная геология как специфическая наука оперирует достаточно точной естественнонаучной информацией об «индивидуальных» геологических объектах.

Выводы

Проблема неопределенности и многозначности понятия «геология» существенно усложняет дискуссии о характере геологического знания. При первом же приближении оказывается, что мы не можем обнаружить «геологию вообще» как единую естественнонаучную дисциплину. Поэтому, при поиске оснований для предметных дискуссий о характере геологического познания, необходимо акцентировать внимание на различии типов исследований Земли. Проблема неопределенности научного статуса геологии, занимающая умы философов и методологов геологии с начала XX в., теперь уже переходит несколько в дру-

гое русло, а именно в русло дифференциации возможных пониманий понятия «геология». Уже на этом основании становится возможным более ясно и однозначно определить характер той или иной познавательной деятельности в рамках познания Земли. В данной работе к трем пониманиям геологии («история Земли», «комплекс наук о Земле», «учение о полезных ископаемых»), которые обсуждались философами науки XIX–XXI вв., был добавлен взгляд на геологию со стороны образования, где геология делится на два основных направления: на региональную геологию и на поиск и разведку полезных ископаемых. Причем специальность «геолог» получает выпускник, ориентированный на региональные геологические работы, тогда как «горный инженер-геолог» ориентирован в первую очередь на работу с месторождениями

полезных ископаемых. На этом основании, исходя из представлений о геологии, сложившихся в образовательной сфере, а также в сфере практических геологических работ, современный геолог в России – это, прежде всего, региональный геолог, геолог-съемщик, а геология в современном понимании – это региональная геология. То есть для современного геолога главной целью является изучение в первую очередь настоящего, а не прошлого, как это было в XIX в., если судить по тому, как оценивали геологию Лайель [8], Пэдж [7] и др. На этом основании видятся перспективными для философии и методологии геологии исследования методологических проблем региональной геологии, в частности проблем, связанных с построением и интерпретацией региональных геологических карт.

ЛИТЕРАТУРА

1. Миронов В.А. Трансформация содержания понятия «геология» и его влияние на проблему научного статуса геологического познания в период XIX–XXI веков // *Философия науки СО РАН*. 2017. № 4 (75). С. 100–116.
2. Миронов В.А. Hermeneutический и исторический аспекты геологического познания в концепции Р. Фродемана // *Философия науки СО РАН*. 2016. № 1 (68). С. 86–100.
3. Frodeman R. Geological reasoning: Geology as an interpretive and historical science // *Geological Society of America Bulletin*. 1995. № 107. P. 959–968.
4. Геологический словарь : в 3 т. 3-е изд., перераб. и доп. / гл. ред. О.В. Петров. СПб. : Изд-во ВСЕГЕИ, 2012. Т. : Р–Я. 435 с.
5. Ставский А.П. Альтернативная концепция развития региональных геологических работ в России. М. : Март, 2008. 47 с.
6. Данто А. Аналитическая философия истории / пер. с англ. А.Л. Никифорова, О.В. Гавришиной. М. : Идея-Прогресс, 2002. 292 с.
7. Пэдж Д. Философия геологии. СПб. : Н. Тиблен и комп., 1867. 149 с.
8. Лайель Ч. Основные начала геологии, или Новейшие изменения земли и ее обитателей : в 2 т. / пер. с англ. послед. изд. А. Мин. М. : А.И. Глазунов, 1866. Т. 1. 399 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 25 июня 2019 г.

A Scientific and Educational Dimension of Geology: On the Problem of the Ambiguity of the Term “Geology”

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 448, 91–95.

DOI: 10.17223/15617793/448/11

Vasily A. Mironov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mironovv@mail2000.ru

Keywords: geology; regional geology; geological map; hermeneutics; narrative; interpretation; philosophy of geology.

The article discusses the problem of the ambiguity of the term “geology” through a comparison of the understanding of “geology” in education and in the philosophy of science. It is noted that in the framework of the philosophy of science, methodological problems of geology as a profession, i.e., regional geology, working on geological mapping, was not considered. The aim of the study is to actualize the methodological problems of regional geology and determine the place and role of the regional geological work in the system of geological knowledge. The materials this study is based on are the curricula of different years in geology from the Archive of Tomsk State University. Previous works of the author of this article, which take into account a wide range of studies of domestic and foreign authors on methodological problems in geological sciences, are also used. The methods used in the study are historical-philosophical analysis, aimed at the study of works on methodological problems of geology; comparative analysis, aimed at comparing perceptions of geology within the philosophy of science and in the education system. Achievements in the field of narratology, which examines the historical aspect of regional geology, are also used. The article discusses regional geology as a profession, but also raises the question of what a “geologist”, dedicated to regional geology, is: an engineer or a scientist? If one relies on the qualification in the diploma, a geologist dealing with regional geology is not an engineer. The assertion that a regional geologist is a scientist also requires clarification and explanation. A geologist is first and foremost a researcher, but of a particularly kind: a geologist does not search for universal laws, but explores a unique object: the Earth and its sites. Regional maps, despite some “historical” aspect, are always maps of the current state of the Earth. That is, regional geology examines the Earth’s present, not its history, though with references to the age of certain structures and geological bodies. Therefore, regional geology is neither a history of the Earth, nor a doctrine of minerals. Despite the fact that it is determined in particular as a “history of the geological development of the continents and regions”, the regional geological map as the main result of regional geological studies is not a history of the Earth. Thus, it is possible to define regional geology as a type of geological research, based on which various kinds of ideas about the Earth can be built. There is also every reason to believe that regional geology as a specific science operates fairly accurate scientific information about individual geological objects and is the basis for all subsequent studies of the Earth.

REFERENCES

1. Mironov, V.A. (2017) The Transformation of the Meaning of the Concept of Geology in the 19th–21st Centuries and Its Impact on the Problem of the Scientific Status of Geological Knowledge. *Filosophiya nauki SO RAN – Philosophy of Sciences*. 4 (75). pp. 100–116. (In Russian).
2. Mironov, V.A. (2016) Hermeneutical and Historical Aspects of Geological Knowledge in R. Frodeman’s Concept. *Filosophiya nauki SO RAN – Philosophy of Sciences*. 1 (68). pp. 86–100. (In Russian).

3. Frodeman, R. (1995) Geological reasoning: Geology as an interpretive and historical science. *Geological Society of America Bulletin*. 107. pp. 959–968.
4. Petrov, O.V. (ed.) (2012) *Geologicheskii slovar'*: v 3 t. [Geological Dictionary: in 3 vols]. 3rd ed. Vol. 3. St. Petersburg: Izd-vo VSEGEI.
5. Stavskiy, A.P. (2008) *Al'ternativnaya kontseptsiya razvitiya regional'nykh geologicheskikh rabot v Rossii* [An alternative concept for the development of regional geological work in Russia]. Moscow: Mart.
6. Danto, A. (2002) *Analiticheskaya filosofiya istorii* [Analytical Philosophy of History]. Translated from English by A.L. Nikiforov, O.V. Gavrishnaya. Moscow: Ideya-Progress.
7. Page, D. (1867) *Filosofiya geologii* [The Philosophy of Geology]. Translated from English. St. Petersburg: N. Tiblen i komp.
8. Lyell, Ch. (1866) *Osnovnye nachala geologii, ili Noveyshie izmeneniya zemli i ee obitateley: v 2 t.* [Principles of Geology, or the Modern Changes of the Earth and Its Inhabitants: in 2 vols]. Translated from English by A. Min. Vol. 1. Moscow: A.I. Glazunov.

Received: 25 June 2019

М.А. Широкова

ФИЛОСОФИЯ СЛАВЯНОФИЛОВ КАК НАЧАЛО «РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОГО РЕНЕССАНСА» В РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Рассматриваются философские взгляды представителей раннего славянофильства и, прежде всего, лидера этого направления, А.С. Хомякова. Отмечены новаторский характер философии славянофилов как инициаторов «религиозно-философского ренессанса» в России, а также аксиологическая направленность их творчества. Для славянофильской философии православное богословие явилось своеобразной методологической основой, предопределившей особый взгляд ее создателей на ключевые вопросы социального развития России и мира.

Ключевые слова: славянофильство; русская философия; европейская философия; богословие; идеология.

В истории полемики славянофильства и западничества с самого ее зарождения наблюдается любопытный парадокс: западники, призывая к прогрессу, свободному творчеству, новаторству, на практике следовали по уже проторенному пути, заимствовали готовые европейские образцы. В то же время позиция славянофилов, по форме архаично-консервативная, выдвигающая идеи восстановления исконной традиции, оказалась действительно новаторской, поскольку необходимо было эту традицию творчески переосмыслить и предъявить русскому обществу на уровне философской рефлексии. Понятно, что в своих построениях славянофилы отразили скорее собственный умозрительный идеал, чем историческую реальность Древней Руси, но славянофильские интенции состояли именно в творчестве, движении вперед, а не в возвращении того, что давно миновало. Представляется справедливой мысль С.С. Хоружего, что значение славянофилов в развитии русского самосознания заключается не только в постановке по-новому многих философских проблем, но и в формировании парадигм развития истории и культуры России. Хотя, казалось бы, славянофилы заявили о себе как о «традиционалистах», в отличие от «прогрессистов»-западников [1. С. 4].

К тому же «прогрессизм» и «европеизм» уже успели стать традицией для образованных слоев русского общества за полтора столетия послепетровской модернизации. Даже официальная религиозность царского правительства, нашедшая воплощение в триаде «Православия, Самодержавия, Народности», не изменила общего секулярного настроения формирующейся русской интеллигенции. Славянофилы же в тот момент пошли «против течения». «В секуляризованном обществе лояльное отношение к секуляризму является, по существу, конформизмом. И наоборот, следование религиозным принципам является инновационным и неконформистским» [2. С. 140]. В сложившихся исторических обстоятельствах для славянофилов оказались неубедительными ни государственная идеология Николая I и Уварова, в которой православие выступало как компонент вторичный по отношению к самодержавию, ни воззрения западников, стремившихся формировать науку и общественную мысль России на началах европейского рационализма. Последний, с точки зрения славянофильских авторов, скомпрометировал себя в ходе социально-политических событий предшествующей и современной им эпохи.

В.М. Камнев и Л.С. Камнева предостерегают от оценивания религиозной и светской философии в России соответственно как «истинной» и «ложной» [3. С. 13] и обоснованно замечают, что «русская идея» «все чаще и чаще оказывается политическим и идеологическим инструментом», и что «в кризисные времена количество цитат из работ Н. Бердяева, Вл. Соловьева и славянофилов заметно возрастает, в том числе и у высокопоставленных чиновников» [Там же. С. 17]. Соглашаясь в целом с данной позицией, необходимо прояснить, какие факторы сыграли решающую роль в том, что славянофилы создавали русскую философию преимущественно как религиозную. Впрочем, будучи религиозной по духу, она оставалась светской по форме, и это вызывало негативную реакцию со стороны официальной церкви, о чем в дальнейшем также пойдет речь.

Несмотря на то что теория основоположников славянофильства в свое время так и осталась теорией (а возможно, именно благодаря тому, что она не была искажена социальной практикой), сегодня она, действительно, нередко воспринимается как та система ценностей, которая могла бы заполнить возникший в России идеологический вакуум. Отчасти это объясняется некоторым сходством культурно-исторического контекста, в котором создавалась славянофильская концепция, и современных условий, отечественных и глобальных. Русские славянофилы 30–50-х гг. XIX в., по словам Г.В. Флоровского, обладали огромной «исторической непосредственной чуткостью», и поэтому в их теории отразилось все своеобразие социально-политической и духовной ситуации, сложившейся в то время как в России, так и в Европе. После поражения восстания декабристов в России и после целого ряда европейских революций, не принесших ожидаемых результатов, остро встал вопрос о необходимости выработки новых методов социального познания, а также новых методов развития общества и его культуры. Западный рационализм – в форме гуманизма, либерализма и Просвещения – оказался неспособен привести общество к разумному и справедливому устройству. Во многих европейских странах наступил период, характеризовавшийся явным кризисом прежних ценностей, разладом в политической жизни, размыканием общественных связей, замкнутостью и обособленностью каждой отдельной личности, атомизацией общества. Люди почувствовали «чрезмерность “свободы”, бесплодность “равенства” и недостаток

«братства»» [4. С. 289]. Подобным же образом в начале XXI столетия «плюрализм мнений и толерантность, стимулированные западной культурой, сделали жизнь людей на первый взгляд разнообразнее, интереснее и цивилизованнее», но отсутствие целостной духовности и единой системы ценностей, способной интегрировать все стороны мировоззрения человека, «привели к обесмысливанию и деморализации человеческого существование» [5. С. 11]. В интеллектуальном сообществе вновь, как и в середине XIX в., распространяется радикально критическое отношение к рационализму и стремление переосмыслить и существенно расширить классические рационалистические парадигмы с учетом внерациональных форм опыта. Поэтому сегодня рассмотрение истории данной проблемы весьма актуально с методологической точки зрения. Примечательно, что процессы переосмысления классического рационализма тогда, в период оформления славянофильства, отразили тенденцию усиления религиозного чувства как в сознании общества в целом, так и в сознании отдельных философов.

В сложной и запутанной политической обстановке и Европы, и России, как пишет Г.В. Флоровский, пробуждалась и воспитывалась потребность и чуткость к «церковности». Характерно, что эту потребность обнаружили представители очень разных философских направлений. Одни продолжали верить в универсальность науки (позитивисты О. Конт и А. де Сен-Симон), другие ориентировались на национальные традиции и национальную культуру (консерваторы Ж. де Местр, Л. де Бональд, Р. де Шатобриан). Но все они воспринимали церковь как единственную объединяющую, «органическую» силу среди разложения и распада всех связей и отношений в эпоху культурного и политического кризиса. Неоспоримое уважение к церкви звучит, например, в словах Шеллинга, охарактеризовавшего ее как «живое произведение искусства». Влияние же идей Шеллинга на славянофильство и в целом на становление русской философии общеизвестно.

Следует признать, что в западной науке и философии XIX столетия так и не было осуществлено возвращение к богословию и его методам. Рост индустриальной цивилизации, а также впечатляющие достижения в познании законов природы логично приводили к расширению влияния атеистического и материалистического мировоззрений.

Тем не менее хотелось бы подчеркнуть, что многие оригинальные мыслители середины XIX в., подобно славянофилам, предпринимали попытки своеобразной десекуляризации (постсекуляризации) научного познания мира и человека. Как пишет В.И. Холодный, это был совместный «плюралистический поиск путей создания постхристианского Завета» [Там же]. И все же славянофилы не просто воплощали российский вариант десекуляризации как часть общеевропейского пути. Идеологи славянофильства предсказывали, что усилия философов Европы по конструированию неких новых религий, предназначенных стать орудиями социально-политического переустройства общества, обречены на провал. Именно о таких попытках И.В. Киреевский говорил: «Жалкая

работа – сочинять себе веру!» [6. С. 270]. Славянофилы считали, что западные мыслители давно утратили связь с нравственными основаниями бытия и поэтому стремятся интегрировать в свои религиозные системы либо совершенно отчужденный от морали эстетизм, либо утилитарно-эгоистические ценности рынка, либо экспериментально проверенные «позитивные факты». Но ни то, ни другое, ни третье не приводят человека к пониманию смысла и целей существования. В России же, как утверждали классики славянофильства, нравственные принципы христианства сохранились, прежде всего, в народной среде, и задачей образованного общества является их восстановление в собственном сознании и оформление на научном и философском уровнях.

В значительной степени усилиями славянофилов в России был запущен процесс, обозначенный А.В. Гулыгой как «религиозно-философский ренессанс»: «Русские – христиане. Вот, в сущности, главное открытие Хомякова, повторенное затем Достоевским» [7. С. 51]. Поясняя термин «ренессанс», Гулыга пишет об эпохе, последовавшей за возникновением славянофильства: «Центр мирового философствования постепенно перемещался в Россию: на Западе после Гегеля, Шеллинга, Шопенгауэра философия приходила в упадок, господствовать начинала «положительная наука» и ее теория – позитивизм. Русские возрождали интерес к метафизике» [Там же. С. 66].

Вслед за А.В. Гулыгой, В.И. Холодный повторяет тезис о том, что «центр философского аксиологического творчества постепенно стал перемещаться в Россию». Благодаря славянофилам, по его словам, «именно в [оригинальной русской философии] (и только в ней) рефлексия классической европейской философии не просто освободилась от отчужденной объективации, но и воссоединилась с традиционной полнотой человеческого бытия, еще сохранявшегося в России того времени» [5. С. 18]. Разумеется, славянофилы создавали русскую философию как религиозную, и впоследствии Н.А. Бердяев и В.В. Зеньковский отмечали, что всем русским философам, даже материалистам, присуща религиозная ментальность. Но, действительно, справедливее было бы сказать шире: «Всем русским мыслителям свойственна... глубинная целостная аксиологичность» [Там же. С. 29], не столько религиозная, сколько ценностная ментальность, обращение к человеческому в человеке, стремление не просто бесстрастно постигать закономерности окружающего мира и преобразовывать его с помощью науки и техники, но нравственно оценивать свои действия. Это чрезвычайно важно в современном мире.

Флоровский утверждает, что именно славянофильское учение привнесло в философскую мысль России и всей Европы новый опыт – опыт «церковности» как метода познания [4. С. 292]. «Во всяком случае, – отмечал Киреевский, – способ мышления разума верующего будет отличен от разума, ищущего убеждения, или опирающегося на убеждение отвлеченное» [8. С. 99].

Уже было сказано, что философско-богословские построения славянофилов правомерно рассматривать

как десекуляризацию. П. Бергер и В. Карпов определяют десекуляризацию следующим образом: это «возрождение религии и ее социетального влияния в ответ на секуляризацию» [2. С. 118]. Традиция использования богословских методов в науке, культуре, философии, политике была характерна для допетровской Руси, но со времен реформ Петра I во всех этих сферах возобладали секуляризационные тенденции. Интересно, что в период оформления славянофильства и западничества церковь и церковные научные и образовательные учреждения (прежде всего, Московская духовная академия) предприняли немало шагов для того, чтобы в новых условиях сделать науку воцерковленной. Нельзя не вспомнить в этой связи митрополита Филарета (В.М. Дроздова), активно участвовавшего в формировании религиозно-философского самосознания российского общества. Так, Филарет еще в 1818 г. весьма положительно отзывался о стремлении В.И. Кутневича, одного из профессоров Московской духовной академии, «подружить философию с откровенною религиею и чрез исследования первой уготовить путь сей последней» [9. С. 408]. Упомянутый «религиозно-философский ренессанс» в России второй половины XIX в., начавшийся с подачи славянофилов, представлял собой «контрсекуляризационные тенденции в культуре... проявляющиеся в возрождении религиозного содержания в многообразии ее символических подсистем, в том числе в искусстве, философии и литературе» [2. С. 124].

Э.Л. Радлов в «Очерках истории русской философии» подчеркивал значительное внутреннее родство «между славянофильством и тем философским направлением, которое культивировалось в духовных академиях» [10. С. 125]. Именно ранним славянофилам удалось «подружить» философию с православием, заложив тем самым основы русского «светского богословия». И все же славянофильское учение в тот период не нашло отклика со стороны Русской православной церкви.

Известно, что основные богословские труды Хомякова были опубликованы в России лишь после смерти их создателя, они даже писались изначально на иностранных языках. С.С. Хоружий подчеркивает, что славянофильский автор вынужден был «ориентироваться на границу», поскольку на родине он практически не имел возможностей для публикации. Богословское творчество Хомякова преследовалось как непосредственно государством (напомним, что славянофилам вообще всегда было сложнее публиковать свои произведения, чем западникам, несмотря на гораздо более явную оппозиционность многих представителей западного лагеря), так и неразрывно связанными с государством церковными структурами, в которых царил «дух косности и запрета» [1. С. 25].

Многие авторы обобщающих трудов, посвященных актуальным проблемам философии славянофильства и в целом русской религиозной философии, подчеркивают: главное в этой философии не то, что она религиозная, а то, что она русская. Кстати, иногда эпитет «религиозная» по отношению к отечественной философии отвергается вообще, его предлагают заменить более конкретным – «православная» [11]. Но в

любом случае, в последние десятилетия исследователями все настойчивее проводится мысль, что «религиозность и духовность не адекватны» [12. С. 7], что «русская культура может существовать и вне православия» [13. С. 82], и поэтому национальный дискурс славянофилов «делает возможным нерелигиозное философское мышление» [Там же. С. 83]. Представляется, что для изучения культурно-исторического развития общества в эпоху модерна и постмодерна данная идея продуктивна, хотя сами славянофилы едва ли согласились бы, если бы их назвали «нерелигиозными» или даже «пострелигиозными» мыслителями.

Позиция, о которой говорилось выше, состоит в том, что Хомяков оказался перед необходимостью использования дискурса православия, поскольку славянофильский автор, как всякий исследователь, был ограничен рамками своего времени. Но с помощью этого дискурса ему удалось определить вечные, «вневременные» для человека и человечества ценности. Язык любой философии – это язык ее эпохи, и если русская философия хотела быть действительно самобытной, она должна была органично вобрать в себя и понятия православия, и его методологию. В современных же условиях ключевая для славянофилов идея соборности может быть выражена как религиозным, так и секулярным языком, которые в данном случае не противостоят друг другу, а, напротив, взаимно обогащаются. Впрочем, уже и для самого Хомякова «перевод» одних и тех же мыслей с языка философии на язык религии и обратно служил своего рода способом их более глубокого уяснения («герменевтический круг»). Ведь, как утверждал еще Аврелий Августин, для понимания Священного писания необходимо в него верить, но для веры необходимо понимание. Наиболее известное толкование герменевтического круга дал Х.-Г. Гадамер: «Круг... имеет не формальную природу, он не субъективен и не объективен, но он описывает понимание как взаимодействие двух движений: традиции и истолкователя» [14. С. 348].

Тем самым родоначальнику славянофильства удалось преодолеть односторонность как религиозного, так и рационалистического (атеистического) мировоззрений, благодаря чему его философия содержит в себе в концентрированном виде «вечностный» духовный опыт не только православной Руси, но и человечества в целом. Славянофильский автор сумел объединить в своей методологии способ мышления классической православной патристики и то, что впоследствии будет названо в философской герменевтике «диалогическим» или «участливым» познанием (М.М. Бахтин). Критикуя «рассудочную философию» Запада, Хомяков, по сути, прибегает к такой форме понимания текста, как «пред-рассудок» (Г. Гадамер). Таким образом, герменевтика дистанцируется от классического рационализма в философии. Как правило, философское и научное сознание стремятся освободиться от предрассудков. Герменевтика же не только «легализует» предрассудки, но и в значительной степени делает их одним из условий понимания. Ведь человек – это субъект, включенный в традицию, в исторический процесс, он не может выпасть из истории, следовательно, не может быть беспристраст-

ным. Отсюда, главное, с чего должен начать исследователь, – это осознать свои «предрассудки», свою предвзятость, то, что, ведя диалог с традицией, он во многом понимает и чувствует ее как продолжение самого себя, как часть своей духовной жизни. Такое понимание заведомо субъективно, но в этом и состоит, как утверждает герменевтика, его основная ценность. Поэтому «предвзятость» славянофильской и всей последующей русской философии, в отличие от «бесхарактерности» (термин Хомякова) рассудочной философии Запада, может быть названа скорее ее достоинством, чем недостатком, и обладает эвристическим потенциалом.

Заслуга Хомякова в том, что он как на богословском, так и на философском уровне проделал исследовательскую работу: творчески переосмыслил старые понятия и раскрыл их по-новому. Поскольку эта работа велась в русле традиции, в конечном итоге (хотя и не при жизни автора) это привело к принятию его труда церковным сознанием.

Под «Церковью» славянофилы всегда понимали только православную церковь. По выражению Хомякова, «Церковь одна», все же прочие вероисповедания, в том числе и христианские, суть религиозные

заблуждения. В то же время как философский, так и религиозный универсализм славянофилов заведомо исключал узко национальную ориентацию: «Церковь... принадлежит всему миру, а не какой-нибудь местности, потому что ею святятся все человечество и вся земля, а не один какой-нибудь народ или одна страна...» [15. С. 7].

В настоящее время признано, что собрание богословских текстов Хомякова не содержало и не могло содержать сколько-нибудь полной богословской системы. Славянофильского мыслителя главным образом занимали только две богословские проблемы: учение о Церкви и различия между вероисповеданиями. Тем не менее можно утверждать, что «богословие Хомякова составило новый этап не только для русской, но и для общеправославной богословской мысли, с течением времени все более становясь предметом активного исследования и полем межконфессионального диалога» [1. С. 24].

Для самой же славянофильской философии православное богословие явилось своеобразной методологической основой, предопределившей особый взгляд ее создателей на ключевые вопросы социального развития России и мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хоружий С.С. Современные проблемы православного мирозерцания М. : Омега, 2002. 145 с.
2. Карпов В. Концептуальные основы теории десекуляризации // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2012. № 2 (30). С. 114–164.
3. Камнев В.М., Камнева Л.С. Религиозное и секулярное в русской философии // Вестник СПбГУ. Сер. 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2016. Вып. 1. С. 13–20.
4. Флоровский Г.В. Пути русского богословия. VI. Философское пробуждение // О России и русской философской культуре. Философия русского послеоктябрьского зарубежья. М. : Наука, 1990. С. 272–378.
5. Холодный В.И. А.С. Хомяков и современность: Зарождение и перспектива соборной феноменологии М. : Академический проект, 2004. 528 с.
6. Киреевский И.В. О необходимости и возможности новых начал для философии // Киреевский И.В. Избранные статьи. М. : Современник, 1984. С. 238–272.
7. Гулыга А.В. Русская идея и ее творцы. М. : Современник, 1995. 310 с.
8. Киреевский И.В. Отрывки // Славянофильство: pro et contra / сост., вступ. ст., коммент., библиогр. В.А. Фатеева. СПб. : РГХА, 2006. С. 92–106.
9. Филарет, митрополит Московский [Дроздов] В.М. Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. : в 5 т. СПб. : Синодальная типография, 1885. Т. 1. 531 с.
10. Радлов Э.Л. Очерки истории русской философии // Введенский А.И., Лосев А.Ф., Радлов Э.Л., Шпет Г.Г. Очерки истории русской философии. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991. С. 96–216.
11. Ильин Н.П. Трагедия русской философии. М. : Айрис Пресс, 2008. 608 с.
12. Кожинов В.В. Грех и святость русской истории. М. : Яуза ; Эксмо, 2006. 480 с.
13. Гиренок Ф.И. Патология русского ума. Картография дословности. М. : Аграф, 1998. 416 с.
14. Гадамер Х.Г. Истина и метод. М. : Прогресс, 1988. 704 с.
15. Хомяков А.С. Церковь одна // Хомяков А.С. Сочинения : в 2 т. М. : Медиум, 1994. С. 5–23.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 16 ноября 2018 г.

The Philosophy of the Slavophiles as the Beginning of the “Religious-Philosophical Renaissance” in Russia in the First Half of the 19th Century

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 448, 96–100.

DOI: 10.17223/15617793/448/12

Marina A. Shirokova, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: mshirokova1@rambler.ru

Keywords: Slavophilism; Russian philosophy; European philosophy; theology; ideology.

The article argues that, in comparison with the Westerners' views, the Slavophiles' position, archaically conservative in form, putting forward the idea of restoring the original tradition, turned out to be truly innovative, since it was necessary to rethink this tradition creatively and present it to the Russian society at the level of philosophical reflection. The significance of the Slavophiles in the development of Russian self-consciousness lies not only in posing new philosophical problems in a new way, but also in shaping the paradigms of the development of Russian history and culture. Thanks to the Slavophiles, the center of philosophical creativity gradually began to move from Europe to Russia. To a large extent, through the efforts of the Slavophiles, a process was launched in Russia designated by the researchers as a “religious-philosophical renaissance”. The author of the article notes that, although the Slavophiles created Russian philosophy as a religious one, like all subsequent Russian thinkers, it was an axiological mentality rather than a religious one, with an appeal to the human in man, with striving not only to impassively comprehend the laws of the surround-

ing world and transform it using science and technology, but also to assess their actions morally. The philosophical and theological constructions of the Slavophiles can rightfully be regarded as a desecularization (postsecularization) of scientific knowledge of the world and man. The tradition of using theological methods in science, culture, philosophy and politics was characteristic of pre-Petrine Russia, but, since the reforms of Peter I, secularization tendencies prevailed in all these spheres. It is suggested that the leader of the Slavophiles A.S. Khomyakov was faced with the necessity of using the discourse of Orthodoxy, since the Slavophile author, like any researcher, was limited to his time. But, with the help of this discourse, he managed to determine the eternal, “timeless” values for man and humanity. The language of any philosophy is the language of its era, and, if Russian philosophy wanted to be truly original, it should have organically incorporated both the concepts of Orthodoxy and its methodology. In modern conditions, the idea of sobornost (“togetherness”, “symphony”), which is key to the Slavophiles, can be expressed both in religious and secular languages, which in this case do not oppose each other, but, on the contrary, are mutually enriched. Thus, the ancestor of Slavophilism managed to overcome the one-sidedness of both religious and rational (atheistic) worldviews.

REFERENCES

1. Khoruzhiy, S.S. (2002) *Sovremennye problemy pravoslavnogo mirosozertsaniya* [Modern problems of the Orthodox worldview]. Moscow: Omega.
2. Karpov, V. (2012) The Conceptual Foundations of the Desecularization Theory. *Gosudarstvo, religiya, Tserkov' v Rossii i za rubezhom*. 2 (30). pp. 114–164. (In Russian).
3. Kamnev, V.M. & Kamneva, L.S. (2016) Religious and secular in Russian philosophy. *Vestnik SPbGU. Ser. 17. Filosofiya. Konfliktologiya. Kul'turologiya. Religiovedenie – Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*. 1. pp. 13–20. (In Russian).
4. Florovskiy, G.V. (1990) Puti russkogo bogosloviya. VI. Filosofskoe probuzhdenie [Ways of Russian theology. VI. Awakening of Philosophy]. In: Maslin, M.A. *O Rossii i russkoy filosofskoy kul'ture. Filosofiya russkogo posleoktyabr'skogo zarubezh'ya* [Russia and Russian Philosophical Culture. The philosophy of the Russian post-October countries abroad]. Moscow: Nauka. pp. 272–378.
5. Kholodnyy, V.I. (2004) *A.S. Khomyakov i sovremennost': Zarozhdenie i perspektiva sobornoy fenomenologii* [A.S. Khomyakov and the Present: The Origin and Perspective of the Cathedral Phenomenology]. Moscow: Akademicheskii proekt.
6. Kireevskiy, I.V. (1984) *Izbrannye stat'i* [Selected Articles]. Moscow: Sovremennik. pp. 238–272.
7. Gulyga, A.V. (1995) *Russkaya ideya i ee tvortsy* [Russian idea and its creators]. Moscow: Sovremennik.
8. Kireevskiy, I.V. (2006) Otryvki [Excerpts]. In: Fateev, V.A. (ed.) *Slavyanofil'stvo: pro et contra* [Slavophilism: pro et contra]. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Academy. pp. 92–106.
9. Metropolitan Philaret (Drozdov, V.M.) (1885) *Sobranie mneniy i otzyvov Filareta, mitropolita Moskovskogo i Kolomenskogo, po uchebnym i tserkovno-gosudarstvennym voprosam: v 5 t.* [A collection of opinions and commentaries of Philaret, Metropolitan of Moscow and Kolomenskoye, on educational, church, and state issues: in 5 vols]. Vol. 1. St. Petersburg: Sinodal'naya tipografiya.
10. Radlov, E.L. (1991) *Ocherki istorii russkoy filosofii* [Essays on the History of Russian Philosophy]. In: Vvedenskiy, A.I. et al. *Ocherki istorii russkoy filosofii* [Essays on the history of Russian philosophy]. Sverdlovsk: Ural State University. pp. 96–216.
11. Il'in, N.P. (2008) *Tragediya russkoy filosofii* [The tragedy of Russian philosophy]. Moscow: Ayris Press.
12. Kozhinov, V.V. (2006) *Grekh i svyatost' russkoy istorii* [Sin and holiness of Russian history]. Moscow: Yauza; Eksmo.
13. Girenok, F.I. (1998) *Patologiya russkogo uma. Kartografiya doslovnosti* [Pathology of the Russian mind. Cartography of literacy]. Moscow: Agraf.
14. Gadamer, H.-G. (1988) *Istina i metod* [Truth and Method]. Translated from German. Moscow: Progress.
15. Khomyakov, A.S. (1994) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Medium. pp. 5–23.

Received: 16 November 2018

ИСТОРИЯ

УКД 327; 94

Д.А. Борисов, А.М. Сафаров

ИГИЛ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЕ АНАЛОГИИ И РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА

Исследуются возможности реализации в Центральной Азии разрушительных явлений и процессов, с которыми столкнулось международное сообщество на территории Ближнего Востока во втором десятилетии XXI в. На основе сравнительного анализа оцениваются негативные и позитивные социально-экономические и общественно-политические факторы региональной безопасности, а также вероятность повторения опыта «Исламского государства»¹ на пространстве Центральной Азии с учетом международных, региональных и национальных контекстов.

Ключевые слова: Центральная Азия; Ближний Восток; региональная безопасность; «Исламское государство»; экстремизм; терроризм.

Современная международная повестка безопасности продемонстрировала новые масштабы экстремистской и террористической деятельности. Традиционно неспокойный регион Ближнего Востока и Северной Африки смог «удивить» искушенное международное сообщество, явив новые масштабы разрушительных возможностей негосударственных субъектов. В этом контексте главным «черным лебедем» для международной безопасности стала террористическая группировка «Исламское государство», которая за короткий период прошла становление от локального террористического подполья в Ираке до резонансного транснационального феномена.

Схематично эволюцию «ИГ» можно составить из трех этапов. *На первом этапе* (2006–2010) будущая ИГ была сформирована на основе иракского подразделения «Аль-Каиды», получив название «Исламское государство Ирака». ИГИ действовала как локальная террористическая организация с целью захвата суннитской части Ирака [1]. *Второй этап* (2010–2014) характеризуется активной деятельностью нового лидера Абу Бакр аль-Багдади, который, самопровозгласив себя халифом, начал построение регионального квазигосударственного теократического образования на территории Ирака, Сирии и Ливана. В 2013 г. после слияния подразделений «Аль-Каиды» в Ираке и Сирии и сирийской «Джебхат ан-Нусра» «Исламское государство Ирака» преобразовывается в «Исламское государство Ирака и Леванта» [2]. На этом этапе ИГИЛ сформировало свою социальную и управленческую базу. Социальной опорой стали радикально настроенные сунниты Ирака, которые были недовольны дискриминацией в пользу шиитов, а руководящий воинский состав был укомплектован бывшими кадровыми военными армии С. Хусейна, оказавшимися под тяжелой и унижительной дискриминацией в новом Ираке [3]. В 2014 г. ходе эскалации иракского и сирийского конфликтов ИГИЛ удалось захватить крупные населенные пункты на северо-западе Сирии и северо-востоке Ирака, а после взятия Мосула и Тикрита ИГИЛ меняет название на «Исламское государство», провозглашая создание халифата на подконтрольных территориях [2]. *Третий период* в развитии «Исламского государства» характеризуется

трансформацией ИГ из регионального масштаба в транснациональный террористический феномен, обеспечивая расширение через процедуру присяги разрозненного террористического подполья. В частности, с 2014 г. начинает активно поступать информация о присяге на верность ИГ со стороны различных террористических организаций по всему миру, которые ведут свою деятельность на территории Афганистана, Пакистана, Узбекистана, Таджикистана, Алжира, Ливии, Египта, Саудовской Аравии, Йемена, Нигерии, Камеруна, Чада, Индонезии, Филиппин, России [2].

Стремительное расширение деятельности ИГ в международных отношениях закономерно порождает вопрос о возможности экспорта его идей и опыта в другие подсистемы международной безопасности, в том числе на территорию Центральной Азии. В данном контексте представлена попытка оценить перспективы развития деструктивных процессов в Центральной Азии сквозь призму сравнительного анализа ключевых детерминант региональной безопасности регионов Центральной Азии и Ближнего Востока.

Главной детерминантной региональной безопасности на Ближнем Востоке и в Северной Африке последних лет стала слабость государственного управления, вызванная мультипликацией как внутренних, так и внешних причин. Можно выделить серию негативных факторов ближневосточной безопасности, которые способствовали деградации государственных институтов управления и заполнению вакуума власти негосударственными формами управления и развитию феномена ИГ.

Во-первых, негативное воздействие на устойчивость государств Ближнего Востока и Северной Африки оказала военно-политическая активность глобальных игроков. Военные интервенции в Ирак в 2003 г., Ливию в 2011 г. привели к свержению режимов С. Хусейна и М. Каддафи, что нарушило баланс сил между региональными лидерами и дестабилизировало внутреннюю обстановку в этих государствах. Далее внешнее участие продолжилось уже в рамках сирийского кризиса, где мы наблюдаем прямое или опосредованное вмешательство в ближневосточную конфронтацию конкурирующих центров мировой по-

литики. Военно-техническая и военно-политическая поддержка со стороны международных коалиций во главе РФ и США расширила спираль эскалации, что внушило уверенность в победе конфликтующим сторонам и добавило новых импульсов «горячей» фазе конфликта. Как следствие, региональные державы также сделали ставку на решение вопросов региональной конкуренции с помощью силы. Конфликт экономических, политических и идеологических интересов стран, претендующих на лидерство в регионе (Саудовская Аравия, Исламская Республика Иран, Турция, Израиль), вышел на более высокий уровень эскалации в условиях разбалансировки глобальных и региональных механизмов сдержек и противовесов. В итоге мы наблюдаем разные уровни военно-политической вовлеченности региональных государств в сирийский конфликт: от проиранских милитаризованных отрядов «Хезболла» и точечных авианалетов Израиля до масштабной турецкой наземной операции «Оливковая ветвь».

Во-вторых, важным фактором дестабилизации ряда ближневосточных государств стала слабеющая экономика и растущие социально-экономические проблемы. Мировой экономический кризис 2008 г. усугубил экономическое положение стран региона, спровоцировав волну массовых акций гражданского протеста. С 2010 г. так называемая «арабская весна» последовательно прошла по странам региона, где в основе гражданского протеста лежали социально-экономические требования, приведшие к требованию политических перемен политическим лозунгам: отсутствие экономических преобразований, экономическое неравенство и несправедливость, отсутствие демократических перемен [4]. В этом контексте необходимо указать, что экономики ближневосточных стран плохо справлялись с ростом численности населения, что спровоцировало резкий рост безработицы, в том числе среди молодежи [5]. В Сирии, например, эта ситуация к 2011 г. (началу конфликта) сложилась следующим образом: по данным ООН, население с 1990 по 2011 г. увеличилось с 12,3 до 20,6 млн чел. или на 67,5% [6]. За этот же период, по данным Всемирного банка, динамика безработицы среди молодежи также развивалась по нарастающей с 12,6% в 1991 г. до 35,6% в 2011 г., а средний показатель составил 22,58%. При этом общая средняя безработица за период с 1990 по 2011 г. составила 10,8% [7]. Соответственно, большое количество экономически неустроенной молодежи в странах Ближнего Востока в целом и Сирии в частности стали социальной основой и катализатором распространения активных протестных действий.

В-третьих, ближневосточная подсистема международной безопасности содержит серьезные религиозные противоречия, которые концентрируются вокруг антагонизма между шиитами и суннитами. Иран и Саудовская Аравия позиционируют себя как лидеров различных ветвей ислама. Соответственно, нарастание политико-экономической борьбы между представителями шиитов и суннитов в Ираке и Сирии автоматически отражается на внешней политике Тегерана и Эр-Рияда. На этой же основе существует ком-

плекс политических противоречий, в основе которого лежит широкая борьба за политическое лидерство и модели государственного управления в исламском мире. Основная линия разлома проходит между исламскими странами-монархиями и исламскими странами-демократиями, которые активно конкурируют в области формирования системы лояльности и поддержки среди остальных исламских стран. В этих условиях исламские государства, переживающие глубокий внутренний кризис, закономерно становятся ареной ожесточенной борьбы. Подсистема экономических противоречий выстраивается вокруг борьбы за энергетические рынки, контроля за источниками углеводородного сырья и инфраструктуры их доставки. Столкновение экономических интересов стран региона проходят между монархиями Персидского залива, которые закрепились как действующие лидеры – экспортеры углеводородного сырья, и континентальными странами Ближнего Востока, активно выходящими на мировые энергетические рынки [8].

В-четвертых, наличие в регионе открытых этнических конфликтов, которые в основном связаны с проблемой курдов в Турции, Сирии и Ираке. С одной стороны, курдские отряды самообороны «пешмерга» проявили себя как эффективные боевые единицы в борьбе против отрядов ИГ, с другой стороны, ни одно из ближневосточных государств не заинтересовано в развитии процесса строительства курдской государственности. Тем не менее курды настроены решительно: в сентябре 2017 г. руководство Иракского Курдистана провело референдум о независимости [9]; сирийские курды в 2016 г. провозгласили создание автономного округа на севере Сирии под названием «Рожава» (Западный Курдистан) [10]; турецкие курды за время сирийского конфликта серьезно обострили обстановку вдоль турецко-сирийской границы [11]. Этнические противоречия и попытки самоопределения национального меньшинства сохраняют высокий уровень напряженности в регионе.

В первом десятилетии XXI в. под действием внешней военной интервенции происходит разрушение регионального баланса сил и институтов государственного управления в ряде государств Ближнего Востока и Северной Африки. В этих странах религиозные террористические группы получили возможность участвовать в борьбе за власть. Расширение неопределенности в межгосударственных отношениях на фоне глубокого государственного кризиса ряда государств сформировало благоприятный микроклимат для дальнейшего укрепления террористических религиозных организаций. Эти группы смогли обеспечить собственную экономическую и социальную базу через захваты обширных территорий, получить доступ к финансам, оружию и поддержке на фоне противоречий между глобальными и региональными акторами. Произошел мультипликативный эффект негативных факторов в региональной подсистеме безопасности Ближнего Востока, который привел к появлению нового масштаба террористической деятельности, получившей название «Исламское государство». ИГ в ситуации кризиса институтов государственного управления в странах Ближнего Востока смогло стре-

нительно реализовать свой разрушительный проект, создав международную террористическую «франшизу» на экспорт.

Теперь предлагаем сравнить устойчивость государственных институтов Центрально-Азиатского региона (ЦАР) перед вызовами аналогичных угроз региональной безопасности, которые мы рассмотрели в ближневосточной подсистеме.

Первое отличие – качество государственных институтов стран Центральной Азии. В отличие от Ближнего Востока центральноазиатские страны демонстрируют поэтапное укрепление светских государственных институтов. Несмотря на сложные стартовые позиции государственного строительства в Центральной Азии, постсоветским среднеазиатским республикам удалось выработать стабильные модели государственного устройства на основе национальных особенностей социально-политической культуры. Эти модели проявили устойчивость во время серьезных внутренних кризисов: гражданская война в Таджикистане (1992–1997), серии государственных переворотов в Кыргызстане (2005, 2010), смена лидера в Узбекистане (2016) – во всех этих случаях государства региона продемонстрировали устойчивость институтов государственного управления. Положительная динамика фиксируется даже в спорном рейтинге несостоявшихся государств (Failed states index), где страны ЦАР улучшают свои показатели: в 2010 г. Узбекистан – 36 место, Таджикистан – 38, Кыргызстан – 45, а в 2015 г. Узбекистан – 51 место, Таджикистан – 57, Кыргызстан – 62 [12].

Второе отличие – динамический геополитический баланс между глобальными и региональными акторами в регионе. С разной степенью выраженности многовекторный и равноудаленный внешнеполитический курс «малых стран региона» (Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, Таджикистана) способствовал формированию позиционного стиля внешнеполитической активности как глобальных акторов (США, РФ, КНР), так и региональных держав в регионе. В частности, внешняя политика США, не имея явных союзников среди стран ЦАР, сконцентрировалась на афганском направлении, которое стало рассматриваться, с одной стороны, как геополитическая площадка для присмотра за деятельностью РФ, КНР и Ирана, с другой стороны, как элемент политической поддержки для продвижения экономических интересов американских компаний в энергетическом секторе. КНР и РФ изначально взяли курс на согласование правил межгосударственного взаимодействия в Центральной Азии и выработку совместных подходов в развитии региональных экономических и политических направлений. Свидетельством низкой интенсивности столкновения национальных интересов в ЦАР между глобальными акторами является вполне спокойная реакция США на решения о закрытии военных баз США в Узбекистане (Карши-Ханабад 2005) и Кыргызстане (Манас 2009). Соответственно, статус-кво между глобальными игроками в регионе и особенно внешней политики стран ЦАР скорректировали первоначальную активность внешней политики исламских государств в конце XX в. Турция на основе

идеи «пантюркизма», Иран на основе «персоцентризма» и Саудовская Аравия на основе «панисламизма» не смогли вовлечь малые страны Центральной Азии (ЦА) в орбиту своих внешнеполитических интересов, что привело к снижению амбиций исламских государств в XXI в. [13]. Специфика регионального дипломатического процесса в Центральной Азии скорректировала в сторону снижения масштабов и активности международных и региональных акторов, сформировав устойчивую систему сдержек и противовесов.

Дополнительно важно отметить существенную особенность ЦА от Ближнего Востока – это наличие общей границы с крупными центрами международных отношений РФ и КНР, которые активно участвуют в развитии взаимовыгодных отношений и равного дипломатического диалога внутри региона на многостороннем и двустороннем уровнях. В частности, действующая геополитическая диспозиция сдерживается деятельностью комплементарных межгосударственных институтов с пересекающимся членством между странами ЦА, среди которых можно отметить Шанхайскую организацию сотрудничества, Евразийский экономический союз, инициативу «Один пояс, один путь» и Организацию Договора о коллективной безопасности. Более того, подобные институты способствуют укреплению государственных институтов через развитие позитивной повестки в военно-политической, социально-экономической и гуманитарной сферах, а также снижению опасности традиционных и новых угроз и вызовов региональной безопасности. Например, китайская сторона очень активно расширяет свои экономические связи со странами региона. Товарооборот между Китаем и пятью центральноазиатскими республиками бывшего СССР – Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном, Туркменией и Узбекистаном вырос, по данным МВФ, с 1,8 млрд долл. в 2000 г. до 50 млрд в 2013 г. В это же время китайские инвестиции в регион с 2005 по 2015 г. составили 38,9 млрд долл. и приобретают долгосрочный характер с тенденцией на увеличение [14]. В этом же ключе действует и РФ, которая несмотря на собственные экономические проблемы вкладывает большие усилия и средства в развитие экономического сотрудничества со странами Центральной Азии. Так, объем накопленных российских инвестиций в регионе составляет порядка 18 млрд долл., а за последние пять лет совокупный объем российского содействия государствам Центральной Азии на двусторонней и многосторонней основе составил 6,7 млрд долл. [15].

Первое сходство в центральноазиатской подсистеме международных отношений с ближневосточными сценариями наблюдается в экономике. Современное развитие Центральной Азии характеризуется сохраняющимся низким уровнем социально-экономического развития, следствием чего является безработица, бедность, криминализация различных сфер, коррупция и возрождение клановой системы. Особенно остро эти проблемы проявляются в Таджикистане и Кыргызстане, отчасти в Узбекистане, где наблюдаются вызывающие тревогу высокие уровни неравен-

ства и бедности. К такому заключению пришли авторы исследования Программы развития ООН «Бедность, неравенство и уязвимость в странах Европы и Центральной Азии с переходной и развивающейся экономикой». В Таджикистане и Кыргызстане в условиях крайней бедности живут от четверти до трети населения, или примерно 6,7 млн человек [16]. Авторы исследования считают, что мировой финансовый кризис усугубил проблему бедности в регионе, где риск обнищания особенно высок для жителей сельских районов, а также для «новых бедных» (молодежь с высшим образованием, государственные служащие в сфере образования, здравоохранения, науки и искусства).

В ряде стран Центральной Азии, как и на Ближнем Востоке, имеет место резкий рост населения и высокие показатели по безработице, в том числе среди молодежи. Резкий рост населения с 1990 по 2017 г. наблюдается в Таджикистане – с 5,2 до 8,7 млн чел. (или на 67%), Узбекистане – с 20,2 до 30,5 млн чел. (или на 51%), в Кыргызстане – с 4,3 до 6 млн чел. (или на 40%) [6]. Средние показатели по безработице среди молодежи и общей безработице с 2006 по 2017 г. составили: Узбекистан – 15 и 8%; Таджикистан – 19,6 и 10,8%; Кыргызстан – 15 и 8% [7]. Однако вопреки негативной макроэкономической статистике странам Центральной Азии удается сохранять относительную социально-экономическую стабильность, не допуская роста числа безработных до критического уровня, в том числе молодежи, как это наблюдалось на Ближнем Востоке. Более того, за последние пять лет наблюдается постепенное снижение безработицы. В этом контексте важным фактором стабильности является близость и открытие рынка труда России, который принимает большую часть неустroенного населения Центральной Азии. В миграционном потоке из стран Центральной Азии в РФ участвует от 2,7 до 4,2 млн или от 10 до 16% экономически активного населения Центральной Азии [17]. При этом объем денежных переводов в республики Центральной Азии из России в 2013–2016 гг. составил более 37 млрд долл. [18]. Таким образом, свободное перемещение рабочей силы в рамках СНГ и ЕАЭС является важным стабилизирующим фактором для региона, заметно сглаживающим последствия экономической и социальной неустroенности стран региона, препятствуя формированию социальной базы протеста.

Устойчивость государственных институтов стран Центральной Азии перед макроэкономическими кризисными явлениями была подтверждена в 2015 г. Несмотря на целый комплекс негативных социально-экономических процессов: падение цен на мировых сырьевых рынках, масштабная девальвация национальных валют, давление на региональный рынок труда со стороны экономического кризиса в России и падающего курса рубля, страны региона смогли не допустить дестабилизации социально-политической обстановки и сохранить общественное равновесие, что подтвердилось относительно спокойным и предсказуемым прохождением выборов компаний 2016–2018 гг. в Казахстане, Таджикистане, Узбекистане и Кыргызстане.

Второй тождественный с ближневосточными реалиями негативный процесс в Центральной Азии подтверждается наличием широкой сети неконвенциональных религиозных экстремистских организаций, которые декларируют свое участие в международном исламистском фронте по строительству «нового исламского халифата». Однако следует отметить нисходящее значение этого фактора. Восхождение политического ислама было вызвано кризисными событиями 1990-х гг., когда антикоммунистическая риторика признавалась достаточным основанием для легализации любых оппозиционных движений и организаций. По мере усиления государственной власти в государствах Центральной Азии, с одной стороны, и радикализации лозунгов исламской оппозиции, с другой стороны, светские и секулярные тенденции взяли верх, а деятельность исламских неконвенциональных радикальных организаций ушла в глухое подполье [18]. Последние относительно масштабные действия исламской оппозиции были отмечены в узбекском Андижане в 2005 г. На сегодняшний день в силу социально-экономической и политической специфики стран региона деятельность подобных организаций носит ограниченный масштаб, без широкой социальной поддержки и преимущественно сосредоточена в приграничных экономически-разделенных районах и анклавных территориях стран региона.

Социологические исследования центра «Шарк» приводят следующие цифры: 1) социальная база религиозного радикализма всех направлений в странах Центральной Азии составляет порядка 6–7%; 2) религиозно-политические лидеры пользуются гораздо большей известностью, чем богословы и теоретики терроризма (умеренный исламский богослов Тарик Рамадан пользуется большим расположением мусульман Таджикистана, по сравнению с радикалом Айманом Аль-Завахири) [23]. Однако важные выводы необходимо озвучить для более детального изучения в рамках отдельного исследования: (1) в процессе адаптации в стране пребывания трудовые мигранты выходят из-под социального контроля локальных форм ислама и становятся адептами глобального ислама, легче попадая в сети вербовщиков; (2) радикализация центральноазиатской молодежи происходит наиболее эффективно и масштабно в разнородной российской исламской среде, что представляет угрозу в первую очередь для общественной безопасности РФ и Казахстана, чем стран Центральной Азии.

В целом можно зафиксировать, что сложившиеся модели государственного управления в центральноазиатских государствах позволяют сдерживать активность региональных террористических групп. Глобальный индекс терроризма (Global terrorism Index) четко фиксирует эту тенденцию: в 2012 г. Казахстан занял 47 место, Таджикистан – 59, Узбекистан – 87, Кыргызстан – 92; в 2015 г. Казахстан – 83, Таджикистан – 84, Кыргызстан – 86, Узбекистан – 124; в 2016 г. Таджикистан занимает 56-е место, Кыргызстан – 84 место, Казахстан – 94, Узбекистан – 117; на 1-м и 2-м местах находятся Ирак и Афганистан, на 14 – Турция, на 29 – Франция [19]. Согласно данному рейтингу большинство стран Центральной Азии находят-

ся в зоне «Наименьшего воздействия терроризма» (Lowest impact of terrorism).

Можно добавить, что для стран региона сохраняется актуальность наравне с силовыми методами антитеррористической борьбы наращивать превентивные социально-экономические и политические меры профилактики экстремизма и терроризма. В этом аспекте мы наблюдаем разное положение дел в странах ЦА. Например, по этому пути заметно продвинулся Кыргызстан, где, несмотря на целую серию политических кризисов (2005, 2010), удалось осуществить переход на парламентскую систему управления и активизировать работу государственных и общественных институтов, а страна в экспертном дискурсе получила красочное сравнение «Остров демократии» [20]. Иная ситуация складывается в Таджикистане, где в условиях нарастания политической борьбы происходит силовое давление как на светскую оппозицию, так и на представителей политического ислама, что приводит к популяризации экстремистских идей политической борьбы, в том числе на религиозной основе [21]. В этом контексте Таджикистан потенциально слабое звено среди стран региона, где дисбалансы социально-политического устройства могут привести к сплочению оппозиции под зелеными флагами радикальных религиозных движений, что находит отражение и в международных рейтингах.

Третье сходство между двумя подсистемами международной безопасности – в наличии продолжительного гражданского вооруженного конфликта. Проблеме Афганистана традиционно придается высокое значение в экспертно-политическом дискурсе, где афганский сюжет определяют как потенциальный катализатор дестабилизации центральноазиатской подсистемы международной безопасности, в том числе как плацдарм ИГ по пути в ЦАР [22]. Этот сюжет не так однозначен, как его представляют в экспертном и политическом дискурсе. Действительное положение идеологии ИГ в Афганистане очень шатко, регулярно фиксируются в СМИ столкновения между группами ИГ и движением «Талибан». В конце 2015 г. во время боевых столкновений лидер Исламского движения Узбекистана Усман Гази, присягнувший на верность ИГ, и еще около 50 боевиков были убиты, 60 попали в плен талибам [23]. Афганистан остается «вещью в себе», где социально-политические процессы носят ярко выраженный внутренний характер, а идеи религиозной интернациональной борьбы не находят сколько-нибудь значимой поддержки. Соответственно, варианты экспорта нестабильности в сопредель-

ные государства не рассматриваются в качестве основных задач для участников афганской социально-политической борьбы. Более того, движение «Талибан» все чаще фигурирует как антагонист ИГ в Афганистане, что добавляет вопросов касательно будущего этого движения в политической жизни страны.

Проведенный анализ показывает, что перспективы радикализации и формирования очагов нестабильности в центральноазиатской подсистеме международной безопасности с участием религиозных террористических группировок маловероятны в действующих условиях. Государства Центральной Азии за годы независимого существования выработали собственные модели государственного устройства, которые продемонстрировали устойчивость и постепенное укрепление государственных институтов. Благоприятная динамическая геополитическая стабильность со стороны и между крупными игроками региона обеспечивает благоприятные военно-политические и социально-экономические условия для мирного развития региона.

Радикальные идеи, в том числе установки ИГ, не получают широкой поддержки у населения и не могут устойчиво закрепиться в обществах стран Центральной Азии. Сохраняется социальная база радикализма в силу влияния социально-экономической неустроенности среди большого числа населения региона, но экономическая и политическая помощь РФ и КНР позволяют нивелировать эти негативные макроэкономические тенденции. В этом контексте, с целью профилактики экстремистских и радикальных практик важно обратить внимание на пропагандистскую, просветительскую и оперативно-правоохранительную работу среди трудовой молодежи в первую очередь в странах-реципиентах.

Опасения по поводу наступления идеологии ИГ с афганского направления представляются преувеличенными, поскольку на данный момент небольшие отряды ИГ встречают ожесточенное сопротивление со стороны основных группировок движения «Талибан», что не позволяет «Исламскому государству» закрепиться в Афганистане.

Среди национальных рисков наибольшее опасение вызывает Таджикистан, поскольку сохраняется внутренняя напряженность в борьбе за власть в стране, которая вкуче со скромными показателями экономического развития и силовым давлением на оппозицию требует от экспертного и политического сообщества более внимательного подхода к мониторингу ситуации в этой стране.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Организация запрещена на территории РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кронин О.К. ИГИЛ – не группа террористов // Россия в глобальной политике. 2015. № 2. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/IGIL--ne-gruppa-terroristov-17447>
2. Террористическая организация «Исламское государство». Досье // ТАСС. URL: <https://tass.ru/info/1264570>
3. Замуруев Ф.С. ИГИЛ и кризис государственности на Ближнем Востоке // Вестник МГИМО. 2015. № 5 (44). С. 245–246.
4. Власти Сирии обещают пойти навстречу демонстрантам // BBC Русская служба. URL: http://www.bbc.com/russian/international/2011/03/110324_syria_protests

5. Молодежная безработица в мире достигнет максимума за всю историю. 2010.08.13. URL: <http://www.rbc.ru/society/13/08/2010/5703dcf69a79470ab5023c4b>
6. Данные о численности населения стран мира по данным Отдела народонаселения при Департаменте по экономическим и социальным вопросам ООН // Статистический агрегатор «Countrymeters». URL: <https://countrymeters.info/ru>
7. Данные по безработице, в том числе среди молодежи, по данным Всемирного Банка // Статистический агрегатор «Countries.World». URL: <https://ru.countries.world/>
8. The wall street journal. Iraq, Iran, Syria Sign \$10 Billion Gas-Pipeline Deal. URL: <https://www.wsj.com/articles/SB1000142405311903591104576467631289250392>
9. Причины и последствия референдума о независимости Иракского Курдистана // ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4584321>
10. Иванов, С.М. Вооруженные конфликты в Сирии и Ираке // Observer. 2017. № 3 (326). С. 14–24.
11. Мазур О.А. Позиция Турции по отношению к курдскому вопросу в Сирии // Вестник Пермского университета. Сер. Политология. 2016. № 2. С. 177–184.
12. Индекс слабости государств (Failed States Index). 2018.03.25. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/failed-states-index>
13. Борисов Д.А. «Большая игра 2.0»: исламский мотив на пространстве Центральной Азии (1990–2000 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 407. С. 44–48.
14. Бордачев Т. Россия и Китай в Центральной Азии: большая игра с позитивной суммой // Россия в глобальной политике. 2016. № 4. URL: <http://www.globalaffairs.ru/valday/Rossiya-i-Kitai-v-Tsentralnoi-Azii-bolshaya-igra-s-pozitivnoi-summoi-18258>
15. Россия и Центральная Азия // МИД РФ. URL: <http://www.mid.ru/rossia-i-problemy-central-noj-azii>
16. Программа развития ООН. Бедность, неравенство и уязвимость в странах Европы и Центральной Азии с переходной и развивающейся экономикой. 2014. URL: <http://www.eurasia.undp.org/content/dam/rbec/docs/Poverty%20Inequality%20and%20Vulnerability%20%28Russian%29.pdf>
17. Рязанцев С. Трудовая миграция из Центральной Азии в Россию в контексте экономического кризиса // Валдайские записки. 2016. № 55. URL: http://ru.valdaiclub.com/a/valdai-papers/valdayskaya-zapiska-55/?sphrase_id=139200
18. Маркедовнов С.В. Модернизация по-центральноазиатски // Полит.ру. 2017.12.01. URL: <http://polit.ru/article/2007/08/24/centralasia/>
19. Глобальный индекс терроризма. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/global-terrorism-index/info>
20. РСМД. Лукьянов Г. Кыргызстан: «остров демократии» перед вызовом эффективного управления. 2017.06.23. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kyrgyzstan-ostrov-demokratii-pered-vyzovom-effektivnogo-upravleniya/>
21. В Таджикистане суд запретил Партию исламского возрождения // Lenta.ru. 2015.09.29. URL: <https://lenta.ru/news/2015/09/29/pivt/>
22. Патрушев заявил о стремлении ИГИЛ создать «новые плацдармы» в Азии. 2018.04.06. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/58e5f1d39a79471b3464cb00>
23. Усман Гази, лидер ИДУ убит в Афганистане? // Информационное агентство ОЗОДАГОН. 2017.12.01. URL: <http://catoday.org/centrasia/23187-usman-gazi-lider-idu-ubit-v-afganistane.html>

Статья представлена научной редакцией «История» 26 марта 2019 г.

ISIS in Central Asia: Middle East Analogies and Regional Features

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 448, 101–107.

DOI: 10.17223/15617793/448/13

Denis A. Borisov, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russia Federation). E-mail: denisborisov69@gmail.com

Asliddin (Marat) M. Safarov, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russia Federation). E-mail: safarovmarat001@mail.ru

Keywords: Central Asia; Middle East; regional security; ISIS; extremism.

This study compares the prerequisites and basic factors of regional security in the Middle Eastern and Central Asian subsystems of international relations. The authors attempt to estimate the probability of a repeat of Middle Eastern scenarios and such phenomena and processes as the Arab Spring and ISIS in the Central Asian space. The article suggests the logic of the escalation of Middle Eastern conflicts in the context of national, regional and international processes. A comparative analysis of the sustainability of state structures of the Middle Eastern and Central Asian countries is carried out. The role of the regions in foreign policy concepts of global and regional actors is given. In particular, the current development of Central Asia is characterized by a persistent low level of socioeconomic development and, as a result, unemployment, poverty, criminalization of various spheres, corruption. The low quality of the work of state institutions is also recorded. The revival of the clan system, the growth of radical nationalistic and religious attitudes and the strengthening of authoritarian political regimes in the countries of the region are having a negative impact. The authors believe that despite the chronic nature of social and economic problems, the region manages to maintain relative social stability and stay free from a critical mass of radicalization, primarily in the youth environment. Short-term prospects for the formation of a center of instability in the Central Asian subsystem of international security with the participation of radical groups are unlikely. The countries of Central Asia manage to level out the aggravation of social contradictions with the help of external factors: economic assistance from the Russian Federation and the PRC and keeping open channels for labor migration. During the years of independence, the Central Asian countries succeeded in developing their own models of the state control system, which demonstrate the stability and step-by-step strengthening of state institutions. Positive dynamic stability between major world and regional players, extensive network of interstate institutions in the field of security and economic development provide conducive military-political and socioeconomic conditions for the development of Central Asia. In addition, the authors note the overassessment of the “Afghan factor” in the context of the supporting of security in Central Asia and also warn about the complication of public security because of religious extremism for recipient countries of labor migrants. Among the most unpredictable security positions at the national level is the difficult situation in Tajikistan, where it is not yet possible to form a workable economic and sociopolitical model of the country’s development.

REFERENCES

1. Kronin, O.K. (2015) IGIL – ne gruppa terroristov [ISIS Is Not a Terrorist Group]. *Rossiya v global'noy politike – Russia in Global Affairs*. 2. [Online] Available from: <http://www.globalaffairs.ru/number/IGIL—ne-gruppa-terroristov-17447>.
2. TASS. (2015) *Terroristicheskaya organizatsiya “Islamskoe gosudarstvo”. Dos’e* [Terrorist organization “Islamic State”. A Dossier]. [Online] Available from: <https://tass.ru/info/1264570>.

3. Zamuruev, F.S. (2015) ISIS and Crisis of Statehood in the Middle East. *Vestnik MGIMO – MGIMO Review of International Relations*. 5 (44). pp. 245–246. (In Russian).
4. BBC Russian Service. (2011) *Vlasti Sirii obeshchayut poyti navstrechu demonstrantam* [Syrian authorities promise to meet the demonstrators halfway]. [Online] Available from: http://www.bbc.com/russian/international/2011/03/110324_syria_protests.
5. Rbc.ru. (2010) *Molodezhnaya bezrobotitsa v mire dostignet maksimuma za vsyu istoriyu* [Youth unemployment in the world will reach its maximum in history]. [Online] Available from: http://www.rbc.ru/society/13/08/2010/5703_dcf69a79470ab5023c4b.
6. Countrymeters.info. (2019) *Dannye o chislennosti naseleniya stran mira po dannym Otdela narodonaseleniya pri Departamente po ekonomicheskim i sotsial'nym voprosam OON* [Data on the population of countries around the world according to the United Nations Population Division]. [Online] Available from: <https://countrymeters.info/ru>.
7. Countries.World. (2019) *Dannye po bezrobotitse, v tom chisle sredi molodezhi, po dannym Vsemirnogo Banka* [Data on unemployment, including among youth, according to the World Bank]. [Online] Available from: <https://ru.countries.world/>.
8. Hafidh, H. & Faucon, B. (2011) Iraq, Iran, Syria Sign \$10 Billion Gas-Pipeline Deal. *The Wall Street Journal*. 25 July. [Online] Available from: <https://www.wsj.com/articles/SB10001424053111903591104576467631289250392>.
9. TASS. (2017) *Prichiny i posledstviya referendumu o nezavisimosti Irakskogo Kurdistana* [Causes and consequences of the referendum on the independence of Iraqi Kurdistan]. [Online] Available from: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4584321>.
10. Ivanov, S.M. (2017) Armed conflicts in Syria and Iraq and prospects of their decision. *Obozrevatel' – Observer*. 3 (326). pp. 14–24. (In Russian).
11. Mazur, O.A. (2016) Pozitsiya Turtsii po otnosheniyu k kurdskomu voprosu v Sirii [Turkey's position in relation to the Kurdish issue in Syria]. *Vestnik Permskogo universiteta. Ser. Politologiya – Bulletin of Perm University. Political Science*. 2. pp. 177–184.
12. Gtmarket.ru. (2018) *Indeks slabosti gosudarstv* [Failed States Index]. 25 March. [Online] Available from: <http://gtmarket.ru/ratings/failed-states-index>.
13. Borisov, D.A. (2016) “The Great Game 2.0” in Central Asia (The Beginning: 1990–2000). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 407. pp. 44–48. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/407/7
14. Bordachev, T. (2016) The Great Win-Win Game. *Rossiya v global'noy politike – Russia in Global Affairs*. 4. [Online] Available from: <http://www.globalaffairs.ru/valday/Rossiya-i-Kitai-v-Tcentralnoi-Azii-bolshaya-igra-s-pozitivnoi-summoi-18258>. (In Russian).
15. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. (2019) *Rossiya i Tsentral'naya Aziya* [Russia and Central Asia]. [Online] Available from: <http://www.mid.ru/rossia-i-problemy-central-noj-azii>.
16. UNDP. (2014) *Bednost', neravenstvo i uyazvимость v stranakh Evropy i Tsentral'noy Azii s perekhodnoy i razvivayushcheysya ekonomikoy* [Poverty, Inequality, and Vulnerability in the Transition and Developing Economies of Europe and Central Asia]. [Online] Available from: <http://www.eurasia.undp.org/content/dam/rbec/docs/Poverty%20Inequality%20and%20Vulnerability%20%28Russian%29.pdf>.
17. Ryazantsev, S. (2016) Trudovaya migratsiya iz Tsentral'noy Azii v Rossiyu v kontekste ekonomicheskogo krizisa [Labor migration from Central Asia to Russia in the context of the economic crisis]. *Valdayskie zapiski*. 55. [Online] Available from: http://ru.valdaiclub.com/a/valdai-papers/valdayskaya-zapiska-55/?sphrase_id=139200.
18. Markedovnov, S.V. (2007) Modernizatsiya po-tsentral'noaziatski [Modernization in the Central Asia way]. *Polit.ru*. 1 December. [Online] Available from: <http://polit.ru/article/2007/08/24/centralasia/>.
19. Gtmarket.ru. (2019) *Global'nyy indeks terrorizma* [Global Terrorism Index]. [Online] Available from: <https://gtmarket.ru/ratings/global-terrorism-index/info>.
20. Luk'yanov, G. (2017) *Kyrgyzstan: “ostrov demokratii” pered vyzovom effektivnogo upravleniya* [Kyrgyzstan: “the island of democracy” facing the challenge of good governance]. [Online] Available from: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kyrgyzstan-ostrov-demokratii-pered-vyzovom-effektivnogo-upravleniya/>.
21. Lenta.ru. (2015) *V Tadjikistane sud zapretil Partiyu islamskogo vozrozhdeniya* [In Tajikistan, the court banned the Islamic Revival Party]. 29 September. [Online] Available from: <https://lenta.ru/news/2015/09/29/pivt/>.
22. Rbc.ru. (2018) *Patrushev zayavil o stremlenii IGIL sozdat' “novye platsdarmy” v Azii* [Patrushev stated the desire of ISIS to create “new bases” in Asia]. 6 April. [Online] Available from: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/58e5f1d39a79471b3464cb00>.
23. OZODAGON. (2017) *Usman Gazi, lider IDU ubit v Afganistane?* [Usman Ghazi, IMU leader killed in Afghanistan?]. 1 December. [Online] Available from: <http://catoday.org/centrasia/23187-usman-gazi-lider-idu-ubit-v-afganistane.html>.

Received: 26 March 2019

К.Д. Бугров, В.В. Запарий

ТАНКостроение в контексте военно-хозяйственной стратегии СССР 1930-х гг.

Рассматривается проблема организации танковой индустрии СССР в контексте военно-хозяйственной стратегии советского руководства конца 1920–1930-х гг. Показано, что в стратегическом смысле руководство СССР рассчитывало ассимилировать военное производство на вновь создаваемых заводах-гигантах, перейти к конвейерным методам выпуска. На примере советской танковой промышленности охарактеризована реализация данной стратегии на практике, оценена степень ее эффективности.

Ключевые слова: танкостроение; поточное производство; фордизм; военная стратегия; индустриализация; СССР.

Историографические оценки характера и степени военизации советской экономики периода индустриализации противоречивы [1. С. 127–133; 2. С. 268–273]: одни ученые считают, что Советский Союз страдал от чрезмерной милитаризации [3. С. 465–466; 4. С. 173], другие – что степень милитаризации советской экономики не была особенной и подчеркивают, что к середине 1930-х гг. уровень военизации хозяйства потенциального агрессора (Германии) был существенно выше [5. Р. 174; 6. С. 133; 7. С. 232–233]. Большинство авторов признают, что, несмотря на многочисленные трудности, советская политико-экономическая система сумела создать достаточную промышленную базу, чтобы в тяжелейших условиях начального этапа войны эвакуировать основные фонды оборонной промышленности в тыловые районы, с последующим успешным вводом их в строй. Однако простое признание этого зачастую представляет советскую промышленную стратегию как нечто простое, игнорируя важность ряда факторов, которые оказались слагаемыми победы. В настоящей работе мы рассмотрим важнейшие черты, определявшие развитие советской промышленной стратегии конца 1920–1930-х гг. на примере танковой индустрии.

Своего рода константами «стратегического воображения» сталинского руководства СССР, выработанными к концу 1920-х гг., можно считать следующие идеи: неизбежность новой войны, изоляция Советского Союза, ожидание грядущей революции хотя бы в одной или нескольких зарубежных странах. В 1923 г. наркомвоенмор М.В. Фрунзе замечал: «Инициатива нападения будет принадлежать не нам. Поскольку дело касается нас, мы могли бы спокойно выждать результатов одних наших культурно-хозяйственных успехов. Рано или поздно, но это неизбежно привело бы к торжеству социалистических идеалов и в других странах. Но наши противники вряд ли дадут нам возможность мирного социалистического строительства, которое несет угрозу самому существованию капитализма» [8. С. 8]. Из признания того, что неизбежна не только война, но и глобальная революция, вытекала дилемма, решить которую советским вождям было чрезвычайно сложно. Изоляцию СССР, всегда чреватую формированием антисоветской коалиции, нельзя преодолеть обычными дипломатическими средствами, конец ей положит лишь революция за рубежом. Еще в 1928 г. Сталин, обосновывая

потребность в форсированной политике индустриализации, замечал, что вопрос не был бы столь острым, «если бы мы имели пролетарскую диктатуру не только в нашей стране, но и в других, более передовых странах, скажем, в Германии и Франции» [9. С. 251]. Однако война может вспыхнуть раньше, чем настанет мировая революция, и в таком случае СССР должен быть готов отразить удар врага. Сочетание дипломатического маневрирования с подготовкой к неизбежной войне и с осознанием заведомо недолговечности любых мыслимых альянсов формировало противоречивый курс, которым Советский Союз следовал через беспокойные воды международной политики Интербеллума.

Такая парадигма стратегического мышления оказывала влияние и на программу экономического строительства, которую советское руководство проводило в жизнь со второй половины 1920-х гг. Разумеется, программа индустриализации СССР не была цельным, непротиворечивым планом развития, она формировалась под влиянием целого ряда факторов. Ее важнейшими параметрами можно считать, во-первых, стремление советских планировщиков к форсированной «американизации» вновь создаваемой промышленности [10; 11. Р. 111–164] и, во-вторых, к географической диверсификации, к созданию крупного производства в восточных районах страны. Например, размещение мощного производства на Урале и в Кузбассе (Урало-Кузнецкий комбинат) имело целью обеспечить хозяйство Западной Сибири различными товарами [12. С. 80] – металлом (Магнитогорск, Сталинск¹), блюмингами и прокатными станами (Свердловск), тракторами (Челябинск), комбайнами (Новосибирск), локомотивами (Орск, Каменск-Уральский²), вагонами (Нижний Тагил), удобрениями (Березники). Свою роль, впрочем, играл и оборонный фактор [13. С. 25]. Новые методы поточной сборки были связаны с концепцией, известной как «фордизм» (Fordismus) – концентрированным, рационализированным массовым производством, ориентированным на массовое же потребление и особого рода регуляцию отношений между работодателем и работником [14]. После Первой мировой войны «фордизм» оказался в центре общеевропейского интереса к мощной американской производственной культуре и ее социальным эффектам – интерес к фордистским методам и, шире, к технократии

проявляли самые разные политические деятели – от лидера французской партии радикалов Э. Эррио до итальянского *дуче* Б. Муссолини [15. Р. 27–61]. Что говорить об СССР, располагавшем к тому собственной школой изучения рационализации труда (А.К. Гастев): несмотря на различия между рыночной экономикой США эры «просперити» и плановым хозяйством сталинского социализма, «переход к крупному массовому производству, стандартизации, поточно-конвейерному методу, научной организации труда и управления» оставался для советских руководителей желанным ориентиром [16. С. 46–59; 17. С. 131–139].

Амбициозная экономическая программа определяла облик военной доктрины. Советские вожди считали военные приготовления производными от общего социально-экономического строя государства. Все тот же Фрунзе в начале 1920-х гг. подчеркивал: «Центр тяжести ведения войны переместился с фронта назад – в тыл» [8. С. 5–12]. Технически отсталый и бедный СССР, согласно Фрунзе, не может позволить себе постоянно держать под ружьем огромную и дорогую армию и потому должен готовить «военизацию еще в мирное время работы всего гражданского аппарата», чтобы быстро перейти на военные рельсы в случае конфликта. Или, как выразился в 1926 г. другой классик советской стратегии, А.А. Свечин: «По мере развития производительных сил и увеличения сложности техники наблюдается тенденция к умалению значения экономических усилий, сделанных в течение самой войны» [18. С. 88]. Вплоть до конца 1920–х гг. советская властная элита стремилась к экономии военных расходов [3. С. 465–466].

Однако развертывание первого пятилетнего плана, нацеленного на превращение СССР из отсталой страны в развитую (и, соответственно, из «бедной» – в «богатую») стимулировало аппетиты части военных. В 1930 г. М.Н. Тухачевский, основываясь на впечатляющих цифрах пятилетки, предложил сверхамбициозную программу насыщения Красной армии новой техникой. Это насыщение должно было стать производной от стремительного роста гражданской экономики, в частности, развития моторостроения, качественной металлургии, химической и автотракторной промышленности. Тухачевский пытался рассчитать возможности снабжения Красной армии танками, устанавливая приблизительную корреляцию с тракторным производством: один танк на каждые два трактора [7. С. 112]. Поначалу такие расчеты встретили отповедь со стороны Ворошилова, обвинившего Тухачевского в «красном милитаризме», и Сталина, однако, в конечном счете, возобладала точка зрения о том, что растущая советская индустрия способна дать Красной армии больше вооружений [Там же. С. 138, 144].

Откуда же брался подобный экономический оптимизм? Советские руководители рассчитывали на ускоренное заимствование лучшего мирового опыта – поточного «фордистского» производства – и на плановую систему управления экономикой, предположительно способную дать непрерывный рост. «Фордистская», американская система под плановым управле-

нием считалась способом получить на случай войны мощную армию при одновременном снижении нагрузки на хозяйство.

Показателен пример рассуждений видного хозяйственника, заместителя председателя Госплана И.Т. Смилга. 5 мая 1931 г. он выступил с докладом в Коммунистической академии, а в октябре того же года материалы доклада были опубликованы отдельной брошюрой. Смилга утверждал, что советская военная промышленность может готовиться к грядущим сражениям двумя путями: путем внедрения военной промышленности в гражданскую, как в США, либо путем создания «мощной специальной военной промышленности», как в дореволюционной России. Предпочтение Смилга отдавал первому пути: «Как ни парадоксально звучит этот тезис, но при отсутствии или почти полном отсутствии военной промышленности Америка является одной из самых могущественных в военном отношении стран» [19. С. 10]. Поэтому и стране Советов вместо кадровой военной индустрии нужно иметь достаточное количество мощностей в гражданской промышленности, чтобы в нужный момент резко нарастить объем производства: «У нас возникают предприятия массового производства, построенные на поточном принципе, которые осваивают и в ближайший год освоят достижения передовых стран. Внедряются в промышленность и народное хозяйство стандарты, взаимозаменяемость частей. Соответственно этому перестраивается все подсобное хозяйство, обслуживающее наши промышленные гиганты. Все движется именно в американскую сторону» [Там же. С. 21].

Впрочем, целиком отказаться от кадровой военной промышленности СССР так и не сумел, к середине 1930-х гг. в значительной мере возродив старую практику концентрации производства вооружений на кадровых заводах и накопления полученного оружия впрок [3. С. 398; 6. С. 38]. Борьбу между двумя точками зрения – кадровая промышленность vs ассимиляция – можно охарактеризовать как основной фактор эволюции системы организации военной промышленности в довоенном СССР [20. С. 3–15].

Ярчайшим воплощением военно-экономической стратегии Советского Союза, отразившей ее сильные и слабые стороны, стала танковая промышленность. Хотя первые попытки создать советский танк относятся к 1927 г. [21. С. 7–11], полноценное развертывание танкостроения в СССР началось лишь в начале 1930-х гг., по мере создания современной автотракторной и металлургической индустрии. Анонимный автор книги «Роль техники в будущей войне» (1932) утверждал: «При развитой тракторной и автомобильной промышленности не представит особых затруднений иметь мощную механизированную армию» [22. С. 38].

На раннем этапе советское танкостроение шло путем копирования (с незначительными усовершенствованиями) конструкций, разработанных в Великобритании и США, что отвечало общему вектору индустриально-технической стратегии СССР в начале индустриализации. Запущенная в годы первой пятилетки танковая «линейка» включала как полноценные в

боевом смысле модели БТ, Т-26, Т-28 и Т-35, так и малые: Т-27, плавающие Т-37. Тем не менее освоение новых технологий в области металлургии и машиностроения давалось советским предприятиям весьма нелегко. В СССР отсутствовала производственная база современных танковых и авиационных двигателей необходимой мощности, а смежные отрасли – металлургия (в особенности литье), металлообработка (специальные металлорежущие станки), точная механика – сами находились в процессе становления. По данным М.Ю. Мухина, для производства танка Т-26 в 1932 г. требовалась кооперация 23 предприятий [20. С. 3–17]. Самыми слабыми местами танкового производства следует назвать двигателестроение, производство гусеничных лент и броневое производство.

Советские металлурги не могли получить должное качество цементированной брони толщиной 10–13 мм, согласно технологии, заимствованной в Великобритании, не удавалась и кондиционная выплавка особо прочной стали Гадфильда, шедшей на изготовление гусеничных лент танков. Пристрастие руководства ГАБТУ (Главное автобронетанковое управление) РККА к колесно-гусеничным машинам в 1930-е гг. можно объяснить тем, что перемещение на колесах давало танку возможность сберечь неудовлетворительно малый ресурс гусеничных лент.

Созданные на основе лицензионного 6-тонного образца британской фирмы «Виккерс-Армстронг» танки Т-26 оказались заметно тяжелее своих прототипов (необходимость использовать более толстую отечественную броню 15 мм), их ходовая часть и двигатель оказались перегруженными и ненадежными. А скоростные колесно-гусеничные танки серии БТ (лицензионный танк американского конструктора Дж. Кристи) требовали мощных авиационных двигателей типа «Либерти», крупносерийное производство которых под шифром М-5 долго (до конца 1920-х) не могли наладить в СССР. Проблема была столь острой, что часть моторов для программы быстроходных танков в начале 1930-х гг. приходилось приобретать на вторичном рынке в США [23. С. 200–202]. В свою очередь, так называемые танки качественного усиления Т-28 и сверхтяжелые Т-35, для своей постройки также требовали дефицитных авиамоторов (М-5, М-17) и, несмотря на мощное вооружение, подобно прочим советским машинам того времени, были дороги в производстве, имели ненадежную трансмиссию, низкий ресурс гусеничных лент (в среднем около 500 км). Наконец, созданные на основе автомобильных агрегатов легкие плавающие разведывательные танки Т-37 не отличались выдающимися боевыми характеристиками, имели слабую устойчивость на воде, малую мощность силовой установки и вооружения. В результате советские танки первых выпусков (1932–1936 гг.) имели крайне низкие ходовые качества при большом весе, чем их зарубежные прототипы. Но именно на этих боевых машинах Красная армия к середине 1930-х гг. получила первый опыт формирования и использования на учениях подвижных соединений, подготовки командиров и личного состава.

Тем временем маховик «танкизации» РККА раскручивался по мере того, как индустриализация стра-

ны набирала ход. По итогам первой пятилетки советская промышленность произвела порядка 7 457 боевых машин [6. С. 84]. В июле 1933 г. наркомвоенмор К.Е. Ворошилов, сообщая В.М. Молотову о результатах «танкизации» за годы первой пятилетки³, утверждал: «Первая пятилетка превратила РККА из армии в отношении механизации отсталой в армию передовую, и, во всяком случае, по числу и качеству боевых машин, не уступающую любой, самой сильной капиталистической армии». Красная армия, согласно Ворошилову, располагала 5 600 танками, из них 4 800 – «вполне современных»; это – больше, чем в сумме имеют «6 главнейших капиталистических армий».

Однако вывод Ворошилова был не очень оптимистичным: «Мобилизационные возможности Англии, Франции и Америки каждой в отдельности пока что выше наших. Это ставит перед нами важнейшую задачу обеспечения такой мобилизационно-производственной базы, которая в случае надобности могла бы немедленно дать армии необходимую массу танков. Создание такой прочной мобилизационно-производственной базы позволит нам в ближайшие годы перенести центр тяжести огромных заказов мирного времени на подготовку производства к выпуску в военное время массового количества вполне современных боевых машин». Те 5 600 танков, о которых говорил Ворошилов, были произведены силами группы специализированных заводов – (заводы «Спецмаштреста»)⁴; наркомвоенмор предостерегал, что без включения в военное производство вновь созданных заводов-гигантов гражданского назначения мобилизационный план СССР выполняться не будет. Кроме того, по словам Ворошилова, у танкового парка Красной армии хватало других слабых мест: неполная комплектность боевых машин, слабая ремонтная база, нехватка запчастей, отсутствие гаражей, хранилищ горючего и мастерских для ремонта, а также низкое качество продукции в целом [24. С. 137–138].

Справиться с трудностями предполагалось во второй пятилетке, в ходе которой акцент должен был быть сделан именно на освоении вновь выстроенных производственных мощностей гражданского назначения – тех заводов, которые советская пресса почти исключительно именовала «гигантами».

Как подчеркивает современный исследователь А.К. Соколов, в годы второй пятилетки в СССР начинают складываться «региональные базы по выпуску отдельных видов вооружений, основанные на ассимиляции предприятий гражданского и военного профиля» [Там же. С. 67]. Ярче всего этот процесс проявился в танкостроении. Производство танков было локализовано в трех промышленных базах: северной (Ленинград), центральной (Москва, Горький, Выкса и Кулебаки) и южной (Харьков, Сталинград, Мариуполь) [Там же. С. 195]. Каждая из баз производила определенный тип боевых машин. Основную массу танковой продукции выпускали пять специализированных заводов – завод № 37 в Москве, Горьковский автомобильный завод имени Молотова, Сталинградский тракторный завод имени Дзержинского, завод имени Ворошилова в Ленинграде и Харьковский паровозостроительный завод имени Коминтерна. Имен-

но этим заводам предстояло, согласно планам советского военно-политического руководства, не только обеспечить более высокое качество имеющихся конструкций боевых машин, но и дать новые, более совершенные образцы – в соответствии с упомянутым уже постановлением Совета труда и обороны от 13 августа 1933 г. Всего же в производстве должно было участвовать более десятка предприятий.

План мирного времени на 1934–1938 гг. предполагал производство около 12 тыс. танков [6. С. 91–92]; в случае же войны постановление Совета труда и обороны СССР № 85 от 9 сентября 1933 г. обязывало заводы Наркомтяжпрома дать армии 30 800 боевых машин (15 700 танков, 13 тыс. танкеток и 2 тыс. броневых автомобилей) в течение первого года конфликта [24. С. 160]. За счет чего же планировалось гарантировать выполнение амбициозного мобилизационного плана в танковой индустрии? Советское руководство рассчитывало ассимилировать военное производство на крупнейших заводах, использовавших метод конвейерной сборки. В двух из трех баз располагались созданные в годы первой пятилетки заводы-гиганты, выстроенные по американским проектам и использовавшие крупные конвейерные системы для автотракторного производства – Сталинградский и Харьковский тракторный заводы, Горьковский автомобильный завод. Первый в СССР непрерывный конвейер заработал на Сталинградском тракторном заводе еще в 1929–1930 гг.; вскоре к поточной сборке приступили автозаводы Москвы (ЗИС) и Горького [25. С. 161].

Однако и во второй пятилетке усилия по осуществлению ассимиляции военного производства на гражданских заводах оказались неудачными. План мирного времени на 1934 г. составлял 4 110 единиц, из которых выпущено было стараниями все тех же пяти заводов 3 565 единиц [6. С. 91]. А ведь важнейшей цифрой оставался не производственный, а мобилизационный план, предусматривавший увеличение производства практически в 8,5 раз! [24. С. 160]

В октябре 1934 г. Г.Д. Хаханьян, член Комиссии советского контроля при СНК, жаловался Сталину: установленная в 1933 г. цифра в 30 800 бронемашин, которую Наркомтяжпром обещал дать армии в первый год возможной войны (если таковая вспыхнет в 1934 г.), не является выполнимой. Ни один из пяти заводов, непосредственно вовлеченных в выпуск разных типов танков, не сумеет исполнить мобилизационный план; даже производство «уменьшенного количества в первый год войны столкнется с рядом серьезнейших затруднений» [Там же. С. 312–313]. Хаханьян приходил к выводу о том, что срыв мобилизационного плана связан со стремлением руководства ГВМУ сконцентрировать военное производство на небольшом количестве профильных заводов. Виновно неумелое, «канцелярское» управление со стороны ГВМУ, так как общей мощности советской промышленности хватит для выполнения мобилизационного плана при грамотном руководстве. Несколько по-иному оценивал причины провала мобилизационного плана начштаба РККА А.И. Егоров, который в записке Ворошилову от 20 декабря 1934 г. фиксировал разрыв между запланированными и фактическим осу-

ществленными вложениями (по танкостроению – 125 млн запланированных рублей против 34 млн фактически отпущенных), лаконично заключая: «Задача, установленная на 1935 г., не будет обеспечена» [24. С. 335].

Между тем проблема подготовки к выполнению мобплана была далеко не единственной трудностью на пути военной промышленности. Советскую индустрию подстерегал целый ряд технических вызовов, с которыми не удавалось справиться в короткие сроки. Уже упомянутое желание военных получить универсальный танк с колесно-гусеничным движителем поставило промышленность в тяжелое положение, поскольку такие конструкции оказались чрезвычайно сложными в изготовлении и не соответствовали реальным производственным возможностям ведущих танкостроительных предприятий СССР (Кировский завод, Харьковский паровозостроительный завод № 183), не говоря уже об ассимиляции производства на крупных конвейерных производствах. Так, до конца 1930-х гг. не удавалось создать дизельный двигатель для танков серии БТ, появление которого ожидали уже к 1934 г., поэтому производство Т-28, Т-35 и БТ продолжалось с прежним силовым агрегатом (мотор М-17). Многочисленные рекламации на качество Т-26 и Т-28, поступающие из армии, заставили военное руководство начать разработку новых конструкций – танков Т-46 и Т-29, которые должны были заменить общевойсковые Т-26 и машины качественного усиления Т-28. А на замену многочисленных машин БТ, Т-37/38 планировался колесно-гусеничный плавающий танк ПТ-1 [26. С. 24–25]. В 1936–1937 гг. программа перехода Красной армии на новые универсальные колесно-гусеничные танки была провалена промышленностью. Причиной провала оказались не только застарелые проблемы предприятий танкпрома, продолжавших испытывать недостаток квалифицированных кадров и металлорежущего оборудования, но и трудности в системе кооперированных предприятий – поставщиков бронекорпусов, моторов и отдельных комплектующих и запасных частей (этих последних, в связи с низкой технической надежностью, не хватало).

Итак, «американизация» давалась социалистической экономике крайне тяжело. Попытки добиться гарантии осуществления мобилизационного плана вели к сосредоточению усилий в кадровой военной промышленности, к большим цифрам военного производства мирного времени. Между тем с приходом в 1933 г. к власти в Германии гитлеровцев военная угроза стала более ощутимой; в середине 1930-х гг. Красная армия начала стремительно расти в численности. К 1935 г. экономика страны фактически перешла на мобилизационный режим [27. Р. 397], словно бы готовясь вступить в войну [5. Р. 172], тогда как политическое руководство продолжало стараться оттянуть конфликт, отмечая для СССР саму возможность выступить агрессором [3. С. 404–405; 5. 173]. Начавшаяся в 1936 г. гражданская война в Испании проверила имеющиеся на вооружении Красной армии танки и бронемашин в реальных условиях. Оказалось, что советские танки с противоположной

броней с легкостью поражаются недавно появившейся в армиях потенциальных противников малокалиберной противотанковой артиллерией [23. С. 368–371]. Инженерам СССР пришлось приступить к исследованию мирового опыта (в частности, французского) по созданию танков с противоснарядным бронированием, заняться разработкой нового поколения боевых машин, способных при аналогичной с БТ подвижности успешно противостоять огню противотанковых орудий. На этом фоне военная промышленность погрузилась в кризис. Особенно тяжелым он оказалась в танковой индустрии, вынужденной одновременно гнаться за технологическим ростом потенциальных противников, работать над ассимиляцией производства во имя мобилизационного плана, компенсировать провалы ассимиляции усилением работы кадровых военных заводов и, наконец, сражаться за повышение качества продукции, остававшегося удручающе невысоким.

Кремль пытался подстегнуть военное производство с помощью административных преобразований. С 1936 г. началась перекройка системы управления военной промышленностью; череда реорганизаций к 1941 г. завершилась созданием пяти специализированных ведомств, одним из которых был «танковый» наркомат среднего машиностроения. Однако лихорадочные административные перестановки не дали желаемого эффекта [28. С. 156]. Глава вновь созданного на руинах Наркомтяжпрома наркомата оборонной промышленности М.С. Рухимович в докладе «О мерах ликвидации и предупреждения вредительства в оборонной промышленности» (17 мая 1937 г.) объяснял существующие проблемы с военным заказом примерно так же, как за несколько лет до него это делал Хаханьян – неумелым управлением, в частности, неспособностью старого начальства Наркомтяжпрома навести порядок в планировании и грамотно поставить кооперацию [6. С. 109]. А тем временем военную промышленность накрывала волна развернувшихся в стране массовых репрессий, нанесших жесточайший урон управленческому корпусу, инженерно-техническим специалистам и рабочим кадрам промышленности [29. С. 40–51].

Несмотря на урон от массовых репрессий и административный хаос, к 1939 г. советской танковой промышленности все же удалось довести до конца разработку танкового дизеля В-2, создать принципиально новые для СССР боевые машины – средние Т-34 и тяжелые КВ. Эти модели сочетали в своей конструкции как прорывные идеи, так и технические анахронизмы. Так, несмотря на очевидные выгоды от его применения (относительно низкая пожароопасность, высокая удельная мощность, более дешевое в производстве топливо), дизель-мотор В-2 был очень сложным в производстве [30. С. 73–82], не приспособлен к крупносерийному производству малоквалифицированной рабочей силой – даже к концу 1940-х гг. советская промышленность продолжала испытывать проблемы с качеством производимых танковых дизелей и топливной аппаратуры [31. С. 77–78]. Впрочем, необходимо отметить, что даже наиболее развитые в технологическом отношении державы (США, Вели-

кобритания, Германия) отказались от массового выпуска танковых дизель-моторов по причине технической сложности. Новые модели советских танков также были несовершенны: общим слабым местом этих танков была морально устаревшая коробка перемены передач (КПП) и элементы трансмиссии, неудачное расположение смотровых приборов, теснота в боевом отделении, некачественные пылефильтры. Кроме того, у танка КВ неудовлетворительно работала система охлаждения [32. С. 168].

В период третьей пятилетки СССР окончательно отказался от строительства новых версий колесно-гусеничных «быстроходных танков» и приступил к замене их гусеничными танками Т-34 с противоснарядным бронированием. С производства также были сняты многобашенные машины типа Т-28 и Т-35, показавшие себя недостаточно надежными в эксплуатации. В 1939 г., в ходе вступления Красной армии в Западную Украину и Белоруссию, советские инженеры получили поврежденный экземпляр немецкого среднего танка РZ-III, а официально купленный у Германии образец подвергся всесторонним испытаниям. Выяснилось, что немецкая машина по ходовым качествам превосходит эталонные образцы Т-34 благодаря более совершенной КПП и системе управления. РZ-III оказался гораздо более удобным для работы экипажа как с точки зрения эргономики, так и в плане управления огнем [Там же. С. 178–182]. Это заставило конструкторское бюро Харьковского паровозостроительного завода № 183 уже к началу 1941 г. разработать проект глубокой модернизации Т-34. Однако из-за тягот начального этапа Великой Отечественной войны наладить в Харькове серийный выпуск модернизированного Т-34М не удалось, а после эвакуации Харьковского паровозостроительного в Нижний Тагил, на площадку Уралвагонзавода, запланированная модернизация оказалась технически неосуществимой. Наконец, к началу 1941 г. ленинградским заводом № 174 был подготовлен проект нового легкого танка Т-50, предназначенного для замены устаревшего и ненадежного Т-26 и наделенный теми же конструктивными идеями, что и новый харьковский средний танк. Производство новых машин было сконцентрировано на Харьковском паровозостроительном заводе и ленинградском заводе № 174.

А что же глубокая ассимиляция производства? На рубеже 1930–1940-х гг. ведущие тракторные и автомобильные заводы Союза завершили освоение поточно-конвейерной технологии массового производства, активно внедряли «фордистские» практики. При этом на крупных заводах тяжелого машиностроения, таких как Кировский завод и Уралмаш, основу производства по-прежнему составляла традиционная система стендовой сборки руками высококвалифицированных рабочих-универсалов. Советское руководство продолжало рассчитывать на то, что танковый заказ третьей пятилетки (1938–1942 гг.) будет расти почти исключительно за счет ассимиляции производства на заводах-гигантах – Горьковском автомобильном, Харьковском, Челябинском и Сталинградском тракторных [7. С. 224]. Так, справка сектора обороны Госплана от 15 июня 1937 г. сообщала: к 1943 г. произво-

димые в Ленинграде танки «в массовом масштабе сосредоточиваются на СТЗ и ЧТЗ» [24. 657]. На практике эти цифры были нереализуемыми. Наладить поточную сборку танков на СТЗ так и не удалось, вплоть до 1941 г. завод лишь осваивал танковое производство [33. С. 52], дав в 1934 г. 23 единицы Т-26, а в 1935 г. – 115 [24. С. 356, 464]. И только к лету 1941 г., когда война уже неумолимо приближалась к советским границам, резервные мощности танковой промышленности начали, наконец, разворачиваться в тыловых районах СССР – на Урале (сборка «КВ» в Челябинске) и в Поволжье (сборка Т-34 в Сталинграде и Горьком).

Трудности, с которыми столкнулось советское танковое производство в довоенный период, можно разделить на несколько групп. Во-первых, это проблема качества. Несмотря на колоссальный рост тяжелого машиностроения, возникновение «с чистого листа» целых отраслей современной и высокотехнологичной промышленности, качество выпускаемой советскими заводами продукции часто оказывалось невысоким. Можно даже сказать, что низкое качество и невысокая техническая надежность были отличительными чертами довоенных советских танков, пристраиваемыми из сложностей в смежных отраслях: производстве брони, двигателей, подшипников, конструкционных сталей, радиоаппаратуры. Этому были объективные причины: нехватка кадров и вложений, «болезни роста» новых отраслей, острый дефицит времени.

Во-вторых, проблемы советского танкпрома не исчерпывались только качеством вновь выпускаемых машин: большим местом оставались ремонт и обслуживание производимой техники. Эти проблемы были характерной чертой плановой экономики, более или менее справлявшейся с валовым планом (дать столько-то единиц техники в определенный период времени) и куда хуже умевшей содержать уже произведенные экземпляры, снабжать их запчастями и обеспечивать необходимый уход.

В-третьих, советская танковая промышленность сталкивалась со специфическими трудностями в силу выбора, который на старте индустриализации был сделан в пользу поточно-конвейерной «фордистской» технологии массового производства, адаптированной для крупносерийного выпуска относительно простых машин и механизмов малоквалифицированными рабочими-операторами. Следствием такого выбора стала акцент на развитии военной промышленности путем ассимиляции и кооперации с гражданской промышленностью. С самого начала индустриализации строительство заводов-гигантов, таких как СТЗ или ГАЗ, должно было по задумке советских вождей обеспечить базу для развертывания танкостроения на случай крупного военного конфликта. Однако неверно было бы видеть в этом милитаризацию пятилетки⁵. Наоборот, стремление к ассимиляции вновь построенных гигантских предприятий с танкостроением диктовалось стремлением облегчить бремя военного производства, одновременно гарантируя выполнение мобилизационного плана. Но здесь-то и крылась ловушка: такая технология хорошо зарекомендовала

себя при сборке автомобилей и тракторов, но без должной адаптации плохо подходила для более сложных в производстве танков и самолетов. К тому же и поточную сборку автомобилей с тракторами советская индустрия, переносившая новейшие технологии массового производства на неподготовленную почву, освоила не сразу. И хотя к концу 1930-х гг. «фордистские» принципы организации поточного производства прочно закрепились в автомобильной и тракторной промышленности СССР, они по-прежнему слабо воспринимались военным производством в связи со сложностью конструкции отдельных объектов и недостатком квалифицированных кадров. Таким образом, развернувшаяся с середины 1930-х гг. милитаризация экономики Советского Союза, включавшая, кроме прочего, увеличение численности армии и обновление линейки выпускаемых танков, упиралась в сложности ассимиляции.

Парадоксальным образом слабость производственной базы СССР, определявшаяся отмеченными выше трудностями, вела к *танковому перепроизводству*: военно-политическое руководство страны стремилось компенсировать количеством низкую техническую надежность боевых машин, произведенных в годы первой и начала второй пятилеток. В начале 1930-х гг. советских руководителей мало радовал тот факт, что Красная армия накапливает в мирное время больше танков, чем даже взятые вместе крупнейшие капиталистические державы, поскольку камнем преткновения оставался мобилизационный план. Согласно мобилизационному плану на 1934 г. наибольшее количество танков должны были дать именно крупные заводы, организованные по принципу конвейера: Сталинградский тракторный завод – 6 500 танков Т-26 и Горьковский автозавод – 8 тыс. танков Т-37 [24. С. 197]. Но с этими цифрами они оказались заведомо не способны справиться. Ситуация не улучшилась и спустя три года. Огромный размах танкового производства в СССР 1930-х гг., ведущий к созданию избыточного для мирного времени количества танковых частей, был обусловлен не только ожиданием новой мировой войны, способной перерасти в кровопролитную схватку изолированного Союза сразу с несколькими государствами «капиталистического окружения» и на нескольких удаленных друг от друга театрах военных действий, но и страхом советского руководства перед тем, что в ситуации войны капиталистические державы смогут эффективнее восполнить потери за счет ассимилированного производства.

Поточный выпуск танков советской экономике удалось организовать только в 1942–1943 гг., в тяжелых условиях Великой Отечественной войны – вначале в Нижнем Тагиле [34. С. 138–139; 35. С. 67] а затем и в Челябинске. Несмотря на этот крупнейший производственный успех, потеря западных промышленных районов и эвакуация части их потенциала на восток страны продолжали сказываться, критически обостряя обозначенные выше негативные тенденции. Если в *количественном* исчислении плановые показатели выпуска военной продукции в целом удалось достичь уже к концу 1942 г., то проблемы *качества* боевой техники зачастую оказывались не решенными полно-

стью до конца войны. Поистине героическая работа советской танковой промышленности лимитировалась катастрофическим падением количества квалифицированных кадров, недостатком станков, оборудования, стратегических ресурсов, низкой пропускной способностью транспортных путей, ограниченными возможностями энергосистемы тыловых регионов.

Ярким примером является судьба броневоего производства. Ведущие заводы этой отрасли – мариупольский завод имени Ильича и ленинградский Ижорский завод – достигли к лету 1941 г. заметных успехов в улучшении качества броневой защиты. Однако эвакуация этих предприятий на Урал обернулась потерей множества ценных кадров и уникального производственного оборудования, поэтому броневое производство пришлось спешно восстанавливать за счет подключения металлургических предприятий тыловых районов. И хотя восстановление броневоего производства стало настоящим трудовым подвигом советских рабочих и инженеров, это производство было лишь «тенью» довоенных возможностей военной промышленности страны. Резко упало качество броневоего проката и литья, потеря прокатного и пресового оборудования ударили по всей танковой промышленности. С огромными трудностями ММК, НТМЗ и КМК все же удалось наладить выпуск ограниченного числа марок катаной и литой брони, пусть даже и без возможности в случае необходимости быстро его расширить [26. С. 119–123]. А когда к началу 1942 г. советской танковой промышленности, сосредоточенной в трех главных центрах (Сталинград, Нижний Тагил, Челябинск), удалось выйти на стабильный уровень производства, как грянул новый кризис: летом 1942 г. немецкие войска прорвались к Сталинграду, и ведущий производитель танков, Сталинградский тракторный завод, оказался фактически выведен из строя [36. С. 38].

Этот кризис качества в танковой промышленности СССР удалось в основном преодолеть к концу 1943 г., однако низкая техническая надежность стала отличительной чертой всех советских танков, выпущенных в 1941–1945 гг. Слабым местом были двигательная установка и трансмиссия, их приходилось постоянно обслуживать и регулировать. Однако не стоит забывать, что это были массовые танки «тотальной войны», рассчитанные, по сути, на участие всего в нескольких боях, после которых, танк, по статистике, погибал. В довершение всего эти боевые машины потребовалось сделать достаточно простыми для освоения и обслуживания новобранцами с невысоким уровнем образования. Такой танк для «тотальной войны» стоил в 2–3 раза дешевле, чем аналогичные по классу боевые машины вермахта, пусть и уступая им по общей технической надежности и аккуратности изготовления. Поточное производство танков, развернутое в Нижнем Тагиле и Челябинске, подходило для создания массовых боевых машин упрощенной конструкции в условиях преобладания низкоквалифицированной рабочей силы. И со второй половины 1943 г. массы советских танков, совершающие глубокие прорывы и рассекающие удары на всем протяжении Восточного фронта, стали настоящим ужасом немецкой

пехоты, спасения от которого у командования вермахта так и не нашлось.

Война СССР и Германии 1941–1945 гг. была войной «бедного» и «богатого» противников. Разрыв, существовавший еще до начала войны, был усугублен чрезвычайно неудачным для Советского Союза началом войны, потерей западных областей с их промышленными центрами. По количеству и качеству промышленного оборудования и рабочих кадров танкостроительная отрасль «Третьего рейха», как и смежные с ней производства, значительно превосходила возможности восточных областей СССР. Советское военно-политическое руководство перед лицом жестоких неудач лета – осени 1941 г. выбрало стратегию сверхконцентрации оставшихся у него ресурсов для запуска поточного военного производства, центрами которого стали выстроенные в годы первых пятилеток заводы-гиганты Урала, Поволжья и восточных областей страны. Уже сразу после войны поточное производство было провозглашено причиной промышленного перевеса СССР – в этом сходились как советские⁶, так и западные эксперты [38. Р. 220–254]. Ведь слабой стороной германской военной промышленности была раздробленность производства и управления, конкуренция отдельных фирм в доступе к военным заказам, слабо налаженное взаимодействие между отдельными отраслями экономики.

Важно подчеркнуть, что стратегия, которая принесла Советскому Союзу победу, не была механической реализацией накопленного в довоенные годы объективного индустриального потенциала. Обобщающие исследования по экономике войны часто оперируют общими цифрами, которые скрывают из виду принципиально важный *географический аспект* – размещение машиностроительных заводов-гигантов в восточных областях страны. Никакие жесткие директивы и приказы не позволили бы добиться к 1943 г. перевеса над Германией, если бы в годы первых пятилеток в глубине страны, на Урале и в Поволжье, не было построено несколько гигантских сборочных комплексов, ориентированных на поточный выпуск тракторов, автомобилей, вагонов и задуманных как аванпосты ожидавшегося хозяйственного освоения центральной Евразии. А размещение подобных комплексов в отдаленных частях страны вовсе не вытекало из имманентной логики экономического развития «большой длительности» – в начале XX в. такие ученые, как Д.И. Менделеев и В.Н. Семенов-Тянь-Шанский, предсказывали грядущий сдвиг «центра России» на восток [12. С. 35–36], но даже самый смелый мыслитель не мог предвидеть уже через пару десятилетий появления в провинциальном Челябинске аналога американского «Катерпиллер Инкорпорейтед». Это была инновация (чтобы не сказать – авантюра) советских планировщиков, давшаяся весьма дорогой ценой. Однако именно наличие таких комплексов позволило в критический момент переместить центр танковой индустрии СССР с условной линии Харьков – Ленинград на условную линию Нижний Тагил – Челябинск.

Но и наличие «второй промышленной базы» на востоке не давало СССР автоматического перевеса над агрессором. Ни один мобилизационный план не предполагал разрушительной эвакуации западных районов до Ленинграда и Харькова включительно. Переброска кадров и оборудования на восток, слияние их с тыловыми заводами и освоение выпуска военной продукции стали рискованной и чрезвычайно сложной импровизацией в тяжелейших условиях военного времени [39. С. 49, 76]. Таким образом, ассимилированная танковая промышленность сыграла свою роль совсем не так, как ожидало сталинское руководство: вместо того, чтобы постепенно наращивать выпуск боевых машин *в дополнение* к кадровым заводам, гражданским заводам пришлось в экстренном порядке *слиться* с кадровыми заводами (во время эвакуации потерявшими изрядную долю своего потенциала), выполняя мобилизационный план и за себя, и за них.

Итак, пути развития советской танковой промышленности определялись в предвоенный период ключевыми параметрами общей промышленной стратегии СССР – форсированным созданием крупных конвейерно-поточных производств в системе жесткой плановой экономики, поиском баланса между ассимиляцией военной промышленности на гражданских заводах и развитием кадровой военной промышленности, а также освоением восточных районов страны. В рам-

ках данной стратегии танкопром столкнулся с рядом трудностей (проблема качества, ремонта, ассимиляции), имевших как объективный, так и субъективный характер. Но развитие танковой промышленности было связано не только с тем, насколько успешно эти трудности удавалось преодолеть в рамках заданной стратегии. Огромную роль играли внешние факторы (приход к власти Гитлера в Германии с последующей милитаризацией, японское вторжение в Китай, устаревание советской бронетехники на фоне технического развития держав-соперниц и, наконец, катастрофическое начало Великой Отечественной войны), находившиеся вне прямого контроля советского руководства и вынуждавшие его к импровизации. Далекое не всегда подобная импровизация оказывалась удачной: на протяжении 1930-х гг. танковую промышленность СССР ожидали как блестящие научные и производственные достижения, так и драматические неудачи.

Тем не менее именно в рамках обрисованной выше стратегии удалось найти такие пути организации танковой промышленности, которые позволили СССР и союзникам нанести агрессору сокрушительное поражение. Послевоенное развитие советской танковой индустрии, сумевшей, несмотря на сложности, осуществить ассимиляцию и выпускать, наряду с бронетанковой, огромное количество гражданской продукции [40. С. 300–305; 35. С. 74–75, 106], подтверждает жизнеспособность данной стратегии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Металлургические гиганты Кузбасса и Урала, выстроенные в годы первых пятилеток, были уникальными заводами – впервые предприятия такого масштаба были развернуты в удалении от морей, озер либо каналов, по которым обычно металлурги доставляли потребителям свою продукцию. Крупнейшие металлургические районы мира в XX в. – британская «Черная страна», германский Рур, американский «Стальной пояс» от Дулуа до Питтсбурга, японская Маньчжурия, российский Донбасс – располагались в непосредственной близости к морям либо, как в США, системам озер и каналов. Развертывание крупного производства в глубине Евразии было ходом, рассчитанным на ожидавшееся складывание в центре континента нового крупного рынка, который должна была дать плановая экономика СССР.

² Ни один из этих двух заводов, правда, так и не был построен.

³ Эти материалы легли в основу постановления Совета труда и обороны СССР от 13 августа 1933 г. «О системе танкового вооружения РККА».

⁴ «Спецмаштрест» создан 26 октября 1932 г. На большинстве заводов, вошедших в «Спецмаштрест», производство танков велось уже с 1927–1929 гг. На заводе им. Ворошилова и 2-м заводе ВАТО это производство к осени 1932 г. уже носило серийный характер, ХПЗ готовился к крупносерийному производству танков БТ. Завод «Красный Октябрь», прежде специализировавшийся главным образом на производстве станков и запасных частей для тракторов, с 1932 г. также был переведен на выпуск деталей танков для завода им. Ворошилова, а также ремонт двигателей М-5 для ХПЗ. В 1933–1934 гг. в состав треста были включены дополнительно ремонтные заводы № 104 и 105, Киевский завод им. В.Я. Чубаря и Харьковский автосборочный завод (с 1936 г. завод № 48) [23. С. 138–140].

⁵ М.Г. Меерович справедливо замечает, что «идея ассимиляции военного и гражданского производства не являлась исключительным изобретением сталинского военно-политического руководства», однако его утверждение о том, что «возведение гражданских фабрик и заводов планировать и осуществлять исходя исключительно из потребностей военной промышленности» [4. С. 180] не находит совершенно никакого подтверждения в материалах по планированию в СССР.

⁶ Экс-нарком танковой промышленности В.А. Малышев в 1946 г. обобщал советский опыт такими словами: «До войны 1941–1945 годов танкостроение носило характер мелкосерийного и штучного производства. Другими словами, оно базировалось на универсальном оборудовании и на высокой выучке рабочих. <...> Война потребовала коренной ломки такого производства и перехода к современному крупносерийному, поточному производству. <...> Благодаря творчеству наших инженеров, техников и рабочих и их героическому труду уже к концу 1942 года многие танковые и дизельные заводы организовали у себя поточное производство деталей и узлов танков и дизелей, а также конвейерную сборку танков и бронекорпусов» [37. С. 2].

ЛИТЕРАТУРА

1. Кондрашин М.В. Современная российская и зарубежная историография о подготовке советской экономики к Великой Отечественной войне // Вестник Самарского государственного университета. 2015. № 4. С. 127–133.
2. Щербакова О.М. Развитие военно-промышленного комплекса СССР: проблемы периодизации в отечественной историографии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 12, Ч. 5. С. 268–273.
3. Кен О.Н. Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920-х – середина 1930-х гг.). М. : ОГИ, 2008. 510 с.
4. Меерович М.Г. Фордизм и постфордизм. Альберт Кан и Эрнст Май: США и Германия в борьбе за советскую индустриализацию // Постфордизм: концепции, институты, практики. М. : Политическая энциклопедия, 2015. С. 171–222.
5. Harrison M. Resource mobilization for World War II: the U.S.A., U.K., U.S.S.R., and Germany, 1938–1945 // Economic History Review. 1988. № 2. P. 171–192.

6. Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М. : РОССПЭН, 1996. 333 с.
7. Самуэльсон Л. Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921–1941. М. : АИРО-XX, 2001. 294 с.
8. Фрунзе М.В. «Фронт» и «тыл» в войне будущего // Каратыгин П. Общие основы мобилизации промышленности для нужд войны. М. : Военный вестник, 1925. С. 5–12.
9. Сталин И.В. Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП(б): Речь на пленуме ЦК ВКП(б) 19 ноября 1928 г. // Сталин И.В. Сочинения. М. : ОГИЗ ; Гос. изд-во полит. лит., 1949. Т. 11. С. 245–290.
10. Shearer D. *Industry, State, and Society in Stalin's Russia, 1926–1934*. Ithaca : Cornell University Press, 1998. 288 p.
11. Kotkin S. *Modern Times: The Soviet Union and the Interwar Conjunction* // *Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History*. 2001. № 1. P. 111–164.
12. Бугров К.Д. Соцгорода Большого Урала. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. 471 с.
13. Зубков К.И. Геополитическая мотивация разработки и реализации Урало-Кузбасского проекта // *Уральский исторический вестник*. 2011. № 1. С. 22–27.
14. Jessop B. *Fordism and Post-Fordism: a Critical Reformulation* // *Pathways to Industrialization and Regional Development*. London : Routledge, 1992. P. 43–65.
15. Maier C. *Between Taylorism and Technocracy: European Ideologies and the Vision of Industrial Productivity in the 1920s* // *Journal of Contemporary History*. 1970. № 2. P. 27–61.
16. Супоницкая И.М. Американизация советской России в 1920–1930-е гг. // *Вопросы истории*. 2013. № 9. С. 46–59.
17. Запарий В.В. Элементы политики фордизма как инструмент антикризисного управления в уральской танковой промышленности периода Великой Отечественной войны // *Вестник Томского государственного университета*. 2017. № 425. С. 131–139. DOI: 10.17223/15617793/425/17
18. Свечин А.А. *Стратегия*. М. : Гос. воен. изд-во, 1926. 396 с.
19. Смилга И.Т. *Оборонная работа в промышленности*. М. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1931. 32 с.
20. Мухин М.Ю. Эволюция системы управления советской оборонной промышленности в 1921–1941 годах и смена приоритетов «оборонки» // *Отечественная история*. 2000. № 3. С. 3–15.
21. Кондрашин В.В., Корнилов Г.Е., Мельников Н.Н., Мозохин О.Б. Танкостроение и «вредители»: попытки создать в СССР серийное танковое производство в конце 1920-х гг. // *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*. 2018. № 1. С. 7–11. DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-1-7-11
22. Роль техники в будущей войне. Л. : ЛОИЗ, 1932. 54 с.
23. Свирин М.Н. *Броня крепка. История советского танка. 1919–1937*. М. : Яуза ; Эксмо, 2005. 381 с.
24. История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1900–1963: документы и материалы. Т. 3. Ч. 2: Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927–1937). М. : Терра, 2011.
25. *Машиностроение. Автоматическое управление машинами и системами машин. Радиотехника, электроника и радиосвязь*. М. : Наука, 1970. 443 с.
26. Мельников Н.Н. *Модернизация танковой промышленности СССР в условиях Великой Отечественной войны*. Екатеринбург : Сократ, 2017.
27. Harrison M., Davies R. *The Soviet Military-economic Effort during the Second Five-year Plan (1933–1937)* // *Europe-Asia Studies*. 1997. № 49 (3). P. 397.
28. Мухин М.Ю. Реформы управления военной промышленностью СССР и темпы роста производства в 1936–1941 гг. // *Экономическая история. Ежегодник*. М. : Институт российской истории РАН, 2004. С. 156.
29. Кондрашин В.В., Корнилов Г.Е., Мельников Н.Н., Мозохин О.Б. Советское танкостроение в 1930-х гг.: проблемы становления серийного производства // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2017. № 1 (41). С. 40–51.
30. Мельников Н.Н. Двигатель В-2: трудный путь создания советского танкового двигателя // *Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право*. 2018. № 2. С. 73–82. DOI: 10.15593/perm.kipf/2018.2.06
31. Запарий В.В. Танковая промышленность на Урале в 1940-е годы. Екатеринбург : УМЦ-УПИ, 2015. 218 с.
32. Свирин М.Н. *Броневой щит Сталина. История советского танка. 1937–1943*. М. : Яуза ; Эксмо, 2006. 444 с.
33. Баженов А. Броня Сталинграда. Танковое производство в городе на Волге в 1931–1945 годах // *Родина*. 2013. № 1. С. 52.
34. Мельников Н.Н. Внедрение конвейерно-поточного метода производства на заводах наркомата танковой промышленности СССР в годы Великой Отечественной войны // *Историко-педагогические чтения*. 2007. № 11. С. 138–139.
35. Устьянцев С.В. *Уральский вагоностроительный завод. 80 лет*. Екатеринбург : Альфа-Принт, 2016. 173 с.
36. Запарий В.В., Мельников Н.Н. Становление и развитие танкового производства на Урале в 1940-е гг. // *Уральский исторический вестник*. 2015. № 1.
37. Малышев В. Советское танкостроение // *Правда*. 1946. 7 сент. № 213. С. 2.
38. Overy R. *Why the Allies Won?* Reading : Pimlico, 2006.
39. Мельников Н.Н. Уральское танкостроение накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург : УМЦ УПИ, 2016. 192 с.
40. Ермолов А.Ю. Танковая промышленность СССР в 1940-е годы: от мобилизации на нужды войны к реконверсии // *Вопросы истории естественных наук и техники*. 2015. Т. 36, № 2. С. 300–305.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 сентября 2019 г.

Tank Production in the Context of the USSR Military-Economic Strategy in the 1930s

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 448, 108–118.

DOI: 10.17223/15617793/448/14

Konstantin D. Bugrov, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: k.d.bugrov@gmail.com

Vasily V. Zapariy, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: pantera.zap@gmail.com

Keywords: tank building; flow-conveyor production; “Fordism”; military strategy; industrialization; USSR.

This article analyzes the general aspects of the USSR economy militarization within the context of the military-economic strategy of the Soviet political establishment during the 1930s. The aim of the article is to identify the role and importance of military production assimilation at civilian plants using conveyor methods of production in the political and economic theory and practice of the Soviet Union of the pre-war years. The study combines the methods of intellectual history, historical analysis and synthesis. It is based on an analysis of the ideological premises of the Soviet political and intellectual elites, the processes of introducing new techniques for the production of armored vehicles, and the quantitative indicators of the USSR tank industry of the 1930s. The Soviet

political elite believed in the inevitability of the new World War, at the same time recognizing the fact of the USSR's isolation and taking activities to delay the confrontation. Meanwhile, the Soviet military elite, from M.V. Frunze to M.N. Tukhachevsky, considered the military might of a nation to be a direct projection of its economic might. Stalin's theory of "building socialism in a single country" by means of an accelerated industrialization was based on the creation of an "American"-type giant plants of flow-conveyor production of consumer goods ("Fordism"), combined with the economic development of the eastern regions. The Soviet leaders sought to reduce the pressure of the army's requirements on the economy, assimilating military production at the newly created plants. The exemplary case of this strategy is seen in the tank industry. The "tankization" of the Red Army, which became an integral part of the ambitious Soviet military doctrine of the early 1930s, faced numerous difficulties (quality of armor, transmission, tracks, diesel engines). The Soviet tank industry was relatively successful in fulfilling the peace-time plans, but in the case of possible mobilization it remained a matter of concern for the leaders of the state: the defense planning suggested a sharp increase of production in the wartime, relying upon the assimilated newly-built civilian factories with conveyor lines. Evacuation of defense industry in the desperate conditions of Hitler's aggression and the subsequent development of massive tank production by the factories of the Ural region determined the course of World War II, but the authors emphasize that the winning strategy was not "programmed": the evacuation led to the severe loss of quality of tank production. Nonetheless, the key to success was to be found within the framework of the "Fordist" strategy of assimilating military production with the civilian one, which demonstrated prominent efficiency in the organization of tank industry. The conclusion is that, in the long term, it was the strategy chosen at the dawn of Soviet industrialization which allowed the USSR and the Allies to inflict a crushing defeat on the aggressor.

REFERENCES

- Kondrashin, M.V. (2015) Modern Russian and Foreign Historiography in the Preparation of Soviet Economy to the Great Patriotic War. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Samara University*. 4. pp. 127–133. (In Russian).
- Shcherbakova, O.M. (2017) Development of the Military-Industrial Complex of the USSR: Problems of Periodization in Domestic Historiography. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 12 (5). pp. 268–273. (In Russian).
- Ken, O.N. (2008) *Mobilizatsionnoe planirovanie i politicheskie resheniya (konets 1920-kh – seredina 1930-kh gg.)* [Mobilization planning and political decisions (late 1920s – mid 1930s)]. Moscow: OGI.
- Meerovich, M.G. (2015) Fordizm i postfordizm. Al'bert Kan i Ernst May: SShA i Germaniya v bor'be za sovetську industrializatsiyu [Fordism and Post-Fordism. Albert Kahn and Ernst May: USA and Germany in the struggle for Soviet industrialization]. In: Il'chenko, M.S. & Mart'yanov, V.S. (eds) *Postfordizm: kontseptsii, instituty, praktiki* [Post-Fordism: concepts, institutions, practices]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya. pp. 171–222.
- Harrison, M. (1988) Resource mobilization for World War II: the U.S.A., U.K., U.S.S.R., and Germany, 1938–1945. *Economic History Review*. 2. pp. 171–192.
- Simonov, N.S. (1996) *Voенно-promyshlennyy kompleks SSSR v 1920–1950-e gody: tempy ekonomicheskogo rosta, struktura, organizatsiya proizvodstva i upravlenie* [The military-industrial complex of the USSR in the 1920s–1950s: the pace of economic growth, structure, organization of production and management]. Moscow: ROSSPEN.
- Samuel'son, L. (2001) *Krasnyy koloss. Stanovlenie voенно-promyshlennogo kompleksa SSSR. 1921–1941* [Red Colossus. The formation of the military-industrial complex of the USSR. 1921–1941]. Moscow: AIRO-XX.
- Frunze, M.V. (1925) "Front" i "tyl" v voynе budushchego ["Front" and "rear" in the war of the future]. In: Karatygin, P. *Obshchie osnovy mobilizatsii promyshlennosti dlya nuzhd voyny* [General principles of the mobilization of industry for the needs of the war]. Moscow: Voenny vestnik, pp. 5–12.
- Stalin, I.V. (1949) *Sochineniya* [Works]. Vol. 11. Moscow: OGIZ; Gos. izd-vo polit. lit. pp. 245–290.
- Shearer, D. (1998) *Industry, State, and Society in Stalin's Russia, 1926–1934*. Ithaca: Cornell University Press.
- Kotkin, S. (2001) Modern Times: The Soviet Union and the Interwar Conjecture. *Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History*. 1. pp. 111–164.
- Bugrov, K.D. (2018) *Sotsgoroda Bol'shogo Urala* [Social cities of the Big Urals]. Yekaterinburg: Ural State University.
- Zubkov, K.I. (2011) Geopoliticheskaya motivatsiya razrabotki i realizatsii Uralo-Kuzbasskogo proekta [Geopolitical motivation for the development and implementation of the Ural-Kuzbass project]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. 1. pp. 22–27.
- Jessop, B. (1992) Fordism and Post-Fordism: a Critical Reformulation. In: Storper, M. & Scott, A.J. (eds) *Pathways to Industrialization and Regional Development*. London: Routledge. pp. 43–65.
- Maier, C. (1970) Between Taylorism and Technocracy: European Ideologies and the Vision of Industrial Productivity in the 1920s. *Journal of Contemporary History*. 2. pp. 27–61.
- Suponitskaya, I.M. (2013) Amerikanizatsiya sovetской Rossii v 1920–1930-e gg. [Americanization of Soviet Russia in the 1920s–1930s]. *Voprosy istorii*. 9. pp. 46–59.
- Zapariy, V.V. (2017) Elements of "Fordism" policy as a tool of anticrisis management in the Urals tank industry in the period of the Great Patriotic War. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 425. pp. 131–139. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/425/17
- Svechin, A.A. (1926) *Strategiya* [Strategy]. Moscow: Gos. voen. izd-vo.
- Smilga, I.T. (1931) *Oboronnaya rabota v promyshlennosti* [Defense work in industry]. Moscow: Gos. sots.-ekon. izd-vo.
- Mukhin, M.Yu. (2000) Evolyutsiya sistemy upravleniya sovetской oboronnoy promyshlennosti v 1921–1941 godakh i smena prioritetov "oboronki" [The evolution of the control system of the Soviet defense industry in 1921–1941 and the change of priorities of the defense industry]. *Otechestvennaya istoriya*. 3. pp. 3–15.
- Kondrashin, V.V. et al. (2018) Tank Construction and "Saboteurs": Attempts to Create in the USSR Soviet Tank Production in the Late 1920-ies. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya – Vestnik of Samara University. History, Pedagogics, Philology*. 1. pp. 7–11. (In Russian). DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-1-7-11
- A.S. (1932) *Rol' tekhniki v budushchey voynе* [The role of machines in a future war]. Leningrad: LOIZ.
- Svirin, M.N. (2005) *Bronya krepka. Istoriya sovetского tanka. 1919–1937* [The armor is strong. The history of the Soviet tank. 1919–1937]. Moscow: Yauza; Eksmo.
- Klebanov, I.I. et al. (eds) (2011) *Istoriya sozdaniya i razvitiya oboronno-promyshlennogo kompleksa Rossii i SSSR. 1900–1963: dokumenty i materialy* [The history of the creation and development of the military-industrial complex of Russia and the USSR. 1900–1963: documents and materials]. Vol. 3. Pt. 2. Moscow: Terra.
- Berkovich, D.M. et al. (eds) (1970) *Mashinostroenie. Avtomaticheskoe upravlenie mashinami i sistemami mashin. Radiotekhnika, elektronika i radiosvyaz'* [Engineering. Automatic control of machines and machine systems. Radio engineering, electronics and radio communications]. Moscow: Nauka.

26. Mel'nikov, N.N. (2017) *Modernizatsiya tankovoy promyshlennosti SSSR v usloviyakh Velikoy Otechestvennoy voyny* [Modernization of the tank industry of the USSR in the Great Patriotic War]. Yekaterinburg: Sokrat.
27. Harrison, M. & Davies, R. (1997) The Soviet Military-economic Effort during the Second Five-year Plan (1933–1937). *Europe-Asia Studies*. 49 (3).
28. Mukhin, M.Yu. (2004) Reformy upravleniya voennoy promyshlennost'yu SSSR i tempy rosta proizvodstva v 1936–1941 gg. [Reforms in the management of the military industry of the USSR and production growth rates in 1936–1941]. In: Borodkin, L.I. et al. (eds) *Ekonomicheskaya istoriya. Ezhegodnik* [Economic history. Yearbook]. Moscow: Institute of Russian History RAS.
29. Kondrashin, V.V. et al. (2017) Soviet tank building in 1930s: problems of serial production establishment. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki – University Proceedings. Volga Region. Humanities*. 1 (41). pp. 40–51. (In Russian).
30. Mel'nikov, N.N. (2018) V-2 Diesel Engine: Hard Way of the Soviet Tank Engine's Production. *Vestnik PNIPU. Kul'tura. Istoriya. Filosofiya. Pravo – Bulletin of PNRPU. Culture. History. Philosophy. Law*. 2. pp. 73–82. (In Russian). DOI: 10.15593/perm.kipf/2018.2.06
31. Zapariy, V.V. (2015) *Tankovaya promyshlennost' na Urale v 1940-e gody* [Tank industry in the Urals in the 1940s]. Yekaterinburg: UMTs-UPI.
32. Svirin, M.N. (2006) *Bronevoy shchit Stalina. Istoriya sovetskogo tanka. 1937–1943* [The armor shield of Stalin. The history of the Soviet tank. 1937–1943]. Moscow: Yauza; Eksmo.
33. Bazhenov, A. (2013) Bronya Stalingrada. Tankovoe proizvodstvo v gorode na Volge v 1931–1945 godakh [The armor of Stalingrad. Tank production in the city on the Volga in 1931–1945]. *Rodina*. 1.
34. Mel'nikov, N.N. (2007) Vnedrenie konveyerno-potochnogo metoda proizvodstva na zavodakh narkomata tankovoy promyshlennosti SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [The introduction of the conveyor-line method of production at the plants of the People's Commissariat of the Tank Industry of the USSR during the Great Patriotic War]. *Istoriko-pedagogicheskie chteniya*. 11. pp. 138–139.
35. Ust'yantsev, S.V. (2016) *Ural'skiy vagonostroitel'nyy zavod. 80 let* [The Ural Car Building Plant. 80 years]. Yekaterinburg: Al'fa-Print.
36. Zapariy, V.V. & Mel'nikov, N.N. (2015) Evolution and Development of Tank Construction Industry in the Urals in 1940s. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Journal*. 1.
37. Malyshev, V. (1946) Sovetskoe tankostroenie [Soviet tank construction]. *Pravda*. 7 September. 213. pp. 2.
38. Overy, R. (2006) *Why the Allies Won?* Reading: Pimlico.
39. Mel'nikov, N.N. (2016) *Ural'skoe tankostroenie nakanune i v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Tank construction in the Urals on the eve of and during the Great Patriotic War]. Yekaterinburg: UMTs UPI.
40. Ermolov, A.Yu. (2015) The Soviet Tank Industry during the 1940s: From War-Time Mobilization to Reconversion. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*. 36 (2). pp. 300–305. (In Russian).

Received: 24 September 2019

Е.В. Каменская

СОВЕТСКО-КИТАЙСКИЙ КОНФЛИКТ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-х гг. В ЗЕРКАЛЕ СОВЕТСКОЙ САТИРЫ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00216).

Рассматривается отражение советско-китайского конфликта в советской сатире второй половины 1960-х гг. Проводится анализ официальных (фельетоны, стихотворения, карикатуры) и неофициальных (анекдоты) источников. Проанализирована специфика построения визуальных и текстовых материалов, основные освещаемые темы в печати и анекдотах, отражение в сатире стереотипных представлений о Китае и его жителях. Отдельно рассматривается восприятие сатирических материалов населением.

Ключевые слова: СССР; КНР; советско-китайский конфликт; сатира; советская пресса; карикатура; анекдот; общественное мнение.

Конфликт с Китаем был одной из самых сложных проблем во внешней политике СССР второй половины 1960-х гг. Два крупнейших социалистических государства мира, еще недавно говорившие о вечной дружбе, оказались в позиции врагов. Ухудшение отношений наметилось после XX съезда КПСС. Стало резко сужаться экономическое и культурное сотрудничество, уходила в прошлое прежняя восхваляющая друг друга риторика. В середине 1960-х гг. новое советское руководство обозначило курс на улучшение отношений с Китаем. Раскол внутри социалистического блока был крайне нежелателен. Однако данные планы реализовать не удалось.

С конца 1965 г. в КНР началась активная фаза партийной борьбы, в рамках которой Мао Цзэдун развернул новую масштабную пропагандистскую кампанию. 8 августа 1966 г. на Пленуме КПК было принято постановление о великой пролетарской культурной революции [1–6 и др.]. Кроме внутренней оппозиции необходимо было создать и образ внешнего врага. Ключевое место в его конструировании занял СССР. Антисоветская пропаганда стала важной составляющей культурной революции, проводившейся в Китае до середины 1970-х гг.

Советско-китайский конфликт не остался в плоскости идеологического противостояния и пропагандистских кампаний. В 1967–1969 гг. ухудшилась ситуация в приграничных районах, происходили многочисленные столкновения. 4 февраля 1967 г. вышло Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «Об усилении охраны государственной границы СССР с Китайской Народной Республикой», советская сторона увеличивала свое присутствие в этой зоне [7, 8]. Самыми масштабными столкновениями стали бои на о. Даманский (март 1969 г.), у оз. Жаланашколь в Казахстане (август 1969 г.) [9–12 и др.]. Напряжение между СССР и КНР нарастало. За рубежом активно обсуждалась возможность советско-китайской войны [13. С. 172; 14. С. 656; 15; 16. Р. 267; 17. Р. 396 и др.]. Важным событием стала встреча А.Н. Косыгина и Чжоу Эньляя в сентябре 1969 г., в ходе которой удалось наметить перспективы мирного диалога по пограничным вопросам [18]. В 1970-е гг. советско-китайский конфликт часто был в повестке

дня. В частности, в рамках отношений Москва – Пекин – Вашингтон, в ходе китайско-вьетнамской войны и т.д. Но его масштабы уже не достигали накала второй половины 1960-х гг.

Политика руководства КПК и обострение советско-китайских отношений не остались без внимания ЦК КПСС. Уже в декабре 1965 г. в партийные организации была направлена информация для ознакомления коммунистов с новым курсом Мао Цзэдуна. В отчетах с собраний отмечалось, что советские граждане «осуждают раскольнические действия руководителей КПК, выражают свое негодование по поводу провокационных нападок китайских раскольников на Коммунистическую партию Советского Союза и горячо одобряют линию ЦК КПСС» [19. Л. 1]. В последующем проблема взаимоотношений СССР с Китаем регулярно становилась предметом обсуждения на собраниях.

В конце августа 1966 г. в советской прессе началась пропагандистская кампания. Статьи по китайской проблеме стали регулярно появляться не только в центральной и областной печати, но даже в изданиях небольших городов. С этого времени из КНР поступала только негативная информация. Перед СМИ стояла сложная задача. Требовалось проводить критику политики Мао Цзэдуна. Но при этом Москва не хотела усиливать конфликт с Пекином и сохраняла потенциальную возможность для улучшения отношений. В связи с этим официальные сообщения и аналитические статьи не преобладали среди материалов. Освещая советско-китайский конфликт, пресса часто использовала такой инструмент, как сатира. Повседневная жизнь в Китае и деятельность руководства КПК подавались в форме небольшой ироничной заметки, карикатуры.

Сатира как традиционный элемент внешнеполитической пропаганды, в том числе и советской, привлекает внимание исследователей. Наиболее разработанным направлением в рамках данной проблемы является советская внешнеполитическая карикатура. В литературе достаточно подробно рассмотрен довоенный период советской карикатуры (работы А.В. Голубева, И.З. Белобровцевой и др. [20–24]). На материалах послевоенного периода проанализирована пре-

зентация противостояния СССР и стран Запада, отдельных конфликтов, проблем расизма и пр. (И.А. Гринько, Е.А. Федосов, А.А. Шевцова и др. [25–27]). Основным источником для исследователей чаще всего становится журнал «Крокодил» – главный сатирический печатный орган СССР, имевший весьма солидный тираж¹.

Отображение советско-китайского конфликта в советской сатире, в том числе и в карикатуре, слабо проанализировано. Тема взаимоотношений Китая и СССР на материале карикатур «Крокодила» рассматривается в работах М.А. Гулевой [28–30]. В основном исследователь обращается к «дружественной истории» СССР и КНР либо к более позднему периоду (правление Дэн Сяопина [31. С. 582–592]), поэтому вторая половина 1960-х гг. указанным автором закономерно почти не затрагивается. В 2000-е гг. возросло внимание исследователей к советскому анекдоту (работы А.С. Архиповой, М.А. Мельниченко и др. [32–38]). При этом значительная часть работ посвящена первой половине XX в., а анализ внешнеполитического аспекта (в частности, советско-китайских отношений) в качестве самостоятельной задачи авторами не ставился.

Предлагаемая статья посвящена анализу отражения советско-китайского конфликта в советской сатире второй половины 1960-х гг. Сатира рассматривается, с одной стороны, как один из инструментов официальной пропаганды, с другой стороны, как способ оформления неофициальной информации, существовавшей в общественном сознании. В статье рассматриваются разные варианты сатирического жанра: текстовые (фельетоны, сатирические стихи), визуальные (карикатуры), устные (анекдоты). При выборе круга источников, с одной стороны, учитывались различные форматы сатирического творчества (официального и неофициального). С другой стороны, сама рассматриваемая тема – советско-китайский конфликт – задает определенный набор источников, в которых содержится материал по внешнеполитической проблематике. В ходе работы проводился дискурс-анализ материалов центральных и региональных периодических изданий. Среди них ключевые общественно-политические газеты («Правда», «Известия»), издания, имевшие специфическую направленность и аудиторию («Красная звезда», «Литературная газета»), сатирические журналы («Крокодил», «Перець») и др.

Важным источником стали анекдоты рассматриваемого периода, посвященные Китаю. В работе использовался сборник М.А. Мельниченко «Советский анекдот (Указатель сюжетов)» [39]. Стоит отметить, что среди исследователей преобладает мнение, что анекдот является важным историческим источником, поскольку был неподконтролен властям, являлся одной из форм неформальной коммуникации, правдиво отражал умонастроения граждан и т.д. [40. С. 353–354; 41. С. 6; 42. С. 7; 43. С. 18]. При этом стоит упомянуть, что существует точка зрения о целенаправленном продуцировании анекдотов «сверху». Для анализа восприятия информации прессой населением привлекались архивные материалы, воспоминания, дневники.

Жанр сатиры был весьма распространен при показе внешнеполитической информации. С помощью сатирических материалов в советской печати часто освещали события в капиталистических странах. Авторы иронизировали по поводу образа жизни в Америке, Англии и других странах Запада, активно использовали прием гиперболизации. В подавляющем большинстве в таких публикациях описывалась какая-нибудь одна частная история, где в гротесковой форме показывались проблемы западного мира и вывод распространялся на всю систему капитализма в целом.

Среди внешнеполитических рубрик существовали такие, как «Фельетон» / «Международный фельетон». Термин «фельетон» изначально предполагает критическое и сатирическое повествование о наиболее актуальных проблемах, что задает определенный тон публикации еще до ее прочтения. Предметом обсуждения в этой рубрике становились неоднозначные ситуации, которые в статье доводились до крайнего абсурда. Вполне естественно, что в этих рубриках печатались материалы, касающиеся либо непосредственно стран капиталистического лагеря, либо стран третьего мира, но с неизменным упоминанием первых. Китай был единственной социалистической страной, о которой писали в данной рубрике. Стоит отметить, что конфликты СССР с другими социалистическими странами в это период (с Чехословакией, Румынией, Югославией, Албанией) не обсуждались в прессе в подобной форме.

Начнем с общей характеристики сатирических материалов, посвященных советско-китайскому конфликту. В центральных и региональных газетах СССР публикации в жанре сатиры составляли основу информационного освещения события в Китае. Обращает на себя внимание уже стиль заголовков. После начала «культурной революции» он стал близок к публикациям о капиталистических странах. В основном заголовки были двух типов. Первый тип – это лаконичное название, которое стало определенным клише и появлялось во всех центральных и региональных газетах СССР – «События в Китае». В таком заголовке не было яркой оценки событий, эмоций, но своей лаконичностью и подчеркнутой сдержанностью он привлекал внимание. В частности, в «Правде» такие статьи располагались почти всегда в одном и том же месте полосы, однообразным было и шрифтовое выделение. Подобное название предполагало, что читатель хорошо осведомлен об общем состоянии дел в рассматриваемой стране, а его информируют о новых фактах, событиях, происходящих в данный момент.

Другой тип заголовков являлся прямой противоположностью первому. В таких заголовках было много экспрессии, подчеркивалась ключевая позиция публикации, использовались слова с сильным коннотативным значением («Не останавливаются ни перед чем», «Девять дней в маоистском плену», «Провокация хунвейбинов», «Перлы китайского радио»). Применительно к Китаю постоянно употреблялись такие слова, как «провокаторы» и «авантюристы». Многие заголовки сразу свидетельствовали о сатирическом характере публикаций («Сватовство по-пекински»,

«Кукла по-пекински», «Пекинское сальто», «Как справлять свадьбу» и т.д.).

От описания событий в США или ФРГ заглавия статей о Китае отличались только китайским колоритом в лице маоистов и хунвейбинов. Стоит отметить, что понятие «хунвейбин» стало нарицательным в условиях советско-китайского конфликта и «культурной революции». Эквиваленты этого слова в русском языке использовались редко. В частности, это касается употребления перевода «красногвардеец», который фигурировал в советской печати в начале «культурной революции» [44. С. 4]. Такой перевод привносил несколько иной образ и не закрепился в публикациях. Среди населения встречалось упоминание «красноохранников» [45. Л. 180].

В текстах о ситуации в Китае, не только сатирического толка, часто встречались кавычки, столь характерные для «капиталистических» статей и не распространенные в публикациях о социалистических странах. Слова использовались в переносном значении («Какая она, “стабилизация”?»), «Трюки с “возрождением” и т.д.). Всегда брались в кавычки характеристики Мао Цзэдуна, употребляемые в китайских источниках. «Великий кормчий», «самое, самое яркое солнце» и другие подобные обращения регулярно появлялись в сатирических текстах различного вида.

Сатирические материалы – визуальные и текстовые – активно использовали стереотипные представления советских граждан о Китае и его жителях. К примеру, в стихотворении С. Смирнова «Раздракоченный дракон» нашли проявление традиционные образы Китая и СССР / России (о представлениях о Китае в России в разные исторические периоды см. [46]):

Поправши званье «Добрые соседи»,
Решил Дракон
За горло взять Медведя.
Но получил под зад такой пинок,
Что отлетел назад без задних ног.
Пускай же станет ясной для Дракона
Мораль, что раздракочен он законно! [47. С. 2].

Закономерно на стереотипах были основаны многие анекдоты. В них Китай часто представал технически неразвитой страной, в частности в сфере вооружения. Параллельно с этим постоянно фигурировала тема огромной численности населения Китая. Соединяясь, эти два сюжета создавали устойчивый образ КНР как страны, пытающейся догнать передовые государства и обосновать свое место на мировой политической арене не с помощью развития современных технологий, роста производительности труда и т.д., а исключительно за счет колоссальных людских ресурсов. Даже определенные успехи Китая воспринимались скептически. Так, в 1964 г. Китай испытал атомную бомбу, но в анекдотах это отражалось с определенной долей иронии: «**Есть ли у китайцев атомная бомба?**» – «**Нет, они ее взорвали!**» [39. С. 957]. Прямой метой времени было частое использование в подобных анекдотах темы космоса («**Сможет ли Китай запустить спутник?**» – «**Сможет, если все китайцы натянут одну рогатку!**»; «**Есть ли у Мао ракеты, чтобы высадить китайцев на Луне?**» – «**Нет, но он**

может приказать китайцам стать друг другу на плечи, и они достанут до Луны голыми руками!») [39. С. 957].

Визуальные сатирические материалы по китайской тематике, как и текстовые, имели свою специфику. Важной особенностью карикатур, посвященных политике Мао Цзэдуна, в том числе антисоветизму Китая, было отсутствие на изображении лиц китайских граждан. Вариантов было множество. Чаще всего на изображении присутствовали руки, которые держали плакаты / книги / флаги с агрессивными, в том числе антисоветскими, лозунгами либо совершали какие-либо действия (стреляли, жали руку и т.д.) [К примеру, 48. С. 3]. Лица могли быть закрыты плакатами [49. С. 3]. Здесь можно было увидеть намек на то, что китайские солдаты действуют слепо по указаниям «великого кормчего». Но в целом это создавало обезличенный образ врага, без четкой привязки к какой-либо стране. Эта деталь отчетливо бросается в глаза, поскольку такие идеологические враги СССР, как США, ФРГ, Великобритания и пр., изображались с лицами, имевшими выраженные символические черты. Такие разные образы могли встречаться на одном изображении. Так, на карикатуре Б. Ефимова «Перекличка...» Западная Германия предстает в «целом» образе, а Китай только в виде руки, с которой капает кровь [50. С. 2]. При создании карикатур художники не использовали внешние особенности, которые, к примеру, часто становились предметом шуток в анекдотах. В качестве исключения можно выделить карикатуру, напечатанную в «Красной звезде» в марте 1969 г. На ней изображалась фигура китайского военного в агрессивной, безумной позе, с гримасой на лице [51. С. 3]. На орудии военного развевался лозунг «Провокации».

Узнаваемой деталью карикатур о Китае были надписи на китайских книгах, плакатах и т.д., которые выполнялись однообразным шрифтом, стилизованным под китайские иероглифы. Таким образом, встретив подобный шрифт даже на изображении, посвященном другой стране или теме, читатель мог легко догадаться, что косвенно здесь упоминается Китай.

Проанализируем основные темы, рассматриваемые в советской сатире в рамках освещения советско-китайского конфликта. Главной темой, несомненно, являлось насаждение в Китае культа личности Мао Цзэдуна. Многочисленные проявления этого явления стали благодатной почвой для создания фельетонов, сатирических стихотворений, анекдотов, карикатур. Ключевым символом культа личности Мао Цзэдуна и в целом «культурной революции» и политики КПК стал красный цитатник Мао, который постоянно присутствовал на изображениях и упоминался в текстах. Одной из самых известных карикатур стала картина Б. Ефимова, изображающая автомат, заряженный цитатником Мао [52. С. 1]. Стоит отметить, что на этой карикатуре также не было изображения лица того, кто держит автомат.

Критике подвергался фанатизм, с которым часть китайского населения уверовала в идеи «великого кормчего», вовлечение в «культурную революцию» всех слоев общества, включая стариков и маленьких

детей. Заметка «Кукла по-пекински» была опубликована во многих центральных и местных изданиях [53]. Привлекало внимание читателей и название, обыгрывавшее традиционное китайское блюдо, и сопровождавшая статью фотография. Речь шла о распространении в Юго-Восточной Азии кукол – хунвейбинок, увешанных значками с изображением «самого-самого красного солнышка» и держащих в руке цитатник Мао. Иронизируя над подобными формами пропаганды, автор предлагал использовать для продвижения идей Мао соски и погремушки.

Популярным сюжетом сатирических заметок становились истории о «чудодейственной силе» цитат Мао. На основе материалов газет и журналов можно было сделать вывод, что в Китае идеи Мао стали определенной формой религии, а цитатник Мао – священной книгой. В заметке «Крокодила» «Как гарантировать победу в настольном теннисе» приводилась цитата члена китайской команды по настольному теннису: «Если спортсмен хочет выиграть соревнование, то он ни на минуту не должен идти в разрез с идеями Мао Цзэдуна. Должен поступать в соответствии с тем, что говорит председатель Мао. Только таким образом он может гарантировать победу. Наоборот, если хотя бы в одном соревновании, в одной партии или даже при подаче нескольких мячей ты не будешь применять идеи председателя Мао в качестве командной силы, ты можешь потерпеть поражение» [54. С. 1]. В заметке «Комсомольской правды» сообщалось, что китайские СМИ распространяют сведения о лечении раковых больных с помощью идей Мао [55. С. 3].

Авторы обсуждали абсурдность как самих идей Мао Цзэдуна, так и форм их распространения. Так, в статье «Маоизм с “прицепом”» описывалась поставка в Пакистан подарочных коробок с произведениями председателя Мао, дополненных чаем и водкой «маотай» [56. С. 3]. Автор, разбирая возможные причины совмещения идеологических материалов «со шкаликом», приводил разные объяснения: от невозможности читать цитатник Мао «на трезвую голову» до ассоциирования идея Мао с алкоголем. Некоторые сатирические заметки содержали достаточно жесткие характеристики Мао Цзэдуна и его политики, отдельные являлись готовыми анекдотами. К примеру, говоря о праздновании 11-летия поездки Мао Цзэдуна на катере по реке Янцзы, автор заключал: «Судя по событиям последних лет, поездка на катере не пошла на пользу “красному солнышку”. Его, видать, укачало, а тошнит других...» [57. С. 5]².

Культ личности Мао был распространенным сюжетом и для анекдотов. Высмеивались как вещественные признаки возвеличивания председателя КПК – масштабное распространение портретов Мао Цзэдуна, сборников его цитат, так и в целом обожествление великого кормчего («В мебельном магазине Москвы продаются спальные китайские гарнитуры из пяти предметов – одна циновка и четыре портрета Мао», «В ООН обсуждается вопрос о столице мира. Израиль за Иерусалим: “Это место указано Богом”. Китаец: “Неправда. Мао этого никогда не говорил”» [39. С. 956–957]). В анекдоты

вплеталась советская действительность. Часто использовался такой традиционный для анекдота прием, как игра на созвучии («**Когда окончится культ личности Мао Цзэдуна?**» – «**Когда его положат в Маозолей?**»; «**Почему в Китае истребляют кошек?**» – «**Потому что они вместо “Мао” говорят “Мяу”**» и т.д.) [39. С. 956]. Последний пример существовал и в форме куплетов для выступления сатириков. При этом официальной цензурой он, вместе с некоторыми другими куплетами, был отбракован как «примитивно, плоско и политически неправильно характеризующий трагические для китайского народа события» [58. С. 568].

Другой распространенной темой для сатирических материалов было отсутствие у Мао Цзэдуна поддержки среди основной массы китайского населения. Проявление любых оппозиционных настроений привлекало внимание официальной советской печати. Акцент на неотождествление «клики Мао» и китайского народа был крайне важен с точки зрения идеологии. СССР вел борьбу не с Китаем, а с ограниченной группой «раскольников» во главе с председателем Мао. Главными причинами, выделяемыми авторами публикаций, являлись негативное влияние политики Мао, в частности «культурной революции», на экономику и культуру Китая, на повседневную жизнь китайцев, абсурдные, часто просто жестокие, методы внедрения нового курса.

К примеру, в заметке «О рыбаке Сун Вен-Чжи, его старухе и разбитом корыте» показывались негативные изменения в жизни простых китайских граждан: нарушение мирного порядка, постоянное участие в митингах, ополчении. Автор подчеркивал установку о чуждости рядовым китайцам политики Мао Цзэдуна в отношении СССР: «...сам китайский народ ответственности за антисоветские авантюры никогда на себя не брал и брать не будет» [59. С. 4].

Во второй половине 1960-х гг. в информационных кампаниях главными врагами СССР и социалистических стран выступали США и ФРГ. В каждом номере присутствовала критика США, особенно в контексте войны во Вьетнаме, и Западной Германии. В сатирических журналах «Крокодил», «Перець» в каждом номере печатались карикатуры и фельетоны, посвященные милитаризму и неофашизму ФРГ, агрессии США в Юго-Восточной Азии и пр.³ Тема связи Китая с США и ФРГ была одной из ключевых при освещении советско-китайского конфликта. Критика Китая встраивалась в давно существующую биполярную картину мира. Руководство КПК обвинялось в совместных действиях с ведущими капиталистическими державами, за действиями Мао Цзэдуна виделась «рука Вашингтона и Бонна».

Эти сюжеты находили отражение в карикатурах. В частности, они были очень популярны в марте 1969 г. в «Красной звезде» – печатном органе Министерства обороны СССР. На рисунке Н. Лисогорского «Ищут общий язык» представители НАТО и Западной Германии изображены с китайско-английским и китайско-немецким словарем [60. С. 3]. В другом варианте действия китайского солдата вызывают явное одобрение еще и военных кругов Израиля, который в рас-

смастриваемый период выступал в советской прессе одним из главных союзников США [61. С. 3]. Стоит отметить, что нарисованный образ китайского провокатора в «Красной звезде» совпадал с образами, представленными, в частности, на фотографиях в «Литературной газете» под заголовками «Оскар маоизма», «Путь Мао к власти» и т.д. [62–64]. В них подчеркивались безумная агрессия, фанатизм, истеричность действий.

Образы Западной Германии и США, укоренившиеся в советской карикатуре, привносились в китайскую тематику. Но шел и обратный процесс. К примеру, чтобы подчеркнуть безумство военных ФРГ карикатура «Крокодила» носила название «Западно-германский хунвейбин», а также использовались «китайские» символы, в частности шрифт [47. С. 2].

В сатирических материалах обсуждалась проблема антисоветизма Пекина. Советские официальные СМИ не могли оставлять антисоветскую политику КНР без комментариев. Однако разжигание ненависти не входило в планы советского руководства, поэтому тема антисоветских действий в прессе уступала по освещенности теме культа личности Мао Цзэдуна и связи КНР с Соединенными Штатами и ФРГ. Исключение стал период боев на о. Даманский, когда проблема антисоветской политики КНР неизбежно постоянно звучала в публичном пространстве. Но и в этих условиях медиадискурс постепенно сместился в сторону героической темы, когда главный акцент делался не на агрессию КНР, а на бдительность советских пограничников.

Популярной формой показа антисоветизма КНР были карикатуры. К примеру, в работе М. Абрамова «Опасный курс “великого кормчего”» под флагом «антисоветские провокации» Мао Цзэдун управлял штурвалом с надписью авантюра [65. С. 3]. Сам председатель КНР присутствовал на карикатуре лишь символично – были показаны руки и живот, а также характерные для Мао Цзэдуна элементы одежды.

Отдельные проявления антисоветизма, к которым привлекала внимание официальная пресса, становились основой для анекдота. К примеру, антисоветские выступления перед посольством СССР в Пекине, о которых много писали советские газеты и которые обсуждались на партийных собраниях, породили анекдот: **«Чем сейчас занимаются сотрудники советского посольства в Пекине?» – «Изучают биографию Грибоедова»** [39. С. 958].

Отдельно необходимо остановиться на тех темах, которые не находили отражения в официальных источниках, но существовали в неформальном поле. После начала в Китае «культурной революции» среди населения стали активно распространяться слухи о близкой советско-китайской войне. Эта тема не поднималась в СМИ, но регулярно возникала в вопросах на собраниях и лекциях по международному положению СССР. Закономерно, что возможная война между КНР и СССР была одной из популярных тем в анекдотах. В рамках нее обыгрывались и численность населения Китая, и качество его вооружения. В анекдотах иронично подмечалось, что

предполагаемая война будет не между СССР и странами капитализма, что вполне соответствовало бы логике биполярной системы международных отношений, а между двумя социалистическими государствами (**«Как определить взаимоотношения между СССР и Китаем?» – «Как враждебное сосуществование сверхдержав со сходными общественно-политическими системами»; «Возможно не только мирное сосуществование государств с различным строем, но и враждебная конфронтация государств с одинаковым строем»** и т.д. [39. С. 958]).

Однако в период боев на о. Даманский возможность советско-китайской войны стала весьма осязаемой. На собраниях в Свердловской области в марте 1969 г. проблема вероятности скорой войны между СССР и КНР косвенно или прямо звучала более чем в 20% зафиксированных вопросов [66. Л. 29, 31, 53, 75, 111, 125 и др.; 67. Л.10, 60 и др.]. В Челябинской области население также выражало «опасения возникновения большого конфликта» [68. Л. 62]. В этих условиях смех отошел на второй план. Среди дневниковых записей, сделанных в марте 1969 г., удалось встретить следующую запись: «Конфликт на Даманском – это уже реально страшно: перспектива войны с Китаем перестает быть темой анекдотов. Сегодня нет проблемы актуальнее» [69]⁴.

При анализе сатирических материалов закономерно встает вопрос об их восприятии населением, их эффективности. Оговоримся, что данная проблема требует отдельного исследования, однако отметим некоторые наблюдения. С одной стороны, факты / явления, которые становились объектом сатиры в газетах, журналах, анекдотах, регулярно встречались в выступлениях граждан, вопросах на собраниях и лекциях о международном положении, оказывались в дневниковых записях и мемуарах. Можно говорить о проникновении сатирических образов в общественное сознание. Так, тема культа личности Мао Цзэдуна, столь популярная в сатирических публикациях и анекдотах, постоянно звучала в речах на собраниях, посвященных советско-китайскому конфликту или ситуации в Китае. К примеру, врачи были обеспокоены, что в Китае «пытаются лечить не лекарствами, не медицинскими средствами, а цитатами Мао» [68. Л. 141]. Закономерно, что население сравнивало проявления культа личности Мао со сталинским периодом, выражая понимание китайскому народу: «Я старый коммунист, и вижу, что действия Мао Цзэдуна очень похожи на действия Сталина. Придет время, и китайский народ поймет ошибки своего руководства и займет правильный путь в истории человечества» [45. Л. 157]. Подобные сравнения никак не проявлялись в официальных материалах. Иногда в речах соединялось несколько идеологических штампов и газетных клише разных периодов: «Политика руководства КПК представляет смесь троцкизма с преклонения культуры личности. Например, насаждение коммунизма военным методом, построение коммунизма после победы революции во всем мире – это типичный троцкизм. Поклонение портрету Мао Цзэдуна – это уродливое расширение культа личности» [70. Л. 8].

Другим доказательством усвоения образов из сатирических материалов второй половины 1960-х гг. является их появление в выступлениях и вопросах на собраниях более позднего периода, когда тема «культурной революции» в советской печати уже ушла из повестки дня. Сюжеты, распространенные в анекдотах 1960-х гг., продолжали свою жизнь в вариациях 1970–1980-х гг., дополняясь лишь актуальными деталями.

С другой стороны, несмотря на условия информационной ограниченности, советские граждане кроме официальных источников имели и альтернативные. Во-первых, на территории Советского Союза было доступно китайское радио, которое вещало на русском языке. Во-вторых, были те, кто проходили службу на советско-китайской границе и имели определенные представления о политике КНР, в частности о проявлениях антисоветского курса. В-третьих, было много специалистов, которые работали в Китае и знали особенности этой страны и ее населения. Часть из них являлись свидетелями изменения советско-китайских отношений, быстрого свертывания сотрудничества в начале 1960-х гг. Следствием этого были многочисленные вопросы, подвергающие сомнению материалы советской печати, в том числе сатирического характера.

Одним из «слабых мест» при показе происходящего в Китае была проблема отсутствия у Мао Цзэдуна поддержки в массах. В речах советские граждане в русле официальной линии отмечали, что «народ Китая нельзя отравить до конца маоцзедунизмом», «китайский народ не пойдет за кликой Мао. Это не вина, а беда китайского народа, что он попал в такую обстановку» [19. Л. 2; 67. Л. 12]. Однако при этом вопросы о поддержке Мао Цзэдуна в Китае и за его пределами, причинах, почему оппозиция не может свергнуть Мао Цзэдуна, постоянно звучали на партийных и трудовых собраниях. Советские граждане закономерно удивлялись, что при отсутствии опоры в стране с многомиллионным населением Мао Цзэдун остается у власти и проводит антинародную политику («Каковы причины, что отсутствуют случаи со стороны китайских трудящихся, которые бы реалистично оценили обстановку в своей стране?» [71. Л. 18]).

Подведем итоги. Сатирические материалы являлись одной из основных форм освещения советско-китайского конфликта в прессе. Исключением стал короткий период марта–апреля 1969 г., связанный с событиями на о. Даманский. В этот момент ключевыми формами в освещении конфликта были отклики советской общественности (отчеты с митингов и со-

браний, письма читателей), сообщения соборов изданий с советско-китайской границы. Даже специализированный «Крокодил» поменял стиль изложения. В журнале вышли статьи, которые сложно отнести к жанру сатиры («Гнев и боль», «От рогатки до миномета») [47. С. 3; 59. С. 4]. Однако и в это время сатирические формы остались «на вооружении».

Советское руководство не хотело усиливать существующие разногласия в условиях нестабильности социалистической системы⁵. Сатира имела определенные преимущества при показе ситуации вокруг Китая. С одной стороны, присутствовала критика действий руководства КПК, отражались официальные установки Москвы относительно уровня советско-китайских отношений. С другой стороны, ироничные комментарии о ситуациях, связанных с культом личности Мао Цзэдуна, проведением «культурной революции» и т.д. снижали остроту проблемы. Постоянно подчеркивая абсурдность происходящего в Китае, авторы создавали образ не долговременного глубокого кризиса в отношениях двух стран, а кратковременной размолвки, вызванной временным помешательством одной из сторон.

Визуальные материалы также отражали стремление не разжигать конфликт. Карикатура, в которой отражался советско-китайский конфликт, была в прямом смысле слова обезличена. Присутствовали только лозунги и отдельные символы, в частности цитатник Мао. У Китая – врага, в отличие от традиционных врагов – стран капитализма, не было законченного образа. Точка в определении Китая относительно лагеря своих и чужих не была поставлена.

Темы, обсуждаемые в сатирических заметках, стихотворениях, совпадали с основными темами официальных сообщений: культ личности Мао Цзэдуна, негативные проявления «культурной революции», попытка «создать ось Бонн – Пекин – Вашингтон», антисоветизм Китая. В неофициальных формах, которой, в частности, являлся анекдот, отражались и «газетные» темы, и те проблемы, которые существовали на уровне слухов. Таким образом, анекдот является важным источником при изучении восприятия советско-китайского конфликта в СССР. Сатирические материалы проникали в общественное сознание, в речь. Одним из доказательств было присутствие сведений и оценок из этих материалов в публичных выступлениях и отдельных высказываниях граждан. Другим доказательством являлись тексты анекдотов, в основе которых часто лежали материалы прессы, в частности журнала «Крокодил».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Во второй половине 1960-х гг. тираж «Крокодила» составлял 4,9 млн экземпляров.

² Стоит отметить схожесть построения данной фразы и существовавших в обществе анекдотов относительно советских руководителей.

³ Сатирический журнал «Перець» выходил на украинском языке два раза в месяц, в рассматриваемое время имел тираж 750–1 700 тыс. экземпляров.

⁴ Отметим, что автору данного дневника, будущему журналисту и писателю Г.А. Елину, было на момент записи 17 лет.

⁵ Необходимо учитывать, что вторая половина 1960-х гг. ознаменовалась чередой кризисов внутри соцлагеря. Чехословацкий кризис 1968 г., разногласия с Румынией и Югославией, кризис в Польше, затяжной идеологический конфликт с Албанией, наличие противоречий с КНДР и Кубой – необходимо было прилагать значительные усилия для поддержания социалистической системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галенович Ю.М. Заметки Китаеведа. М. : Муравей, 2002. 327 с.
2. Китай: история в лицах и событиях / под общ. ред. С.Л. Тихвинского. М. : Политиздат, 1991. 252 с.
3. Рябченко Н.П. КНР – СССР: годы конфронтации (1969–1982). Владивосток : Дальнаука, 2006. 159 с.
4. Стульникова Э.Ф. Феномен «Культурной революции» в КНР: истоки, характер развития, современные оценки : дис... канд. ист. наук. Казань, 2016. 239 с.
5. Усов В.Н. КНР: от «большого скачка» к «культурной революции» (1960–1966 гг.). М. : ИДВ РАН, 1998. Ч. 1. 221 с.; Ч. 2. 241 с.
6. MacFarquhar R. Mao's last revolution. Cambridge Mass.; London : Belknap press of Harvard University press, 2006. 693 p.
7. Фролов А.В. Развитие советско-китайских приграничных отношений на Дальнем Востоке СССР (1949–1969 гг.) : дис. ...канд. ист. наук. Хабаровск, 2007. 221 с.
8. Мельников В.Н. Пограничная политика СССР на советско-китайской границе: 1949–1969 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2009. 208 с.
9. Бондарь Б. Как это было (К 30-летию конфликта у озера Жаланашколь) / Б. Бондарь // Даманский–Чжэньбао. История пограничных конфликтов в Азиатско-Тихоокеанском регионе. URL: https://studylib.ru/doc/938881/kak-e-to-bylo---b.bondar_-o-zhalanashkole (дата обращения: 26.03.2017).
10. Бубенин В. Кровавый снег Даманского. Москва – Жуковский, 2004. 192 с.
11. Мусалов А. Даманский и Жаланашколь 1969. М. : Цейхгауз, 2005. 40 с.
12. Рябушкин Д.С. Остров Даманский. Пограничный конфликт. Март 1969 г. М. : Фонд «Русские Витязи», 2015. 171 с.
13. Кальвокорресси П. Мировая политика после 1945 года. М. : Междунар. отношения, 2000. 592 с.
14. Киссинджер Г. Дипломатия. М. : Ладомир, 1997. 848 с.
15. Grange A. de La Quand Nixon a sauvé la Chine du feu nucléaire soviétique. URL: <http://www.lefigaro.fr/international/2010/05/12/> (дата обращения: 20.11.2012).
16. LaFeber W. America, Russia, and the cold war 1945–1990. New York : McGraw-Hill, 1991. 370 p.
17. Moss Walter G. A history of Russia. Volume II: since 1855. New York : McGraw-Hill, 2002. 569 p.
18. Галенович Ю.М. Россия и Китай в XX веке: граница. М. : Изограф, 2001. 335 с.
19. Объединенный государственный архив Челябинской области (далее – ОГАЧО). Ф. 288. Оп. 162. Д. 107а.
20. Белобровцева И.З. Образ «малого врага»: Прибалтика и Польша в зеркале советской карикатуры (1918–1940). М. : Флинта; Наука, 2013. 157 с.
21. Газизова М.Р. Международная политическая сатира на страницах журнала «Чаян» в 1920–1930-е годы // Манускрипт. 2017. № 2. С. 162–168.
22. Голубев А.В. «Большая правда, чем фотография»: советская политическая карикатура как фактор формирования внешнеполитических стереотипов // Наука, культура, менталитет России нового и новейшего времени. М. : ИРИ РАН, 2014. 282 с. С. 212–235.
23. Голубев А.В. «Подлинный лик заграницы»: образ внешнего мира в советской политической карикатуре, 1922–1941 гг. М., СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2018. 280 с.
24. Голубев А.В. Визуальные образы войны в советской карикатуре межвоенного периода // Очевидная история. Проблемы визуальной истории России XX столетия. Челябинск : Каменный пояс, 2008. С. 269–284.
25. Гринько И.А., Шевцова А.А. Расизм и колониализм в советской карикатуре: визуальный нарратив о своих и чужих // Конфликтология / Nota bene. 2018. № 2. С. 36–53.
26. Федосов Е.А. Внешний мир глазами советской пропаганды 1950-х начала 1960-х гг. В плакатах и карикатурах // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 1. С. 106–109.
27. Федосов Е.А. «Мы скорбим о Лумумбе!»: конголезский кризис в официальной пропаганде СССР и письмах советских граждан // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 412. С. 125–131.
28. Гулева М.А. «Руки прочь от Китая!»: китайские друзья и враги на страницах журнала «Крокодил» (1922–1950 гг.) // Общество и государство в Китае. 2015. Т. 45, № 2. С. 706–729.
29. Гулева М.А. Рабочие, борцы и коммунисты: китайские друзья советских людей в журнале «Крокодил» (1922–1949 гг.) // Международные отношения и диалог культур. 2016. № 4. С. 277–286.
30. Гулева М.А. Советско-китайская дружба в «зеркале» журнала «Крокодил» (1922–1991 гг.) // Россия и Восточная Азия через 70 лет после окончания Второй мировой войны : сб. тр. конф. М. : ИДВ РАН, 2016. С. 193–197.
31. Гулева М.А. Синий френч, дарёная шляпа: Дэн Сяопин в журнале «Крокодил» периода советско-китайского охлаждения // Общество и государство в Китае. 2016. Т. 46, № 2. С. 582–592.
32. Архипова А.С. Анекдот и его прототип: генезис текста и формирование жанра : дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 126 с.
33. Воробьева М.В. Анекдот как феномен повседневной культуры советского общества: на материале анекдотов 1960–1980-х годов : дис. ... канд. культурологии. Екатеринбург, 2008. 190 с.
34. Еремеева Е.А. Изучение советского юмористического дискурса с помощью технологий баз данных: на материалах журнала «Перец» и советских политических анекдотов // Историческая информатика: информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. 2013. № 4. С. 14–24.
35. Еремеева Е.А. Советский юмористический дискурс: контент-анализ советских политических анекдотов и журнала «Перец» // Информационный бюллетень ассоциации История и компьютер. 2012. № 38. С. 94–95.
36. Мельниченко М.А. Советский политический анекдот 1918–1953 годов как исторический источник : дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. 409 с.
37. Постсоциалистический анекдот. Материалы международного симпозиума. 15–16 января, 2007. Тарту, 2007. URL: <http://www.folklore.ee/rl/fo/konve/joke07/teesid.pdf> (дата обращения: 25.06.2019).
38. Graham S.B. A cultural analysis of the Russo-soviet anecdote. Pittsburgh, 2003. URL: https://d-scholarship.pitt.edu/9560/1/grahamsethb_etd2003.pdf (дата обращения: 15.06.2019).
39. Мельниченко М. Советский анекдот (Указатель сюжетов). М. : Новое литературное обозрение, 2014. 1103 с.
40. Кабанов В.В. Источниковедение истории советского общества : курс лекций М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 1997. 388 с.
41. Латышев Ю.В. Феномен юмора в социально-информационном взаимодействии: теоретико-методологический анализ : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Кемерово, 2003. 18 с.
42. Лившин А.Я., Орлов И.Б. Власть и общество: диалог в письмах. М. : РОССПЭН, 2002. 208 с.
43. Мельниченко М.А. Советский политический анекдот 1918–1953 годов как исторический источник : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. 19 с.
44. Правда. 1966. 26 авг.
45. Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее – ЦДОСО). Ф. 4. Оп. 69. Д. 94.
46. Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках. М. : АСТ ; Восток-Запад, 2007. 598 с.
47. Крокодил. 1969. № 10.
48. Известия. 1969. 15 марта.
49. Известия. 1969. 17 марта.
50. Известия. 1969. 10 марта.
51. Красная звезда. 1969. 18 марта.

52. Крокодил. 1969. № 8.
53. Литературная газета. 1968. 14 авг.
54. Крокодил. 1966. № 22.
55. Комсомольская правда. 1969. 13 февр.
56. Вечерний Свердловск. 1969. 3 марта.
57. Крокодил. 1969. № 11.
58. История советской политической цензуры : Документы и комментарии. М. : РОССПЭН, 1997. 672 с.
59. Крокодил. 1969. № 9.
60. Красная звезда. 1969. 16 марта.
61. Красная звезда. 1969. 18 марта.
62. Литературная газета. 1969. 19 марта.
63. Литературная газета. 1969. 26 марта.
64. Литературная газета. 1969. 2 апр.
65. Красная звезда. 1969. 21 марта.
66. ЦДООСО Ф. 4 Оп. 73. Д. 103.
67. ЦДООСО Ф. 4 Оп. 73. Д. 104.
68. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 166. Д. 112.
69. Елин Г.А. Дневник // Электронный корпус «Прожито». URL : <https://prozhito.org/note/75431> (дата обращения: 24.06.2019).
70. ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 39. Д. 25.
71. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 79. Д. 139.

Статья представлена научной редакцией «История» 16 августа 2019 г.

The Soviet-Chinese Conflict in the Second Half of the 1960s Through the Mirror of Soviet Satire

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 448, 119–128.

DOI: 10.17223/15617793/448/15

Ekaterina V. Kamenskaya, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: ekam82@yandex.ru

Keywords: Soviet Union; China; Soviet-Chinese conflict; satire; Soviet press; caricature; joke; public opinion.

The aim of the article is to study the reflection of the Soviet-Chinese conflict in the Soviet satire of the second half of the 1960s. The sources for the study were the materials of the central and regional press (feuilletons, poems, caricatures), jokes that appeared at that time, archival materials (reports on meetings, questions from lectures on the international situation), memoirs and diaries. Thus, both official and unofficial sources help to identify the core usage of Soviet satire. The article analyzes the specifics of the construction of visual and text satirical materials. The conflict with China was the only conflict within the Socialist Camp that the Soviet press covered using satire as one of the main expressive tools. Irony was effective in terms of shifting the emphasis from the ideological confrontation between the USSR and China to individual manifestations of the “Cultural Revolution” in China. The techniques of absurdity and hyperbole served to portray unrealistic images of what was happening in China. Satire in the official press partially used stereotypes Soviet citizens had about China and its inhabitants. These stereotypes were most fully reflected in jokes. Newspapers and magazines regularly published cartoons about China’s politics, including its anti-Soviet position. The image of China was significantly different from those portraying the main foreign policy enemies of the USSR (the USA and West Germany). The caricatures showed mild aggression and elements of Chinese culture, while the actors were presented only fragmentary. The main topic, the development of the cult of personality of Mao Zedong in China, was emphasized by feuilletons, caricatures and jokes. Other common themes detailed the existence of an opposition to Mao Zedong in China, the connection of the leadership of the Communist Party of China with the capitalist countries (the Western Bloc), and China’s anti-Soviet position. The jokes were based on the material of both the media and rumours. One item treated only as jokes was the possible war between the USSR and China, with official media firmly treating the conflict as a quarrel inside the family. Separately, the article details the impact of satire and humour on public awareness. Frequent mention of facts and stories from satirical materials shows the long-term efficacy of this genre, as well as the fact that issues covered by satire continued to provoke questions from the public. The images journalists used in the official satire, as well as those existing in the informal field of jokes, were remembered for a long time.

REFERENCES

1. Galenovich, Yu.M. (2002) *Zametki kitaeveda* [Notes of a Sinologist]. Moscow: Muravey.
2. Tikhvinskiy, S.L. (ed.) (1991) *Kitay: istoriya v litsakh i sobyitiyakh* [China: History in persons and events]. Moscow: Politizdat.
3. Ryabchenko, N.P. (2006) *KNR – SSSR: gody konfrontatsii (1969–1982)* [PRC – USSR: Years of confrontation (1969–1982)]. Vladivostok: Dal’nauka.
4. Stul’nikova, E.F. (2016) *Fenomen “Kul’turnoy revolyutsii” v KNR: istoki, kharakter razvitiya, sovremennye otsenki* [The phenomenon of the “Cultural Revolution” in the PRC: The origins, the nature of development, modern assessments]. History Cand. Diss. Kazan.
5. Usov, V.N. (1998) *KNR: ot “bol’shogo skachka” k “kul’turnoy revolyutsii” (1960–1966 gg.)* [PRC: from the “Great Leap Forward” to the “Cultural Revolution” (1960–1966)]. Moscow: Institute of Far Eastern Studies RAS.
6. MacFarquhar, R. (2006) *Mao’s last revolution*. Cambridge Mass.; London: Belknap Press of Harvard University Press.
7. Frolov, A.V. (2007) *Razvitiye sovetsko-kitayskikh prigranichnykh otnosheniy na Dal’nem Vostoke SSSR (1949–1969 gg.)* [The development of Soviet-Chinese border relations in the Far East of the USSR (1949–1969)]. History Cand. Diss. Khabarovsk.
8. Mel’nikov, V.N. (2009) *Pogranichnaya politika SSSR na sovetsko-kitayskoy granitse: 1949–1969 gg.* [The border policy of the USSR on the Soviet-Chinese border: 1949–1969]. History Cand. Diss. Khabarovsk.
9. Bondar’, B. (1999) *Kak eto bylo (K 30-letiyu konflikta u ozera Zhalanashkol’)* [How it happened (On the 30th anniversary of the conflict at Lake Zhalanashkol)]. [Online] Available from: https://studylib.ru/doc/938881/kak-e-to-bylo---b.bondar_-o-zhalanashkole. (Accessed: 26.03.2017).
10. Bubenin, V. (2004) *Krovavyy sneg Damanskogo* [The bloody snow of Damansky]. Moscow; Zhukovskiy: “Granitsa”, “Kuchkovo pole”.
11. Mysalov, A. (2005) *Damanskiy i Zhalanashkol’ 1969* [Damansky and Zhalanashkol 1969]. Moscow: Tseykhgauz.
12. Ryabushkin, D.S. (2015) *Ostrov Damanskiy. Pogranichnyy konflikt. Mart 1969 g.* [Damansky Island. The Border Conflict. March 1969]. Moscow: Fond “Russkie Vityazi”.
13. Calvocoressi, P. (2000) *Mirovaya politika posle 1945 goda* [World Politics since 1945]. Translated from English. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya.
14. Kissinger, G. (1997) *Diplomatiya* [Diplomacy]. Translated from English. Moscow: Ladomir.

15. Grange, A. de. (2010) *La Quand Nixon a sauvé la Chine du feu nucléaire soviétique*. [Online] Available from: <http://www.lefigaro.fr/international/2010/05/12/>. (Accessed: 20.11.2012).
16. LaFeber, W. (1991) *America, Russia, and the Cold War 1945–1990*. New York: McGraw-Hill.
17. Moss, W.G. (2002) *A History of Russia*. Volume II: Since 1855. New York: McGraw-Hill.
18. Galenovich, Yu.M. (2001) *Rossiya i Kitay v XX veke: granitsa* [Russia and China in the 20th Century: The Border]. Moscow: Izograf.
19. Joint State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund 288. List 162. File 107a. (In Russian).
20. Belobrovtsseva, I.Z. (2013) *Obraz “malogo vraga”: Pribaltika i Pol'sha v zerkale sovetskoj karikatury (1918–1940)* [The image of the “small enemy”: The Baltic states and Poland in the mirror of the Soviet caricature (1918–1940)]. Moscow: Flinta; Nauka, 157 c.
21. Gazizova, M.R. (2017) International Political Satire in the Pages of “Chayan” Magazine in the 1920–1930s. *Manuskript – Manuscript*. 2. pp. 162–168. (In Russian).
22. Golubev, A.V. (2014) “Bol'shaya pravda, chem fotografiya”: sovetskaya politicheskaya karikatura kak faktor formirovaniya vneshnepoliticheskikh stereotipov [“Greater truth than photography”: Soviet political caricature as a factor in the formation of foreign policy stereotypes]. In: Golubev, A.V. (ed.) *Nauka, kul'tura, mentalitet Rossii novogo i noveyshego vremeni* [Science, Culture, Mentality of Modern and Contemporary Russia]. Moscow: Institute of Russian History RAS. pp. 212–235.
23. Golubev, A.V. (2018) “Podlinnyy lik zagranitsy”: obraz vneshnego mira v sovetskoj politicheskoy karikature, 1922–1941 gg. [“The Original Face of the Abroad”: The image of the outside world in the Soviet political caricature, 1922–1941]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.
24. Golubev, A.V. (2008) Vizual'nye obrazy voyny v sovetskoj karikature mezhoennoogo perioda [Visual images of war in the Soviet caricature of the interwar period]. In: Narskiy, I.V. et al. (eds) *Ochevidnaya istoriya. Problemy vizual'noy istorii Rossii XX stoletiya* [Obvious history. Problems of the visual history of Russia in the twentieth century]. Chelyabinsk: Kamennyy poyas. pp. 269–284.
25. Grin'ko, I.A. & Shevtsova, A.A. (2018) Racism and colonialism in Soviet caricature: a visual narrative of friend and foe. *Konfliktologiya – Conflict Studies*. 2. pp. 36–53. (In Russian). DOI: 10.7256/2454-0617.2018.2.26626
26. Fedosov, E.A. (2013) Outer world viewed by Soviet propaganda of the 1950s – early 1960s in posters and caricatures. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 1. pp. 106–109. (In Russian).
27. Fedosov, E.A. (2016) “We Mourn for Lumumba!”: The Congo Crisis in the Official Propaganda of the USSR and in the Soviet Citizens' Letters. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 412. pp. 125–131. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/412/21
28. Guleva, M.A. (2015) “Hand off China”: Chinese Friends and Foes in “Krokodil” Magazine (1922–1950). *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*. 45 (2). pp. 706–729. (In Russian).
29. Guleva, M.A. (2016) Workers, Fighters, Communists: Chinese Friends of Soviet People in Krokodil Magazine (1922–1949). *Mezhdunarodnye otnosheniya i dialog kul'tur – International Relations and Dialogue of Cultures*. 4. pp. 277–286. (In Russian).
30. Guleva, M.A. (2016) [Soviet-Chinese friendship in the “mirror” of the Krokodil magazine (1922–1991)]. *Rossiya i Vostochnaya Aziya cherez 70 let posle okonchaniya Vtoroy mirovoy voyny* [Russia and East Asia 70 Years after the End of World War II]. Proceedings of the International Conference. Moscow: Institute of Far Eastern Studies RAS. pp. 193–197. (In Russian).
31. Guleva, M.A. (2016) Deng Xiaoping in Krokodil Magazine During the Sino-Soviet Split. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*. 46 (2). pp. 582–592. (In Russian).
32. Arkhipova, A.S. (2004) *Anekdot i ego prototip: genesis teksta i formirovanie zhanra* [Joke and its prototype: The genesis of the text and the formation of the genre]. Philology Cand. Diss. Moscow.
33. Vorob'eva, M.V. (2008) *Anekdot kak fenomen povsednevnoy kul'tury sovetskogo obshchestva: na materiale anekdotov 1960–1980-kh godov* [Joke as a phenomenon of everyday culture of Soviet society: Based on jokes of the 1960s–1980s]. Culture Studies Cand. Diss. Yekaterinburg.
34. Ereemeva, E.A. (2013) The Study of the Soviet Humorous Discourse by Means of Database Technology: On Materials of the Magazine “Pepper” and the Soviet Political Anecdotes. *Istoricheskaya informatika: informatsionnye tekhnologi i matematicheskie metody v istoricheskikh issledovaniyakh i obrazovanii – Historical Information Science*. 4. pp. 14–24. (In Russian).
35. Ereemeva, E.A. (2012) Sovetskiy yumoristicheskiy diskurs: kontent-analiz sovetskikh politicheskikh anekdotov i zhurnala “Perets” [Soviet humorous discourse: A content analysis of Soviet political jokes and the Perets magazine]. *Informatsionnyy byulleten' assotsiatsii Istoriya i komp'yuter*. 38. pp. 94–95.
36. Mel'nichenko, M.A. (2011) *Sovetskiy politicheskii anekdot 1918–1953 godov kak istoricheskii istochnik* [The Soviet political joke of 1918–1953 as a historical source]. History Cand. Diss. Moscow.
37. Krikmann, A. (ed.) (2007) *Postsotsialisticheskiy anekdot* [Post-Socialist Jokelore]. [Online] Available from: <http://www.folklore.ee/ri/fo/konve/joke07/teesid.pdf>. (Accessed: 25.06.2019).
38. Graham, S.B. (2003) *A Cultural Analysis of the Russo-Soviet Anekdot*. [Online] Available from: https://d-scholarship.pitt.edu/9560/1/grahamsethb_etd2003.pdf. (Accessed: 15.06.2019).
39. Mel'nichenko, M. (2014) *Sovetskiy anekdot (Ukazatel' syuzhetov)* [Soviet joke (Index of Plots)]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
40. Kabanov, V.V. (1997) *Istochnikovedenie istorii sovetskogo obshchestva: kurs lektsiy* [Source study of the history of Soviet society: A course of lectures]. Moscow: RSUH.
41. Latyshev, Yu.V. (2003) *Fenomen yumora v sotsial'no-informatsionnom vzaimodeystvii: teoretiko-metodologicheskii analiz* [The phenomenon of humor in socio-informational interaction: Theoretical and methodological analysis]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Kemerovo.
42. Livshin, A.Ya. & Orlov, I.B. (2002) *Vlast' i obshchestvo: dialog v pis'makh* [Power and society: Dialogue in letters]. Moscow: ROSSPEN.
43. Mel'nichenko, M.A. (2011) *Sovetskiy politicheskii anekdot 1918–1953 godov kak istoricheskii istochnik* [The Soviet political joke of 1918–1953 as a historical source]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow
44. *Pravda*. (1966) 26 August.
45. Center for Documentation of Public Organizations of Sverdlovsk Oblast (TsDOOSO). Fund 4. List 69. File 94. (In Russian).
46. Lukin, A.V. (2007) *Medved' nablyudaet za drakonom. Obraz Kitaya v Rossii v XVII–XXI vekakh* [The bear is watching the dragon. The images of China in Russia in the 17th–21st centuries]. Moscow: AST; Vostok-Zapad.
47. *Krokodil*. (1969) 10.
48. *Izvestiya*. (1969) 15 March.
49. *Izvestiya*. (1969) 17 March.
50. *Izvestiya*. (1969) 10 March.
51. *Krasnaya zvezda*. (1969) 18 March.
52. *Krokodil*. (1969) 8.
53. *Literaturnaya gazeta*. (1968) 14 August.
54. *Krokodil*. (1966) 22.
55. *Komsomol'skaya pravda*. (1969) 13 February.
56. *Vecherniy Sverdlovsk*. (1969) 3 March.
57. *Krokodil*. (1969) 11.
58. Goryaeva, T.M. (ed.) (1997) *Istoriya sovetskoj politicheskoy tsenzury: Dokumenty i kommentarii* [History of Soviet Political Censorship: Documents and Commentaries]. Moscow: ROSSPEN.

59. *Krokodil*. (1969) 9.
60. *Krasnaya zvezda*. (1969) 16 March.
61. *Krasnaya zvezda*. (1969) 18 March.
62. *Literaturnaya gazeta*. (1969) 19 March.
63. *Literaturnaya gazeta*. (1969) 26 March.
64. *Literaturnaya gazeta*. (1969) 2 April.
65. *Krasnaya zvezda*. (1969) 21 March.
66. Center for Documentation of Public Organizations of Sverdlovsk Oblast (TsDOOSO) Fund 4. List 73. File 103. (In Russian).
67. Center for Documentation of Public Organizations of Sverdlovsk Oblast (TsDOOSO) Fund 4. List 73. File 104. (In Russian).
68. Joint State Archive of Chelyabinsk Oblast (OGACHO). Fund 288. List 166. File 112. (In Russian).
69. Elin, G.A. (1969) *Dnevnik: Zapis' ot 15 marta 1969 goda* [Diary: March 15, 1969]. [Online] Available from: <https://prozhito.org/note/75431>. (Accessed: 24.06.2019).
70. Center for Documentation of Public Organizations of Sverdlovsk Oblast (TsDOOSO). Fund 161. List 39. File 25. (In Russian).
71. Center for Documentation of Public Organizations of Sverdlovsk Oblast (TsDOOSO). Fund 4. List 79. File 139. (In Russian).

Received: 16 August 2019

Д.А. Огнев, В.В. Шевцов

**ДИССЕРТАЦИОННЫЕ СОВЕТЫ ПО ИСТОРИЧЕСКИМ НАУКАМ К 063.53.18
И К 212.267.01 ПРИ ТОМСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ:
К 20-ЛЕТИЮ ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА ПО СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ
07.00.07 – ЭТНОГРАФИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ, 07.00.10 –
ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ И 25-ЛЕТИЮ НАУЧНО-УЧЕБНОЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ «СИБИРЬ:
ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ»**

*Результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России,
проект №33.1687.2017/4.6.*

Рассматривается история возникновения и функционирования диссертационных советов К 063.53.18 и К 212.267.01 по специальностям «История науки и техники» и «Этнография, этнология и антропология» в Томском государственном университете. Анализируется работа советов как отражение научной авторефлексии в контексте социально-политических преобразований конца XX – начала XXI в. Показана роль этих диссертационных советов в формировании кадров исторического научного сообщества на территории Сибири и Дальнего Востока.

Ключевые слова: диссертационный совет; этнография; этнология; антропология; история науки и техники.

В 2019 г. исполняется 20 лет диссертационному совету по этнографии, этнологии и антропологии и истории науки и техники при Томском государственном университете, история которого началась с образования в 1999 г. диссертационного совета К 063.53.18 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук по специальностям 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология, 07.00.10 – История науки и техники.

Как вспоминает профессор В.П. Зиновьев, совет был сформирован по инициативе декана исторического факультета профессора А.Т. Топчия и этнографов В.М. Кулемзина и Н.В. Лукиной, которые полагали, что Томский университет должен иметь свой совет по этнографии для дальнейшего развития этого направления исследований. Для организации диссертационного совета требовалась вторая специальность, так как найти 18 необходимых для открытия совета докторов наук по этнографии было невозможно в масштабах не только ТГУ, но и всей Сибири. Кадровый потенциал факультета позволял обеспечить специальность «История науки и техники», тем более, что группа молодых ученых под руководством профессора С.Ф. Фоминых уже имела определенные успехи в изучении истории науки и образования в Сибири. Организаторами первой заявки на открытие совета в 1998 г. были В.П. Зиновьев и Н.В. Лукина. В.П. Зиновьев предполагался председателем совета, Н.В. Лукина – заместителем председателя. Из ВАК пришел ответ, что состав совета вполне отвечает требованиям, но для должности председателя необходим маститый, авторитетный историк. Тогда В.П. Зиновьев пошел к заслуженному деятелю науки, доктору исторических наук, профессору кафедры истории и документоведения ТГУ Михаилу Сергеевичу Кузнецову – ветерану Великой Отечественной войны, многоопытному организатору науки и образования – и попросил спасти положение. М.С. Кузнецов, обладавший изрядной долей юмора, сказал, что он уже старый солдат, но

готов послужить еще немного исторической науке и Томскому университету. С новым председателем совет был быстро утвержден.

Таким образом, председателем совета стал Михаил Сергеевич Кузнецов (ум. 2015 г.) – по специальности 07.00.10, заместителем председателя – доктор исторических наук, профессор кафедры теории международных отношений и организации внешнеполитической деятельности ТГУ Василий Павлович Зиновьев – по специальности 07.00.10. Обязанности ученого секретаря совета исполнял доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и исторического краеведения ТГУ Владислав Михайлович Кулемзин – по специальности 07.00.07. В состав совета также вошли доктор исторических наук, заведующий сектором этнографии Института археологии и этнографии СО РАН, профессор кафедры всеобщей истории Бийского государственного педагогического института (в настоящее время – Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет) Измаил Нухович Гемуев (ум. 2005 г.), доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории дооктябрьского периода ТГУ Аниса Нурлгаяновна Жеравина, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и документоведения ТГУ Юрий Васильевич Куперт (ум. 2019 г.), доктор исторических наук, научный руководитель научного центра гуманитарных исследований малочисленных народов Севера (Салехард) Надежда Васильевна Лукина (в связи с тем, что Н.В. Лукина сменила основное место работы, она не могла, по Положению, войти в состав руководителей совета), доктор исторических наук, профессор-консультант кафедры археологии и исторического краеведения ТГУ Галина Ивановна Пелих (ум. 1999 г.), доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и правоведения Томского государственного педагогического университета Андрей Маркович Сагалаев (ум. 2002 г.), доктор исторических наук, профессор Ом-

ского филиала Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения РАН Николай Аркадьевич Томилов, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и исторического краеведения Людмила Александровна Чиндина – по специальности 07.00.07; доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и политологии ТГУ Валерий Павлович Андреев (ум. 2010 г.), доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Барнаульского государственного педагогического университета (в настоящее время – Алтайский государственный педагогический университет) Михаил Александрович Демин, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и теории культуры Кемеровского государственного университета Владимир Петрович Машковский, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой древнего мира, средних веков и методологии истории Борис Георгиевич Могильницкий (ум. 2014 г.), доктор исторических наук, старший (с 2001 г. – ведущий) научный сотрудник Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири при ТГУ Ольга Михайловна Рындина, доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета, заведующий кафедрой археологии и исторического краеведения ТГУ Анатолий Тихонович Топчий (ум. 2010 г.), доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой современной отечественной истории Сергей Федорович Фоминых – по специальности 07.00.10.

К моменту образования диссертационного совета на историческом факультете Томского университета уже существовала давняя этнографическая традиция, основы которой были заложены профессором З.Я. Бояршиновой. Этнографические исследования велись в нескольких направлениях – так, В.М. Кулемзин, Н.В. Лукина, О.М. Рындина занимались изучением хантов. Работы О.М. Рындиной также посвящены народам Томской области, не относящимся к коренным народам Западной Сибири – украинцам, эстонцам, немцам. Исследованиями бурханизма алтайцев и опыта Российского государства в сфере международных отношений занималась Л.И. Шерстова. За год до открытия совета, в 1998 г., вышел четвертый том «Очерков культурогенеза народов Западной Сибири» под общей редакцией профессора Н.В. Лукиной. Спецификой томской этнографической традиции было то, что она «развивалась в междисциплинарном формате, в союзе с археологией и физической антропологией» [1. С. 122]. Не менее основательными к тому времени были результаты изучения истории высшего образования, науки и техники. В 1994 г. по инициативе профессора С.Ф. Фоминых была создана Научно-учебная исследовательская лаборатория «Сибирь: исторические традиции и современность». С 1996 по 2013 г. на базе лаборатории было издано пять томов биографического словаря «Профессора Томского университета», ответственным редактором которого был С.Ф. Фоминых. В год образования диссертационного совета К 063.53.18 защитил кандидатскую диссертацию по теме «Профессорско-преподавательский корпус Императорского Томского университета

(1888 – февраль 1917 г.)» С.А. Некрылов, под чьей редакцией в дальнейшем, в 2013 и 2014 гг., вышло второе, исправленное и дополненное издание биографического словаря «Профессора медицинского факультета Императорского (государственного) Томского университета – Томского медицинского института – Сибирского государственного медицинского университета (1878–2013)» (первое издание словаря вышло в 2004 г. под редакцией С.Ф. Фоминых). Таков, в нескольких словах, был научно-исследовательский фундамент по этнографии, этнологии и антропологии и истории науки и техники, на котором был основан диссертационный совет.

Первой диссертацией на соискание ученой степени кандидата исторических наук, защищенной в диссертационном совете К 063.53.18, стала диссертация Н.А. Тучковой (в настоящее время – доцента кафедры археологии и этнологии ТГПУ) «Жилища и поселения южных селькупов как компоненты обжитого пространства (XIX–XX вв.)», выполненная на кафедре археологии и исторического краеведения ТГУ по специальности 07.00.07 – Этнология, этнография, антропология под руководством профессора В.М. Кулемзина. В состав экспертной комиссии по диссертации вошли Н.В. Лукина, Л.А. Чиндина и О.М. Рындина. Ведущей организацией выступил институт археологии и этнографии СО РАН, оппонентами – профессор Н.В. Лукина и кандидат исторических наук, доцент, декан факультета начальных классов ТГПУ С.М. Малиновская. Защита состоялась 18 июня 1999 г., присутствовали члены совета М.С. Кузнецов, В.П. Зиновьев, В.М. Кулемзин, В.П. Андреев, И.Н. Гемуев, А.Н. Жеравина, Ю.В. Куперт, Н.В. Лукина, Б.Г. Могильницкий, Г.И. Пелих, О.М. Рындина, А.М. Сагалаев, С.Ф. Фоминых, Л.А. Чиндина, а также кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка ТГПУ Ю.А. Морев. Начало работы нового диссертационного совета было, несомненно, важным и волнующим событием. Так, Н.В. Лукина, обращаясь к присутствующим, сказала следующее: «Я хочу поздравить всех с созданием нового диссертационного совета в Томском государственном университете по науке “этнография” и надеюсь, что он будет существовать столь же долго, сколько существуют изучаемые нами явления, т.е. тысячелетиями» [2. С. 11].

Исследование селькупов действительно стало, говоря словами Г.И. Пелих, «новым плодотворным направлением этнографической работы» [Там же. С. 13]. В 2000 г. состоялась защита диссертации С.Ю. Колесниковой (в настоящее время – профессора кафедры российской истории ТГУ) «Календарная система в традиционной культуре селькупов», выполненная на кафедре археологии и исторического краеведения ТГУ по специальности 07.00.17 – Этнология, этнография, антропология под руководством профессора В.М. Кулемзина и доктора филологических наук, профессора кафедры лингвистики ТГПУ А.А. Ким. В состав экспертной комиссии по диссертации входили Н.В. Лукина, Л.А. Чиндина и О.М. Рындина. Ведущей организацией выступил Институт археологии и этнографии СО РАН, оппонентами – профессор О.М. Рындина и Н.А. Тучкова, на тот момент старший

научный сотрудник Томского областного краеведческого музея. Таким образом, можно выявить определенную преемственность между диссертациями, защищенными в диссертационных советах. Защита состоялась 18 декабря 2000 г., присутствовали члены диссертационного совета М.С. Кузнецов, В.П. Зиновьев, В.М. Кулемзин, В.П. Андреев, А.Н. Жеравина, Ю.В. Куперт, Н.В. Лукина, Б.Г. Могильницкий, О.М. Рындина, А.М. Сагалаев, А.Т. Топчий, С.Ф. Фоминых, Л.А. Чиндина. Анализ заседания диссертационного совета позволяет говорить о том, что защита диссертации зачастую становится отражением на микроуровне дискуссий, ведущихся в научном сообществе. Примером может служить полемика вокруг употребления термина «отсталые народы». По замечанию В.П. Зиновьева, «с точки зрения истории, хотим мы или не хотим, но отсталые и передовые народы есть, так же как есть более развитые и менее развитые народы. Но другое дело, что с юридической точки зрения все эти народы равны» [З. С. 16], в то время как, по мнению А.М. Сагалаева, «использование, в частности, термина “дописьменные” общества режет слух. Кроме того, априорно задается какая-то форма (дописьменные, письменные и т.д.). Очень часто подобные термины носят уничижительный оттенок, например, при определении селькупов как примитивного общества» [Там же]. Смежную точку зрения выразил и Ю.В. Куперт, призвав «быть более осторожным при использовании подобной терминологии» [Там же. С. 16–17]. Перефразируя Б.Г. Могильницкого, на данном примере можно говорить о том, что диссертационный совет предстает социальным микроорганизмом, «чья динамика находится в сложном взаимодействии с ведущими закономерностями развития общества» [Ср. 4. С. 5] – и, прежде всего, самой науки.

Необходимо отметить, что и Н.А. Тучкова, и С.Ю. Колесникова в работе над диссертацией опирались на материалы, собранные школой А.П. Дульзона. Вклад А.П. Дульзона в развитие археологии и этнографии и умножение знаний о языках и культурах коренных народов Сибири делал вопросом времени выбор его школы в качестве предмета диссертационного исследования. В том же 2000 г. состоялась защита диссертации Т.В. Галкиной (в настоящее время – декана историко-филологического факультета ТГПУ) «Научная школа Андрея Петровича Дульзона», выполненная на кафедре истории и документоведения ТГУ по специальности 07.00.10 – История науки и техники под руководством профессора Ю.В. Куперта. Как отметил сам Ю.В. Куперт на защите, это одна из первых работ гуманитарного цикла по данной специальности [5. С. 13]. В состав экспертной комиссии по диссертации вошли М.С. Кузнецов, В.П. Зиновьев и Ю.В. Куперт. Ведущей организацией выступила лаборатория языков народов Сибири ТГПУ, оппонентами – профессор М.А. Демин и доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории и политологии Томского политехнического университета Л.И. Шерстова. Защита состоялась 27 июня 2000 г., присутствовали члены совета М.С. Кузнецов, В.П. Зиновьев, В.М. Кулемзин, В.П. Андреев,

А.Н. Жеравина, Ю.В. Куперт, Н.В. Лукина, Б.Г. Могильницкий, О.М. Рындина, А.М. Сагалаев, А.Т. Топчий, С.Ф. Фоминых, Л.А. Чиндина, а также доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой лингвистики и межкультурных коммуникаций ТГПУ О.А. Осипова. Интересно замечание О.М. Рындиной о том, что «появление этой работы [т.е. диссертации Т.В. Галкиной] отражает начало процесса рефлексии, что в свою очередь говорит о достижении научкой соответствующего уровня» [5. С. 19]. Переходный период, каким стали для науки конец XX и начало XXI в. и на какой пришлась работа самого диссертационного совета, в самом деле поставил перед наукой задачу авторефлексии, проявлением которой, как можно увидеть, являются заседания диссертационных советов, что и обуславливает во многом необходимость их изучения. Здесь же отметим, что в 2001 г. под редакцией Т.В. Галкиной и О.А. Харусь вышел сборник научных статей и материалов «По страницам истории и судьбы: К 70-летию профессора Ю.В. Куперта».

Несмотря на то что в период работы диссертационного совета К 063.53.18 по специальности 07.00.10 – История науки и техники было написано заметно меньшее количество диссертаций, чем по специальности 07.00.07 – Этнография, этнология, антропология, защита каждой из них становилась знаковым событием в работе диссертационного совета – в той мере, в какой давала почву для вышеупомянутой научной авторефлексии. В качестве еще одной работы по данной специальности назовем диссертацию А.В. Луценко (в настоящее время – доктора исторических наук, доцента кафедры «Гуманитарные и социальные науки» Северского технологического института Национального исследовательского ядерного университета МИФИ) «Александр Богданов как политик, ученый, просветитель, основоположник методологии системного анализа», выполненную на кафедре отечественной истории дооктябрьского периода ТГУ под руководством доктора исторических наук, профессора кафедры отечественной истории дооктябрьского периода Алексея Александровича Говоркова. В состав экспертной комиссии по диссертации также входили М.С. Кузнецов, В.П. Зиновьев, Ю.В. Куперт. Ведущей организацией выступил Томский государственный архитектурно-строительный университет (ТГАСУ), оппонентами – профессор С.Ф. Фоминых и кандидат исторических наук, доцент, директор школы № 14 г. Томска Л.И. Киселев. Защита состоялась 25 февраля 2000 г., присутствовали члены совета М.С. Кузнецов, В.П. Зиновьев, В.М. Кулемзин, В.П. Андреев, А.Н. Жеравина, Ю.В. Куперт, Н.В. Лукина, В.П. Машковский, Ю.Г. Могильницкий, О.М. Рындина, А.М. Сагалаев, А.Т. Топчий, С.Ф. Фоминых, Л.А. Чиндина. Свидетельством того, что заседания диссертационных советов представляли собой проявления рефлексии не только над наукой, но и над социально-политической ситуацией, а также того, что актуальный социально-экономический контекст, оставаясь «за кадром» в ходе заседаний, не утрачивал своей значимости, является следующий вопрос С.Ф. Фоминых диссертанту в ответ на тезис о том, что тектология позволяла

А.А. Богданову с высокой точностью прогнозировать изменения в социально-экономической системе: «У меня вопрос применительно к современной ситуации: сможет ли тектология помочь новому президенту России вывести страну из кризиса?» [6. С. 9]. К социальному контексту обратился в своем выступлении и В.М. Кулемзин: «Именно Богданов впервые в истории науки сформулировал положение, согласно которому, если система теряет устойчивость, она становится непредсказуемой. Разве современное состояние нашей экономики и общества не подтверждает это?» [Там же. С. 26]. Как «неординарное явление» на основании количества выступающих и тональности их выступлений охарактеризовал данную защиту А.М. Сагалаев [Там же. С. 28]. Однако подобное определение с той или иной степенью условности применимо ко всем защитам, проходившим диссертационном совете. Отметим, что диссертация А.А. Луценко наряду с диссертациями М.В. Бланка, В.А. Морева и В.В. Миркина была отмечена в коллективной монографии «Исторические исследования в Томском университете в постсоветский период. 1991–2017 гг.», вышедшей в 2017 г. под редакцией С.Ф. Фоминых и В.П. Зиновьева.

В 2002 г. начал работу диссертационный совет К212.267.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук по специальностям 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология, 07.00.10 – История науки и техники в составе 17 докторов наук. Председателем совета стал профессор М.С. Кузнецов – по специальности 07.00.10, заместителем председателя – доктор исторических наук, профессор, научный руководитель научного центра гуманитарных исследований малочисленных народов Севера (Салехард) Н.В. Лукина. Обязанности ученого секретаря совета выполнял кандидат исторических наук, доцент кафедры современной отечественной истории ТГУ Сергей Александрович Некрылов – по специальности 07.00.07. В состав нового совета вошли И.Н. Гемуев, А.Н. Жеравина, Ю.В. Куперт, Л.А. Чиндина, а также доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии, этнографии и исторического краеведения Хакасского государственного университета Виктор Яковлевич Бутанаев и доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории и регионоведения Томского политехнического университета Людмила Ивановна Шерстова – по специальности 07.00.07; В.П. Андреев, В.П. Зиновьев, В.М. Кулемзин, Б.Г. Могильницкий, О.М. Рындина (с 2004 г. – заместитель председателя), А.Т. Топчий, С.Ф. Фоминых, а также доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Кемеровского государственного университета Николай Павлович Шуранов – по специальности 07.00.10.

Первой диссертацией на соискание ученой степени кандидата исторических наук, защищенной в диссертационном совете К 212.267.01, стала диссертация О.В. Богдановой «История градостроения в Томской губернии XXII – нач. XX вв. (развитие техники и архитектурных стилей)», выполненная на кафедре археологии и исторического краеведения ТГУ по специ-

альности 07.00.17 – Этнология, этнография, антропология под руководством профессора А.Т. Топчия. В состав экспертной комиссии по диссертации вошли С.Ф. Фоминых, В.П. Зиновьев и В.П. Андреев. Ведущей организацией выступил ТГПУ, оппонентами – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории древнего мира и средних веков Историко-архивного института М.П. Мохначева и кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии ТГАСУ В.Г. Марченко. Защита состоялась 3 апреля 2002 г., присутствовали члены совета М.С. Кузнецов, С.А. Некрылов, В.П. Андреев, В.П. Зиновьев, В.М. Кулемзин, Ю.В. Куперт, Б.Г. Могильницкий, О.М. Рындина, А.Т. Топчий, С.Ф. Фоминых, Л.А. Чиндина, Л.И. Шерстова, а также кандидат архитектуры, доцент кафедры реставрации и реконструкции архитектурного наследия ТГАСУ Л.С. Романова.

Еще одним примером актуализации социально-экономического контекста в работе диссертационного совета является защита диссертации М.В. Бланка «История компьютерной индустрии США (1945–2002 гг.)», выполненной на кафедре новой, новейшей истории и международных отношений ТГУ по специальности 07.00.10 – История науки и техники под руководством доктора исторических наук, профессора кафедры новой, новейшей истории и международных отношений ТГУ Н.С. Индукаевой. В экспертную комиссию по диссертации вошли В.П. Зиновьев, С.Ф. Фоминых, С.А. Некрылов. Ведущей организацией выступил ТГПУ, оппонентами – профессор С.Ф. Фоминых и кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и регионоведения ТПУ В.В. Петрик. Защита состоялась 19 декабря 2003 г., присутствовали члены совета М.С. Кузнецов, С.А. Некрылов, В.П. Андреев, В.Я. Бутанаев, В.П. Зиновьев, В.М. Кулемзин, Ю.В. Куперт, Б.Г. Могильницкий, О.М. Рындина, А.Т. Топчий, С.Ф. Фоминых, Л.А. Чиндина, Л.И. Шерстова. Напрямую с экономической ситуацией были связаны вопросы профессора С.Ф. Фоминых: «Насколько сегодня велико влияние государства на компьютерную индустрию?» и «Как вы видите перспективы развития нашей, отечественной компьютерной индустрии, потому что от этого зависит наше дальнейшее развитие, в том числе и экономическое» [7. С. 26]. Этот аспект развил в своем выступлении профессор В.П. Зиновьев: «Недостаток государственной поддержки компьютерной отрасли в России ощущается достаточно остро. Мы забыли про старое доброе государственное регулирование, целенаправленное воздействие которого просто необходимо, особенно в инновационных отраслях» [Там же. С. 31]. Далее В.П. Зиновьев замечает, что работники правительства «к сожалению, не часто прислушиваются к советам ученых» [Там же]. В этом духе высказался и профессор В.М. Кулемзин: «Имеет место недооценка роли государственной политики в развитии отрасли информационных технологий. В плане оценки роли государственного регулирования пальма первенства принадлежит данной работе и нашему совету» [Там же]. Подобные реплики показывают, насколько членов советов волновали социальные, экономические и политические реалии действительности, в которых

велась работа советов. Вопросы, связанные с информационными технологиями, были важны и сами по себе, поскольку именно в этот период начинается цифровизация материалов и источников и активное использование электронных методов.

Одна из сложностей, с которыми сталкивался диссертационный совет К 212.267.01, была обусловлена тем, что на начало своей работы он был, говоря словами председателя совета, профессор М.С. Кузнецова, «единственным, который имеет специальность «История науки и техники» – от Урала до Тихого океана» [8. С. 28–29]. Профессор Ю.В. Куперт говорил об этом так: «По сравнению с традиционными работами все-таки тем, кто занимается проблемами истории техники, приходится сталкиваться с огромнейшими трудностями. <...> С одной стороны, требуется отразить развитие техники. С другой стороны, это подчеркнuto в самом названии специальности, это должна быть работа историческая» [9. С. 15]. И, несмотря на существующие требования к специальности – например, «чтобы история науки и техники отличалась спецификой по способам решения важнейших задач, относящихся к историческим наукам вообще» [8. С. 28], – совет был во многих отношениях первооткрывателем, определявшим не только какими должны быть диссертации по специальности 07.00.10 – История науки и техники, но и вектор исторических исследований вообще. М.С. Кузнецов высказывался об этом следующим образом: «В Томском университете вообще надо усилить внимание к проблемам науки. Я считаю, что будущее России во многом зависит от уровня научной жизни. Наука и культура могут решить сейчас эту проблему» [Там же. С. 29].

Не менее плодотворной оказалась работа совета по специальности 07.00.07 – Этнография, этнология, антропология. Наряду с селькупским, в период работы диссертационного совета К 212.267.01 возникает хантыйское направление, представленное диссертациями Т.А. Молданова «Картина мира в медвежьих игрищах северных хантов» (защита состоялась 13 сентября 2002 г.), принявшего, вместе с В.М. Кулемзиным и Н.В. Лукиной, участие в работе над третьим томом «Энциклопедии уральских мифологий» – «Мифологией хантов» (2000), Н.М. Талигиной «Обряды жизненного цикла в традиционной культуре хантов» (защита состоялась 21 февраля 2003 г.), а также диссертацией С.А. Поповой «Мужской и женский миры в системе отношений традиционной культуры манси: обряды перехода» (защита состоялась 13 сентября 2002 г.). Защищаются диссертации и по другим этносам, в частности, хакасам, например, диссертации Т.Н. Медведевой «Обычное семейное право хакасов» (защищена 26 марта 2004 г.), А.А. Кыржинакова «Тажные промыслы хакасов в XIX–XX вв.» (защита состоялась 1 апреля 2005 г.) – одна из первых работ, в которой комплексно представлены тажные промыслы хакасов, Ч.В. Монгуш «Обряды как отражение традиционных верований тувинцев и хакасов в XIX–XX вв.» (защита состоялась 10 июня 2005 г.). Диссертация Л.С. Бориной «Формирование этнического самосознания шорцев (вторая половина XIX–XX вв.»

(защищена 27 июня 2003 г.) стала первой диссертацией, посвященной проблеме этнического самосознания.

Члены диссертационных советов К 063.53.18 и К212.267.01 также сыграли значимую роль в качестве научных руководителей защищаемых в них диссертационных работ. В их числе В.Я. Бутанаев, В.М. Кулемзин, Ю.В. Куперт, Н.В. Лукина, О.М. Рындина, А.Т. Топчий, С.Ф. Фоминых, Л.И. Шерстова.

Нельзя не оставить без внимания значение советов для формирования научного сообщества, в процессе которого советы выступали своего рода узлом научных связей. Особенный интерес вызывают защиты, в которых оппонентами выступали ученые, прежде защитившие диссертацию в этом совете. Так, как уже было сказано, Н.А. Тучкова, защитившая диссертацию в 1999 г., оппонировала на защите диссертации С.Ю. Колесниковой (2000 г.), а также Т.А. Молданова (2002 г.), Т.В. Галкина, защитившая диссертацию в 2000 г., выступила оппонентом на защите В.А. Морева (2004 г.), В.В. Миркина (2005 г.) и К.В. Зленко (2006 г.), Е.Ю. Кошелева, защитившаяся в 2003 г., оппонировала на защите М.В. Дориной (2004 г.) и Т.А. Зайцевой (2005 г.), Л.С. Борина, чья защита состоялась в 2003 г., – на защите В.В. Поддубикова (2004 г.). Кроме того, многие защитившиеся впоследствии писали отзывы на диссертации. Из оппонентов – членов диссертационных советов необходимо указать Л.И. Шерстову, которая выступила в качестве оппонента на защите Т.В. Галкиной (2000 г.), С.А. Поповой (2002 г.), Н.М. Талигиной (2003 г.), Л.С. Бориной (2003 г.), Р.А. Топчия (2003 г.) и М.В. Дориной (2004 г.), В.М. Кулемзина – на защите Т.Н. Медведевой (2004 г.), В.В. Поддубикова (2004 г.) и А.А. Кыржинакова (2005 г.), С.Ф. Фоминых – на защите А.В. Луценко (2000 г.), М.В. Бланка (2003 г.) и Т.А. Зайцевой (2005 г.), О.М. Рындину – на защите С.Ю. Колесниковой (2000 г.) и Е.Ю. Кошелевой (2003 г.), В.П. Зиновьева – на защите В.А. Морева (2004 г.) и К.В. Зленко (2006 г.), А.М. Сагалаева – на защите Е.В. Нам (1999 г.) и Т.В. Волдиной (2000 г.), Н.В. Лукину – на защите Н.А. Тучковой (1999 г.), М.А. Демина – на защите Т.В. Галкиной (2000 г.), В.П. Андреева – на защите В.В. Миркина (2005 г.).

В завершение необходимо назвать ведущие организации, постоянно участвовавшие в работе диссертационного совета. Прежде всего, это Томский государственный педагогический университет, выступивший ведущей организацией на защите О.В. Богдановой (2002 г.), Л.С. Бориной (2003 г.), М.В. Бланка (2003 г.), Т.А. Гончаровой (2004 г.), В.В. Поддубикова (2004 г.), А.А. Кыржинакова (2005 г.) и В.А. Клешева (2006 г.), и Институт археологии и этнографии СО РАН – на защите Н.А. Тучковой (1999 г.), С.Ю. Колесниковой (2000 г.) и Е.Ю. Кошелевой (2003 г.). Тесные связи сложились у диссертационного совета К212.267.01 с Хакасским государственным университетом, профессором которого был В.Я. Бутанаев. Отдельно необходимо упомянуть лабораторию этносоциальной и этноэкологической геоинформации Института угля и углехимии СО РАН – КемГУ, выступившую в качестве ведущей организации на защите Т.Н. Медведевой (2004 г.) и Т.А. Зайцевой (2005

г.), руководитель которой, доктор исторических наук, профессор А.Н. Садовой, оппонировал на защите Л.С. Бориной и Ч.В. Монгуш, а также писал отзыв на диссертации Е.Ю. Кошелевой, Р.А. Топчия, Т.А. Гончаровой и А.А. Кыржинакова. В целом же за годы работы диссертационных советов К 063.53.18 и К 212.267.01 сформировался широкий круг ведущих организаций, в который вошли Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Институт филологии СО РАН, Томский политехнический университет, Томский государственный архитектурно-строительный университет, Томский университет систем управления и радиоэлектроники, лаборатория языков народов Сибири ТГПУ, Омский государственный университет, Тувинский институт гуманитарных исследований, Кемеровская государственная академия культуры и искусств, Кузбасская лаборатория этнологии и этнографии КемГУ.

Обобщая краткое описание работы диссертационных советов К 063.53.18 и К 212.267.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук по специальностям 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология, 07.00.10 – История науки и техники, можно утверждать, что деятельность диссертационных советов непосредственно способствовала формированию исторического научного сообщества на территории Сибири, а также Дальнего Востока. В настоящее время томский диссертационный совет Д 212.267.18 является одним из – всего! – трех советов по специальности 07.00.10 – История науки и техники (исторические науки). В период же начала своей работы совету и вовсе приходилось буквально прокладывать дорогу для настоящих и будущих диссертантов по данной специальности. Двадцатилетний опыт работы совета, несомненно, является крепким основанием дальнейшего развития отечественной исторической науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Исторические исследования в Томском университете в постсоветский период. 1991–2017 гг. / науч. ред. С.Ф. Фоминых, В.П. Зиновьев. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2017.
2. Протокол-стенограмма № 1 заседания диссертационного совета К 063.53.18 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук по специальностям 07.00.07 – Этнография, этнология, антропология и 07.00.10 – История науки и техники в Томском государственном университете, г. Томск, 18 июня 1999 г.
3. Протокол-стенограмма № 7 заседания диссертационного совета К 063.53.18 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук по специальностям 07.00.07 – Этнография, этнология, антропология и 07.00.10 – История науки и техники в Томском государственном университете, г. Томск, 18 декабря 2000 г.
4. Могильницкий Б.Г. Историческое образование в Томском университете в диалектике макро- и микроподходов // Вестник Томского государственного университета. История. 2009. № 1 (5). С. 5–13.
5. Протокол-стенограмма № 5 заседания диссертационного совета К 063.53.18 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук по специальностям 07.00.07 – Этнография, этнология, антропология и 07.00.10 – История науки и техники в Томском государственном университете, г. Томск, 27 июня 2000 г.
6. Протокол-стенограмма № 4 заседания диссертационного совета К 063.53.18 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук по специальностям 07.00.07 – Этнография, этнология, антропология и 07.00.10 – История науки и техники в Томском государственном университете, г. Томск, 25 февраля 2000 г.
7. Стенограмма № 18 заседания диссертационного совета К 212.267.01 по защите диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук Бланка Максима Викторовича на тему «История компьютерной индустрии США (1945–2002 гг.)» по специальности 07.00.10 – История науки и техники при Томском государственном университете, г. Томск, 19 декабря 2003 г.
8. Стенограмма № 28 заседания диссертационного совета К 212.267.01 по защите диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук Моревы Владимира Алексеевича на тему «История средств и способов связи Томской губернии второй половины XIX – первой четверти XX вв.» по специальности 07.00.10 – История науки и техники при Томском государственном университете, г. Томск, 24 декабря 2004 г.
9. Стенограмма № 38 заседания диссертационного совета К 212.267.01 по защите диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук Миркина Владимира Викторовича на тему «История систем связи Западной Сибири в 1921–1941 гг.» по специальности 07.00.10 – История науки и техники при Томском государственном университете, г. Томск, 23 декабря 2005 г.

Статья представлена научной редакцией «История» 26 августа 2019 г.

Dissertation Councils on Historical Sciences K 063.53.18 and K 212.267.01 at Tomsk State University: To the 20th Anniversary of the Dissertation Council for Specialties 07.00.07 – Ethnography, Ethnology and Anthropology and 07.00.10 – History of Science and Technology and to the 25th anniversary of the Research and Training Laboratory “Siberia: Historical Traditions and Modernity”

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 448, 129–135.

DOI: 10.17223/15617793/448/16

Daniil A. Ognev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: danielognev@yandex.ru

Vyacheslav V. Shevtsov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: toleben@yandex.ru

Keywords: dissertation council; ethnography; ethnology; anthropology; history of science and technology.

The article describes the activities of Tomsk State University Dissertation Councils K 063.53.18 and K 212.267.01 for specialties 07.00.07 – Ethnography, Ethnology and Anthropology and 07.00.10 – History of Science and Technology. The source base of the article is dissertation records, in particular, transcripts of meetings. Dissertation Council K 063.53.18 was formed at the initiative of the dean of the Faculty of History, Professor A.T. Topchiy, and Professors V.M. Kulemzin and N.V. Lukina in 1999 with the aim of developing ethnographic research. By the time the dissertation council was formed, the ethnographic tradition had long existed at the Faculty of History of Tomsk University. Ethnographic research was carried out in several directions: the study of the Khanty and the peoples of Tomsk Oblast that did not belong to the indigenous peoples of Western Siberia: Ukrainians, Estonians, Germans; the study of Altai Burkhanism as well as the experience of the Russian state in the field of interethnic relations. Significant results were achieved in the field of studying the history of higher education and science. In 1994, at the initiative of Professor S.F. Fominykh, a research and training laboratory “Siberia: Historical Traditions and Modernity” was established. On its basis, five volumes of the

biographical dictionary *Professors of Tomsk University* were published from 1996 to 2013. During the work of Dissertation Councils K 063.53.18 and K 212.267.01, dissertations on ethnography devoted to the Khanty, the Selkups, the Khakass were defended. The dissertation councils acted as pioneers in defending dissertations on the history of science and technology. The councils worked in the context of the socioeconomic transformations of the late 20th – early 21st centuries, and this context was actualized at the meetings of the councils, primarily in the form of questions from members of the councils to dissertationists. The meetings of the councils also became a reflection at the micro-level of discussions held in the scientific community. During their work, the councils significantly influenced the formation of the historical scientific community in Siberia and in Russia in general. For the years of their work, the councils have formed a wide range of leading organizations. Council members also acted as research advisors of dissertations and opponents. Currently, Dissertation Council D 212.267.18 is one of three councils for specialty 07.00.10 – History of Science and Technology (Historical Sciences). The authors of the article claim that Dissertation Councils K 063.53.18 and K 212.267.01 made a significant contribution to the development of Russian historical science in the transition period.

REFERENCES

1. Fominykh, S.F. & Zinoviev, V.P. (eds) (2017) *Istoricheskie issledovaniya v Tomskom universitete v postsovetitskiy period. 1991–2017 gg.* [Historical research at Tomsk University in the post-Soviet period. 1991–2017]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Tomsk State University. (1999) *Protokol-stenogramma № 1 zasedaniya dissertatsionnogo soveta K 063.53.18 po zashchite dissertatsiy na soiskanie uchenoy stepeni kandidata nauk po spetsial'nostyam 07.00.07 – Etnografiya, etnologiya, antropologiya i 07.00.10 – Istoriya nauki i tekhniki v Tomskom gosudarstvennom universitete* [Transcript No. 1 of the meeting of Dissertation Council K 063.53.18 on the defense of dissertations for the degree of candidate of sciences in the specialties 07.00.07 – Ethnography, Ethnology, Anthropology, and 07.00.10 – History of Science and Technology at Tomsk State University]. Tomsk. 18 June 1999.
3. Tomsk State University. (2000) *Protokol-stenogramma № 7 zasedaniya dissertatsionnogo soveta K 063.53.18 po zashchite dissertatsiy na soiskanie uchenoy stepeni kandidata nauk po spetsial'nostyam 07.00.07 – Etnografiya, etnologiya, antropologiya i 07.00.10 – Istoriya nauki i tekhniki v Tomskom gosudarstvennom universitete* [Transcript No. 7 of the meeting of Dissertation Council K 063.53.18 on the defense of dissertations for the degree of candidate of sciences in the specialties 07.00.07 – Ethnography, Ethnology, Anthropology, and 07.00.10 – History of Science and Technology at Tomsk State University]. Tomsk. 18 December 2000.
4. Mogil'nitskiy, B.G. (2009) History Education in Tomsk University to Dialectics of Macro- and Micro-Views. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 1 (5). pp. 5–13. (In Russian).
5. Tomsk State University. (2000) *Protokol-stenogramma № 5 zasedaniya dissertatsionnogo soveta K 063.53.18 po zashchite dissertatsiy na soiskanie uchenoy stepeni kandidata nauk po spetsial'nostyam 07.00.07 – Etnografiya, etnologiya, antropologiya i 07.00.10 – Istoriya nauki i tekhniki v Tomskom gosudarstvennom universitete* [Transcript No. 5 of the meeting of Dissertation Council K 063.53.18 on the defense of dissertations for the degree of candidate of sciences in the specialties 07.00.07 – Ethnography, Ethnology, Anthropology, and 07.00.10 – History of Science and Technology at Tomsk State University]. Tomsk. 27 June 2000.
6. Tomsk State University. (2000) *Protokol-stenogramma № 4 zasedaniya dissertatsionnogo soveta K 063.53.18 po zashchite dissertatsiy na soiskanie uchenoy stepeni kandidata nauk po spetsial'nostyam 07.00.07 – Etnografiya, etnologiya, antropologiya i 07.00.10 – Istoriya nauki i tekhniki v Tomskom gosudarstvennom universitete* [Transcript No. 4 of the meeting of Dissertation Council K 063.53.18 on the defense of dissertations for the degree of candidate of sciences in the specialties 07.00.07 – Ethnography, Ethnology, Anthropology, and 07.00.10 – History of Science and Technology at Tomsk State University]. Tomsk. 25 February 2000.
7. Tomsk State University. (2003) *Stenogramma № 18 zasedaniya dissertatsionnogo soveta K 212.267.01 po zashchite dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk Blanka Maksima Viktorovicha na temu "Istoriya komp'yuternoy industrii SShA (1945–2002 gg.)" po spetsial'nosti 07.00.10 – Istoriya nauki i tekhniki pri Tomskom gosudarstvennom universitete* [Transcript No. 18 of the meeting of Dissertation Council K 212.267.01 on the defense of the dissertation for the degree of candidate of historical sciences by Maxim Viktorovich Blank on the topic "History of the US Computer Industry (1945–2002)", specialty 07.00.10 – History of Science and Technology, at Tomsk State University]. Tomsk. 19 December 2003.
8. Tomsk State University. (2004) *Stenogramma № 28 zasedaniya dissertatsionnogo soveta K 212.267.01 po zashchite dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk Moreva Vladimira Alekseevicha na temu "Istoriya sredstv i sposobov svyazi Tomskoy gubernii vtoroy poloviny XIX – pervoy chetverti XX vv." po spetsial'nosti 07.00.10 – Istoriya nauki i tekhniki pri Tomskom gosudarstvennom universitete* [Transcript No. 28 of the meeting of Dissertation Council K 212.267.01 on the defense of the dissertation for the degree of candidate of historical sciences by Vladimir Alekseevich Morev on the topic "History of Means and Methods of Communication in Tomsk Province in the Second Half of the 19th – the First Quarter of the 20th Centuries", specialty 07.00.10 – History of Science and Technology, at Tomsk State University]. Tomsk. 24 December 2004.
9. Tomsk State University. (2005) *Stenogramma № 38 zasedaniya dissertatsionnogo soveta K 212.267.01 po zashchite dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk Mirkina Vladimira Viktorovicha na temu "Istoriya sistem svyazi Zapadnoy Sibiri v 1921–1941 gg." po spetsial'nosti 07.00.10 – Istoriya nauki i tekhniki pri Tomskom gosudarstvennom universitete* [Transcript No. 38 of the meeting of Dissertation Council K 212.267.01 on the defense of the dissertation for the degree of candidate of historical sciences by Vladimir Viktorovich Mirkin on the topic "History of Communication Systems in Western Siberia in 1921–1941", specialty 07.00.10 – History of Science and Technology, at Tomsk State University]. Tomsk. 23 December 2005.

Received: 26 August 2019

Р.В. Павлюкевич

РАЗВИТИЕ РЫБНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ КРАСНОЯРСКОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЙОНА В 1957–1964 гг.

Рассматривается развитие рыбной промышленности красноярского экономического района в годы хрущевских реформ и преобразований. Анализируется влияния территориального принципа управления, реализованного в ходе реформы управления промышленностью и строительством 1957–1965 гг. Дается оценка работы отрасли в новых условиях, рассматриваются достижения и неудачи рыбной промышленности в новых рамках функционирования. Анализируется эволюция системы управления в течение всего исследуемого периода.

Ключевые слова: рыбная промышленность; рыбное хозяйство; Красноярский экономический район; оттепель; территориальная система управления.

Рыбная промышленность Красноярского края занимает важное место в агропромышленном комплексе района. Данная отрасль пищевой промышленности, как и многие другие, получила свое рождение в годы сталинской индустриализации. Пик развитие рыбной промышленности СССР в первой половине XX в. пришелся на начало тридцатых годов, когда по предложению Анастаса Микояна был повсеместно введен рыбный день. Введение рыбного меню для населения было вызвано спадом производства мяса и борьбой с недостатком белка в рационе. Следует отметить, что введенный в 1932 г. рыбный день не был закреплен за четвергом. Дата была скользящей и зависела от возможностей региона (четверг был закреплен только в 1976 г.) [1].

Красноярский край обладал рядом преимуществ для развития рыбной промышленности. Здесь были расположены колоссальные водные системы, как речные, так и морские на Севере. В них обитали ценные породы рыб. К тому же, благодаря особенностям географического положения, отсюда были возможны поставки продукции по всему миру, в том числе Северным морским путем.

В 1936 г. на базе ранее действовавших Красноярского и Эвенкийского рыбоотрестов был создан единый Красноярский рыбопромышленный трест [2].

Пик развития треста пришелся на годы Великой Отечественной войны. Как отмечают сибирские исследователи С.Т. Гайдин и Г.А. Бурмакина, красноярская рыбная промышленность в условиях оккупации фашистами основных сельскохозяйственных регионов на западе СССР, стала важным подспорьем для производства пищи [3. С. 159–160].

После войны в 1951 г. Красноярский рыбопромышленный трест перешёл под контроль балтийско-сибирского управления рыбной промышленности Министерства рыбной промышленности СССР. Уже в 1956 г. главное управление рыбной промышленности балтийско-сибирского региона было ликвидировано, и красноярский рыбопромышленный трест стал напрямую подчиняться Москве. На этот момент в него входило десять крупных предприятий, их показатели представлены в табл. 1.

Как видно из приведённой табл. 1, крупнейшие предприятия отрасли находились на Севере Красноярского края. Это создавало определенную проблему для работы рыбной промышленности. Связь с этим регионом осуществлялась либо по воздуху, либо речными путями в сезоны навигации, поэтому местная рыбная промышленность требовала строительства мощных морозильных камер и коптилен, специализированных барж.

Таблица 1

Предприятия Красноярского рыбопромышленного треста в 1957 г.

Предприятие	План добычи, ц	Выпуск, ц	Консервы, тубы	Валовая, тыс. руб.	Товарная, тыс. руб.	Флот, т × лошадиных сил	Холодильные помещения, т	Персонал	Жилая площадь, м ²
Туруханский рыбзавод	9 500	7 895	70	4 172	3879	20 × 569	25	209	3 784
Игарский рыбокомбинат	3 900	3 315	–	4 660	4 560	14 × 653	30	182	5 290
Дудинский рыбзавод	4 000	2 835	–	2 396	2 156	8 × 130	50	61	1 778
Усть-Портский рыбзавод	17 800	6 235	1 590	19 184	16 593	30 × 886	316	435	7 546
Норильский рыбзавод	5 500	3 965	–	6 610	4 104	20 × 1 665	10	201	2 260
Красноярская рыббаза	–	1 400	40	1 873	1 844	1 × 10		32	370
Хатангский рыбзавод	11 975	9 785	–	9 256	6 770	20 × 396	200	205	3 014
Ужурский рыбзавод	2 300	2 215	–	1 063	594	5 × 90	15	92	230
Ангарский рыбзавод	2 300	1 960	–	738	612	7 × 106	10	54	350
Ярцевский рыбзавод	2 725	2 085	–	913	730	8 × 123	12	67	406

Около половины всей добываемой рыбы в Красноярском крае было представлено сиговыми породами (сиг, муксун, пелядь и др.), далее шли особенно ценные и дорогие осетровые и мелкий частик (окунь, плотва, елец, ерш и др.). Подобный состав добычи делал красноярскую рыбопромышленность весьма ценной для РСФСР, учитывая, что в эти годы добыча рыбы на Каспии и Волжском бассейне стала снижаться, переживая кризис [4. С. 92–93].

Несмотря на высокое значение красноярской рыбной промышленности для края в частности и всего Советского союза в целом, красноярский рыбпромтрест имел значительные проблемы в своей деятельности. Во-первых, здесь практически отсутствовала необходимая проектная документация для строительства и модернизации предприятия [5. Л. 1]. Большинство проектных строительных институтов и организаций СССР находились в центральной части страны и плохо знали специфику и особенности северных территорий Красноярского края. Поэтому документация приходила позже, чем начиналось строительство, и зачастую не соответствовала действительности. Отрасль была вынуждена работать в условиях тотальной практики.

Во-вторых, на большинстве предприятий банально не хватало техники и аппаратов, а те, что имелись, были уже морально и техническими устаревшими. Поэтому на Красноярском рыбпромтресте продолжал сохраняться высокий уровень ручного труда. Вдобавок к этому не хватало складских, морозильных помещений и коптилен [Там же], что являлось огромным недостатком всей отрасли, предприятия которой находились в тысячах километров от потребителей их продукции.

Наконец, последней крупной проблемой предприятий рыбной промышленности был катастрофический кадровый дефицит, наиболее остро стоявший среди ИТР и техников предприятий [5. Л. 1]. Как уже говорилось выше, большинство предприятий находились на Крайнем Севере, что усложняло для сотрудников «строительство» личной жизни. К тому же здесь была слабо развита социальная инфраструктура, не хватало жилья, детских садов, школ и других общественных учреждений необходимых для нормальной жизни работников предприятий. В конце концов, работа в отрасли отличалась сезонностью, что также не повышало ее популярность среди граждан СССР.

Отрасль требовала полного обновления и моторизации всего рыболовного флота и совершенствования системы управления. Расстояние между самым южным и самым северным предприятием треста составляло практически 2 тыс. км через тайгу и тундру, что конечно же, усложняло управление.

В 1957 г. в советской системе управления народным хозяйством произошли значительные изменения. Была реализована созданная и продвигаемая Н.С. Хрущевым реформа управления промышленностью и строительством. В рамках ее произошел переход от отраслевого принципа управления к территориальному. В новых условиях большинство отраслевых министерств было ликвидировано, а управление народно-хозяйственным комплексом в рамках отдельных экономических районов спускалось вниз, на

специально созданные советы народного хозяйства. Так, в рамках Красноярского экономического района (Красноярский край, Тува и Хакасия) был создан собственный Красноярский совнархоз (СНХ). Внутри его одним из отраслевых управлений, стало управление пищевой промышленности.

Министерство рыбной промышленности, как и большинство отраслевых министерств, было ликвидировано, но Красноярский рыбопромышленный трест не был сразу передан под контроль совнархоза, а ушел под контроль Красноярского исполкома. Данное решение скорее всего было вызвано теми проблемами в социальной сфере, которые испытывали большинство предприятий отрасли. К тому же предприятия были единственными поставщиками пищи, способными на бесперебойное обеспечение продуктами питания города и промышленные центры на Севере Красноярского края.

Тем не менее между руководством Красноярского СНХ и местным исполкомом сложились великолепные рабочие отношения (практически все руководство совнархоза вошло в состав крайкома). Это позволяло проводить слаженную работу. Предприятия рыбной промышленности остро нуждались в помощи местного машиностроения и строительства, которые теперь были под полным контролем Красноярского совнархоза.

В последующие два года добыча рыбы несколько снизилась по сравнению с 1956 г., многие из показателей не выполнялись в полных объемах [6. Л. 3–4]. Проблемы отрасли были вызваны тем, что исполком края не до конца справлялся с новой для него ответственностью, а СНХ не видел в этом свою непосредственную ответственность, поэтому хотя и оказывал помощь предприятиям рыбпрома, но во вторую, а то и в третью очередь.

При этом ряд показателей был значительно перевыполнен. Так, осетровых было произведено на 26% больше запланированного в 1958 г. Это вызвало негативную реакцию среди руководства [Там же]. Трест был обвинен в попытках завуалировать этим провалы в добычи других пород, а также отмечалось негативное влияние подобных переборов для экологии водоемов.

Уже к концу 1958 г. – началу 1959 г. удалось наладить сотрудничество между Красноярскрыбпромтрестом и предприятиями машиностроения, подконтрольными СНХ, а также установить контакты с судостроительными заводами из соседних экономических районов. Это позволило в 1959 г. начать постепенную передачу тресту новых судов, оборудованных, в том числе, автоматизированными системами лова рыбы [7. Л. 17].

Благодаря сотрудничеству с СИБНИИРХ началась разработка проектов разведения рыбы в верхнечулымских озерах [8. Л. 1]. К этому времени в крае было освоено 300 тыс. га озер и 8 тыс. км рек. Исследование определило возможность разведения в края ценных пород. Для этого предполагалось начать очистку озер, устройство плотин с водоспусками, очистку озер от препятствий, а также строительство новых водоемов [7. Л. 25]. В табл. 2 представлен план разведения рыбы в крае.

План разведения и акклиматизации рыбы в Красноярском крае

Порода	Площадь разведения, га	Количество особей за 1959–1965 гг.
Лещ	3 450	4 000 шт.
Карась серебряный амурский	5 870	2 500 шт.
Салака балтийская	7 714	150 млн икринок
Лещ аральский	7 714	4 800 шт.
Шельма аральская	7 714	6 000 шт.
Рипус уральский	3 450	3 млн икринок
Сазан каменный	2 154	4 млн икринок
Белый амур	–	50 шт.
Сазан	–	50 шт.
Карп амурский	–	100 шт.
Сиг-лудош	3 450	14 млн икринок
Ряпушка	480	46 млн икринок
Рипус	3 450	114 млн икринок
Пелядь	444	9,6 млн икринок

Ответственным за эту работы был выбран Ужурский рыбзавод, обладавший наиболее благоприятными условиями для этого. Была начата его реорганизация в рыбхоз с акцентом на разведение и акклиматизацию рыбы [7. Л. 25].

Помимо этого, институтом предлагалось строительство сиговых рыбзаводов на территории Красноярского водохранилища [9. Л. 7]. Отмечались огромные перспективы для развития местной рыбопромышленности, при том, что практически не исследованы были притоки Пясины, Хатанги, левобережные озера Енисея и побережье Карского моря [9. Л. 14].

В то же время поставки новой техники на предприятия рыбной промышленности Красноярского края начали создавать новые сложности для их сотрудников. Многие из них не имели специального профильного образования, а как тогда говорилось были скорее «практиками». Новая техника вызывала у них множество вопросов и опасений, а так как зачастую проектная документация запаздывала или даже терялась при перевозке, что приводило к частым поломкам и простоям оборудования [10. Л. 7]. Стремясь решить эту проблему, руководство треста в сотрудничестве с Красноярским СНХ организовало в январе 1959 г. совещание главных инженеров, технологов и специалистов по добыче рыбы. В ходе совещания помимо проблемы новой техники, был обсужден еще ряд важных проблем. Были подняты вопросы о возможности расширения морозильных камер, копильных цехов. Отмечалась необходимость скорейшего увеличения рыбопосольного и рыбоприемного флота Красноярского рыбпромтреста [9. Л. 14].

К концу года Красноярский рыбопромышленный трест, стремясь показать улучшения в своей работе провел выставку продукции в столице Красноярского края. На ней были представлены лучшие и новейшие образцы ассортимента рыбзаводов и рыбхозов края. На выставки посетители могли продегустировать замороженного осетра из Усть-Порты, сиговых рыб из Хатанги, Усть-Порты и Норильска, электрокопченую рыбу норильского рыбзавода, пряный бочковый посол Красноярской рыббазы, нельмовый балык Норильска, а также ярцевские консервы и пресервы [10. Л. 13]. Следует отметить, что выставка вызвала неподдельный интерес среди красноярцев и повысила спрос на местную продукцию.

Повышение спроса на продукцию рыбной промышленности Красноярского края заставило руководство треста искать пути их удовлетворения. Было принято решение начать продажу нестандартной продукции со скидкой 10% от цены [Там же. Л. 17].

Улучшение работы в Красноярске позволило обратить внимание на другие регионы Красноярского экономического района. Нестабильной была работа предприятий рыбной промышленности соседний Бурятия. Все в том же в 1959 г. туда была отправлена группа красноярских специалистов с задачей поспособствовать решению местных проблем [Там же. Л. 20].

Вместе с тем при содействии управления машиностроения Красноярского СНХ был организован Красноярский рыбпромтехснаб, в задачи которого входили ремонт и сопровождение всей имевшейся техники на предприятия рыбной промышленности края, а также техническая библиотека [Там же. Л. 21, 23]. Это позволило освоить передовую по тем временам технику передвижного лова самодетным мотоневодником. А управление строительством начало поставку сборных домов [Там же. Л. 30–32].

В 1960 г. предприятия отрасли столкнулись с новой проблемой. Если спрос на рыбу был стабильно высок, то на шкурки нерпы и белухи был низок. Заводы не располагали нужной техникой для качественной обработки сырья, а поэтому и качество продукции было низким. Руководство отрасли было вынуждено принять болезненное решение об уничтожении практически 6 т шкурок из нерпы и белуги [11. Л. 9]. Увеличение вылова после поступления новых судов привело к новой проблеме. Стала резко ощущаться нехватка транспорта. Это заставило руководство прибегнуть к гужевому транспорту [Там же. Л. 11].

В то же время тресту удалось договориться об обучении красноярских специалистов в Томске и Тюмени передовому опыту ловли стерляди [11. Л. 20].

В 1960 г. было проведено повторное снижение цены на нестандартную рыбу. А вскоре удалось освоить производство рыбного фарша в брикете [Там же], что убрало проблему нестандартной рыбы в принципе.

В 1961 г. произошла новая реорганизация в системе управления отраслью. Было принято решение о переходе красноярского рыбпромтреста под контроль управления пищевой промышленности Красноярско-

го совнархоза. Первым шагом нового руководства стала массовая проверка всех предприятий отрасли. По ее итогам было проведено совещание, посвященное работе рыбной промышленности. Было отмечено в целом неудовлетворительное развитие всей отрасли в последние годы. Глава управления пищевой промышленности указывал, что до сих пор отрасли не удалось достичь показателей 1956 г., при этом отмечалось, что с 1958 по 1961 г. добыча рыбы увеличилась только на 6 тыс. центнеров, или 14,9%. Указывалось, что производственная база предприятий продолжает оставаться устаревшей, отсутствовали организации рационализаторов и передовиков. В вину треста ставилось чрезмерно медленное создание перспективных карповых хозяйств [12. Л. 1]. Да и сами планы 1961 г. не были выполнены в полной мере, при этом в отрасли наблюдался опережающий, по сравнению с другими отраслями рост зарплат [13. Л. 103].

Анализируя полученные выводы, руководство управления пищевой промышленности приняло решение о ликвидации Красноярского рыбопромышленного треста. Вместо него внутри управления пищевой промышленности создавался отдел рыбной промышленности Красноярского края [14. Л. 314]. Данное решение позволило сократить аппарат управления отрасли и перевести освободившийся состав ИТР непосредственно на производство.

Помимо реорганизации системы управления отраслью, были составлены новые проекты развития рыбной промышленности Красноярского экономического района. Планировалось обеспечить создание к 1965 г. полносистемных карповых хозяйств мощностью до 3 тыс. ц. Для этого совнархозом были организованы исследовательские работы на сумму в 131 тыс. руб. [12. Л. 1].

Для решения проблемы кадрового дефицита отрасли совнархоз обратился к собственным ресурсам и возможностям. Строительным предприятиям Красноярского СНХ было поручено начать строительство жилья для сотрудников северных предприятий рыбной промышленности, а управлению лесной промышленности – отдано распоряжение обеспечить 4 700 м³ кругляка и 890 м³ пиломатериалов. При этом, что важно отметить, руководить подобным межотраслевым сотрудничеством. Данная ситуация великолепно демонстрировала положительные преимущества территориальной системы управления, в рамках прежней модели управления эта ситуация была практически невозможна.

Перевод рыбной промышленности под контроль совнархоза облегчал и увеличивал поле для маневра руководящих органов и крайисполкома. В связи с уменьшением фондов мяса на 800 т. в 1962 г., управление пищевой промышленности приняло решение о

симметричном увеличении производства и сбыта рыбы для населения [11. Л. 74].

Главными проблемами отрасли оставались кадровый дефицит, нехватка морозильных камер и коптилен. Проблему дефицита опытных кадров подтвердила и ситуация, возникшая в середине 1962 г., когда из-за ошибки технологов на Красноярской рыббазе была потеряно свыше 1 269 кг сельди [14. Л. 82]. Стремясь уменьшить давление этих проблем, руководство Красноярского СНХ организовало постоянно действующие курсы по изготовлению консервов и пресервов [Там же. Л. 19], а также объявило совмещение профессий обязательной практикой для всех сотрудников отрасли [Там же. Л. 194].

Проблемы частых нарушений поставок рыбы торгующим организациям даже вынудило руководство совнархоза начать собственный арбитраж [Там же. Л. 82]. Было принято решение отправлять всю сопровождающую документацию отдельно воздушным путем, а также строго запретить отправку неопломбированной продукции.

В конце 1962 г. Красноярский СНХ был вынужден ответить на обращение жителя Красноярска Г.С. Ульянова. В нем он просил увеличить количество продаваемой рыбы в магазинах. Ему было заявлено, что основной причиной невозможности на данный момент увеличить количество продаваемой рыбы в столице края является то, что практически вся добытая на Севере рыба употреблялась самими жителями северных городов и новых промышленных центров [15]. По сути, к 1962 г. здесь еще не удалось создать прочной продовольственной базы, и местная рыба продолжала оставаться основным постоянным источником продуктов питания для норильчан.

В то же время СНХ среагировало и на письмо «помора, моряка и любителя лова сетью» М.А. Фомина к Н.С. Хрущеву. В нем он обосновывал необходимость скорейшего вовлечения арктических районов в добычу рыбы. М.А. Фомин утверждал, что при вылове здесь рыбы в 3 тыс. т возможно получить около 500 тыс. руб. при цене в 2–4 руб. за килограмм. К данному обращению совнархоз подошел со всей серьезностью, и по распоряжению лично главы СНХ Бизяева была начата подготовка к лову рыбы в районе Таймыра [16. Л. 13].

В начале 1963 г. в крае началась организация специального дегустационного совещания для повышения качества продукции. Также были организованы ежегодные курсы механизаторов, бригадиров лова и мастеров переработки. Был создан прототип специального снежного вездехода для северных территорий, который должен был наконец заменить используемый гужевого транспорт [12. Л. 1].

Таблица 3

Добыча рыбы в Красноярском крае в 1962–1963 гг., ц

Предприятие, год	1962	1963
Гослов	18 370	19 384
Сельские колхозы	26 327	27 744
Рыбхозы	2 778	2 282
Всего	47 475	49 410

Как видно из табл. 3, под контролем Красноярского СНХ рыбная промышленность Красноярского края сумела добиться значительных успехов. Общий вылов рыбы по сравнению с 1958 г. возрос практически на четверть (в 1958 г. было добыто 40 953 ц рыбы). Произошла значительная модернизация всех имеющихся мощностей. Теперь же основными проблемами работы отрасли назывались нехватка складских помещений и проблемы ведения бухгалтерии [17. Л. 11].

В конце 1963 г. было принято решение об очередной реорганизации системы управления рыбной промышленности. Она выходила из-под контроля совнархоза и подчинялась вновь воссозданному тресту Красноярскрыбпром Сибирского территориального производственного управления рыбной промышленности [18. Л. 1].

Данная реорганизация была связана с общими попытками исправить выявленные недостатки территориальной системы управления. К этому моменты все ошибки и недочеты, сделанные в ходе реализации реформы управления промышленностью и строительством, стали тормозить развития страны. Н.С. Хрущев, пытаясь что-то исправить, провел серию реформ в 1962–1963 гг. Прошло укрупнение ряда совнархозов, были частично восстановлены некоторые отрас-

левые управления и, как финал, в целом ошибочное разделение обкомов.

По сути, в результате этих решений система управления рыбной промышленности откатилась назад к модели 1956–1957 гг., но с уже частично модернизированной отраслью. На первых порах эти события вновь обострили существовавший в рыбной промышленности кадровый дефицит [18. Л. 1]. Тем более, что в 1963 г. были запущены новые рыбзаводы в Диксоне и Абакане [Там же. Л. 2–8]. В последующие два года работы рыбной промышленности отличались достаточной стабильностью.

Подводя итоги развития отрасли рыбной промышленности Красноярского края в годы оттепели, следует в первую очередь отметить, что у руководства страны отсутствовал план преобразования рыбной промышленности. Постоянные реорганизации, изменения системы подчинения, ликвидация и воссоздание трестов доказывают, что отрасль реформировалась не из-за долгосрочных планов, но исходя из сиюминутных конъюнктурных решений. Тем не менее территориальная система управления дала возможность осуществить значительную модернизацию, но большинство проблем, стоявших перед отраслью, так и не были решены.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рыбному дню исполнилось 70 лет // Известия. URL: <https://iz.ru/news/267051>
2. Государственный архив Красноярского края (далее – ГАКК). Ф. Р-1441. Оп. 1.
3. Гайдин С.Т., Бурмакина Г.А. История охотничьего и рыбного хозяйства приенисейского региона (1822–1991 гг.). Красноярск: Краснояр. гос. аграр. ун-т, 2015. 370 с.
4. Виноградов С.В. Экономическое развитие Поволжья и рыбная промышленность Каспийско-Волжского бассейна в 1950-е годы: негативные последствия модернизации // Современная научная мысль. 2013. № 6. С. 91–100.
5. ГАКК. Ф. Р-1441. Оп. 1. Д. 599.
6. ГАКК. Ф. Р-1441. Оп. 1. Д. 607.
7. ГАКК. Ф. Р-1441. Оп. 1. Д. 614.
8. ГАКК. Ф. Р-1441. Оп. 1. Д. 650.
9. ГАКК. Ф. Р-1441. Оп. 1. Д. 668.
10. ГАКК. Ф. Р-1407. Оп. 4. Д. 4.
11. ГАКК. Ф. Р-1407. Оп. 3. Д. 5.
12. ГАКК. Ф. Р-1407. Оп. 1. Д. 35.
13. ГАКК. Ф. Р-1407. Оп. 1. Д. 88.
14. ГАКК. Ф. Р-1407. Оп. 1. Д. 86.
15. ГАКК. Ф. Р-1441. Оп. 1. Д. 630.
16. ГАКК. Ф. Р-1441. Оп. 1. Д. 642.
17. ГАКК. Ф. Р-1441. Оп. 1. Д. 680.
18. ГАКК. Ф. Р-1441. Оп. 1. Д. 720.

Статья представлена научной редакцией «История» 21 июня 2018 г.

The Development of Fish Industry in Krasnoyarsk Economic District in 1957–1964

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 448, 136–141.

DOI: 10.17223/15617793/448/17

Ruslan V. Pavlyukevich, Krasnoyarsk State Agrarian University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: autocrator@yandex.ru

Keywords: fish industry; Krasnoyarsk economic district; “Thaw”; territorial control system.

The aim of the research is to determine the impact of the 1957 industrial management reform on the fish industry of Krasnoyarsk economic region in 1957–1964. The article is made on the material of Krasnoyarsk Krai presented in the funds of the State Archive of Krasnoyarsk Krai, part of the material is first introduced into scientific discourse. The study is based on the theory of modernization, the principles of historicism and determinism. The state of the fishing industry of Krasnoyarsk Krai on the eve of the 1957 reform was considered. Its technical lag, outdated equipment and shortage of skilled workers are noted. In the course of the reform of 1957, a transition was made from industry- to territory-based management. This transition allowed the industry to begin upgrading to meet local needs. The new control system made it possible to use the capacity of local engineering, construction for the needs of the modernization of the fishing industry. As the study showed, in the framework of the new system, the fishing fleet was updated, the processes were automated, and artificial reservoirs and dams were built. As a result of the work carried out in the region, the creation of fish farms for the breeding of rare fish species began. To help the development of the industry, specialized fish industry technical

libraries were created. Nevertheless, Krasnoyarsk Soviet of the National Economy considered the overall development of the industry as unsatisfactory since it did not keep pace with the growing demand for its products. Since 1962, the fishing industry was completely transferred under the control of Krasnoyarsk Soviet of the National Economy, represented by the food industry administration. Work continued to modernize the industry; research was conducted on the development of fish farming. The creation of full-system carp farms, with a capacity of up to 3,000 centers, began. The total fish catch, in comparison with 1958, increased by almost a quarter in 1963. At the same time, in the USSR, crisis phenomena were growing in the new management system, which were caused by the haste of its introduction. At the end of 1963, the fishing industry was returned under the control of the reconstituted Ministry of Fisheries. In the period under review, the industry modernized significantly; its backwardness was noticeably reduced. Nevertheless, constant reorganization, changes in the system of subordination, liquidation and re-establishment of trusts prove that the industry was reformed on the basis of momentary conjunctures rather than of long-term plans. The territorial management system made it possible to carry out a significant modernization, but most of the problems in the industry were not resolved.

REFERENCES

1. Elin, A. (2002) Rybnomu dnyu ispolnilos' 70 let [The Fish Day is 70 years old]. *Izvestiya*. 12 September. [Online] Available from: <https://iz.ru/news/267051>.
2. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R-1441. List 1. (In Russian).
3. Gaydin, S.T. & Burmakina, G.A. (2015) *Istoriya okhotnich'ego i rybnogo khozyaystva prieniseyskogo regiona (1822–1991 gg.)* [The history of hunting and fisheries of the Yenisei region (1822–1991)]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Agrarian University.
4. Vinogradov, S.V. (2013) Economic Development of the Fishing Industry and the Volga-Caspian Basin in the 1950ies: The Negative Effects of Modernization. *Sovremennaya nauchnaya mysl' – Modern Scientific Thought*. 6. pp. 91–100. (In Russian).
5. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R-1441. List 1. File 599. (In Russian).
6. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R-1441. List 1. File 607. (In Russian).
7. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R-1441. List 1. File 614. (In Russian).
8. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R-1441. List 1. File 650. (In Russian).
9. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R-1441. List 1. File 668. (In Russian).
10. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R-1407. List 4. File 4. (In Russian).
11. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R-1407. List 3. File 5. (In Russian).
12. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R-1407. List 1. File 35. (In Russian).
13. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R-1407. List 1. File 88. (In Russian).
14. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R-1407. List 1. File 86. (In Russian).
15. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R-1441. List 1. File 630. (In Russian).
16. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R-1441. List 1. File 642. (In Russian).
17. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R-1441. List 1. File 680. (In Russian).
18. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R-1441. List 1. File 720. (In Russian).

Received: 21 June 2018

Д.Ю. Плотников

ТЕОРИЯ ВОЕННОГО ИСКУССТВА И КАВКАЗСКАЯ КАМПАНИЯ 1855 г.: ГЕНЕРАЛ ОТ ИНФАНТЕРИИ Н.Н. МУРАВЬЁВ КАК ПОСЛЕДОВАТЕЛЬ А.-А. ЖОМИНИ

Рассматривается ведение кампании 1855 г. на Кавказском театре военных действий Крымской войны 1853–1856 гг. командующим Отдельным Кавказским корпусом Н.Н. Муравьевым. Действия генерала Муравьева анализируются на предмет сходства с военной теорией А.-А. Жомини. Установлено, что взгляды Н.Н. Муравьева на военное искусство совпадали со взглядами Жомини. Сделан вывод, что генерал Муравьев в кампанию 1855 г. проявил себя как последователь А.-А. Жомини, что иллюстрирует влияние последнего на умы русского генералитета в годы Крымской войны.

Ключевые слова: Крымская война; теория военного искусства; Н.Н. Муравьев; Жомини.

В 1817 г., сетуя на меняющийся облик гусарского офицера, Денис Давыдов посвятил своим младшим сослуживцам следующие строки:

«Говорят, умней они...

Но что слышим от любого?

Жомини да Жомини!

А об водке – ни полслова!»

Без малого полтора века спустя Е.В. Тарле, характеризуя офицерский корпус армии Николая I накануне Крымской войны 1853–1856 гг., саркастически отметил, что к этому времени «водка одержала окончательную победу над Жомини» [1. С. 67]. Столь суровая оценка далеко не бесосновательна, но было бы недопустимо ограничить ее одной – хотя бы потому, что она словно освобождает историка от необходимости изучать военно-теоретические взгляды генералов николаевской армии. Между тем такая необходимость не только существует, но и сохраняет изрядную историческую актуальность. Во всяком случае, несомненно, что в том обороте, который события приняли для Русской императорской армии, наибольшую роль сыграли отнюдь не горячительные напитки, а представления русских генералов – верные или ошибочные, отвечающие обстановке или нет – о военном искусстве. Тот самый Антуан-Анри Жомини – крупный военный теоретик, успевший побывать и на русской службе, – определенно занимал в умах царских военачальников куда более видное место, чем может показаться на первый, поверхностный взгляд. Любопытный пример этого дает кампания 1855 г. на Кавказском ТВД, которую Отдельный Кавказский корпус прошел под началом генерала от инфантерии Н.Н. Муравьева. Поэтому цель настоящей статьи – установить влияние Жомини на Муравьева в вопросах оперативного искусства в кампании 1855 г. на Кавказе.

Историография неоднократно обращалась к кавказским кампаниям Крымской войны, но, по существу, не предпринимала попыток проанализировать военные действия с точки зрения современной им военно-теоретической мысли. Только Б. Эсадзе и С. Эсадзе отметили, что «Муравьев со своими несколько устаревшими взглядами на дело обучения и воспитания войск шел вразрез с начинавшим тогда устанавливаться новым направлением в этих вопросах» [2. С. 101], но и в этом случае, вполне очевидно, речь идет не о методах ведения операций и управления ими. Как правило, историки ограничивались рас-

смотрением отдельных эпизодов, имеющих ценность для оперативного анализа кампании, но, в силу своей изолированности, недостаточных по отдельности. М.И. Богданович обратил внимание на сложности взаимодействия между Александропольским и Эриванским отрядами в начале кампании и в ходе Кёпрюкёйской операции, взвалив вину на командовавшего Эриванским отрядом генерал-майора А.А. Сулова [3. С. 85–591]. С этими оценками оказались солидарны У.Э.Д. Аллен и П. Муратов, пенявшие генералу Сулову за его пассивность [4. Р. 87–88]. Тех же эпизодов, но с прямо противоположной оценкой коснулся Л. Горев, обвинив уже самого Муравьева в нерешительности [5. С. 206] и охарактеризовав его как «так называемого полководца» [Там же. С. 213]. Сходной точки зрения придерживался и Дж.Ш. Кёртисс [6. Р. 411–412], присовокупив к обвинениям в адрес кавказского наместника и его нежелание прислушаться к компетентному мнению генерал-майора Я.П. Бакланова по поводу действий против Карса [Ibid. Р. 409]. Этот последний сюжет подробно развивал еще Е.В. Тарле, сделав служебное взаимодействие между генералами Муравьевым и Баклановым основным содержанием главы о кавказских кампаниях 1854–1855 гг. [1. С. 483–492].

Таким образом, историография накопила немало отдельных фрагментов мозаики, но практически не пыталась сложить их в целостную картину и отследить, какие военно-теоретические взгляды вызвали эту картину к жизни. А.А. Свечин один из немногих рассматривал Крымскую войну именно в русле современной ей военной теории и охарактеризовал ведение войны русскими как слепое следование заветам классической постнаполеоновской мысли [7. Т. 1. С. 73], но, к сожалению, совершенно не рассматривал военные действия на Кавказе.

В интересах связного повествования необходимо, прежде всего, дать краткий очерк кавказской кампании 1855 г. со всеми эпизодами, имеющими значение для исследуемой темы. Это позволит проанализировать их на предмет соответствия учению Жомини и сформулировать окончательные выводы.

Накануне кампании 1855 г. Отдельный Кавказский корпус находился в заметно лучшем положении, чем годом или двумя ранее. Разбитые в 1853–1854 гг. турецкие войска понесли тяжелые потери и перешли к обороне, что позволило корпусу не только прочно

завладеть инициативой, но и впервые за всю войну получить небольшое численное превосходство над противником. Русскими войсками руководил генерал от инфантерии Н.Н. Муравьев, назначенный в конце 1854 г. новым Наместником Кавказским и, следовательно, командующим Отдельным Кавказским корпусом. Главной целью предстоящей кампании генерал Муравьев видел взятие крепости Карс с обороняющим ее турецким гарнизоном, составлявшим главные силы Анатолийской армии (турецкие войска в Малой Азии). Необходимо отметить, что сам по себе Карс практически не интересовал наместника – объектом его внимания были исключительно сосредоточенные в нем войска. Как говорил сам военачальник, «с приобретением сей крепости, не ключ приобретали мы Малой Азии, а поражали все действующие силы неприятеля» [8. С. 330]. Второстепенной целью кампании русский генерал считал Эрзерум – столицу Восточной Анатолии, расположенную в глубине театра военных действий и огражденную горными хребтами Соголанг и Агрыдаг. Для достижения обеих целей Муравьев сгруппировал войска следующим образом: черноморское побережье оборонял Гурийский отряд, насчитывавший до 10 000 человек при 28 орудиях [3. С. 620], против Карса действовали Александропольский (24 $\frac{1}{4}$ батальона, 28 эскадронов и 19 сотен при 76 орудиях [9. С. 341–342], всего – 24 500 человек) и Ахалкалакский (10 батальонов, 5 сотен и 12 орудий, около 10 000 человек [Там же. С. 342]) отряды, а на направлении Эривань – Баязет располагался Эриванский отряд – 5 батальонов и 16 сотен при 8 орудиях, всего до 5 000 человек [10. С. 277–278].

Турецкая группировка в Батуме насчитывала около 7 000–8 000 человек [11. С. 83], из них вполне боеготовых – около 3 500 [12. Р. 19; 13. Р. 244]. В Карсе располагалось 16 900 солдат регулярных войск и 42 полевых орудия [12. Р. 4], не считая крепостной артиллерии, а также иррегулярные части [14. Р. 82–83] и 800 вооруженных местных жителей [12. Р. 12], всего немногим более 20 000 человек. В Баязетской долине, прикрывая Эрзерум со стороны Эривани и Баязета, находилось до 6 000 человек при 16 орудиях [3. С. 579] (некоторые источники дают 32 [9. С. 337]). Необходимо отметить, что русская разведка очень близко к истине установила и численность, и расположение вражеских войск [9. С. 336–337]. Это заметно облегчает историческое изучение кампании, поскольку представления современников об обстановке и сведения, имеющиеся у нынешнего историка, должны быть фактически тождественны. Главнокомандующим турецкими войсками был Васиф Мехмед-паша, реальное руководство кампанией фактически сосредоточил в своих руках английский полковник (позднее бригадный генерал) Ф. Вильямс, комиссар ее величества при Анатолийской армии и душа обороны Карса.

Русские войска открыли кампанию в конце мая – начале июня. Войска Александропольского и Ахалкалакского отрядов двинулись вперед и, соединившись, встали лагерем под Карсом (Ахалкалакский отряд успел по пути без боя занять Ардаган). При первом приближении к Карсу в июне 1855 г. опытный каза-

чий генерал Я.П. Бакланов убеждал командующего, что укрепления с южной стороны Карса еще не окончены, могут быть легко заняты, и «настоящая минута есть самая благоприятная для овладения Карсом и... в противном случае кампания затянется надолго» [15. С. 573] (этот эпизод упоминают также Тарле [1. С. 485] и Кёртисс [6. Р. 409]). Даже притом что командующий согласился с оценкой ситуации Баклановым, штурм на настоящем этапе в его планы не входил, и высказанная казачьим генералом инициатива осталась без последствий. Этот эпизод уже на ранней стадии кампании продемонстрировал, что, с точки зрения Муравьева, роль подчиненных в планировании операций должна была сводиться к выражению согласия с командующим.

Несколько сложнее проходило выступление Эриванского отряда. Ввиду отсутствия подножного корма для лошадей на северной стороне хребта Агрыдаг командующий отрядом генерал-майор А.А. Суслов запросил у командования разрешение перейти на южную, турецкую сторону, где не должно было быть проблем с фуражом. Получив такое разрешение в конце двадцатых чисел месяца, к 31 мая (12 июня) все войска Эриванского отряда (5 батальонов, 16 сотен и 8 орудий) были сосредоточены для перехода через границу, а кавалерия в тот же день вступила на турецкую территорию. На следующий день через хребет начали переходить пехота и обоз, и к 3 (15) июня Эриванский отряд был сосредоточен у селения Дутаг. Уже после этого было получено распоряжение Муравьева двигаться в горы по направлению к озеру Балык, не переходя хребта. Учитывая, что повторный переход Агрыдага со всем обозом только исключал тот оперативный простор, который предоставляла позиция при селении Дутаг, а также мог утомить и задержать войска, генерал Суслов доложил о нецелесообразности такого шага и 9 (21) июня получил разрешение оставить войска на турецкой территории [10. С. 281–284].

Перейдя через Агрыдаг, Эриванский отряд оказался на расстоянии около 25 верст от турецкого лагеря при Сурб-Оганесе. Полученное 9 (21) июня распоряжение главнокомандующего запрещало генерал-майору А.А. Суслову атаковать неприятеля, так как «он (Н.Н. Муравьев. – Д.Л.) не полагает, чтобы Эриванский отряд был в силах один атаковать неприятельский лагерь» [Там же. С. 284]. Суслов понял это в том смысле, что ему вообще запрещено действовать наступательно [9. С. 363], а Муравьев позднее пояснял, что запрещал лишь штурмовать укрепления, но не преследовать отступающего врага [Там же. С. 368]. Пока длилась переписка между командующим и подчиненным, турецкий Баязетский корпус скрытно оставил лагерь и в ночь на 12 (24) июня отступил из угрожаемого положения.

Выступление Эриванского отряда и Сурб-Оганесское противостояние иллюстрируют сразу две тенденции, которые были характерны для кампании 1855 г. Во-первых, надо отметить стремление Муравьева напрямую управлять отрядом, удаленным от него на 200 километров по не самым лучшим дорогам. Во-вторых, примечательно то абсолютное неве-

дение насчет намерений непосредственного начальника, в котором Наместник Кавказский держит генерала Сулова. Вместо четкого оперативного ориентира на предстоящую кампанию командующего Эриванским отрядом бомбардировали противоречивыми и часто сменяющимися друг друга приказами, что, конечно, не могло положительно сказаться на эффективности его действий.

Следует отметить, что Сурб-Оганесское противостояние было только началом проблем, возникавших в ходе служебного взаимодействия Н.Н. Муравьева и А.А. Сулова. В конце июня генерал Сулов отправил командующему очередной рапорт. Командир Эриванского отряда, вероятно, все еще обеспокоенный сумбурным началом кампании и своей неудачей под Сурб-Оганесом, известил Муравьева, что, действуя между Баязетом и Алашкертом, как предписано последним приказанием, теряет соприкосновение с отступившим Баязетским отрядом, находящимся у Кёпрюкёя [9. С. 363]. Муравьев ответил следующим образом:

«От в[ашего] пр[евосходительства] вовсе не требовалось речательств насчет движений отряда Велипаши, а положительно сказано было – ожидать дальнейших моих приказаний для наступательных действий к стороне Эрзерума; а потому все рассуждение Ваше, что Вели-паша может с своим войском уйти куда-либо, будучи от Вас в 85 верстах, и Вы следить за ним не можете – нахожу неуместным» [9. С. 369]. После этого командующий советует Сулову «впредь воздержаться от подобных отзывов, не позволительных ни в военной службе, ни в законах» [Там же]. По существу, Сулов просто пытается самостоятельно оценить оперативную обстановку и сделать из нее выводы – и это немедленно навлекает на него резкую отповедь со стороны командующего. Полнейшее неприятие оперативной инициативы и покушений на самостоятельность среди подчиненных были, очевидно, характерны для управленческого стиля Н.Н. Муравьева.

То, что командующий корпусом так резко пресекал активность со стороны подчиненных, не означало, разумеется, что он отказывался от оперативной активности как таковой. Напротив, в то самое время, когда он порицал Сулова за порыв преследовать турецкий Баязетский корпус, генерал Муравьев предпринял операцию против турецких провиантских складов, расположенных в селах Еникёй, Караурган и Зивин на полпути из Карса в Эрзерум. Крупные продовольственные магазины были захвачены, их содержимое частично вывезено, частично – уничтожено, а возможность противника доставить продовольствие в еще не окончательно блокированный Карс – подорвана. Еникёйская операция 17–28 июня (29 июня – 6 июля) 1855 г. продемонстрировала еще одну характерную особенность управления войсками со стороны Муравьева: оперативная активность всегда ограничивалась районом непосредственного присутствия командующего. Любые соединения, кроме того, при котором находится в данный момент Наместник Кавказский, получали пассивные задачи и, как следствие, наступление могло быть предпринято только на одном направлении и только с теми

войсками, которые генерал держал в радиусе непосредственной досягаемости.

Еще один эпизод, важный для понимания взглядов генерала Муравьева на военное искусство, – Кёпрюкёйская операция 18–30 июля (30 июля – 11 августа). Как было указано выше, после безрезультатного Сурб-Оганесского противостояния турецкие войска отступили к с. Кёпрюкёй, у которого сходились дороги, идущие на Эрзерум из Карса и Баязета. По замыслу операции, совместное концентрическое наступление Эриванского отряда и части главных сил из-под Карса должно было отрезать турецкой группировке пути отступления, разбить ее и, возможно, развить успех до самого Эрзерума [8. С. 331–332]. Генерал Муравьев снабдил А.А. Сулова подробными инструкциями, расписывающими его действия при наиболее вероятных вариантах развития событий [9. С. 372]. Не исключено, что именно это стремление предусмотреть все и дать наставления на каждый возможный случай – вместо доверия практической сметке подчиненного – стало причиной неудачного исхода операции. Эриванскому отряду А.А. Сулова и авангарду главных сил под началом полковника А.М. Дондукова-Корсакова не удалось наладить эффективное взаимодействие, и турецкий Баязетский корпус вновь сумел беспрепятственно отступить [10. С. 344–357; 16. С. 305–313]. Скованный подробными инструкциями и обеспокоенный натянутыми отношениями с командующим, генерал Сулов избрал наиболее безопасный и пассивный образ действий [17. С. 89–90]. Такая ставка на безынициативность оправдалась – последовавшее за операцией объяснение с командующим, по оценке самого Сулова, «сошло благополучно» [16. С. 313].

Кёпрюкёйская операция демонстрирует сразу две характерные особенности, присущие руководству Н.Н. Муравьева в кампанию 1855 г. Во-первых, вновь налицо стремление к предельной централизации управления – даже удаленным Эриванским отрядом генерал стремится руководить «вручную», при помощи подробных приказов, предусматривающих все вероятные варианты. Во-вторых, строгий наместник оказывается на удивление терпим к неудаче подчиненного, вызванной фактическим бездействием последнего. Как видно, если активность и инициатива со стороны подчиненного были для Муравьева, как показывает его июньская переписка с Суловым, неприемлемы, то пассивность, даже ведущая к неудаче операции, была простительна и даже предпочтительна.

За время отсутствия командующего корпусом генерал Э.В. Бриммер, оставшийся с блокадным отрядом под Карсом, предпринял ряд крупных фуражировок вокруг крепости. Одна из них, проведенная 26 июля (7 августа), была неразумно начата в радиусе действия крепостной артиллерии, что привело к потере 38 человек убитыми, ранеными и контуженными [9. С. 384]. Муравьев, что вполне объяснимо, воспринял происшедшее резко отрицательно. Примечательно, однако, что с точки зрения наместника имела место не просто плохо организованная фуражировка, а попытка Э.В. Бриммера овладеть Карсом [2. С. 126].

Учитывая это, более чем вероятно, что Муравьева разгневали не только – а возможно, и не столько – ненужные потери, сколько предполагаемое покушение подчиненного на самостоятельную активность.

Положение блокированного Карсского гарнизона неуклонно ухудшалось, но события в Крыму развивались быстрее. После ожесточенного штурма 27 августа (8 сентября) союзникам удалось занять южную сторону Севастополя. Русское командование регулярно получало сведения о переброске вражеских войск в Траpezунд и Батум [9. С. 396–398, 400], что стало возможным в связи с высвобождением части сил из Крыма. Союзники уже давно активно обсуждали и экспедицию для выручки Карса, возглавить которую должен был турецкий военачальник Омер-паша – автор и главный апологет этого проекта [12. Р. 51–52, 54–57] – и после успеха под Севастополем могли, наконец, к ней приступить. В этих условиях русский командующий принял решение о штурме Карса 17 (29) сентября – как писал Л. Горев, «решил штурмовать крепость до прихода Омер-паши» [5. С. 210].

Интерес представляет «военный совет», состоявшийся по этому вопросу. Он, по существу, сводился к постановке задач начальникам штурмовых колонн по уже составленной и не обсуждавшейся диспозиции [15. С. 592–593]. При этом мнения о единодушии генералов Действующего корпуса насчет приступа, иногда встречающиеся в источниках [18. С. 94], не отвечают действительности и были справедливо подвергнуты критике Е.В. Тарле [1. С. 488]. Как минимум Я.П. Бакланов (причем по собственной инициативе – командующего мало интересовало мнение подчиненных) активно выступал против решения идти на приступ или, по крайней мере, выбора Шорахских высот направлением главного удара. Вместо них казачий генерал предлагал атаковать Чакмахские укрепления к северу от Карса, слабее вооруженные и предоставляющие возможность отрезать защитников Шораха от города [15. С. 596–591]. Обсуждение приняло довольно ожесточенный характер, и в конце концов командующий напомнил Бакланову о субординации, заявив, что «яйца курицу не учат, а слушают» [Там же. С. 591]. Точку зрения Бакланова (по крайней мере, в том, что касалось нежелательности приступа) разделяли, видимо, генералы П.П. Ковалевский и Е.И. Майдель [Там же. С. 593–594], считая, однако, бессмысленным возражать Муравьеву, уже принявшему решение. В итоге штурм состоялся по плану командующего, привел к потере 6 517 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести [9. С. 105], но так и не помог овладеть крепостью.

Последний крупный боевой эпизод кампании произошел на батумско-кутаисском направлении, когда упомянутая выше экспедиция Омер-паши, наступая от Черноморского побережья на Кутаис, стремилась отвлечь русские войска из-под Карса. Командующий русскими войсками на направлении генерал-майор И.К. Багратион-Мухранский преградил противнику путь на р. Ингур, имея под началом 7½ батальонов, 12 орудий и милицию [9. С. 107–108], всего 9 200 человек [Там же. С. 632]. Наступающий от Сухум-кале

Омер-паша располагал 20 000 человек при 37 орудиях [3. С. 632].

Стремясь не остановить противника, а лишь нанести ему урон, Багратион-Мухранский решил развить интенсивный обстрел неприятеля при попытке последнего переправиться, не вступая в ближний бой. Для этого он растянул большую часть сил кордоном вдоль берега реки, оставив в резерве 2 батальона с 4 орудиями. Решение оказалось сомнительным: в последовавшем 25 октября (6 ноября) бою обе стороны вступили в ожесточенную перестрелку, и к вечеру русские войска очистили позицию. Их потери заключались в 147 убитых, 245 раненных и 42 пропавших без вести, также пришлось бросить 3 орудия [9. С. 109]. Турки потеряли до 400 человек [19. Р. 113]. Огневая оборона водного рубежа приводила даже не к равному размену, что в условиях численного превосходства противника никак нельзя было назвать успехом. Учитывая это, стоит согласиться с У.Э.Д. Алленом и П. Муратовым в том, что Ингурское сражение «может служить классическим примером того, как не следует оборонять водную преграду» [4. Р. 97]. Поняв свою неудачу, генерал Мухранский отступил, больше не ища сражений и делая ставку на партизанскую войну силами местного населения, которую более эффективной в местных условиях признавал и участник кампании с турецкой стороны [19. Р. 130].

Любопытно, как это сражение – откровенно неудачное и, по строго военным соображениям, необязательное – воспринял Муравьев. Хотя потенциально от событий в Мингрелии зависело и происходящее под Карсом, реакция командующего оказалась весьма сдержанной. Не последовало ни гневной отповеди, как в июньской переписке с Сусловым, ни даже резкого осуждения, как после неудачной фуражировки Бриммера в июле. Напротив, наместник отмечал, что генерал Багратион-Мухранский – «человек со способностями и не без военных дарований» [9. С. 144], – вероятно, имел основания действовать так, а не иначе, и уповал на «известное благоразумие его» [Там же. С. 139].

Возможно, частично спокойная реакция командующего объяснялась тем, что Омер-паши он не особенно опасался [15. С. 607]. Но даже при этом остается вопрос: какое «известное благоразумие» проявилось в неудаче вдесятеро более кровопролитной, чем фуражировка Э.В. Бриммера? Принципиальная для наместника разница заключалась, по всей видимости, в том, что генерал Бриммер проявил неудачную активность, а Багратион-Мухранский – неудачную пассивность. Командующий корпусом согласен был терпеть неудачи, вызванные бездействием его подчиненных, как во время Кёпрюкёйской операции или на Ингуре, лишь бы его офицеры не покушались демонстрировать хоть малейшую оперативную инициативу и самостоятельность, храня вместо этого безоговорочную пассивность, которую он только и считал подходящей для удаленных отрядов.

Итак, на материале кампании 1855 г. на Кавказском ТВД можно выделить следующие характерные особенности руководства военными действиями со стороны генерала Муравьева:

1. Четкое выделение «решительного пункта», ассоциируемого с главными силами противника (турецкий гарнизон в Карсе).

2. Предельная концентрация сил для действий против этого пункта под началом лично командующего.

3. Пренебрежительное отношение к отдельным отрядам (Эриванский, блокадный отряд под Карсом во время Кёпрюкёйской операции), не входящим в вышеупомянутую главную группировку; отведение им строго пассивной роли.

4. Максимальная концентрация управления в руках командующего: даже удаленными отрядами (Эриванским в Кёпрюкёйскую операцию) Муравьев стремится руководить напрямую, при помощи подробных приказов.

5. Пренебрежительное отношение к подчиненным, нежелание прислушиваться к их мнению (разногласия с Я.П. Баклановым, переписка с А.А. Суловым) и стремление держать в неведении относительно замыслов командующего.

Теперь необходимо установить, как этот полководческий почерк соотносится с военно-теоретическими заветами Антуана-Анри Жомини, изложенными им в одном из его основных сочинений – «Кратком начертании военного искусства».

Прежде всего необходимо отметить, что Жомини, как правило, признают наиболее последовательным кодификатором и интерпретатором кампаний Наполеона Бонапарта в теории военного искусства¹. Поэтому неудивительно, что его взгляды на стратегию, которую он определяет как «искусство располагать движениями армий на театре войны» [23. Т. 1. С. 30] (т.е. то, что в современном понимании вполне может принадлежать к сфере оперативного искусства), лежат вполне в русле наполеоновского военного искусства и видят главную задачу военачальника в максимальной концентрации сил на решающем направлении [Там же. С. 143] – против пресловутого «решительного пункта», представленного, как правило, главными силами неприятеля.

Собственные же главные силы должны быть всегда более сосредоточены, чем противник [Там же. С. 201–202, 206], и ни в коем случае не терять чувства локтя, а отдельные оперативные соединения, не имеющие непосредственной смычки с главной группировкой, – это то, чего швейцарский теоретик требует избегать всеми силами. Такие отряды, «всегда вредные» [Там же. С. 192] и «столь гибельные для армий» [Там же. С. 220], в его глазах – худшее, что может случиться с оперативным развертыванием, и опасность выделения крупных оперативных соединений, не находящихся в зоне непосредственного контроля военачальника, красной линией проходит через труд знаменитого швейцарца [Там же. С. 192, 220, 272–273].

Организации управления Жомини отводил важное место – «хорошая система в организации управления армиею и высшем направлении военных действий» [Там же. С. 97] представляется ему одним из главных компонентов правильно организованной вооруженной силы. Эта система, с его точки зрения, состоит в предельной концентрации управления войсками. Принцип строгой и единоличной централизации военного

творчества не вызывает у него сомнений – те же военные советы, на взгляд Жомини, нужны только в том случае, если обещают продемонстрировать полное единодушие насчет уже выработанного военачальником плана [23. Т. 1. С. 120–121]; идея коллективной работы не находит у него понимания.

При этом Жомини считал, что подчиненных все же невредно ознакомить в общих чертах с замыслом кампании, чтобы их деятельность могла быть более осмысленной [Там же. Т. 2. С. 135]. Он осуждает присущую Наполеону склонность держать в тайне решительно все, в результате чего нижестоящие командиры даже не догадываются о замыслах военачальника, не имея никакого ясного ориентира. Стремление давать чрезмерно подробные указания также критикуется – Жомини предостерегает от обеих крайностей, предлагая держаться золотой середины [Там же. С. 133–135].

Наконец, в интересах настоящей работы необходимо осветить взгляды Жомини на ведение горной войны. При всей своей неприязни к дроблению оперативного развертывания и отдельным отрядам, Жомини прекрасно понимает необходимость прикрывать во время действий в горах все оперативные направления [Там же. Т. 1. С. 358] и, надо отдать ему должное, оказывается выше мелочного педантизма, признавая, что теория должна уступать требованиям реальности. В условиях вынужденно дробного и широкого оперативного развертывания армия «должна отвращать это неудобство, увеличивая свою подвижность и часто переходя к наступательным действиям» [Там же. С. 362]. Это, в свою очередь, предъявляет более высокие требования к частным начальникам. Жомини, как показано выше, считал необходимым предварительное ознакомление подчиненных командиров с планом кампании, и здесь он еще раз подчеркивает необходимость давать «хорошие наставления авангардным генералам» [Там же. С. 360]. В горной войне, как ни в какой другой, важны индивидуальные качества полководца, его сметливость, дерзость и «твердая героическая воля», которая «может гораздо более произвести, чем все возможные правила» [Там же. С. 361].

Эти мысли во многом идут вразрез с основными положениями его труда и выдают в Жомини действительно выдающийся военный ум. По справедливому замечанию А.А. Свечина, «иногда получается впечатление, что Жомини писал учебник – простой и ясный – для еще молодой аудитории, а сам смотрел много глубже формулированных им положений» [20. С. 104]. Однако же последователи и читатели выдающегося теоретика, совершили в массе своей ту ошибку, которой удалось избежать ему самому, – попали под обаяние целеустремленного, прямого и простого военного искусства Наполеона, основные принципы которого талантливо очертил Жомини. Осторожные замечания о специфике горной войны в труде Жомини определенно теряются на фоне чеканных, освященных авторитетом Наполеона формул, которые в XIX в. было весьма соблазнительно принять за некий «кодекс великих полководцев».

Нетрудно заметить, что действия Н.Н. Муравьева во всех важнейших эпизодах кампании 1855 г. очень

близко совпадают с теоретическими воззрениями Жомини. Будучи блестяще образованным человеком, Муравьев наверняка ознакомился с «Кратким начертанием военного искусства» – не даром на протяжении значительной части XIX в. труд Жомини считался «удобным собранием того, что следует знать каждому генералу» [22. Р. 25]. Справедливости ради необходимо отметить, что к одному из положений Жомини генерал Муравьев пришел сам, еще до выхода «Краткого начертания...» – в 1833 г. он отмечал, что «действия главной армии никогда не должны зависеть от отдельного корпуса» [24. С. 48]. Будь это единственным общим пунктом, можно было бы говорить о ситуативном совпадении, но кампания 1855 г. может служить хрестоматийной иллюстрацией положений Жомини не только в этом, но и во многих других отношениях. Та же логика сокрушения, выливающаяся в концентрацию сил и управления, та же неприязнь к отдельным отрядам, тот же отказ от оперативного сотрудничества с частными начальниками проходят красной линией через деятельность командующего Кавказским корпусом; что же до «твердой героической воли» [23. Т. 1. С. 361], которую так ценит Жомини, то Муравьев просто блещет ею. Порой Наместник Кавказский буквально совпадает с Жомини даже в мелочах. Так, например, последний находит, что военные советы полезны только при полном единстве мнений [Там же. С. 120–121], и именно демонстрацию такого единства Н.Н. Муравьев видит единственной задачей совета, созданного им перед штурмом Карса, беспощадно расправляясь с любыми, сколь угодно дельными возражениями [15. С. 592–593]. Таким образом, многочисленные совпадения между военно-теоретическими взглядами Жомини и действиями генерала Муравьева в 1855 г. позволяют сделать более чем обоснованное предположение, что последний действовал по заветам первого. Учитывая же то господствующее положение, которое труд Жомини занимал в военной теории XIX в., это предположение превращается в уверенность: если генерал мыслит и действует полностью в духе учения Жомини, есть все основания считать его последователем Жомини.

При этом в некоторых отношениях генерал Муравьев следует примеру Наполеона даже более рьяно,

чем сам Жомини. Так, например, знаменитый теоретик считал возможным блокировать пассивного противника, запершегося в крепости, и меньшими силами [23. Т. 1. С. 190], в то время как сам Муравьев тяготел к максимальной концентрации сил под Карсом. Кроме того, Жомини отмечает желательность ознакомления подчиненных с их общими задачами в предстоящую кампанию [Там же. Т. 2. С. 135], а Муравьев, как показано выше, проявлял в сокрытии своих оперативных замыслов истинно наполеоновское рвение. В этом отношении в пору вспомнить уже приводившееся замечание А.А. Свечина: если сам Жомини, демонстрируя глубокий взгляд на военные вопросы, порой перерастал букву своего учения [20. С. 104], то многие его последователи вынесли из него лишь рафинированную наполеоновскую догму, не обратив внимания на более глубокие прозрения выдающегося теоретика. Но и при этом не приходится отрицать, что взгляды на ведение войны, продемонстрированные Муравьевым в кампанию 1855 г. на Кавказе, оставались исключительно близки к принципам, изложенным в труде Жомини.

Таким образом, очевидно, что кампания 1855 г. на Кавказском ТВД под руководством Н.Н. Муравьева несет на себе отчетливый отпечаток «Краткого начертания военного искусства». В нескольких случаях генерал Муравьев оказывается даже «большим католиком, чем сам Папа» – более рьяным последователем Наполеона, чем Жомини, но в целом его действия вполне согласуются с заветами швейцарского военного теоретика. Это позволяет с большой вероятностью предположить, что Наместник Кавказский в своей военной деятельности и принятии решений – как удачных, так и ошибочных – руководствовался предписаниями именно и конкретно Жомини. Водка, разумеется, была бы сомнительной военно-теоретической альтернативой, но есть все основания полагать, что «слепое следование стратегическим заветам Жомини» [7. Т. 2. С. 73], столь осуждаемое А.А. Свечиным, также оказало Русской императорской армии медвежью услугу. Однако ответ на этот вопрос на материале Кавказского ТВД Крымской войны – тема уже другого исследования.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ См. например [7. Т. 2. С. 342–343; 20. С. 99–105; 21. Р. 155]. Возражения против такой точки зрения см. в [22. Р. 17–26].

ЛИТЕРАТУРА

1. Тарле Е.В. Крымская война. М. ; Л., 1944. Т. 2.
2. Эсадзе Б., Эсадзе С. Тверские драгуны на Кавказе. Восточная война 1854–1856. Тифлис, 1898.
3. Богданович М.И. Крымская война: 1853–1856 гг. М., 2014.
4. Allen W.E.D, Muratoff P. Caucasian battlefields. Cambridge, 1953.
5. Горев Л. Война 1853–1856 гг. и оборона Севастополя. М., 1955.
6. Curtiss J.S. Russia's Crimean war. Durham, 1979.
7. Свечин А. Эволюция военного искусства : в 2 т. М. ; Л., 1927–1928.
8. Карсаков А. Из записок генерал-лейтенанта Муравьева о войне 1855 года в Малой Азии // Русский вестник. 1862. № 1. С. 310–341.
9. Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис, 1888. Т. XI.
10. Лихутин М.Д. Русские в Азиатской Турции в 1854 и 1855 годах. СПб., 1863.
11. Турция, ее правительство и ее армии во время Восточной войны // Военный сборник. 1861. Т. 18, № 3. С. 43–114.
12. The siege of Kars, 1855. Defence and capitulation, reported by general Williams. London, 2000.
13. Sandwith A. A narrative of the siege of Kars. London, 1856.
14. Lake A. Narrative of the defense of Kars historical and military. London, 1857.

15. Потто В.А. Блокада и штурм Карса (по неизданным запискам П.Я. Бакланова и рассказам прочих участников в событии) // Русская старина. 1870. № 12. С. 567–610.
16. Дондуков-Корсаков А.М. Воспоминания о кампании 1855 года в Азиатской Турции // Кавказский сборник. Тифлис, 1876. Т. 1. С. 289–330.
17. Плотников Д.Ю. Отношения между генералами Н.Н. Муравьевым и А.А. Сусловым и взаимодействие Александропольского и Эриванского отрядов в кампании 1855 г. на Кавказе // Гуманитарные проблемы военного дела. 2016. № 2. С. 86–91.
18. П.Ф.К. Штурм Карса 17-го сентября 1855 г. // Исторический вестник. 1898. № 7. С. 92–110.
19. Oliphant L. The Trans-caucasian campaign of the Turkish army under Omer-Pasha. London, 1856.
20. Свечин А.А. Ударность Жомини // Стратегия в трудах военных классиков. М., 1926. Т. 2.
21. Holborn H. Moltke's strategical concepts // Military Affairs. 1942. Vol. 6, № 3. С. 153–168.
22. Elting J.A. Jomini: Disciple of Napoleon? // Military Affairs. 1964. Vol. 28, № 1. С. 17–26.
23. Жомини Г. Краткое начертание военного искусства : в 2 т. СПб., 1840.
24. Муравьев Н.Н. Русские на Босфоре. М., 2016.

Статья представлена научной редакцией «История» 20 февраля 2019 г.

The Theory of Military Art and the Campaign of 1855 in the Caucasus: General of Infantry N.N. Muravyov as an Adherent of Jomini

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 448, 142–149.

DOI: 10.17223/15617793/448/18

Dmitriy Yu. Plotnikov, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: d.plotnikov@alumni.nsu.ru

Keywords: Crimean war; theory of military art; N.N. Muravyov; Jomini.

The article discusses the conduct of the 1855 campaign in the Caucasian theater of operations of the Crimean War of 1853–1856. General of infantry N.N. Muravyov, who occupied the positions of the commander of the Separate Corps of the Caucasus and the viceroy of the Caucasus, commanded the Russian forces in the course of the campaign. The article aims to establish the influence that the military theory of Antoine-Henry Jomini exerted over General Muravyov in the matters of operational art. A coherent analysis of the 1855 campaign allows identifying several characteristic features of Muravyov's leadership style and reconstruct his views on military art. The article scrutinizes such episodes of the campaign as the outbreak of the campaign both for the main forces and the Erivan detachment, Surp-Hovhannes standoff on June 20–24, Yeniköy operation on June 29 – July 6, Köprüküy operation on July 30 – August 11, E.A. Brimmer's foraging on August 7, the council of war on the eve of the assault of Kars on September 29, and the Ingur battle on November 6. The article also analyzes Muravyov's interaction with his subordinate officers, including A.A. Suslov, Ya.P. Baklanov, I.K. Bagration-Mukhransky, E.I. Maydel, and P.P. Kovalevsky. The analysis allows establishing the following characteristic features of General Muravyov's leadership style: (1) a clear identification of the decisive point associated with the main forces of the enemy; (2) an utmost concentration of forces against this point under the personal leadership of the commander; (3) a dismissive attitude toward separate detachments not included in the main forces; such detachments only play a passive role; (4) an utmost concentration of control in the hands of the commander: even in the case of separate detachments, Muravyov tries to exert direct command by issuing extensive orders; (5) a dismissive attitude toward subordinate officers, indisposition to listen to their considerations and an inclination not to inform them on the commander's intentions. The comparison of these features with the teachings of Jomini allows establishing that Muravyov's actions coincide precisely with the principles laid out by the famous military theorist. General Muravyov acts in accordance with Jomini's principles when it comes to the concentration of forces and centralization of command, a clear identification of the decisive point, a limited use of separate detachments, and individual rather than collective operational work. This allows concluding that Jomini exerted a considerable influence on the military thinking of Russian generals of the Crimean War, determining their views on the art of war to a great degree.

REFERENCES

1. Tarle, E.V. (1944) *Krymskaya voyna* [Crimean War]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: USSR AS.
2. Esadze, B. & Esadze, S. (1898) *Tverskie draguny na Kavkaze. Vostochnaya voyna 1854–1856* [Tver dragoons in the Caucasus. The Eastern War of 1854–1856]. Tiflis: Tip. kants. Glavnonachal'stviyushchego grazhd. chast'yu na Kavkaze.
3. Bogdanovich, M.I. (2014) *Krymskaya voyna: 1853–1856 gg.* [Crimean War: 1853–1856]. Moscow: Eksmo.
4. Allen, W.E.D. & Muratoff, P. (1953) *Caucasian battlefields*. Cambridge: Cambridge University Press.
5. Gorev, L. (1955) *Voyna 1853–1856 gg. i oborona Sevastopolya* [The war of 1853–1856 and the defense of Sevastopol]. Moscow: Voenizdat.
6. Curtiss, J.S. (1979) *Russia's Crimean War*. Durham: Duke University Press.
7. Svechin, A. (1927–1928) *Evolutsiya voennogo iskusstva: v 2 t.* [The evolution of military art: in 2 vols]. Moscow; Leningrad: Voengiz.
8. Karsakov, A. (1862) Iz zapisok general-leytenanta Murav'eva o voynе 1855 goda v Maloy Azii [From the notes of Lieutenant General Muravyov about the war of 1855 in Asia Minor]. *Russkiy vestnik*. 1. pp. 310–341.
9. Berzhe, A.D. & Kobayakov, D.M. (eds) (1888) *Akty Kavkazskoy arkhеograficheskoy komissii* [Acts of the Caucasian Archaeographic Commission]. Vol. 11. Tiflis: Tip. kants. glavnonach. grazhd. chast'yu na Kavkaze.
10. Likhutin, M.D. (1863) *Russkie v Aziatskoy Turtsii v 1854 i 1855 godakh* [Russians in Asian Turkey in 1854 and 1855]. St. Petersburg: tip. t-va "Obshchestv. pol'za".
11. *Voennyi sbornik*. (1861) Turtsiya, ee pravitel'stvo i ee armii vo vremya Vostochnoy voyny [Turkey, its government and its armies during the Eastern War]. 18 (3). pp. 43–114.
12. Coates, T. (2000) *The siege of Kars, 1855. Defence and Capitulation, Reported by General Williams*. London: Stationery Office.
13. Sandwith, H. (1856) *A Narrative of the Siege of Kars*. London: J. Murray.
14. Lake, A. (1857) *Narrative of the Defence of Kars, Historical and Military*. London: R. Bentley.
15. Potto, V.A. (1870) *Blokada i shturm Karsa (po neizdannym zapiskam P.Ya. Baklanova i rasskazam prokikh uchastnikov v sobytii)* [The blockade and attack of Kars (based on unreleased notes by P.Ya. Baklanov and stories of other participants in the event)]. *Russkaya starina*. 12. pp. 567–610.
16. Dondukov-Korsakov, A.M. (1876) *Vospominaniya o kampanii 1855 goda v Aziatskoy Turtsii* [Memoirs of the campaign of 1855 in Asian Turkey]. In: Zeydlits, N. (ed.) *Kavkazskiy sbornik* [Caucasian collection]. Vol. 1. Tiflis: tip. Gl. upr. namestnika kavk. pp. 289–330.
17. Plotnikov, D.Yu. (2016) *Otnosheniya mezhdu generalami N.N. Murav'evym i A.A. Suslovym i vzaimodeystvie Aleksandropol'skogo i Erivanskogo otryadov v kampaniyu 1855 g. na Kavkaze* [Relationship between Generals N.N. Muravyov and A.A. Suslov and the interaction of the Alexandropol and Erivan detachments in the campaign of 1855 in the Caucasus]. *Gumanitarnye problemy voennogo dela*. 2. pp. 86–91.

18. P.F.K. (1898) Shturm Karsa 17-go sentyabrya 1855 g. [The attack of Kars on September 17, 1855]. *Istoricheskiy vestnik*. 7. pp. 92–110.
19. Oliphant, L. (1856) *The Trans-Caucasian Campaign of the Turkish Army Under Omer-Pasha*. London: W. Blackwood.
20. Svechin, A.A. (1926) Udarnost' Zhomini [Jomini's mobility]. In: Svechin, A.A. (ed.) *Strategiya v trudakh voennykh klassikov* [Strategy in the writings of military classics]. Vol. 2. Moscow: Gos. voennoe izdatel'stvo.
21. Holborn, H. (1942) Moltke's strategical concepts. *Military Affairs*. 6 (3). pp. 153–168.
22. Elting, J.A. (1964) Jomini: Disciple of Napoleon? *Military Affairs*. 28 (1). pp. 17–26.
23. Zhomini, G. (1840) *Kratkoe nachertanie voennogo iskusstva: v 2 t.* [A brief outline of military art: in 2 vols]. St. Petersburg: Tip. putey soobshcheniy i publichnykh zdaniy.
24. Murav'ev, N.N. (2016) *Russkie na Bosfore* [Russians at the Bosphorus]. Moscow: E.

Received: 20 February 2019

А.Н. Сорокин, А.С. Латышев, М.В. Грибовский

**К ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ И ПЕРСПЕКТИВАМ ЭФФЕКТИВНОЙ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ
СОВРЕМЕННОГО КОНКУРЕНТОСПОСОБНОГО УНИВЕРСИТЕТА В РОССИИ***Работа выполнена при поддержке гранта РНФ (проект № 19-18-00485 «Человеческое измерение трансформационных процессов в российских университетах: исторический опыт, тенденции и ответы на вызовы современности»).*

Проведен краткий исторический обзор подходов к реализации кадровой политики в отечественных университетах в дореволюционный, советский, постсоветский (1990–2010-е гг., 2010-е гг. – настоящее время) периоды. Выявляются и анализируются изменения в государственной политике в отношении вузов по вопросам подготовки, аттестации и развития научно-педагогических кадров в университетах. Анализируются изменения в направлениях, содержании и форматах развития кадровой политики в высшей школе России с XIX в. по настоящее время.

Ключевые слова: человеческий капитал; кадровая политика; конкурентоспособность; компетенции; Российская империя; СССР; Российская Федерация.

В современном мире одним из важнейших ресурсов обеспечения глобальной конкурентоспособности стран, регионов, организаций является человеческий капитал, выступающий ключевым драйвером развития экономики и общества. Уже в первых десятилетиях XXI в. стало очевидным, что экономический успех как для отдельных стран, так и на индивидуальном уровне все больше и больше будет зависеть от человеческого капитала – наших знаний, способности обучаться, талантов и умений [1. Р. 2].

Сегодня в отечественном исследовательском поле сформировалось понимание, что человеческий капитал, понимаемый как знания, умения и установки, позволяющие человеку создавать доход и другие полезные эффекты, превосходящие первоначальные инвестиции и текущие затраты, для себя, работодателя и для общества в целом, в первую очередь, формируется системой образования, вклад других факторов (здравоохранение, миграция, система исследований, культура) существенно меньше [2. С. 6].

Вместе с тем сложно отрицать, что система высшего образования как институция сегодня переживает серьезную трансформацию, возможно, самую значительную за время своего многовекового существования. Здесь можно перечислить и влияние краха устоявшихся экономических и политических структур бывшего Советского Союза наряду с Центральной и Восточной Европой, и политические революции, и нестабильность Африки, и бурное экономическое раз-

витие в Индии и Китае, и демографическое давление в Латинской Америке [3. Р. 10]. Одновременно галопирующими темпами идут процессы массовизации высшего образования. По имеющимся оценкам, за период с 1970 по 1990 г. число студентов высших учебных заведений всего мира выросло более чем вдвое, увеличившись с 28 до 69 млн человек. В 2002 г. число студентов достигло 122 млн. По прогнозам ЮНЕСКО, численность студентов в мире в 2025 г. составит 150 млн человек [4. С. 92]. При этом нарастание как глобальной кооперации, так и глобальной конкуренции между университетами и странами, становление и развитие экономики знаний делают высшее образование областью значительных частных и государственных инвестиций. Так, в одной из самых динамично развивающихся экономик мира – Китае, давно осознали взаимосвязь между качеством высшего образования и конкурентоспособностью в глобальной экономике знаний [5. С. 49], направляя значительные инвестиции на развитие университетов мирового класса. Однако и другие ведущие страны активно развивают собственные программы повышения конкурентоспособности высшего образования. Так, только за последние 19 лет ведущие мировые страны – Китай, Германия, Франция, Россия и другие – инвестировали или планируют инвестировать в различные программы повышения конкурентоспособности университетов не менее 75 млрд долларов, а получили такое финансирование более 470 вузов.

Таблица 1

Основные мировые программы повышения конкурентоспособности высшего образования, реализуемые в XXI в.¹

Страна	Названия реализованных проектов	Годы реализации проектов	Финансирование программ за все годы, млрд долл.	Вузы участники программ
Германия	Академическое превосходство Стратегия академического превосходства	2006–2017	4,6	45
		2018–2025	3,1	15
Индия	Проект повышения качества высшего образования	2015–2021	0,43	15
Китай	Проекты 211 и 985 Удвоение университетов мирового класса	1995–2017	15,5	156
		2017–2030	33	42
Россия	Проект «5–100»	2013–2020	1,5	21

Страна	Названия реализованных проектов	Годы реализации проектов	Финансирование программ за все годы, млрд долл.	Вузы участники программ
Тайвань	Университеты и исследовательские центры мирового класса	2005–2017	1,7	11
	Университеты мирового класса	2011–2017	0,33	12
Франция	«Суперкампусы» университетов мирового уровня Plan Campus & IDEX	2008–2010	15	10
Южная Корея	Корея 21	1999–2012	3,5	67
	Университеты мирового класса	2008–2013	1,5	33
	Корея 21+	2013–2019	2,0	67

В то же время очевидно, что в самой сфере высшего образования, несмотря на критическую важность материально-технических и финансовых ресурсов (инфраструктуры кампуса, оснащения лабораторий, размера финансового обеспечения и др.), уровень конкурентоспособности университета определяется в первую очередь тем, какие профессора и академический персонал в нем работают, насколько качественно выстроена система управления и менеджмент, насколько системно сформирована и реализуется кадровая политика по наращиванию человеческого капитала университета. Как справедливо отмечают исследователи высшего образования – академическая профессия – ядро университета. Без квалифицированных, хорошо образованных, увлеченных своим делом сотрудников ни один университет не может работать успешно [6. С. 489]. В западной практике человеческий капитал университета, под которым в первую очередь следует понимать профессорско-преподавательский состав, давно признается стратегическим активом, обладающим критической важностью [7. Р. 18]. В отечественной практике ситуация складывается не столь однозначно. С одной стороны, человеческий капитал наряду с финансовыми ресурсами признается одним из наиболее важных для управления конкурентоспособностью университета источников, что подтверждает тезис об определяющей роли качественного человеческого капитала в обеспечении конкурентоспособности университета. С другой стороны, по подавляющему большинству экспертных оценок, эффективность управления человеческими ресурсами в отечественных университетах находится на «низком» и «ниже среднего» уровнях [8. С. 8].

Именно поэтому в последние годы значительное количество исследователей в своих работах ставили вопросы об эффективности управления человеческим капиталом вузов. Предлагаются различные подходы и решения. Обосновывается использование различных систем интегральных показателей, характеризующих развитие человеческого капитала [9. С. 426]. Проработаны вопросы внедрения моделей компетентностного подхода в качестве инструмента для профессиональной и личностной оценки университетских преподавателей в контексте повышения качества высшего образования [10. С. 164], оговаривая, впрочем, всю сложность этой задачи и невозможность построения идеальной модели, а тем более использование ее как жесткой системы, замыкающейся в конечный перечень [11. С. 37]. Отдельные исследователи, глубоко погружаясь в проблематику человеческого капитала

университетов, особое внимание уделяют мотивационным паттернам профессуры, подтверждая высокую актуальность для российской научной политики проблемы реализации исследовательского, потенциала и создания и поддержания личной репутации ученых [12. С. 54]. Ряд исследователей прямо делают вывод о необходимости при решении задачи повышения конкурентоспособности университета в мировом научно-образовательном пространстве акцентировать внимание на повышение качества профессионально-личностного потенциала персонала высшей школы [13. С. 26.]

Все это, безусловно, подтверждает как крайне высокое значение проблематики человеческого капитала для современных университетов, так и то, что в текущем дискурсе еще не сложился окончательный консенсус по вопросу дизайна эффективной кадровой политики университетов и набора организационных решений, связанных с внедрением эффективных инструментов: рекрутинга, развития, мотивации и повышения вовлеченности ключевого персонала отечественных университетов.

Сегодня на фоне нарастания глобальной конкуренции университетских центров за ключевые ресурсы – талантливых профессоров и исследователей, студентов и проектное финансирование из реального сектора экономики, а также учитывая трансляцию этих процессов в отечественное научно-образовательное поле, требуется выработка эффективных, в достаточной мере универсальных, подходов к кадровой политике университетов. Ключевая цель – существенно повысить качество человеческого капитала в максимально короткий срок.

При этом необходимо помнить, что современная ситуация, для отечественного высшего образования – далеко не первая точка трансформации как самих университетов, так и подходов к управлению человеческими ресурсами, положению и роли университетских исследователей и преподавателей в частности. Следовательно, для выработки рекомендаций по построению эффективной кадровой политики для обеспечения повышения конкурентоспособности университета нам необходимо не только учитывать лучшие практики из зарубежного академического мира и, возможно, других секторов экономики, но и обратиться к краткому историческому обзору подходов к реализации кадровой политики в отечественных университетах на протяжении бурного XX в. и не менее богатого на события начала века XXI.

Кадровая политика в дореволюционных российских университетах

В отличие от нашего времени, в дореволюционной России высшие учебные заведения, и тем более университеты, были не столь многочисленны. В начале XX в. на 130-миллионную Империю приходилось всего десяток университетов и полсотни прочих казенных высших учебных заведений. В этих условиях университетский профессор был «штучным товаром».

Отличительной чертой российской высшей школы последних трех десятилетий имперского периода было широкое распространение института приват-доцентуры, категории преподавателей (чаще всего начинающих), не входящих в штат университета, из которого, как правило, черпались кадры для замещения освобождавшихся кафедр.

Одним из центральных аспектов университетской жизни оставался вопрос о принципе замещения преподавательских должностей. На протяжении XIX в. этот вопрос решался по-разному, отражая различные периоды университетской истории. Волнообразная смена университетских уставов 1804, 1835, 1863, 1884 гг. сопровождалась то усилением выборного начала (по уставам 1804 и 1863 гг.), то утверждением принципа централизованного назначения профессоров на должности (по уставам 1835 и 1884 гг.).

Последний в дореволюционной истории университетский Устав 1884 г. предусматривал два равнозначных варианта замещения вакантной должности профессора: либо непосредственное назначение распоряжением министра, либо избрание кандидата Советом университета с последующим утверждением министерством народного просвещения; причем какой из двух возможных путей избрать, решал сам министр [14. С. 36].

Порядок, установленный Уставом, действовал без изменений 20 лет. Но в разгар Первой русской революции «Временными правилами» 27 августа 1905 г. был установлен запрет на практику прямого назначения, что, однако, не отменяло необходимости утверждения избранных Советом профессоров [15. С. 658].

Впрочем, такое послабление действовало недолго, поскольку нового устава, который бы закрепил данную норму, так и не появилось, с изменением политической ситуации министерство смогло при необходимости кадровых перестановок в университетах апеллировать не к «Временным правилам», а к общим для чиновников принципам, которые предполагали право министра по своему усмотрению уволить или переместить любое лицо и без его согласия [16. С. 84]. Поэтому в межреволюционный период непосредственное назначение профессоров решением министерства стало достаточно распространенным явлением. Практика перемещения профессоров между университетами без учета их желаний связана преимущественно с периодом министерства Л.А. Кассо (1910–1914 гг.). Так, в эти годы только в Санкт-Петербургский университет в качестве профессоров были назначены: из Новороссийского университета – В.М. Грибовский, С.П. Никонов, И.И. Чистяков; из Харьковского университета – П.П. Мигулин, из Университета Свитого

Владимира – А.А. Жилин, В.А. Удинцев; из Юрьевского университета – А.С. Яценко, В.Ф. фон Зелер [17. С. 218, 221].

8 апреля 1906 г. было разрешено избрание как путем объявления конкурса, так и по рекомендации членов факультета (без объявления открытого конкурса). Теперь при открытии вакансии университет мог ходатайствовать перед министерством об инициировании выборных процедур по тому или иному сценарию. Новая процедура предполагала право каждого члена факультета назвать кандидата на вакантную должность. Главным преимуществом новой системы министерству виделась скорость выборной процедуры.

Что касается требований к кандидатам на занятие профессорских должностей, то согласно весьма категорично звучащей 99-й статье Устава 1884 г. «никто не может быть профессором, не имея степени доктора» [14. С. 36]. Однако на протяжении десятилетий в каждом университете служили десятки профессоров, имевших только одну из двух, магистерскую, степень. Выход из противоречия Уставу был найден в назначении лиц, не имевших докторской степени «исправлявшими должность» профессоров: лицам, имевшим степень магистра, было дозволено становиться и.д. экстраординарных профессоров при условии дачи обязательства защиты докторской диссертации в 3-летний срок. При этом лица, исправлявшие должность профессора, имели равные права с профессорами в вопросе членства в совете, оклада, выслуги пенсии. По состоянию на 1915 г. порядка 30% всех профессорских должностей в университетах Российской империи были заняты и.д. экстраординарных или ординарных профессоров, имеющими степень магистра [18. Л. 33].

Встает вопрос о степени конкуренции среди отечественных преподавателей и ученых за штатные должности в российских университетах. Анализ многочисленных выборных процедур приводит к выводу о том, что редкие выборы кандидата на вакантную университетскую кафедру обходились без конкуренции, как минимум между двумя-тремя лицами.

Вопрос замещения преподавательских должностей в рассматриваемый период был тесно сопряжен с проблемой раскола университетских советов на враждебные группировки, с чем была связана практика «голосования по партиям». Рекомендованный к избранию факультетским советом претендент мог быть забаллотирован на уровне университетского совета, а избранный на университетском совете профессор мог не получить утверждения в министерстве.

Вместе с тем знакомство с многочисленными биографиями университетских профессоров позволяет прийти к выводу о том, что в период действия последнего университетского устава (1884–1917 гг.), допускавшего прямое назначение преподавателей на вакантные должности, правом этим министерство народного просвещения пользовалось не так уж и часто, а имевшие порой место случаи игнорирования мнения советов при определении нового члена факультета зачастую воспринимались университетской общественностью как из ряда вон выходящие действия министерства и покушение на их права. Такое

внимательное отношение профессуры к «кадровым вопросам» вполне объяснимо. Процедура замещения вакантных должностей играла роль пропуска в университетскую преподавательскую корпорацию и ее члены желали во что бы то ни стало сохранять в своих руках контроль за «входными дверями» в академический мир, что им в основном удавалось.

Краткая характеристика парадигмы развития кадровой политики высшей школы в советский период

Советский период характеризуется резкой сменой социальной роли дореволюционной профессуры на фоне серьезной трансформации кадровой политики университетов. С одной стороны, произошло достаточно резкое разделение на «старые» и «новые» кадры. Первое послереволюционное десятилетие продемонстрировало стремление к радикальному изменению в социальном составе высшей школы, которое осуществлялось в том числе путем реализации партийно-классового принципа набора преподавательских кадров.

Новая власть, преследуя цели пролетаризации профессорского состава, активно меняла кадровую политику, радикально трансформируя парадигму классического университетского образования: закрытие традиционных социально-гуманитарных факультетов (историко-филологический, юридический и пр.), создание факультетов общественных наук, рабочих факультетов, институционализация высшей школы (организация узкопрофильных высших учебных заведений) и пр.

Стоит выделить несколько ключевых практик развития кадровой политики в советский период:

1. Раскол на «старую» и «новую» профессуру. Базовым компонентом образовательных реформ в первое послереволюционное десятилетие было радикальное изменение в социальном составе высшей школы, которое осуществлялось в том числе путем реализации партийно-классового принципа набора преподавательских кадров. Один из авторов реформ, М.Н. Покровский считал, что необходимо «изменить профессорский состав, разбив его кастовый характер и деление на привилегированные группы» [19]. На достижение этой цели должен был работать слом старой системы научной аттестации, включая ученые звания, степени, систему комплектования вузовских штатов. Стоит выделить несколько реализованных практик обновления социального состава профессорско-преподавательского корпуса:

А. Всероссийский конкурс на преподавательские должности. С 1918 г. преподавательские штаты вузов должны были пополняться посредством всероссийских конкурсов. Однако результаты первых выборов принесли победу старым кадрам [20].

Б. «Выдвиженчество», отмена ученых степеней и званий (видимо, долженствующие разрушить барьеры между категориями преподавателей). Термин «выдвиженчество» появился в советском лексиконе в годы Гражданской войны и употреблялся по отношению к рабочим и крестьянам, выдвигаемым на руководящую работу в профсоюзный, хозяйственный, ко-

оперативный аппарат [21. Л. 12.]. Впоследствии Государственным ученым советом (руководящий научно-методический орган Наркомпроса РСФСР) был введен институт студентов-выдвиженцев. Выдвиженцам предоставлялись преимущества перед другими студентами в пользовании библиотекой, приборами и аппаратурой, в прохождении производственной практики на хорошо оборудованных предприятиях, в обеспечении жильем. Студентам-выдвиженцам должны были выплачивать особую стипендию. Прием в аспирантуру осуществлялся в первую очередь из числа выдвиженцев. Однако по причине необходимости совмещения образовательной деятельности с дополнительной нагрузкой многие студенты отказывались от предложений стать выдвиженцами.

2. Приглашение специалистов из столичных вузов страны. Стремясь обеспечить необходимый уровень преподавания, ректоры региональных университетов приглашали специалистов из столичных университетов. Так, например, ректор ТГУ Я.Д. Горлачев в 1947 г. обратился в Министерство высшего образования СССР с просьбой распределить в ТГУ выпускников аспирантуры вузов Москвы и Ленинграда, а также направить на работу в университет преподавателей других вузов, имевших ученые степени и звания. В 1948–1951 гг. министерством были направлены в ТГУ профессора И.М. Разгон и Л.Д. Тарасов, а также 3 доцента, кандидаты наук (по специальностям «гражданское право», «метеорология», «история ВКП(б)»), 5 кандидатов, не имевших ученого звания, и три преподавателя, не имевших ученой степени и звания. Тем не менее этого количества оказалось явно недостаточно [22. С. 42].

3. Прикомандирование научных работников вузов в докторантуру АН СССР. После окончания войны ощущался острый недостаток докторов наук, особенно в провинциальных вузах. Подготовку их взяли на себя академические институты Москвы и Ленинграда. 4 ноября 1947 г. Совет министров СССР принял постановление, которым предусматривался порядок прикомандирования научных работников в докторантуру АН СССР на срок до двух лет наиболее перспективных работников вузов и научных учреждений для подготовки и защиты докторских диссертаций. Им упорядочивалась существовавшая в стране с 1930-х гг. докторантура и стимулировался рост кадров высшей квалификации [23. С. 64–65].

4. Институт старших и младших научных сотрудников. Новый этап в развитии системы подготовки кадров высшей квалификации начался с момента принятия Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 августа 1956 г. «О мерах по улучшению подготовки и аттестации научных и научно-педагогических кадров» [24. С. 284–286]. Им отменялась докторантура как не отвечающая требованиям подготовки кадров высшей квалификации. Ключевые характеристики института старших и младших научных сотрудников: освобождение от педагогической нагрузки на срок до двух лет преподавателей вузов, имеющих серьезные научные результаты, для завершения докторских диссертаций; возраст претендентов на занятие позиций научных сотрудников – не старше 45 лет; решение о переводе сотрудника на эту должность при-

нимал ректор вуза в пределах выделенных вузу квот; на должности старших научных сотрудников переводились кандидаты наук, имевшие ученое звание доцента, а если таковых они не имели, то переводились на должности младших научных сотрудников; младшим и старшим научным сотрудникам выплачивалась заработная плата в соответствии с окладами, установленными для научно-исследовательских работников вузовского института; запрещалась работа по совместительству. Преподаватель, переведенный на должность старшего научного сотрудника, по истечении года работы должен был доложить о результатах своей работы совету вуза, который принимал решение об оставлении или снятии с должности [22. С. 58].

В то же время после ряда социальных экспериментов именно в период до конца 1930-х гг. в основных чертах была сформирована система подготовки и аттестации научно-педагогических кадров и в целом кадровой политики отечественных вузов, с небольшими нюансами существующая, по сути, в большинстве университетов до настоящего времени [25]:

- введена единая штатная система, установлены должности профессора, доцента и ассистента;

- восстановлены «на новой, существенно отличной от дореволюционной» основе ученые степени кандидата и доктора наук (постановления СНК СССР об ученых степенях и званиях (в 1934 и 1937 гг.) и об аспирантуре (1939 г.));

- введены ученые звания доцента и профессора;

- сделан акцент на научной работе в вузах (Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой» (1936)): «без научно-исследовательской работы не может осуществляться высшими учебными заведениями подготовка специалистов на уровне требований современной науки и немыслима подготовка научно-преподавательских кадров и повышение их квалификации».

Последний пункт нуждается в прояснении, поскольку декларированный на уровне правительства подход о приоритете научно-исследовательской деятельности сотрудников высшей школы в практической деятельности вузов реализовывался лишь отчасти. Следует отметить, что «большая» наука в этот период преимущественно концентрировалась в структурах Академии наук, которая являлась головным исполнителем и координатором большинства крупных научно-технологических проектов и программ, которые курировались государственным комитетом по науке и технике (ГКНТ) СССР. Вузы преимущественно выступали исполнителями или соисполнителями в программах ГКНТ, АН СССР, а также отраслевых министерств и ведомств. Во многом второстепенная роль вузов отражалась на темпах научно-исследовательской деятельности их сотрудников. Так, например, в марте 1963 г. министр высшего и среднего специального образования СССР В.П. Елютин, выступая на Всероссийском совещании ректоров и актива вузов России, привел пример снятия с заведующего кафедрой Рязанского радиотехнического института звания доцента за то, что он не занимался научной работой, пообещав, что такая практика «бу-

дет делаться» [26. С. 66]. В большинстве советских вузов наука в университетах, особенно региональных, носила подчиненный по отношению к образовательной функции характер.

Кадровая политика организаций высшего образования и науки СССР реализовывалась в институциональной среде, имевшей четыре рамки: университеты и институты под управлением Министерства образования, отраслевые вузы различных ведомств, академические институты Академии наук, а также НИИ, НИПИ и прочие институты, обслуживающие интересы отдельных отраслей, крупных производственных объединений и заводов. Надо признать, что эта рамка оказалась настолько устойчивой и инерционно мощной, что продолжила существовать и после распада СССР, во многом сохраняя свои черты в настоящем научно-образовательном ландшафте страны.

Краткая характеристика парадигмы развития кадровой политики высшей школы в постсоветский период (1990–2010 гг.)

Тектонические сдвиги в обществе на рубеже 90-х гг. XX в., распад СССР и временное ослабление централизованной модели управления высшей школой России характеризовались адаптацией традиционных вузов к новой экономической реальности и рыночной модели экономики, а также дефицитом необходимых ресурсов и конкуренцией со стороны активно развивающихся коммерческих вузов различного типа. При этом качеству человеческого капитала отечественной высшей школы было нанесено несколько сильных ударов, последствия которых во многом ощущаются и в настоящее время, являясь серьезным вызовом для развития конкурентоспособных университетов.

1. Несмотря на то что на сегодняшний момент нет абсолютно достоверных данных о количестве покинувших постсоветское пространство ученых после распада СССР, основываясь на данных миграционного учета МВД, возможно установить, что в период с 1992 по 2008 г. Россию навсегда покинули 67 833 человека, позиционирующих себя как работников сферы науки и образования. Несмотря на то что на основании данных официальной статистики количественно потери российской науки от «утечки мозгов» за последние 15 лет, казалось бы, не слишком катастрофическими и составили не более 2% от общего количества остепененных российских ученых [27. С. 88]. Однако очевидно, что прямая корреляция между количеством покинувших страну и влиянием этого количества на реальное состояние дел в науке и образовании, невозможна. Действительно, если университет покидает 1 из 100 профессоров, например, в области STEM, формально это всего 1% потерь кадрового потенциала. Однако если это 1 из 10 ученых на весь университет, ведущих исследования на мировом уровне (а эта ситуация, особенно для региональных университетов отнюдь не фантастическая), – положение становится катастрофическим. Так, бывший СССР покинули около 40% физиков-теоретиков и более 10% физиков-экспериментаторов, а также 70–80% математиков мирового уровня [28. С. 18].

К сожалению, сравнительных исследований, содержащих исчерпывающую информацию о качественной и количественной «утечке мозгов» в 1990–2000-е гг., в настоящее время нет. Более того, в структуре научной миграции крайне слабо оценивается влияние на отечественные университеты миграции «франких талантов», когда за рубеж выезжают молодые и талантливые студенты, магистранты и аспиранты и остаются там работать на значительный срок, если не навсегда.

Необходимо отметить, что, с одной стороны, массовый отток талантов за рубеж (требующий дальнейшего изучения и уточнения), безусловно, нанес существенный урон отечественной науке и образованию, особенно на этапе раннего постсоветского периода. С другой стороны, научная иммиграция в ряде случаев позволила подойти к этой проблеме с позиции «синергии», способствующей повышению качества человеческого капитала в университетах, за счет установления связей с зарубежными коллегами и роста качества собственных исследований и образовательных программ путем привлечения в родные стены коллег постоянно проживающих и работающих за рубежом. Фактически в период 1990–2010-х гг. институциональные барьеры и пресловутый «железный занавес» между отечественным образованием и наукой и международным научно-образовательным полем были уничтожены и оказались ограничены только финансовыми возможностями отдельных университетов, научных групп и профессоров. Надо сказать, что именно в этот момент была заложена сегментация отечественной науки и образования на национально- и интернационально-ориентированные группы [29. С. 482], которые в последующем очевидно повлияли на структуру и стратегию кадровых политик соответствующих организаций.

2. Вторым мощным ударом, который получили университеты в этот период, явилось радикальное сокращение финансирования научно-образовательных учреждений. Помимо понятного комплекса проблем с материальной базой, лабораторным оборудованием, состоянием инфраструктуры, возможностью поддерживать необходимый уровень мотивации (прежде всего материальной) персонала и прочих сопутствующих проблем, данная ситуация привела к эффекту «вымывания» наиболее активной части академического персонала, в том числе находящейся в начале своей академической карьеры, в бизнес, политику, государственные структуры и различные сферы предпринимательства. Именно в этот период было заложено основание для актуального на сегодня риска – демографического дисбаланса высшей школы. Если в 1988 г. доля штатных преподавателей вузов в возрасте от 30 до 49 лет составляла 65,1%, а группа 50–65-летних и старше составляла 25,3%, то уже в 1998 году аналогичные показатели превратились в 45% доли штатных преподавателей вузов в возрасте от 30 до 49 лет и 44,2% для группы 50–65-летних и старше. На 2014 г., доля штатных преподавателей вузов в возрасте старше 50 лет составила 48% [30. С. 48.]. Сегодня средний возраст преподавателя в российском университете составляет 48,7 лет, а в технических вузах – даже 53 года, что заставляет задумываться о мерах «умного» омоложения кадрового состава, реализации программ преемствен-

ности и наставничества и привлечении в область науки и образования молодых талантов.

3. Период характеризуется просуществовавшим до 2010-х гг. реальным ростом уровня самостоятельности академического самоуправления в вузах и возможностями для широкого, зачастую не вполне контролируемого со стороны государства открытия новых платных образовательных программ и услуг, открытия филиалов, развития заочного платного образования и привлечения максимально широкого спектра источников финансирования, необходимых для выживания вузов. Особенно ярко этот процесс был представлен в регионах и продолжался вплоть до начала нового витка институциональных реформ.

Как следствие, кадровая политика в университетах в этот период характеризовалась скорее стихийным развитием и широкой степенью свобод и автономии органов университетского самоуправления (ученые советы), а также отдельных подразделений (факультеты, институты и кафедры). В то же время ряд университетов начинают первые предпринимать системные шаги по выстраиванию систем управления человеческим капиталом, развитию кадровых резервов и формированию управленческих команд. Выработывается понимание, что кадровая политика любого высшего учебного заведения должна быть направлена на формирование такой системы работы с персоналом, которая ориентировалась бы на получение как социального, так и экономического эффекта [31. С. 57]. В конечном счете, именно в этот период, в рамках 2006–2010 гг., начался новый виток целенаправленной трансформации высшего образования, включая системную смену самой парадигмы существования университета и его «академического населения» от трансляторов знаний к их производству, от менторской модели преподавания к партнерской, от периферийной научной работы в одной предметной области к многовекторным мультидисциплинарным и все чаще интернациональным или межрегиональным научным коллективам. Это движение породило в обществе и университетской среде ожесточенные споры и конфликты, одновременно сформировав новый класс вызовов, который заставил отечественные университеты искать и внедрять новые формы работы с человеческим капиталом.

Вызовы современности. 2010-е гг. – настоящее время

Этот период стоит охарактеризовать как время реализации глобального проекта трансформации образования, имеющего, по замыслу его идеологов, конечной целью встраивание России в международную повестку развития высшего образования и занятие ведущей роли в глобальном образовательном пространстве в перспективе следующих 10–30 лет [32].

Безусловно, такая трансформация потребовала и требует от университетов и их руководителей, включившихся в новые правила игры как минимум пяти институциональных изменений, в первую очередь связанных с реализацией кадровой политики нового типа:

1. Университетский менеджмент нового типа, способный одинаково свободно говорить на академиче-

ском языке и языке бизнеса, ориентированный на реализацию стратегических изменений в условиях высокой неопределенности и риска.

2. Открытая кадровая политика, ориентированная на массовое привлечение лучших профессоров с одновременным, пусть и крайне болезненным, процессом оптимизации устаревших программ обучения и исследовательских направлений. Внедрение новых технологий образования.

3. Проактивная трансформация корпоративной культуры университета с целью обеспечения вовлеченности академического персонала в постоянный диалог и процессы изменений.

4. Построение системы выявления и развития талантов в противовес «кадровой работе». Адаптация и применение лучших практик в области управления персоналом в реалиях университетов. Построение непрерывной системы развития компетенций НПП от самого раннего вхождения в университет и на протяжении всей академической карьеры.

5. Переосмысление места и роли академической профессии в современной России – формирование образа университета как «места работы – XXI века» за счет развития инфраструктуры и наращивания возможностей для мотивации персонала. Трансформация роли «профессора».

Сегодня, по экспертным оценкам, не менее 30–40 университетов с разной степенью глубины проходят такую трансформацию, что особенно заметно на примере лидеров, получающих существенное финансирование в рамках программы повышения конкурентоспособности (программа повышения международной конкурентоспособности российских университетов, проект «5–100»). Последние 7 лет трансформация ведущих отечественных университетов проходит на фоне неутрачивающих дискуссии о новой роли университета в жизни общества. Пожалуй, ключевой на сегодня вопрос – что есть эта институция: хранитель традиций, точка социализации и обеспечения карьерных лифтов, место создания новых знаний или организация, оказывающая образовательную услугу, должностная мыслить себя в категориях рынка, услуги, внешнего и внутреннего клиента, быть построенной на коммерческих принципах управления? Каким бы ни был в итоге ответ, а авторы уверены, что

простого и однозначного ответа на эти вопросы не существует, он потребует серьезного, возможно радикального изменения академической корпоративной культуры и, как следствие, существенной трансформации кадровой политики.

Представляется, что сегодня этот вопрос сложно назвать находящимся хоть в какой-то близости к решению, не случайно исследователи корпоративной культуры вполне успешных университетов диагностируют разрыв между тремя группами университетского сообщества, указывая, что преподаватели, студенты и административно-управленческий состав мыслят его (университет) как закрытую общность без учета партнеров, клиентов, разных категорий участников университетского сообщества [33. С. 91].

Показательно, что при этом сами исследователи не всегда принимают во внимание тот факт, что сегодня университетское сообщество не должно, да, пожалуй, и не может существовать без учета влияния четвертой группы, которую, возможно условно назвать «бенефициары университета» и в которую необходимо включить: активно влияющих на университет стейкхолдеров (члены попечительских, наблюдательных советов), домохозяйства, компании-инвесторы, заинтересованные как в НИОКР университетов, так и в качестве их основной «продукции» – выпускников.

Таким образом, анализируя различные исторические подходы к реализации кадровой политики в области высшей школы в разные периоды отечественной истории за последние 100 лет, мы делаем вывод, что в современных условиях, определяющим фактором обеспечения конкурентоспособности отечественного высшего образования является человеческий капитал, наращивание которого возможно только через реализацию комплексной кадровой политики, осуществляемой на двух институциональных уровнях: Уровень 1 – «Федеральный», Уровень 2 – «Университетский». Каждый из этих уровней требует детальной проработки и самого широкого профессионального и общественного обсуждения.

Таблица 2 содержит сравнительно-исторический анализ и перспективы развития кадровой политики в отношении профессорского корпуса как ключевого элемента университетской корпорации.

Таблица 2

Сравнительно-исторический анализ и перспективы развития кадровой политики в отношении профессорского корпуса как ключевого элемента университетской корпорации

Ключевые индикаторы кадровой политики	Последняя четверть XIX в. – 1917 г. (дореволюционный период)	1920–1990-е гг. (советский период)	1990–2000-е гг. (ранний постсоветский период)	Новые практики настоящего времени 2013–2019 гг.	Предложения авторов по развитию направлений кадровой политики
Условия найма (конкурс, тип контракта)	Сосуществование системы выборов и назначения преподавателей	Формальный всесоюзный конкурс	Формальный Конкурс, 5-летние контракты	В ряде университетов внедряются политики «коротких» контрактов. Все чаще декларируются открытые конкурсы на позиции профессоров с реальным конкурсом в два и более человека на место	Ежегодное выделение на условиях конкурса квот на профессорские позиции в университетах на условиях постоянного «пожизненного» контракта с гарантированным и значительным ежемесячным доходом
Политика	Высокая степень	В большинстве	В большинстве	Ведущие универси-	Государственная программа,

рекрутинга	академической мобильности внутри системы российской высшей школы. Привлечение в университеты иностранных ученых – нередкое явления для XVIII в., но менее распространенное в XIX – начале XX в.	университетов процветает инбридинг (за исключением чрезвычайных периодов: революция, Великая Отечественная война). Ограниченные возможности привлечения профессоров из-за рубежа, фактически невозможно (незначительные исключения в 1920–1930-е гг.)	университетов процветает инбридинг. Привлечение профессоров из-за рубежа – крайне редкая практика	теты активно запускают программы привлечения профессоров из других университетов и регионов. В университетах участниках проекта «5–100» развивается международный рекрутинг	на перспективу до 2025 г., направленная на возвращение и реинтеграцию соотечественников, ведущих ученых и профессоров работающих или получивших образование за рубежом. На условиях гарантированных постоянных контрактов
Профессура (требования, статус)	Формальные Требования к должности, включая наличие степени доктора наук. Широкая практика обхождения этого требования через категорию «исполняющих должность»	С 1930-х гг. формальные требования к должности, включая наличие степени доктора наук	Формальные требования к должности, включая наличие степени доктора наук	Обязательное занятие научной деятельностью, при условии соответствия стандартам университета по исследованиям, докторская степень перестает быть обязательным атрибутом профессора	Внедрение в номенклатуру академических должностей позиций «индустриальные профессора» и / или «профессора практики»; людей, не обладающих академическими степенями, но имеющих значительный производственный и / или бизнес-опыт, позволяющий им быть официально принятыми на позиции профессоров в университеты
Кадровый резерв	Формируется внутри университетской системы через институты профессорских стипендиатов и приват-доцентуры	Формируется внутри университетской системы через институты аспирантуры и докторантуры (институт старших научных сотрудников)	Формируется в ряде университетов	Кадровые резервы являются «обязательным условием» конкурентоспособного университета. Появляется плеяда программ кадрового резерва «Новые профессора», «Будущие профессора» и т.п.	Создание в регионах (или в масштабах ряда регионов) «корпоративных структур» и / или целевых программ по комплексному развитию НПП на основе лучших мировых стандартов в области образования, исследований и разработок и практик управления на основе утвержденных моделей компетенций

В заключение отметим, что основным фокусом отечественной высшей школы на текущий момент является решение поставленной 7 мая 2019 г. в Указе Президента, определяющем национальные цели развития страны до 2024 г., задачи создания не менее 15 научно-образовательных центров мирового уровня на основе интеграции университетов и научных организаций и их кооперации с организациями, действующими в реальном секторе экономики. Решение этой задачи призвано обеспечить присутствие РФ в числе пяти ведущих стран мира, осуществляющих научные исследования и разработки в областях, определяемых приоритетами научно-технологического развития, а также обеспечить опережающее увеличение внутренних затрат на научные исследования и разработки за счет всех источников по сравнению с ростом валового внутреннего продукта страны.

Безусловно, что решение этой задачи абсолютно невозможно без вовлечения в нее университетов как организационных структур нового типа – выступающих операторами индивидуальных траекторий развития людей и сообществ, площадкой пересечения и реализации идей, проектов, исследований. Новые университеты видятся структурами, функционирующими как «фабрика интеллектуальных результатов» на принципах ERAITE.

То есть как структура, обеспечивающая консолидацию и синергию разработок мирового уровня в пяти областях: Education, Research, Innovation, Technology, Entrepreneurship. Возможен ли такой результат без глубочайшей трансформации кадровой политики университета и самой сущности современной академической профессии в России – вопрос риторический.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ По данным из открытых источников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Brian K. OECD Insights Human Capital How what you know shapes your life: How what you know shapes your life. OECD Publishing, 2007. 150 p.
2. Кузьминов Я.И., Фруммин И.Д. Двенадцать решений для нового образования. Экспертно-аналитический доклад. М. : НИУ ВШЭ, 2018. 105 с.
3. Barnett Ronald. The future University. Ideas and Possibilities. Routledge. 2011. 233 p.
4. К обществам знания. Всемирный доклад ЮНЕСКО. Париж : ЮНЕСКО, 2005. 239 с.
5. Кроу М., Дэбарс У. Модель нового Американского университета. М. : ВШЭ, 2017. 440 с.
6. Альбах Ф. Глобальные перспективы высшего образования. М. : Изд. Дом ВШЭ, 2018. 552 с.
7. Strike T., Taylor J. The Career Perceptions of Academic Staff and Human Resource Discourses in English Higher 8 // Education, Higher Education Quarterly. 2009. Vol. 63, is. 2. P. 177–195.

8. Латышев А. С., Похолков Ю. П., Червач М. Ю., Шадская А. Н. Управление конкурентоспособностью современного Российского университета, состояние, вызовы и ответы // Университетское управление: практика и анализ. 2017. Т. 21, № 5 (111). С. 6–16.
9. Алексеева И. А., Гильдингерш М. Г. Эффективность управления человеческим капиталом на примере технических вузов Санкт-Петербурга // Записки Горного института. 2018. № 232. С. 421–427.
10. Дульзон А. А., Васильева О. М. Разработка модели компетенций преподавателя вуза // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 3 (15). С. 163–168.
11. Дульзон А. А., Васильева О. М. Модель компетенций преподавателя вуза // Университетское управление: практика и анализ. 2009. № 2 (60). С. 29–37.
12. Шматко Н., Волкова Г. Служба или служение? Мотивационные паттерны российских ученых // Форсайт. 2017. Т. 11, № 2. С. 54–66.
13. Бугров Д. В., Пономарева О. Я., Федорова А. Э. Концептуальные вопросы развития кадрового потенциала университета // Университетское управление: практика и анализ. 2016. № 1. С. 17–29.
14. Общий устав и временный штат Императорских российских университетов, а также расписание должностей и окладов содержания по инспекции в университетах. СПб., 1884. 63 с.
15. Полное собрание законов Российской империи: Собрание 3-е. Т. XXV. Отделение I. СПб., 1908. 966 с.
16. Свод законов Российской империи. СПб., 1876. Т. III. 752 с.
17. Беляева О. М. Академическое сообщество Петербургского университета в ректорство Э. Д. Гримма. Конфликты в профессорской среде // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2011. № 34. С. 215–235.
18. Государственный архив Саратовской области. Ф. 393. Оп. 1. Д. 598.
19. Литвинов А. В. Профессорско-преподавательский корпус Томского университета (20–30-е годы XX века) : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2002. 238 с.
20. Дмитриев А. Н. Статусы знания (о социальных маркерах эволюции российского университета первой трети XX века) // Новое литературное обозрение. 2013. № 122 (4). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/122_nlo_4_2013/article/10541/ (дата обращения: 16.08.2019).
21. Государственный архив Томской области. Ф. Р-561. Оп. 1. Д. 35.
22. Петров К. В. Профессорско-преподавательский состав Томского университета: 1945 – начало 80-х гг. : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2004. 235 с.
23. Томский университет. 1880–1980. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1980. 431 с.
24. Высшая школа: Основные постановления, приказы и инструкции / сост. Е. И. Войленко, Г. Е. Дударев, В. Б. Капрукитис, С. Я. Симонов, Д. А. Троицкий. М. : Советская наука, 1957. 656 с.
25. Josephson P., Sorokin A. Physics moves to the provinces: The Siberian physics community and Soviet power, 1917–1940 // British Journal for the History of Science. 2017. № 50 (2). P. 297–327.
26. Машковская Т. О. Федеральные и региональные особенности развития российской науки (середина 50-х – 90-е годы). Кемерово, 1998. 197 с.
27. Латова Н. В. «Утечка умов» в системе институтов воспроизводства человеческого капитала современной России // Journal of institutional studies (Журнал институциональных исследований). 2011. Vol. 3, № 3. С. 82–93.
28. Жаренова О., Кечил Н., Пахомов Е. Интеллектуальная миграция россиян. Ближнее и дальнее зарубежье. М. : Гном и Д, 2002. 128 с.
29. Соколов М., Губа К., Зименкова Т., Сафонова М., Чуйкина С. Как становятся профессорами: академические карьеры, рынки и власть в пяти странах. М. : Новое литературное обозрение, 2015. 832 с.
30. Пугач В. Ф. Возраст преподавателей в российских вузах: в чем проблема? // Высшее образование в России. 2017. № 208 (1). С. 47–55.
31. Боровиков Ю. С., Волков Ю. В., Мочалина Т. А. Оптимизация численности кадрового резерва как элемент управления кадровым потенциалом // Университетское управление: практика и анализ. 2006. С. 57–60.
32. Волков А., Ливанов Д.: Ставка на новое содержание // Ведомости. URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2012/09/03/stavka_na_novoe_soderzhanie (дата обращения: 16.08.2019).
33. Гулиус Н. С., Пак В. Д. Диагностика и изменение организационной культуры университета (Опыт Национального исследовательского государственного университета) // Вестник Томского Государственного Университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 38. С. 79–94.

Статья представлена научной редакцией «История» 30 сентября 2019 г.

The History of the Development and the Prospects of an Effective Personnel Policy of a Modern Competitive University in Russia

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 448, 150–159.

DOI: 10.17223/15617793/448/19

Alexander N. Sorokin, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: soranhist@yandex.ru

Andrei S. Latyshev, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: andrewlatyshev@gmail.com

Mikhail V. Gribovskiy, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mgrib@mail2000.ru

Keywords: human capital; personnel policy; competitiveness; competencies; Russian Empire; USSR; Russian Federation.

The article is devoted to the problem of personnel policy aimed at the development of human capital in universities. Today, the system of higher education in the world is undergoing a serious transformation of both basic processes (education, science, innovation) and approaches to the development of human capital, primarily faculty members. The best practices from the foreign academic world are often turned to build an effective personnel policy to ensure increased competitiveness of a Russian university. The practices that have been formed and applied at the domestic higher school in the field of personnel policy and the development of human capital of universities in pre-revolutionary, Soviet, and post-Soviet periods, as a rule, remain outside the analysis. The article is written on the basis of archival sources, collections of regulatory legal acts of the Russian Empire and the USSR, Russian and foreign studies on the development of higher education policies in the countries of the world and in Russia, and statistical information on academic excellence programs of higher education in foreign countries. In the personnel policy of pre-revolutionary universities, the following questions are analyzed: filling a vacant professorship, requirements for candidates for professorships, the degree of competition among Russian lecturers and scholars for full-time positions in Russian universities. It is concluded that the procedure for filling vacant posts played the role of a pass to the university teaching corporation, and its members wished at all costs to maintain control over the “entrance doors” to the academic world, which they mainly succeeded in. During the Soviet period, changes occurred in recruitment, selection, procurement, training, and certification of the academic staff of higher education. The content and consequences of universities’ human capital development during the Soviet period are analyzed: the All-Russian competition for teaching positions, “*vydvizhenchestvo*” (system of workers’ promotion to positions of authority), the invitation of specialists from the capital’s

universities of the country, the secondment of university scholars to doctoral studies at the USSR Academy of Sciences, the institution of senior and junior research workers. Special emphasis among the practices of developing universities and the human capital of universities in the post-Soviet period is placed on the analysis of the program to increase the competitiveness of Russian universities. It is proposed to formulate the modern personnel policy of the university based on the transformation of competitive universities on the principles of ERAITE (Education, Research, Innovation, Technology, Entrepreneurship).

REFERENCES

- Brian, K. (2007) *Human Capital: How what you know shapes your life*. OECD Insights. OECD Publishing.
- Kuz'minov, Ya.I. & Frumin, I.D. (2018) *Dvenadtsat' resheniy dlya novogo obrazovaniya. Ekspertno-analiticheskiy doklad* [Twelve solutions for a new education. Expert analytical report]. Moscow: HSE.
- Barnett, R. (2011) *The Future University. Ideas and Possibilities*. Routledge.
- UNESCO. (2005) *K obshchestvam znaniya. Vsemirnyy doklad YuNESKO* [Towards knowledge societies. The UNESCO World Report]. Paris: UNESCO.
- Crow, M. & Dabars, W. (2017) *Model' novogo Amerikanskogo universiteta* [Designing the New American University]. Translated from English. Moscow: HSE.
- Altbach, P.G. (2018) *Global'nye perspektivy vysshego obrazovaniya* [Trends in Global Higher Education]. Translated from English. Moscow: HSE.
- Strike, T. & Taylor, J. (2009) The Career Perceptions of Academic Staff and Human Resource Discourses in English Higher 8. *Education, Higher Education Quarterly*. 63 (2). pp. 177–195.
- Latyshev, A.S. et al. (2017) Managing Competitiveness of Contemporary Russian University: Status, Challenges and Responses. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz – University Management: Practice and Analysis*. 21:5 (111). pp. 6–16. (In Russian).
- Alekseeva, I.A. & Gil'dingersh, M.G. (2018) Efficiency of Management of Human Capital on the Example of Technical Universities of ST. Petersburg. *Zapiski Gornogo instituta*. 232. pp. 421–427. (In Russian). DOI: 10.31897/pmi.2018.4.421
- Dul'zon, A.A. & Vasil'eva, O.M. (2009) Model Designing of Competence of a Higher Education Teacher. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – The World of Science, Culture and Education*. 3 (15). pp. 163–168. (In Russian).
- Dul'zon, A.A. & Vasil'eva, O.M. (2009) Competency Model of University Teachers. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz – University Management: Practice and Analysis*. 2 (60). pp. 29–37. (In Russian).
- Shmatko, N. & Volkova, G. (2017) Service or Devotion? Motivation Patterns of Russian Researchers. *Forsayt – Foresight and STI Governance*. 11 (2). pp. 54–66. (In Russian). DOI: 10.17323/2500-2597.2017.1.54.66
- Bugrov, D.V., Ponomareva, O.Ya. & Fedorova, A.E. (2016) Conceptual aspects of developing university personnel potential. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz – University Management: Practice and Analysis*. 1. pp. 17–29. (In Russian).
- Russian Empire. (1884) *Obshchiy ustav i vremennyy shtat Imperatorskikh rossiyskikh universitetov, a takzhe raspisanie dolzhnostey i okladov sodержaniya po inspeksii v universitetakh* [The general charter and temporary staff of the Imperial Russian universities, the list of posts and salaries according to inspection data]. St. Petersburg: tip. A. Yakobsona.
- Russian Empire. (1908) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii: Sobranie 3-e* [The complete collection of laws of the Russian Empire: Collection 3]. Vol. XXV (I). St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.
- Russian Empire. (1876) *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [The Code of Laws of the Russian Empire]. Vol. 3. St. Petersburg: tip. Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii.
- Belyaeva, O.M. (2011) Akademicheskoe soobshchestvo Peterburgskogo universiteta v rektorstvo E.D. Grimma. Konflikty v professorskoy srede [The academic community of St. Petersburg University under rector E.D. Grimm. Conflicts in the professorial environment]. *Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noy istorii – Dialogue with Time. Intellectual History Review*. 34. pp. 215–235.
- State Archive of Saratov Oblast. Fund 393. List 1. File 598. (In Russian).
- Litvinov, A.V. (2002) *Professorsko-prepodavatel'skiy korpus Tomskogo universiteta (20–30-e gody XX veka)* [The faculty of Tomsk University (1920s–1930s)]. History Cand. Diss. Tomsk.
- Dmitriev, A.N. (2013) Statusy znaniya (o sotsial'nykh markerakh evolyutsii rossiyskogo universiteta pervoy treti XX veka) [Knowledge statuses (On social markers of a Russian university evolution in the first third of the 20th century)]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 122 (4). [Online] Available from: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/122_nlo_4_2013/article/10541/. (Accessed: 16.08.2019).
- State Archive of Tomsk Oblast. Fund R-561. List 1. File 35. (In Russian).
- Petrov, K.V. (2004) *Professorsko-prepodavatel'skiy sostav Tomskogo universiteta: 1945 – nachalo 80-kh gg.* [Teaching staff of Tomsk University: 1945 – early '80s.]. History Cand. Dis. Tomsk.
- Plotnikova, M.E. (ed.) (1980) *Tomskiy universitet. 1880–1980* [Tomsk University. 1880–1980]. Tomsk: Tomsk State University.
- Dudarev, G.E. et al. (1957) *Vysshaya shkola: Osnovnye postanovleniya, prikazy i instruktsii* [Higher school: Basic regulations, orders and instructions]. Moscow: Sovetskaya nauka.
- Josephson, P. & Sorokin, A. (2017) Physics moves to the provinces: The Siberian physics community and Soviet power, 1917–1940. *British Journal for the History of Science*. 50 (2). pp. 297–327.
- Mashkovskaya, T.O. (1998) *Federal'nye i regional'nye osobennosti razvitiya rossiyskoy nauki (seredina 50-kh – 90-e gody)* [Federal and regional features of the development of Russian science (mid-'50s–'90s)]. Kemerovo: ObIIUU.
- Latova, N.V. (2011) "Utechka umov" v sisteme institutov vosproizvodstva chelovecheskogo kapitala sovremennoy Rossii [The "brain drain" in the system of institutions for the reproduction of human capital in modern Russia]. *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy – Journal of Institutional Studies*. 3 (3). pp. 82–93.
- Zharenova, O., Kechil, N. & Pakhomov, E. (2002) *Intellektual'naya migratsiya rossiyan. Blizhnee i dal'nee zarubezh'e* [Intellectual migration of Russians. Near and far abroad]. Moscow: Gnom i D.
- Sokolov, M. et al. (2015) *Kak stanovyatsya professorami: akademicheskie kar'ery, rynki i vlast' v pyati stranakh* [How to become professors: academic careers, markets and power in five countries]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Pugach, V.F. (2017) Teachers' Age in Russian Higher Education Institutions: What Is the Problem? *Vyshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*. 208 (1). pp. 47–55. (In Russian).
- Borovikov, Yu.S., Volkov, Yu.V. & Mochalina, T.A. (2006) Optimization of reserved staff number as a part of staff potential management. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz – University Management: Practice and Analysis*. 2. pp. 57–60. (In Russian).
- Volkov, A. & Livanov, D. (2012) Stavka na novoe sodержanie [A stake on new content]. *Vedomosti*. [Online] Available from: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2012/09/03/stavka_na_novoe_soderzhanie. (Accessed: 16.08.2019).
- Gulius, N.S. & Pak, V.D. (2017) Diagnosis and Changing University's Corporate Culture (Experience of National Research Tomsk State University). *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 38. pp. 79–94. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/38/9

Received: 30 September 2019

В.В. Трофимович, А.Ю. Сухих, Л.В. Трофимович

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ СОВЕТСКИХ ПАРТИЗАН И УКРАИНСКИХ ПОВСТАНЦЕВ НА ВОЛЫНИ В 1942–1944 гг.

Рассмотрены предпосылки и причины идеологической борьбы между советскими партизанами и подчиненными бандеровской фракции Организации украинских националистов украинскими повстанцами. Прослежены ее формы и методы. Проанализирована политическая работа противоборствующих сторон среди местного населения с целью привлечения его на свою сторону и дискредитации противника, а также показаны ее последствия. Обращено внимание на использование в идеологической работе среди вольнян церковнослужителей. Приведены примеры перехода на сторону советских партизан представителей национальных подразделений УПА.

Ключевые слова: советские партизаны; украинские националисты; повстанцы; Вольнь; агитация и пропаганда; идеологическая борьба; ОУН; население; оккупанты.

Деятельность советских партизан и украинских повстанцев была подчинена не только военно-политическим целям, которые они перед собой ставили, но и в значительной мере идеологическим принципам, соответственно, большевизма и украинского интегрального национализма. Последние были враждебны друг другу, поскольку, прежде всего, по-разному рассматривали решение национального вопроса. В большевизме на первое место был выдвинут пролетарский интернационализм – политическая, экономическая и идеологическая сплоченность всех рабочих. В многонациональном Советском государстве именно он заменял принцип национальности, тем самым нивелируя национальную особенность народов, которую должна была объединять классовая принадлежность. Считалось, что национальная гордость советского человека должна быть неотъемлемой от чувства преданности социалистической Родине, что включало в себя принцип социалистической солидарности, интернационализма и дружбы народов [1. С. 287]. Известный оуновский пропагандист П. Федун («Полтава») в работе «Концепция самостоятельной Украины» критиковал положения марксизма, направленные против идеи нации, поскольку согласно последнему благосостояние человечества должно было наступить с момента победы рабочего класса путем свержения существующего политического и общественного строя, в результате чего отпадает потребность в государственных национальных организациях [2. С. 156].

Идейным принципом национализма является признание нации наивысшей ценностью. Исходя из позиции большевизма, ее абсолютизация и идеализация являются подменой классовых принципов, поскольку направлены на расторжение связи и единства между пролетариями, что лишает их возможности бороться за свои права и экономические интересы. В частности, поэтому украинский национализм признавался буржуазным и, соответственно, враждебным большевизму, в котором национальная проблема в каждом случае должна была находить глубинное социальное, классовое содержание [1. С. 237; 3. С. 18]. Например, советский критик «буржуазного национализма» Ю. Римаренко утверждал, что класс и нация – «общности, которые не исключают друг друга», поскольку классовая структура общества функционирует в усло-

виях существования национальных отличий людей [4. С. 73–74].

Поэтому большевистская идеология отбрасывала рассмотрение национальных интересов обособленно от классовых и, как отмечал П. Федун, считала нацию историческим явлением, возникшим в эпоху развития капитализма и не свойственным обществу [2. С. 56]. Национализм, в свою очередь, рассматривает нацию без социального содержания и социально-классовых проблем, сквозь призму расового и национального начала, где национальное является «двигателем» общественного развития.

Невзирая на большое количество вышедших за семь послевоенных десятилетий различного уровня научных работ, посвященных советским партизанам и украинским повстанцам, целый ряд аспектов идеологической борьбы между ними остается практически неизученным.

Опираясь прежде всего на впервые вводимые в научный оборот архивные материалы, а также опубликованные источники, авторы осуществили попытку проанализировать различные формы идеологического противостояния советских партизан и украинских повстанцев в 1942–1944 гг. на территории историко-этнографической Вольни, охватывающей Волынскую, Ровенскую, части Хмельницкой, Тернопольской и Житомирской областей.

В годы германо-советской войны красные партизаны и украинские повстанцы ставили своей целью контролировать военно-политическую ситуацию в тылу оккупантов, ибо от этого зависели стабильность и успех их деятельности. Появление партизанских зон и краев, контролируемых советскими партизанами, и уповских повстанческих республик, где немецкая администрация отсутствовала, имело кроме военно-хозяйственного значения еще и идеологическое, поскольку оказывало значительное влияние на местное население. Последнее, таким образом, понимало, что территория, находившаяся под воздействием националистических или большевистских партизан, избавлена от террора и непосильных налогов гитлеровцев. Среди повстанческих республик на северо-западных украинских землях (СЗУЗ) известны Антоновецкая и Колковская. Советские партизаны на Вольни создали партизанский край в северных районах Ровенщины,

на стыке с Беларусью, а также в лесистых местностях Житомирщины. Их зона существовала лишь в тех местах, где длительный период базировались партизанские соединения, что давало им возможность номинально устанавливать свои органы власти. Например, бандеровцы, описывая общественно-политическую ситуацию в Рокитновском районе «Дунай» в ноябре 1943 г., отмечали, что ряд деревень были под контролем партизан Р.Я. Сатановского и А.Н. Сабурова, которые настолько чувствовали себя свободно, что «даже уже избрали свою управу сел» [5. Л. 40].

Активная идеологическая борьба советских партизан Украины предусматривала организованную политическую работу с местным населением оккупированных территорий. В приказе наркома обороны СССР № 00189 «О задачах партизанского движения» от 5 сентября 1942 г. указывалось на необходимость развернуть среди населения постоянную политическую работу, разъяснять о борьбе Красной армии (КА) и советского народа с гитлеровцами, издавать газеты, листовки и другие печатные материалы [6. С. 135]. План действий Украинского штаба партизанского движения (УШПД), созданного в июне 1942 г., относительно усиления боевой деятельности партизанских формирований на зимний период 1942–1943 гг. содержал положение об организации систематического пропагандистского информирования населения. Для выполнения этой задачи предусматривалось обеспечить все областные оперативные группы 50 типографиями, организовать учебу для такого же количества печатников и сборщиков, изготовить лозунги-трафареты, а также в период с ноября 1942 г. по январь 1943 г. издать и забросить на оккупированную территорию 35 названий листовок общим тиражом 7 млн экземпляров [Там же. С. 218]. Надо отметить, что руководитель Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД) П.К. Пономаренко в приказе от 1 января 1943 г. об усилении партизанской борьбы в связи с наступлением КА настаивал на развертывании широкой политической работы среди населения [Там же. С. 262].

Идеологическая борьба между советскими партизанами и украинскими повстанцами на Волыни происходила на поле столкновения их агитации и пропаганды, направленных на мобилизацию, получение лояльности и поддержки местного населения, а также дискредитацию в его глазах представителей враждебной идеологии. Например, ветеран органов госбезопасности СССР Г. Санников вспоминал: «Мы всеми силами, используя мощный пропагандистский аппарат, там, где надо, применяя силу, старались как можно быстрее заставить жителей Западной Украины повернуться лицом к социализму, убедить их в правильности социалистического строительства...» [7. С. 331].

Конкретные указания относительно идеологической борьбы против украинских националистов партизаны УШПД получили в радиোগрамме члена Военного совета Южного фронта Н.С. Хрущева от 23 марта 1943 г. В ней, в частности, подчеркивалась необходимость «разоблачать руководителей этих формирований буржуазных националистов как врагов народа,

немецких агентов <...> путем усиления агентурной работы, распространения листовок и т.п.» [8. С. 107]. Кроме того, в Постановлении ЦК КП(б)У «О состоянии и дальнейшем развитии партизанского движения в Украине» от 15 июля 1943 г. выдвигалось требование, чтобы все отряды активизировали борьбу с националистическими организациями, засылали в их «формирования и организации специально подготовленных людей для разложения националистических банд», а в листовках и устной пропаганде разоблачали их участников как «агентов Гитлера» [6. С. 381; 9. С. 79].

Для проведения агитационной работы нужны были квалифицированные кадры пропагандистов, которые хорошо знали украинский язык и могли, благодаря продуманным выступлениям, повлиять на настроение населения Волыни. Наряду с печатной пропагандой, актуальность проведения повседневной агитационно-массовой работы отмечалась в резолюции совещания нелегального ЦК КП(б)У, которое состоялось 29 мая 1943 г. [6. С. 367].

В директивном письме ЦК ВЛКСМ от 16 июля 1943 г. секретарям подпольных райкомов комсомола, действующих в тылу противника, подчеркивалась необходимость осуществления политической работы среди молодежи оккупированных территорий, используя для этого печатную продукцию и агитационные группы. [Там же. С. 303].

Агитационная работа была важным аспектом деятельности разведчиков и диверсантов, поскольку те неоднократно выполняли задания в отдаленных местностях, не охваченных влиянием красных партизан. Из каждой разведывательной группы подбирались «наиболее политически грамотный коммунист или комсомолец», которому поручалось проводить беседы с местным населением. Рядовые бойцы получали задание распространять агитационную литературу [10. Л. 14]. «В любом случае, боец, который идет на задание, прежде всего, идет в редакцию за листовками, – отмечал С. Калашников – партизан отряда им. Н.С. Хрущева из соединения И.И. Шитова. – Зайти в редакцию за литературой – все равно, что за боеприпасами. И сам народ вынуждает их это делать, потому что если появится партизан, народ спрашивает листовки, последние сведения... Если он не принесет листовку, то ему стыдно будет, если скажут: “Что же ты за партизан, если ты не знаешь?”» [11. Л. 7].

Успех устной агитации зависел от интеллектуального уровня и специальной подготовки лиц, которые ее осуществляли. В частности, комиссар Ровенского партизанского соединения (РПС) № 1 М.С. Корчев отмечал: «Мы построили работу на сильных людях, которые проводили ее умело, которые умели свою речь построить, говорить простым языком, оперировать простыми фактами, живыми примерами без разной философии, чтобы их речь могла доходить до сознания самого безграмотного человека, чтобы все для него было ясно и понятно» [12. Л. 21].

Выступления происходили во время собраний и митингов, организованных по поводу большевистских праздников, что должно было символизировать неразрывность советских традиций и демонстрировать временный характер оккупации. Подготовленные вы-

ступления могли в условиях информационного вакуума серьезным образом повлиять на психологическое состояние местных жителей и расположить их к партизанам. Например, после выступления в с. Новосилки комиссара Тернопольского партизанского соединения Б. Шангина крестьяне помогли обнаружить 12 продовольственных складов украинских националистов [13. С. 200].

В целом формы идеологической работы среди населения Западной Украины были практически такими же, как и в партизанских соединениях [14. С. 13]. На них указывал политрук артдивизиона Ф. Бокальчук в отчете М. Корчеву: «С местным населением проводилась ежедневная политинформация, а в свободное время сообщалось о международном положении, указывалось на героическую роль Красной Армии и партизан в победоносном походе на запад и продажную, провокационную роль националистов разного рода» [15. Л. 28].

Изменить настроения местного населения в свою пользу партизаны пытались также с помощью тематических карикатур. «Когда появились бандеровцы, мы рисовали карикатуры, давали им соответствующую оценку, – отмечал радист РПС № 1 М. Бокальчук, – когда приезжали в какое-либо село, мы выпускали специальный номер для населения» [16. Л. 8].

Коммуникативные механизмы влияния партизанские пропагандисты маскировали под вид объективной информации, где, однако, оценивали события соответственно, большевистской идеологии и собственных стратегических планов. Своеобразной тенденцией их деятельности было активное использование такого метода пропаганды, как навешивание ярлыков, имевшее целью создать устоявшиеся стереотипы мышления у местных жителей. В частности, на Волыни партизаны УШПД распространяли сведения о том, что украинские националисты были пособниками и агентами гитлеровских оккупантов. Об особенностях такой идеологической работы вспоминал М. Корчев: «Работа по отношению к националистам велась на основе разложения националистов как течения временного... Политическая работа сводилась к тому, чтобы доказать, что националисты – помощники немцев... сравнить действия немцев с националистами. Здесь работа для политработника была большой... Добивались того, чтобы население не слушало их провокации, разоблачали их провокационные листовки, брошюры, подтверждая на фактах, что все это ложь» [17. Л. 50–51].

Печатная пропагандистская продукция в годы военного лихолетья играла решающую роль в «борьбе за сердца и головы» местного населения. Советскими партизанами она нацеливалась в основном на дискредитацию оккупационного режима и показ победоносного шествия КА, а также собственных успешных действий на противогерманском фронте. Отчасти в своей печатной продукции красные партизаны, действовавшие на Волыни, пытались дискредитировать националистическое повстанческо-подпольное движение [18. Л. 144–146; 19. Л. 53–54; 20. С. 84–86; 21. С. 161–163].

Например, 21 ноября 1943 г. в органе Рокитновского подпольного райкома КП(б)У и партизанского отряда им. Ф.Э. Дзержинского «Більшовицька правда» был напечатан призыв к населению: «Не слушайте националистов – немецких слугак. Они являются прямыми пособниками Гитлера. Уничтожить их – наша задача!» [22. Л. 78].

В своем пропагандистском арсенале советские партизаны активно использовали прием демонизации врага, распространяя материалы, в которых украинских националистов называли изменниками народа, способствующими его уничтожению оккупантами [Там же. Л. 110]. В частности, в листовке «Украинцы», напечатанной 28 июня 1943 г. в соединении И. Шитова, отмечалось, что они «натравляют украинцев на украинцев, устраивают резню, ведут войну против украинских советских партизан, чем разъединяют нашу силу и этим помогают немцам в войне против нашего народа. Оуновцы мечтают разбить Красную Армию, которая, по их мнению, слабеет в войне с немцами, и они мечтают тогда установить украинское самостоятельное государство <...>» [23. Л. 47].

Чтобы убедить мирных жителей в сотрудничестве украинских националистов с гитлеровцами, красные партизаны распространяли материалы о том, что «самостийники» мешали уничтожать оккупантов [24. Л. 211].

В одной из листовок, выпущенных ровенскими партизанами, сообщалось, что оуновцы препятствовали пускать под откос поезд с немецкими военными и техникой [25. Л. 16].

В обращении «Кто такие националисты и за что они ведут борьбу?» (январь 1944 г.), напечатанном в газете соединения А. Сабурова «Партизанська правда», отмечалось, что поскольку последние нападают на партизанские диверсионные группы и охраняют от них железную дорогу, по которой захватчики подвозят на фронт живую силу, технику и боеприпасы, то это доказывает, что они – «агенты немецких фашистов и помогают им уничтожать и притеснять украинский народ» [26. Л. 189].

В антиповстанческом пропагандистском дискурсе большевистские факторы для реализации стратегии влияния использовали вымышленные факты. В частности, в июне 1943 г. в Рожищанском районе советские подпольщики, во-первых, распространяли сведения, о том, что Украинская повстанческая армия (УПА) тесно сотрудничала с красными партизанами, а ее руководство заключило «какие-то договоренности... со Сталиным»; во-вторых, в случае успешно проведенной уповцами антинемецкой операции они приписывали ее себе. Оуновцы отмечали, что в результате такой пропаганды «население сильно возмущается и встает в оппозицию всем действиям УПА» [27. С. 654].

Советские партизаны также стремились навязать местным жителям Волыни негативное восприятие украинских повстанцев, распространяя известные факты террора бандеровцев против поляков и убийства других мирных жителей. Например, соединение А. Сабурова напечатало листовку, где сообщалось,

что 16–19 июля 1943 г. националисты уничтожили польское население Гуты–Степанской [24. Л. 211].

Партизанская газета «Радянська Україна» 5 июля 1943 г. напечатала письма в редакцию от жителей Ковельского и Каминь-Каширского районов, где рассказывалось о репрессиях бандеровцев против гражданского населения [28. Л. 19–20].

Характерно, что партизаны Ровенского областного штаба партизанского движения (РОШПД) в листовке «Кто такие украинские националисты» сообщали, что последние сожгли с. Грачи [Грань] Дубровицкого района, где в огонь бросали женщин и детей [29. С. 181]. Однако повстанцы в донесении из надрайона «Лисова писня» за июль 1943 г., напротив, утверждали, что это красные партизаны сожгли вышеупомянутое село [30. С. 222; 31. С. 235–236].

Партизаны также распространяли материалы, в которых интерпретировали украинских националистов и их формирования согласно классовому принципу, указывая, что последние состояли из «враждебных» общественных групп [32. С. 609].

Беспорно, такая позиция исходила из идеологической подготовки командного и партийно-комиссарского состава соединений и отрядов. В частности, комиссар Сумского соединения С.В. Руднев считал, что украинское повстанческое движение управлялось буржуазной интеллигенцией, которая «дурит голову крестьянам, а сама идет на поводу у немцев». По его мнению, называя себя «украинскими партизанами», они прятали «истинно буржуазное лицо своего движения». Поэтому С. Руднев решил написать листовку на украинском языке, где разъяснял «сущность национализма» [33. С. 102].

Подобные материалы издавали также другие партизанские соединения. 5 июля 1943 г. в газете «Радянська Україна», которая печаталась в Черниговско-Волынском партизанском соединении (ЧВПС), подчеркивалось, что националисты хотят “уровнять” господина, кулака, заводчика с трудящимся крестьянином, с рабочим» [28. Л. 19].

В одном из номеров журнала «Народный мститель», который издавался при РПС № 2, излагалась «классовая характеристика» ОУН: «Кулацко-помещичью сущность этой организации видно каждому, кто внимательно ознакомится с их многочисленной агитационной литературой» [34. Л. 45].

Примечательно, что подпольные организации, созданные отрядом им. И.В. Сталина ЧВПС, во время проведения пропаганды среди местного населения «разоблачали кулацкую природу украинских националистов» [35. Л. 325].

Партизанская пропаганда подчеркивала также преимущество единства украинского народа с русским в едином Советском государстве. В противовес националистической пропаганде о создании самостоятельного государства волыньские партизаны писали, что лишь «в союзе с братскими народами России Украина достигла действительной независимости», а «попытка самостоятельного существования заканчивалась порабощением» [36. Л. 64 об.].

В 1943 г. отдел агитации и пропаганды Волынского подпольного обкома КП(б)У напечатал трехстра-

ничную листовку «Кто такие националисты и за что они воюют», в которой утверждалось, что последние, невзирая на свои лозунги, мечтают создать собственную империю и, отбрасывая классовую борьбу, не хотят, чтобы трудящиеся “жили по-человечески”» [28. Л. 62–64]. Следует также отметить, что партизаны отряда им. И.В. Сталина ЧВПС в беседах с местным населением рассказывали, что украинские националисты призывают бороться за создание «имперского государства “великой соборной Украины”», где ее территория расширится до Урала и Средней Азии [35. Л. 273].

Печатная продукция партизан подтверждала, что провозглашение самостоятельности Украины кардинально противоречило большевистской идеологии и военно-стратегическим планам кремлевского руководства. В июльском номере за 1943 г. партизанской газеты «Радянська Україна» отмечалось: «Эти верховоды-националисты хотят, чтобы Советская Украина разорвала нынешний союз с русским, белорусским и другими народами СССР и выделилась в отдельное государство. Этим они хотят, чтобы Украина, отделившись от СССР, ликвидировала единый фронт и этим самым был бы ослаблен натиск на общего врага – немца» [28. Л. 20].

Материалы, рассчитанные на то, что с ними ознакомятся украинские националисты, преимущественно были агрессивно-предупредительного характера. Например, ровенские партизаны угрожали, что «в случае смерти кого-то из партизан или его семьи от желто-голубой предательской руки – мы беспощадно будем уничтожать ваши банды с корнем» [25. Л. 28]. Партизанское соединение А. Сабурова в листовке предупреждало, что за одного убитого партизана будет уничтожено 15 националистов [24. Л. 210].

Однако советские партизаны не исключали и возможность того, что часть уповцев все же могла перейти на их сторону, а потому неоднократно печатали обращения с соответствующим призывом. Например, Волынский подпольный обком КП(б)У в сентябре 1943 г. издал листовку-обращение «Слушай, брат!», подписанную повстанцами, перебежавшими к советским партизанам, и призывающую личный состав УПА оставить ее ряды, поскольку она действует «сообща» с оккупантами [28. Л. 61].

Следует также подчеркнуть, что постановлением политбюро ЦК КП(б)У от 14 февраля 1944 г. было поручено заместителю заведующего отделом пропаганды и агитации К. Литвину обеспечить издание специальной листовкой обращения Президиума Верховного Совета и Совета народных комиссаров УССР «К участникам так называемых “УПА” и “УНРА”» тиражом 300 тыс. экземпляров для распространения самолетами на оккупированной территории Волыни, Подолья, Галиции и Буковины [9. С. 79–80]. В нем украинские националисты изобличались как изменники Родины, которые не направляли свои удары против немцев, а боролись против КА и советских партизан. Одновременно к тем, «которые сбились с верного пути», обращались со следующим призывом: «Бросайте оуновские банды! Рвите любые связи с немецко-украинскими националистами... Переходите

на сторону честных и беззаветных борцов за Советский Союз, за свободу, честь и счастье нашей матери Советской Украины, на сторону советских партизан» [9. С. 83].

Красные партизаны пытались максимально использовать в антиповстанческой пропаганде факты перехода к ним уповцев. Преимущественно дезертировали представители национальных подразделений УПА (грузины, армяне, туркмены, татары, азербайджанцы) – в основном бывшие красноармейцы, часть из которых оказалась в немецком плену, согласилась служить оккупантам, а затем перешла в «украинский лес». В частности, в конце января 1944 г., после их измены во время нападения 1-й Украинской партизанской дивизии им. С. А. Ковпака на повстанческую республику «Сич» в Свинаринских лесах, командование ковпаковцев немедленно издало «Обращение к казакам, военнопленным, солдатам Татарского легиона, узбекам, грузинам, туркменам, бывшим бойцам Красной Армии, ставшим на службу немецкому фашизму» и «Обращение к украинцам, русским, армянам и узбекам, пребывающим в рядах УПА», в которых призывали переходить к ним, а на руководителей УПА навешивали ярлыки агентов гестапо, предателей и лжецов. Чтобы убедить в целесообразности дезертирства из повстанческих рядов, второе обращение подписали «куренной, командир школы “Лисови чорты”» М. Семенюк («Орел»), «капитан сотни армян» С. Арутюнян («Серго»), «сотенный сотни узбеков» М. Олиев («Ташкент») и «другие, всего 96 подписей», перешедшие на сторону ковпаковцев [37. С. 508; 38. С. 224, 300; 39. С. 21–22].

В период указанного выше противостояния украинские повстанцы неоднократно попадали в плен. Обычно высшая мера наказания применялась относительно командного состава, а рядовых, если они не принимали участия в борьбе против партизан, отпускали на свободу. Такие «жесты доброй воли» использовались также в идеологической борьбе. Например, бойцы отряда им. И.В. Сталина ЧВПС в начале июля 1943 г. захватили 17 уповцев, которых после «доведения до их сознания, что советские партизаны, как представители советской власти, являются друзьями народа», отпустили и дали агитационные листовки [35. Л. 277].

Как следует из архивных материалов, командир отряда им. И.В. Сталина Г.В. Балицкий, чтобы изменить враждебное отношение местного населения к нему и его подчиненных, после антиповстанческой операции 17–18 июля 1943 г. в с. Журавичи Киверцивского района приказал медсестре на виду у крестьян перевязать раненого уповца и занести его в дом. Других пленных решили освободить, перед тем проведя беседу, что их обманули, заставив воевать, и что «красные партизаны своих братьев-украинцев не убивают». Такое поведение удивило местных жителей, которые без страха начали расспрашивать о событиях на фронтах, а на следующий день пригласили партизан на завтрак и дали продуктов [Там же. Л. 286–287].

Специфическим примером пропаганды можно считать помощь гражданскому населению в хозяйственно-бытовых делах. Например, бойцы отряда

им. И.В. Сталина Житомирского партизанского соединения (ЖПС) помогали жителям с. Гребни в подготовке проведения весеннего сева, а его врач оказывал желающим медицинскую помощь [40. Л. 43]. Осенью 1943 г. «лесные братья», находившиеся в подчинении Житомирского областного штаба партизанского движения (ЖОШПД), возглавляемого А. Сабуровым, совместно с крестьянами проводили уборку урожая в с. Копище Олевского района, в котором немцы в июле уничтожили большинство населения [41. Л. 49]. Такой способ взаимодействия с местными жителями во время оккупации был возможен лишь в районах, где партизаны целиком безопасно себя чувствовали, а поэтому являлся скорее исключением.

Чтобы получить поддержку населения в местностях, находившихся под влиянием националистов, командование соединений требовало от личного состава толерантно относиться к крестьянам во время хозяйственных операций. Например, в марте–апреле 1944 г., когда соединение В. Чепиги располагалось в селах Смоляры, Забужья и Ричица Волынской области, было категорически запрещено осуществлять «самозаготовку» в крестьянских хозяйствах. Поэтому оно «заслужило большое уважение и доверие». Местные жители пришли на митинг, организованный партизанами, и, выслушав информацию о ситуации на фронте, заявили: «А нам здесь врал, что в Киеве и Луцке националисты» [18. Л. 138].

Партизаны неоднократно привлекали к идеологической борьбе против украинских повстанцев церковнослужителей оккупированной территории, ибо контакты с мирными жителями и длительное пребывание на Волыни дали им возможность понять, что в здешних условиях большое значение играла религия. В частности, во время выступления 20 марта 1944 г. на областном совещании партактива Ровенского обкома КП(б)У бывший комиссар РПС № 1 М. Корчев констатировал: «В настоящий момент в селах авторитетной фигурой является священник и учитель. Там, где священник с партизанами – село партизанское, где священник националист – село с националистами» (цит. по: [42. С. 65]).

Привлечение церковнослужителей и высокопоставленных партизанских командиров к проведению массовых собраний с деревенскими жителями в ситуации информационного вакуума серьезным образом влияло на настроение последних. Например, 18 августа 1943 г. в с. Привитивка Морочненского района, невзирая на возможную опасность, командиры партизанских соединений В.А. Бегма и А.Ф. Федоров, исполнявшие одновременно обязанности секретарей соответственно Ровенского и Волынского подпольных обкомов КП(б)У, при участии местного клира Русской православной церкви – благочинного протоиерея В. Навроцкого и муравинского священника М. Гребенка, провели большой митинг, на котором присутствовали около 2 тыс. человек. Герой Советского Союза А. Федоров, выступая с трибуны, заявил, что фашисты и националисты хотят натравить одну нацию на другую, чтобы угнетать их, тогда как преданное советской власти население – братья партизанам, которые, в отличие от националистов, воюют «за

самостоятельность и свободу» [43. С. 279–280]. Комиссар РПС № 2 Л. Кизя призвал население стать на путь партизанской борьбы, не поддаваться на провокации и угрозы украинских националистов, а священник В. Навроцкий проклинал последних как изменников народа и помощников фашизма. После этих выступлений местные жители щедро угостили духовенство и командование партизанских соединений [29. С. 179; 44. С. 13–14].

Неединичными были случаи, когда советские партизаны вмешивались в проведение богослужений. Упомянутый М. Корчев считал, что служба в церкви может осуществляться в интересах СССР и просил священника «построить проповедь так, чтобы она была в целях русского оружия». Комиссар решил показать ему, как желательно это сделать: «Он принес мне Евангелие... Я указал, что к евангельским высказываниям нужно прибавить данные об Александре Невском, Дмитрие Донском, Суворове, Кутузове, о наших народных героях Щорсе, Чапаеве, Богдане Хмельницком и других, потом сделать оценку Гитлеру» [17. Л. 43].

Дивиденды от сотрудничества со служителями культа были значительными, поскольку последние хорошо знали местных жителей и таким образом могли сообщать об их намерениях, а также о подозрительных лицах и тех, кто принадлежал к ОУН. Например, подпольная организация Ровенщины имела специально подготовленных лиц для работы с духовенством, через которых осуществлялась агитационная и пропагандистская работа с верующими во время богослужений. Одновременно при содействии церкви ставилась цель разлагать повстанческие отряды [45. Л. 59–60]. В июне 1943 г. в соединении И. Шитова были сформированы две агитационно-пропагандистские группы по 6 человек, которые действовали среди православных, евангелистов и баптистов, раздавая им листовки, напечатанные в партизанской типографии [46. Л. 72].

Одним из аспектов идеологической работы на Волыни было создание подпольных обкомов и райкомов КП(б)У, появление которых символизировало возрождение советской власти в тылу оккупантов и служило средством дополнительной активизации подпольного и партизанского движения. В частности, 17 февраля 1943 г. в с. Озерск Высоцкого района была возобновлена деятельность Ровенского подпольного обкома КП(б)У во главе с депутатом Верховного Совета (ВС) СССР В. Бегмой. В мае того же года депутат ВС СССР С. Олексенко возглавил Каменец-Подольский областной комитет партии. 23 июня ЦК КП(б)У утвердил Волынский подпольный обком, первым секретарем которого стал А. Федоров [47. С. 33–34].

Важное идеологическое значение имело проведение партийных конференций, что в то время было очень опасно. Первое такое собрание открыл В. Бегма 26 марта 1943 г. в с. Дибривск на Ровенщине. В нем приняли участие 120 делегатов от партизанских отрядов [48. Л. 81]. Райкомы КП(б)У создавались на базе последних, а обязанности их секретарей исполняли комиссары отрядов.

Таким образом, советские партизаны во время идеологической борьбы с украинским повстанческо-подпольным движением пытались повлиять на общественные настроения, добиться лояльности местного населения и изменить его мировоззренческие ориентиры благодаря различным методам пропаганды, реализуемым печатным и устным способами. Одновременно они использовали специфические приемы психологического влияния на жителей, чтобы получить их поддержку. Идеологическое воздействие на местное население Волыни направлялось на то, чтобы дискредитировать в его глазах украинских националистов и вызывать по отношению к ним ненависть.

Руководство украинских повстанцев, усмотревшее в действиях красных партизан своих главных идеологических соперников, также отдавало предпочтение печатным средствам коммуникативного влияния. В распространяемых материалах бандеровцы объясняли, согласно идеологической позиции и военно-политической стратегии ОУН, что советские партизаны преследуют цели, отличающиеся от целей украинского народа [49. Л. 41]. «Партизанская борьба поляков или большевиков не должна нас интересовать, они могут вести ее своими силами, если ее острие не будет направлено против нас, – указывалось в листовке “Партизанская борьба и наше отношение к ней”, распространенной летом 1942 г. – Сталин и Сикорский одним выстрелом хотели убить двух зайцев: навредить немцам и руками немцев разбить украинцев. Украинцы не принимали и не принимают участия в партизанской борьбе... Мы должны беречь наши силы, потому что верим, что война в своей конечной стадии даст нам возможность бороться и строить собственное украинское государство. Наш путь – не партизанская борьба сотен или тысяч, а национальная освободительная революция миллионов украинских масс» [27. С. 531].

Содержание листовки свидетельствовало, в частности, о том, что руководство ОУН(б) тогда отставало от размаха повстанческого движения на местах и продолжало цепляться за устаревшую теорию о нецелесообразности и вредности партизанской борьбы. И только чувствительные удары, нанесенные оккупационным режимом бандеровскому подполью на рубеже 1942–1943 гг., окончательно убедили его лидеров в том, что тактика накопления сил для общего всенародного восстания является ошибочной и в условиях нацистского террора неосуществимой и вынудила постепенно принимать на вооружение идею партизанской войны как первую стадию будущего восстания. Этим в значительной мере объясняется тот факт, что разведывательно-диверсионные отряды НКВД и Главного разведуправления Генштаба КА опередили бандеровскую ОУН в организации и развертывании партизанского движения на Волыни (см. подробнее об этом: [50. С. 14–16; 51. С. 137–139]).

В главном официальном журнале ОУН(б) «Ідея і чин», который формировал идеологическую продукцию других националистических изданий, непременно указывалось, что коммунистическая система СССР несла политическое и социальное порабощение народным массам Украины [52. Л. 13].

Свою антибольшевистскую и антинацистскую направленность также демонстрировала газета «Земля і Влада» – орган Украинской национал-демократической партии (УНДП), которая с середины 1943 г. стала политической надстройкой УПА Т. Бульбы-Боровца (УПА Б-Б). В ней отмечалось, что УНДП призывает «революционную силу всех народов Европы и Азии к борьбе против немецко-фашистского и русско-большевистского гнета» [53. С. 1].

После изменения полесским атаманом названия своих воинских подразделений на «Украинскую народно-революционную армию» ее журнал «Оборона України» также стоял на аналогичных позициях. В нем подчеркивалось, что борьба между Россией и Украиной – неминуемая, «как биологический закон», поскольку «история учит нас, что каждое «соглашение» с Россией кончалось для нас поражением». В то же время отмечалось, что советские партизаны – товарищи в борьбе против общего врага – гитлеровцев [54. С. 4].

Антибольшевистскую пропаганду украинских националистов стоит отнести к негативному (деструктивному) типу, поскольку она, невзирая на свою цель, заостряла противоречие в обществе и формировала у местных жителей образ врага – советской власти и ее представителей [55. С. 127]. В частности, бандеровцы считали, что деятельность советских партизан вредна для национального дела, поскольку благодаря ей реализовывалась большевистская колониальная политика в Украине. Об этом, например, шла речь в листовке «В лице двойного наступления». В ней диверсионные акции расценивались как провокация, «рассчитанная на уничтожение украинского населения немецкой рукой» [56. Л. 45]. В другой листовке «Украинский народ!» красных партизан называли «бандой грабителей и бандитов», которые терроризируют население, жгут села и пьют самогон [57. Л. 24].

Используя такой метод воздействия, оуновцы пытались дискредитировать советских партизан на национальной и военно-политической почве. В отчете ЧВПС о боевой и партийно-политической деятельности отмечалось: «Националисты изо дня в день твердили населению, что в составе партизанских отрядов преимущественно “жиды” и “цыгане”, что партизаны вооружены ломаными винтовками и ничего не способны сделать, что партизаны являются грабителями и что единственными защитниками народа являются они, то есть националисты» [58. Л. 146].

Однако в обращениях к советским партизанам украинские националисты не исключали возможность того, что те откажутся от поставленных государственно-партийными органами задач («империалистических целей Сталина») и начнут борьбу за установление своих национальных государств. В частности, об этом шла речь в одном из них, адресованном «Партизанам Красной Армии» [56. Л. 28]. В другом обращении, распространенном в октябре в 1943 г., положительно оценивались действия партизан «на антинемецком фронте», однако их призывали вернуть свое оружие также против «кремлевских палачей и их агентов» и вместе воевать за провозглашение

самостоятельных государств, создание национальной повстанческой армии, что должно было увенчаться общим фронтом всех порабоженных народов. Подобное содержание имело также обращение, изданное в конце января 1944 г. [59. Л. 13].

В отличие от советских партизан, бандеровцы в своей печатной продукции достаточно обстоятельно рассказывали о противостоянии с первыми. Военный журнал Главной команды УПА «До зброї» и газета «Інформатор», которые издавались в период немецкой оккупации, периодически информировали население об успехах в борьбе с большевистскими силами, а также о «вредной деятельности» последних [60. Л. 7].

Большое внимание оуновцы уделяли также устной пропаганде, о чем свидетельствуют соответствующие инструкции ОУН, появившиеся в ноябре 1944 г. в связи с приближением фронта. «Против Красной Армии с оружием выступать не можем и не сумеем, – указывалось здесь. – Самым первым и самым главным оружием против силы Красной Армии должна быть наша пропаганда – сильное, меткое слово. Она должна бойцов Красной Армии разложить... Бойцы свое оружие, которым сегодня уничтожают германский империализм, должны в подходящее время обратить против Сталина и его режима, которые их немилосердно используют в своих собственных интересах» [61. С. 267]. Во время проведения пропаганды рекомендовалось раскрывать враждебную политику официальной Москвы против Украины, подтверждая это историческими фактами. Не менее важным было «вспоминать все способы русификации Украины Москвой; разницу в языке, обычаях, характере и направлении между украинцами и москалями», а также отмечать, что борьба с Москвой неминуема, поскольку она «никогда не захочет добровольно отречься от украинского хлеба» [62. Л. 7–8].

Агитация украинских националистов была более успешна, чем их идеологических противников на Воляни. Она характеризовалась большей интенсивностью, а печатная продукция была лучшей по качеству, интереснее, охватывала более широкие массы населения и, соответственно, имела большее влияние на него [30. С. 319]. В общественно-политическом обзоре ситуации в южной части Ровенщины за ноябрь 1943 г. бандеровцы констатировали: «Наибольшим оружием против них (красных партизан – авторы) на этих территориях является негативное отношение к ним масс (тогда, когда массы наше движение поддерживают, чем и как могут), и поэтому они не могут на этой территории удержаться» [61. С. 294].

Невзирая на то, что советские партизаны получали обеспечение для организации активной пропагандистской и агитационной деятельности, она не приносила ожидаемый результат. По этому поводу секретарь Каменец-Подольского обкома КП(б)У С. Олексенко заметил: «Если мы и выпускали отдельные листовки, рассчитанные против националистов, то, во-первых, это была капля в море и, во-вторых, у нас не было аппарата переправить эти листовки далеко в Западную Украину. Поэтому нужно считать, что мы почти никакой контрработы не вели. Отдельные личные разговоры и беседы, какие мы проводили, осо-

бенных результатов не могли дать» [63. Л. 93]. В то же время сотрудники НКВД СССР в одной из справок, подготовленной 10 декабря 1943 г., относительно «разработки» формирований ОУН-УПА на Волыни указывали на успех бандеровской пропаганды: «Националистический угар среди украинского населения в местах расположения станов оуновцев <...> доведен до крайнего предела пропагандой т.н. идей “самостоятельной соборной украинской державы”». Как известно, ведется печатная и устная пропаганда против немцев и особенно против большевиков. Используя ненависть украинского населения к немцам, националисты подняли массы на вооруженную борьбу не столько против немцев, сколько готовят и сохраняют силы для борьбы с советской властью. Особого внимания и в первую очередь заслуживают националистические банды Волыни. Сагитированное население на Волыни рассказывает, что у националистов есть много своих людей на железных дорогах и что с приближением Красной Армии ни один ж. д. состав: ни немецкий, ни советский не пройдет по ж. д. магистралям Шепетовка, Здолбуново» [27. С. 727].

Надо отметить, что почти в каждом партизанском соединении, действовавшем на Волыни, издавалась своя газета, а также другая продукция значительными тиражами. Например, в 1943 г. у ЧВПС было напечатано 49 300 экземпляров газет (53 номера), а листовок и различных брошюр – 9 100, из которых 2 300 – к украинским националистам [64. Л. 1]. В апреле 1943 г. редакция газеты «Партизанська правда» издала 41 320 листовок, а в мае – 206 775 экземпляров листовок и газет [40. Л. 43, 57, 70]. Однако это не помогало существенно изменить общественно-политические настроения гражданского населения. На активных представителей националистического движения эта агитация практически не повлияла, поскольку факты их перехода на сторону советских партизан оказались мизерными. В частности, в начале мая 1943 г. отряду им. М.И. Кутузова из соединения В. Бегмы удалось сагитировать нескольких бойцов повстанческого отдела, которые оказались бывшими полициями из Каминь-Каширского [65. Л. 24 об.]. В начале августа того же года к отряду им. Г.И. Котовского ЧВПС перешли 10 уповцев с оружием [64. Л. 117]. В ноябре повстанческие бойки «Искры» (сформированные преимущественно из «восточников») и «Миши», действовавшие в Теофипольском и Ляховецком районах Каменец-Подольской области, присоединились к партизанам С. Олексенко [63. Л. 81–82]. Соединение им. Н.С. Хрущева под командованием В. Чепиги в 1944 г. пополнилось 18 уповцами [18. Л. 139]. Известно, что отряд им. Г.И. Котовского Волынского партизанского соединения им. В.И. Ленина состоял преимущественно из бывших коллаборационистов и украинских националистов [66. Л. 201].

На сторону советских партизан, как уже отмечалось, более охотно переходили представители национальных подразделений УПА, а также бывшие красноармейцы. Надо отметить, что в основном это случилось в первые месяцы 1944 г., когда фронт проходил уже на Волыни, предсказывая неминуемое возвращение большевистской власти. Например, боль-

шинство бойцов армянского отдела УПА, охранявших повстанческую базу «Січ», вошли в специально созданный отряд «Победа» третьего полка партизанской дивизии П.П. Вершигоры [38. С. 167]. К соединению М. Шукаева дезертировал азербайджанский курень под командованием «Чавли» (Г. Намазов), из которого был сформирован отдельный отряд им. Н.А. Щорса (командир М. Ахундов) [Там же. С. 170–178]. Отряд им. И.А. Микояна из соединения М.И. Наумова пополнился 50 бойцами грузинского отдела УПА [67. Л. 77]. В отряде им. И.В. Сталина ЧВПС 4-я рота состояла из бывших националистов и 26 грузинов повстанческого отдела, захваченных в плен после боя в с. Берестяное Киверцивского района [64. Л. 126 об.].

Более успешной идеологическая борьба советских партизан была в тех местностях, где они владели оперативно-военным преимуществом и обеспечивали защиту местного населения от налогообложения и карательных акций гитлеровцев. Например, 18 января 1943 г., после разъяснения бойцами отряда им. Н.А. Щорса Житомирского партизанского соединения (ЖПС) жителям х. Познань Рокитновского района результатов боев КА под Сталинградом, последние согласились оказать помощь продовольствием [10. Л. 15]. При отходе партизан В. Чепиги из одной волынской деревни ее обитатели говорили: «Не уходите от нас! Мы вас будем сами кормить, чтобы к нам не пустили немцев» [68. Л. 24].

Именно в таких местностях происходили случаи, когда гражданское население отказывалось вступать в повстанческие отряды и сотрудничать с оуновцами. Ранней весной 1943 г. партизанам А.П. Бринского удалось настроить актив из местного населения Озерецких хуторов Рафаловского района таким образом, что он «радушно встречал партизан, а от программы бандеровцев отворачивался». Последних местные жители в ответ на их агитацию упрекали, что они служат в полиции и других немецких учреждениях, а также заявляли: «Мы от вас ничего не хотим, другой власти, кроме партизанской, мы не признаем» [27. С. 677]. В июне 1943 г. в с. Ельне Рокитновского района националисты организовали собрание местных жителей, во время которого просили собрать продовольствие и записываться в уповский отряд. Первое крестьяне выполнили, а второе – категорически отказались [40. Л. 71].

В местности, где советские партизаны имели поддержку населения, в случаях выявления фактов распространения националистами агитационных листовок большевистские пропагандисты проводили беседы с местными жителями. Это приносило результаты, поскольку последние отдавали им печатные материалы, розданные националистами [10. Л. 113]. Бывали случаи, когда крестьяне помогали в поисках уповских продовольственных складов [68. Л. 24].

Поскольку повстанческое движение охватило тогда практически СЗУЗ, его участники имели возможность, в отличие от советских партизан, эффективнее влиять на сознание гражданского населения, чем и воспользовались. Этому также способствовали преимущественно проукраинские настроения последнего и тот факт, что большинство повстанцев были местными.

Ввиду того что советские партизаны, подконтрольные партийным и государственным органам СССР, и уповцы преследовали противоположные цели, а идеологическая почва их деятельности абсолютно по-разному диктовала решение национального вопроса и, соответственно, государственного самоопределения украинской нации, им не удавалось договориться о прочном нейтралитете или перемирии. Тем более что для украинских националистов «Москва» всегда была «извечным поработителем Украины», а красная партизанка воспринималась как авангард большевизма, который пытался овладеть базой повстанческого движения – Вольню.

Когда же советские партизаны и повстанческое движение активно вступили в обоюдное противостояние, которое существенным образом влияло на их военно-политическую деятельность, перемирие, даже временное прекращение огня выглядело менее реалистичным. Поскольку ситуация была крайне сложная, комиссар Сумского соединения С. Руднев считал: «Так как здесь такое политическое переплетение, что нужно крепко думать, убить – это очень простая вещь; но надо сделать, чтобы избежать этого. Националисты – наши враги, но они бьют немцев. Вот здесь и лавируй, и думай» [33. С. 104–105]. Именно благодаря взвешенности и дипломатическому таланту С. Руднева удалось договориться с уповцами о перемирии соединения С.А. Ковпака через р. Горинь в районе с. Корчин – Звиздивка Костопольского района.

24 сентября 1943 г. в селе Карпиловка Рокитновского района состоялись переговоры между командиром чехословацкого отряда ЖПС капитаном Я. Налепкой (Репкиным) и «представителем центрального штаба УПА». Репкин предложил собеседнику объединить усилия двух противоборствующих сторон, чтобы как можно быстрее победить немцев, а также прекратить борьбу против советских партизан. Однако договориться не удалось, поскольку, как следует из рапорта Репкина генерал-майору А. Сабурову от 31 октября того же года, уповец заявил следующее: «Борьбу против партизан первыми начали не мы, так как партизаны также нападали на наши деревни и села, грабили и убивали их население, за это мы также мстим». На замечание капитана, что своими действиями против партизан УПА помогает оккупантам, ее представитель ответил так: «Мы воюем одинаково, против красных и против немцев, для нас противником является империализм московский, как и империализм берлинский. Империализм московский, как империализм большевистский является неприятелем культуры, религии украинского народа, а также и всех остальных народов; империализм берлинский является неприятелем свободы украинского народа, а также остальных народов Европы» [61. С. 235–236].

Известно также, что 19 октября 1943 г. к УШПД обратился командир соединения им. Л.П. Берия А.М. Грабчак, который в радиোগрамме просил объяснить ему, правильно ли будет, если он договорится с командиром УПА «Климом Савуром» (Д. Клячкив-

ским) о нейтралитете. Исходя из информации А. Грабчака, «Клим Савур» приказал уповцам не вступать в бой с этим соединением, ибо это «настоящий партизанский отряд, который не грабит людей и наносит много вреда немцам. Другие партизанские отряды приказал бить, потому что они – грабители, не защищают села от немцев». Как отметили украинские исследователи А. Кентий и В. Лоцицкий, содержание радиোগраммы способствует пониманию факторов, которые могли усложнять отношения между националистами и красными партизанами [69. С. 387–388].

Невзирая на попытки партизан УШПД и украинских повстанцев договориться между собой, серьезных практических результатов им добиться не удалось. Разве что удавалось достичь согласия о кратковременном прекращении огня между отдельными партизанскими и уповскими отрядами. Преградой на этом пути становились непреодолимые идеологические противоречия, различие военно-политических целей и обоюдная ненависть, которая сформировалась в результате бескомпромиссной борьбы.

Таким образом, антиповстанческая пропаганда направлялась на то, чтобы навязать в сознании местных жителей определенные стереотипы, вызвать положительные эмоции относительно советских партизан и, соответственно, отрицательные – украинских националистов. Достичь этого советские партизаны пытались, интерпретируя повстанческое движение, согласно задачам и директивным указаниям ЦК КП(б)У и УШПД, а также большевистской идеологии, которая простым жителям Волыни была преимущественно непонятной и, соответственно, не находила надлежащего восприятия.

Красные партизаны осуществляли идеологическую работу теми же способами, что и украинские националисты, однако в результате шаблонности своих пропагандистских материалов, невосприятия их значительной частью местного населения и оуновцами они не смогли нанести серьезный вред повстанческо-подпольному движению и существенно изменить общественно-политические настроения вольнян в свою пользу. Определенной морально-психологической мобилизации и поддержки со стороны гражданского населения советским партизанским соединениям удалось достичь в тех местах, где они находились стационарно и могли агитационно-пропагандистским и иным образом осуществлять обработку его сознания.

Для украинских националистов идеологическая борьба против советских партизан была важной составляющей их военно-политической деятельности, поскольку последние, согласно позиции ОУН, считались опасным врагом на пути достижения украинского самостоятельного соборного государства. Повстанческая пропаганда в целом успешно выполняла свои задачи в деле поддержки и расширения национально-государственных настроений среди населения Волыни, однако ее антипартизанский вектор не достиг ожидаемых результатов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Євдокименко В.Е. Критика ідейних основ українського буржуазного націоналізму. 2-е вид, випр. та доп. Київ : Наукова думка, 1968. 293 с.
2. Федун Петро «Полтава». Концепція Самостійності України. Твори. Львів, 2008. Т. 1. 720 с.
3. Римаренко Ю.И. Антикоммунистический альянс (Критика идеологических национально-политических доктрин международного сионизма и украинского буржуазного национализма). Киев : Наукова думка, 1981. 217 с.
4. Римаренко Ю.И. Буржуазний націоналізм та його «теорія» нації. Київ : Наукова думка, 1974. 384 с.
5. Государственный архив Ровенской области (далее – ГАРО). Ф. Р–40. Оп. 2. Д. 63. 64 л.
6. Русский архив. Великая Отечественная. Т. 20 (9): Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: Документы и материалы. М. : ТЕРРА, 1999. 672 с.
7. Санников Г.З. Большая охота. Разгром вооруженного подполья в Западной Украине. М. : ОЛМА–ПРЕСС, 2002. 512 с.
8. ОУН і УПА в 1943 році: Документи. Київ : Інститут історії України НАН України, 2008. 347 с.
9. Літопис УПА. Нова серія. Т. 3 : Боротьба проти УПА і націоналістичного підпілля: директивні документи ЦК Компартії України. Київ; Торонто : Літопис УПА, 2001. 646 с.
10. Центральный государственный архив общественных объединений Украины (далее – ЦГАООУ). Ф. 65. Оп. 1. Д. 24. 123 л.
11. ЦГАООУ. Ф. 166. Оп. 3. Д. 56. 241 л.
12. ЦГАООУ. Ф. 166. Оп. 2. Д. 154. 28 л.
13. Шайкан В.О. Ідеологічна боротьба в Україні періоду Другої світової війни 1939–1945 р. Кривий Ріг, 2010. 436 с.
14. Данілова А.О. Повсякденне життя радянських партизанів на території України в роки Великої Вітчизняної війни : автореф. дис. ... канд. істор. наук. Донецьк, 2014. 20 с.
15. ЦГАООУ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 7. 104 л.
16. ЦГАООУ. Ф. 166. Оп. 2. Д. 54. 9 л.
17. ГАРО. Ф. 4054. Оп. 1. Д. 163. 99 л.
18. ЦГАООУ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 1. 180 л.
19. ЦГАООУ. Ф. 86. Оп. 1. Д. 7. 87 л.
20. Дем'янчук І.Л. Партизанська преса України (1941–1944). Київ : Видавництво КДУ ім. Т.Г. Шевченка, 1956. 108 с.
21. Дем'янчук І.Л. Зброєю слова. Преса партійного підпілля і партизанських формувань періоду Великої Вітчизняної війни. 1941–1945 р. Київ : Видавництво КДУ ім. Т.Г. Шевченка, 1986. 239 с.
22. ЦГАООУ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 15. 182 л.
23. ЦГАООУ. Ф. 105. Оп. 1. Д. 35. 81 л.
24. ЦГАООУ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 1. 300 л.
25. ГАРО. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 63. 63 л.
26. ЦГАООУ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 57. 201 л.
27. Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Документы : в 2 т. Т. 1: 1939–1943. (под ред. А. Артизова). М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 878 с.
28. ЦГАООУ. Ф. 64. Оп. 1. Д. 47. 71 л.
29. Федоров И.Ф. Партизанские версты (Воспоминания командира соединения). Киев : Политиздат Украины, 1990. 223 с.
30. Гогун А.С. Сталинские командос. Украинские партизанские формирования 1941–1944. 2-е изд., испр. и доп. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 527 с.
31. Літопис УПА. Нова серія. Т. 14: УПА і запілля на ПЗУЗ 1943–1945. Нові документи. Київ; Торонто : Літопис УПА, 2010. 640 с.
32. Федоров О.Ф. Підпільний обком діє. Київ : Політвидав України, 1981. 832 с.
33. Партизанская война в Украине. Дневники командиров партизанских отрядов и соединений. 1941–1944 / сост.: О.В. Бажан, А.В. Кентий и др. М. : Центрполиграф, 2000. 670 с.
34. ЦГАООУ. Ф. 68. Оп. 1. Д. 33. 258 л.
35. ЦГАООУ. Ф. 64. Оп. 1. Д. 56. 339 л.
36. ЦГАООУ. Ф. 68. Оп. 1. Д. 35. 97 л.
37. Антонюк Я.М. Український визвольний рух у постатях керівників. Волинська та Брестська області (1930–1955). Торонто; Львів : Літопис УПА, 2014. 1069 с.
38. Стедишин О.Л. Бандерівський інтернаціонал: грузини, росіяни, євреї... Львів : Часопис, 2015. 328 с.
39. Бігун І.М. Розгром повстанської республіки «Січ» радянським сумським партизанським з'єднанням у січні 1944 р. // Міжнародна наукова конференція «Український визвольний рух 20–50 років ХХ ст. : ідея державності та її реалізація. Доповіді і повідомлення. 29–30 червня 2016 р. Київ, 2016. С. 15–23.
40. ЦГАООУ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 17. 149 л.
41. ЦГАООУ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 20. 171 л.
42. Жив'юк А.А. За московським часом: контрверсії радянзації Рівненщини (кінець 1930-х–кінець 1950-х років). Рівне : ВАТ «Рівненська друкарня», 2011. 186 с.
43. Корчев М.С. Годы огневые / лит. запись Б. Попова. 2-е изд., доп. Киев : Политиздат Украины, 1989. 30 с.
44. Жив'юк А.А. «Інструменталізована церква» : використання компартійною номенклатурою представників релігійних конфесій у збройній боротьбі на Західній Волині й Поліссі у 1940-х рр. // З архівів ВЧК–НКВД–КГБ. Київ ; Харків, 2009. № 2. С. 7–21.
45. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 503. 106 л.
46. ЦГАООУ. Ф. 105. Оп. 1. Д. 1. 115 л.
47. Україна партизанська, 1941–1944. Партизанські формування та органи керівництва ними. Науково-довідкове видання. Київ : Парламентське вид-во, 2001. 319 с.
48. ЦГАООУ. Ф. 70. Оп. 1. Д. 14. 84 л.
49. ГАРО. Ф. Р–30. Оп. 1. Д. 19. 52 л.
50. Трофимович В.В. Створення Української повстанської армії // Наукові записки Національного університету «Острозька академія» : Історичні науки. Острог : НУОА, 2013. Вип. 20. С. 12–21.
51. Трофимович В.В., Сухих А.Ю. Боротьба за терени впливу між рівненськими радянськими партизанськими з'єднаннями й УПА (1943–1944) // Військово-науковий вісник. Львів : НАСВ, 2017. Вип. 27. С. 135–150.
52. ГАРО. Ф. Р–30. Оп. 1. Д. 10. 95 л.
53. Земля і Влада. Червень 1943 р. № 1.
54. Оборона України. 1 серпня 1943 р. № 1.
55. Кеворкян К. Пропаганда: генезис і визначення в контексті сучасних комунікацій // Вісник ХНУ ім. В.Н. Каразіна. Питання соціології. Харків, 2012. Вип. 21.
56. ГАРО. Ф. Р–30. Оп. 1. Д. 18. 56 л.
57. ГАРО. Ф. Р–30. Оп. 1. Д. 16. 83 л.
58. ЦГАООУ. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1. 358 л.
59. ГАРО. Ф. Р–30. Оп. 2. Д. 92. 34 л.
60. ГАРО. Ф. Р–30. Оп. 2. Д. 95. 8 л.

61. Сергійчук В.І. Український здви́г : Волинь. 1939–1955. Київ : Українська видавнича спілка, 2005. 840 с.
62. ГАРО. Ф. Р–30. Оп. 2. Д. 43. 116 л.
63. ЦГАООУ. Ф. 97. Оп. 1. Д. 1. 309 л.
64. ЦГАООУ. Ф. 64. Оп. 1. Д. 21. 175 л.
65. ЦГАООУ. Ф. 68. Оп. 1. Д. 8. 68 л.
66. ЦГАООУ. Ф. 73. Оп. 1. Д. 6. 250 л.
67. ЦГАООУ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 16. 126 л.
68. ЦГАООУ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 3. 58 л.
69. Кентій А.В., Лозицький В.С. Війна без пощади і милосердя. Партизанський фронт у тилу Вермахту в Україні 1941–1944. Київ : Генеза, 2005. 408 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 22 мая 2019 г.

The Ideological Confrontation of Soviet Guerrillas and Ukrainian Rebels in Volhynia in 1942–1944

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 448, 160–171.

DOI: 10.17223/15617793/448/20

Volodymyr V. Trofymovych, National University of Ostroh Academy (Ostroh, Ukraine). E-mail: v.trofymovych@rambler.ru

Andriy Yu. Sukhykh, National University of Ostroh Academy (Ostroh, Ukraine). E-mail: andrew.sukhykh.1992@gmail.com

Liliya V. Trofymovych, Hetman Petro Sahaidachnyi National Ground Forces Academy (Lviv, Ukraine). E-mail: l.trofymovych@hotmail.com

Keywords: Soviet guerrillas; Ukrainian nationalists; rebels; Volhynia; agitation and propaganda; ideological struggle; OUN; population; occupiers.

On the basis of archival materials, as well as other sources and scientific literature, the article attempts to present the little-studied historiography of the ideological confrontation between Soviet guerrillas and subordinates of the Organization of Ukrainian Nationalists, Bandera's faction, who were Ukrainian rebels on the territory of the historical and ethnographic Volhynia, now part of Volyn, Rivne, parts of Khmelnytskyi, Ternopil and Zhytomyr Oblasts. The chronological framework of the confrontation covers the period from 1942 (the establishment of the Central and Ukrainian headquarters of the Guerrilla Movement of the Central Committee of the Communist Party (Bolsheviks) of Ukraine; raids of Sumy guerrillas under the command of S. Kovpak and A. Saburov to the Right-Bank Ukraine; the emergence of armed self-defense groups of Bandera's Organization of Ukrainian Nationalists in Volhynia and southern Polesia, which, as part of the rebel territory, made up a separate entity called "Northwestern Ukrainian lands") till 1944 (Nazi invaders' expulsion from the territory of Ukraine). The article emphasizes that actions of Soviet guerrillas and Ukrainian rebels were subordinated not only to military-political aims, but also to the ideological principles of Bolshevism and Ukrainian integral nationalism, respectively, which had diametrically opposite approaches the solution of the national question. The article covers the forms and techniques of the ideological struggle used by the opposing parties. Different aspects of their propaganda among the local population are considered. The propaganda was aimed at influencing people's mood, winning them to the parties' sides, securing their loyalty and support, discrediting the opposite party and its ideology in their eyes. There was a great reaction of the local population to the political work done by Soviet guerrillas and Ukrainian nationalists. There were cases when representatives of the national units of the Ukrainian Insurgent Army joined Soviet guerrillas: those were mostly former Red Army soldiers. The ideological struggle of Soviet guerrillas was more successful in locations where they had a military advantage and protected the locals from the occupants' taxes and punitive actions. The propaganda by Ukrainian rebels was successful in terms of receiving support and increasing national public moods in Volhynia's people, but its anti-guerrilla vector never reached the expected result. Attention is drawn to the fact that the attempts of Soviet guerrillas and Ukrainian rebels to reach an agreement on some questions failed in most cases because they had a lot of ideological contradictions, different military and political goals, and mutual hatred that arose in the long and uncompromising struggle.

REFERENCES

1. Evdokimenko, V.E. (1968) *Kritika ideynikh osnov ukrains'kogo burzhuznogo natsionalizmu* [Criticism of the ideological foundations of Ukrainian bourgeois nationalism]. 2nd ed. Kyiv: Naukova dumka.
2. Fedun, P. (2008) "Poltava". *Kontseptsiya Samostiynosti Ukraini* ["Poltava". The Concept of Independence of Ukraine]. Vol. 1. Lviv: In-t ukrainoznavstva.
3. Rimarenko, Yu.I. (1981) *Antikommunisticheskiy al'yans (Kritika ideologicheskikh natsional'no-politicheskikh doktrin mezhdunarodnogo sionizma i ukrainskogo burzhuznogo natsionalizma)* [Anti-Communist Alliance (Criticism of the ideological national-political doctrines of international Zionism and Ukrainian bourgeois nationalism)]. Kyiv: Naukova dumka.
4. Rimarenko, Yu.I. (1974) *Burzhuzniy natsionalizm ta yogo "teoriya" natsii* [Bourgeois nationalism and its "theory" of the nation]. Kyiv: Naukova dumka.
5. State Archive of Rivne Oblast (GARO). Fund R–40. List 2. File 63. 64 p.
6. Militera. (1999) *Russkiy arkhiv. Velikaya Otechestvennaya* [Russian archive. The Great Patriotic War]. Vol. 20 (9). Moscow: TERRA.
7. Sannikov, G.Z. (2002) *Bol'shaya okhota. Razgrom voruzhennogo podpol'ya v Zapadnoy Ukraine* [The great hunt. The defeat of the armed underground in Western Ukraine]. Moscow: OLMA–PRESS.
8. NAS of Ukraine, Institute of History of Ukraine. (2008) *OUN i UPA v 1943 rotsi: Dokumenti* [The OUN and UPA in 1943: Documents]. Kyiv: Institute of History of Ukraine.
9. Litopis UPA. (2001) *Litopis UPA. Nova seriya* [UPA Chronicle. New Series]. Vol. 3. Kyiv; Toronto: Litopis UPA.
10. Central State Archives of Public Organizations of Ukraine (TsGAOOU). Fund 65. List 1. File 24. 123 p.
11. Central State Archives of Public Organizations of Ukraine (TsGAOOU). Fund 166. List 3. File 56. 241 p.
12. Central State Archives of Public Organizations of Ukraine (TsGAOOU). Fund 166. List 2. File 154. 28 p.
13. Shaykan, V.O. (2010) *Ideologichna borot'ba v Ukraini periodu Drugoi svitovoi viyni 1939–1945 r.* [The ideological struggle in Ukraine of the Second World War period 1939–1945.]. Kriviy Rig: [s.n.].
14. Danilova, A.O. (2014) *Povsyakdenne zhittya radyans'kikh partizaniv na teritorii Ukraini v roki Velikoi Vitchiznyanoi viyni* [Daily life of Soviet guerrillas on the territory of Ukraine during the Great Patriotic War]. Abstract of History Cand. Diss. Donetsk.
15. Central State Archives of Public Organizations of Ukraine (TsGAOOU). Fund 69. List 1. File 7. 104 p.
16. Central State Archives of Public Organizations of Ukraine (TsGAOOU). Fund 166. List 2. File 54. 9 p.

17. State Archive of Rivne Oblast (GARO). Fund 4054. List 1. File 163. 99 p.
18. Central State Archives of Public Organizations of Ukraine (TsGAOOU). Fund 78. List 1. File 1. 180 p.
19. Central State Archives of Public Organizations of Ukraine (TsGAOOU). Fund 86. List 1. File 7. 87 p.
20. Dem'yanchuk, I.L. (1956) *Partizans'ka presa Ukraini (1941–1944)* [Guerrilla Press of Ukraine (1941–1944)]. Kyiv: Vidavnistvo KDU im. T.G. Shevchenka.
21. Dem'yanchuk, I.L. (1986) *Zbroeyu slova. Presa partiynogo pidpillya i partizans'kikh formuvan' periodu Velikoi Vitchiznyanoi viyni. 1941–1945 r.* [The weapon of the word. The press of the party underground and the guerrilla formations of the Great Patriotic War. 1941–1945]. Kyiv: Vidavnistvo KDU im. T.G. Shevchenka.
22. Central State Archives of Public Organizations of Ukraine (TsGAOOU). Fund 69. List 1. File 15. 182 p.
23. Central State Archives of Public Organizations of Ukraine (TsGAOOU). Fund 105. List 1. File 35. 81 p.
24. Central State Archives of Public Organizations of Ukraine (TsGAOOU). Fund 65. List 1. File 1. 300 p.
25. State Archive of Rivne Oblast (GARO). Fund P–1. List 1. File 63. 63 p.
26. Central State Archives of Public Organizations of Ukraine (TsGAOOU). Fund 65. List 1. File 57. 201 p.
27. Artizov, A. (ed.) (2012) *Ukrainskie natsionalisticheskie organizatsii v gody Vtoroy mirovoy voyny. Dokumenty: v 2 t.* [Ukrainian nationalist organizations during the Second World War. Documents: in 2 vols]. Vol. 1: 1939–1943. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
28. Central State Archives of Public Organizations of Ukraine (TsGAOOU). Fund 64. List 1. File 47. 71 p.
29. Fedorov, I.F. (1990) *Partizanskie versty (Vospominaniya komandira soedineniya)* [Guerrilla versts (Memoirs of the commander of the military unit)]. Kyiv: Politizdat Ukrainy.
30. Gogun, A.S. (2012) *Stalinskie komandos. Ukrainskie partizanskie formirovaniya 1941–1944* [Stalin's commanders. Ukrainian guerrilla formations of 1941–1944]. 2nd ed. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
31. Litopis UPA. (2010) *Litopis UPA. Nova seriya* [UPA Chronicle. New Series]. Vol. 14. Kyiv; Toronto: Litopis UPA.
32. Fedorov, O.F. (1981) *Pidpil'niy obkom die* [The underground ward operates]. Kyiv: Politvidav Ukraini.
33. Bazhan, O.V. et al. (2000) *Partizanskaya voyna v Ukrainie. Dnevniky komandirov partizanskih otryadov i soedineniy. 1941–1944* [Guerrilla war in Ukraine. Diaries of the commanders of guerrilla detachments and formations. 1941–1944]. Moscow: Tsentrpoligraf.
34. Central State Archives of Public Organizations of Ukraine (TsGAOOU). Fund 68. List 1. File 33. 258 p.
35. Central State Archives of Public Organizations of Ukraine (TsGAOOU). Fund 64. List 1. File 56. 339 p.
36. Central State Archives of Public Organizations of Ukraine (TsGAOOU). Fund 68. List 1. File 35. 97 p.
37. Antonyuk, Ya.M. (2014) *Ukrains'kiy vizvol'niy rukh u postatyakh kerivnikov. Volins'ka ta Brests'ka oblasti (1930–1955)* [Ukrainian liberation movement in the figures of leaders. Volyn and Brest regions (1930–1955)]. Toronto; Lviv: Litopis UPA.
38. Stetsishin, O.L. (2015) *Banderivs'kiy internatsional: gruzini, rosiyani, evrei . . .* [Bandera International: Georgians, Russians, Jews . . .]. Lviv: Chasopis.
39. Bigun, I.M. (2016) [The defeat of the rebellious republic “Sich” by the Soviet Sumy guerrilla union in January 1944]. *Ukrains'kiy vizvol'niy rukh 20–50 rokiv XX st.: ideya derzhavnosti ta ii realizatsiya* [Ukrainian Liberation Movement of the 1920s–1950s: The Idea of Statehood and Its Realization]. Proceedings of the International Conference. 29–30 chervnya 2016. Kyiv: [s.n.]. pp. 15–23. (In Ukrainian).
40. Central State Archives of Public Organizations of Ukraine (TsGAOOU). Fund 65. List 1. File 17. 149 p.
41. Central State Archives of Public Organizations of Ukraine (TsGAOOU). Fund 65. List 1. File 20. 171 p.
42. Zhiv'yuk, A.A. (2011) *Za moskovs'kim chasom: kontroversii radyanizatsii Rivnenshchiny (kinets' 1930-kh–kinets' 1950-kh rokiv)* [Moscow Time: Controversies of the Soviet Union of the Rivne Region (late 1930s – late 1950s)]. Rivne: VAT “Rivnens'ka drukarnya”.
43. Korchev, M.S. (1989) *Gody ognevye* [Years of Fire]. 2nd ed. Kyiv: Politizdat Ukrainy.
44. Zhiv'yuk, A.A. (2009) “Instrumentalizovana tserkva”: vikoristannya kompartynoyu nomenklatury predstavnikiv religiyних konfesiyy u zbroyniy borot'bi na Zakhidniy Volini y Polissi u 1940-kh rr. [“Instrumentalized Church”: the use of communist nomenclature by representatives of religious denominations in the armed struggle in Western Volhynia and Polesia in the 1940s.]. *Z arkhiviv VChK–NKVD–KGB*. 2. pp. 7–21.
45. Central State Archives of Public Organizations of Ukraine (TsGAOOU). Fund 1. List 22. File 503. 106 p.
46. Central State Archives of Public Organizations of Ukraine (TsGAOOU). Fund 105. List 1. File 1. 115 p.
47. Lozits'kiy, V.S., Bazhan, O.V., Kentiy, A.V. & Tkach, O.S. (2001) *Ukraina partizans'ka, 1941–1944. Partizans'ki formuvannya ta organi kerivnistva nimi* [Guerrilla Ukraine, 1941–1944. Guerrilla formations and their governing bodies]. Kyiv: Parlaments'ke vid-vo.
48. Central State Archives of Public Organizations of Ukraine (TsGAOOU). Fund 70. List 1. File 14. 84 p.
49. State Archive of Rivne Oblast (GARO). Fund R–30. List 1. File 19. 52 p.
50. Trofimovich, V.V. (2013) *Stvorennya Ukrain's'koi povstans'koi armii* [Creation of the Ukrainian Insurgent Army]. *Naukovi zapiski Natsional'nogo universitetu “Ostroz'ka akademiya” : Istorichni nauki*. 20. pp. 12–21.
51. Trofimovich, V.V. & Sukhikh, A.Yu. (2017) The Struggle for territory of influence between Rivne Soviet partisan units and UPA (1943–1944). *Viys'kovo-naukoviy visnik*. 27. pp. 135–150.
52. State Archive of Rivne Oblast (GARO). Fund R–30. List 1. File 10. 95 p.
53. *Zemlya i Vlada*. (1943) June. 1.
54. *Oborona Ukraini*. (1943) 1 August. 1.
55. Kevorkyan, K. (2012) Propaganda: genezis i viznachennya v konteksti suchasnikh komunikatsiy [Propaganda: Genesis and Definition in the Context of Modern Communication]. *Visnik KhNU im. V.N. Karazina. Pitannya sotsiologii*. 21.
56. State Archive of Rivne Oblast (GARO). Fund R–30. List 1. File 18. 56 p.
57. State Archive of Rivne Oblast (GARO). Fund R–30. List 1. File 16. 83 p.
58. Central State Archives of Public Organizations of Ukraine (TsGAOOU). Fund 64. List 1. File 1. 358 p.
59. State Archive of Rivne Oblast (GARO). Fund R–30. List 2. File 92. 34 p.
60. State Archive of Rivne Oblast (GARO). Fund R–30. List 2. File 95. 8 p.
61. Sergiychuk, V.I. (2005) *Ukrains'kiy zdvig: Volin'. 1939–1955* [Ukrainian Shift: Volyn. 1939–1955]. Kyiv: Ukrain's'ka vidavnicna spilka.
62. State Archive of Rivne Oblast (GARO). Fund R–30. List 2. File 43. 116 p.
63. Central State Archives of Public Organizations of Ukraine (TsGAOOU). Fund 97. List 1. File 1. 309 p.
64. Central State Archives of Public Organizations of Ukraine (TsGAOOU). Fund 64. List 1. File 21. 175 p.
65. Central State Archives of Public Organizations of Ukraine (TsGAOOU). Fund 68. List 1. File 8. 68 p.
66. Central State Archives of Public Organizations of Ukraine (TsGAOOU). Fund 73. List 1. File 6. 250 p.
67. Central State Archives of Public Organizations of Ukraine (TsGAOOU). Fund 66. List 1. File 16. 126 p.
68. Central State Archives of Public Organizations of Ukraine (TsGAOOU). Fund 78. List 1. File 3. 58 p.
69. Kentiy, A.V. & Lozits'kiy, V.S. (2005) *Viyna bez poshchadi i miloserdya. Partizans'kiy front u tilu Vermakhtu v Ukraini 1941–1944* [A war without mercy and humaneness. The guerrilla front in the rear of the Wehrmacht in Ukraine 1941–1944]. Kyiv: Geneva.

Received: 22 May 2019

К ВОПРОСУ ОБ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ОЛЕНЕВОДСТВА КОМИ-ИЖЕМЦЕВ СЕВЕРНОГО ЗАУРАЛЬЯ (XIX – ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XX в.)

*Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ, проект № 19-59-22008
«Развитие Западной Сибири в XIX – начале XXI в.: социально-экологические аспекты».*

Рассматривается роль глобальных климатических процессов (малого ледникового периода) в трансформации традиционной хозяйственной структуры коми-ижемцев (становление крупнотабунного оленеводства) и миграциях коми-оленьеводов на территорию Северного Зауралья, а также адаптация оленеводческого комплекса коми-ижемцев к природным условиям Нижнего Приобья. Освещаются традиционные природоведческие знания оленеводов, взаимодействие природной среды и оленеводческой отрасли хозяйственной структуры региона и результаты этого взаимодействия для ландшафтно-рельефных систем и биоценозов.

Ключевые слова: коми-ижемцы; оленеводство; природоведческие знания; изменения природной среды; малый ледниковый период.

Оленеводство вкупе с охотничьим и рыболовецким промыслами справедливо считаются основой традиционной хозяйственной структуры аборигенных народов Северного Зауралья. Однако и русское население уже на раннем этапе хозяйственного освоения края пыталось заниматься оленеводством. Так, в середине XVIII в. оленей держали березовцы и сургутяне. Правда, выпасом оленей они не занимались, доверяя свои стада наемным пастухам-аборигенам или присовокупляя своих оленей к стадам аборигенов на определенных условиях. В тундру русские владельцы стад наведывались только за тем, чтобы пересчитать и «перепятнать» принадлежавших им животных. К середине XIX в. только березовским горожанам принадлежало 6 тыс. оленей. Размеры стада отдельных владельцев варьировались от 10 до 700 голов. Большая часть этих оленей содержалась на выпасе у «инородцев Обдорской волости» [1. С. 78–79].

Примерно так же происходило становление оленеводства у коми-ижемцев на Печоре. Коми уже в середине XVII в. имели оленей, но не занимались оленеводством самостоятельно, предпочитая отдавать своих немногочисленных животных ненцам-оленьеводам на выпас [2. С. 20]. Однако, в отличие от березовцев и сургутян, коми-ижемцы со временем перешли к отгонному оленеводству, переняв соответствующие навыки у ненцев Большеземельской тундры [3. С. 164, 166]. К середине XIX в. крупнотабунное отгонное оленеводство стало основой хозяйственной структуры Ижемского края [4. С. 135]. Уже в 40-х гг. XIX в. ижемцы на Печоре владели 120 тыс. голов оленей. К концу XIX в. оленеводам из числа коми принадлежало 70% поголовья оленей Печорского уезда [5. С. 112–115; 6. С. 120, 125]. Постоянный рост стада обуславливался товарным характером ижемского оленеводства – это коренным образом отличало оленеводство коми от ненецкого и требовало постоянного расширения площади кочевий. Решающим фактором перехода ижемцев к кочевому оленеводству и к миграционной хозяйственной стратегии стал фактор климатический. Речь идет о так называемом малом ледниковом периоде (МЛП), длившемся с XIV в. до середины XIX в. В МЛП выделяются три фазы, различающиеся по тепловлагообеспеченности и структу-

ре погод. Нисходящая фаза (похолодание) – до 1600 г., ядро (стабильно холодный климат) – 1600–1800 гг., восходящая фаза (потепление) – 1800–1850 гг. Указанные временные границы приблизительны и не отражены резкими климатическими изменениями [7. С. 9]. Размыты временные границы отдельных фаз МЛП еще и в силу ограниченных возможностей инструментария, применяемого в науке для соответствующих реконструкций. Различные естественнонаучные методы, применяемые в палеоклиматологии (споро-пыльцевые данные, изотопный метод, гляциологические исследования, дендрологические исследования, геотермический метод палеоклиматических реконструкций по термограммам скважин) не дают однозначного ответа о сроках прохождения отдельных фаз МЛП [8. С. 7–21].

Между тем, как будет показано ниже, немалым эвристическим потенциалом в решении данной проблематики обладает историческая наука. Так, согласно предварительным результатам исследований в этой области автора данной статьи, в Западной Сибири, включая Северное Зауралье, потепление начинается на хозяйственной структуре и миграционных процессах в 1760–1770-е гг. [9]. К такому же выводу в отношении Русского Севера пришел И.Л. Жеребцов: «В XVIII в., и особенно в последней его трети, историко-демографическое развитие Севера вступило в период постепенной стабилизации. Прошел пик малого ледникового периода, и климат стал улучшаться, постепенно становиться более мягким, более благоприятным для ведения сельского хозяйства». Под «стабилизацией историко-демографического развития» И.Л. Жеребцов понимает устойчивый демографический рост. Так, население Коми края в целом с конца XVIII до середины XIX в. выросло почти вдвое: с 58 до 110 тыс. человек [10. С. 4–5]. У ижемцев в это же время ситуация граничит с демографическим взрывом. Всего за 25 лет (1829–1855) число жителей Ижемской и Усть-Целемской волостей увеличилось в 2,2 раза [11. С. 52]. Потепление и вызванный им демографический рост стали причиной миграционной активности коми-ижемцев: «Более теплый период способствовал усилению миграционной активности ижемских коми, их переселе-

ниям в крайние северные и северо-восточные районы Коми края, в Нижнее Приобье и даже на Кольский полуостров» [10. С. 72]. Причем всплески миграционных волн поднимались и в связи с локальными кратковременными колебаниями климата. Так, в 1835–1837 гг. на общем фоне потепления в Архангельской губернии отмечались возвратные морозы, погубившие посевы [12. С. 85]. Поскольку в Северном Зауралье присваивающе-производящая хозструктура уже переселившихся сюда ижемцев, по-видимому, никак не пострадала от этого катаклизма, сюда немедленно устремилась новая миграционная волна. Свидетельством тому является появившееся с конца 1830-х гг. в метрических книгах церковей Березовского края большое количество записей коми фамилий [13. С. 224]. Подобное положение дел имело место быть и в конце 1870-х – начале 1880-х гг. В 1913 г. Д.Д. Иевлеву некто Яков Попов, «старик-поселенец» из Яр-Пи-Яка (р. Уса), рассказывал о страшном голоде, который в конце 70-х – начале 80-х гг. XIX в. изнурял население Ижемского края: «Лет 40 тому назад... пришло на Уссу в разные места много народу с р. Ижмы. Голод там был, хлеба купить нельзя было, промысел плохой, вот и пошел туда народ, кто на Уссу, кто в Сибирь, в Березов, в Мужы, в Обдорск. По Уссе тогда промыслы были сильно хорошие и рыбы, и зверя, и птицы доволь. В Ижме в те годы вместо муки хлеб из мха делали» [14. С. 18].

Есть и другие свидетельства о наплыве зырян-ижемцев в Обдорскую волость в начале 80-х гг. XIX в. [15. Л. 37]. Растет в 1880-е гг. миграционная активность коми и в пределах Сосьвинско-Ляпинского бассейна [13. С. 225]. Тогда же из Ижмы двинулась первая партия переселенцев на запад в Мурманское заполярье [11. С. 52]. Таким образом, потепление климата расширило возможности комплексного присваивающе-производящего хозяйства на Печоре, но вызванный этим рост населения, в свою очередь, ограничил возможности этого хозяйства. Выходом стали не только миграции, но и переход к крупнотабунному оленеводству. Согласно последним исследованиям, эта отрасль хозяйства складывается у ижемцев «к середине или даже второй половине 18-го столетия» [16. С. 25]. В очень короткие сроки именно крупнотабунное оленеводство становится «основным источником пропитания» для растущего населения и, в свою очередь, стимулирует миграционные потоки [4. С. 135].

Возможно, первая волна миграции коми-ижемцев на Нижнюю Обь также началась в самом начале восходящего периода МЛП, во всяком случае, с 1770-х по 1781 гг. население Обдорска (Салехарда) увеличилось с 5 до 9 дворов [17. С. 345; 18. С. 310]. Переселившиеся на Нижнюю Обь и предпочитавшие кочевому образу жизни оседлый коми поступали с принадлежавшими им оленями так же, как сургутяне и березовцы. С той лишь разницей, что со временем появилась возможность отдавать оленей на выпас не только аборигенам, но и кочующим зырянам. С большой степенью вероятности именно так поступали упоминаемые ниже хозяева оленей. В 1922 г. жительница д. Ныда, зырянка А.Г. Конева владела 1 000 голов оленей. Поскольку она со своими четырьмя мало-

летними детьми постоянно проживала в собственном деревянном доме, это означает, что олени были отданы кому-то в тундру на выпас. Другой оседлый зырянин этой же деревни имел 15 оленей [19. Л. 21–21 об.]. В 1923 г. Рочеву Петру Федоровичу, проживавшему в дер. Лабытнанги, принадлежало 1 200 оленей [20. Л. 36 об.]. В 1927 г. в границах Мужевского сельсовета проживали семь старожилов, владевших стадами от 1 000 до 1 500 голов [21. Л. 6]. В 1930–1931 гг. в с. Кушеват Г.К. Карпов держал 11 оленей (5 «гужевых», 5 «важенок» и одного теленка). Девять ездовых оленей принадлежали другому жителю села, зырянину А.Ф. Истомину [22. Л. 5–6 об., 37–37 об.]. В 1931 г. охотовед С.С. Абрамович отмечал, что оленей в с. Кушеватском мало, а для их выпаса не отведено специальных угодий [23. Л. 3]. Понятно, что отсутствие специализированных угодий восполнялось выпасом оленей в тундре. Исключительно оленеводами были зыряне-кочевники, к которым и попадали на выпас олени оседлых соплеменников. В первой половине XIX в. их кочевья появляются за Уралом [13. С. 224–225]. Произошло это не случайно. Дело в том, что переселенцы-ижемцы донесли с Печоры до Нижнего Приобья волны демографического взрыва. Согласно сведениям «Обдорской приходской летописи», если с 1823 г. до второй половины 1850-х гг. рождаемость здесь перекрывала смертность вдвое, то с начала 1860-х, по крайней мере, до середины 1890-х – втрое [24. Л. 4 об., 28–29 об.; 25. С. 64]. Наверное, поэтому и в силу описанных выше миграционных процессов в 1880-е гг. наблюдается большой прирост поголовья оленей в Тобольской губернии, практически в два раза – от 125 565 голов в 1882 г. до 247 888 в 1888 г. [26. С. 78].

Таким образом, крупнотабунное оленеводство явилось единственной хозяйственной отраслью, способной прокормить быстрорастущее население. Район зырянских кочевок на Нижней Оби простирался от Урала до р. Надыма на востоке, а с юга на север от р. Ляпина до Байдарацкой губы. Как уже отмечалось выше, зырянское оленеводство отличалось от аборигенного принципиально. Ижемцы вели интенсивное оленеводческое хозяйство с целью получения оптимального выхода продукции для реализации на рынке. В обеспечение этой цели зыряне практиковали круглосуточное окарауливание стада, использовали оленегонную собаку [11. С. 72]. Оленеводы-ижемцы упорядочили сроки кочевания (весенние кочевки после таяния снега). Сроки массового забоя оленей были увязаны не с наибольшим весом животного, как у аборигенов, а с качеством мяса (молодого) и сезонным улучшением качества шкуры. Ежегодно ижемцы забивали примерно 1/5 часть стада, а аборигены – только то количество, которое было необходимо для удовлетворения их повседневных нужд [6. С. 114]. Еще один прием – оптимизация размеров стада до 500 голов, что было удобно при перекочевках. В начале 90-х гг. XIX в. у зырян было очень мало стад в 1–2 тыс. голов, и только одна семья владела стадом в 4 тыс. оленей [6. С. 113–114].

В 20-х гг. XX в. описанная специфика зырянского оленеводства в общих чертах сохранялась. Зыряне

придерживались сложившихся оптимальных размеров выпасаемого стада. Так, в 1924 г. через д. Лабытнанги далее в тундру на выпас оленей проследовали 43 семьи зырян-оленеводов Обдорского района. Только два стада, принадлежавшие Филиппову Андрею Васильевичу и Терентьеву Ивану Григорьевичу, насчитывали по 500 голов. От 10 до 50 оленей имели 13 семей, от 60 до 100 держали 10 хозяйств, 15 семей обладали стадами оленей численностью от 100 до 250 голов, и у трех семей было по 300 оленей [27. Л. об., 2 об., 3 об., 4 об., 5 об., 6 об., 7 об.].

Есть основания полагать, что перечисленные выше хозяйства, имевшие менее 300 оленей, по прибытии к местам кочевий объединялись или присоединялись к хозяйствам с большим количеством оленей. Сведения о подобной кооперации имеются в этнографической литературе [13. С. 226]. Дело в том, что если стадо насчитывает менее 300 оленей, то кочевать становится трудно. Ездовых оленей в таком стаде мало, и нагрузка на них возрастает. От этого олени быстро теряют вес и трудоспособность [28. С. 71]. Относительно небольшие размеры стада помимо прочего позволяли до определенной степени снизить ущерб от эпизоотий. Сибирская язва, чума, «копытка» и ящур постоянно преследовали оленей. Но были годы, когда эти болезни приобретали характер эпизоотий, наносивших оленеводству катастрофический урон. Крупные падежи оленей были в 1848 и 1853 гг. «по преимуществу на Камне (вблизи Урала), в трех днях пути от Обдорска». В 1863 г. в Обдорском крае пало 50 тыс. оленей, в 1872 г. – 23 тыс., в 1896 г. – 100 тыс. Разразившаяся в 1903–1904 гг. эпизоотия унесла в низовьях Оби около 13 тыс. животных, еще от 30 до 50 тыс. пало в водоразделе Оби и Енисея. Катастрофические эпизоотии случались в 1911 и 1915 гг. При этом какая-либо ветеринарная помощь оленеводству отсутствовала вплоть до 1913 г. Для отдельного оленеводческого хозяйства эпизоотия могла закончиться полной катастрофой. Так, в 1904 г. в Ямальской тундре наблюдалась поголовная смертность стад в 500, 1 000, 2 500 и 3 000 голов [29. С. 6–11]. А от свирепствовавшей в тундре в 1922 г. «сибирки» погибали даже люди [30. Л. 4]. По-видимому, следствием этой катастрофы явились весьма скромные размеры стад оленеводов-зырян «Норинской местности» в 1923 г. Из 16 хозяйств только в трех имелось от 90 до 110 оленей, а у подавляющего большинства оленеводов – от 40 до 65 голов. Шесть оленеводов довольствовались соответственно 6, 7, 9, 18, 20, 200 оленями. Та же картина наблюдалась здесь у «олeneводо-инородцев» [20. Л. 21–22]. Имелись и другие неблагоприятные для оленеводства экологические факторы.

Например, летом 1928 г. в Ямальской тундре было столько комаров, что «отмечались случаи, когда слабые олени гибли, измученные комарами» [30. Л. 161]. На юге региона дела обстояли не лучше: «В левобережной части в числе летних пастбищ включена пастбищная площадь равнинной части бассейнов рек Сыни, Войкара и Соби. Эти летние пастбища в настоящее время почти совершенно не используются местными оленеводами, так как для этого необходимо создание особого, приспособленного к таежным усло-

виям оленя. По уверению местных оленеводов, тундровый олень не в состоянии пастись в равнинной части в летнее время (причины – гнус)» [31. Л. 56]. На описанные выше вызовы оленевод-зырянин мог ответить только упорным трудом и детальным изучением природы своей новой родины – Северного Зауралья. Сами оленеводы называют этот комплекс природо-ведческих знаний «знанием оленей» и «знанием земли» [16. С. 25]. В 1933 г. лесоустроитель В. Гамазина записала в полевую тетрадь следующее наблюдения, сделанные оленеводами-ками над поведенческими установками оленей в зависимости от характера кормовых угодий: «На высоких озёрах есть трава, называемая по-зырянски “падись”... если олени нападут на неё, где её много, они делаются неузнаваемыми, сильно жиреют! <...> О грибах. Пастухи говорят, что они (олени. – С.Т.) любят грибы и в поисках за ними по ветру – к грибам он делает большое расстояние – уходит от стада до 1–1½ [км]. В это время оленя очень трудно пасти. По наблюдениям пастухов, грибы не дают нагула – упитанности оленям, а наоборот он теряет свою упитанность. Потерю упитанности пастухи приписывают тому, что в поисках за грибами он бегаёт и тратит на поиски много сил. Но есть такая трава, вернее корень, который очень любит олень и приобретает упитанность, и запах грибов его уже не привлекает. Его уже трудно оторвать от этого места и если его сгонишь, а он не весь съел корень, то обязательно придёт опять сюда. В такое время оленя пасти очень легко, он очень спокоен и быстро приобретает упитанность» [32. Л. 22 об. – 23 об., 32].

Этнографу Н.Ф. Прытковой также в 1930-х гг. на Казыме удалось ознакомиться с традиционными природо-ведческими знаниями зырян-оленеводов: «При выборе пастбищ пастухи руководствуются целым рядом соображений: для отела выбирают места, защищенные от ветра; после отела держат стадо там, где меньше речек; летом предпочитают места, незащищенные от ветра, так как последний необходим в период “гноса”. Кроме того, летом выбирают так называемые хасырыйные пастбища. Трава “хасырый” предпочитается оленями и является очень питательной» [33].

В середине 1920-х гг. на Тобольском Севере у 496 зырянских оленеводческих хозяйств насчитывалось 69 900 оленей, что составляло 20,37% от общего поголовья оленей [13. С. 25]. Общее количество выпасаемых оленей, а также размеры отдельного стада определяли степень нагрузки на пастбищные угодья. Нагрузка эта была неравномерной потому, что для зырян-оленеводов характерно кочевать из года в год по найденному маршруту [16. С. 31]. Отдельные пути зырянских кочевий можно проследить на основании соответствующих описаний, сделанных в начале 1930-х гг. Так, житель юе. Лабытнанги Иван Михайлович Артеев летом кочевал в верховьях р. Усы, по вершинам рек [Хайме] и [Пай-Падан]. Вся дорога обратно от р. Усы до Лабытнангов занимала у него 2 нед. Зимовал Артеев на р. [Сабытой] [34. Л. 27 об.]. В 1933 г. Ф.А. Витязев и В.И. Хатанзеев каслали по следующему маршруту. Летом они стояли на среднем течении р. Полуя, примерно в 20 км от устья. Здесь

чумы задерживались не более 2–3 нед. Затем уже на обратном пути устраивалось ещё две стоянки на р. Поюта. Здесь стояли 1–1½ нед., причём определенного места у стоянки не было. Далее двигались к верхнему течению р. [Хэн-Яга] и здесь находились 2–3 нед. Наконец, кочевали к р. [Тарчеда] на одну неделю [35. Л. 6]. Результатом интенсивного выпаса стало плачевное состояние растительного и почвенного покрова на описанных выше и других маршрутах кочевий в Уральской тундре в начале 1930-х гг. Чтобы было понятно, о каком именно районе идет речь, очертим границы Уральской тундры: «С востока границей служит р. Еркута, далее по водоразделу р. Щучья до р. Оби. С юга границей служит р. Обь до устья р. Хоровой и далее по р. Хоровой до Уральского хребта; с запада граница Уралобласти; с севера – юго-западное побережье Байдарацкой губы» [36. Л. 7].

Итак: «Ягельники в южной лесотундровой части Уральской тундры еще в довольно приличном состоянии лишь в некоторых местах. Наилучшие ягельные угодья расположены вдоль Уральского хребта в верховьях рек Щучья – [Ленгат]-Юган, доказательством чего может служить то, что именно в этих местах собирается наибольшее количество туземцев-оленеводов на зимние кочевья. В гораздо худшем состоянии находятся ягельники по водоразделу Щучья – [Ленгот]-Юган, от среднего течения Щучьей до р. Оби. Объясняется это тем, что настоящий водораздел служит дорогой, по которой проходят кочевники-оленеводы с зимних кочевий на вершине р. Полуя на летние по юго-западному побережью Байдарацкой губы и обратно. В таком же плохом состоянии находятся и ягельники по водоразделу Щучья – Хадота, служащему дорогой ямальским самоедам. Совершенно лишенными ягеля являются угодья, расположенные по среднему течению р. Щучьей вблизи от факторий. Эти угодья с давних пор беспощадно травились всеми оленеводами, проезжающими на фактории и в настоящее время ягельники, хотя и тоже уже сильно потравленные, встречаются не ближе как в 30–40 км. в радиусе от факторий» [Там же. Л. 14–15].

Таким образом, к началу 30-х гг. XX в. лучшие ягельники в Уральской тундре сохранялись «лишь в немногих местах». Однако причиной удручающего состояния угодий были все оленеводы тундры, и «туземцы» и «пришлые». Особенно плохо дела обстояли на так называемых оленеводческих дорогах. Такие дороги, помимо описанных выше, торились оленеводами

от Куновата до Обдорска сквозь тайгу и лесотундру по этническому принципу – «ненецкая дорога», «хантыйская дорога» и «зырянская». Просеки располагались на расстоянии 4–6 км одна от другой и насчитывалось их до десятка. Делалось это для того, чтобы во время перекочевков олени не перемешивались [5. С. 104; 37. С. 114]. Так, у кочующих оленеводов с. Мужы в 1932 г. имелось 17 992 оленя. Каждый год эта масса оленей прогонялась на зимние пастбища и обратно. В результате сложилась так называемая Войкарская оленеводческая дорога: «Возьмём к примеру Войкарскую оленеводческую дорогу, хотя та и является весенней и осенней прогонной дорогой, но в то же время, не имея отдыха больше 15–20 лет, превратилась в пустошь, то есть, короче говоря, вытравлена до основания. Такое явление наблюдается и на других дорогах, но не в такой степени» [31. Л. 4]. В литературе имеются сведения о якобы имевшем место быть намеренном хищническом использовании коми-ижемцами ягельных угодий, когда олени длительное время находились на одном пастбище и фактически уничтожали всю растительность и даже почвенный слой [38. С. 142]. Но данные сведения были записаны в конце XIX в. со слов самоедов Обдорского участка и, скорее всего, являются наветами, вызванными конкуренцией за угодья. Во всяком случае, по наблюдениям современных этнографов, ненцы-оленеводы сами частенько подолгу выпасают оленей в одном месте, превращая тундру во «вспаханное поле» [39. С. 194].

Таким образом, решающую роль в становлении крупнотабунного оленеводства у коми-ижемцев и дальнейшем его распространении, в том числе и на территорию Северного Зауралья, в конечном счете, сыграло потепление климата. Зыряне-переселенцы добились впечатляющих хозяйственных успехов в немалой степени, благодаря накоплению знаний об особенностях климата, о животном и растительном мире, о повадках оленей. Однако развитие оленеводства сдерживалось рядом природных факторов. Серьёзные неудобства причинял «гнуус». Страшным бичом для оленьего поголовья являлись эпизоотии. В свою очередь оленеводство оказывало зримое давление на природную среду региона. Так, в описываемый период совместными усилиями оленеводов-зырян и оленеводов из числа коренных народов сильно были вытравлены ягельные угодья, особенно в местах традиционных кочевий и на так называемых оленеводческих дорогах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. : историко-этнографический очерк. Новосибирск : Наука, 1975. 308 с.
2. Иславин В. Самоеды в домашнем и семейном быту. СПб. : Типография Министерства государственных имуществ, 1847. 142 с.
3. Лашук Л.П. Формирование народности коми. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1972. 290 с.
4. Истомин М. Ижма // Архангельский сборник, или Материалы для подробного описания Архангельской губернии. Архангельск : Губернская типография, 1865. Ч. 1, Кн. 2. С. 132–140.
5. Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. Общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения: в 3 т. М. : Либерия, 1995. Т. 1. 376 с.
6. Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. Географическое и статистико-экономическое описание страны по отдельным географическим районам: в 3 т. М. : Либерия, 1996. Т. 2. 432 с.
7. Малолетко А.М. Западная Сибирь в Малую ледниковую эпоху (1550–1850 гг.) // География и природопользование Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. Вып. 6. С. 8–25.
8. Жилина Т.Н. Западная Сибирь в малый ледниковый период: природа и русская колонизация (1550–1850 гг.). Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2008. 180 с.

9. Абдулаев М. Тараканий бег по Сибири за теплом. Как миграции тараканов, саранчи и крестьян позволяют уточнить датировку малого ледникового периода // «Чердак» научно-популярный проект (портал) ТАСС. М., 2019. URL: https://chrdk.ru/sci/tarakanii_beg_po_sibiri_za_tepлом (дата обращения 21. 08. 2019.)
10. Жеребцов И.Л. Изменение климата и демографическая история Европейского севера // Российские и славянские исследования. Минск : Изд-во Белорус. гос. ун-та, 2010. Вып. 5. С. 64–72.
11. Конаков Н.Д., Котов О.В. Ижемцы в Мурманском Заполярье // Родники пармы. Сыктывкар : Коми книж. изд-во, 1989. С. 51–79.
12. Кабузан В.М. Движение населения Северного района (Архангельской и Вологодской губерний) в XVIII – первой половине XIX в. (по материалам ревизий) // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. Вып. 1. С. 84–89.
13. Повод Н.А. Оленеводство коми-ижемцев Северного Зауралья (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2006. № 6. С. 224–233.
14. Иевлев Д.Д. Жизнь Верхнеуссинского края и древний торговый путь через Северный Урал в низовья реки Оби. М. : Общество содействия успехам опытных наук и их практических применений им. Х.С. Леденцова, 1914. 30 с.
15. Научный архив Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (НА ТГИАМЗ) № 43. Энгелстром С. Обдорская волость в 1885–1886 гг.
16. Истомин К.В. Этноэкологическая характеристика коми-ижемского оленеводства : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2004. 34 с.
17. Перевалова Е.В. Ямал в Российской империи // Ямал: грань веков и тысячелетий. Салехард ; Санкт-Петербург : Артвид ; Русская коллекция, 2000. С. 329–414.
18. Зольникова Н.Д. Ведомость 1781 г. о составе приходов Тобольской губернии // Христианство и церковь в Сибири феодального периода (материалы). Новосибирск : Наука, 1989. С. 261–315.
19. Государственный архив Ямало-Ненецкого автономного округа (далее – ГА ЯНАО). Ф. 16. Оп. 1. Д. 11.
20. ГА ЯНАО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 65.
21. ГА ЯНАО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 162.
22. ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 16.
23. ГА ЯНАО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 2.
24. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске. Ф. 704. Оп. 1. Д. 17.
25. Туров С.В. Старожилческое население Ямало-Ненецкого автономного округа: динамика и механизмы складывания субэтнической группы // Научный вестник. Обдорья: история, культура, современность. Салехард : Департамент информации и социально-политических исследований Администрации ЯНАО, 2002. Вып. 11. С. 54–64.
26. Конаков Н.Д., Котов О.В. Этноареальные группы коми: формирование и современное этнокультурное состояние. М. : Наука, 1991. 232 с.
27. ГА ЯНАО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 54.
28. Воропай И.М. Тундра и ее обитатели // Природа и охота. 1901. № 7. С. 69–78.
29. Макаревский Ал. Значение оленеводства на Севере Тобольской губернии, эпизоотии оленей и борьба с ними // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск: Типография епархиального братства, 1907. Вып. XVI. 1906. С. 6–11.
30. ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 8.
31. ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 47.
32. ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 89.
33. Научный архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) (НА МАЭ) Ф. 18. Оп. 1. № 4. Прыткова Н.Ф. Материалы по оленеводству зырян (р. Казым).
34. ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 75.
35. ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 76.
36. ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 49.
37. Мартынова Е.П. Очерки истории и культуры хантов. М. : Изд-во ИЭА РАН, 1998. 236 с.
38. Бартев В.В. На крайнем Северо-Западе Сибири. Очерки Обдорского края // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX – начала XX в. Екатеринбург : Сред.-Урал. книж. изд-во, 1998. С. 114–217.
39. Квашнин Ю.Н. Рец. на: Н.А. Повод. Коми Северного Зауралья (XIX – первая четверть XX в.). Новосибирск : Наука, 2006. 272 с. // Этнографическое обозрение. 2009. № 6. С. 192–195.

Статья представлена научной редакцией «История» 26 сентября 2019 г.

Environmental Aspects of Reindeer Husbandry of the Izhma Komi of Northern Trans-Urals (The 19th – the First Third of the 20th Centuries)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 448, 172–178.

DOI: 10.17223/15617793/448/21

Sergei V. Turov, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: svtur57@mail.ru

Keywords: Izhma Komi; reindeerherding; naturalhistoryknowledge; environmental change; Little Ice Age.

The primary aim of the article is to identify environmental factors in the development of large-scale reindeer herding among Izhma Komi. The degree of adaptation of the Zyryan reindeer husbandry to the natural conditions of the Lower Ob river, including the body of natural history knowledge of reindeer herders, is also considered. The results of the interaction between the Zyryan large-herd reindeer husbandry and regional environment are studied. The method of environmental history in the study of the formation and development of local economic structures involves considering natural environment as a powerful and constantly changing factor rather than as a background. In this regard, the article draws on the data of paleoclimatology. The author also relies on data from ethnography, ethnic history, and historical demography. For the first time, documents from the local archives (Tobolsk, Salekhard) are introduced into scientific discourse. The materials of land surveying expeditions of the People’s Commissariat for Agriculture of the late 1920s–1930s have the greatest heuristic value for studies on the Yamal-Nenets district. The decisive factor in the transition of Izhma Komi to nomadic reindeer husbandry was climate change. In the last third of the 18th century, the Russian North and the Northern Trans-Urals entered the ascendance phase (warming) of the Little Ice Age (LIA). Warming created favorable conditions for farming, which in turn caused demographic growth in the Komi region. These processes resulted in the migration of Komi, including Izhma Komi, to the new territories of the North, including the Lower Ob. However, the possibilities of the appropriating-producing economy of Izhma Komi remained limited. The solution was found in the transition to large-scale reindeer herding, which took place in the Pechora region almost simultaneously with the beginning of the ascending phase of LIA, in the middle and second half of the 18th century. Izhma Komi reindeer herders practiced intensive reindeer husbandry in order to obtain the greatest yield. On the way to achieving this goal, they faced a number of environmental problems. Epizootics harmed the deer greatly. During the period under consideration, there was no effective veterinary service in the Ob-Irtysh North. Gnats (mosquitoes, gadflies, midges) restrained rein-

deer husbandry in the forest and forest-tundra zones. Adaptation to the natural conditions of the reindeer herding complex took place primarily due to the accumulation of natural history knowledge (“knowledge of the land” and “knowledge of deer”). The Zyryan reindeer husbandry was of a pronounced commercial character. The increase in livestock and in the commercial output of reindeer husbandry was achieved due to the development of complex economic techniques. In historiography, there is an opinion that some of these methods led to the degradation of pasture lands. However, the joint efforts of all nomads of the tundra resulted in land degradation. By the beginning of the 1930s, the best reindeer pastures in the Ural tundra were destroyed. Reindeer herding roads were in particularly poor conditions. Numerous herds of Zyryan, Nenets and Khanty deer passed through these clearings in the forest in spring and autumn, literally sweeping away not only vegetation, but also the thin soil layer.

REFERENCES

1. Minenko, N.A. (1975) *Severo-Zapadnaya Sibir' v XVIII – pervoy polovine XIX v.: istoriko-etnograficheskiy ocherk* [North-Western Siberia in the 18th – the first half of the 19th centuries: A historical and ethnographic essay]. Novosibirsk: Nauka.
2. Islavin, V. (1847) *Samoeedy v domashnem i semeynom bytu* [Samoyeds in the home and family life]. St. Petersburg: Tipografiya Ministerstva gosudarstvennykh imushchestv.
3. Lashuk, L.P. (1972) *Formirovaniye narodnosti komi* [The formation of the Komi people]. Moscow: Moscow State University.
4. Istomin, M. (1865) Izhma [Izhma]. In: *Arkhangel'skiy sbornik, ili Materialy dlya podrobnogo opisaniya Arkhangel'skoy gubernii* [Arkhangelsk collection, or Materials for a detailed description of Arkhangelsk Province]. Pt. 1. Book 2. Arkhangelsk: Gubernskaya tipografiya. pp. 132–140.
5. Dunin-Gorkavich, A.A. (1995) *Tobol'skiy Sever. Obshchiy obzor strany, ee estestvennykh bogatstv i promyshlennoy deyatelnosti naseleniya: v 3 t.* [The Tobol North. General overview of the country, its natural wealth and industrial activity of the population: in 3 vols]. Vol. 1. Moscow: Libereya.
6. Dunin-Gorkavich, A.A. (1996) *Tobol'skiy Sever. Geograficheskoe i statistiko-ekonomicheskoe opisanie strany po otdel'nym geograficheskim rayonam: v 3 t.* [The Tobol North. A geographic and statistical-economic description of the country by certain geographical areas: in 3 vols]. Vol. 2. Moscow: Libereya.
7. Maloletko, A.M. (2003) Zapadnaya Sibir' v Maluyu lednikovuyu epokhu (1550–1850 gg.) [Western Siberia in the Little Ice Age (1550–1850)]. In: Baryshnikov, G.Ya. (ed.) *Geografiya i prirodopol'zovanie Sibiri* [Geography and nature management of Siberia]. Is. 6. Barnaul: Altai State University. pp. 8–25.
8. Zhilina, T.N. (2008) *Zapadnaya Sibir' v malyy lednikovyy period: priroda i russkaya kolonizatsiya (1550–1850 gg.)* [Western Siberia in the Little Ice Age: Nature and Russian Colonization (1550–1850)]. Tomsk: Tomsk State University.
9. Abdulaev, M. (2019) *Tarakanii beg po Sibiri za teplom. Kak migratsii tarakanov, saranchi i krest'yan pozvol'yayut utochnit' datirovku malogo lednikovogo perioda* [Cockroach running around Siberia for heat. How the migration of cockroaches, locusts and peasants allow us to clarify the dating of the Little Ice Age]. [Online] Available from: https://chrdrk.ru/sci/tarakanii_beg_po_sibiri_za_tplom. (Accessed: 21. 08. 2019).
10. Zhrebtsov, I.L. (2010) *Izmeneniye klimata i demograficheskaya istoriya Evropeyskogo severa* [Climate change and the demographic history of the European North]. In: *Rossiyskie i slavyanskije issledovaniya* [Russian and Slavic Studies]. Is. 5. Minsk: Belarusian State University. pp. 64–72.
11. Konakov, N.D. & Kotov, O.V. (1989) *Izhemtsy v Murmanskoy Zapolyar'e* [Izhma people in the Murmansk Arctic]. In: Rogachev, M.B. *Rodniki parmy* [Springs of Parma]. Syktyvkar: Komi knizh. izd-vo. pp. 51–79.
12. Kabuzan, V.M. (1970) *Dvizheniye naseleniya Severnogo rayona (Arkhangel'skoy i Vologodskoy gubernii) v XVIII – pervoy polovine XIX v. (po materialam reviziy)* [The movement of the population of the Northern region (Arkhangelsk and Vologda Provinces) in the 18th – first half of the 19th centuries (based on revisions)]. In: Kolesnikov, P.A. et al. (eds) *Materialy po istorii Evropeyskogo Severa SSSR* [Materials on the history of the European North of the USSR]. Is. 1. Vologda: [s.n.]. pp. 84–89.
13. Povod, N.A. (2006) *Olenevodstvo komi-izhemtsev Severnogo Zaural'ya (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Reindeer husbandry of the Izhma Komi of the Northern Trans-Urals (second half of the 19th – beginning of the 20th centuries)]. *Vestnik arkhologii, antropologii i etnografii*. 6. pp. 224–233.
14. Ievlev, D.D. (1914) *Zhizn' Verkhneussinskogo kraja i drevniy torgovyy put' cherez Severnyy Ural v nizov'ya reki Obi* [Life of the Verkhneussinsky Krai and the ancient trade route through the Northern Urals to the lower reaches of the Ob River]. Moscow: Obshchestvo sodeystviya uspekham opytnykh nauk i ikh prakticheskikh primeneniy im. Kh.S. Ledentsova.
15. Scientific Archive of the Tobolsk State Historical and Architectural Museum-Reserve (NA TGIAMZ). No. 43. Engestrem, S. *Obdorskaya volost' v 1885-1886 gg.* [Obdorsk volost in 1885–1886].
16. Istomin, K.V. (2004) *Etnoekologicheskaya kharakteristika komi-izhemskogo olenevodstva* [Ethno-ecological characteristic of Izhma Komi reindeer husbandry]. Abstract of History Cand. Diss. Syktyvkar.
17. Perevalova, E.V. (2000) *Yamal v Rossiyskoy imperii* [Yamal in the Russian Empire]. In: Morozov, Yu. (ed.) *Yamal: gran' vekov i tysyacheletiy* [Yamal: The brink of centuries and millennia]. Salekhard; St. Petersburg: Artvid; Russkaya kolleksiya. pp. 329–414.
18. Zol'nikova, N.D. (1989) *Vedomost' 1781 g. o sostave prikhodov Tobol'skoy gubernii* [Bulletin of 1781 on the composition of the parishes of Tobolsk Province]. In: Pokrovskiy, N.N. (ed.) *Khristianstvo i tserkov' v Sibiri feodal'nogo perioda (materialy)* [Christianity and the church in the Siberian feudal period (materials)]. Novosibirsk: Nauka. pp. 261–315.
19. State Archive of Yamal-Nenets Autonomous Okrug (GA YaNAO). Fund 16. List 1. File 11. (In Russian).
20. State Archive of Yamal-Nenets Autonomous Okrug (GA YaNAO). Fund 5. List 1. File 65. (In Russian).
21. State Archive of Yamal-Nenets Autonomous Okrug (GA YaNAO). Fund 2. List 1. File 162. (In Russian).
22. State Archive of Yamal-Nenets Autonomous Okrug (GA YaNAO). Fund 12. List 1. File 16. (In Russian).
23. State Archive of Yamal-Nenets Autonomous Okrug (GA YaNAO). Fund 15. List 1. File 2. (In Russian).
24. State Archive in Tobolsk. Fund 704. List 1. File 17. (In Russian).
25. Turov, S.V. (2002) *Starozhil'cheskoe naseleniye Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga: dinamika i mekhanizmy skladyvaniya subetnicheskoy gruppy* [The old-timer population of Yamal-Nenets Autonomous Okrug: Dynamics and mechanisms of the formation of the sub-ethnic group]. *Nauchnyy vestnik. Obdoriya: istoriya, kul'tura, sovremennost'*. 11. pp. 54–64.
26. Konakov, N.D. & Kotov, O.V. (1991) *Etnoareal'nye gruppy komi: formirovaniye i sovremennoe etnokul'turnoe sostoyaniye* [Ethnoareal groups of Komi: Formation and modern ethnocultural state]. Moscow: Nauka.
27. State Archive of Yamal-Nenets Autonomous Okrug (GA YaNAO). Fund 2. List 1. File 54. (In Russian).
28. Voropay, I.M. (1901) *Tundra i ee obitateli* [Tundra and its inhabitants]. *Priroda i okhota*. 7. pp. 69–78.
29. Makarevskiy, Al. (1907) *Znachenie olenevodstva na Severe Tobol'skoy gubernii, epizootii oleney i bor'ba s nimi* [The significance of reindeer husbandry in the North of Tobolsk Province, deer epizootics and the fight against them]. In: *Ezhegodnik Tobol'skogo gubernskogo muzeya* [Yearbook of the Tobolsk Provincial Museum]. Is. 16. Tobol'sk: Tipografiya parkhial'nogo bratstva. pp. 6–11.
30. State Archive of Yamal-Nenets Autonomous Okrug (GA YaNAO). Fund 12. List 1. File 8. (In Russian).
31. State Archive of Yamal-Nenets Autonomous Okrug (GA YaNAO). Fund 12. List 1. File 47. (In Russian).
32. State Archive of Yamal-Nenets Autonomous Okrug (GA YaNAO). Fund 12. List 1. File 89. (In Russian).
33. Scientific Archive of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) (NA MAE) Fund 18. List 1. No. 4. Prytkova, N.F. *Materialy po olenevodstvu zyryan (r. Kazym)* [Materials on reindeer herding of the Zyryans (the Kazym river)].

34. State Archive of Yamal-Nenets Autonomous Okrug (GA YaNAO). Fund 12. List 1. File 75. (In Russian).
35. State Archive of Yamal-Nenets Autonomous Okrug (GA YaNAO). Fund 12. List 1. File 76. (In Russian).
36. State Archive of Yamal-Nenets Autonomous Okrug (GA YaNAO). Fund 12. List 1. File 49. (In Russian).
37. Martynova, E.P. (1998) *Ocherki istorii i kul'tury khantov* [Essays on the history and culture of the Khanty]. Moscow: IEA RAS.
38. Bartenev, V.V. (1998) Na kraynem Severo-Zapade Sibiri. Ocherki Obdorskogo kraya [In the far northwest of Siberia. Essays on the Obdorsk region]. In: Roshchevskaya, L.P. & Beloborodov, V.K. (eds) *Tobol'skiy Sever glazami politicheskikh ssyl'nykh XIX – nachala XX v.* [The Tobol North through the eyes of political exiles of the 19th – early 20th centuries]. Yekaterinburg: Sred.-Ural. knizh. Izd-vo. pp. 114–217.
39. Kvashnin, Yu.N. (2009) Rets. na: N.A. Povod. Komi Severnogo Zaural'ya (XIX – pervaya chetvert' XX v.). Novosibirsk: Nauka, 2006. 272 s. [Book Review: Povod, N.A. (2006) Komi of the Northern Trans-Urals (19th – the first quarter of the 20th centuries). Novosibirsk: Nauka. 272 p.]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 6. pp. 192–195.

Received: 26 September 2019

С.Ф. Фоминых, А.О. Степнов

МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ ПОСЛУШАНИЯ И ХАРИБДОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ: КОНФЛИКТ ПРОФЕССОРОВ ИМПЕРАТОРСКОГО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА П.М. БОГАЕВСКОГО И Н.Я. НОВОМБЕРГСКОГО ОСЕНЬЮ–ЗИМОЙ 1911–1912 гг.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00121).

В статье на материалах архивных документов и периодической печати исследуется конфликт между профессорами Императорского Томского университета П.М. Богаевским и Н.Я. Новомбергским осенью–зимой 1911–1912 гг. Подчеркивается перформативность этого конфликта, развернувшегося в провинциальных декорациях и ставшего своеобразной сценой из теневой повседневности университетского города. Делается вывод, что его главным «отягчающим» фактором стала этическая неопределенность внутри профессорской корпорации, внутренняя жизнь которой была отмечена противоречивым влиянием одновременно как официозной, так и «демократической» тенденций.

Ключевые слова: профессора; конфликт; Томский университет; П.М. Богаевский; Н.Я. Новомбергский.

24 сентября 1911 г. исправляющий должность ординарного профессора по кафедре государственного права Томского университета П.М. Богаевский отправился в Ямской переулок, где располагалось здание редакции местной газеты «Сибирская жизнь». Дойдя до почтово-телеграфного отделения, профессор изменил свои планы. «В эту минуту, – вспоминал он, – я почувствовал, что не буду в состоянии остаться достаточно спокойным в редакции газеты, выходка которой против меня имеет место уже не в первый раз» [1. Л. 47].

Тогда Богаевский направил в редакцию письмо, опровергавшее представленную на страницах выпуска «Сибирской жизни» от 24 сентября компрометирующую его информацию. Вслед за этим он справился у своего адвоката И.И. Кузнецова о возможности «возбудить против газеты судебное преследование за клевету». Спустя три дня после телефонного разговора с присяжным поверенным М.Р. Бейлиным у профессора появились основания подтвердить свои подозрения – «редакция получила сведения от “профессора”, которому не имела оснований доверять». Инженер А.А. Жемчужников, знакомый Богаевского, присутствовавший в те дни в редакции газеты, с удивлением обнаружил в компании редактора В.М. Крутовского этого «профессора». Им был коллега П.М. Богаевского ординарный профессор по кафедре полицейского права Н.Я. Новомбергский.

Так начинался очередной, не первый и не последний, конфликт в академическом сообществе старейшего научного центра Северной Азии. «Сатирический» подтекст этого конфликта определялся его закулисным характером, особой ролью в нем слухов и пересудов и вместе с тем – публичной составляющей. М.В. Новикова и Т.Б. Перфилова в своей статье отмечают, что конфликты среди профессоров российских университетов во второй половине XIX в. были связаны с неопределенностью культуры поведения [2. С. 25], а А.В. Свешников подчеркивает, что «конфликты и скандалы в среде интеллектуалов традиционно вытеснялись из поля рефлексии научного сообщества» [3].

Мы обращаемся к конфликту двух профессоров Императорского Томского университета, что в целом

углубляет наше восприятие конфликтов отечественных ученых дореволюционной эры. Предлагается уделить внимание «отягчающим» факторам конфликта, ранее не рассмотренным глубинным истокам конфликтологии высшей школы, касающихся этической «раздвоенности» внутри ее корпорации.

В исследуемой истории мы увидим тенденции, противоположные тенефикации околоакадемических контроверз. И связывается это с духом провинции и особенностями «окраинного» существования. Конфликт, который развивается по принципам театрального представления, где зрителями стали как жители далекого сибирского города, так и столичные чиновники просвещения; перформативный аспект теневой повседневности научного сообщества; «жестикюляция» академических противоречий, таким образом, выходят в центр настоящего исследования. Характерны в этом смысле и декорации «представления», действия которого по большей части разворачивались в частных квартирах, закрытых кабинетах без протоколов, а также в преподавательском ватерклозете главного корпуса первого в Сибири классического университета.

Предыстория конфликта связана с событиями, предшествовавшими выше описанному эпизоду. В 1910/11 учебном году на юридическом факультете Томского университета дважды состоялись выборы декана. В первый раз, осенью 1910 г., на эту должность был избран профессор И.А. Малиновский. Затем, в феврале 1911 г., – выпускник этого же университета М.И. Боголепов. Однако обе кандидатуры не были утверждены Министерством народного просвещения. Это было время, когда ведомство возглавлял Л.А. Кассо, политика которого по ограничению академической автономии хорошо известна. В случае с И.А. Малиновским очевидна политическая мотивация не-утверждения. Профессор в 1909 г. опубликовал работу «Кровавая месть и смертная казнь», написанную в поддержку депутатов Государственной думы, выступивших с требованием отмены смертной казни. В следующем году после публикации книги «Русские писатели-художники о смертной казни» Малиновский был обвинен в «возбуждении к бунтовщическим дея-

ниям и к ниспровержению существующего строя». Дело имело общественный резонанс: в поддержку ученого, в частности, выступил Л.Н. Толстой. 4 октября 1911 г. Малиновский был уволен из профессоров Томского университета. Отметим, что позднее, в сентябре 1912 г., он был приговорен к тюремному заключению на 1 месяц, но вскоре был амнистирован по случаю празднования 300-летия Дома Романовых [4. С. 162]. Менее тенденциозным выглядит отклонение кандидатуры М.И. Боголепова, который еще со студенческих лет выступал как публицист. Оба профессора в исследуемом конфликте сыграли свою пассивную роль.

Данные события закономерно вызвали смятение в среде университетских профессоров. Одно время предлагалось сообщить министру, что «вследствие отсутствия кандидатов, желающих баллотироваться, выборы могли не состояться» [5. 1911. 13 сент.]. Начались разговоры о назначении декана министерством. И разворачивались они при напряженной в то время политической обстановке, преимущественно вне официального поля.

Все же местная пресса не осталась безучастной. В конце сентября 1911 г. в «Сибирской жизни» без ссылки на источник были приведены якобы слова П.М. Богаевского, сказанные «уже по закрытии заседания»: «Если выборы декана не могут состояться, и дело идет к назначению декана министром народного просвещения, то могу вам сообщить, что назначен деканом буду я». «Интересно было бы знать, что подало повод профессору Богаевскому говорить так уверенно о своем назначении?» – задавался красноречивым вопросом автор заметки [Там же. 24 сент.].

Конфликт, который имел потенциал развития в политическом русле, быстро отклонился от первоначального курса. То, что могло вылиться в противостояние профессуры и власти, воли к автономии, с одной стороны, и стремления к ее подавлению – с другой, обернулось «кулуарной битвой». Конфликт замкнулся на самом себе.

Упомянутый в газетной заметке разговор действительно имел место. И состоялся он 17 сентября 1911 г. В тот день в ходе заседания юридического факультета П.М. Богаевский для принятия своевременных мер «в интересах обеспечения преподавания» сообщил исполняющему обязанности декана М.Н. Соболеву о «своем возможном уходе из Томска» в связи с избранием на юридический факультет Киевского университета. «Раздражительную» реплику, вскользь брошенную профессором Н.Я. Новомбергским, Богаевский, по собственному признанию, оставил без ответа. Разговор между тремя профессорами продолжился после окончания заседания в уборной, что располагалась в двух шагах от кабинета. Как вспоминал П.М. Богаевский, и.о. декана сказал ему тогда о невыгодности для него «покинуть Томск», после чего «доверительная» беседа зашла о выборах декана [1. Л. 56].

Утром 24 сентября П.М. Богаевский имел честь увидеть заметку о содержании этого разговора в очередном номере «Сибирской жизни». О реакции профессора исчерпывающе можно судить по эпизоду, обрисованному в прелюдии настоящей статьи. Уси-

ливалась эта реакция и тем обстоятельством, что все заседания факультетских советов, по закону, проходили «не публично, а при закрытых дверях». Следовательно, и обнародование деталей этих заседаний в прессе являлось «нарушением закона и гражданского долга», что не могло не привлечь внимание университетской администрации и попечителя [6. Л. 117].

Поскольку профессор М.Н. Соболев «выразил свое глубокое возмущение по поводу газетной заметки», а также уверил цитируемого профессора в своей непричастности к ее составлению, то главным подозреваемым, «автором злонамеренного искажения», по мнению Богаевского, стал не кто иной, как Н.Я. Новомбергский, «который в клозете со стороны прислушивался к разговору с М.Н. Соболевым» [1. Л. 45, 48]. Запомним последнюю формулировку, приведенную в письме П.М. Богаевского на имя и.о. декана от 26 сентября, так как в дальнейшем она станет поводом для обвинений уже в адрес самого Богаевского – со стороны профессора Новомбергского.

Добавим, что в рапорте ректору Императорского Томского университета И.А. Базанову профессор Богаевский представил иную версию разговора. Впрочем, отметим и то, что речь шла не столько о разности смыслов и произнесенных слов, сколько об оттенках сказанного. Так, П.М. Богаевский признал слова, которыми он выразил несогласие с тем, что «декана нельзя назначать (при создающемся на факультете положении)». Подразумевалось, по всей видимости, что профессор не желал того, чтобы назначен был он (кандидатур было всего 9, а потому такая вероятность не была исключена). На реплику Соболева «От назначения всегда можно отказаться» Богаевский ответил, что «отказ всегда тяжел». Профессор подчеркивал, что именно в этот момент прозвучали слова Новомбергского: «Ну, что же, будете назначенным деканом». Петр Михайлович вслед за этим вышел из клозета, «хлопнув дверью» [Там же. Л. 56].

Следует заметить, что чувствительность профессоров по отношению к вопросу об избрании / назначении вполне объяснима. Вне зависимости от политических убеждений, подавляющая часть профессуры стояла на демократических позициях относительно университетской жизни. Автономия на протяжении всего дореволюционного периода была одной из высших ценностей русской профессуры. Отсюда и тот непропорциональный резонанс, который вызвал исходный шаг настоящего конфликта.

Разговор 17 сентября имел две разные версии. И хотя версию Богаевского поддержал Соболев, истинность сказанного восстановить трудно: все, что происходит в университетской уборной, остается в университетской уборной. Но именно недостижимость этой истины становится для нас предметом рассмотрения. В над-истинном пространстве развивалось действие конфликта профессоров Богаевского и Новомбергского. Впрочем, вскоре в него были вовлечены и другие почтенные профессора.

В 20-х числах сентября М.Р. Бейлин в своей квартире принял профессора по кафедре уголовного права и уголовного судопроизводства, бывшего депутата Государственной думы и впоследствии профессора

Петербургского университета Н.Н. Розина, а также П.М. Богаевского. Бейлин уговаривал последнего «изменить редакцию опровержения», сообщить через газету, что 17 сентября действительно состоялся разговор, но «неверно переданный газетой». Богаевский выразил желание, чтобы такое письмо написал главный свидетель М.Н. Соболев. И.о. декана отказался от этого [1. Л. 50].

Тогда же Бейлин сообщил, что в редакции имеется письмо Н.Я. Новомбергского, подтверждающее подлинность газетного сообщения от 24 сентября. Сам Новомбергский охотно делился деталями, вымышленными или реальными, разговора в клузете 17 сентября со своими коллегами по факультету, в частности и с профессором И.В. Михайловским. «С моей стороны не было большой смелостью высказать предположение прикосновенности г. Новомбергского к напечатанному в № 211 “Сибирской жизни”», – отмечал Богаевский в рапорте ректору [Там же. Л. 54].

Профессор П.М. Богаевский, будучи опытным юристом, проявлял формальную осторожность: имя Николая Яковлевича не прозвучало ни в заявлении на имя и.о. декана от 26 сентября, ни в газетном опровержении. Последнее было опубликовано в «смягченной» форме 30 сентября: «Приписанных мне в № 211 “Сибирской жизни” слов я не говорил и, очевидно, газета была введена в заблуждение» [5. 1911. 30 сент.].

В те дни взаимоотношения профессоров Богаевского и Новомбергского выстроились в недвусмысленной конфигурации, а университетские кулуары все более определенно принимали вид «школы злословия». Произнося свои реплики, Петр Михайлович не считал излишним в присутствии коллег выражать опасения, «что и эти слова попадут на столбцы “Сибирской жизни”». В своих заявлениях профессор сетовал на ответную реакцию Новомбергского: тот, по свидетельству Богаевского, делал последнего жертвой «пронизывающих взглядов», продолжая в течение многих дней «свои жесты и пассы глазами» [1. Л. 58].

Не лишенным остроумия, довершающим карикатурность развернувшейся ситуации, выглядит комментарий ректора университета профессора И.А. Базанова, который в одном из рапортов попечителю Западно-Сибирского учебного округа Л.И. Лаврентьеву отметил, что «взгляд профессора Новомбергского и в обычных условиях довольно пристальный, особенно же когда он сосредоточенно думает» [7. Л. 18].

Вскоре, 29 сентября, столкновение взглядов и реплик вылилось, без преувеличения, в «гоголевскую» сцену, изложенную во втором заявлении П.М. Богаевского на имя и.о. декана (от 30 сентября). Она станет достойной эталоном сценой теневой повседневности театра академических конфликтов. В тот день в комнате профессоров Н.Я. Новомбергский решил, судя по всему, продемонстрировать всю силу своей «безгласной» манипуляции. «Профессор Новомбергский, – вспоминал Петр Михайлович, – вперил в меня пристальный взгляд и смотрел настолько вызывающе, что я вынужден был повернуться в пол-оборота от него. Тогда профессор Новомбергский с шумом перешел через всю комнату, сел прямо против меня и возобно-

вил свои жесты с еще большей интенсивностью. Я не выронил по отношению к нему ни одного слова» [1. Л. 58]. Свидетелем этой картины стал профессор И.А. Малиновский. Обращаясь к последнему, Богаевский нарушил тишину в кабинете: «Будьте, Иоанникий Алексеевич, свидетелем, если придется жаловаться в суд». Наконец, сцена достигла своей высшей точки. После сказанного Николай Яковлевич «разразился громким криком», «произнес ряд ругательств» по адресу Богаевского, «указывая при этом на якобы неправомерность» его опровержения в «Сибирской жизни». «Профессор Новомбергский, – писал Богаевский, – выкрикивал, что я должен знать, что для него, Новомбергского, я умер навсегда. Тем не менее слова “хулиган”, “погромщик” “проституция” (не помню и не понял, в каком контексте), “бывший помощник инспектора”, “директор дворянского пансиона, от которого дети спасались в полицейском участке” – выкрикивались профессором Новомбергским, набрасывающимся при этом на меня с кулаками» [Там же. Л. 59].

Отметим, что, по свидетельству коллег, Н.Я. Новомбергский и в иных ситуациях не скупился на «крепкую» лексику. Так, тот же Богаевский вспоминал, как во время заседания Совета университета осенью 1909 г. «один из членов Совета в речи профессора Н.Я. Новомбергского был сравнен со “Старухой Изергиль”» [6. Л. 14]. Позднее сетовал на невежливость и «площадную брань» Новомбергского и профессор Г.Г. Тельберг – во время другого конфликта на том же факультете весной–летом 1917 г. [8. Л. 57].

Можно позавидовать щепетильности П.М. Богаевского, который все эти подробности изложил в официальной документе. Он действительно с 28 марта 1906 г. до сентября 1908 г. служил директором Петровско-Александровского пансиона-приюта в Москве. Подробности насчет детей-беглецов, естественно, неизвестны. Это и не столь важно, поскольку, повторим, конфликт – это столкновение субъективных реальностей, где истина находится вне поля дискурса. Отсюда вытекает и снизившееся значение слов, в том числе зафиксированных свидетелями и документально. Разве для юридических практиков трудно опровергнуть слова? Отсюда и «двойственность» фактов, и особая роль безмолвности и «жестикюляции». Под последней П.М. Богаевский подразумевал те самые «пронизывающие взгляды», безмолвие как способ выражения невыразимого, или того, что в словах всегда может быть опровергнуто. «Жестикюляция» в конфликте становится главным и самым опасным инструментом. Быть может, именно поэтому Н.Я. Новомбергский в своем послании ректору от 7 декабря дважды, описывая свои шаги в конфликте, подчеркнул: «Без всяких жестов» [1. Л. 95–102].

Обратимся же и к противоположной субъективной реальности – к словам профессора Новомбергского. Николай Яковлевич дал не самую лестную моральную оценку своему противнику, подчеркивая, что в факультетской жизни П.М. Богаевский занял особое место не своими умениями, не количеством работ, не преподавательской активностью, а «своим поведением». «Благодаря истерической настойчивости профес-

сора Богаевского, – писал Новомбергский, – малейшее разногласие с ним выросло в скандальное личное столкновение». Петр Михайлович в изложении своего коллеги предстает перед нами «склонным к дрызгам» возмутителем порядка, чья «распоясанность» достигла «изумительных пределов», жертвами которой стали почти все члены факультета. По словам Новомбергского, профессор Богаевский мог позволить себе угрозы «вышвырнуть вон из комнаты», «дать в морду», «побить». «Угрозы члену факультета обычно сопровождали его разговоры в профессорской комнате или в лектории», – подчеркивал Н.Я. Новомбергский. И далее: «Я не ошибусь, если скажу, что профессор Богаевский обнаружил один бесспорный талант – загрязнять профессорские собрания» [1. Л. 95–96].

Профессор Новомбергский не стал отрицать свою приверженность версии разговора 17 сентября, изложенной в публикации на страницах «Сибирской жизни», однако подчеркивал, что «редакции заметки о Богаевском не давал». В личном разговоре с Богаевским на попытку объяснения по этому поводу он ответил недоуменным вопросом: «А разве нельзя рассказывать об этом?» [Там же. Л. 46]. Более того, Новомбергский оказался последовательным в своих обвинениях, отмечая в объяснении ректору: «Профессор Богаевский решил ограничиться клозетным хвостовством и в печати не посмел подтвердить своего признания... Из уборной профессор Богаевский не пожелал выйти в чистоплотном виде». «Трусливой ложью» он признал заявление о своей роли «подслушивающего» в разговоре, состоявшемся 17 сентября. «Я утверждаю, – писал он, – что не подслушивал, а был одним из троих разговаривающих» [Там же. Л. 38].

Узнав от редакции «Сибирской жизни» о подозрениях Богаевского, Новомбергский вскоре оказался в профессорской комнате в компании с Петром Михайловичем. Это было 28 сентября. И в рассказе Новомбергского мы видим другую картину – более героическую, чем экспрессивную. По его словам, свою отвлеченную фразу Богаевский увенчал недвусмысленной репликой: «Жаль, что разговор мой происходит не в клозете, а то стало бы известно “Сибирской жизни”». Реакция Новомбергского последовала незамедлительно. «Я встал и быстро подошел к профессору Богаевскому, – писал он. – Он откинулся на спинку кресла с растерянным видом, как бы опасаясь удара по лицу. Это движение я заметил с чувством гадливости, но, без всяких жестов, сказал ему следующее: “Богаевский, я Вам запрещаю быть хулиганом в этой комнате. Здесь или готовятся к лекции, или отдыхают после лекции. Пора перестать быть факультетским погромщиком. Помните!”» [Там же. Л. 97 об.].

На следующий день, 29 сентября, как ясно уже из выше изложенного, к удивлению Новомбергского, ситуация повторилась. По прочтении своей лекции о Финляндии, Петр Михайлович высказал в том же духе свои опасения о возможности попадания сведений на страницы местной газеты. После пристальных, «без всяких жестов», взглядов Новомбергского, по версии последнего, Петр Михайлович позволил себе вслух усомниться в психическом здоровье своего

коллеги. «Я подошел к профессору Богаевскому, – продолжал Новомбергский, – и позволил себе единственный жест, а именно: грозя пальцем, назвал профессора Богаевского целым рядом ругательных (но цензурных) слов, требуя, чтобы он оставил меня в покое, и напоминая, что я умею за себя постоять. Профессор Богаевский растерянно отступил и молчал. Когда ударил звонок, я ушел» [1. Л. 101–101 об.].

Стороннего наблюдателя, вероятно, не могут не поразить подобные нюансы академической жизни. У нас есть все основания развеять миф об этическом кодексе в среде профессоров. Ни этика, ни субординация, ни представления о чести не имеют столь действительной силы, когда речь о борьбе за академическую доминантность, биологичную по своему характеру.

Профессор Богаевский в своем письме декану просил «обезопасить», «оградить себя от насилия» [Там же. Л. 62]. Вскоре он через третьих лиц получил от Новомбергского предложение о товарищеском или третейском суде. Богаевский первоначально от него отказался. 1 октября он принял у себя в квартире профессоров М.Н. Соболева, Н.Н. Розина и М.И. Боголепова. Предметом разговора стали возможные пути преодоления конфликта. Богаевский писал позднее: «Сколько я ни указывал, что основания к предположению авторства Новомбергского велики, что, в конце концов, я ограничивался одним предположением, что Новомбергский, если он чувствовал себя виноватым, должен был бы сразу сказать об этом, что, наконец, рядом с моим “преступлением”, – которое мне напоминает вола в басне, съевшего в голодный год клоч сена, – существует глубоко возмутительный поступок “профессора”, тенденциозно сотрудничающего в “Сибирской жизни” и чернящего в глазах местного общества своих товарищей ложными сообщениями, – несмотря на все это, пришедшие ко мне с предложением уладить инцидент гг. Соболев и, особенно, Боголепов напали на меня, совершенно игнорируя вопрос о заметке в газете. Я чувствовал, что пришли не друзья, а, – решаюсь сказать, – так как я это действительно чувствовал, враги, настроенные против меня лично. Я дал им понять это, сказав, что при данных условиях затруднился бы признать полезным третейский суд, который, по-видимому, явится лишь средством для создания шума» [Там же. Л. 61–62].

По завершении встречи П.М. Богаевский отказался от дальнейших действий по эскалации конфликта. Своему заявлению на имя декана от 30 сентября, в котором, в частности, просил сообщить о сложившейся на факультете ситуации ректору [Там же. Л. 59], профессор попросил «не давать хода». Отказался он и от обращения в суд за оскорбления и клевету. Коллеги профессора признали этот исход вполне приемлемым и были, по всей видимости, полностью удовлетворены. Петр Михайлович поддался иллюзии того, что положен конец «этому невыносимому состоянию» и, преодолевая обиду за нанесенные оскорбления, «исполнил то, что обещал, и забыл о существовании г. Новомбергского» [Там же. Л. 63].

Месяц спустя на страницах московской газеты «Русское слово» и петербургской газеты «Речь» была

опубликована анонимная телеграмма из Томска под выразительным заголовком «Донос профессора на товарища». В ней говорилось: «Профессор Богаевский донес декану юридического факультета, будто профессор Новомбергский возбуждал против студентов по поводу лекции о Финляндии. Узнав об этом, профессор Новомбергский подал жалобу в суд, обвиняя Богаевского в клевете в официальной бумаге» [9. 1911. 3 нояб.; 10. 1911. 4 нояб.]. На П.М. Богаевского ложилась тень «доносительства», что было мало совместимо с чистой корпоративной репутацией русского профессора.

Петр Михайлович узнал об этом 10 ноября из письма своей матери, жившей в Москве. Тогда же он понял, что содержание двух его заявлений декану (от 26 и от 30 сентября) стало известно Н.Я. Новомбергскому. Ранее мировому судье 5-го участка через присяжного поверенного М. Михаловского была подана жалоба профессора Новомбергского. Последний просил привлечь к уголовной ответственности П.М. Богаевского за оскорбительную «для чести и доброго имени» клевету в официальной бумаге. В качестве доказательств были использованы заявления Богаевского от 26 и 30 сентября 1911 г. Свидетелями Новомбергский избрал участников встречи 1 октября в квартире Богаевского, а также присяжного поверенного М.Р. Бейлина.

Политический аспект фигурирует в настоящем конфликте как триггер, к тому же ложный. Упомянутая неоднократно патриотическая лекция П.М. Богаевского о Финляндии заслуживает внимания с точки зрения не столько содержания, сколько самой тематики. «Финляндский вопрос, – писал Новомбергский, – один из наиболее жгучих вопросов внутренней политической жизни, и всякая политическая агитация со стороны профессора, тем более антинациональная, составляет прямое нарушение служебного долга» [1. Л. 69–70]. «Я обвиняю» в версии профессора Новомбергского стало бескомпромиссным обличением Богаевского, «взбравшегося на валунную Финляндию в качестве патриота». «Ни одного слова я не беру назад», – заявлял Н.Я. Новомбергский [Там же. Л. 102].

Указание на комический эффект всего происходящего едва ли выглядит преувеличением. Патетические нападки Николая Яковлевича контрастно оттеняются словам Петра Михайловича: «Решительно не понимаю, – писал он ректору, – откуда возникло обвинение меня в произнесении слов о том, что профессор Новомбергский вооружает студентов на почве читаемых мною патриотических лекций о Финляндии. Мне никогда и в голову не приходило ничего подобного...» [Там же. Л. 71]. Впоследствии ректор университета признал, что «не имелось ни одного документа», подтверждающего эти обвинения профессора Новомбергского по адресу своего коллеги, а заметки, опубликованные в «Русском слове» и «Речи», были признаны ложными. Комичными выглядят и показания некоей Головачевой, которая приписала консервативному по политическим взглядам П.М. Богаевскому реплику: «Все левые профессора падут» [5. 1911. 4 дек.].

Слова теряют свой вес и смысл. Все они, как в карточной игре, перекрываются антисловами и антисмыслами, которые влияют на ход событий. Свои опровержения П.М. Богаевскому предстояло сделать в 5-й камере мирового судьи г. Томска. Суд стал кульминацией нашей истории.

Развивая, в известной мере, провокационное заглавие настоящей статьи, не вполне справедливо по отношению к ее героям было бы упомянуть о попытках «консервации» конфликта, выведению его за пределы университетской жизни и «парадного» дискурса. Так, М.Р. Бейлин в своем письме Н.Я. Новомбергскому от 21 октября отмечал, что всячески старался не доводить дело с газетной публикацией до суда, «ибо не желал рисковать престижем газеты, передающей разговоры из клозетных кулуаров» [1. Л. 51–52]. Профессор Богаевский уже в 1912 г., соглашаясь на прекращение дела, подчеркивал в рапорте ректору: «Над личным интересом должен преобладать вопрос достоинства университета» [Там же. Л. 120].

Наконец, главными лицами, заинтересованными в «погашении» конфликта, оказались представители административных структур, которые после подачи Новомбергским заявления в суд с уголовными обвинениями проявили самое активное участие в деле. Упомянем, к примеру, что те самые добровольцы-посредники в лице М.Н. Соболева, Н.Н. Розина и М.И. Боголепова, которых 1 октября принимал у себя П.М. Богаевский, были уполномочены на это ректором И.А. Базановым. Предложение передать дело из мирового суда в суд третейский принадлежало именно министру народного просвещения Кассо. Тот же Базанов комментировал это следующим образом: «Выносить ссору на рассмотрение мирового судьи, может быть, вчерашнего своего ученика, нет оснований» [7. Л. 19].

Н.Я. Новомбергский не мог не согласиться с предложением министра [1. Л. 82], поставив при этом «условия, для противной стороны совершенно неприемлемые» [Там же. Л. 82, 86]. Добавим, что в официальной переписке с министром попечитель сообщал все подробности конфликта. Л.И. Лаврентьев особенно вызывающими видел со стороны Н.Я. Новомбергского «оскорбления своими приставаниями с упорно выпученными глазами, разного рода жестами, гримасами, криком и целым потоком самых более чем непристойных ругательств». «Ввиду вышеизложенного, – обращался он к министру, – имею честь почтительнейше испрашивать указаний Вашего Превосходительства, как следует поступить с таким профессором и какие меры следует принять, чтобы на будущее время в стенах университета, который имеет высокую честь именоваться ИМПЕРАТОРСКИМ, не могли повторяться сцены, подобные изложенным» [Там же. Л. 85].

Дело так и не было передано в третейский суд [5. 1911. 3 дек.]. И «кульминационное представление» состоялось 3 декабря 1911 г. Слушал дело мировой судья К.М. Попов. М.Н. Соболев, приглашенный на процесс в качестве свидетеля, в связи с отъездом в Москву в камеру суда не явился. Из-за этого присяжный поверенный со стороны П.М. Богаевского

И.И. Лебедев не «счел возможным» слушать дела без столь важного свидетеля – участника разговора в клозете. Основное внимание было уделено допросу упомянутой уже К.Э. Головачевой, слушательницы лекций Богаевского. Заседание было закрыто. Дальнейший разбор дела был отложен до вызова остальных свидетелей [5. 1911. 4 дек.]. Второго заседания, однако, не состоялось.

Затронем перформативный аспект исследуемого конфликта. На всем протяжении его развития он вызывал интерес со стороны не только академических кругов города – профессоров и преподавателей, но и более широких масс: студенчества и городского обывателя. Так, М.Р. Бейлин в одном из своих писем ссылался на свидетельства Крутовского, который заверял, что сведения о реплике Богаевского в клозете доставлены некой дамой, чему, впрочем, трудно было отнестись без иронии [1. Л. 52]. С большим интересом, как упоминал в своей официальной переписке И.А. Базанов, отнеслись к судебному процессу студенты [7. Л. 19 об.]. А газета «Сибирская жизнь» сообщала, что 3 декабря камеру мирового судьи «переполняла» многочисленная публика. «Налицо представители интеллигенции. Сравнительно много дам», – отмечалось в отчете о процессе [5. 1911. 4 дек.]. Лишенные в провинциальном городе громких событий и развлечений, местные жители приняли на себя роль неотъемлемого элемента театрального представления – зрителей. П.М. Богаевский писал в разгар конфликта: «Едва ли можно при самой строгой критике открыть хотя бы малейшее оправдание для предположений грязного свойства, которые, как из ушата с дурной водой, повсюду льются теперь в Томске при разговорах о предстоящем процессе» [1. Л. 61].

Не вдаваясь в подробности и без того затянувшейся истории, отметим, что 20 декабря два главных участника конфликта оказались в Петербурге. Подразумевалось, что независимо друг от друга. В тот же день оба были приняты в кабинете министра Кассо. И здесь парирование не прекращалось. Н.Я. Новомбергский позднее заявил, что П.М. Богаевский не числился в списке лиц, «назначенных на 20 декабря к приему министром» [Там же. Л. 118]. Подробности встречи остаются для нас неизвестными. Известно лишь, что Кассо в предложении от 22 декабря заявил Лаврентьеву, что «между названными профессорами в его, министра, присутствии 20 декабря состоялось полное примирение» [Там же. Л. 109]. 3 января 1912 г. об этом сообщила «Сибирская жизнь».

Однако уже 10 января в той же газете было опубликовано опровержение «примирения» под авторством профессора Н.Я. Новомбергского. Последний подчеркнул, что оказался в кабинете министра совсем по другому делу: речь шла о ходатайстве весенней командировки. Присутствие же во время встречи профессора Богаевского стало для него, вероятно, сколь неприятным, столь и неожиданным. Новомбергский писал о том, что договоренность его с министром и Петром Михайловичем касалась только прекращения судебного преследования последнего: в ответ на опровержения со стороны Богаевского никогда не сказанных им слов о «возбуждении студентов

на почве прочитанных им патриотических лекций о Финляндии». Новомбергский завершил свое сообщение следующими словами: «О примирении не было и не могло быть речи. Никакими словами примирения или рукопожатиями я и профессор Богаевский не обменивались. Мое отношение к профессору осталось прежним» [5. 1912. 10 янв.]. Это же письмо было напечатано в местной газете «Утро Сибири» [11. 1912. 11 янв.]. В тот же день на страницах «Русского слова» была опубликована заметка «Примирение профессоров», в которой приводились схожие слова Новомбергского: о том, что «война» не окончена [9. 1912. 10 янв.].

«Неугомонный профессор Императорского Томского университета г. Новомбергский, – писал вскоре после этого в Министерство народного просвещения Л.И. Лаврентьев, – учинивший возмутительный скандал в здании этого высшего учебного заведения и перенесший затем этот скандал в камеру мирового судьи, до сих пор еще никак успокоиться не может и желает, по-видимому, продолжать затеянную им гнусную историю без конца». Попечитель предложил тогда избрать для Н.Я. Новомбергского «другой круг деятельности, более соответствующий его характеру и способностям» [1. Л. 109].

Если применить традиционные моральные критерии по отношению к этой «скверной» истории, то можно признать, что и по риторике, и по предъявляемому, вполне оправданному, претензиям, и по общему тону заявлений и рапортов, то самое «поведение» профессора П.М. Богаевского, благодаря которому, как писал Новомбергский, он занял особое положение в факультетской жизни, выглядит более в равной мере как достойным, так и заслуживающим сочувствия в сравнении с его оппонентом. Способствуют этому сочувствию и личные качества профессора Богаевского. Как отмечал И.А. Базанов, Петр Михайлович, будучи вспыльчивым по натуре, в то же время был «чрезвычайно сердечным, незлобным товарищем» [7. Л. 19].

Однако, как писал классик, победитель не получает ничего. Кодекс академического бесчестия задает особые правила игры. Одна из последних попыток оправдаться была зафиксирована в рапорте профессора П.М. Богаевского на имя попечителя Западно-Сибирского учебного округа. В нем он последовательно повторил, что отрицает обвинения в доносе и что соглашается на прекращение дела только для сохранения лица университета. Угадывается депрессивный тон в других его январских рапортах. 16 января, обращаясь к ректору Томского университета, Петр Михайлович писал: «В течение осеннего полугодия на меня была направлена ожесточенная травля со стороны нескольких профессоров-юристов, а также группы лиц из состава редакции газеты “Сибирская жизнь”». Памятуя о заметках Новомбергского в печати, Богаевский писал: «Создается прямо невыносимое положение. С одной стороны, не позволив себе ничего хоть сколько-нибудь похожего на возводимые на меня обвинения, я вынужден молчаливо присутствовать при все возрастающей деятельности лица, желающего мне зла и не стесняющегося в средствах, что-

бы причинить мне зло. С другой стороны, согласившись ради достоинства университета на прекращение дела, возбужденного против меня, могу только убеждаться, как это достоинство попирается лицами, злоупотребляющими моим сдержанным отношением» [1. Л. 120, 122, 122 об.].

Ранее, 10 января 1912 г., газета «Сибирская жизнь» сообщила: «Вопрос о переводе профессора Богаевского в Киевский университет решен в Петербурге, как нам достоверно сообщают, в утвердительном смысле». Избрание и.д. экстраординарного профессора по кафедре международного права в университет Святого Владимира (Киевского) стало для П.М. Богаевского способом поставить точку в конфликте. 12 января 1912 г. он написал заявление на имя ректора: «Я вынужден, как это ни тяжело, просить Ваше Превосходительство возбудить ходатайство об увольнении меня от занимаемой мною должности» [7. Л. 79 об.].

Н.Я. Новомбергский же, при всей своей нетерпимости к доносам, 23 февраля 1912 г. на имя ректора написал очередное заявление о «поведении» Б.М. Богаевского. Нет необходимости приводить все детали этого документа. Отметим лишь, что в нем Новомбергский посчитал своим долгом донести о том, как в разговоре со студентом П.М. Богаевский обронил фразу: «Не знаю, когда я уеду, но я постараюсь возможно скорее бросить эту помойную яму». «Мне кажется, – добавлял Н.Я. Новомбергский, – этим ответом профессор Богаевский нанес недопустимое оскорбление университету. Вышеприведенную фразу, помимо студентов, слышали присутствовавшие в лектории профессор Дочевский, помощник проректора г. Леонов и библиотекарьша Голшунская» [Там же. Л. 81].

П.М. Богаевский продолжал работать в университете до конца 1911/12 учебного года. Одно время он даже исполнял обязанности декана юридического факультета [6. Л. 126]. Гражданскую войну он пережил в Киеве, где жил по соседству с В.В. Шульгиным. Последний упоминает о профессоре в своих воспоминаниях [12. С. 177–178, 179]. После окончания войны П.М. Богаевский жил в эмиграции в Болгарии, работал профессором университета в Софии, где и умер в 1929 г. [4. С. 40–42]. Н.Я. Новомбергский преподавал в Томском университете до 1919 г. В советские годы продолжал заниматься наукой и преподавал в разных городах страны. В 1930-е гг. был репрессирован. В годы Великой Отечественной войны профессору Архангельского государственного педагогического института Н.Я. Новомбергскому была присуждена степень доктора исторических наук без защиты диссертации. Умер в Архангельске в 1949 г.

«Театральное представление» и публичный процесс подошли к концу. Законы драматургии подчас требуют раскрытия потаенных смыслов показанного. «Не могу оставаться профессором, – писал под занавес конфликта П.М. Богаевский ректору, – если не

буду в состоянии снять с себя то позорное пятно доносчика, которое наложено на меня группой лиц, возбуждивших против меня, решаюсь это сказать, положительно надолго» [7. Л. 78].

Выше уже упоминалось о приверженности дореволюционной русской профессуры ценностям автономии и независимости от власти. Эта традиция, освященная временем и уходящая корнями в историю, задавала некий нравственный императив, который делал донос или то, что признавалось таковым, явлением экстремальным.

Однако сложность научного бытия рассматриваемого периода определялась сосуществующей тенденцией: речь идет о корпоративно-административной этике. Между администрацией, ректором и, особенно, Министерством народного просвещения и попечителями, с одной стороны, и профессурой – с другой, простиралась пропасть глубинных противоречий, которые носили не столько политический, сколько бытийный, мировоззренческий характер. Один из представителей корпорации администраторов и наблюдатель рассмотренного конфликта И.А. Базанов, который вскоре после этих событий станет профессором юридического факультета Петербургского университета, писал: «Профессор Новомбергский в пространной речи высказывал свои претензии к профессору Богаевскому, выдвигая и антиакадемичность действий последнего, заключающуюся в том, что профессор Богаевский на эксцессы против него в печати реагировал не ответами только в газету, а рапортами университетскому начальству» [Там же. Л. 18]. Защищая свою честь и достоинство, профессор Богаевский находился перед выбором: либо обратиться за вердиктом к начальству и остаться «доносчиком», либо решать вопрос публично и стать гонимым властью инсургентом, потеряв возможность служить в Императорском университете.

Отметим, что профессор Томского университета М.А. Рейснер в период своего противостояния с «просветительской администрацией» в 1902–1903 гг. сделал выбор в пользу конфронтации. В апреле 1903 г. он был уволен из университета и навсегда покинул Томск. Возможность вновь преподавать в России он получил лишь по окончании революции 1905–1907 гг. [13].

Нелегкое балансирование между двумя этими тенденциями развития дореволюционной высшей школы досталось в удел многих профессоров. Быть может, именно эта двойственность в немалой степени определила накал конфликтов, разворачивавшихся по сценарию кодекса бесчестья.

Подобная моральная дуалистичность на заключительном этапе томского периода жизни для профессора П.М. Богаевского стала роковой. Оказавшись между Сциллой послушания и Харибдой независимости, он предпочел удалиться со сцены, оставив это противоречие неразрешенным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. 126. Оп. 2. Д. 2707.
2. Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Университетский устав 1863 г.: пределы академического самоуправления // Ярославский педагогический вестник. 2013, № 4. Т. 1 (Гуманитарные науки). С. 18–31.

3. Свешников А.В. Как поспорил Лев Платонович с Иваном Михайловичем (история одного профессорского конфликта) // Новое литературное обозрение. 2009. № 96. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/96/sv7.html> (дата обращения: 26.07.2018).
4. Профессора Томского университета. Биографический словарь. Вып. I. 1888–1917 / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. 288 с.
5. Сибирская жизнь. Газета политическая, литературная и экономическая. Томск.
6. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 511.
7. ГАТО. Ф. 102. Оп. 9. Д. 62.
8. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 1061.
9. Русское слово. Ежедневная газета без предварительной цензуры. Москва.
10. Речь. Ежедневная политическая, экономическая и литературная газета. Санкт-Петербург.
11. Утро Сибири. Общественно-экономическая, политическая и литературная газета. Томск.
12. Шульгин В.В. Тени, которые проходят / сост. Р.Г. Красюков. СПб.: Нестор-История, 2012. 688 с.
13. Фоминых С.Ф., Степнов А.О. М.А. Рейснер и провинциальный аспект академических конфликтов в сообществе Императорского Томского университета // Былые годы. Российский исторический журнал. 2018. № 48 (2). С. 804–816.

Статья представлена научной редакцией «История» 17 августа 2018 г.

Between the Scylla of Obedience and the Charybdis of Independence: The Conflict of Professors of the Imperial Tomsk University P.M. Bogaevsky and N.Ya. Novombergsky During the Autumn–Winter of 1911–1912

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 448, 179–186.

DOI: 10.17223/15617793/448/22

Sergey F. Fominykh, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sergei.fominyh1940@mail.ru

Aleksey O. Stepnov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ASAOM@yandex.ru

Keywords: professors; conflict; Tomsk State University; P.M. Bogaevsky; N.Ya. Novombergsky.

On the materials of archival documents and periodicals, the article studies the causes, circumstances and “behind-the-scene” aspects of the conflict between two professors of the Imperial Tomsk University P.M. Bogaevsky and N.Ya. Novombergsky during the autumn–winter of 1911–1912. The conflict unfolded during the period when the post of the minister of public education was held by L.A. Kasso, known for his policy of limiting academic autonomy. The starting point of the academic confrontation was the non-approval of the two elected deans of the Faculty of Law, I.A. Malinovsky and M.I. Bogolepov, in the 1910/1911 academic year. The discussion of the situation on the sidelines of the university in September 1911 became public when, allegedly, Professor Bogaevsky’s words on the issue of the election/appointment of the dean were published in the local newspaper *Sibirskaya Zhizn’*. The desire to protect his honor and dignity led Bogaevsky clash with Professor Novombergsky, who was suspected in publishing what was said in the professors’ restroom and at a meeting of the Council of the Faculty of Law. Bogaevsky’s attempt to solve the conflict through the mediation of M.N. Sobolev, the acting dean, and I.A. Bazanov, the rector of the university, turned into a public accusation of denunciation, which was published in two newspapers of the capital. Ultimately, the conflict resulted in a criminal trial, held in December 1911. The academic confrontation, which attracted the attention not only of professors but also of the wider circles of the inhabitants of the provincial town, is seen through the prism of a theatrical performance with its backstage life, scandal effect, and public aspects. It is emphasized that, despite the efforts of Bazanov, Kasso, and L.I. Lavrentyev, a trustee of the West Siberian School District, to reconcile the parties, the confrontation continued after Novombergsky withdrew his charges from the justice of the peace and the process ended in January 1912. It is concluded that the conflict was developed between the official corporate and democratic ethics within the corporation of pre-revolutionary Russia’s professors. To resolve the conflict, Bogaevsky was either to take on the charges of denunciation or to go against the administration. This ethical dissociation made this conflict insoluble, and the objective moral contradiction of the internal academic life was not the least reason that made Bogaevsky leave Tomsk in the autumn of 1912.

REFERENCES

1. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 126. List 2. File 2707. (In Russian).
2. Novikov, M.V. & Perfilova, T.B. (2013) The University Charter of 1863: Limits of the Academic Self-Government. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 4 (1). pp. 18–31. (In Russian).
3. Sveshnikov, A.V. (2009) Kak possorilsya Lev Platonovich s Ivanom Mikhailovichem (istoriya odnogo professorskogo konflikta) [How Lev Platonovich quarreled with Ivan Mikhailovich (A Story of a Professorial Conflict)]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 96. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/96/sv7.html>. (Accessed: 26.07.2018).
4. Fominykh, S.F. (ed.) (1996) *Professora Tomskogo universiteta. Biograficheskiy slovar’* [Professors of Tomsk University. A Biographical Dictionary]. Is. I. 1888–1917. Tomsk: Tomsk State University.
5. *Sibirskaya zhizn’*. A political, literary, and economic newspaper. Tomsk.
6. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 1. File 511. (In Russian).
7. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 9. File 62. (In Russian).
8. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 1. File 1061. (In Russian).
9. *Russkoe slovo*. A daily uncensored newspaper. Moscow.
10. *Rech’*. A daily political, economic, and literary newspaper. St. Petersburg.
11. *Utro Sibiri*. A socio-economic, political, and literary newspaper. Tomsk.
12. Shul’gin, V.V. (2012) *Teni, kotorye prokhodyat* [Shadows that pass]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
13. Fominykh, S.F. & Stepnov, A.O. (2018) M.A. Reisner and the Provincial Aspect of Academic Conflicts in the Community of the Imperial Tomsk University. *Bylye gody*. 48 (2). pp. 804–816. (In Russian). DOI: 10.13187/bg.2018.2.804

Received: 17 August 2018

ПЕДАГОГИКА

УДК: 796.082

М.Д. Акинина, К.В. Сухоставская, В.С. Колташников

ЗАНЯТИЯ КАРАТЭ КАК СРЕДСТВО ДВИГАТЕЛЬНОЙ И ПСИХОМОТОРНОЙ ПОДГОТОВКИ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Рассматривается содержание программы включения элементов каратэ в процесс физического воспитания детей старшего дошкольного возраста. Проведен сравнительный анализ между содержанием традиционного занятия по физической культуре и занятия с включением элементов каратэ в дошкольном образовательном учреждении. Рассмотрено тематическое содержание программы «Каратэ для дошкольников». Приводятся результаты эффективности разработанной методики занятий каратэ на двигательную и психомоторную подготовленность детей дошкольного возраста.

Ключевые слова: дети 5–6 лет; двигательная и психомоторная подготовленность; традиционное каратэ; физическое воспитание в дошкольном образовательном учреждении.

В настоящее время возникла необходимость расширения сферы применения средств спортивно-оздоровительной направленности в целостном процессе развития здоровья детей дошкольного возраста [1, 2]. Отсутствие достаточной двигательной активности детей дошкольного возраста в течение дня привело к значительному снижению уровня их двигательной подготовленности [3, 4].

Физическое воспитание детей дошкольного возраста предусматривает достижение оптимального развития физических качеств: быстроты, гибкости, ловкости, выносливости и силы. Уровень их развития в значительной мере определяет успешность формирования двигательных умений и в дальнейшем – их использования в различных жизненных ситуациях [5, 6]. От степени развития физических качеств как локально, так и в комплексе зависят самочувствие, уровень стрессоустойчивости, быстрая адаптация к факторам окружающей среды, умственная работоспособность детей [7, 8].

Конверсионное проникновение элементов спортивной культуры в культуру физическую, согласно концепции В.К. Бальсевича, создает объективные условия для увеличения уровня психофизической подготовленности детей [9].

На наш взгляд, включение в процесс физического воспитания дошкольников элементов традиционного каратэ будет гармонично влиять на сферы развития ребенка: двигательную и психомоторную.

Цель исследования заключалась в разработке программы по каратэ для применения в дошкольном учреждении и оценке ее эффективности на психомоторную и двигательную подготовленность детей старшего дошкольного возраста.

Методы и организация исследования. Исследование проводилось на базе МБ ДОУ № 4 «Монтессори» г. Томска. В исследовании принимали участие 30 детей (мальчики) в возрасте 5–6 лет. Испытуемые были разделены на две группы: контрольную ($n = 15$ чел.) и экспериментальную ($n = 15$ чел.). Проводилось тестирование их двигательной подготовленности (наклон вперед из положения сидя, прыжок в длину с места, метание набивного мяча (1 кг), челночный бег 3×5 м, ловля мяча с расстояния 5 м, восьмерка под ногами, стойка на одной ноге), а также измерялись пока-

затели психомоторного развития (простая сенсомоторная реакция на свет (рука), простая сенсомоторная реакция на звук (рука), реакция выбора, реакция на движущийся объект). Исследование психомоторной подготовленности дошкольников проводилось при письменном согласии родителей. Показатели психомоторного развития оценивались при помощи аппаратно-программного комплекса «Спортивный психофизиолог» (производство ООО НМЦ «Аналитик», г. Омск).

Анализ результатов тестирования проводился с использованием программы Statistica 10.0 фирмы Statsoft. Были сформированы две независимые выборки. Для определения характера распределения полученных данных использовали t-критерий Стьюдента.

В выборках отмечалось нормальное распределение исследуемых признаков, кроме того – выборки среднего размера (15 человек), следовательно, допустимо применение параметрических статистических критериев. Поэтому были использованы параметрические методы, которые применяются при количественном признаке независимо от вида их распределения (в том числе для случаев нормального распределения признака). Различия между выборками оценивались с помощью параметрического t-критерия Стьюдента. Достоверность результатов оценивалась при $p < 0,05$.

Результаты и их обсуждение. Программа «Каратэ для дошкольников» разработана с учетом Федеральных государственных требований, она предполагает использование средств каратэ, направленное на работу с детьми в следующих образовательных областях – физическая культура, здоровье, безопасность и социализация.

В табл. 1 показаны различия при включении элементов каратэ в основную часть занятия как средство развития физических качеств дошкольников, а также их психомоторной реакции.

Включение элементов каратэ происходит за счет изменения вариативной части занятия. Во время повторения и закрепления основных видов движений – ходьбы, ползания, лазания и прыжков, мы включили элементы каратэ, выполняемые в статическом и в динамическом режимах работы.

Включая в комплекс общеразвивающих упражнений элементы каратэ – удары руками и ногами, прие-

мы контратаки, мы решаем задачу закрепления техники боевых единоборств и не изменяем заключительную и подготовительную части занятия.

Главная цель программы – повышение уровня физической подготовленности с помощью включения в ход занятия элементов каратэ.

К задачам реализации программы относятся:

- создание мотивационных предпосылок для возникновения интереса к физической культуре и спорту;
- организация воспитательного процесса и создание педагогических ситуаций, способствующих фор-

мированию морально-волевого личностного потенциала детей;

– повышение уровня физической подготовленности во время совместной двигательной деятельности;

– контроль физического развития детей и коррекция недостатков в программе физического воспитания.

В табл. 2 представлены разделы каратэ, включенные в основную часть занятия по физической культуре с детьми дошкольного возраста, а также количество часов, отведенных для изучения различных видов ударов и приемов контратаки.

Таблица 1

Различия между традиционным занятием по физической культуре и занятиям с включением элементов каратэ

Условия	Традиционное занятие по ФК в ДОУ	Занятия с элементами каратэ
Задачи	Учить, повторить, закрепить, совершенствовать двигательные умения и навыки	Учить, повторить, закрепить, совершенствовать двигательные умения и навыки + освоение элементов традиционного каратэ и контактных видов единоборств
Продолжительность	30 мин	20 мин по общепринятой программе + 10 мин по программе «Каратэ для дошкольников»
Форма	Организованная совместная двигательная деятельность детей – в колонне, в строю, ОРУ и подвижные игры	То же + работа в парах по отработке атаки контратаки на лапах и макиварах + элементы кихон и ката + дыхательные упражнения и беседы, релаксационные упражнения
Методы	Общепедагогические, практические	Общепедагогические, методы спортивной тренировки
Использование различного инвентаря	Мячи, скакалки, обручи, гимнастические палки, шнуры, флажки	То же + макивары, лапы, боксерский мешок, индивидуальные утяжелители, бруски для йоги, тренажеры для растяжки

Таблица 2

Тематический план программы «Каратэ для дошкольников»

Виды элементов каратэ, включенных в двигательную деятельность	Количество часов
I Теоретические занятия 1. Инструктаж по технике безопасности при выполнении физических упражнений в спортивном зале и площадке.	2
II Практические занятия	
Разучивание упражнений на развитие ловкости, гибкости (в том числе статические позы)	6
Изучение дыхательных упражнений	4
Разучивание прямого удара рукой ой-цки	6
Изучение прямого удара рукой ой-цки, гияку-цки	6
Изучение верхнего блока агэ-укэ	8
Изучение нижнего блока гэдан-барай	8
Изучение бокового блока учи-удэ-укэ	8
Изучение прямого удара ногой маз-гэри	6
Совершенствование ранее изученного материала в различном сочетании	8

В экспериментальной группе были реализованы разработанная нами программа и психолого-педагогическое сопровождение образовательного маршрута детей на основе элементов каратэ.

В ходе анализа повторного тестирования были выявлены следующие различия показателей физического развития, двигательной и психомоторной подготовленности детей старшего дошкольного возраста. Из результатов, представленных в табл. 3, видно, что показатель теста, направленный на развитие физического качества «ловкость» (восьмерка мячом под ногами) после внедрения программы включения элементов каратэ в основ-

ную часть совместной двигательной деятельности с детьми дошкольного возраста в экспериментальной группе, по сравнению с контрольной группой, выявил статистически достоверные различия ($p < 0,05$).

Также было выявлено, что показатель теста «прыжок в длину с места» не дал статистически достоверного различия между контрольной и экспериментальной группами, однако можно наблюдать статистически достоверное улучшение результата этого теста как в экспериментальной, так и в контрольной группе ($p < 0,05$) (с 107,6 до 121,1 см; с 105,9 до 113,3 см соответственно).

Показатели физической и двигательной подготовленности детей дошкольного возраста экспериментальной ($n = 15$ чел.) и контрольной групп ($n = 15$ чел.) до и после эксперимента

Тест	Этап эксперимента	Контрольная группа			Экспериментальная группа			P
		$\bar{X}$	$\pm \sigma$	$\pm m$	$\bar{X}$	$\pm \sigma$	$\pm m$	
Прыжок в длину с места, см	До эксперимента	105,9	$\pm 18,3$	$\pm 0,1$	107,6	$\pm 14,5$	$\pm 0,4$	0,7
	После эксперимента	113,3	$\pm 15,6$	$\pm 0,5$	121,1	$\pm 8,9$	$\pm 0,2$	0,1
	p	0,04			0,02			
Челночный бег (3×5 м), с	До эксперимента	7,2	$\pm 0,8$	$\pm 0,03$	7,3	$\pm 0,8$	$\pm 0,01$	0,7
	После эксперимента	6,6	$\pm 0,7$	$\pm 0,04$	6,4	$\pm 0,4$	$\pm 0,01$	0,3
	p	0,03			0,02			
Наклон вперед из положения сидя, см	До эксперимента	1,5	$\pm 3,3$	$\pm 0,1$	0,1	$\pm 5,3$	$\pm 0,1$	0,3
	После эксперимента	2,2	$\pm 4,2$	$\pm 0,1$	2,6	$\pm 4,7$	$\pm 0,1$	0,8
	p	0,04			0,01			
Метание набивного мяча, см	До эксперимента	225	± 46	$\pm 0,1$	108,6	$\pm 53,1$	$\pm 0,2$	0,3
	После эксперимента	260,4	$\pm 57,4$	$\pm 0,4$	255	$\pm 70,6$	$\pm 0,2$	0,8
	p	0,03			0,01			
Восьмерка мячом под ногами, с	До эксперимента	29,2	$\pm 7,3$	$\pm 0,3$	30,2	$\pm 8,2$	$\pm 0,1$	0,7
	После эксперимента	24,1	± 7	$\pm 0,4$	19,7	$\pm 4,2$	$\pm 0,2$	0,04
	p	0,03			0,02			
Ловля мяча с расстояния 5 м, усл. ед.	До эксперимента	2,3	$\pm 1,4$	$\pm 0,05$	3,1	$\pm 1,3$	$\pm 0,06$	0,1
	После эксперимента	3,2	$\pm 1,5$	$\pm 0,03$	4,1	$\pm 0,7$	$\pm 0,01$	0,04
	p	0,04			0,01			
Стойка на одной ноге, с	До эксперимента	16,6	$\pm 14,8$	$\pm 0,3$	32,1	$\pm 49,7$	$\pm 0,6$	0,2
	После эксперимента	21	$\pm 17,6$	$\pm 0,2$	51	$\pm 54,7$	$\pm 0,6$	0,05
	p	0,03			0,01			
Динамометрия (правая рука), кг	До эксперимента	5,2	$\pm 1,4$	$\pm 0,02$	5,9	± 2	$\pm 0,02$	0,1
	После эксперимента	7	$\pm 2,6$	$\pm 0,02$	9	$\pm 2,4$	$\pm 0,04$	0,03
	p	0,08			0,04			
Динамометрия (левая рука), кг	До эксперимента	4,8	$\pm 0,9$	$\pm 0,07$	6	$\pm 2,6$	$\pm 0,02$	0,1
	После эксперимента	6,7	$\pm 1,9$	$\pm 0,05$	8,8	± 3	$\pm 0,04$	0,03
	p	0,02			0,01			

Программа включения элементов восточных единоборств в занятия по физической культуре дошкольников показала свою эффективность в двигательном тесте «Стойка на одной ноге», выявлен прирост результатов в контрольной группе с 16,6 с до 21 с; в экспериментальной – с 32,1 с до 51 с. После эксперимента достоверные различия приблизились к 0,05 (см. табл. 3).

Анализируя показатель результатов теста «Наклон вперед из положения сидя», мы видим, что в контрольной и экспериментальной группах показатель улучшился с 1,5 до 2,2 см и с 0,1 до 2,6 см соответственно. Достоверных различий между показателями контрольной и экспериментальной групп не выявлено.

Анализ результатов двигательного теста «Челночный бег», показывающего уровень развития координационных способностей, выявил, что достоверного различия между контрольной и экспериментальной группами нет, однако можно наблюдать статистически достоверное улучшение результата этого теста

как в экспериментальной группе, так и в контрольной группе ($p < 0,05$) (с 7,2 до 6,6 с; с 7,3 до 6,4 с соответственно).

В двигательном тесте «Восьмерка мячом под ногами», который направлен на выявление уровня развития физического качества «ловкость», мы видим прирост результатов как в контрольной группе (с 29,2 с до 21,1 с), так и в экспериментальной группе (с 30,2 до 19,7 с). Выявлены достоверные различия между контрольной и экспериментальной группами в конце эксперимента, равные 0,04 (табл. 3).

При анализе табл. 3 было выявлено, что показатель теста «метание набивного мяча» не дал статистически достоверного различия между контрольной и экспериментальной группами, однако прослеживается статистически достоверное улучшение результата данного теста как в экспериментальной, так и в контрольной группе ($p < 0,05$) (с 107,6 до 121,1 см; с 105,9 до 113,3 см соответственно).

Анализируя показатель результатов теста «Ловля мяча с расстояния 5 метров», мы видим, что в контрольной и экспериментальной группах показатель улучшился с 2,3 до 3,2 усл.ед и с 3,1 до 4,1 усл.ед. соответственно. Были выявлены достоверные различия между контрольной и экспериментальной группами ($p < 0,04$).

Результаты антропометрии – динамометрия правой и левой руки при сравнении результатов контрольной и экспериментальной групп – выявили достоверные различия после эксперимента. В тесте «Динамометрия правой руки» в контрольной группе прирост с 5,2 до 7 кг; в экспериментальной – с 5,9 до 9 кг. Выявлено достоверное различие, равное 0,03.

При анализе теста «Динамометрия левой руки» мы видим, что в контрольной группе показатель улучшился с 4,8 до 6,7 кг, в экспериментальной группе прирост результатов составил с 6 до 8,8 кг. Достоверные различия между контрольной и экспериментальной группами составили к концу эксперимента $p = 0,03$.

Для определения уровня развития психомоторных качеств дошкольников мы использовали аппаратно-программный комплекс «Спортивный психофизиолог». Были проведены следующие тесты: сенсомоторная реакция на свет, сенсомоторная реакция на звук, реакция выбора, реакция на движущийся объект. Также был проведен теппинг-тест, подсчитывалось количество ударов за 1 мин.

Таблица 4

Показатели психомоторной подготовленности детей дошкольного возраста экспериментальной ($n = 15$ чел.) и контрольной групп ($n = 15$ чел.) до и после эксперимента

Тест	Этап эксперимента	Контрольная группа					Экспериментальная группа					P
		$\bar{X}$	$\pm$	σ	$\pm$	m	$\bar{X}$	$\pm$	σ	$\pm$	m	
Реакция на свет рукой, с	До эксперимента	0,526	$\pm$	0,1	$\pm$	0,001	0,485	$\pm$	0,1	$\pm$	0,001	0,3
	После эксперимента	0,518	$\pm$	0,1	$\pm$	0,001	0,435	$\pm$	0,1	$\pm$	0,001	
	p	0,02					0,03					
Реакция на звук рукой, с	До эксперимента	0,592	$\pm$	0,1	$\pm$	0,001	0,547	$\pm$	0,1	$\pm$	0,001	0,3
	После эксперимента	0,565	$\pm$	0,1	$\pm$	0,001	0,482	$\pm$	0,1	$\pm$	0,001	
	p	0,03					0,05					
Реакция на движущийся объект, с	До эксперимента	0,277	$\pm$	0,1	$\pm$	0,001	0,208	$\pm$	0,1	$\pm$	0,001	0,1
	После эксперимента	0,256	$\pm$	0,1	$\pm$	0,001	0,163	$\pm$	0,1	$\pm$	0,001	
	p	0,1					0,08					
Реакция выбора, с	До эксперимента	0,681	$\pm$	0,1	$\pm$	0,001	0,635	$\pm$	0,1	$\pm$	0,001	0,4
	После эксперимента	0,666	$\pm$	0,1	$\pm$	0,001	0,543	$\pm$	0,1	$\pm$	0,001	
	p	0,03					0,01					
Теппинг-тест, усл. ед.	До эксперимента	210,6	$\pm$	28,7	$\pm$	0,5	230,4	$\pm$	28,3	$\pm$	0,7	0,07
	После эксперимента	214,4	$\pm$	29,1	$\pm$	0,8	241,5	$\pm$	30,5	$\pm$	0,6	
	p	0,02					0,04					

Из результатов, представленных в табл. 4, выявлен показатель психомоторного теста «Реакция на свет рукой» (после внедрения программы включения элементов каратэ в основную часть совместной двигательной деятельности с детьми старшего дошкольного возраста в экспериментальной группе по сравнению с контрольной группой были выявлены статистически достоверные различия ($p < 0,04$)). Прирост в экспериментальной и контрольной группах составил 0,02 и 0,03 с соответственно.

Мы также видим, что показатель теста «Реакция на звук рукой» дал статистически достоверные различия между контрольной и экспериментальной группами, можно наблюдать статистически достоверное улучшение результата этого теста, как в экспериментальной, так и в контрольной группе (с 0,592 до 0,565 с; с 0,547 до 0,482 с, соответственно).

Анализируя показатель результатов теста «Реакция на движущийся объект», мы видим, что в контрольной и экспериментальной группах показатель

улучшился с 0,277 до 0,256 с и с 0,208 до 0,163 с соответственно. Достоверных различий между показателями контрольной и экспериментальной групп не выявлено ($p > 0,05$).

При анализе результатов психомоторного теста «Реакция выбора» мы видим улучшение результата в контрольной (с 0,681 до 0,666 с) и в экспериментальной (с 0,635 до 0,543 с) группах. Сравнительный анализ результатов групп после эксперимента дал статистически достоверные различия ($p = 0,03$).

Программа включения элементов каратэ в совместную двигательную деятельность также показала свою эффективность и в теппинг-тесте. Сравнительный анализ результатов при помощи методов математической статистики выявил, что после проведения эксперимента выявлены достоверные различия между контрольной и экспериментальной группами ($p = 0,04$).

Выводы. Учебный процесс по физическому воспитанию в дошкольном учреждении строится на основе

образовательной программы, в которой первоначальное внимание уделяется физическому воспитанию детей, планирование строится в соответствии с существующими требованиями федерального государственного общеобразовательного стандарта (ФГОС).

Анализируя примерные основные общеобразовательные программы по физическому воспитанию, используемые в дошкольных учреждениях, можно заметить, что содержание этих программ направлено на развитие физических качеств и обучение основным видам движения (бег, прыжки, ходьба). Развитие физических и психических качеств детей дошкольного возраста целесообразно осуществлять, используя разнообразные средства физической культуры.

Учет специфических возрастных особенностей детей 5–7 лет обеспечивает единонаправленность целей,

задач, средств и методов, используемых в совместной двигательной деятельности с детьми дошкольного возраста. Неравномерность периодов развития отдельных систем организма в указанном возрасте обуславливает значительные перестройки и изменения, требующие пристального внимания в выборе допустимой физической нагрузки. Однако данный период является благоприятным для формирования двигательных умений и навыков и развития физических качеств.

Разработанная программа включения элементов традиционного каратэ в систему физического воспитания детей старшего дошкольного возраста положительно влияет на физическое развитие, а также на двигательную и психомоторную подготовленность ребенка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сосуновский В.С. Структура и содержание психомоторной подготовленности детей 11–12 лет // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 399. С. 236–240.
2. Сорокина К.Д. Возрастные особенности структуры психомоторики детей и подростков в процессе занятий каратэ // Исследовательский потенциал молодых ученых : сб. материалов XII Регион. науч.-практ. конф. аспирантов, соискателей, молодых ученых и магистрантов. Тула : Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2016. С. 231–235.
3. Сосуновский В.С. Влияние олимпийского образования на самооценку детей в условиях детского образовательного оздоровительного лагеря // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 392. С. 199–201.
4. Сосуновский В.С., Загrevская А.И. Кинезиологический потенциал детей старшего дошкольного возраста // Теория и практика физической культуры. 2018. № 10. С. 62–64.
5. Губжиков З.Б. Приобщение старших дошкольников к физической культуре в процессе занятий каратэ-до // Инновационный центр развития образования и науки : сб. науч. тр. по итогам междунар. науч.-практ. конф. 2014. С. 38–41.
6. Загrevская А.И., Сосуновский В.С., Зальмеж Т.Н. Психомоторные особенности детей старшего дошкольного возраста // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23, № 5. С. 13–21.
7. Пак Е.А., Мавлянова З.Ф., Ким О.А. Показатели состояния сердечно-сосудистой системы у детей, занимающихся каратэ // Спортивная медицина: наука и практика. 2016. Т. 6, № 1. С. 21–25.
8. Сосуновский В.С., Сухоставская К.В., Вереvкина Е.О. Взаимосвязь компонентов кинезиологического потенциала дошкольников 5–6 лет // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 427. С. 191–194.
9. Бальсевич В.К. Очерки по возрастной кинезиологии человека. М. : Сов. спорт, 2009. 220 с.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 6 сентября 2019 г.

Karate Classes as a Means of Motor and Psychomotor Training for Preschool Children

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 448, 187–192.

DOI: 10.17223/15617793/448/23

Maria D. Akinina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: maakin1993@yandex.ru

Kseniya V. Sukhostavskaya, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sovest_epohi@mail.ru

Vera S. Kolphashnikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vera_shap@mail.ru

Keywords: children aged 5–6; motor and psychomotor training; traditional karate; physical education in preschool educational institution.

The aim of the study was to develop a karate program for use in a preschool institution and to evaluate its effectiveness in the psychomotor and motor readiness of older preschool children. The following methods are used in the study: analysis of scientific and methodological literature, pedagogical observation, pedagogical testing, pedagogical experiment and methods of mathematical statistics. The study was conducted on the basis of kindergarten No. 4 Montessori in Tomsk. The study involved 30 children (boys) aged 5–6. The subjects were divided into two groups: control (n = 15 people) and experimental (n = 15 people). The subjects were tested in their motor readiness, and also measured in the indicators of their psychomotor development. The indicators of psychomotor development were evaluated using the hardware-software complex Sports Psychophysicologist (produced by the Research Center Analitik in Omsk). The test results were analyzed using Statistica 10.0 of the software company Statsoft. Two independent samples were generated. To determine the nature of the distribution of the obtained data, student t-test was used. The developed program for incorporating elements of traditional karate into the system of physical education of older preschool children had a positive impact on physical development, as well as on motor and psychomotor preparedness of children aged 5–6. Performance indicators for the developed program are: in the experimental group, the level of coordination preparedness of children aged 5–6 significantly increased after the introduction of the developed program for including karate elements in the standing on one leg motor test into the experimental group, an increase in the results in the control group from 16.6 s to 21 s was revealed, in the experimental group from 32.1 s to 51 s ($p < 0.05$); in preschool children, there is an increase in the physical quality “flexibility”, which is proved by their performance in tilting forward from a sitting position, in the control and experimental groups, the indicator improved from 1.5 cm to 2.2 cm and from 0.1 cm to 2.6 cm, respectively ($p < 0.05$); boys of the experimental group significantly improved indicators of a simple sensorimotor reaction. The indicator of the psychomotor test on reaction to light by hand in the experimental group, compared with the control group, revealed statistically significant differences ($p < 0.05$). The increase in the experimental and control groups was 0.02 s

and 0.03 s, respectively; the program for incorporating karate elements into joint motor activity has also proved to be effective in the tapping test. After the experiment, significant differences were found between the control and experimental groups ($p = 0.04$).

REFERENCES

1. Sosunovskiy, V.S. (2015) The Structure and Content of Psychomotor Preparedness of Children Aged 11–12. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 399. pp. 236–240. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/399/38
2. Sorokina, K.D. (2016) [Age-related features of the structure of the psychomotor system of children and adolescents in karate classes]. *Issledovatel'skiy potentsial molodykh uchenykh* [Research potential of young scholars]. Proceedings of the 12th Regional Conference. Tula: Tula State Pedagogical University. pp. 231–235. (In Russian).
3. Sosunovskiy, V.S. (2015) Effects of the Olympic Education on the Self-Esteem of Children in Children's Educational and Health Camps. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 392. pp. 199–201. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/392/33
4. Sosunovskiy, V.S. & Zagrevskaya, A.I. (2018) Kineziologicheskiy potentsial detey starshego doshkol'nogo vozrasta [Kinesiological potential of preschool children]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 10. pp. 62–64.
5. Gubzhokov, Z.B. (2014) *Priobshchenie starshikh doshkol'nikov k fizicheskoy kul'ture v protsesse zanyatiy karate-do* [Acquainting senior preschoolers with physical education at karate-do classes]. [Online] Available from: <http://izron.ru/articles/o-nekotorykh-voprosakh-i-problemakh-psikhologii-i-pedagogiki-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itogam-mezh/sektsiya-2-teoriya-i-metodika-obucheniya-i-vospitaniya-spetsialnost-13-00-02/priobshchenie-starshikh-doshkolnikov-k-fizichesky-kulture-v-protsesse-zanyatiy-karate-do/>.
6. Zagrevskaya, A.I., Sosunovskiy, V.S. & Zal'mezh, T.N. (2018) Psychomotor Features in Preschool Children. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie – Psychological Science and Education*. 23 (5). pp. 13–21. (In Russian). DOI: 10.17759/pse.2018230502
7. Pak, E.A., Mavlyanova, Z.F. & Kim, O.A. (2016) The Indices of the Cardiovascular System in Children Practicing Karate. *Sportivnaya meditsina: nauka i praktika – Sports Medicine: Research and Practice*. 6 (1). pp. 21–25. (In Russian).
8. Sosunovskiy, V.S., Sukhostavskaya, K.V. & Verevkin, E.O. (2018) The interrelation of the components of kinesiological potential of preschoolers aged 5 to 6. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 427. pp. 191–194. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/427/26
9. Bal'sevich, V.K. (2009) *Ocherki po vozrastnoy kineziologii cheloveka* [Essays on age kinesiology of a person]. Moscow: Sovetskiy sport.

Received: 06 September 2019

Н.Л. Сунгурова, И. Пешч

КУЛЬТУРНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И СТРАТЕГИИ КОГНИТИВНОЙ РЕГУЛЯЦИИ ЭМОЦИЙ КАК ПРЕДИКТОРЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ ВУЗЕ

Рассматриваются стратегии когнитивной регуляции эмоции и культурный интеллект как предикторы, способствующие более успешной социокультурной адаптации иностранных студентов в процессе обучения в международном вузе. На примере сравнительного анализа российских и нигерийских студентов показаны специфические особенности когнитивной регуляции эмоции и культурного интеллекта, выявлена специфика взаимосвязи исследуемых характеристик в условиях межкультурного взаимодействия.

Ключевые слова: социокультурная адаптация; когнитивная регуляция эмоций; культурный интеллект; иностранные студенты.

Адаптация как приспособление человека к изменяющимся условиям, представляет собой особый момент его жизнедеятельности. Адаптация иностранных студентов к условиям жизни в нашей стране и особенностям обучения в российских вузах – весьма сложный процесс. Вхождение в новую социальную, лингвистическую, этнокультурную среду может сопровождаться психологическими состояниями напряжения и угнетения, ситуативной и личностной тревогой, эмоциональной подавленностью, неспособностью понять собеседника как носителя другого языка, культуры, традиций, дезадаптивными конфликтными стратегиями поведения.

Иностранным студентам приходится адаптироваться к специфике учебного процесса, особенностям учебно-профессиональной деятельности по выбранному направлению, к географическим и бытовым условиям, культурным традициям страны пребывания. Они сталкиваются с проблемами в осуществлении коммуникации, этнокультурным взаимодействием. Студентам, приезжающим обучаться в нашу страну, требуется помощь в понимании культурных особенностей российского народа, традиций представителей других стран, социокультурной среды университета.

Важным направлением работы современного международного вуза является психолого-педагогическое сопровождение иностранных студентов к новым социокультурным условиям, направленное на развитие у обучающихся необходимых социально-психологических и личностных особенностей.

В Российском университете дружбы народов проводится многоплановая деятельность по реализации программы психолого-педагогического сопровождения адаптации иностранных студентов, которая направлена на формирование адаптационных копинг-стратегий студентов, подготовку обучающихся к эффективному межкультурному диалогу, который лежит в основе преодоления трудностей взаимодействия, повышение организационной культуры иностранных студентов. В рамках данной программы организуются адаптационные тренинги, разработанные с учетом социокультурных, этнических особенностей студентов; работает кабинет психологической помощи; проводятся психологические исследования особенностей адаптации студентов из разных стран приема.

Различные аспекты проблемы социокультурной адаптации иностранных студентов представлены в ряде педагогических и психолого-педагогических исследований (Т.С. Вершинина, И.А. Гребенникова, М.И. Иванова, О.А. Иванова, О.Л. Кочева, И.О. Кривцова, Е.Д. Максимчук, С.И. Моднов, И.А. Поздняков, Л.В. Ухова и др.). Авторами изучаются трудности, барьеры, проблемы адаптации, предлагаются программы педагогического и социально-психологического сопровождения. Так, М.И. Ивановой рассматриваются адаптационные, психофизиологические, учебно-познавательные, коммуникативные, бытовые трудности, с которыми сталкиваются иностранные студенты [1]. С.И. Модновым, Л.В. Уховой выделяются факторы успешной адаптации (социокультурный, социокоммуникативный, социобытовой) [2]. В работе И.О. Кривцовой обозначены психофизиологические, учебно-познавательные, социокультурные проблемы адаптации [3]. Среди специфических педагогических проблем, возникающих у иностранных студентов, И.А. Поздняков описывает проблемы выбора образовательно-профессионального маршрута; проблемы овладения знаниями и навыками основной деятельности; проблемы межличностного взаимодействия, проблемы безопасности жизнедеятельности, проблемы организации досуга и овладения дополнительными знаниями, навыками [4]. Т.С. Вершинина, О.Л. Кочева обсуждают социокультурную адаптацию в контексте педагогического взаимодействия, предлагая методы интерактивного обучения, направленные на повышение мотивации к пониманию чужой культуры, развитие диалога культур [5]. Специфика межкультурной адаптации рассмотрена О.А. Ивановой в контексте проблемы формирования учебно-профессиональной Я-концепции иностранных студентов [6]. Принципы, критерии, условия педагогического сопровождения адаптации иностранных студентов в вузе обозначены в работе И.А. Гребенниковой [7]. Е.Д. Максимчук разработана программа социально-психологического сопровождения межкультурной адаптации иностранных студентов. Автором описаны структура программы, условия ее внедрения, социально-психологические характеристики межкультурной адаптации иностранных студентов [8].

Несмотря на большое количество исследований по проблеме адаптации иностранных студентов, недостаточно внимания уделяется рассмотрению предикторов, определяющих успешность социокультурной адаптации иностранных студентов. Немаловажным является изучение психологических характеристик студентов как представителей различных стран и культур.

В данной статье представлены результаты исследования когнитивной регуляции эмоций и культурного интеллекта российских и нигерийских студентов в условиях межкультурной коммуникации. Постановка такой исследовательской проблемы неслучайна. Многолетний опыт работы с иностранными студентами и анализ исследований в этой предметной области показывают, что одной из причин непонимания в межкультурной коммуникации являются различия в проявлении эмоций и их регуляции в силу культурно обусловленных правил и норм эмоционального реагирования.

В контексте интенсификации межнационального взаимодействия как одной из ключевых характеристик современного общества особую значимость приобретает также культурный интеллект, обеспечивающий успешность межкультурных отношений. Принимая во внимание роль культуры в регуляции эмоций людей, актуальным является исследование взаимосвязей между когнитивным регулированием эмоций и культурным интеллектом у представителей разных народов.

Целью нашего исследования было выявление особенностей взаимосвязи когнитивной регуляции эмоций и культурного интеллекта российских и нигерийских студентов в условиях межкультурной коммуникации.

Когнитивная регуляция эмоций – это регуляция эмоций посредством когнитивных, позволяющая человеку удерживать контроль над своими эмоциями под каким-либо воздействием, а также после угрозы или стрессовых ситуаций [9. Р. 142]. Культурный интеллект подразумевает интеллектуальные способности личности, позволяющие реализовывать успешную межкультурную коммуникацию [10. Р. 65].

Соответствие между личными и культурными нормами / убеждениями усиливает социальные взаимодействия и адаптацию. Понимание того, как культурные особенности управляют нормами эмоционально-интеллектуальных феноменов, связанных с поведением (в конкретной культуре), является важной основой для организации учебно-воспитательной работы в вузе.

Многие исследования показывают, что регуляция эмоций является одним из наиболее важных навыков, необходимых для внутри- и межкультурной адаптации. Принимая во внимание, что существуют индивидуальные различия в регуляции эмоций, необходимо учитывать их культурные различия [11. Р. 27].

Стратегии, используемые для регулирования эмоционального опыта также могут варьироваться в зависимости от различий в межкультурных ориентациях, таких как индивидуалистическая (независимая) и коллективистская (взаимозависимая) культуры. Про-

цесс регуляции эмоций помогает достичь культурно приемлемых эмоциональных форм взаимодействия. Например, вместо того чтобы рассматривать поведение человека из другой культуры как неуместное и раздражающее, благодаря стратегии когнитивной регуляции «позитивный пересмотр» такое поведение можно трактовать как возможность узнать что-то новое. Кроме того, люди делятся своими взглядами, когда понимают, что другие открыты и терпимы к различным мнениям и ценностям. Люди с высоким уровнем позитивного пересмотра склонны испытывать и выражать положительные эмоции [12. Р. 275].

Успешная эмоциональная регуляция является важнейшим предиктором позитивной межкультурной адаптации. Она контролирует негативные эмоции во время конфликта и стресса, которые неизбежны в межкультурной коммуникации. Способы регулирования эмоций различаются в разных культурах [13. Р. 175], контроль над их выражением зависит от культурных факторов [14. С. 301].

В начале межкультурной коммуникации собеседники воспринимают друг друга просто как партнеров по общению, изучают друг друга и формируют стратегии и тактики взаимодействия. Потом наступает этап обмена информацией и формирования отношений. Представители разных культур используют систему своих национальных ценностей для регуляции эмоций и поведения. Культурный интеллект позволяет этнофорам использовать не только нормы регуляции своей нормативно-ценностной системы, но и опираться на систему представителей других культур, принимая во внимание психологические характеристики их культуры. Результатом как раз становится более успешное межкультурное взаимодействие.

Культурный интеллект рассматривается как:

- способность плодотворно взаимодействовать с представителями других и чужих культур и успешно справляться с новыми поликультурными условиями [15. Р. 280];
- способности, развитые вне культурных границ [16. Р. 141];
- способность личности эффективно взаимодействовать в новых культурных условиях [17. Р. 89];
- способности личности, позволяющие ей реализовывать успешную межкультурную коммуникацию [18. Р. 102].

Когнитивная модель культурного интеллекта рассматривается как комплексная и включает в себя целостную систему навыков и знаний, которые связаны с культурными метакогнициями: знание о культуре и межкультурном взаимодействии; межкультурные навыки; культурные метакогниции или культурные метакогнитивные способности. Более высокий уровень культурного интеллекта может быть достигнут за счет межкультурного взаимодействия [19. Р. 151].

Организация и методы исследования. Стратегии когнитивной регуляции эмоций исследовались с помощью опросника «Когнитивная регуляция эмоций» Н. Гарнефски, В. Крайг (в адаптации О.Л. Писаревой, О.Л. Гриценко). Для выявления показателей культурного интеллекта был применен опросник «Шкала культурного интеллекта» К. Эрли, С. Анга (в адапта-

ции Е.В. Беловол, К.А. Шкварило, Е.М. Хворовой). Для иностранных студентов использовались оригинальные тексты на английском языке. В качестве вспомогательного метода применялось включенное наблюдение. Методы математической обработки данных представлены описательной статистикой, непараметрической статистикой, корреляционным анализом. Программное обеспечение: Microsoft Excel, IBM SPSS Statistics Version 20.

Исследование проводилось на базе Российского университета дружбы народов. В нем приняли участие российские и нигерийские студенты в возрасте 19–35 лет. Общий объем выборки – 87 человек (43 российских и 44 нигерийских студента).

Обсуждение результатов исследования. На первом этапе анализа нами были рассмотрены особенности компонентов культурного интеллекта студентов. Преобладающим является «Когнитивный компонент» (3,69), далее следуют шкалы «Поведенческий компонент» (2,74), «Мотивационный компонент» (2,52) и «Метакогнитивный компонент» (1,05). Доминирование когнитивного компонента культурного интеллекта предполагает способность к распознаванию культурных сигналов, направленность на получение знаний об иной культуре (ценностях, традициях, обычаях), понимание культурных последствий общения. Когнитивный аспект культурного компонента – это способность интегрировать в своем сознании различные культурные сферы, проживать различные культурные модели, умение говорить на разных «культурных» языках, предвидеть последствия своих слов и действий в общении с представителем другой культуры.

Средние ранги метакогнитивного, когнитивного и мотивационного компонентов в выборке нигерийских студентов превышают средние ранги этих компонентов в выборке российских студентов. Нигерийские студенты отличаются более выраженным осознанием себя как субъектов, включенных в чужую культурную среду, мотивационной готовностью к взаимодействию с людьми других национальностей в чужой для них стране. По шкале поведенческого компонента наблюдается обратная тенденция. Средний ранг по этому компоненту выше в российской студенческой выборке, что говорит о способности российских студентов

проявлять более гибкое вербальное и невербальное поведение в процессе межкультурной коммуникации. Математическая обработка при помощи критерия Манна – Уитни выявила достоверные различия по шкалам «метакогнитивный компонент» ($U = 46,5, p = 0,000$); «когнитивный компонент» ($U = 14,5, p = 0,000$); «мотивационный компонент» ($U = 153,5, p = 0,002$).

Далее нами были исследованы стратегии когнитивной регуляции эмоций. Преобладающими стратегиями являются шкалы «Принятие» (7,45), «Положительная фокусировка» (6,11), «Помещение в перспективу» (6,09) и «Обвинение других» (2,99). Результаты сравнительного анализа показали, что у российских студентов в качестве доминирующих стратегий выступают стратегии «катастрофизация» и «обвинение», а у нигерийских студентов преобладают «положительная фокусировка» и «позитивный пересмотр». Математическая обработка при помощи критерия Манна–Уитни выявила достоверные различия по следующим шкалам: «Положительная фокусировка» ($U = 44,5, p = 0,000$), «Перефокусировка» ($U = 140,5, p = 0,001$), «Позитивный пересмотр» ($U = 73,5, p = 0,000$), «Помещение в перспективу» ($U = 102,5, p = 0,000$), «Катастрофизация» ($U = 61,0, p = 0,000$), «Обвинение других» ($U = 124, p = 0,000$). Российские студенты чаще приписывают произошедшим событиям глобальный масштаб, склонны преувеличивать негативные последствия случившегося. При регуляции эмоционального состояния они сосредотачиваются на интерпретации значения события, фокусируются на собственной негативной роли, склонны винить себя. Нигерийские студенты не склонны катастрофизировать жизненные события, что связано с особенностями нигерийской культуры. Они легче принимают и справляются со стрессовыми и негативным событиям, которые стараются анализировать в более позитивном ракурсе, чем российские студенты.

Корреляционный анализ результатов исследования по методикам с использованием коэффициента корреляции Спирмена позволил выявить статистически значимые взаимосвязи между исследуемыми характеристиками отдельно по каждой выборке студентов (табл. 1).

Таблица 1

Статистически значимые коэффициенты корреляции показателей культурного интеллекта и стратегий когнитивной регуляции эмоций (российская выборка)

Показатель	Положительная фокусировка	Перефокусировка	Позитивный пересмотр	Помещение в перспективу	Сосредоточение	Обвинения других
Метакогнитивный компонент		0,314*			-0,356*	-0,445**
Когнитивный компонент		0,361*	0,297*	0,358*		
Поведенческий компонент	0,297*					

* корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

**корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

Шкала «Метакогнитивный компонент» имеет положительную связь с параметром «Перефокусировка», и отрицательную корреляцию со шкалами «Сосредоточение» и «Обвинения других». Российские

студенты, владея знаниями о культурно допустимых правилах взаимодействия с представителем другой страны, в большей мере направлены на изменение фокуса той или иной ситуации, не склонны к сосре-

доточению на этой ситуации и обвинении в ней другого. Можно предположить, что контроль за культурно неприемлемым поведением будет приводить к снижению напряженных моментов, связанных с непониманием культурных различий.

Шкала «когнитивный компонент» положительно коррелирует с шкалами «Положительная фокусировка», «Перефокусировка», «Позитивный пересмотр» и «Помещение в перспективу». Чем больше российские студенты узнают о культурных системах, ценностях и нормах представителей других стран, сохраняя собственную культурную идентичность, тем в большей мере они используют положительные стратегии эмоционального реагирования.

Шкала «Поведенческий компонент» также положительно связана с показателем «Положительная фокусировка». Способность к изменению собственного поведения на вербальном и невербальном уровнях в соответствии с принятыми нормами другой культуры способствует позитивной эмоциональной направленности. Российские студенты, стремящиеся создать собственный положительный образ как представителя определенной культуры, в большей степени склонны свести к минимуму неправильное восприятие человека другой национальности и понять коммуникативное поведение представителей другой культуры.

Далее проанализируем результаты корреляционного анализа для выборки нигерийских студентов.

Таблица 2

Статистически значимые коэффициенты корреляции показателей культурного интеллекта и стратегий когнитивной регуляции эмоций (нигерийская выборка)

Показатель	Положительная фокусировка	Перефокусировка	Позитивный пересмотр	Помещение в перспективу	Катастрофизация
Метакогнитивный компонент	0,406**	0,383**	0,424**	0,506***	-0,516***
Когнитивный компонент	0,458**		0,456**	0,358*	-0,585***
Мотивационный компонент	0,353*		0,321*		-0,293*

***корреляция значима на уровне 0,001 (двухсторонняя).

**корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

* корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

Шкала «Метакогнитивный компонент» имеет положительную связь с такими шкалами: «Положительная фокусировка», «Перефокусировка», «Позитивный пересмотр», «Помещение в перспективу» и отрицательную корреляцию со шкалой «Катастрофизация». Нигерийские студенты осознают необходимость в знаниях о выборе стратегии взаимодействия с представителями других культур, важность контроля над неприемлемым поведением. У студентов, понимающих культурные различия, меньше отрицательных установок, критики, негативных чувств и мыслей об иной культуре и ее представителях. Они приписывают положительное значение контакту с иной культурой и их представителями, с точки зрения личного роста. В дополнение к данному описанию на основании анализа литературы по истории и культуре нигерийского народа, а также результатов включенного наблюдения можем сказать, что нигерийские студенты чаще принимают негативные события. Опора на религиозные убеждения позволяет преодолевать трудности, выступает основанием для реагирования на ситуации, выходящие за рамки человеческих возможностей. Даже когда негативные события в жизни и безответные молитвы приводят к разочарованию, у нигерийских студентов остается уверенность в смысле страданий и принятии ситуации.

Шкала «Когнитивный компонент» положительно коррелирует со шкалами «Положительная фокусировка», «Перефокусировка», «Позитивный пересмотр», «Помещение в перспективу» и отрицательно со шкалой

«Катастрофизация». Чем больше у студентов знаний о культурных системах, ценностях и культурных нормах, которые позволяют адаптироваться к разным культурным моделям, тем меньше будут проявляться предубеждения, касающиеся чужой культуры, и негативные эмоции в отношении представителей других стран или отдельной конфликтной ситуации.

Шкала «Мотивационный компонент» имеет положительную связь со шкалами: «Положительная фокусировка», «Позитивный пересмотр», а также отрицательную корреляцию с шкалой «Катастрофизация». Студенты, мотивированные на познание другой культуры, повышение личностной эффективности в процессе взаимодействия, демонстрируют положительное восприятие соучастника другой культуры.

Выводы. Таким образом, несмотря на описанные специфические особенности взаимосвязи культурного интеллекта и когнитивной регуляции эмоций у представителей российской и нигерийской выборок, следует обратить внимание на устойчивые положительные корреляции компонентов культурного интеллекта и позитивных стратегий эмоционального реагирования.

Результаты исследования позволяют говорить о том, что развитие культурного интеллекта способствует более эффективной социокультурной адаптации с представителями чужой культуры или в культурно различающихся ситуациях; поддерживает позитивную межкультурную коммуникацию.

Обучаясь в РУДН, студенты знакомятся с нормами, правилами и особенностями функционирования в

другой культурной среде. Специально организованная деятельность по формированию межкультурной компетентности способствует развитию эмоциональной устойчивости к особенностям чужой культуры, проявлению открытости, интереса в общении с собеседником.

Областью применения результатов данного исследования стало их включение в учебно-воспитательный процесс вуза, в программу дополнительного образования тьюторов по воспитательной работе, реализацию тренинговых адаптационных программ. Среди технологий, которые нами используются в работе с иностранными студентами, следует отметить авторские билингвальные адаптационные тренинги, разрабатываемые с учетом социокультурных и этнических особенностей студентов академических групп из разных стран приема факультета русского языка и общеобразовательных дисциплин, которые готовятся к поступлению на программы бакалавриата. Тренинги проводятся ежегодно в начале учебного года в рамках комплекса мероприятий университета, направленных на укрепление толерантности: национальных и ин-

тернациональных, культурных, творческих, спортивных мероприятий. Цели тренингов: создание условий для эффективной социокультурной адаптации иностранных студентов, развитие навыков эффективного межличностного взаимодействия с представителями разных культур, актуализация адаптационных копинг-стратегий, стратегий когнитивной регуляции эмоций, развитие групповой сплоченности. В ходе тренингов применяются групповая, в том числе в подгруппах и микрогруппах, и индивидуальная формы. Методы работы включают в себя: дискуссионные (групповая дискуссия, интеллектуальная разминка), методы формирования социальной перцепции, методы артпедагогики и арт-терапии, методы аудиовизуальной и медиакommunikации, психологические упражнения, психотехнические игры. Проведение билингвальных тренингов способствует благоприятному включению иностранных студентов в образовательный процесс, формированию положительного опыта межкультурного взаимодействия с представителями различных культур, расширению представления о культуре нашей страны, развитию культурного интеллекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванова М.И. Социально-психологическая адаптация иностранных студентов к высшей школе России : дис. ... д-ра психол. наук. СПб. : СПбГТУ, 2001.
2. Моднов С.И., Ухова Л.В. Проблемы адаптации иностранных студентов, обучающихся в техническом вузе // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т. 1 (Гуманитарные науки). № 2. С. 111–115.
3. Кривцова И.О. Социокультурная адаптация иностранных студентов к образовательной среде российского вуза (на примере Воронежской государственной медицинской академии им. Н.Н. Бурденко) // Фундаментальные исследования. 2011. № 8 (1). С. 284–288.
4. Поздняков И.А. Проблемы адаптации иностранных студентов в России в контексте педагогического сопровождения // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2010. № 121. С. 161–166.
5. Вершинина Т.С., Кочева О.Л. Социокультурная адаптация иностранных студентов с помощью методов интерактивного обучения в условиях интернационализации образовательной среды вуза // Педагогическое образование в России. 2016. № 5. С. 153–158.
6. Иванова О.А. Формирование учебно-профессиональной Я-концепции иностранных студентов с разным уровнем межкультурной адаптации : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Курск, 2013.
7. Гребенникова И.А. Педагогическое сопровождение адаптации иностранных студентов в российском вузе (на примере китайских студентов) : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Комсомольск-на-Амуре, 2010. 21 с.
8. Максимчук Е.Д. Социально-психологическое сопровождение межкультурной адаптации иностранных студентов // Вестник ТГПУ. 2015. № 11 (164). С. 87–92.
9. Garnefski N. The Cognitive emotion regulation questionnaire: psychometric features and prospective relationships with depression and anxiety in adults // European Journal of Psychological Assessment. 2007. № 23. P. 141–149.
10. Earley P.C., Ang S. Cultural intelligence: individual interactions across cultures. Stanford : Stanford University Press, 2003. P. 65–76.
11. Gross J.J., Thompson R.A. Emotion regulation: conceptual foundations. New York : Guilford Press, 2007. P. 27.
12. Gross J.J. The emerging field of emotion regulation: an integrative review // Review of General Psychology. 1998. Vol. 2, № 3. P. 271–291.
13. Moon S. East meets west: The cultural relativity of emotional intelligence. University of Toronto Copyright, 2011. 175 p.
14. Мацумото Д. Культура и эмоции // Психология и культура / под ред. Д. Мацумото. СПб. : Питер, 2003. С. 279–315.
15. Thompson R.A. Emotional regulation and emotional development // Educational Psychology Review. 1991. № 3. P. 269–307.
16. Earley P.C., Mosakowski E. Cultural Intelligence. Harvard: Harvard Business Review, 2004. P. 139–146.
17. Peterson B. Cultural Intelligence: A guide to working with people from other cultures. Boston, MA : Intercultural Press, 2004. P. 89.
18. Earley P.C., Peterson R.S. The elusive cultural chameleon: Cultural intelligence as a new approach to intercultural training for the global manager // Academy of Management Learning & Education. 2004. № 3 (1). P. 100–115.
19. Crowne K.A. The relationships among social intelligence, emotional intelligence and cultural intelligence // Organization Management Journal. 2007. № 6. P. 148–163.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 21 июня 2018 г.

Cultural Intelligence and Strategies of Cognitive Regulation of Emotions as Factors of Foreign Students' Sociocultural Adaptation While Studying in an International University

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 448, 193–198.

DOI: 10.17223/15617793/448/24

Nina L. Sungurova, RUDN University (Peoples' Friendship University of Russia) (Moscow, Russian Federation). E-mail: sungurovanl@mail.ru

Indiana Pejic, Leadership Advocacy Center (Abuja, Nigeria). E-mail: indiana.pejic@mail.ru

Keywords: sociocultural adaptation; cognitive regulation of emotions; cultural intelligence; foreign students.

The specificity of educational work in an international university implies knowledge of cultural differences of the expression and regulation of emotions, which can become an obstacle to a positive intercultural understanding. In this regard, cultural intelligence is important as it ensures the success of intercultural relations. The aim of the study is to identify the features of the relationship of cog-

ognitive regulation of emotions and cultural intelligence of Russian and Nigerian students in the context of intercultural communication. The research was conducted on the basis of the Peoples' Friendship University of Russia. The participants were Russian and Nigerian students aged 19–35. The total sample size was 87 people. The strategies of the cognitive regulation of emotions were studied using the Cognitive Regulation of Emotions questionnaire by N. Garnefski and W. Craig (in the Russian adaptation by O. Pisareva and A. Gritsenko). The Cultural Intelligence Scale questionnaire by P.C. Earley and S. Ang (in the Russian adaptation by E. Belovol, K. Shkvarilo, E. Khvorova) was used in order to identify indicators of cultural intelligence. The cognitive component of cultural intelligence proved to prevail in the students who participated in the research. The dominance of this component involves the ability to recognize cultural signals, focus on obtaining knowledge about a different culture (values, traditions, customs), and the understanding of the cultural consequences of communication. Nigerian students are distinguished by a more pronounced awareness of themselves as subjects included in a foreign cultural environment, by a motivational readiness to interact with people of other nationalities in a foreign country. The dominant strategies of the cognitive regulation of emotions for the Russian students are the strategies of “catastrophising” and “accusation”, while “positive focus” and “positive revision” prevail among the Nigerian students. The Russian students more often attribute a global scale to the events that have occurred, tend to exaggerate the negative consequences of what has happened. When regulating their own emotional state, they mostly focus on interpreting the meaning of the event, they focus on their own negative role, tend to blame themselves. The Nigerian students are not inclined to catastrophize life events, which is associated with the peculiarities of Nigerian culture. They accept and cope more easily with stressful and negative events that they try to analyze in a more positive perspective than Russian students. The article describes the specific features of the relationship of cultural intelligence and cognitive regulation of emotions among representatives of the Russian and Nigerian students. The authors pay special attention to stable positive correlations of the components of cultural intelligence and positive strategies of emotional response.

REFERENCES

- Ivanova, M.I. (2001) *Sotsial'no-psikhologicheskaya adaptatsiya inostrannykh studentov k vysshey shkole Rossii* [Socio-psychological adaptation of foreign students to higher education institutes in Russia]. Psychology Dr. Diss. St. Petersburg.
- Modnov, S.I. & Ukhova, L.V. (2013) Problems of Adaptation of Foreign Students Studying in the Technical University. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 1 (2). pp. 111–115. (In Russian).
- Krivtsova, I.O. (2011) Social and Cultural Adaptation of Foreign Students to Educational Medium of the Russian High School (On the Example of the Voronezh State Medical Academy of N.N. Burdenko). *Fundamental'nye issledovaniya – Fundamental Research*. 8 (1). pp. 284–288. (In Russian).
- Pozdnyakov, I.A. (2010) The Issues of Adaptation of Foreign Students in Russia in the Context Pedagogical Support. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 121. pp. 161–166. (In Russian).
- Vershinina, T.S. & Kocheva, O.L. (2016) Sociocultural Adjustment of Foreign Students by Means of Interactive Teaching Methods in the Context of Internationalization of the University Education. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii – Pedagogical Education in Russia*. 5. pp. 153–158. (In Russian).
- Ivanova, O.A. (2013) *Formirovanie uchebno-professional'noy Ya-kontseptsii inostrannykh studentov s raznym urovnem mezhkul'turnoy adaptatsii* [Formation of the educational and professional I-concept of foreign students with different levels of intercultural adaptation]. Abstract of Psychology Cand. Diss. Kursk.
- Grebennikova, I.A. (2010) *Pedagogicheskoe soprovozhdenie adaptatsii inostrannykh studentov v rossiyskom vuze (na primere kitayskikh studentov)* [Pedagogical support for the adaptation of foreign students in a Russian university (by example of Chinese students)]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Komsomolsk-on-Amur.
- Maksimchuk, E.D. (2015) The social and psychological support of foreign students' cross-cultural adaptation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 11 (164). pp. 87–92. (In Russian).
- Garnefski, N. (2007) The Cognitive emotion regulation questionnaire: psychometric features and prospective relationships with depression and anxiety in adults. *European Journal of Psychological Assessment*. 23. pp. 141–149.
- Earley, P.C. & Ang, S. (2003) *Cultural Intelligence: Individual Interactions Across Cultures*. Stanford: Stanford University Press. pp. 65–76.
- Gross, J.J. & Thompson, R.A. (2007) *Emotion Regulation: Conceptual Foundations*. New York: Guilford Press, P. 27.
- Gross, J.J. (1998) The emerging field of emotion regulation: an integrative review. *Review of General Psychology*. 2 (3). pp. 271–291.
- Moon, S. (2011) *East Meets West: The Cultural Relativity of Emotional Intelligence*. PhD Thesis. University of Toronto.
- Matsumoto, D. (2003) Kul'tura i emotsii [Culture and emotions]. In: Matsumoto, D. (ed.) *Psikhologiya i kul'tura* [Culture and Psychology]. Translated from English. St. Petersburg: Piter. pp. 279–315.
- Thompson, R.A. (1991) Emotional regulation and emotional development. *Educational Psychology Review*. 3. pp. 269–307.
- Earley, P.C. & Mosakowski, E. (2004) *Cultural Intelligence*. Harvard: Harvard Business Review. pp. 139–146.
- Peterson, B. (2004) *Cultural Intelligence: A Guide to Working with People from Other Cultures*. Boston, MA: Intercultural Press.
- Earley, P.C. & Peterson, R.S. (2004) The elusive cultural chameleon: Cultural intelligence as a new approach to intercultural training for the global manager. *Academy of Management Learning & Education*. 3 (1). pp. 100–115.
- Crowne, K.A. (2007) The relationships among social intelligence, emotional intelligence and cultural intelligence. *Organization Management Journal*. 6. pp. 148–163.

Received: 21 June 2018

ПРАВО

УДК 343.121

А.С. Александров, О.И. Андреева, О.А. Зайцев

О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Исследуются перспективы развития уголовного процесса в условиях цифровизации. Сделан вывод, что следственная правовая система формирования доказательств, равно как и принятия процессуальных решений, в условиях цифровизации технологически устарела. Предложена модель состязательного уголовного процесса, гарантирующая защиту прав и свобод его участников, в процедуре производства и выработки решений которого задействованы цифровые технологии, сохранен стандарт допустимости доказательств.

Ключевые слова: доказательственное право; уголовное преследование; баланс частных и публичных интересов; состязательное судопроизводство; цифровизация.

Четвертая технологическая революция, связанная с развитием цифровых технологий, происходит в ведущих странах мира, включая Россию. Она сопровождается серьезными изменениями как в социально-экономическом базисе, общественном и индивидуальном сознании, так и в государственной правовой надстройке [1; 2. С. 7].

Особенностью четвертой технологической революции являются прорывы в самых различных областях, последствием чего происходит синтез технологий и их взаимодействие в физических цифровых и биологических доменах. В качестве технологических трендов выступают большие данные, искусственный интеллект, смешанная реальность, нано- и биотехнологии, которые уже трансформируют общество.

Главным показателем прогресса является мера принятия обществом технологических новшеств [2. С. 17]. Судя по программным документам [3, 4] и выступлениям официальных лиц, предполагается создание цифрового государства, настройка законодательства «на новую технологическую реальность» [5].

Впрочем, пока в планы цифровой трансформации государственного аппарата, отдельных правоохранительных органов и их деятельности проведение масштабных институциональных реформ не входит. Это касается и стратегии развития уголовного судопроизводства [6–8]. Предполагается «оцифровать» деятельность органов государственной власти, осуществляющих предварительное расследование и судебное разбирательство.

Между тем для существующего уголовного судопроизводства цифровизация чревата нарастанием противоречий между следственным и состязательным элементом, что уже негативно сказывается на его эффективности, на защите прав и законных интересов лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства.

В стадии возбуждения уголовного дела одним из вызовов, диктуемым современным уровнем развития технологий, является расширение возможностей обращения в правоохранительные органы с

сообщением о правонарушении, в том числе с использованием цифровых технологий.

Между тем действующий уголовно-процессуальный закон не ориентирует правоприменителя на подачу заявления о преступлении с использованием цифровых технологий. В соответствии со ст. 141 УПК РФ заявление о преступлении может быть сделано в устном или письменном виде. Согласно приказу МВД России от 29.08.2014 № 736 (ред. от 07.11.2018) [9] подача заявлений о преступлениях возможна не только в устной форме, но и посредством письменного обращения, направленного через оператора почтовой связи с доставкой письменной корреспонденции в здание территориального органа МВД России, федеральной фельдъегерской и специальной связи, почтового ящика. Кроме того, обращение заявителя допускается через официальный сайт территориального органа МВД России. Порядок работы с такими заявлениями предусматривает их распечатку на бумажном носителе и дальнейшую работу с ними как с письменными заявлениями о преступлениях, что не способствует внедрению в уголовный процесс электронного документооборота.

Как следствие, сотрудники дежурных частей органов внутренних дел испытывают существенное увеличение нагрузки, связанной с дублированием поступающей и передаваемой информации в электронном и документарном виде. Несмотря на снижение уровня преступности, возрастает объем бумажной работы, парадоксально связанной с развитием информационных технологий, которой занимаются сотрудники различных подразделений органов внутренних дел по проверке поступающих сообщений о преступлениях. И, что еще хуже, эта деятельность все более нацелена не на внешний, а на внутрисистемный эффект: выработку наиболее удобных для самой системы процессуальных решений, в частности вынесение постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела с ходатайством об его отмене.

Цифровизация уголовного процесса должна облегчить и упорядочить производство по делу, а не усложнить доступ заинтересованного лица к право-

судию и реализацию права на справедливое судебное разбирательство.

Существующие технологии позволяют упростить порядок обращения граждан и юридических лиц в правоохранительные органы, обеспечив быстроту их реагирования на сообщение, своевременную защиту лица, пострадавшего от правонарушения. В частности, речь может идти о более широком применении гаджетов, используемых человеком. К примеру, технологии IOS-12 позволяют после произнесения определенной фразы перевести телефон в режим «не беспокоить» и переслать текстовое сообщение предварительно указанным контактам, в том числе в полицию, которая может идентифицировать пользователя [10].

Имеются технологии, позволяющие воспрепятствовать злоупотреблению правом при обращении в правоохранительные органы, пресечь случаи подачи заведомо ложных заявлений. В частности, ученые из Мадридского университета имени Карла III и Кардиффского университета в Уэльсе разработали искусственный интеллект – алгоритм VeriPol, способный выявлять ложные заявления в полицию на основании их содержания. Эта технология была протестирована полицией Испании в 2017 г. в двух полицейских департаментах Малаги и Мурсии. В рекордную неделю система выявила 64 ложных заявления. Следователи проверяли выводы VeriPol в личных встречах с заявителями, на очных ставках и допросах. В 83 процентах случаев версия заявителя не подтвердилась, следствием чего стало прекращение уголовных дел [11].

Противоречие между следственным стандартом деятельности органов предварительного расследования и цифровыми технологиями имеет место и в стадии предварительного расследования.

Вызовами, диктуемыми современным уровнем развития технологий в ходе предварительного расследования, являются, прежде всего, изменения в технологиях доказывания.

В настоящее время особое беспокойство вызывает значительный рост преступлений, совершенных в форме мошенничества. Криминальное мошенничество, особенно его технологичная разновидность, является одним из немногих сильно растущих сегментов преступности. Так, в январе–марте 2019 г. количество преступлений, совершенных в форме мошенничества (ст. 159–159.6 УК РФ), по сравнению с аналогичным периодом прошлого года увеличилось на 10,9% и составило 62 257 [12]. Еще более опасен рост киберпреступности. Так, число преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, увеличилось с 11 тыс. в 2013 г. до 174 тыс. в 2018 г. [13]. За январь–март 2019 г. правоохранительными органами Российской Федерации зарегистрировано 55 209 (+51,4%) преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации [12]. При этом уровень их раскрываемости колеблется в пределах 15% [14].

Цифровые технологии расширяют возможности участников уголовного судопроизводства в получении и фиксации информации, имеющей значение для разрешения уголовно-правового спора. Та же технология IOS-12 позволяет после перевода телефона в режим «не беспокоить» фронтальной камере телефона осуществлять запись происходящего, а после окончания записи автоматически рассылать файлы по указанным контактам и сохранять их в облаке [10].

Аппаратно-программные комплексы технических средств «Безопасный город» функционируют в городах в целях мониторинга и предупреждения различных угроз общественной безопасности, правопорядку и безопасной среде обитания. Одним из направлений реализации данного комплекса является предупреждение и выявление правонарушений посредством систем наружного видеонаблюдения, из которых видеоинформация поступает в дежурные части органов внутренних дел [15].

Электронные носители информации могут быть признаны доказательствами по уголовному делу. В отдельных случаях уголовно-процессуальным законодательством предусмотрен документооборот посредством электронных документов. Сказанное, в том числе, способствует увеличению активности участников уголовного процесса в доказывании по делу.

Между тем доказывание остается полномочием должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование и принимающих решение о приобщении представленной информации (документов, предметов) к уголовному делу. Как следствие, иные участники уголовного судопроизводства (в частности, участники со стороны защиты) ограничены в доказывании на этапе предварительного расследования.

Основным средством фиксации остается протокол. Результаты интервьюирования дознавателей и следователей ряда регионов страны свидетельствуют о том, что внедрение цифровых технологий ведет к умножению бумаготворчества в геометрической прогрессии.

Сохранение в качестве основного средства фиксации протокола не соответствует потребностям фиксации, хранения и передачи по процессуальным инстанциям цифровой информации, представленной в электронном виде. Большая ее часть получается в ходе оперативно-розыскной деятельности, а также фиксируется автоматизированными системами контроля в общественных местах. Бесполезным и бессмысленным является копирование такой информации при производстве следственных действия в протокол. Применение технических средств фиксации хода и результатов следственных действий при обнаружении и исследовании следователем, специалистом, другими участниками процесса следов преступления более эффективно, чем протоколирование [16].

Безусловно, когда алгоритмы и технологии начинают влиять на уголовный процесс, они заслуживают особого внимания. В то же время внедрение

цифровых технологий должно быть системным, обеспечивать защиту прав и законных интересов заинтересованных лиц и доступ к правосудию.

К примеру, не решает задачи оптимизации фиксации хода судебного заседания внедрение аппаратно-программного комплекса аудиофиксации судебных заседаний, способного, распознавая речь, составлять тексты протоколов судебных заседаний с приложением аудио- и видеозаписи [17].

Автоматическая расшифровка записи судебного заседания не предполагает изменений в порядке подачи замечаний на протокол судебного заседания, что не способствует защите прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Еще одним вызовом, диктуемым современным уровнем развития цифровизации, являются изменения в формах принятия решений.

Институциональной причиной большей части организационных, процедурных и правозащитных проблем в применении уголовного закона, вытекающих из сохранения господства следственных стандартов в досудебном производстве, является и существующая форма (формы) принятия процессуальных решений, определяющих траекторию уголовного дела и доказывания, т.е. формирования оснований для актов правоприменения [18. С. 54–58].

Сформированное, при фактическом отсутствии состязательных начал на этапе предварительного расследования, должностным лицом, осуществляющим предварительное расследование, уголовное дело оказывает существенное и определяющее влияние на принимаемое судом решение о виновности лица в совершении преступления. Об этом свидетельствует процент вынесения оправдательных приговоров (0,2% в 2017 г. и 0,3% в 2018 г. [19, 20]), а также отмечаемое адвокатами в ходе их интервьюирования практически дословное совпадение обвинительных заключений и приговоров, выносимых судами.

Господство следственной власти в этих ключевых моментах правовой организации уголовно-процессуальной деятельности подрывает независимость суда и ставит его в подчиненное положение в принятии решения от органа предварительного расследования.

Полагаем, следственная правовая система формирования доказательств, равно как и выработки, принятия процессуальных решений по применению уголовного закона в условиях цифровизации технологически устарела. Ее необходимо не просто оптимизировать (модернизировать), а полностью менять. В этой связи в цифровую эпоху принципиально важна следующая последовательность в преобразованиях правовой основы противодействия преступности: вначале осуществление реформы досудебного уголовного расследования, а уже потом – цифровая трансформация уголовно-процессуального устройства.

Цифровые технологии позволяют поставить человека в центр уголовного процесса на цифровой платформе государства и обеспечить справедливый

способ установления истины при рассмотрении и разрешении уголовно-правового спора.

Наиболее острое противоречие существует между правовой системой уголовно-правовой охраны экономических отношений и интересами предпринимателей [21]. Так, по мнению представителей бизнеса, институт уголовного преследования стал структурным ограничителем экономического роста; уголовная юстиция превратилось в препятствие для улучшения делового климата [22].

На необходимость более эффективной защиты прав предпринимателей, содействия улучшению делового климата постоянно обращает внимание Президент РФ. В частности, В.В. Путин, выступая 20 февраля 2019 г. с ежегодным Посланием Федеральному Собранию, указал на наличие существенных проблем, ограничивающих свободу предпринимательства:

- высокий риск уголовного или административного наказания;

- прекращение почти половины возбужденных уголовных дел в отношении предпринимателей (до 45%);

- критерии, по которым все сотрудники той или иной компании только по факту совместной работы могут попасть под такой квалифицирующий признак преступления, как группа лиц по предварительному сговору. А это обстоятельство может повлечь за собой применение более строгой меры пресечения в ходе предварительного расследования, и в последующем – более тяжкое наказание;

- продление сроков содержания под стражей без достаточных к тому веских оснований (например, из-за продолжительного времени производства необходимых судебных экспертиз или за счет затягивания процессуальных действий).

С учетом этого, поставлены задачи:

- по созданию специальной цифровой платформы, с помощью которой предприниматели смогут сделать публичной информацию о случаях давления на бизнес, а также добиться рассмотрения вопроса по существу;

- проработке технологических решений и нормативной базы, позволившей запустить данный механизм;

- подготовке регламента работы с обращениями предпринимателей, включая четкие сроки их рассмотрения [5].

Об особой значимости разрешения существенных проблем, ограничивающих свободу предпринимательства, свидетельствует и то, что Президент РФ постоянно конкретизирует задачи, направленные на более эффективную защиту прав и законных интересов предпринимателей. В частности, это произошло на расширенных заседаниях коллегий Министерства внутренних дел РФ (28 февраля 2019 г.), Федеральной службы безопасности РФ (6 марта 2019 г.), Генеральной прокуратуры РФ (19 марта 2019 г.).

С большой вероятностью можно предположить, что вряд ли поможет защитить предпринимателей очередная мера: создание специальной цифровой

платформы, с помощью которой предприниматели смогут сообщать о давлении на бизнес. На эту мысль наводят все предыдущие попытки по созданию особых процессуальных гарантий неприкосновенности субъектов предпринимательской деятельности [23. С. 19].

В то же время проблема создания нормальной государственно-правовой системы противодействия преступности не сводится к защите только интересов предпринимателей.

Цифровые технологии создают предпосылку для качественного преобразования отношений между государственным аппаратом, населением и бизнесом на такой информационно-коммуникативной основе, которая делает возможным прямой диалог субъекта с властью в режиме реального времени, достижение консенсуса в решении основных вопросов уголовного дела.

При этом открытость, публичность, не исключает защиту частного интереса, в которой нуждается каждый человек. Уголовно-процессуальное право в условиях цифровизации должно оставаться гарантией прав личности: прежде всего в том, что касается сохранения персональных данных, а с ними и обеспечения прав личности. Если технические возможности (повсеместное расположение веб-камер, автоматизированные системы контроля, создание многочисленных баз данных о человеке и пр.) будут давать фактические основания для привлечения к уголовной ответственности очень многих, то через институты обвинения и доказывания будет происходить не автоматическое, а избирательное – целенаправленное применение уголовного закона.

В будущем важно не только сохранить, но усилить ориентированность организационно-правовой системы противодействия преступности на участниках уголовного процесса, их правах и свободах.

Исходя из указанных установок, предлагаются следующие меры по подготовке уголовно-процессуальной модели к цифровой трансформации. В первую очередь речь идет о пересмотре некоторых фундаментальных установках в сфере методологии наук уголовного, уголовно-процессуального права и других наук, занимающихся проблематикой противодействия преступности.

1. Десакрализация государства и деэтизация теоретико-правовых конструкций, призванных объяснять природу правового регулирования – «механизм правового регулирования». Эту схему, созданную Г.Ф. Шершеневичем, творчески приспособили к советским реалиям С.А. Голунский, М.С. Строгович. А довел ее до совершенства С.С. Алексеев, впоследствии, как известно, во многом пересмотревший свои взгляды [24; 25; 26. С. 8]. Должна быть создана *цифровая платформа*, на которой будет происходить взаимодействие субъектов уголовно-процессуальной деятельности.

Обвинение (иск), правосудие, регистрация прочих действий и решений станут предметом взаимодействия не только должностных лиц правоохранительных органов, судей (присяжных заседателей), сторон, представителей гражданского общества, но

также и «интеллектуальных агентов» (носителей «искусственного интеллекта» [27. С. 11]).

Возможно, в будущем платформенная организация государства на цифровых (квантовых) технологиях приведет к образованию самоорганизующегося кибернетического устройства, в котором искусственный интеллект будет организовывать правовое урегулирование отдельных уголовно-правовых конфликтов.

2. Процесс есть тот единственно возможный способ бытия уголовного права, посредством которого происходит формирование актуального правового средства урегулирования уголовно-правового конфликта. С этим переходом связан ряд других шагов по пересмотру представлений о том, что есть такое привлечение к уголовной ответственности.

2.1. Основание уголовно-правового отношения образуется в виде обвинительных доказательств, нашедших подтверждение в ходе справедливого судебного разбирательства. Пока обвинение из утверждения обвинителя не превратится в утверждения суда в форме обвинительного приговора или иного решения о применении уголовного закона, невозможно речь вести об уголовной ответственности или даже об элементах реализации таковой.

Поскольку основание уголовной ответственности формируется в суде на доказательствах обвинения, постольку основание уголовной ответственности может меняться (в сторону смягчения). Это происходит в результате соглашения сторон, достигаемого в рамках согласительной процедуры, реализуемой после заявления уголовного иска участниками кросс-команды с обеих сторон с использованием медиатора, в том числе интеллектуального агента, агрегированного на цифровой платформе государства.

2.2. Вместо следственной доктрины о «реализации уголовной ответственности» (привлечения к уголовной ответственности, освобождения от нее) должна быть предусмотрена искомая – судебная модель.

Переход на исковую модель обвинения и судебную процедуру предъявления обвинения означает изменение всей структуры уголовного судопроизводства: модернизация досудебного этапа подготовки к судебному разбирательству. В этом состоит суть реформы досудебного уголовного расследования.

2.3. В среднесрочной перспективе видится демополизация обвинения и уголовного расследования – доступ к нему должен быть открыт для частных лиц и их объединений, как заинтересованных в исходе данного конкретного уголовно-правового спора, так и вступивших в него по своей инициативе в виду общественного интереса.

Разумеется, большая часть уголовных расследований будет в обозримую перспективу проводиться государственными органами, однако ставку в будущем надо делать на солидарное участие в противодействии преступности как правоохранителей по должности, так и волонтеров из представителей гражданского общества.

2.4. В цифровой трансформации «обвинительной власти» и ее деятельности видится теоретическая возможность:

(а) «реновации» классической обвинительной модели «*actio popularis*» (народного (общественного) обвинения, коллективного уголовного иска) на технологической платформе (распределенных реестров);

(б) переустройства отношений внутри обвинительной уголовно-процессуальной подсистемы и создание принципиально новой информационной платформы взаимодействия между субъектами обвинения: официальными и неофициальными;

(в) разрешения доктринальной проблемы распределения субъективно-публичного права на уголовный иск между прокуратурой или частным обвинителем – потерпевшим и(или) народным обвинителем (физическое лицо, организация, ассоциация лиц).

В качестве переходного этапа к обвинению, поддерживаемому технологией блок-чейна, перспективным является развитие института субсидиарного уголовного иска как вспомогательного обвинения, расширение пределов применения частного и частно-публичного обвинения.

3. В цифровую эпоху пришло время для пересмотра соотношения публичного и частного начал в правовой организации ключевых уголовно-процессуальных институтов: обвинения и доказывания: из сугубо публично-правовой (следственной) они перемещаются в частно-правовую область [28. С. 76].

Тем самым они становятся доступными для любых пользователей сервисного государства платформенной организации, т.е. представителей населения и бизнеса: им обеспечивается свободный доступ к уголовному правосудию для разрешения правовых споров в сфере экономической деятельности, а также защите своей собственности, неимущественных прав.

4. В технологии доказывания должен произойти концептуальный отказ от самого института уголовного дела, основанного на протоколировании как основном средстве фиксации, деятельности следователя.

В новой теории уголовно-процессуальных судебных доказательств в контексте коммуникативных (цифровых) технологий должно произойти переосмысление стандарта допустимости доказательств, разрешение получать любым не запрещенным законом способом цифровую информацию о предмете уголовно-правового спора и представлять ее суду по телекоммуникационным каналам связи или на электронных носителях, что уравнивает права сторон в самом главном – установлении фактов. Это сделает равными адвоката-защитника, орган публичного уголовного преследования, любого субъекта частного расследования в получении доказательственной информации, представленной в электронном виде – с использованием новых коммуникативных технологий.

В тоже время стандарт допустимости доказательств должен быть в принципиальном плане со-

хранен. Только информация, полученная без нарушения конституционных прав человека и гражданина и других охраняемых законом ценностей, подлежит использованию для выдвижения и обоснования обвинения в суде, а далее – при вынесении приговора.

5. В концептуальном плане уже сейчас надо определиться с пределами использования искусственного интеллекта при подготовке и принятии уголовно-процессуальных решений и в доказывании фактов по уголовному делу.

Искусственный интеллект уже сейчас внедряется в той или иной степени в уголовное судопроизводство разных стран.

Объединенная команда специалистов Пенсильванского и Шеффилдского университетов создала искусственный интеллект, который способен принимать решение по делу. Для этого были использованы алгоритмы для анализа 584 дел Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ), касающиеся вопросов, начиная от пыток и унижений до справедливых судебных процессов и неприкосновенности частной жизни. По данным исследования, вердикт, вынесенный искусственным интеллектом, совпал с решением, вынесенным ЕСПЧ в 79 процентах случаев [29].

Что касается принятия искусственным интеллектом (цифровым судьей) итогового решения, необходимо отметить, что пилотные испытания судебных алгоритмов происходят в разных странах [30, 31]. Согласно данным SEREJ, искусственный интеллект уже полноценно применяется в системах правосудия Франции, Великобритании, США и других странах. В перечисленных государствах его используют в основном для анализа данных, но во Франции функционал программ применяется только в пределах гражданского права, а в Великобритании и США – и по уголовным делам [32].

Вместе с тем необходимо отметить, что отношение к использованию искусственного интеллекта в судах разное. Так, глава проекта по созданию искусственного интеллекта, реализуемого командой специалистов Пенсильванского и Шеффилдского университетов, Николас Алетрас заключил, что «Мы не считаем, что ИИ может заменить судей или юристов, но мы думаем, что они нашли бы нашу систему полезной, ведь она может быстро идентифицировать те характеристики дела, которые, скорее всего, приведут к однозначному вердикту. Наша система также может быть ценным инструментом для обнаружения дел, которые вероятнее всего нарушают Европейскую Конвенцию по правам человека [29]».

Профессор юриспруденции и лидерства имени Роя Л. Фермана Гарвардской школы права Лоуренс Лессинг указывает на новые вызовы для законодательной и судебной власти в связи с применением искусственного интеллекта в юриспруденции. В частности, он отмечает, что искусственный интеллект вытеснит огромную часть юридической практики, при этом отметил, что «как это ни удивительно, алгоритмы непредсказуемы... Есть машинные алгоритмы для обработки больших данных,

которые учатся и дают результаты, которые никто в них не закладывал... искусственный интеллект не может делать вообще все, но сторонам и не нужно, чтобы он делал все, им нужно оставить судье возможность вмешаться и направить все в нужное русло [33]».

Подобной позиции придерживается судья Верховного Суда Российской Федерации В. Момотов, полагающий, что искусственный интеллект не сможет заменить судью в силу того, что судья при вынесении решения руководствуется целым рядом оценочных и ценностных критериев, закрепленных в законе, например принципом справедливости и гуманизма при назначении наказания, требованием разумности и добросовестности [34].

Европейская комиссия по эффективности правосудия приняла Хартию об этических принципах применения искусственного интеллекта в судебных системах. По мнению комиссии, искусственный интеллект может способствовать повышению качества и эффективности работы судов, но его внедрение должно производиться ответственным образом и не нарушать положений Европейской Конвенции о правах человека и Конвенции о защите личных данных. В хартии обозначено пять основных принципов:

– принцип уважения фундаментальных прав – разработка и внедрение искусственного интеллекта не должна нарушать фундаментальные права человека;

– принцип отказа от дискриминации – предотвращение появления или усиления дискриминации в отношении отдельных людей и групп;

– принцип качества и безопасности – обработка судебных решений и данных должна проводиться в технически защищенной обстановке, на основании проверенных источников и с применением моделей, разработанных специалистами нескольких научных дисциплин;

– принцип открытости, беспристрастности и честности – методы обработки данных должны быть доступными и понятными для возможности проверки третьей стороной;

– принцип контроля со стороны пользователя – пользователи должны владеть правом выбора и необходимой информацией [35].

Из положений Хартии вытекает, что судья должен иметь возможность пересмотреть решение, предложенное искусственным интеллектом, и принять собственное решение, а участники уголовного судопроизводства должны быть наделены правами непосредственного обращения к суду и обжалования решения, принятого с помощью искусственного интеллекта.

Наиболее перспективными направлениями замены человека «интеллектуальным агентом» в уголовном процессе можно считать:

(а) оперативное реагирование на сигнал о преступлении, поступающий по любому техническому каналу связи от любого источника;

(б) использование «больших данных», систем учетов при установлении личности преступника и его мотивов;

(в) осуществление машинного взаимодействия при установлении признаков состава преступления;

(г) подготовку проектов обвинений, судебных решений и пр.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России: экспертно-аналитический доклад / кол. авторов под науч. руководством В.Н. Княгинина. М., 2017. URL: <https://csr.ru/wp-content/uploads/2017/10/novaya-tehnologicheskaya-revolutsiya-2017-10-13.pdf>. (дата обращения: 02.05.2019).
2. Шваб К. Четвертая промышленная революция (пер. с англ.). М.: ЭКСМО, 2017. 208 с.
3. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 года № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102431687> (дата обращения: 02.05.2019).
4. Программа развития Цифровой (электронной) экономики в РФ до 2035 года, представленная Центром изучения Цифровой (электронной) экономики. URL: <http://aetrp.ru/news/item/410256> (дата обращения: 02.05.2019).
5. Путин В. Послание к Федеральному Собранию. 20 февраля 2019 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863/work> (дата обращения: 02.05.2019).
6. Среднесрочная программа социально-экономического развития России до 2025 г. «Стратегия роста» (Программа разработана в рамках поручения Президента Российской Федерации от 14 июля 2016 г. № Пр-1347). Приложение № 13 «Судебная реформа». URL: <http://stolypinsky.club/wp-content/uploads/2017/03/13.-SUDY-28.02.17.pdf> (дата обращения: 02.05.2019).
7. Среднесрочная программа социально-экономического развития России до 2025 г. «Стратегия роста» (Программа разработана в рамках поручения Президента Российской Федерации от 14 июля 2016 г. № Пр-1347). Приложение № 14 «Реформа уголовного экономического законодательства». URL: <http://stolypinsky.club/wp-content/uploads/2017/03/14.-UGOLOVKA-28.02.17-1.pdf> (дата обращения: 02.05.2019).
8. Есаков Г.А. и др. Уголовная политика: дорожная карта (2017–2025 гг.). М.: ЦСР Институты и общество. URL: <http://csr.ru/wp-content/uploads/2017/04/Report-CP.pdf>. (дата обращения: 02.05.2019).
9. Приказ МВД России от 29.08.2014 № 736 (ред. от 07.11.2018) «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» // Консультант Плюс. Версия Проф.
10. 150 быстрых команд Siri iOS 12 для различных ситуаций. URL: https://www.iguides.ru/main/os/150_bystrykh_komand_ios_12_dlya_razlichnykh_situatsiy (дата обращения: 30.08.2019).
11. Ученые из Уэльса и Испании разработали ПО, оказавшееся настолько эффективным, что его на вооружение взяли испанские полицейские. Алгоритм VeriPol определяет, на какие заявления полиции не стоит тратить силы. URL: <https://hightech.plus/2018/10/29/i-detektor-lzhi-vichislyayet-vruna-po-ego-pismam> (дата обращения: 30.08.2019).
12. Ежемесячный сборник о состоянии преступности в России за январь–март 2019 г. Генеральная прокуратура РФ. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 30.08.2019).
13. Ежемесячный сборник о состоянии преступности в России. Декабрь 2018 г. Генеральная прокуратура РФ. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 30.08.2019).

14. Выступление министра внутренних дел Российской Федерации В.В. Колокольцева на ежегодном расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации. 28 февраля 2019 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59913> (дата обращения: 30.08.2019).
15. Тищенко Е.В., Саядова А.С. Технологические инновации в области профилактики преступности: тенденции и риски // Российский следователь. 2019. № 5. С. 62–66.
16. Андреева О.И., Зайцев О.А. Проблемы использования в уголовном судопроизводстве электронных доказательств // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Томск : Издательский Дом Том. гос. ун-та. 2018. Ч. 79. С. 4–16.
17. Протоколы в судах будут составлять автоматические распознаватели речи. URL: <https://pravo.ru/news/204537/> (дата обращения: 09.09.2019).
18. Полянский Н.Н. Очерки общей теории уголовного процесса. М., 1927. С. 54–58.
19. Итоги 2018 от Верховного суда: уголовные дела. URL: <https://pravo.ru/story/209060/> (дата обращения: 09.09.2019).
20. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2018 год. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891> (дата обращения: 09.09.2019).
21. Зайцев О.А. Современные тенденции и проблемы реализации уголовно-процессуальной политики в Российской Федерации // Конституционная реформа и модернизация общественного сознания : материалы междунар. науч.-практ. конф. Алматы, 2018. С. 35–41.
22. Хартия защиты бизнеса, составленная по итогам уголовного форума в г. Ростов-на-Дону 13 февраля 2017 г. URL: https://www.facebook.com/Хартия-Защиты-Бизнеса-2078206409077582/?modal=admin_todo_tour&pnref=story (дата обращения: 09.09.2019).
23. Александров А.С., Александрова И.А. Современная уголовная политика обеспечения экономической безопасности путем противодействия преступности в сфере экономики. М. : Юрлитинформ, 2017. 607 с.
24. Голунский С.А., Строгович М.С. Теория государства и права. М. : Юридическое изд-во НКЮ СССР, 1940. 304 с.
25. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М. : Юридическая литература, 1966.
26. Алексеев С.С. Право: время новых подходов // Государство и право. 1991. № 2. С. 3–11.
27. Власова С.В. К вопросу о приспособлении уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. 2018. № 1. С. 9–18.
28. Зайцев О.А. Тенденции развития договорных отношений в российском уголовно-процессуальном праве // Журнал российского права. 2019. № 1. С. 73–81.
29. Искусственный интеллект научили предсказывать судебные решения в делах по нарушению прав человека. URL: <https://habr.com/ru/post/398519/> (дата обращения: 09.09.2019).
30. Заплата Т.С. Искусственный интеллект в вопросе вынесения судебных решений, или ИИ-судья // Вестник университета О.Е. Кутафина. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-voprose-vyneseniya-sudebnyh-resheniy-ili-ii-sudya> (дата обращения: 09.09.2019).
31. Цифровой судья. URL: <https://hightech.plus/2019/03/26/robot-sudya-budet-rassmatrivat-melkie-iski-v-estonii>
32. CE утвердил регламент применения искусственного интеллекта в правосудии. URL: <https://pravo.ru/news/210547/> (дата обращения: 09.09.2019).
33. Искусственный интеллект приведет к массовому изгнанию широкого пласта юристов // Интервью с Лоуренсом Лессигом. URL: https://zakon.ru/discussion/2019/05/22/iskusstvennyj-intellekt-privedyot-k-massovomu-izgnaniyu-shirokogo-plasta-yuristov__intervyu_s_louren_s_louren (дата обращения: 09.09.2019).
34. Момотов рассказал, почему искусственный интеллект никогда не заменит судью. URL: <https://pravo.ru/news/210547/> (дата обращения: 09.09.2019).
35. Совет Европы принял хартию о судебном применении искусственного интеллекта. URL: http://rapsinews.ru/international_news/20181204/292074043.html (дата обращения: 09.09.2019).

Статья представлена научной редакцией «Право» 20 сентября 2019 г.

On Development Prospects of the Russian Criminal Proceeding in the Context of Digitalization

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 448, 199–207.

DOI: 10.17223/15617793/448/25

Alexander S. Alexandrov, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: anrc@rambler.ru

Olga I. Andreeva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: univer_tgu@rambler.ru

Oleg A. Zaytsev, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation); Russian State University of Justice (Moscow, Russian Federation). E-mail: crim@izak.ru

Keywords: evidence law; criminal prosecution; balance of private and public interests; adversarial proceeding; digitalization.

The aim of this article is to determine the development prospects of Russian criminal proceeding in the context of digitalization. On the basis of policy documents and statements of officials, the authors come to the conclusion that extensive institutional reforms are not in the plans of the digital transformation of state authorities and its activities nowadays. Using a dialectical approach, a sociological method, methods of comparative analysis, system and structural analysis and synthesis of social and legal phenomena, deductive and inductive conclusions, based on changes of criminal proceeding laws, on legal practice, the authors designate challenges for criminal proceeding, dictated by the modern level of the advances in technology. These challenges are: extension of opportunities to apply to law-enforcement authorities with a report of a crime, including using digital technology; changes in proof techniques; changes in forms of decision-making. The authors come to the conclusion that criminal proceeding in the digital era should be based on a new correlation of public and private interests. Digitalization is inherent in the growth of contradictions between investigative and adversarial elements for existing criminal proceeding. Digitalization should simplify and regulate proceeding on the case rather than make a person's access to justice more complicated. In proof techniques, the institution of criminal case based on record-keeping as the main means of fixation of the investigator's activity should be conceptually denied. In the new theory of criminal procedural judicial evidence in the context of digital technology, standards should be reconsidered of evidence admissibility, of permission to get any digital information on the subject of a criminal case, which is not forbidden by law, and to present it to the court via telecommunication channels or electronically, which can make the rights of the parties equal in the determination of facts. However, the standard of admissibility of evidence must be preserved. Only information, received without violations of the constitutional rights of a person and other values protected by law, can be used for bringing charges and proving evidence before the court, and then – for bringing in a verdict. Basing on the analysis of the statistics and lawyers' opinions, the authors conclude that a criminal case, formed in the factual absence of adversarial sources at the stage of preliminary investigation, has an essential and decisive influence on the court's decision over a person's guilt in a crime, which compromises the sovereignty of the court. It is noted that, in future, it is im-

portant not only to preserve, but also to increase the focus of the institutional legal system of crime prevention on participants of criminal proceeding, their rights and freedoms. Measures are proposed on the preparation of the criminal proceeding model to digital transformation.

REFERENCES

1. Knyaginina, V.N. et al. (2017) *Novaya tekhnologicheskaya revolyutsiya: vyzovy i vozmozhnosti dlya Rossii: ekspertno-analiticheskiy doklad* [New technological revolution: challenges and opportunities for Russia: An expert analytical report]. Moscow: Tsentr strategicheskikh razrabotok. [Online] Available from: <https://csr.ru/wp-content/uploads/2017/10/novaya-tehnologicheskaya-revolutsiya-2017-10-13.pdf>. (Accessed: 02.05.2019).
2. Schwab, K. (2017) *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya* [The Fourth Industrial Revolution]. Translated from English. Moscow: Eksmo.
3. Pravo.gov.ru. (2017) *Ukaz Prezidenta RF ot 9 maya 2017 goda № 203 "O Strategii razvitiya informatsionnogo obshchestva v Rossiyskoy Federatsii na 2017–2030 gody"* [Decree of the President of the Russian Federation No. 203 of 9 May 2017 "On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030"]. [Online] Available from: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102431687>. (Accessed: 02.05.2019).
4. Aetp.ru. (2019) *Programma razvitiya Tsifrovoy (elektronnoy) ekonomiki v RF do 2035 goda, predstavlenaya Tsentrom izucheniya Tsifrovoy (elektronnoy) ekonomiki* [The Program for the Development of Digital (Electronic) Economy in the Russian Federation until 2035, presented by the Center for the Study of Digital (Electronic) Economy]. [Online] Available from: <http://aetp.ru/news/item/410256>. (Accessed: 02.05.2019).
5. Putin, V. (2019) *Poslanie k Federal'nomu Sobraniyu. 20 fevralya 2019 goda* [Address to the Federal Assembly. February 20, 2019]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863/work>. (Accessed: 02.05.2019).
6. Russian Federation. (2016) *Srednesrochnaya programma sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossii do 2025 g. "Strategiya rosta" (Programma razrabotana v ramkakh porucheniya Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 14 iyulya 2016 g. № Pr-1347). Prilozhenie № 13 "Sudebnaya reforma"* [The medium-term program of the socio-economic development of Russia until 2025 "Growth Strategy" (the program was developed as part of the order of the President of the Russian Federation No. Pr-1347 of 14 July 2016). Appendix No. 13 "Judicial Reform"]. [Online] Available from: <http://stolypinsky.club/wp-content/uploads/2017/03/13.-SUDY-28.02.17.pdf>. (Accessed: 02.05.2019).
7. Russian Federation. (2016) *Srednesrochnaya programma sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossii do 2025 g. "Strategiya rosta" (Programma razrabotana v ramkakh porucheniya Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 14 iyulya 2016 g. № Pr-1347). Prilozhenie № 14 "Reforma ugolovno-ekonomicheskogo zakonodatel'stva"* [The medium-term program of the socio-economic development of Russia until 2025 "Growth Strategy" (the program was developed as part of the order of the President of the Russian Federation No. Pr-1347 of 14 July 2016). Appendix No. 14 "Reform of criminal economic legislation"]. [Online] Available from: <http://stolypinsky.club/wp-content/uploads/2017/03/14.-UGOLOVKA-28.02.17-1.pdf>. (Accessed: 02.05.2019).
8. Esakov, G.A. et al. (2017) *Ugolovnaya politika: dorozhnaya karta (2017–2025 gg.)* [Criminal policy: A roadmap (2017–2025)]. Moscow: TsSR Instituty i obshchestvo. [Online] Available from: <http://csr.ru/wp-content/uploads/2017/04/Report-CP.pdf>. (Accessed: 02.05.2019).
9. Konsul'tant Plyus. (2018) *The order of the RF Ministry of Internal Affairs No. 736 of 29 August 2014 (as amended on 7 November 2018) "On approval of the Instructions on the procedure for receiving, registering and resolving applications and reports on crimes, administrative offenses, and incidents in the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation"*. Moscow: Konsul'tant Plyus. (In Russian).
10. Iguides.ru. (2019) *150 bystrykh komand Siri iOS 12 dlya razlichnykh situatsiy* [150 quick Siri commands for iOS 12 for various situations]. [Online] Available from: https://www.iguides.ru/main/os/150_bystrykh_komand_ios_12_dlya_razlichnykh_situatsiy. (Accessed: 30.08.2019).
11. Hightech.plus. (2018) *Uchenye iz Uel'sa i Ispanii razrabotali PO, okazavsheesya nastol'ko effektivnym, chto ego na vooruzhenie vzyali ispanskie politseyskie. Algoritm VeriPol opredelyaet, na kakie zayavleniya politzii ne stoit trazit' sily* [Scientists from Wales and Spain have developed software that has proven so effective that it was adopted by the Spanish police. The VeriPol algorithm determines which police statements are worth the effort]. [Online] Available from: <https://hightech.plus/2018/10/29/ii-detektor-lzhi-vichislyayet-vruna-po-ego-pismam>. (Accessed: 30.08.2019).
12. Office of the Prosecutor General of the Russian Federation. (2019) *Ezhemesyachnyy sbornik o sostoyanii prestupnosti v Rossii za yanvar'–mart 2019 g.* [Monthly digest on the state of crime in Russia for January–March 2019]. [Online] Available from: <http://crimestat.ru/analytics>. (Accessed: 30.08.2019).
13. Office of the Prosecutor General of the Russian Federation. (2018) *Ezhemesyachnyy sbornik o sostoyanii prestupnosti v Rossii. Dekabr' 2018 g.* [Monthly digest on the state of crime in Russia for December 2018]. [Online] Available from: <http://crimestat.ru/analytics>. (Accessed: 30.08.2019).
14. Kolokol'tsev, V.V. (2019) *Vystuplenie ministra vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii V.V. Kolokol'tseva na ezhegodnom rasshirennom zasedanii Kollegii Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii. 28 fevralya 2019 goda* [Speech by the Minister of the Interior of the Russian Federation V.V. Kolokol'tsev at the annual expanded meeting of the Board of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. February 28, 2019]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59913>. (Accessed: 30.08.2019).
15. Tishchenko, E.V. & Sayadova, A.S. (2019) *Technological Innovations in Crime Prevention: Tendencies and Risks. Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 5. pp. 62–66. (In Russian).
16. Andreeva, O.I. & Zaytsev, O.A. (2018) *Problems of use of electronic documents in criminal proceedings. In: Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal problems of strengthening Russian statehood]. Pt. 79. Tomsk: Tomsk State University. pp. 4–16. (In Russian). DOI: 10.17223/9785946217637/1
17. Pravo.ru. (2018) *Protokoly v sudakh budut sostavlyat' avtomaticheskie raspoznavateli rechi* [Automatic speech recognizers will make protocols in courts]. [Online] Available from: <https://pravo.ru/news/204537/>. (Accessed: 09.09.2019).
18. Polyanskiy, N.N. (1927) *Ocherki obshchey teorii ugolovnoy protsessy* [Essays on the general theory of the criminal procedure]. Moscow: Koop. izd.-skoe t-vo "Pravo i zhizn'". pp. 54–58.
19. Pravo.ru. (2018) *Itogi 2018 ot Verkhovnogo suda: ugolovnye dela* [The results of 2018 from the Supreme Court: criminal cases]. [Online] Available from: <https://pravo.ru/story/209060/>. (Accessed: 09.09.2019).
20. Cdep.ru. (2018) *Svodnye statisticheskie svedeniya o deyatelnosti federal'nykh sudov obshchey yurisdiktsii i mirovykh sudey za 2018 god* [Summary statistics on the activities of federal courts of general jurisdiction and justices of the peace for 2018]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891>. (Accessed: 09.09.2019).
21. Zaytsev, O.A. (2018) *Sovremennyye tendentsii i problemy realizatsii ugolovno-protsessual'noy politiki v Rossiyskoy Federatsii* [Modern trends and problems of the implementation of the criminal procedure policy in the Russian Federation]. *Konstitutsionnaya reforma i modernizatsiya obshchestvennogo soznaniya* [Constitutional reform and modernization of public consciousness]. Proceedings of the International Conference. Almaty: [s.n.]. pp. 35–41. (In Russian).
22. Facebook. (2017) *Khartiya zashchity biznesa, sostavlyemaya po itogam ugolovnoy foruma v g. Rostov-na-Donu 13 fevralya 2017 g.* [Business Protection Charter, compiled by the results of the criminal forum in Rostov-on-Don on February 13, 2017]. [Online] Available from: https://www.facebook.com/Khartiya-Zashchity-Biznesa-2078206409077582/?modal=admin_todo_tour&pnref=story. (Accessed: 09.09.2019).
23. Aleksandrov, A.S. & Aleksandrova, I.A. (2017) *Sovremennaya ugolovnaya politika obespecheniya ekonomicheskoy bezopasnosti putem protivodeystviya prestupnosti v sfere ekonomiki* [The modern criminal policy of ensuring economic security by combating crime in the economic sphere]. Moscow: Yurлитinform.

24. Golunskiy, S.A. & Strogovich, M.S. (1940) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law]. Moscow: Yuridicheskoe izd-vo NKYu SSSR.
25. Alekseev, S.S. (1966) *Mekhanizm pravovogo regulirovaniya v sotsialisticheskom gosudarstve* [The mechanism of legal regulation in a socialist state]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
26. Alekseev, S.S. (1991) Pravo: vremya novykh podkhodov [Law: The time for new approaches]. *Gosudarstvo i pravo*. 2. pp. 3–11.
27. Vlasova, S.V. (2018) Toward adjusting the criminal procedural mechanism to digital reality. *Biblioteka kriminalista*. 1. pp. 9–18. (In Russian).
28. Zaytsev, O.A. (2019) Trends in Contractual Relationships in Russian Criminal Procedural Law. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 1. pp. 73–81. (In Russian). DOI: 10.12737/art_2019_1_7
29. Habr.com. (2016) *Iskusstvennyy intellekt nauchili predskazyvat' sudebnye resheniya v delakh po narusheniyu prav cheloveka* [Artificial intelligence was taught to predict court decisions in cases of violation of human rights]. [Online] Available from: <https://habr.com/ru/post/398519/>. (Accessed: 09.09.2019).
30. Zaplatina, T.S. *Iskusstvennyy intellekt v voprose vneseniya sudebnykh resheniy, ili II-sud'ya* [Artificial intelligence in making judicial decisions, or an AI judge]. *Vestnik universiteta O.E. Kutafina – Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-voprose-vneseniya-sudebnykh-resheniy-ili-ii-sudya>. (Accessed: 09.09.2019).
31. Hightech.plus. (2019) *Tsifrovoy sud'ya* [Digital Judge]. [Online] Available from: <https://hightech.plus/2019/03/26/robot-sudya-budet-rassmatrivat-melkie-iski-v-estonii>.
32. Pravo.ru. (2018) *SE utverdil reglament primeneniya iskusstvennogo intellekta v pravosudii* [Council of Europe approved the rules for the use of artificial intelligence in justice]. [Online] Available from: <https://pravo.ru/news/210547/>. (Accessed: 09.09.2019).
33. Zakon.ru. (2019) *Iskusstvennyy intellekt privedet k massovomu izgnaniyu shirokogo plasta yuristov* [Artificial intelligence will lead to the massive expulsion of a wide layer of lawyers]. Interview with Lawrence Lessig. [Online] Available from: https://zakon.ru/discussion/2019/05/22/iskusstvennyj-intellekt_privedyot_k_massovomu_izgnaniyu_shirokogo_plasta_yuristov__intervyu_s_louren. (Accessed: 09.09.2019).
34. Pravo.ru. (2019) *Momotov rasskazal, pochemu iskusstvennyy intellekt nikogda ne zamenit sud'yu* [Momotov explains why artificial intelligence will never replace a judge]. [Online] Available from: <https://pravo.ru/news/210547/>. (Accessed: 09.09.2019).
35. Rapsinews.ru. (2018) *Sovet Evropy prinyal khartiyu o sudebnom primenenii iskusstvennogo intellekta* [The Council of Europe adopted a charter on the use of artificial intelligence in justice]. [Online] Available from: http://rapsinews.ru/international_news/20181204/292074043.html. (Accessed: 09.09.2019).

Received: 20 September 2019

Я. Залесны, И.Ю. Остапович, Я. Шиманек

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВОСУДИЕ В ПРЕЗИДЕНТСКОЙ И ПОЛУПРЕЗИДЕНТСКОЙ ФОРМАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВЛЕНИЯ: РАЗМЫШЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ ПРАВА И УСТРОЙСТВА ГОСУДАРСТВА

The article is written as a part of NCN (National Science Centre Poland) project: «Constitutional courts in post-Soviet states: between the model of a state of law and its local application» (id 2016/23/B/HS5/03648).

Анализируется метод формирования контроля конституционности права в президентской и полупрезидентской формах государственного правления. Исследуется зависимость между президентской и полупрезидентской системами правления, а также реализованной в них модели контроля конституционности права. Доказывается тезис, гласящий, что это компоненты устройства государства, формируемые независимо друг от друга, не оказывающие друг на друга влияния в аспекте аксиологии, институционализма или бихевиоризма.

Ключевые слова: система конституционного правосудия; президентская система управления; полупрезидентская система управления; модель контроля правовых норм Кельзена; судебный контроль.

Определяя систему как президентскую либо полупрезидентскую, необходимо обратить внимание на то, что невозможно президентской системой называть те системы, которые строят исключительно сильную президентуру, поскольку такие системы – вопреки расхожему мнению – имеют немного общего с именно президентской формой правления, матрицей которой остается устройство США в том виде, в каком оно было сформировано в конце XVIII в. Они чаще всего создают так называемые неопрезидентализмы, которые в значительной степени представлены в Латинской Америке, Африке или на постсоветском пространстве. Если же речь идет о полупрезидентской системе, необходимо ее воспринимать как систему, в которой происходят всеобщие прямые выборы президента [1].

Как в государствах, принимающих классическую президентскую систему (США), так и в государствах, базирующихся на президентализме [2, 3] (Мексика, Бразилия, Чили), а также государствах, классифицируемых как полу-президентские формы правления [4–6] (Франция, Румыния, Португалия, Турция), созданы органы конституционной юстиции и соответствующие процедуры. Однако это не означает, что по определенным свойствам, характерным для президентской и полупрезидентской систем, должно быть существование в них конкретной модели органа конституционного контроля.

Государственные устройства, принимаемые как изначальная модель полупрезидентской системы, т.е. Веймарская республика (на основании конституции 1919 г.) и Финляндия (на основании конституции 1919 г.), не предусматривали существования органов конституционного правосудия. Это было результатом того, что такой контроль – на европейской почве – все еще постоянно оставался теоретическим проектом, продвигаемым последовательно: российским ученым А. Яценко [7], польским ученым В. Яворским [8, 9], профессором Венского университета Г. Кельзеном. В 1920 г. идеи о Конституционном Суде были положены в основу Конституций Австрии и Чехословакии [10]. При этом только Конституционный Суд Австрии

сохранился по Конституции 1920 г. и действует по настоящее время. В этой связи первые модельные полупрезидентские системы предусматривали внепарламентский контроль конституционности права. Так же, как правовая система США, которая не была знакома изначально с *judicial review*. Конституционный судебный контроль был установлен путем прецедента 1803 г., а на практике вошло в общее применение только во второй половине XIX в.

Сам факт того, что в современных президентских и полупрезидентских системах существуют механизмы внепарламентского контроля конституционности права, не должен означать еще каких-либо совпадений или – тем более – идентификации данных механизмов. В различных государственных системах, как в президентских, так и полупрезидентских, существуют все же абсолютно разные формы обеспечения защиты конституции, причем одни из них обращаются к американской модели, другие же – к европейской [11. Р. 51], третьи – к разнообразным промежуточным решениям, в большей или меньшей степени основывающимся на какой-либо из моделей контроля правовых норм.

При этом необходимо заметить, что если в США и Мексике существует *judicial review* (т.е. так называемая американская модель), то в остальных государствах – главным образом – конституционное правосудие обращается к так называемой европейской модели (модели Кельзена). Американская модель (*judicial review*) предполагает, что: 1) контроль конституционности осуществляют все суды общей юрисдикции во главе с судом высшей инстанции (Верховный Суд); 2) контроль имеет конкретный характер, что означает, что вопрос конституционности может возникнуть только тогда, когда в данном суде рассматривается конкретный случай применения правовой нормы к определенному случаю, и при таком случае возникает (в порядке так называемой процессуальной эксцепции) обвинение в неконституционности; 3) решение, принятое судом относительно рассматриваемого дела, имеет характер только *inter partes* (между сторонами), что означает, что оно не является обязательным ни

для кого, кроме них; 4) в случае утверждения неконституционности правовой нормы, норма, которой вменяется несоответствие конституции, остается в системе источников права, поскольку суд в порядке контроля конституционности не в состоянии ее устранить (произвести дерогацию) из данной системы. Следует обратить внимание на последний из используемых элементов, характеризующих *judicial review*, поскольку, во-первых, он контрастирует более всего с так называемой европейской моделью контроля конституционности, во-вторых, является непосредственной причиной поиска других, по определению лучших форм защиты конституции. На европейской почве, в частности – в конце XIX в., наиболее дискуссионным вопросом был, собственно, так называемый относительный результат решения, принятого в режиме *judicial review* (т.е. отсутствие возможности дерогации нормы, относительно которой вынесено решение о состоянии неконституционности). В большей мере это склонило таких исследователей, как Ганс Кельзен и Генрих Трипель, к поиску других решений.

Поиск других форм защиты конституции, который дал в результате так называемую европейскую модель (Кельзена, реже называемая австрийской) контроля конституционности права, не был детерминирован исключительно неспособностью американского суда к дерогации нормы (хотя данный вопрос ставился, как один из элементарных). Другим было признание того, что практика судопроизводства в рамках определения неконституционности правовой нормы не связана тесно с типичной деятельностью судов и поэтому должна быть возложена не на суды, а на отдельные органы, хотя бы – как минимум в каких-либо рамках – на аналогичные суды. Ослабление пригодности американской модели контроля конституционности права было обусловлено также стремлением централизации данного контроля и признания того, что процедура, в которой каждый суд (начиная с суда первой инстанции – до Верховного Суда) вправе подвергнуть оценке соответствие права конституции, является ошибочным решением. Необходимо подчеркнуть, что действительно данная формула возможна для реализации в довольно специфических условиях правовой системы *common law*, в которой суды, в числе прочего, вследствие прецедентов, играют роль отличную от европейской модели писаного права. Это среди прочего является причиной, из-за которой (за исключением Мексики [12. Р. 113; 13. Р. 90; 14. С. 77] и, в ограниченных рамках, Бразилии) государства Латинской Америки, хотя обычно активно обращаются к американской президентской системе, в области конституционного правосудия черпают образцы из модели Кельзена [15. Р. 27]. Данная модель, хотя на практике может быть различным образом модифицирована (как в Бразилии), в сущности, отвечает европейской культуре писаного права. В связи с этим она также более легкая для установления в государствах, в которых не существует традиции *common law*.

Созданная на европейской почве модель конституционного правосудия именуется как модель Кельзена, представляет собой, по своей сути, противопо-

ложность *judicial review*. Она является: 1) централизованным правосудием (концентрированным), означаящим, что компетенции для контроля конституционности норм имеет один, выделенный, отдельный орган государственной власти; 2) правосудием, которое реализует – как правило – абстрактный контроль, т.е. отвлеченный от редких случаев применения подверженной сомнению относительно соответствия конституции правовой нормы (исключения в виде конкретного контроля встречаются, но всегда они представляют собой второстепенный аспект деятельности Конституционного Суда Кельзена); 3) правосудием, решения которого адресованы всем (*erga omnes*), а не только участникам конкретного производства относительно предмета оценки оспариваемых норм; 4) правосудием, которое вследствие признания неверности контролируемой правовой нормы устраняет ее из системы действующего законодательства (так называемый безусловный результат решения) [16].

Само существование двух противоположных моделей контроля конституционности права, однако, не исключает возможные варианты данного контроля, в частности, если он отвечает модели Кельзена. Ситуация представляется так, поскольку данная модель является всего лишь определенной противоположностью к системе *judicial review*, открывая возможности различной организации органа конституционного правосудия. Вследствие этого возможна трактовка Конституционного Суда (называемого также конституционным трибуналом или конституционным Советом) либо как органа судебной власти (несмотря на отличие Конституционного Суда от собственно судов), либо как органа отдельной ветви власти, так называемой власти гарантии конституции (данное решение по статистике встречается наиболее часто), либо, наконец, как органа очевидно политического, с четким акцентом на том, что он имеет не слишком много общего с третьей властью. Данное решение является, собственно, основным для Франции и Казахстана, где «несудебный» характер органа конституционного правосудия подчеркивает уже само его название, т.е. «Совет», а не суд или трибунал.

Относительно методов назначения личного состава конституционных судов в обеих основных моделях, т.е. американской и европейской, существует достаточное количество решений, но вместе с тем определяется четкое участие президента в данных процедурах (иногда практически доминирующее). Таким образом, в США девять членов Верховного Суда назначаются президентом при «совете и согласии» Сената. Следует подчеркнуть, что судьи американского Верховного Суда назначаются пожизненно, в связи с этим сама возможность назначения судьи Верховного Суда предоставляется нечасто и обычно является крайне важным событием в американской политической жизни [17. Р. 21]. Следует подчеркнуть, что процедура «совета и согласия» Сената воспринимается как тормоз в государственном устройстве в более широком механизме торможения и балансирования (*checks and balances*), который должен удерживать разделенные власти и не доводить до ситуации, в которой какая-либо из ветвей аккумулировала бы ка-

кое-либо полномочие (именно так бы и было, если бы, к примеру, президент самостоятельно назначал судей Верховного Суда, либо в случае, если бы право их назначения было исключительным полномочием Сената). На аналогичных принципах, т.е. через президента по согласию Сената, назначается двадцать один министр Верховного Суда в Мексике (такое понятие (*los ministros*) использует Конституция Мексики), который также исполняет роль конституционного правосудия. В то же время мексиканская Конституция четко определяет, что лицо, которое не получило одобрения Сената, не может быть назначено на пост министра Верховного Суда. Верховный Суд Бразилии, аналогично США и Мексике, также осуществляет конституционное правосудие. Следует подчеркнуть, что в бразильской Конституции контроль конституционности права признается как наиболее важное полномочие данного Суда. Ст. 102 Конституции четко и ясно гласит, что в компетенциях Федерального Верховного Суда находится, прежде всего, обеспечение защиты Конституции. Все прочие задачи, включительно с надзором посредством судебной практики над правосудием судов низших инстанций, следовательно, вторичны относительно контроля конституционности права, вследствие чего, как видно, бразильские решения смешивают обе модели контроля: американскую и европейскую. Федеральный Верховный Суд Бразилии состоит из одиннадцати членов (Конституция Бразилии не называет их «судьями», они закреплены «членами»). Как принято в американском образце, все они назначаются на неопределенный срок (пожизненно) президентом, после получения согласия Сената на их кандидатуры. Согласно Сената должно быть выражено абсолютным большинством голосов.

В свою очередь, в Чили контроль конституционности, обращаясь непосредственно к модели Кельзена, возложен на Конституционный трибунал. Его десять членов (Конституция Чили использует именно такой термин) назначаются различным образом, что по определению должно, во-первых, обеспечивать защиту от доминирования какого-либо органа, который назначал бы весь состав трибунала, во-вторых, нести гарантии плюрализма личного состава трибунала. Плюрализм личного состава трибунала должен быть гарантирован тем, что его члены назначаются различными органами, которые могут иметь разное партийно-политическое происхождение. Таким образом, трое членов назначаются самостоятельно Президентом. Еще четыре члена Трибунала избираются парламентом, но очень сложным образом, а именно: двое первых назначаются непосредственно Сенатом (верхняя палата парламента), в свою очередь, двоих следующих представляет Палата депутатов (нижняя палата парламента), но окончательно утверждает Сенат. Все решения парламента (независимо от того, идет ли речь о самостоятельном назначении Сенатом, или об утверждении Сенатом рекомендации Палаты депутатов), требуют получения большинства двух третьих голосов. И, наконец, последнюю группу членов Конституционного трибунала, т.е. троих, выбирает Трибунал путем кооп-

тации. Все члены чилийского Конституционного трибунала назначаются на девять лет, причем каждые три года проводится обновление одной третьей его состава, что по определению должно повысить шансы получения плюрализма в составе Конституционного трибунала.

В полупрезидентских системах контроль конституционности осуществляется согласно принципам европейской модели. Это означает, что учрежден отдельный, отличный от Верховного Суда, специализированный орган, который по принципу исключительности контролирует соответствие права конституции. Однако следует подчеркнуть, что наиболее оригинальным органом правосудия в данной группе государств является французский Конституционный Совет (*Conseil constitutionnel*) [18. С. 62, 19. С. 171–174, 20. С. 189]. Он конструировался в противовес модели Кельзена как политический орган, который должен был контролировать парламент в том, чтобы тот не выходил за рамки законодательства, определенный в Конституции 1958 г. В свою очередь, Конституция 1958 г. была в значительной степени продумана как форма ограничения слишком развитого парламентаризма. В связи с этим также он признается крайним проявлением так называемой рационализации парламентаризма [21. Р. 30].

Французский Конституционный Совет настолько необычный, что представляет особую – французскую – модель контроля конституционности права [22. Р. 7]. Его определяют в наибольшей степени такие элементы, как: 1) четкое отделение Конституционного Совета от судов и акцентирование внимания на его несудебном характере (что находит проявление в том, что он является именно «Советом», а не «Судом», его члены – не «судьями», а именно «членами», а выводы Конституционного Совета определяются как «решения», а не «приговоры» или «заключения»); 2) признание его решительно политического значения (что находит выражение в том, что члены Совета не должны иметь даже юридического образования, а в его состав входят такие политики, например парламентарии, министры, премьер-министры, как Лоран Фабиус или Лионель Жоспен), сверх того, членами Конституционного Совета по штату являются все бывшие президенты Республики. Девять членов Конституционного Совета, занимающих свой пост в течение девяти лет, назначаются по нескольким принципам. Трех из них назначает Президент, троих – Спикер Национального собрания (нижней палаты парламента), а троих остальных – Спикер Сената (верхней палаты парламента). При этом стоит подчеркнуть, что до 2008 г. президент назначал троих членов Конституционного Совета абсолютно свободно. Однако, после изменений в июле 2008 г., полномочия Президента назначать членов Конституционного Совета осуществляются только после выражения оценки постоянными комиссиями обеих палат парламента, в соответствии с органическими законами. В то же время Президент не вправе проводить назначение члена Конституционного Совета, если сумма голосов против назначения составляет как минимум три пятых голосов, которые были отданы в обеих комиссиях. Следует заметить,

что состав Конституционного Совета обновляется на одну треть каждые три года. Сверх того, что уже упоминалось ранее, в состав Совета входят пожизненно на законном основании все бывшие президенты Республики (если не откажутся от данного права).

На максимально приближенных принципах осуществляется выбор судей румынского Конституционного Суда. Это связано с тем, что Румыния, принимая свою Конституцию, главным образом, базировалась на французской Конституции 1958 г. В связи с этим румынский Конституционный Суд насчитывает девять судей, избираемых на девять лет, а каждые три года обновляется одна треть его состава. Также процедура назначения выглядит аналогично, т.е. трое конституционных судей назначаются Президентом, трое – нижней палатой парламента (палата депутатов), и трое других – Сенатом.

Полупрезидентской системой также неоспоримо признается Португалия [23]. Срок полномочия судей португальского Конституционного трибунала в количестве тринадцати составляет девять лет. Из группы тринадцати судей десять выбирает Ассамблея Республики (однопалатный парламента), большинством двух третей голосов в присутствии более половины депутатов. Остальных трех конституционных судей дополняет сам трибунал. Группа дополняемых судей избирается следующим образом: кандидат, чтобы быть избранным, должен получить как минимум семь из всех десяти голосов.

К группе государств с полупрезидентской системой правления часто относят Литву [24. Р. 150] (однако, необходимо подчеркнуть, что она не является классической полупрезидентской формой государственного правления). В данном случае, аналогично Франции, Румынии и Португалии, конституционных судей избирают на девять лет, при этом каждые три года происходит ротация одной третьей части состава Суда. Литовский Конституционный Суд насчитывает девять судей. Все они назначаются официально парламентом (*Sejmas*), но кандидатов подают следующим образом: троих – Президент, троих – Спикер парламента и троих – Глава Верховного Суда. Необходимо подчеркнуть, что акт назначения Парламентом имеет всего лишь официальный характер – кто будет судьей Конституционного Суда, решают субъекты, наделенные правом представления кандидатов (т.е. Президент, Спикер сейма и Глава Верховного Суда).

Государством, которое именно после конституционных реформ 2007 г. четко перешло на позиции полупрезидентской системы (в частности в аспекте практики, которая всегда в оценке характеристики системы правления является ключевым элементом), является также Турция. Тут процедура выбора членов органа конституционного правосудия достаточно сложная. Семнадцать членов избирается на двенадцать лет. Великое Национальное Собрание Турции (однопалатный турецкий парламента) выбирает путем тайного голосования двоих судей среди трех кандидатов, представленных Счетной палатой, и одного кандидата, представленного Советом адвокатов. В первом голосовании для выполнения эффективного выбора члена Конституционного Суда требуется полу-

чение большинства двух третей голосов от общего количества парламентариев (без учета кворума). Во втором голосовании достаточно уже абсолютное большинство голосов всех парламентариев. Если и это не принесет результативного выбора, проводится третье голосование, в котором для выбора необходимо получение большинства голосов. Остальных пятнадцать членов турецкого Конституционного Суда назначает президент. Однако он не действует в данном аспекте абсолютно самостоятельно, поскольку назначает членов среди кандидатов, заявленных определенными субъектами либо из определенных других государственных органов, что сужает возможность осуществления выбора. Таким образом, Президент назначает троих членов среди судей Верховного Суда; двоих членов из Государственного Совета, одного из Административного Суда и Высшего военного Суда. При этом кандидатов данных органов подают общие собрания в количестве трех кандидатов на каждый незанятый пост: одного среди трех кандидатов, представленных Советом высшего образования, четырех среди высоких сановников администрации и адвокатов, ведущих собственную практику, судей и прокуроров. Необходимо подчеркнуть, что, аналогично Франции, в Турции не существует абсолютного требования наличия юридического образования как фактора, дающего возможность получения членства в Конституционном Суда.

Поскольку разными способами урегулирован способ выбора лиц, входящих в состав органов контроля конституционности права, постольку абсолютным образом предполагается их аполитичность. Везде для членов органов конституционного правосудия действует запрет принадлежности к политическим партиям и ведения деятельности, которую невозможно совмещать с выполняемой функцией (как в ее материальном аспекте, так и формальном). В связи с этим также на всех членов (судей) конституционных судов дополнительно распространяется принцип несовместимости (*incompatibilitas*) с определенными постами и должностями (например, в исполнительной, законодательной власти и в органах территориального самоуправления; зачастую, также, например в Чили или в Турции, на членов органов конституционного правосудия распространяется запрет выполнения юридической практики (адвокат, прокурор или юрисконсульт)). Собственно, единственным исключением является возможность ведения научной работы в качестве академического преподавателя. Главным образом, как, например, в Португалии, судьи конституционных судов подчинены тем же самым регулированиям, в рамках несовместимости, независимости, ответственности, аполитичности, беспристрастности, имунитета, как все другие судьи (и это независимо от того, именуется ли они судьями или нет). В других государствах, таких как США или Бразилия, их оберегает принцип пожизненного выполнения функций (за исключением случаев, когда они сами выходят на пенсию).

Тем не менее следует подчеркнуть, что требование аполитичности и независимости относится к судьям (членам) органов конституционного правосудия, а не

к кандидатам на данные посты. В США (классическая президентская система) или во Франции (являющейся матрицей полупрезидентской системы) данные должности являются, как минимум иногда, явно политическими, причем – по известным причинам – это касается, прежде всего, французского Конституционного Совета. Об этом свидетельствует хотя бы факт того, что экс-глава Совета Жан-Луи Дебре (2007–2016 гг.) был действующим политиком, сверх того – сыном бывшего премьер-министра Франции – Мишеля Дебре. Прежде, чем стать членом Конституционного Совета, в течение пяти лет (2002–2007 гг.) занимал пост главы Национального собрания (нижней палаты парламента), а еще раньше – министра в правительстве Алена Юппе. Активным политиком является также действующий глава Конституционного Совета, с марта 2016 года, Лоран Фабиус, за плечами которого – карьера депутата Европейского парламента, Председателя Национального собрания (причем, дважды, впервые – в 1988–1992 гг., во второй раз – в 1997–2000 гг.), министра и премьер-министра (1984–1986). Также действующий член Совета – Лионель Жоспен – является политиком. В 1984–1988 гг. он был депутатом Европейского парламента, в 1997–2002 – премьер-министром, в 2002 г. – кандидатом от социалистической партии на пост президента Франции. Помимо этого, значительный политический уклон Конституционного Совета следует также из некоторых его институциональных решений, в том числе из того, что членами Конституционного Совета по штату являются все бывшие президенты Республики (если не откажутся от этого). Политические биографии членов французского Конституционного Совета, что необходимо подчеркнуть, являются исключением трактовки самого Совета как политического органа и вместе с тем сильно политизированного. Но, в свою очередь, в казахстанском Конституционном Совете мотив политизации входящих в его состав членов не представлен в той же степени, что во Франции. Его членами, прежде всего, являются профессора в области юридических наук, а также опытные юристы-практики. Согласно пункту 1 статьи 71 Конституции Республики Казахстан с 20 марта 2019 г. Н.А. Назарбаев является пожизненным членом Конституционного Совета Республики Казахстан [25].

Также американский Верховный Суд несвободен от политиков. Одним из ярких примеров является Уильям Тафт – экс-президент США (1909–1913 гг.), который в 1921 г. назначен на пост председателя Верховного Суда и занимал эту должность до самой смерти в 1930 г. Политическую деятельность в своем прошлом имел также другой председатель Верховного Суда США – Фредерик Винсон. Прежде, чем стать судьей Верховного Суда и его председателем (в 1946–1953 гг.), был конгрессменом и секретарем казначейства в администрации президента Гарри Трумена. Политиком был также преемник Ф. Винсона на посту председателя Верховного Суда – Эрл Уоррен. В 1948 г. Эрл Уоррен был кандидатом на пост вице-президента США, ранее был тесно связан с Республиканской партией и от ее имени занимал пост губернатора штата Калифорния. Четкое политическое прошлое имел

также последователь Э. Уоррена – Уоррен Эрл Бергер, который большую часть своей жизни был связан с Республиканской партией, занимая, среди прочих должностей, пост генерального прокурора администрации Дуайта Эйзенхауэра.

Из более новых примеров стоит упомянуть судью Елену Каган, назначенную президентом Бараком Обамой судьей Верховного Суда, которая в прошлом активно работала в администрации президента, несвободной от политико-партийных схем. В свою очередь, некоторые другие судьи Верховного Суда, например Сэмюэль Алито, Джон Робертс (в настоящее время – председатель Суда) или Энтони Кеннеди прежде, чем стать судьями, были активными партийными деятелями. Причем, необходимо подчеркнуть, что в случае Верховного Суда США политическое разделение внутри Суда абсолютно прозрачно. Более того, некоторые судьи не скрывают своих политических взглядов. Президенты – представители Демократической партии – назначают на посты судей людей, которые либо являются членами и активными деятелями партии, либо как минимум симпатизируют ей.

Аналогичная ситуация складывается в момент, когда жильцом Белого дома становится представитель Республиканской партии (что доказывают крайние, очевидно партийные кандидатуры, которые в конечном счете не прошли. Два наиболее известных последних случая – это кандидатура Роберта Борка, представленная Рональдом Рейганом, и Хариет Майерс, представленная Джорджем Бушем). В связи с этим внутри Верховного Суда существует четкое разделение на судей демократических и республиканских, вследствие чего – особенно в политически неоднозначных делах – распределение судебных голосов известно заранее [26. S. 215]. Имя говорит само за себя, именно это вызвало в 2016 г. острый спор после смерти судьи А. Скалии (ранее – деятеля Республиканской партии). После смерти А. Скалии из восьми судей Верховного Суда четверо – это «республиканские судьи», а четыре других – «судьи-демократы». Назначение пятого судьи демократическим президентом вызвало бы перевес демократов в составе Верховного Суда, что повлекло бы за собой сопротивление Республиканской партии, которая в Верховном Суде всегда имела «контрольный пакет». Остроту дискуссии обостряли ожидания общества о том, что в список дел к слушанию Верховного Суда попадут в скором времени довольно «острые» вопросы (такие, как аборт, доступ к оружию, гомосексуальные браки или пакет законов о наблюдении и слежке, а также эмиграционные вопросы), соответственно, политическая схема Верховного Суда предопределила – собственно, как всегда – линию толкования (и это на долгие годы, если взять во внимание пожизненные функции судьи американского Верховного Суда). На освободившееся после А. Скалии место в Верховном Суде президент Барак Обама (демократ) выдвинул кандидатуру либерального судьи Меррика Гарланда, но поскольку большинство в Сенате принадлежало республиканцам, слушания так и не состоялись. Следующий Президент – Дональд Трамп – предложил другого кандидата-

республиканца – Нейла Горсача, который занял место А. Скалии 10 апреля 2017 г. [27]. Таким образом, Верховный Суд США сохранил приоритет республиканцев: из 9 судей – 5 являются сторонниками Республиканской партии.

Вопрос существования или несуществования контроля конституционности законодательства, а в случае существования – конкретного характера контроля, заложенного в устройстве государства, не связан с системой правления. Форма правления, с одной стороны, с другой же – характер и вид конституционного правосудия – являются двумя абсолютно независимыми переменными, которые вместе, разумеется, формируют общую специфику данного политического устройства (как в его конституционной, так и практической плоскостях), но по отношению друг к другу имеют независимый статус. Ситуация выглядит таким образом потому, что при определении системы правления, как правило, не учитывается судебная власть. Система правления определяется как двухсторонние отношения между законодательной и исполнительной ветвями власти. Признано максимально объективно, что в любой демократической системе правления судебная власть имеет один и тот же статус, он определяется самостоятельностью, равно как организационной и персональной независимостью третьей власти [28. S. 5]. В связи с этим позиция в государственном устройстве третьей власти, в том числе конституционного правосудия, которое не должно быть классифицировано как составная часть судебной власти, не имеет связи с внедряемой всякий раз системой правления. Конституционное правосудие, в его различных разновидностях, может существовать и в президентских, и в парламентских системах (равно как в различных их гибридных вариациях), а также может вообще не существовать.

Это результат не только того, что судебная власть не учитывается при определении и рассмотрении отдельно взятых систем правления (поскольку в каждой из них должен быть идентичный статус, вследствие чего позиция данной власти и всякая новая организационно-функциональная система не влияет на отличия отдельных систем правления, которые определяют отношения между законодательной и исполнительной ветвями власти), но и того, что сама идея внепарламентского контроля конституционности права появилась и укрепилась в момент, когда теоретические конструкции отдельных систем правления были уже хорошо известны и сформированы. При этом как президентская система, так и парламентская на практике только формировались, а свою финальную форму получили на рубеже XIX–XX вв. Конституционное правосудие, в частности – в его версии Кельзена (европейская модель), является опытом относительно свежим, но и американская версия, хотя свои очертания она получила в начале XIX в., полностью сформировалась только в конце XIX в., чтобы заработать эффективно только в XX в. Таким образом, необходимо признать, что внепарламентский контроль конституционности права, в частности в виде конституционного правосудия, показал свои результаты и действие на систему правления в основном только в XX в.;

примерно с этого времени замечаются возрастающее значение конституционного правосудия и, возможно, изменения, которые при его участии охватывают всю систему правления, что на практике усиливает дискуссии на тему конституционного правосудия и побуждает к постоянному поиску его возможных оптимальных форм.

Следует отметить, что конституционное правосудие не является единственной формой внепарламентского контроля конституционности права. Не стоит забывать, что в поиске эффективных механизмов защиты конституции, еще до того как была сформулирована концепция конституционного правосудия, был введен внепарламентский контроль, возложенный на главу государства. В частности, встраивание в механизм контроля конституционности права таких институтов, как промульгация. Свойственная для немецкой доктрины конституционного права – конструкция так называемого вываривания закона. В обоих случаях, т.е. промульгации и вываривания закона, признается, что глава государства, допуская закон в правовой оборот, контролирует его – хотя бы в минимальной степени – с точки зрения соответствия конституции.

В современный период изменения в конституционном правосудии видны все в более высокой степени. В связи с этим усиливаются дискуссии на тему влияния контроля конституционности права на общие преобразования в аспекте различных государственных устройств и систем правления [29]. Поскольку, как подчеркивается, генезис и эволюция судебного контроля конституционности права происходили независимо от системы правления, постольку сегодняшняя форма влияет, причем в значительной степени, на данную систему и существенно модифицирует ее. В частности – эволюция, которая привела к формированию так называемого судейского активизма в органах конституционного правосудия [30. P. 457]. В указанном контексте А.С. Свит пишет о судебном государственном перевороте [31. P. 915–927].

Это хорошо видно в США, где напрямую формулируются оценки, что именно благодаря контролю конституционности права Верховный Суд снизил позиции остальных ветвей власти (т.е. законодательную и исполнительную), вырастая до роли первой власти в государстве. Чуть менее четко, но аналогично по своему звучанию порой формулируются оценки на почве так называемого европейского контроля конституционности (модель Кельзена), который становится все в более высокой степени конкурентной властью, в частности для парламента. В результате этого оказывается, что как независимые от классических систем правления (президентской и парламентской) возникли два также классических вида контроля конституционности права (американский и европейский), независимые и по различным причинам, существенно влияющие в настоящее время на системы правления, не учитывая того, находятся ли они в президентской или полупрезидентской модели. Таким образом, поскольку у своих истоков модельные концепции контроля конституционности права абстрагировались от систем правления, в которых появились и были развиты, по-

стольку в настоящее время они оказывают существенное влияние на данные системы, а порой даже диаметрально меняют их, разворачивая традиционную систему отношений на линии законодательной и исполнительной властей, вводя орган конституционного правосудия, который влияет на систему правления, причем дважды, т.е. сам становится все более существенным элементом и, вследствие судопроизводства и толкования конституции, формирует статус всех других органов, в частности законодательных и исполнительных.

Тем не менее следует подчеркнуть, что отсутствует тесная связь между конкретной формой контроля конституционности права и системой правления [32. Р. 216]. В исследуемой группе государств отсутствует такая зависимость как на уровне моделей систем правления, так и в практике государственного устройства. Данное отсутствие подтверждает также широкое разнообразие, если речь идет о форме контроля конституционности права. Следует обратить внимание на то, что выделение двух основных моделей данного контроля, т.е. американской и европейской, отнюдь не исчерпывает всех отличий, несопадений и нюансов в институциональном оформлении данного контроля [11. Р. 51]. Достаточно подчеркнуть, что данный контроль может быть либо прямо возложен на органы судебной власти или органы, которые как минимум непосредственно причисляются к судебной власти, но может также быть четко выведен за рамки правосудия (значительное большинство государств). В последнем случае органы конституционного правосудия могут быть восприняты либо как уникальный негативный законодатель (противоположность парламенту, к чему стремился Г. Кельзен), либо как органы, которые осуществляют абсолютно самостоятельную функцию, порой не вписывающуюся в разделение власти на три ветви согласно Монтестью, либо, наконец, органы политической власти, в равной степени как исполнительная и законодательная власти, формирующие отдельный сегмент политической конституционной власти (либо отвечающей за государственное устройство), также отделенной от судов и имеющей характер органов во всех аспектах специфический, что в наибольшей степени проявляется во Франции. Вариантов институционального оформления органов конституционного правосудия существует, таким образом, неожиданно немало [33. Р. 24; 34; 35. С. 51; 36. С. 4; 37. С. 219–231]. Это является результатом как минимум нескольких обстоятельств.

Во-первых, конституционное правосудие было создано относительно поздно, в момент, когда остальные элементы традиционно воспринимаемой власти были уже более-менее сформированы.

Во-вторых, оно конструировалось как на почве практики, оставаясь решением во всех измерениях прагматичным (США), так и на почве теории, являясь конструкцией, главным образом, доктринальной (европейские государства). Идея Г. Кельзена только после ее детальной доработки была воплощена в жизнь, когда в то же время американская модель сформировалась абсолютно отличным образом. Это означает,

что сначала была введена в жизнь, и лишь постфактум была дополнена теорией.

В-третьих, оно появилось в абсолютно отличных контекстах государственного устройства, т.е. сначала на базе американской системы правления, а позднее – в европейском правовом пространстве, являясь удобно приспособленным к данным различным контекстам.

В-четвертых, несколько отлично формулировались его цели, которые, в свою очередь, в довольно значительной степени предопределялись всеми остальными факторами. Насколько целью контроля в американской версии было не допустить до превращения органа судопроизводства в политический орган (что, как известно, окончательно не удалось), при одновременном уважении к главенствующей роли конституции и строго понимаемом разделении властей (*separation of powers*), настолько в европейской версии первостепенной целью контроля было преобразование самой роли и значения самой ситуации (из политической в юридическую) и трансформация органа судопроизводства в политический орган (в смысле активного участия в системе правления), что Г. Кельзен подчеркнул определением Конституционного Суда как политического Суда (*cour politique*). С данной целью была, впрочем, тесно сопряжена другая цель, а именно существенное ослабление позиции в устройстве парламентов. Так как в классической доктрине конституционного права поддерживается взгляд, что одной из форм сокращения ранга и позиции парламента является внепарламентский контроль конституционности права, в частности в варианте Г. Кельзена, неизменно ассоциируемом со способностью выведения неверных норм из системы действующего права.

Относительно этого необходимо признать, что всякая модель конституционного правосудия, которую внедряют в различных государствах, была функцией многих различных факторов, что в конце концов сформировало неожиданное разнообразие институтов конституционного правосудия. Однако знаменательно то, что среди них доминирующим фактором не была модель системы правления.

Наиболее серьезным фактором, предопределяющим разнообразие моделей конституционного правосудия, помимо исторического, является то, что данное правосудие порой несовместимо с концепцией разделения власти на три ветви согласно Ш. Монтестью. В свою очередь, это означает, что либо – как в США – конституционное правосудие «адаптируется» в модель типичной судебной власти со всеми последствиями, как позитивными (в виде полной организационной отдельности и функциональной независимости), так и негативными (в виде отсутствия возможности дерогации нормы, которую суд признал неконституционной), либо размещается за рамками типичных, стандартно выделяемых властей, т.е. законодательной, исполнительной и судебной. Это вызывает спор о его онтологической природе [38]. Ибо, если Конституционный Суд будет оставлен за пределами судебной власти, возникает очевидный вопрос, где же находится его место? На данный вопрос Г. Кельзен отвечал, формулируя концепцию «негативного

законодателя», утверждая, что, имея способность к устранению норм из правового оборота (после признания их конституционности), Конституционный Суд действует как законодательная власть, с той только разницей, что в ее негативной версии (вместо введения нормы в системы – выводит ее) [39. S. 63]. Позиция Кельзена, хоть и привлекательная интеллектуально, однако, не является общепризнанной. Формулируются концепции Конституционного Суда как своего рода «третьей палаты парламента» (что, однако, имеет тот недостаток, что прямым образом политизирует орган контроля конституционности). Значительно чаще предлагается приписывание Конституционному Суду отличной, чем три указанные Монтескье ветви власти и признание, сферы деятельности органа конституционного правосудия отдельной и отличной от всех остальных сфер активности государства. Данный сегмент наиболее часто определяется как «власть гарантии конституции» и размещается рядом с законодательной, исполнительной и судебной властью [40. S. 126]. Данная позиция особенно уместна сегодня, когда европейские конституционные суды во все возрастающей степени оснащены также и другими функциями помимо самого судопроизводства относительно конституционности и легальности норм. Например, вынесение решений о конституционности целей и деятельности политических партий (Германия), вынесение решений в делах о конституционных деликтах (Германия, Италия), вынесение решений в делах о правильности процедур на выборах и референдумах (Франция) или вынесение решений относительно предмета компетенционных споров (Литва). Указанные функции главным образом преследуют единственную цель – защиту конституции.

Если взять во внимание совокупность их действий, можно четко представить, что она выходит за рамки активности типичного Суда (что подвергает сомнению их искусственное размещение в парадигме третьей власти Монтескье), с другой же стороны – доказывает, что отличие разнообразных проявлений их деятельности имеет, несмотря ни на что, общий знаменатель, коим является протекция конституции, или шире – конституционного порядка (в его широком понимании).

Многообразие видов, в каких может выступать внепарламентский контроль конституционности права, с одной стороны, с другой же – вследствие отсутствия тесной связи между конституционным правосудием и системой правления, в поиске каких-либо постоянных и повторяющихся элементов в конструкции органов конституционного правосудия необходимо скорее абстрагировать от системы правления и попробовать найти аналогии в обращении к общим моделям (видам) конституционного правосудия. При этом необходимо отойти от наиболее закрепленного двойственного разделения на американскую (*judicial review*) и европейскую модель (Kelsenowski), поскольку – как уже упоминалось выше – они неоднородны и не гомогенны, что касается, в частности, решений, содержащихся в общей европейской модели, поскольку она исключительно неоднородна [16].

Тем более так выглядит ситуация, поскольку в президентских и полупрезидентских системах сложно найти какой-либо ключ, согласно которому конструируются механизмы защиты конституции. Окончательно сформированные процедуры являются функцией очень многих обстоятельств. К ним необходимо отнести прежде всего: собственный исторический опыт; влияние чужих образцов устройства; взгляды, зачастую очень эндемические, локальную доктрину конституционного права; наконец, укрепление определенных, обобщенных стандартов и тенденций. Во многих примерах ситуация обстоит так, что явно доминирует один из тех факторов, который в самой большей степени предопределяет финальный образ конституционного правосудия. Достаточно привести пример США, где модель *judicial review* – это результат, главным образом, собственного практического опыта [41]. Другим примером является Мексика, в которой настоящая модель контроля конституционности права представляет собой конгломерат чужого влияния, в частности испанского и главным образом американского [42. P. 113–114]. Наконец, примером государства, в котором форма сегодняшнего вида конституционного правосудия является результатом очень специфической, местной, доктрины конституционного права, является Франция, в которой подход к Конституции и закону создал достаточно необычный механизм внепарламентского контроля конституционности права [43. P. 85].

Если речь идет об общих тенденциях и процессах, которые влияют на форму конституционного правосудия, необходимо также подчеркнуть безоговорочно одновекторную эволюцию различных форм данного правосудия и что с этим связано – своеобразную медленную, но эффективную гомогенизацию органов конституционного правосудия и их переход – чем дальше, тем в большей степени – на позиции судов, независимо от исходной формы данных органов в каждом конкретном случае. Данный процесс наиболее часто определяется как «осудебнивание» контроля конституционности права. Он заключается в том, что различные до данного времени с онтологической точки зрения структуры уподобляются друг другу. Однако стоит заметить, что данный процесс также вызывает сопротивление и опасения ввиду того, что он ломает парадигму классического конституционного права. Также подчеркивается, что, во-первых, он чрезмерно взвинчивает позицию судебной власти (вопреки тому, что писал Монтескье), во-вторых, укрепляет позицию корпорации судей, что в свою очередь весь процесс управления государством отдаляет от гражданина, последствием чего является лишение легитимности существования всей политической системы. Данное критическое течение оценки «осудебнивания» контроля конституционности права в настоящее время наиболее активно в США и именуется так называемым народным конституционализмом (*popular constitutionalism*) [44. P. 73].

При этом речь идет не только о схожести организационной, но прежде всего о сходстве по существу и функционально между органами контроля консти-

туционности права и судами. Так как независимо от многих очень разнообразных факторов в вопросе формирования органов конституционного правосудия все они высказываются (в той или иной форме, с такими или иными последствиями) о предмете соответствия или несоответствия права конституции, т.е. по природе вещей уподобляются друг другу. Сегодня лучшим примером данного вида тенденций является, естественно, Франция, в частности после конституционных изменений, осуществленных в 2008 г.

Резюмируя все вышеизложенное, необходимо сказать, что в президентской и полупрезидентской системах правления существуют органы конституционного правосудия, но, во-первых, их вид не следует из сложившейся формы правления, поскольку она не устанавливает никаких моделей или решений в данном аспекте, и даже не предлагает. Во-вторых, специализированные органы конституционного контроля создают целый спектр институциональных решений, среди которых не следует искать постоянные, повторяющиеся тенденции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Elgie R. *Semi-Presidentialism and Comparative Institutional Engineering // Semi-Presidentialism in Europe / ed. by. R. Elgie. New York, 1999. P. 281.*
2. Mezey M.L. *Presidentialism: power in comparative perspective. Boulder ; London : Lynne Rienner Publishers, 2013. 260 p.*
3. *Presidentialism and Democracy in Latin America / ed. by. S. Mainwaring, M. Soberg Shugart. Cambridge University Press, 2012. URL: <https://www.cambridge.org/core/books/presidentialism-and-democracy-in-latin-america/20E833FCB65842F5BFC39851770F8A03>*
4. Зазнаев О. Полупрезидентская система: теоретические и прикладные аспекты. Казань : Казанский госу. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина, 2006. 374 с.
5. Protsyk O. *Semi-Presidentialism under Post-Communism // Semi-Presidentialism and Democracy / ed by. R. Elgie, S. Moestrup, Y.-S. Wu. Palgrave Macmillan, 2011. P. 98–116.*
6. Литвин В. Критика классического и постклассического определения полупрезидентализма и ее роль в построении синтетического концепта полупрезидентской системы правления: теоретико-методологический анализ и верификация на примере стран Центрально-Восточной Европы // *Studia Politologiczne. 2017. № 44.*
7. Ященко А. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. Юрьев, 1912. С. 352–353.
8. Jaworski W.L. *Trybunał Konstytucyjny // Ankieta o konstytucji z 17 marca 1921 / opr. W.L. Jaworski. Kraków 1924.*
9. Яворски В.Л. *Трыбунал Констытуцыйны // Анкета о констытуцый з 17 марта 1921 / opr. В.Л. Яворски. Кракоов, 1924.*
10. Langášek T. *Ústavní soud Československé republiky a jeho osudy v letech 1920–1948. Plzeň : Vydavatelství a nakladatelství Aleš Čeněk, s. r. o., 2011. 319 s.*
11. Favoreu L. *Modèle européen et modele américain de justice constitutionnelle // Annuaire International de Justice Constitutionnelle. 1988. Vol. IV. P. 51–66.*
12. José María Serna de la Garza. *The Constitution of Mexico: A Contextual Analysis. Oxford ; Portland, OR : Hart Publishing, 2013. P. 113.*
13. Baker R.D. *Judicial Review in Mexico. A Study of the Amparo Suit. Austin, 2015. P. 90.*
14. Клишас А.А. Конституционная юстиция в зарубежных странах. М. : Международные отношения, 2004. С. 77.
15. Ríos-Figueroa J. *Institutions for Constitutional Justice in Latin America // Courts in Latin America / ed. by. G. Helmke, J. Ríos-Figueroa. New York, 2011. P. 27.*
16. Нуриев Г.Х. *Европейская модель конституционного судопроизводства. М. : НОРМА ИНФРА, 2012. 223 с.*
17. Laidler P. *Prawno-polityczny spór wokół wyboru sędziego Sądu Najwyższego USA po śmierci Antonina Scalia // Przegląd Sejmowy. 2016. № 3. P. 21.*
18. Остапович И.Ю. Конституционный Совет Республики Казахстан: вопросы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2005. С. 62.
19. Куртов А. Конституционное правосудие в Республике Казахстан и институт выборов // *Сравнительное конституционное обозрение. 2003. № 2. С. 171–174.*
20. Szymanek J. *Ustrój konstytucyjny Kazachstanu. Warszawa, 2013. S. 189.*
21. Lauvaux P. *Parlementarisme rationalisé et stabilité du pouvoir exécutif. Bruxelles, 1988. P. 30.*
22. Roussillon H., Esplugas-Labatut P. *Le Conseil constitutionnel. Paris, 2015. P. 7.*
23. Livermore H.V. *A History of Portugal. Cambridge, UK : Cambridge University Press, 1947.*
24. Urbanavicius D. *Lithuania // Semi-Presidentialism in Europe / ed. by. R. Elgie. New York, 1999. P. 150.*
25. Официальный сайт Конституционного Совета Казахстана. Раздел «Председатель и Члены Конституционного Совета» // Конституционный Совет Казахстана. URL: <http://ksrk.gov.kz/page/predsedatel-i-chleny-konstitucionnogo-soveta> (дата обращения: 05.08.2019).
26. Laidler P. *Sąd Najwyższy Stanów Zjednoczonych Ameryki: od prawa do polityk. Krakow : Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2011. S. 215.*
27. Трамп выдвинул кандидата на должность члена Верховного суда США. URL: <https://pravo.ru/interpravo/news/view/137798> (дата обращения: 05.08.2019).
28. Szymanek J. *Modele systemów rządów (wstęp do analizy porównawczej) // Studia Prawnicze. 2005. № 3. S. 5.*
29. Vacoynannis C. *Le debat récent sur nécessité d'une institution de justice constitutionnelle // Renouveau du droit constitutionnel. Mélanges en l'honneur de Louis Favoreu. Paris, 2007. C. 41.*
30. Ackerman B. *Constitutional Politics / Constitutional Law // The Yale Law Journal. 1989. Vol. 99, № 3. P. 457.*
31. Sweet A.S. *The Juridical Coup d'État and the Problem of Authority // German Law Journal. 2007. Vol. 8, № 10. P. 915–927.*
32. Lijphart A. *Patterns of Democracy. Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries. New Haven ; London, 1999. P. 216.*
33. Hamon F. Wiener C. *La justice constitutionnelle en France et à l'étranger. Paris, 2011. P. 24.*
34. Остапович И.Ю. Конституционно-контрольное нормотворчество специализированных органов конституционного контроля Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан (сравнительно-правовое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 494 с.
35. Клишас А.А., Еремян В.В. Конституционный контроль и конституционное правосудие зарубежных стран : сравнительно-правовое исследование. М. : Международные отношения, 2015. С. 51.
36. Конституционное право Российской Федерации: сборник суд. решений : учеб. пос. для вузов / сост., авт. введ. и ком. М.С. Саликов; науч. ред. М.И. Кукушкин. СПб. : Паритет, 1997. С. 4.
37. Саликов М.С., Либанова С.Э., Остапович И.Ю. Конституционно-контрольное нормотворчество в контексте доктрины живой конституции // *Вестник Томского государственного университета. 2019. № 440. С. 219–231.*
38. Meunier J. *Le pouvoir du Conseil constitutionnel. Essai d'analyse stratégique. Bruxelles, 1994. 373 p.*
39. Kelsen H. *Istota i rozwój sądownictwa konstytucyjnego, tłum. Banaszkievicz B. Warszawa, 2009. S. 63.*
40. Małajny R.M. *Klasyfikacja prawnych sfer działania państwa – próba reinterpretacji // Rozważania o państwie i prawie: Księga jubileuszowa ofiarowana Profesorowi Józefowi Nowackiemu. Katowice, 1993. S. 126.*
41. Nelson W.E. *Marbury v. Madison. The Origins and Legacy of Judicial Review. Westbrooke, 2000. 142 p.*
42. Serna de la Garza J.M. *The Constitution of Mexico. A Contextual Analysis. Portland, 2013. P. 113–114.*

43. Laquieze A. Le contrôle de constitutionnalité de la loi vu les penseurs libéraux français du XXe siècle (Aux origines du contrôle de constitutionnalité XVIIIe-XXe siècle) / ed. D. Chagnollaud. Paris, 2003. P. 85.
44. Kramer L. The People Themselves. Popular Constitutionalism and Judicial Review. New York, 2004. P. 73.

Статья представлена научной редакцией «Право» 5 сентября 2019 г.

Constitutional Justice in Presidential and Semi-Presidential Forms of Government: Reflections on the Law and Structure of the State

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 448, 208–218.

DOI: 10.17223/15617793/448/26

Jacek Zalesny, University of Warsaw (Warsaw, Poland). E-mail: zalesnyjacek@gmail.com

Igor Yu. Ostapovich, Ural State Law University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: ostapovich7@mail.ru

Jaroslav Szymanek, Analytical Department of the Office of the Sejm (Warsaw, Poland). E-mail: jaroslawszymanek@o2.pl

Keywords: constitutional justice system; presidential system of governance; semi-presidential system of governance; Kelsen model of control of legal norms; judicial control.

The article discusses the features of the formation of constitutional justice in the presidential and semi-presidential forms of government. The dependence of the choice of the constitutional control body's model in the presidential and semi-presidential systems of government was studied on the example of such countries as Austria, Brazil, Lithuania, Mexico, Portugal, Romania, the USA, Turkey, Finland, France, Chile, etc. A hypothesis was made that the components of the structure of the state, formed independently of each other, do not affect each other in terms of axiology, institutionalism or behaviorism. The main methods of the research were comparative legal (used to determine the general and the specific), functional (used to study the main activities of the constitutional control bodies). The authors identified a range of institutional solutions, among which one should not search for constant, repetitive, universal and eternal trends. The article substantiates the scientific, constitutional and political-legal significance of the lack of dependence, both at the level of models of government systems and in the practice of the state system, which is confirmed by a wide variety when it comes to the form of constitutional control. The identification of the two main models of constitutional control, i.e. American and European, does not exhaust all the differences, discrepancies and nuances in the institutional design of this control. Constitutional control can either be directly vested in the judiciary or bodies that are at least directly attributed to the judiciary, but can also be clearly removed from the justice system. Scientific approaches to the understanding of the essence and features of the evolution of various forms of constitutional justice are considered as well as the relevant slow but effective homogenization of the constitutional control bodies and their transition—the further, the more—to the position of the courts, regardless of the initial form of these bodies in each case. This process is most often defined as the “courtization” of the bodies of constitutional control. The conclusion is made that, in presidential and semi-presidential forms of government, no exclusive model of control over the constitutionality of law is established. Options are given for the institutional design of the bodies of constitutional justice in the countries studied. Factors influencing the various formation of institutions of constitutional justice are revealed. It is noted that the model of the system of government is not the dominant factor among them.

REFERENCES

1. Elgie, R. (1999) *Semi-Presidentialism and Comparative Institutional Engineering*. In: Elgie, R. (ed.) *Semi-Presidentialism in Europe*. Oxford: Oxford University Press.
2. Mezey, M.L. (2013) *Presidentialism: power in comparative perspective*. Boulder; London: Lynne Rienner Publishers.
3. Mainwaring, S. & Soberg Shugart, M. (eds) (2012) *Presidentialism and Democracy in Latin America*. Cambridge University Press, [Online] Available from: <https://www.cambridge.org/core/books/presidentialism-and-democracy-in-latin-america/20E833FCB65842F5BFC39851770F8A03>.
4. Zaznaev, O. (2006) *Poluprezidentskaya sistema: teoreticheskie i prikladnye aspekty* [Semi-presidential system: theoretical and applied aspects]. Kazan: Kazan State University.
5. Protsyk, O. (2011) *Semi-Presidentialism under Post-Communism*. In: Elgie, R. et al. (eds) *Semi-Presidentialism and Democracy*. London: Palgrave. pp. 98–116.
6. Litvin, B. (2017) *Kritika klassicheskogo i postklassicheskogo opredeleniya poluprezidentalizma i ee rol' v postroenii sinteticheskogo kontsepta poluprezidentskoy sistemy praveniya: teoretiko-metodologicheskyy analiz i verifikatsiya na primere stran Tsentral'no-Vostochnoy Evropy* [Criticism of the classical and postclassical definition of semi-presidentialism and its role in constructing a synthetic concept of a semi-presidential system of government: theoretical and methodological analysis and verification using the example of the countries of Central and Eastern Europe]. *Studia Politologiczne*. 44.
7. Yashchenko, A. (1912) *Teoriya federalizma. Opyt sinteticheskoy teorii prava i gosudarstva* [Theory of federalism. The experience of the synthetic theory of law and the state]. Yuriev: Tip. K. Mattisena. pp. 352–353.
8. Jaworski, W.L. (1924) *Trybunał Konstytucyjny*. In: Jaworski, W.L. (ed.) *Ankieta o konstytucji z 17 marca 1921*. Kraków: [s.n.].
9. Jaworski, W.L. (1924) *Trybunał Konstytucyjny*. In: Jaworski, W.L. *Ankieta o konstytucji z 17 marca 1921*. Kraków: [s.n.].
10. Langášek, T. (2011) *Ústavní soud Československé republiky a jeho osudy v letech 1920–1948*. Plzeň: Vydavatelství a nakladatelství Aleš Čeněk, s. r. o.
11. Favoreu, L. (1988) *Modèle européen et modèle américain de justice constitutionnelle*. *Annuaire International de Justice Constitutionnelle*. IV. pp. 51–66.
12. José María Serna de la Garza. (2013) *The Constitution of Mexico: A Contextual Analysis*. Oxford; Portland, OR: Hart Publishing.
13. Baker, R.D. (2015) *Judicial Review in Mexico. A Study of the Amparo Suit*. Austin: University of Texas Press.
14. Klishas, A.A. (2004) *Konstitutsionnaya yustitsiya v zarubezhnykh stranakh* [Constitutional justice in foreign countries]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
15. Ríos-Figueroa, J. (2011) *Institutions for Constitutional Justice in Latin America*. In: Helmke, G. & Ríos-Figueroa, J. (eds) *Courts in Latin America*. New York: Routledge.
16. Nuriev, G.Kh. (2012) *Evropeyskaya model' konstitutsionnogo sudoproizvodstva* [European model of constitutional proceedings]. Moscow: NORMA INFRA.
17. Laidler, P. (2016) *Prawno-polityczny spór wokół wyboru sędziego Sądu Najwyższego USA po śmierci Antonina Scalii*. *Przegląd Sejmowy*. 3.
18. Ostapovich, I.Yu. (2005) *Konstitutsionnyy Sovet Respubliki Kazakhstan: voprosy teorii i praktiki* [Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan: theory and practice]. Law Cand. Diss. Tomsk.
19. Kurtov, A. (2003) *Konstitutsionnoe pravosudie v Respublike Kazakhstan i institut vyborov* [Constitutional justice in the Republic of Kazakhstan and the institution of elections]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. 2. pp. 171–174.
20. Szymanek, J. (2013) *Ustrój konstytucyjny Kazachstanu*. Warszawa: ELIPSA Dom Wydawniczy i Handlowy.

21. Lauvaux, P. (1988) *Parlementarisme rationalisé et stabilité du pouvoir exécutif*. Bruxelles: Bruylant.
22. Roussillon, H. & Esplugas-Labatut, P. (2015) *Le Conseil constitutionnel*. Paris: Dalloz.
23. Livermore, H.V. (1947) *A History of Portugal*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
24. Urbanavicius, D. (1999) Lithuania. In: Elgie, R. (ed.) *Semi-Presidentialism in Europe*. Oxford: Oxford University Press.
25. The official website of the Constitutional Council of Kazakhstan. (n.d.) *Razdel "Predsedatel' i Chleny Konstitutsionnogo Soveta"* [Chairman and Members of the Constitutional Council]. [Online] Available from: <http://ksrk.gov.kz/page/predsedatel-i-chleny-konstitucionnogo-soveta>. (Accessed: 05.08.2019).
26. Laidler, P. (2011) *Sąd Najwyższy Stanów Zjednoczonych Ameryki: od prawa do polityk*. Krakow: Uniwersytetu Jagiellońskiego.
27. Pravo.ru. (2017) *Trump vydvīnul kandidata na dolzhnost' chlena Verkhovnogo suda SshA* [Trump nominated a candidate for the position of member of the US Supreme Court]. [Online] Available from: <https://pravo.ru/interpravo/news/view/137798>. (Accessed: 05.08.2019).
28. Szymanek, J. (2005) Modele systemów rządów (wstęp do analizy porównawczej). *Studia Prawnicze*. 3.
29. Bacoyannis, C. (2007) Le debat récent sur nécessité d'une institution de justice constitutionnelle. In: Bon, P. et al. (eds) *Renouveau du droit constitutionnel. Mélanges en l'honneur de Louis Favoreu*. Paris: Dalloz.
30. Ackerman, B. (1989) Constitutional Politics / Constitutional Law. *The Yale Law Journal*. 99 (3).
31. Sweet, A.S. (2007) The Juridical Coup d'État and the Problem of Authority. *German Law Journal*. 8 (10). pp. 915–927.
32. Lijphart, A. (1999) *Patterns of Democracy. Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries*. New Haven; London: Yale University Press.
33. Hamon, F. & Wiener, C. (2011) *La justice constitutionnelle en France et à l'étranger*. Paris: LGDJ.
34. Ostapovich, I.Yu. (2018) *Konstitutsionno-kontrol'noe normotvorchestvo spetsializirovannykh organov konstitutsionnogo kontrolya Rossiyskoy Federatsii, Respubliki Belarus' i Respubliki Kazakhstan (sravnitel'no-pravovoe issledovanie)* [Constitutional control rulemaking of specialized bodies of constitutional control of the Russian Federation, the Republic of Belarus and the Republic of Kazakhstan (A comparative legal study)]. Law Dr. Diss. Yekaterinburg.
35. Klishas, A.A. & Eremyan, V.V. (2015) *Konstitutsionnyy kontrol' i konstitutsionnoe pravosudie zarubezhnykh stran: sravnitel'no-pravovoe issledovanie* [Constitutional control and constitutional justice of foreign countries: A comparative legal study]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
36. Kukushkin, M.I. (ed.) (1997) *Konstitutsionnoe pravo Rossiyskoy Federatsii: sbornik sud. resheniy* [Constitutional law of the Russian Federation: collection of court decisions]. St. Petersburg: Paritet.
37. Salikov, M.S., Libanova, S.E. & Ostapovich, I.Yu. (2019) Constitutional Supervisory Rulemaking in the Context of the Doctrine of the Living Constitution. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 440. pp. 219–231. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/440/30
38. Meunier, J. (1994) *Le pouvoir du Conseil constitutionnel. Essai d'analyse stratégique*. Bruxelles: LGDJ.
39. Kelsen, H. (2009) *Istota i rozwój sądownictwa konstytucyjnego, tłum. B. Banaszkievicz*. Warszawa: [s.n.].
40. Małajny, R.M. (1993) Klasyfikacja prawnych sfer działania państwa – próba reinterpretacji. In: *Rozważania o państwie i prawie: Księga jubileuszowa ofiarowana Profesorowi Józefowi Nowackiemu*. Katowice: Uniwersytet Śląski.
41. Nelson, W.E. (2000) *Marbury v. Madison. The Origins and Legacy of Judicial Review*. Westbrooke: University Press of Kansas.
42. Serna de la Garza, J.M. (2013) *The Constitution of Mexico. A Contextual Analysis*. Portland: Hart Publishing.
43. Laquieze, A. (2003) Le contrôle de constitutionnalité de la loi vu les pensus libéraux français du XXe siècle. In: Chagnollaud D (ed.) *Aux origines du contrôle de constitutionnalité XVIIIe-XXe siècle*. Paris: LGDJ.
44. Kramer, L. (2004) *The People Themselves. Popular Constitutionalism and Judicial Review*. New York: Oxford University Press.

Received: 05 September 2019

М.П. Имекова

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научно-исследовательского проекта № 18-011-00612.*

Рассматриваются современные глобальные тенденции устойчивого развития. Установлено, что экологические инновации являются одним из основных инструментов такого развития. Делается вывод о том, что в России данный инструмент не получил широкого распространения. Предлагается ввести дополнительные меры стимулирования хозяйствующих субъектов по внедрению экоинноваций. Введение таких мер позволит России в ближайшей перспективе реализовать основные идеи концепции устойчивого развития в сфере экологии.

Ключевые слова: экологические инновации; новые технологии; наилучшие доступные технологии; устойчивое развитие; «зеленая» экономика; окружающая среда.

Концепция устойчивого развития была разработана еще в 1980-е гг. и предполагала формирование такого общества, которое сочетало бы в себе удовлетворение потребностей текущего времени и заботу о том, чтобы грядущие поколения тоже имели все возможности для своего развития. Впервые концепция была представлена в 1992 г. на конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро, вошедшей в историю как «Саммит Земли». Спустя два десятилетия после этой конференции и десять лет после Всемирного саммита по устойчивому развитию в Йоханнесбурге (2002 г.) летом 2012 г. прошла юбилейная конференция ООН по устойчивому развитию, или саммит «Рио+20» (Рио-де-Жанейро), на которой были подведены итоги выполнения прежних договоренностей и взят курс на устойчивое развитие через построение «зеленой экономики». В продолжение данной конференции 25 сентября 2015 г. Генеральной Ассамблеей ООН (ГА ООН) путем единогласного голосования была принята Резолюция A/70/L.1 «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» (далее – «Повестка дня на период до 2030 года»). Данная повестка включила в себя 17 глобальных целей и 169 соответствующих задач, носящих комплексный и неделимый характер и обеспечивающих сбалансированность всех трех компонентов устойчивого развития: экономического, социального и экологического.

Несомненным достоинством «Повестки дня на период до 2030 года» является то, что она рассчитана на все страны – как развитые, так и развивающиеся, с учетом разных национальных особенностей, возможностей, стратегий и приоритетов. Государства – члены ООН признали, что каждая страна несет ответственность за собственное экономическое и социальное развитие и что масштабы и амбициозность новой повестки дня требуют активизации глобального партнерства, объединяющего правительства, частный сектор, гражданское общество, ООН и других субъектов и мобилизующего все имеющиеся ресурсы.

Наука, техника и инновации в «Повестке дня на период до 2030 года» признаются одним из основных факторов достижения целей устойчивого развития. Аналогичный вывод был сформулирован в другой

Резолюции ГА ООН A/RES/72/242 от 22.12.2017 г. «Влияние стремительного технического прогресса на достижение целей в области устойчивого развития». По выводу ГА ООН, «наука, техника и инновации, включая экологически безопасные технологии, способны играть исключительно важную роль в развитии и облегчении усилий, направленных на решение глобальных проблем, в частности усилий по ликвидации нищеты, обеспечению продовольственной безопасности и питания и более эффективного развития сельского хозяйства, расширению доступа к энергоресурсам и повышению энергоэффективности, борьбе с болезнями, совершенствованию системы образования, охране окружающей среды, усилению экономической диверсификации и процесса преобразований и повышению производительности и конкурентоспособности и, в конечном счете, поддержке устойчивого развития».

Таким образом, учитывая то значение, которым обладают экологические инновации (далее – экоинновации) для достижения целей устойчивого развития, вполне объяснима мотивация многих государств уделять внимание проблеме разработки и внедрения экоинноваций. При этом в разных странах сложились свои подходы к решению данной проблемы.

Так, в Европейском союзе предпринимаются активные попытки найти способы стимулирования инновационной активности с целью снижения негативного воздействия на окружающую среду. В декабре 2011 г. Еврокомиссия выступила с новой инициативой поддержки запуска инновационных экологических технологий [1]. Под экологической инновацией понимается любая инновация, которая способствует или направлена на значительный и доказуемый прогресс в достижении цели устойчивого развития за счет снижения воздействия на окружающую среду, повышения устойчивости к загрязнению окружающей среды или более эффективного и ответственного использования природных ресурсов. Цель плана действий в сфере экоинноваций состоит в том, чтобы стимулировать инновации, которые снижают воздействие на окружающую среду, а также преодолеть разрыв между инновационными концепциями и рынком. Пилотная программа первоначально включает три области: монито-

ринг и очистка сточных вод; материалы, отходы, ресурсы и технологии в сфере энергетики. Цель состоит в том, чтобы в дополнение к снижению рисков повысить доверие инвесторов к новым экологическим технологиям с помощью надежных, научно обоснованных данных об их производительности. Для того чтобы создать более высокий и стабильный рыночный спрос на эко-инновационные технологии, должны быть приняты стимулирующие меры в области регулирования частных и государственных закупок, стандартизации и технических характеристик.

Как отмечается в седьмой Программе действий Европейского союза по охране окружающей среды до 2020 г. [2], бизнес-сектор является основным двигателем экоинноваций. Однако сами по себе рынки не дадут желаемых результатов, и для улучшения своих экологических показателей малым и средним предприятиям, в частности, требуется конкретная помощь в освоении новых технологий, в том числе посредством партнерских исследований и инноваций. Действия органов власти на уровне Союза и государств-членов имеют большое значение в обеспечении надлежащих условий инвестиций и экоинноваций, стимулирования разработки устойчивых деловых или технологических решений экологических проблем и содействия устойчивым моделям использования ресурсов.

В странах Европейского союза была создана Экоинновационная обсерватория (Eco-Innovation Observatory, EIO), которая занимается сбором и анализом информации о тенденциях и рынках экоинноваций в Европе и за ее пределами. Обсерватория разрабатывает интегрированный источник информации и серию анализов о тенденциях и рынках экоинноваций, ориентированных на бизнес, поставщиков инновационных услуг, политиков, а также исследователей и аналитиков [3].

В России относительно недавно появилось понимание необходимости ускоренного развития экоинноваций, поскольку без опоры на такие инновации невозможно повысить конкурентоспособность страны, решить задачи экономического и социального развития. Так, в рейтинге конкурентоспособности стран 2017–2018 гг., который публикуется Всемирным экономическим форумом, указано, что 36 стран мира находятся на этапе инновационного развития экономики, – в основном это страны Европы (23 страны), а также США, Канада, Австралия и ряд стран Азии (Япония, Сингапур, Республика Корея, Бахрейн, Гонконг, Тайвань, Катар и т.д.). Еще 20 стран мира, в том числе и Россия, находятся на этапе перехода на инновационный путь развития [4].

Для обеспечения перехода России на такой путь развития в последние годы были разработаны и утверждены следующие документы стратегического планирования: Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г., утв. распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р; Стратегия инновационного развития РФ на период до 2020 г., утв. распоряжением Правительства РФ от 08.12.2011 № 2227-р; Основы государственной политики в области экологического развития РФ на

период до 2030 г., утв. Президентом РФ 30.04.2012; Стратегия экологической безопасности РФ на период до 2025 г., утв. Указом Президента РФ от 19.04.2017 № 176 и др.

Перечисленные документы, также как и нормы действующего российского законодательства, не содержат определения экоинноваций, однако предусматривают различные меры стимулирования инновационной активности экологопользователей. Понятие экоинноваций закреплено в документе национальной системы стандартизации, в ГОСТ Р 56261-2014 «Национальный стандарт РФ. Инновационный менеджмент. Инновации. Основные положения» (далее – Стандарт). Данный Стандарт дает общую характеристику инноваций, а также помогает организациям сориентироваться и скоординировать их работу по представлению, разработке и сопровождению методической инфраструктуры систем инновационного менеджмента (IMS).

В соответствии со Стандартом экоинновации – это новые или значительно улучшенные продукты, процессы, методы, организационные структуры и институциональные механизмы, которые преднамеренно или непреднамеренно приводят к улучшению состояния окружающей среды по сравнению с имеющимися альтернативами. Представленное определение экоинноваций позволяет отграничить их от таких смежных понятий, как «новые технологии» и «наилучшие доступные технологии» (НДТ). Указанные термины довольно часто используются в экономической и юридической литературе как синонимы.

Согласно ст. 149 Налогового кодекса РФ (НК РФ) новые технологии – это способы объединения физических, химических, технологических и других процессов с трудовыми процессами в целостную систему, производящую новую продукцию (товары, работы, услуги). Таким образом, основное отличие экоинноваций от новых технологий заключается в том, что последние представляют собой совокупность различных процессов, направленных на производство новой продукции (товара, работы, услуги). При этом не обязательно, чтобы эта продукция имела какой-либо «положительный экологический эффект». Иными словами, применение данной продукции, как правило, не приводит к снижению экологического риска загрязнения и других негативных последствий использования ресурсов по сравнению с существующими альтернативами.

В соответствии со ст. 1 ФЗ от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» наилучшая доступная технология – это технология производства продукции (товаров), выполнения работ, оказания услуг, определяемая на основе современных достижений науки и техники и наилучшего сочетания критериев достижения целей охраны окружающей среды при условии наличия технической возможности ее применения. При этом: а) «наилучшие» означают технологии, наиболее эффективные для производства продукции с обязательным достижением установленных уровней сохранения и защиты окружающей среды, в том числе так называемые зеленые технологии; б) «доступные» технологии – это технологии, которые

разработаны настолько, что они могут быть применены в соответствующей отрасли промышленности при условии подтверждения экономической, технической, экологической и социальной целесообразности ее внедрения; в) под технологией понимается как используемая технология, так и способ, метод и прием, которыми производственный объект, включая оборудование, спроектирован, построен, организован, эксплуатируется, выводится из эксплуатации перед его ликвидацией с утилизацией обезвреженных частей и удалением опасных составляющих.

Из приведенного определения наилучшей доступной технологии следует, что НДТ – это по сути та же экойнновация, однако которая обладает признаком доступности, т.е. является доступной для экологопользователя с точки зрения экономической, технической, экологической и социальной целесообразности ее внедрения. Например, в Европейском союзе технология считается экономически приемлемой в том случае, если она используется на 100–200 объектах без сопутствующих государственных субсидий. Оценка доступности обычно не является критерием для квалификации технологии в качестве НДТ; доступность подтверждается эмпирическим путем, т.е. конкретная технология считается доступной, если она уже практически применяется в той или иной отрасли промышленности. В ЕС считается, что если для внедрения потребовалась государственная финансовая поддержка, то говорить о доступности этой технологии для промышленности в целом преждевременно [5]. Таким образом, не всякая экойнновация является НДТ.

В свою очередь, изложенное позволяет сделать вывод о том, что понятия «экойнновация», «новые технологии» и НДТ не являются синонимами, могут отличаться друг от друга как по объему, так и по содержанию. Во избежание терминологической путаницы в нормах действующего российского законодательства представляется необходимым закрепить легальное определение экойнноваций.

Как уже отмечалось выше, принятые в России документы стратегического планирования предусматривают различные меры стимулирования инновационной активности экологопользователей. Однако, как показало исследование, из всех предложенных мер реализованы были только следующие:

1. Меры налоговой политики. Налоговое законодательство предусматривает различные преференции, направленные на стимулирование внедрения налогоплательщиком экойнноваций. Так, плательщику налога на прибыль организаций предоставлено право уменьшать налоговую базу по налогу на прибыль на расходы, осуществленные в связи с научными исследованиями и (или) опытно-конструкторскими разработками, с применением повышающего коэффициента в размере 1,5.

С 2018 г. на основании ст. 286.1 НК РФ, налогоплательщик имеет право уменьшать исчисленную сумму налога на прибыль организаций на сумму расходов, связанных с приобретением (созданием) или модернизацией (реконструкцией) объектов основных средств, при выполнении соответствующих условий (инвестиционный налоговый вычет).

Кроме того, глава 25 НК РФ содержит нормы, предоставляющие возможность применения пониженных налоговых ставок по налогу на прибыль организаций организациям, осуществляющим инвестиции.

Следует также отметить, что с 2019 г. положениями главы 25 НК РФ налогоплательщикам предоставлено право применять специальный коэффициент к основной норме амортизации, но не выше 2, в отношении технологического оборудования, эксплуатируемого в случае применения наилучших доступных технологий, согласно утвержденному Правительством РФ перечню такого оборудования.

Организации, занимающиеся проведением научно-исследовательских или опытно-конструкторских работ либо технического перевооружения собственного производства, направленного на защиту окружающей среды от загрязнения промышленными отходами, а также внедренческой или инновационной деятельностью, в том числе созданием новых или совершенствованием применяемых технологий, созданием новых видов сырья или материалов, имеют право получить инвестиционный налоговый кредит (ст. 67 НК РФ). Данный кредит может быть предоставлен по налогу на прибыль организации, а также по региональным и местным налогам. Сроки кредита составляют от одного года до пяти лет.

В соответствии со ст. 381 НК РФ освобождаются от налогообложения организации – в отношении вновь вводимых объектов, имеющих высокую энергетическую эффективность, в соответствии с перечнем таких объектов, установленным Правительством РФ, или в отношении вновь вводимых объектов, имеющих высокий класс энергетической эффективности, если в отношении таких объектов в соответствии с законодательством РФ предусмотрено определение классов их энергетической эффективности, – в течение трех лет со дня постановки на учет указанного имущества.

2. Введена новая система экологического нормирования и минимизации негативного воздействия на окружающую среду, предусматривающая выдачу предприятиям комплексных экологических разрешений (КЭР) и установление нормативов и планов поэтапного снижения загрязнения до уровней, соответствующих НДТ.

Как показал опыт зарубежных стран (например, Великобритании, США), одним из наиболее действенных подходов по обеспечению высокой ресурсоэффективности экономики и надежного уровня охраны окружающей среды является система экологических разрешений. Эта система направлена на установление органами власти юридически обязательных требований к источникам негативного воздействия на окружающую среду [6]. Как правило, разрешениями устанавливаются предельно допустимые выбросы (сбросы) загрязняющих веществ в окружающую среду до уровней, соответствующих НДТ. В свою очередь, суть НДТ состоит в том, чтобы крупные предприятия ключевых отраслей экономики на законодательном уровне обязывались применять совокупность технологических, технических и управленческих решений, направленных на предотвращение негативного воздействия на окружающую среду,

а если это невозможно, то на сокращение такого воздействия [7. С. 71].

В целях перехода России на новую систему экологического нормирования и выдачи КЭР 21 июля 2014 г. был принят ФЗ № 219-ФЗ «О внесении изменений в ФЗ “Об охране окружающей среды” и отдельные законодательные акты РФ». В соответствии с данным законом с 1 января 2019 г. получение КЭР и внедрение НДТ стали обязательными для объектов, оказывающих значительное негативное воздействие на окружающую среду (далее – объекты НВОС I категории) (см. подробнее: п. 1 ст. 4.2 ФЗ «Об охране окружающей среды»). Перечень таких объектов утвержден Приказом Минприроды России от 18.04.2018 № 154 «Об утверждении перечня объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, относящихся к I категории, вклад которых в суммарные выбросы, сбросы загрязняющих веществ в РФ составляет не менее чем 60 процентов». Всего в него входит 300 объектов.

Для получения КЭР юридические лица и индивидуальные предприниматели, осуществляющие хозяйственную и (или) иную деятельность на объектах НВОС I категории, обязаны обратиться в Федеральную службу по надзору в сфере природопользования (далее – Росприроднадзор) с заявкой на получение КЭР в период с 1 января 2019 г. по 31 декабря 2022 г. включительно. В целях стимулирования перечисленных лиц к получению КЭР, соответственно и к внедрению НДТ, с 1 января 2020 г. вступят в действие меры экономического стимулирования. Так, если сброс или выброс загрязняющих веществ будет произведен в пределах технологических нормативов, то плата не взимается (применяется коэффициент 0), если же идет превышение установленных для объектов НВОС нормативов сброса или выброса, то платежи взимаются в стократном размере.

3. Экологическая сертификация экоиноваций. В России к настоящему моменту разработан ряд национальных стандартов, направленных на стимулирование внедрения экологопользователями экоиноваций. Однако нужно отметить, что в нашей стране данные стандарты не носят обязательного характера, являются добровольным механизмом подтверждения соответствия продукции и процессов экологическим требованиям. В связи с чем в РФ добровольная экологическая сертификация не получила широкого распространения в деятельности хозяйствующих субъектов в отличие от развитых зарубежных стран.

В то же время в сфере «зеленого» строительства добровольная экологическая сертификация получила дополнительный импульс развития при возведении объектов Олимпиады в г. Сочи и проведении Чемпионата мира по футболу FIFA 2018. Так, по международным требованиям объекты Олимпиады должны были соответствовать международным «зеленым» стандартам. В качестве таковых использовались зарубежные стандарты BREEAM и LEED, однако идет работа и над разработкой национальных систем экологической сертификации объектов капитального строительства. Так, в 2009 г. Министерством природных ресурсов и экологии РФ были утверждены крите-

рии системы добровольной экологической сертификации объектов недвижимости. В настоящее время активно развивается экологическая сертификация «умных домов», построенных с применением энергоэффективных материалов и технологий. Система добровольной экологической сертификации зданий и сооружений разработана Национальным объединением строителей (НОСТРОЙ). В 2012 г. зарегистрирован национальный стандарт ГОСТ Р 54964-2012 «Оценка соответствия. Экологические требования к объектам недвижимости» [8].

4. Программный подход в области охраны окружающей среды и природопользования [9. С. 642].

В России в последние годы приобретает особый размах программный подход в области охраны окружающей среды. Эффективность данного подхода была доказана многими зарубежными странами. В частности, последовательные программы действий по охране окружающей среды стали основой деятельности Европейского союза в области окружающей среды с 1973 г. В результате реализации таких «экологических» программ в ЕС были значительно сокращены выбросы загрязняющих веществ в воздух, воду и почву, равно как и выбросы парниковых газов; модернизировано законодательство ЕС по химическим веществам, а использование многих токсичных или опасных веществ, таких как свинец, кадмий и ртуть, ограничено в продуктах, обнаруживаемых в большинстве домашних хозяйствах. В настоящее время в Союзе действует седьмая по счету Программа действий ЕС по охране окружающей среды до 2020 г.

После принятия ГА ООН «Повестки дня на период до 2030 года» Россия занялась ее адаптацией в российскую правовую систему путем встраивания в национальную политику, стратегии и планы. При этом были выделены три основных направления действий: 1) ревизия действующих стратегий и планов на национальном, региональном и локальном уровнях и сопоставление с глобальными целями устойчивого развития и задачами для выявления несоответствия и возможностей изменения; 2) определение своих собственных национальных целей, руководствуясь глобальными целями, но с учетом национальных условий и определение достижимых задач; 3) разработка стратегий и планов, исходя из целей устойчивого развития.

Результатами проделанной работы по адаптации стали следующие документы:

1. Указ Президента РФ № 642 от 01.12.2016 г. «О Стратегии научно-технологического развития РФ». На данный момент утвержден План реализации первого этапа Стратегии научно-технологического развития России, в котором сформулированы фундаментальные заделы, являющиеся основой для развития научно-технологического комплекса. Указанные документы нашли свое отражение в том числе и в Государственной программе «Развитие науки и технологий на 2013–2020 годы», включающей федеральные целевые программы и подпрограммы. Стратегия научно-технологического развития призвана повысить роль фундаментальной науки в реализации политики социально-экономического развития России, создать условия для восстановления научного потен-

циала страны, обеспечить сохранение и развитие ведущих научных школ, воспроизводство и повышение качества кадрового потенциала, включая подготовку кадров высшей квалификации. Среди основных ожидаемых результатов программы к 2020 г.: обеспечение мирового уровня исследований в сфере фундаментальных и поисковых работ с максимальным приближением к уровню стран; создание научно-технологического задела, востребованного секторами экономики; поддержка и развитие национальных исследовательских центров как базовых элементов инновационной системы страны; эффективная интеграция научной, образовательной и инновационной деятельности; интеграция российского научно-технологического комплекса в глобальную инновационную систему и подтверждение статуса Российской Федерации как мировой научной державы.

2. Указ Президента РФ от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 года». Именно в данном акте в результате адаптации «Повестки дня на период до 2030 года» в отечественную правовую систему были определены основные национальные цели развития России, а также национальные проекты (программы), которые должны были быть разработаны Правительством РФ к 1 октября 2018 для достижения поставленных целей.

Примечательно, что в Указе Президента РФ в качестве национальной цели развития России не обозначены проблемы экологии, хотя Правительству РФ и было поручено разработать паспорт национального проекта «Экология».

29 сентября 2018 г. Правительство РФ во исполнение вышеназванного Указа Президента РФ утвердило «Основные направления деятельности Правительства РФ на период до 2024 года», в которых для каждой национальной цели развития РФ был сформирован свой план ее достижения. Так, для ускорения технологического развития РФ, увеличения количества организаций, осуществляющих технологические инновации, до 50 процентов от их общего числа Правительство РФ предложило следующие меры: снятие регулятивных барьеров, связанных с выходом на рынок инновационной продукции и внедрением новых технологических решений; стимулирование внедрения инновационных технологий и продуктов с учетом растущих требований по ресурсосбережению, минимизации негативного экологического воздействия и обеспечения безопасности продукции; содействие развитию дистанционных образовательных программ в сфере технологических инноваций, технологического менеджмента и управления инновационным развитием; содействие расширению доступа к высокотехнологичному оборудованию; применение механизмов государственной поддержки инжиниринговой деятельности.

В соответствии с положениями национального проекта «Экология» Правительство РФ взяло на себя обязательства, направленные на обеспечение высоких стандартов экологического благополучия, в том числе: внедрение экологических стандартов и механизмов контроля, кардинальное снижение уровня загряз-

нения атмосферного воздуха в промышленных центрах, уменьшение не менее чем на 20 процентов совокупного объема выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух в наиболее загрязненных городах; внедрение эффективной системы обращения с отходами производства и потребления, включая ликвидацию всех выявленных на 1 января 2018 г. несанкционированных свалок в границах городов; создание инфраструктуры безопасного обращения с отходами I и II классов опасности; применение всеми объектами, оказывающими значительное негативное воздействие на окружающую среду, системы экологического регулирования, основанной на использовании НДТ; модернизация ТЭЦ, объектов коммунального хозяйства, строительство транспортных обходов и разгрузка городов от транзитных автомобильных потоков, использование экологически чистых видов общественного транспорта и т.д.

Основными недостатками всех перечисленных документов является то, что:

1) они обладают в основном «декларативным» характером, т.е. у них отсутствует действенный механизм реализации;

2) в этих документах не получила своего полного воплощения концепция устойчивого развития: экологические приоритеты не сочетаются с экономическими задачами страны. Кроме этого, отсутствует связь между инновационной деятельностью и устойчивым развитием городов и населенных пунктов, экономическим ростом страны, повышением производительности в экономике, эффективностью использования ресурсов, инновационной модернизацией промышленности и т.д. Иными словами, документы слабо увязывают проблемы экологии и экономического развития России.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что современный уровень экологически ориентированного инновационного развития России является невысоким. С одной стороны, это можно объяснить тем, что Россия в настоящее время находится только на этапе перехода к такому развитию, с другой – очевидна недостаточность существующих мер стимулирования инновационной активности экологопользователей. В этой связи законодатель и исполнительным органам власти необходимо отойти от декларативного подхода правового регулирования отношений в сфере экоинноваций и принять меры, направленные на реализацию идей, предлагаемых в документах стратегического планирования, в том числе путем принятия законов и иных нормативно-правовых актов. В числе таких мер в науке [10. С. 4–7] выделяются следующие:

1) разработка современного механизма формирования государственного заказа на развитие эколого-ориентированных процессов производства и на эколого-ориентированную инновационную продукцию (услуги);

2) совершенствование финансово-экономического обеспечения развития эколого-ориентированной инновационной деятельности, в том числе: совершенствование механизма внебюджетного финансирования государственных закупок научно-технических услуг; развитие механизма рыночного финансирования эко-

лого-ориентированной инновационной деятельности, предусматривающее формирование рынка потребителей эколого-ориентированных инноваций с целью стимулирования платежеспособного спроса на инновации в данной сфере; создание благоприятной атмосферы сотрудничества между научным сообществом и потенциальными потребителями эколого-ориентированных инноваций;

3) формирование и проведение кратко- и среднесрочной государственной поддержки отечественных товаропроизводителей (в том числе на международном рынке), производящих конкурентоспособную инновационную эколого-ориентированную продукцию (услуги) и развивающих эколого-ориентированные производственные процессы. Данная мера предлагает: ориентацию таможенно-тарифной политики на поддержку отечественного производителя эколого-ориентированной инновационной продукции (услуг) и развития эколого-ориентированных инновационных процессов; ориентацию финансово-страховой и кредитной политики на поддержку отечественного производителя эколого-ориентированной инновационной продукции (услуг) и развития эколого-ориентированных инновационных процессов (поставка оборудования в форме товарного кредита, предоставляемого отечественным производителем; создание страхового агентства по защите рисков банков, выдающих кредиты на разработку и производство эколого-ориентированной инновационной продукции (услуг); создание лизинговых компаний с участием централизованно выделенных на федеральном и региональном уровнях государственных инвестиций, ориентированных на продвижение отечественной эколого-ориентированной инновационной продукции (услуг), проч.);

4) развитие национальной интегрированной информационно-коммуникационной инфраструктуры, обеспечивающей формирование единого информационного пространства инновационной деятельности по приоритетным направлениям. Реализация данного предложения предусматривает: развитие единого

национального банка данных производителей и потребителей инноваций по приоритетным и иным направлениям развития науки, технологий и техники; создание системы кодификации инновационных технологий (в том числе в сфере обеспечения экологической безопасности и рационального природопользования) в целях накопления, систематизации и организации широкого доступа к ним пользователей различных категорий, правоприменительного обеспечения инновационной деятельности и эффективного вовлечения их в активный хозяйственный оборот;

5) повышение экологической грамотности и образованности в сфере экологии, рационального природопользования, управления экологической безопасностью в целях увеличения потребительского спроса различных субъектов на эколого-ориентированную продукцию и услуги, пробуждения интереса к предпринимательской деятельности в сфере развития экологического бизнеса по производству и предоставлению инновационной продукции (услуг), расширения участия в инновационной деятельности в сфере обеспечения экологической безопасности и рационального природопользования.

Помимо всего сказанного, в документах стратегического планирования России глубокого переосмысления требует концепция устойчивого развития. Ее основу составляют три компонента: экономический, социальный и экологический, которые должны развиваться во взаимосвязи друг с другом. Экономические мероприятия должны давать как экономические, так и экологические выгоды, которые позволят снизить экологические риски, в том числе истощение природных ресурсов, рост техногенной нагрузки и загрязнение окружающей среды. Другими словами, переход России к устойчивому развитию предполагает взаимосвязанность и последовательность проводимых мер экономического и экологического характера. При условии успешной реализации такого подхода наша страна в ближайшей перспективе сможет перейти на экологически ориентированный путь инновационного развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Mitteilung der Kommission an das Europäische Parlament, den Rat, den Europäischen Wirtschafts- und Sozialausschuss und den Ausschuss der Regionen, Innovation für eine nachhaltige Zukunft – Aktionsplan für Öko-Innovationen (Öko-Innovationsplan), KOM (2011) 899 endg. v. 15.12.2011.
2. Decision № 1386/2013/EU of the European Parliament and of the Council of 20 November 2013 on a General Union Environment Action Programme to 2020. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legalcontent/EN/TXT/?uri=CELEX:32013D1386> (дата обращения: 23.02.2019).
3. Eco-Innovation Observatory. URL: <http://www.eco-innovation.eu/index.php/about-us> (дата обращения: 23.02.2019).
4. Global Competitiveness Index 2017–2018. URL: <http://reports.weforum.org/global-competitiveness-index-2017-2018/appendix-a-methodology-and-computation-of-the-global-competitiveness-index-2017-2018/> (дата обращения: 23.02.2019).
5. Наилучшие доступные технологии. Предотвращение и контроль промышленного загрязнения. Этап 2: Подходы к определению наилучших доступных технологий (НДТ) в странах мира / под ред. Д.О. Скобелева. М. : Управление по окружающей среде, здоровью и безопасности Дирекции по окружающей среде ОЭСР, 2018. 156 с.
6. Greenway A. Roger. Environmental Permitting Handbook. New York : MacCraw Hill, 2000. 1072 p.
7. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2018 год / под ред. С.Н. Бобылева, Л.М. Григорьева. М. : Аналитический центр при Президенте РФ, 2018. 172 с.
8. Акимов Л.Ю., Андриченко Л.В., Артемьева Е.А. и др. Разрешительная система в Российской Федерации: научно-практическое пособие / отв. ред. А.Ф. Ноздрачев. М. : Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ ; ИНФРА-М, 2015. 928 с.
9. Болтанова Е.С. Правовое регулирование общего и специального природопользования в Российской Федерации // Вестник СПбГУ. Право. 2018. Т. 9, вып. 4. С. 640–652.
10. Вишняков Я.Д., Киселева С.П. Совершенствование экономического механизма стимулирования хозяйствующих субъектов к снижению техногенной нагрузки на окружающую среду в условиях инновационного развития // Мир науки. 2014. № 3. С. 1–12.

Статья представлена научной редакцией «Право» 17 июня 2019 г.

Ecological Innovations as a Tool for Russia's Sustainable Development

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 448, 219–225.

DOI: 10.17223/15617793/448/27

Maria P. Imekova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Imekova_Maria@mail.ru

Keywords: ecological innovations; new technologies; best available technologies; sustainable development; green economy; environment.

The article discusses current global trends of sustainable development. The research shows that environmental innovation is one of the main tools for such development. Unlike many foreign countries, Russia has come to an understanding of the need for an accelerated development of eco-innovations relatively recently. Without reliance on these innovations, it is impossible to improve the country's competitiveness and solve the problems of economic and social development. In this regard, in recent years, Russia has developed and approved many strategic planning documents (concepts, strategies and programs), offering various measures to stimulate innovative activity of environmental users. On the basis of these acts, through the application of both general scientific (dialectical, deduction and induction) and private scientific (formal legal, legal interpretation and legal forecasting) methods, the article identifies the current state and prospects for eco-innovation development in the Russian Federation. As the study has shown, the main reason for the ineffectiveness of the adopted strategic planning documents lies in their "declarative" nature, namely, in the absence of an effective mechanism for their implementation. The article substantiates the need to abandon such an approach, and proposes additional measures to stimulate innovative activity of environmental users, such as: development of a modern mechanism for the formation of a state order for the development of environment-oriented production and products (services); short- and medium-term state support for domestic producers; development of a national integrated information and communication infrastructure for a single information space of innovation activities in priority areas, etc. The author of the article concludes that the concept of sustainable development requires a deep rethinking in Russia. This concept has not been fully embodied in Russia's strategic planning documents: the documents weakly link the problems of ecology and economic development. At the same time, the economic, environmental and social components form the basis of this concept. In other words, Russia's transition to sustainable development implies an interconnectedness and consistency of the taken economic and environmental measures. Only if this approach is consistently implemented, will our country be able to switch to an environmentally oriented path of innovative development in the near future.

REFERENCES

1. KOM (2011) *Mitteilung der Kommission an das Europäische Parlament, den Rat, den Europäischen Wirtschafts- und Sozialausschuss und den Ausschuss der Regionen, Innovation für eine nachhaltige Zukunft – Aktionsplan für Öko-Innovationen (Öko-Innovationsplan)*. 899 endg. v. 15.12.2011.
2. EU. (2013) *Decision No. 1386/2013/EU of the European Parliament and of the Council of 20 November 2013 on a General Union Environment Action Programme to 2020*. [Online] Available from: <https://eur-lex.europa.eu/legalcontent/EN/TXT/?uri=CELEX:32013D1386>. (Accessed: 23.02.2019).
3. *Eco-Innovation Observatory*. [Online] Available from: <http://www.eco-innovation.eu/index.php/about-us>. (Accessed: 23.02.2019).
4. World Economic Forum. (2018) *Global Competitiveness Index 2017–2018*. [Online] Available from: <http://reports.weforum.org/global-competitiveness-index-2017-2018/appendix-a-methodology-and-computation-of-the-global-competitiveness-index-2017-2018/>. (Accessed: 23.02.2019).
5. Skobelev, D.O. (ed.) (2018) *Nailuchshie dostupnye tekhnologii. Predotvrashchenie i kontrol' promyshlennogo zagryazneniya. Etap 2: Podkhody k opredeleniyu nailuchshikh dostupnykh tekhnologiy (NDT) v stranakh mira* [The best available technology. Prevention and control of industrial pollution. Stage 2: Approaches to Determining the Best Available Technologies (BAT) in the World]. Moscow: Upravlenie po okruzhayushchey srede, zdorov'yu i bezopasnosti Direktsii po okruzhayushchey srede OESR.
6. Greenway, A.R. (2000) *Environmental Permitting Handbook*. New York: MacCraw Hill.
7. Bobylev, S.N. & Grigor'ev, L.M. (eds) (2018) *Doklad o chelovecheskom razvitiy v Rossiyskoy Federatsii za 2018 god* [Report on human development in the Russian Federation for 2018]. Moscow: Analiticheskiy tsentr pri Prezidente RF.
8. Akimov, L.Yu. et al. (2015) *Razreshitel'naya sistema v Rossiyskoy Federatsii* [The licensing system in the Russian Federation]. Moscow: In-t zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve RF; INFRA-M.
9. Boltanova, E.S. (2018) Legal Regulation of General and Special Nature Management in the Russian Federation. *Vestnik SPbGU. Pravo – Vestnik of Saint Petersburg University. Law*. 9 (4). pp. 640–652. (In Russian).
10. Vishnyakov, Ya.D. & Kiseleva, S.P. (2014) Improvement of the economic mechanism of stimulation of business managing to decrease in technogenic load of environment in the conditions of innovative development. *Mir nauki – World of Science*. 3. pp. 1–12. (In Russian).

Received: 17 June 2019

А.А. Исаева

ПРЕДЕЛЫ СВОБОДЫ СОВЕСТИ В ПРАКТИКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА И КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Излагается подход к пониманию пределов свободы совести. Рассмотрена практика Европейского суда по правам человека и выделены методы определения им таких пределов. Анализу подвергнуты решения Конституционного суда РФ с точки зрения последовательности использования принципа пропорциональности при формулировании его решений. Делается вывод о том, что в России не уделяется существенного внимания выявлению пределов свободы совести, что должно стать объектом реформирования.

Ключевые слова: пределы прав и свобод; свобода совести; свобода вероисповедания; Европейский суд по правам человека; Конституционный суд Российской Федерации.

Свобода совести обладает высоким конституционно-правовым значением, обеспечивая свободу морально-этических воззрений. Она является фундаментальным элементом в иерархии первого поколения прав человека.

В то же время свобода совести дискретна и имеет свою структуру. Ее внешние границы или имманентные пределы объединяют ряд правомочий в сфере выбора системы убеждений для оценки своих деяний, мыслей, явленной действительности и т.п., детерминирующих поступки и деятельность личности. Эти правомочия могут быть прямо перечислены в тексте конституции страны (Беларусь, Венгрия, Индия, Испания, Италия, Македония, Мексика, Нигерия, Пакистан, Польша, Судан, Черногория и т.д.) или раскрываться в отраслевом законодательстве (Алжир, Ливан, Молдова и т.д.). В Российской Федерации часть таких правомочий прямо перечислена в статье 28 Конституции 1993 г. Это, например, право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию; право свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения; право действовать в соответствии со своими убеждениями. Объем свободы совести, или совокупность всех правомочий в выше обозначенной сфере, не бесконечен и очерчен имманентными пределами.

Природа предела свободы совести носит онтологический характер. Само существование свободы совести предполагает наличие определенных пределов, вне зависимости от наличия или отсутствия их конституционного закрепления, в связи с сопряженностью с правовыми возможностями других лиц. Ее закрепление уже предполагает установление некоторых рамок реализации заинтересованным субъектом такой свободы. Эти естественные границы и являются пределами свободы совести, которые представляют собой не ее ограничения, а нормативное содержание и круг правомочий, предопределенный общей целью, тем что можно охарактеризовать как «ядро» свободы совести.

«Ядро» свободы совести – это неприкосновенная часть, в которую недопустимо какое бы то ни было вторжение извне, так как это ведет к размыванию самой сущности свободы совести. Конституционный суд РФ неоднократно в своих решениях подчеркивал,

что ни законодатель, ни правоприменитель, включая суд, не должны посягать на само существование данной свободы [1. С. 7324; 2. С. 6363].

В то же время предел свободы совести объединяет не просто совокупность объединенных «ядром» правомочий. Ее объем в рамках внешних границ гетерогенен и имеет сложную топологию, делимую на части, что определяет внутреннюю структуру свободы совести. Одна из ее частей объединяет в себе правомочия, подвергаемые ограничениям того или иного генезиса. Другая – сфера свободы лица, то есть те возможные проявления личности, которые остаются за исключением ее правовых ограничений. Эта свобода имеет нормативное закрепление, что обеспечивает ее защиту.

Внутренняя структура свободы совести является ее необходимым атрибутом, так как фреймирует (обрамление, упорядочение в удерживаемых жестких рамках) ее ограничения и позволяет обеспечить неприкосновенность самого существа реализуемой свободы.

Границы ограничений свободы совести должны детерминироваться необходимостью, а она может быть различной в конкретных исторических, политических, культурных условиях и т.д. Для установления соответствующей структуры может использоваться толкование самого права – истории его появления, целей и формулы закрепления, места в системе других прав, существующих общественно-политических фактов и т.д. Поэтому в каждой конкретной стране конфигурация составляющих свободы совести будет разной, с необходимостью выдерживать баланс интересов государства, общества, личности и религиозных объединений.

Ограничения свободы совести можно рассматривать как количественное или качественное сужение правомочий данной свободы в ходе ее реализации. В то же время оно не является ее изъятием как таковым. В праксиологическом аспекте ограничения свободы совести представляют собой закрепление эксплицированных пределов рассматриваемой свободы.

Предел свободы совести – это те правомочия, которые охватываются основным правом, а ограничения представляются в виде умаления круга этих правомочий нормами отраслевого законодательства. Исходя

из этого, если какая-то возможность изначально не охватывается свободой совести, то исключаящая ее норма не может рассматриваться как ограничение, что делает в итоге недопустимым требование о ее проверке на допустимость.

Уже на первом этапе анализа допустимости ограничений прав правоприменитель определяет, будет ли конкретная возможность охватываться пределом свободы совести и свободы вероисповедания. И если она подпадает под защиту, то можно использовать тот или иной механизм, например принцип пропорциональности или метод взвешивания интересов, и решать вопрос о допустимости ограничений. Поэтому определение пределов свободы совести приобретает важное практическое значение и должно находить отражение в решениях правоприменительных органов.

Мировой практике известны различные механизмы определения того, были ли права и свободы правомерно ограничены или нарушены в результате ненадлежащего воздействия. За последние пятьдесят лет широкое распространение получил принцип пропорциональности. Сегодня это всеобъемлющий принцип конституционного судопроизводства, предпочтительная процедура разрешения споров, связанных с предполагаемым конфликтом между двумя претензиями в отношении одного права или между предоставлением прав и законным государственным или общественным интересом.

Принцип пропорциональности возник в Германии и распространился по всей Европе, в том числе в посткоммунистических государствах Центральной и Восточной Европы. Он стал востребованным и в Британском Содружестве – Великобритании, Канаде, Южной Африке, Новой Зеландии и в настоящее время вторгается в Центральную и Южную Америку. К концу 1990-х гг. практически все эффективные системы конституционного правосудия в мире, за исключением Соединенных Штатов, восприняли основные элементы принципа пропорциональности. Хотя ученые отмечают сближение немецкой концепции пропорциональности и американской концепции взвешивания аргументов [3. С. 74]. Более того, принцип пропорциональности стал востребованным и на наднациональном уровне в рамках Европейского союза, Совета Европы и Всемирной торговой организации.

Отмечается, что принцип пропорциональности имеет двухэтапную структуру. На первом этапе необходимо установить, что действиями правительства оказалось ограничено какое-либо право, в частности свобода совести и свобода вероисповедания. А второй включает в себя три элемента: во-первых, средство, предназначенное для достижения цели правительства, должно подходить для достижения этой цели (уместность); во-вторых, из всех подходящих должно быть выбрано то средство, которое в наименьшей степени ограничивает право частного лица (необходимость); в-третьих, ущерб частному лицу от ограничения его права должен быть пропорционален выгоде правительства в отношении достижения поставленной цели (пропорциональность в узком смысле) [4; 5. Р. 174–207]. Кроме того, некоторые авторы достаточно часто в качестве самостоятельного элемента или предпо-

сылки анализа пропорциональности рассматривают категорию «легитимной цели», которая активно применяется в практике Европейского суда по правам человека [6. С. 11–31; 7. Р. 8–10.].

Таким образом, исходя из структуры принципа пропорциональности, вопрос о пределах права или свободы ставится уже на первом этапе его применения. Именно здесь определяется, будет ли конкретное правомочие защищаться конституционно закрепленной свободой совести и свободой вероисповедания или нет. И, если она подпадает под защиту, то можно переходить на второй этап и решать вопрос о допустимости ограничений.

Если обратиться к практике Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ, Европейский суд), то его выводы о том, подверглось ли нарушению то или иное право, излагаются как раз в части предшествующей разделу «Предусмотрено законом» (англ. «*Prescribed by law*»), до анализа Европейским судом легитимности цели и пропорциональности вводимых ограничений. То есть текст решения отражает этапы принципа пропорциональности.

Исходя из анализа дел, в которых оспаривались действия правительства, предположительно нарушающие свободу совести, можно выделить три подхода в определении того, было ли в принципе нарушено конкретное право, т.е. три подхода к определению предела свободы совести.

Во-первых, Европейский суд может сослаться на то, что то или иное действие было религиозно мотивированно или вдохновлено религией или верой. Акты, которые ограничивают по месту и способу реализации соответствующие правомочия, являются вмешательством в право заявителя исповедовать свою религию. А именно, если реализация человеком того или иного правомочия, совершение им того или иного действия (бездействия) религиозно мотивированно, то оно подпадает по сферу защиты статьи 9 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, 1950 г. («Свобода мысли, совести и религии») (далее – Конвенция). Часто такая мотивировка использовалась при рассмотрении дел, связанных с ношением религиозной одежды в общественных местах [8, 9, 10].

Во-вторых, в ряде случаев Европейский суд идет по пути раскрытия правомочий, которые охватываются свободой совести, и если в деле одно из них подвергается нарушениям со стороны правительства, то констатируется вмешательство в свободу совести. В этой связи важным оказывается вопрос о перечне правомочий и их интерпретации ЕСПЧ. Как правило, Европейский суд опирается на те правомочия, которые перечислены в части 1 статьи 9 Конвенции, и довольно расширительно их толкует, ведь в некоторых странах, присоединившихся к Конвенции, конституционно гарантирована только свобода вероисповедания (религии), но не свобода совести. В этом случае суду приходится идти на компромиссы. Например, в деле «*Бускарини и другие против Сан-Марино*» [11] ЕСПЧ в начале напомнил, какие правомочия включает свобода религии, *inter alia*, а именно свободу исповедовать любую религию или не исповедовать ника-

кой. А затем, исходя из фактических обстоятельств дела, определил, что в настоящем деле принуждение заявителей Бускарини и Делла Бальда к принятию присяги на Евангелии, безусловно, являлось ограничением в соответствии с пунктом 2 статьи 9 Конвенции, так как их принуждали поклясться в верности определенной религии под страхом лишения парламентских кресел.

Такого же принципа придерживается ЕСПЧ в делах, когда заявители обращались за защитой коллективных прав. В этом случае Европейский суд не просто обращался к тем или иным правомочиям свободы совести, но шел дальше и учитывал последствия оспариваемой правительственной меры для осуществления свободы религии заявителя [12]. Как правило, таким прогнозируемым последствием являлась вообще невозможность коллективного исповедания религии. Например, в деле *«Кимля и другие против России»* Европейский суд отметил, что следствием отказа в регистрации в качестве «религиозной организации» была невозможность регистрации в качестве юридического лица Церкви саентологии Сургута. «В то же время, устоявшаяся прецедентная практика Европейского суда заключается в том, что возможность учреждения юридического лица для совместной деятельности в сфере взаимного интереса представляет собой один из важнейших аспектов свободы объединения, без которого это право лишено всякого значения. Европейский суд ранее признавал, что отказ властей в регистрации группы прямо затрагивает саму группу и ее председателей, учредителей или индивидуальных членов ... В вопросе об организации религиозной общины отказ в ее признании в качестве юридического лица также рассматривался как вмешательство в право на свободу религии с точки зрения статьи 9 Конвенции, осуществляемое самой общиной и ее отдельными членами». Более того, Европейский суд отметил, что в России религиозное объединение не могло получить статуса юридического лица в иной организационно-правовой форме, поэтому было ограничено в ряде прав (право на владение или аренду имущества, использование банковских счетов, наем работников и пользование судебной защитой общины, ее членов и активов), однако они имеют существенное значение для осуществления права исповедовать религию.

На перспективы и варианты возможного поведения Европейский суд указывал и в деле *«С.А.С. и другие против Франции»*, где прямо пишет о том, что заявитель встает перед дилеммой: либо она будет соблюдать запрет и таким образом воздерживаться от одежды, которая соответствует ее религиозным воззрениям, или она отказывается подчиниться закону и будет подвержена уголовному наказанию [13]. Таким образом, в свете статьи 9 и статьи 8 Конвенции она находится в ситуации, которую Европейский суд называет «постоянным вмешательством» в осуществление прав.

В-третьих, в ряде случаев Европейский суд лишь соглашается с заявителем или правительством в том, что нарушение свободы совести имело место [14, 15]. Например, в деле *«Лариссис и другие против Греции»*

в решении закреплено, что «Суд считает, и, по сути, его не оспаривали те, кто выступал перед ним, что судебное преследование, осуждение и наказание заявителей за преступления, связанные с прозелитизмом, равносильно вмешательству в осуществление их прав на “свободу... манифестировать [их]” [16]. Соответственно в подобных случаях лишь презюмируется, что предположительно нарушенная возможность лица охватывается свободой совести.

В России характер вмешательства в реализацию свободы совести оценивается, прежде всего, Конституционным судом РФ. Всего по вопросу о соответствии Конституции 1993 г. Федерального закона РФ от 26.10.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» суд принял 18 решений. Подавляющее большинство из них вынесено в форме определений о признании жалоб не подлежащими дальнейшему рассмотрению. Помимо этого, к положениям статей 14 и 28 Конституции РФ, а также отраслевого законодательства в сфере реализации свободы совести и свободы вероисповедания суд также обращался в связи жалобами на нарушение отдельных прав, например свободы объединений и принципа равноправия в ее реализации [17].

Исходя из анализа решений Конституционного суда РФ, можно заключить, что этот орган не уделяет должного внимания определению пределов свободы совести. Как самостоятельный этап в мотивировочной части постановлений и определений он не прослеживается, в отличие от решений ЕСПЧ. Лишь в редких случаях, например в Постановлении Конституционного суда РФ от 23.11.1999 № 16-П [2], можно увидеть попытку определения – охватываются ли объемом свободы совести те правомочия, на нарушение которых жалуются заявители. Так, в данном случае были рассмотрены жалобы Религиозного общества Свидетелей Иеговы в городе Ярославле и религиозного объединения «Христианская церковь Провославия». Было установлено, что предметом обоих жалоб послужило требование статьи 27 Федерального закона РФ от 26.10.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», которой ранее было предусмотрено, что религиозные организации, не имеющие документа, подтверждающего их существование на соответствующей территории на протяжении не менее 15 лет, пользуются правами юридического лица при условии их ежегодной перерегистрации до наступления указанного пятнадцатилетнего срока и в данный период не пользуются правами, предусмотренными в отношении других религиозных организаций. То есть заявители обжаловали тот факт, что им, как уже имеющим статус юридического лица организациям, который они приобрели согласно положениям ранее действовавшего Закона РСФСР от 25.10.1990 № 267-1 «О свободе вероисповеданий», в связи с принятием нового Федерального закона РФ от 26.10.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», не имея документов, подтверждающих существование на соответствующей территории на протяжении не менее пятнадцати лет, до наступления указанного срока необходимо было ежегодно перерегистрироваться, и в

этот период они не вправе осуществлять деятельность как прочие религиозные организации. В рассматриваемом деле Конституционным судом РФ использовался второй из выявленных приемов. Судебный орган раскрыл правомочия, которые охватываются свободой вероисповедания, применительно к данному делу, а именно определил, что она предполагает свободу создания религиозных объединений и свободу их деятельности на основе принципа юридического равенства. При этом обратил внимание на то, что законодатель вправе урегулировать гражданско-правовое положение религиозных объединений, в том числе условия признания религиозного объединения в качестве юридического лица, порядок его учреждения, создания, государственной регистрации, определить содержание правоспособности религиозных объединений. Далее Конституционный суд РФ дал толкование оспариваемых положений Федерального закона РФ от 26.10.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» и, разделив все религиозные организации на две группы: зарегистрированные до и после вступления в силу закона 1997 г., определил, что права заявителей не нарушались, так как требования нового акта не могут применяться в отношении религиозных объединений, которые уже прошли государственную регистрацию в соответствии с прежними требованиями закона.

Представляется, что в современных условиях высоких стандартов в отношении судебных решений нужно последовательно улучшать качество актов, выносимых российскими судами. Принцип пропорциональности широко используется Конституционным судом РФ. Однако наш орган конституционного нормоконтроля, в отличие от ЕСПЧ, последовательно не придерживается двухэтапной структуры, включающей в втором из них три элемента, а при обосновании своих позиций, как правило, использует стандартные аргументы общего характера, в частности о необходимости достижения соразмерности, справедливости, адекватности, т.е. баланса конституционно защищаемых ценностей. На необходимость соблюдения методики осуществления проверки на пропорциональность обращал свое внимание судья Конституционного суда РФ Г.А. Гаджиев в особом мнении к Постановлению от 15.02.2016 № 3-П [18. С. 1167]. Поэтому принцип пропорциональности в практике Конституционного суда РФ, как правильно отмечает А. Троицкая, «остается практически не раскрытым, несмотря на то, что во многих решениях он был задействован» [19. С. 58]. Рассматриваемая методика, начиная с выявления пределов свободы совести и свободы вероисповедания, должна проводиться целостно и находить отражение в решениях суда, чтобы обеспечить высокий уровень защиты прав и свобод.

ЛИТЕРАТУРА

1. По делу о проверке конституционности положений пункта 5 статьи 16 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» и пункта 5 статьи 19 Закона Республики Татарстан «О свободе совести и о религиозных объединениях» в связи с жалобой Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации: Постановление Конституционного суда РФ от 05.12.2012 № 30-П // Собрание законодательства РФ. 2012. № 51.
2. По делу о проверке конституционности абзацев третьего и четвертого пункта 3 статьи 27 Федерального закона от 26 сентября 1997 года «О свободе совести и о религиозных объединениях» в связи с жалобами Религиозного общества Свидетелей Иеговы в городе Ярославле и религиозного объединения «Христианская церковь Прославления»: постановление Конституционного Суда РФ от 23.11.1999 № 16-П // Собрание законодательства РФ. 1999. № 51.
3. Коэн-Элия М., Порат И. Американский метод взвешивания интересов и немецкий тест на пропорциональность: исторические корни // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 3 (82).
4. Alexy R. A Theory of Constitutional Rights. Oxford ; New York : Oxford University Press, 2002.
5. Rivers J. Proportionality and Variable Intensity of Review // Cambridge Law Journal. 2006. Vol. 65, № 1.
6. Должиков А.В. «Гордость и предубеждение»: соразмерность полного конституционного запрета заключенным голосовать в России. Постановление Европейского суда по правам человека от 4 июля 2013 года // Международное правосудие. 2013. № 4.
7. Matthias Klatt M., Meister M. The Structure of the Proportionality Test. Oxford : Oxford University Press, 2012.
8. European Court of Human Rights. Judgment of 10 November 2005. Leyla Şahin v. Turkey, Application no. 44774/98. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-70956> (дата обращения: 01.09.2019).
9. European Court of Human Rights. Judgment of 10 January 2017. Osmanoglu and Kocabaş v. Switzerland, Application no. 29086/12. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-170436> (дата обращения: 01.09.2019).
10. European Court of Human Rights. Judgment of 4 December 2008. Dogru v. France, Application no. 27058/05. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-90039> (дата обращения: 01.09.2019).
11. European Convention on Human Rights. Judgment of 18 February 1999. Buscarini and Others v. San Marino, Application no. 24645/94. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58915> (дата обращения: 01.09.2019).
12. Cour Européenne Des Droits De Affaire Genov c. Bulgarie, Requête no 40524/08. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-172133> (дата обращения: 01.09.2019).
13. European Court of Human Rights. Judgment of 1 July 2014. S.A.S. v. France, Application no. 43835/11. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-145466> (дата обращения: 01.09.2019).
14. European Court of Human Rights. Judgment of 30 March 1989. Chappell v. United Kingdom, Application no. 10461/83. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57459> (дата обращения: 01.09.2019).
15. European Convention on Human Rights. Judgment of 5 December 2017. Hamidović v. Bosnia and Herzegovina, Application no. 57792/15. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-179219> (дата обращения: 01.09.2019).
16. European Convention on Human Rights. Judgment of 24 February 1998. Larissis and Others v. Greece, Application no. 23372/94. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58139> (дата обращения: 01.09.2019).
17. По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 9 Федерального закона «О политических партиях» в связи с запросом Коптевского районного суда города Москвы, жалобами общероссийской общественной политической организации «Православная партия России» и граждан И.В. Артемова и Д.А. Савина»: постановление Конституционного Суда РФ от 15.12.2004 № 18-П // Собрание законодательства РФ. 2004. № 51.

18. По делу о проверке конституционности положений части 9 статьи 3 Федерального закона «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Е.В. Потоцкого»: постановление Конституционного Суда РФ от 15.02.2016 № 3-П // Собрание законодательства РФ. 2016. № 8.
19. Троицкая А. Пределы прав и абсолютные права: за рамками принципа пропорциональности? Теоретические вопросы и практика Конституционного Суда РФ // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 2 (105).

Статья представлена научной редакцией «Право» 6 сентября 2019 г.

The Limits of Freedom of Conscience in the Practice of the European Court of Human Rights and the Constitutional Court of the Russian Federation

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 448, 226–231.

DOI: 10.17223/15617793/448/28

Anastasia A. Isaeva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tess@mail2000.ru

Keywords: limits of rights and freedoms; freedom of conscience; freedom of religion; European Court of Human Rights; Constitutional Court of the Russian Federation.

In this study, the author addresses the issue of mechanisms for determining the limits of freedom of conscience and freedom of religion in decisions of the judiciary. The article focuses on the essential characteristic of the limits of freedom of conscience, their relationship with related concepts (restrictions, interventions) and their significance in the application of the proportionality test by the European Court of Human Rights and the Constitutional Court of the Russian Federation. The aim of this article is to identify the main approaches to determining the limits of freedom of conscience and freedom of religion and the possibility of their use in the practice of the judicial authorities of Russia. The study is based on the theoretical material of the works of domestic (A. Troitskaya, A. Dolzhikova, and others) and foreign (R. Alexy, M. Cohen-Eliya, I. Porat, J. Rivers, and others) researchers. The legislation of the Russian Federation, the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and of the European Court of Human Rights were also used. The methodological basis of the study was dialectic, comparative legal and formal legal methods. In particular, the use of the dialectical method contributed to the study of law enforcement problems at different stages of the development of legislation on religious associations in Russia. The use of comparative legal and formal legal methods helped to identify approaches to determining the limits of freedom of conscience and freedom of religion, the prospects for their use in Russia. As a result, the author comes to the conclusion that freedom of conscience is discrete and has its own structure. Its external borders unite a number of competencies in the field of choosing a belief system for evaluating one's actions, thoughts, phenomena of reality, etc., which determine the actions and activities of an individual. The powers constituting the scope of freedom of conscience could be subject to restrictions. The admissibility of their legislative introduction is checked by the judicial authorities using various methods: the principle of weighing interests, the proportionality test. In the framework of the activities of the European Court of Human Rights, the proportionality test is consistently used, which is reflected in the structure of decisions of this body. It is established that the Constitutional Court of the Russian Federation uses certain elements of the proportionality test, but the mechanism is not holistically applied, which is also reflected in the texts of its decisions. It seems that this circumstance does not allow to adequately protect freedom of conscience of both people and religious associations and should be subjected to reforms.

REFERENCES

1. Russian Federation. (2012) Po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniy punkta 5 stat'i 16 Federal'nogo zakona "O svobode sovesti i o religioznykh ob'edineniyakh" i punkta 5 stat'i 19 Zakona Respubliki Tatarstan "O svobode sovesti i o religioznykh ob'edineniyakh" v svyazi s zhaloboy Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossiyskoy Federatsii: Postanovlenie Konstitutsionnogo suda RF ot 05.12.2012 № 30-P [In the case of the verification of the constitutionality of the provisions of Clause 5 of Article 16 of the Federal Law "On Freedom of Conscience and Religious Associations" and Paragraph 5 of Article 19 of the Law of the Republic of Tatarstan "On Freedom of Conscience and Religious Associations" in connection with the complaint of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 30-P of 05 December 2012]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 51.
2. Russian Federation. (1999) Po delu o proverke konstitutsionnosti abtazev tret'ego i chetvertogo punkta 3 stat'i 27 Federal'nogo zakona ot 26 sentyabrya 1997 goda "O svobode sovesti i o religioznykh ob'edineniyakh" v svyazi s zhalobami Religioznogo obshchestva Svideteley Iegovy v gorode Yaroslavle i religioznogo ob'edineniya "Khristianskaya tserkov" Proslavleniya": postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 23.11.1999 № 16-P [In the case of the verification of the constitutionality of Paragraphs 3 and 4 of Clause 3 of Article 27 of the Federal Law of 26 September 1997 "On Freedom of Conscience and Religious Associations" in connection with complaints by the Religious Society of Jehovah's Witnesses in Yaroslavl and the religious association Christian Church of Glorification: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 16-P of 23 November 1999]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 51.
3. Cohen-Eliya, M. & Porat, I. (2011) Amerikanskiy metod vzveshivaniya interesov i nemetskiy test na proporsional'nost': istoricheskie komi [The American method of weighing interests and the German test of proportionality: Historical roots]. Translated from English. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. 3 (82).
4. Alexy, R. (2002) *A Theory of Constitutional Rights*. Oxford; New York: Oxford University Press.
5. Rivers, J. (2006) Proportionality and Variable Intensity of Review. *Cambridge Law Journal*. 65 (1).
6. Dolzhikov, A. V. (2013) "Pride and Prejudice": Proportionality of Blanket Constitutional Ban on the Right to Vote for Detained Persons in Russia. Judgment of the European Court of Human Rights of 4 July 2013. *Mezhdunarodnoe pravosudie*. 4. (In Russian).
7. Matthias Klatt, M. & Meister, M. (2012) *The Structure of the Proportionality Test*. Oxford: Oxford University Press.
8. European Court of Human Rights. (2005) *Judgment of 10 November 2005. Leyla Şahin v. Turkey, Application no. 44774/98*. [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-70956>. (Accessed: 01.09.2019).
9. European Court of Human Rights. (2017) *Judgment of 10 January 2017. Osmanoglu and Kocabaş v. Switzerland, Application no. 29086/12*. [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-170436>. (Accessed: 01.09.2019).
10. European Court of Human Rights. (2008) *Judgment of 4 December 2008. Dogru v. France, Application no. 27058/05*. [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-90039>. (Accessed: 01.09.2019).
11. European Convention on Human Rights. (1999) *Judgment of 18 February 1999. Buscarini and Others v. San Marino, Application no. 24645/94*. [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58915>. (Accessed: 01.09.2019).
12. Cour Européenne Des Droits De l'Homme. (2017) *Affaire Genov c. Bulgarie, Requête no 40524/08*. [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-172133>. (Accessed: 01.09.2019).
13. European Court of Human Rights. (2014) *Judgment of 1 July 2014. S.A.S. v. France, Application no. 43835/11*. [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-145466>. (Accessed: 01.09.2019).

14. European Court of Human Rights. (1989) *Judgment of 30 March 1989. Chappell v. United Kingdom, Application no. 10461/83*. [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57459>. (Accessed: 01.09.2019).
15. European Convention on Human Rights. (2017) *Judgment of 5 December 2017. Hamidović v. Bosnia and Herzegovina, Application no. 57792/15*. [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-179219>. (Accessed: 01.09.2019).
16. European Convention on Human Rights. (1998) *Judgment of 24 February 1998. Larissis and Others v. Greece, Application no. 23372/94*. [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58139>. (Accessed: 01.09.2019).
17. Russian Federation. (2004) Po delu o proverke konstitutsionnosti punkta 3 stat' i 9 Federal'nogo zakona "O politicheskikh partiyakh" v svyazi s zaprosom Koptevskogo rayonnogo suda goroda Moskvy, zhalobami obshcherossiyskoy obshchestvennoy politicheskoy organizatsii "Pravoslav'naya partiya Rossii" i grazhdan I.V. Artemova i D.A. Savina": postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 15.12.2004 № 18-P [In the case of the verification of the constitutionality of Clause 3 of Article 9 of the Federal Law "On Political Parties" in connection with the request of the Koptevsky District Court of Moscow, complaints by the all-Russian public political organization Orthodox Party of Russia and citizens I.V. Artemov and D.A. Savin": Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 18-P of 15 December 2004]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 51.
18. Russian Federation. (2016) Po delu o proverke konstitutsionnosti polozeniy chasti 9 stat' i 3 Federal'nogo zakona "O vnesenii izmeneniy v podrazdely 4 i 5 razdela I chasti pervoy i stat'yu 1153 chasti tret'ey Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii" v svyazi s zhaloboy grazhdanina E.V. Pototskogo": postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 15.02.2016 № 3-P [In the case of the verification of the constitutionality of the provisions of Part 9 of Article 3 of the Federal Law "On Amendments to Subsections 4 and 5 of Section I of Part One and Article 1153 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation" in connection with a complaint of citizen E.V. Pototskiy": Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 3-P of 15 February 2016]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 8.
19. Troitskaya, A. (2015) Predely prav i absolutnyye prava: za ramkami printsipa proporsional'nosti? Teoreticheskie voprosy i praktika Konstitutsionnogo Suda RF [The limits of rights and absolute rights: beyond the principle of proportionality? Theoretical issues and practice of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. 2 (105).

Received: 06 September 2019

М.А. Кожевина

НИКОЛАЙ АНДРИАНОВИЧ НЕКЛЮДОВ В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КРИМИНОЛОГИИ

Рассмотрена роль уголовной статистики как основополагающего компонента криминологического исследования. Анализу подвергнута концепция Н.А. Неклюдова об уголовной статистике как социокультурном феномене и как научно обоснованной методологии. Делается вывод о том, что уголовная статистика, обладая познавательным потенциалом, способна эффективно воздействовать на выбор уголовно-правовой стратегии государства и на правовую (отраслевую: уголовную, административную и т.п.) политику.

Ключевые слова: история криминологии; Н.А. Неклюдов; уголовная политика; уголовная статистика; философия преступления; методология науки.

Становление и развитие криминологии как научного направления в отечественном правоведении тесно связано с поиском в XIX столетии новой парадигмы познания права, что в значительной степени сопоставимо с состоянием криминологии начала XXI в., когда поиск новых подходов к изучению преступности и преступника не только не прекратился, но еще в большей степени приобрел многоаспектный характер [1. С. 8–13]. Как нам кажется, выстраивание параллелей в историческом и современном контексте порой приносит больший эффект в поиске, чем взгляд исследователя, дистанцированного от «устаревшего» знания о правовой действительности и ориентированного на современные технологии научного познания. Некоторые концепты, прозвучавшие в процессе формирования науки как юридические открытия, со временем ставшие, казалось бы, аксиомами, не только не утратили своей актуальности, а требуют своего дальнейшего осмысления и, возможно, нового звучания. В ряду таких актуализированных тем мы бы выделили уголовную статистику.

Известно, что уголовная статистика, как метод изучения преступности и контроля над ней, активно применялась еще в имперской России. Считается, что начало научному обоснованию русской уголовной и судебной статистики было положено запиской «О законоположении», представленной в 1801 г. в комиссию по выработке законов А.Н. Радищевым. Именно А.Н. Радищев указал на связь законотворчества и статистики, объемлющей «наблюдения общественной жизни» в количественном выражении, определяя последнюю как средство для создания эффективного закона [2. С. 52]. Идея для своего времени была более чем передовая, так как открытия в западноевропейской науке в сфере статистики вообще и в уголовной статистики в частности свершатся лишь через три десятка лет. Скорее всего этот факт сказался и на специфике развития отечественной юридической статистики как научной дисциплины. Ориентируясь на государственный опыт (министерства юстиции, министерства внутренних дел, министерства полиции) статистического учета, российское юридическое общество определило для себя в качестве основного метода научную критику зарубежных исследований. Намечившаяся тенденция в полной мере вписывалась

в отечественную традицию правового мышления середины – второй половины XIX в.

Напомним, что догматическая юриспруденция доминировала в XVII – в первой половине XVIII. Во второй половине столетия, а в большей степени в XIX в. она уступила свои позиции философскому направлению в науке. Образцом для подражания в начале пути была западноевропейская правовая традиция. Философская рефлексия западноевропейского правового сознания проявлялась в последовательной смене различных школ права: естественно-правовой, исторической юриспруденции, затем социологической юриспруденции, которая к концу периода стала определяющей [3. С. 29].

Научное российское сообщество активно реагировало на эти изменения, например, Г.Ф. Шершеневич указывал на то, что «в первое время мы находимся в области естественного права, в той форме, как оно разрабатывалось германской и французской наукой. Потом на смену ему является историческое направление, долго державшее в своих руках русскую мысль, пока в последнее время не появились зачатки нового направления, в духе историко-философской школы. Русская наука проявляет замечательную чуткость и восприимчивость ко всяким новым веяниям западной науки, и чуть зародившееся на Западе направление, еще не окрепшее на отечественной почве, непременно находит сторонников и пропагандистов среди русских ученых. В этом заключается вместе и сила, и слабость русской науки» [4. С. 26].

Однако, на наш взгляд, слабость отечественной науки проявилась лишь в начале периода, когда превалировало слепое копирование западного опыта. Во второй половине XIX столетия отечественные правоведы, приобретая собственный исследовательский опыт, уже критически воспринимали западную правовую традицию, выделяли ее особенности и соотносили с российской правовой действительностью [5. С. 47–48]. Появившиеся в 1865 г. «Уголовно-статистические этюды», магистерская диссертация Николая Андриановича Неклюдова (1840–1896 гг.) [6], неопровержимо доказывали этот факт.

Молодой ученый выстраивал свои рассуждения, апеллируя к работам основоположников европейской уголовной статистики, прежде всего к научному труду Адольфа Кетле (1796–1874 гг.) «О человеке и раз-

витии его способностей, или Опыт социальной физики» (1835 г.), а также акцентировал внимание на философских размышлениях Андре-Мишеля Герри (1802–1866 гг.). Отдавая должное заслугам ученых, он одновременно подвергал серьезной критике некоторые предложенные ими выводы, логично выстраивая аргументы и доказательства в пользу иного видения уголовной статистики. Он пишет: «Я не стану распространяться о достоинствах этих сочинений, ибо они сами говорят за себя. Я остановлюсь только на общем их недостатке по отношению к уголовному праву» [б. С. 35–36].

Этот недостаток он связывал с отсутствием соответствующей методики и технологии исследования. Последняя позволяла бы осуществить последовательность и плановость изыскания, установить критерии, на основе которых начиналось бы изучение преступности и преступника. В качестве «исходного пункта» он предлагал определить возраст человека, который, по мнению ученого, аккумулирует всю полноту духовных и физических свойств человека, а также позволяет установить взаимосвязи и степень взаимозависимости человеческого поведения и внешней среды, в которой это поведение проявляется [Там же. С. 36].

Следует отметить, что современная криминология, спустя более 150 лет, не только не отказалась от этого критерия аналитики, а воспринимает его аксиоматично, вовлекает его как обязательный в криминологическую характеристику исследуемых объектов [1. С. 167].

Но главная заслуга Н.А. Неклюдова, позволяю утверждать, заключается не только и не столько в предложенной методике изучения криминогенных ситуаций, а в системном взгляде в контексте обозначенного аспекта на уголовную статистику как научно обоснованную методологию. И именно этот взгляд на науку не утратил своей актуальности, несмотря на прошедшее время. Свой подход к статистическому исследованию преступности и преступника Николай Андрианович предваряет дискуссией с западноевропейскими учеными о том, что есть уголовная статистика, каково ее предназначение, каковы ее цели и задачи и каким образом они решаются исследователем, каковы возможности статистического метода познания, как уголовная статистика связана с уголовной политикой государства, в какой степени она способна воздействовать на нее?

Центральным звеном концепции является понятие уголовной статистики: «Уголовная статистика, – пишет автор работы, – есть выраженный цифрами отчет о преступных и безнравственных действиях какого-либо народа или каких-либо народов. Всякое число или цифра имеет то характеристическое свойство, что она в состоянии выражать собою не только *количественность*, но и *качественность* (здесь и далее курсив Н.А. Неклюдова. – М.К.), не только сумму деяний, но и их характер. Следовательно, уголовная статистика есть одновременный отчет не только о *степени* безнравственной и преступной жизни, но и о ее *характере и свойствах*» [б. С. 3]. Указывая на все качественные и количественные свойства статистических данных, он заключает, что «наука, занимающаяся исследованием преступления на основании данных уго-

ловой статистики, есть *философия преступления как деяния*» [б. С. 3]. Таким образом, ученый определяет основной научный подход к изучению безнравственного и преступного деяния – философский, позволяющий взглянуть на преступную жизнь как на явление, имеющее причины возникновения, формы проявления, условия существования и видоизменения как количественные, так и качественные.

Философию вообще ученый воспринимает как сложное познавательное средство, способствующее достижению научной цели. Он выделяет философию преступления субъективную или философию уголовного права, посредством которой выявляются отношения, в которых «находится преступное действие к нашему духу», т.е. умышленное ли это действие согласно «злой воле и произволу свободного лица» или неизбежный «рок судьбы». А также философию преступления объективную, задача которой исследовать те отношения, «в которых стоит преступное действие *к внешнему миру*, т.е. рассмотреть те *внешние* условия, при которых произвол лица, его злая воля, или что-либо тому подобное имеют наиболее шансов к воплощению себя во внешнем мире, наиболее склонности употребить свои духовные силы и способности на злое дело» [Там же. С. 4].

И далее молодой юрист-исследователь (к тому времени не имеющий достаточного опыта государственной деятельности) делает концептуально важное заключение о том, что цель объективной философии преступления, руководствуясь статистическими данными, собранными *самим государством*, «служить помощницею или правой рукою *уголовной политике государства*», «содействовать отправлению уголовной политики через указания какие меры должны быть приняты и какая из принимающихся наиболее сродны к пресечению преступлений». Она «дает государству твердую точку опоры и ручательство в том, что всякая его издержка», направленная на улучшение жизни и быта общества, будет «*благодетельной реформой*» в решении задачи превенции преступности [Там же. С. 5].

Таким образом, анализируя вышеизложенное, несмотря на некоторую идеализацию уголовной статистики, можно выделить несколько важных и не утративших своей научной значимости положений. Во-первых, уголовная статистика как метод научного познания является одним из основополагающих компонентов криминологического исследования. Во-вторых, статистические данные в основе своей объективны, поэтому позволяют выявить как количественные, так и на основе контент-анализа качественные характеристики «преступной жизни». В-третьих, уголовная статистика дает комплексное видение этой жизни, в которой есть человек с его внутренним миром и среда, в которой он обитает и которая воздействует на его поведение. И, в-четвертых, уголовная статистика, обладая всем этим познавательным потенциалом, способна воздействовать на выбор уголовно-правовой стратегии государства и на правовую (отраслевую: уголовную, административную и т.п.) политику.

Что касается последней, то, как нам кажется, термин «уголовная политика государства», приближен-

ный к современному звучанию, в научный оборот отечественной юриспруденции вводится впервые именно Н.А. Неклюдовым. Повышенный интерес к этой проблеме проявится позже, к концу XIX – началу XX столетия. Именно тогда выйдут не безызвестные труды М.П. Чубинского [7, 8] и С.К. Гогеля по уголовной политике [9], а также Л.И. Петражицкого по гражданской политике [10]¹ и др.

Тема правовой политики на пике научного интереса и сегодня. Российское юридическое сообщество дискутирует не только по общетеоретическим вопросам – что понимается под правовой политикой, каковы ее стратегия и тактика, каким образом она формируется и реализуется, какие факторы способствуют ее эффективности и т.д. [11–13], но научное сообщество отраслевых наук не в меньшей степени заинтересовано в решении обозначенных вопросов в контексте задач отдельных отраслей права. В этой связи поднимается и тема о межотраслевых связях и методах познания [14–18], об использовании зарубежного опыта [19–21]. Однако научные дискуссии порой очень далеки от правовой действительности и государственного правотворчества [1, 22, 23]. Как следствие, в отдельных случаях появляется малоэффективное законодательство, которое подвергается постоянной редакции, вносимые изменения и дополнения являются сиюминутной реакцией на меняющиеся общественные отношения, на пробел в законе или правовую коллизию. Мнение и рекомендации ученых в малой степени учитываются, а криминологические изыскания порой используются как подтверждение тому, как не надо было делать [1. С. 36]. Следует отметить, что столь специфическая традиция взаимодействия законодателя и ученых в России сложилась еще в имперский период. Например, А.Г. Станиславский отмечал в середине XIX в.: «Между тем как в других государствах успехи законодательства вызывали нередко деятельность общественной власти к усовершенствованию законодательства, в России наоборот, по мере того как слагались и совершенствовались законы, и учение о них приобретало большее значение и подвигалось вперед – такова отличительная черта Русского законодательства» [24. С. 29]. Или Г.С. Фельдштейн пишет: «Из истории права Запада мы знаем, что зачастую ученая деятельность юристов не только вела за собой законодательство, но и вкладывало в него определенное содержание, в русском праве ученая разработка права играла роль вторичную. При таких условиях деятельность официальных органов, направленная на выработку проекта закона, на кодификацию и проч., выступала суррогатом деятельности научной и, отражая на себе научное влияние юристов и законодательств соседних стран, являлась в то же время очень часто как бы равнодействующей определенных практических целей законодателя и научной доктрины...» [25. С. 4].

К сожалению, эта традиция находится в тренде и в наши дни. Тем более звучат по-современному слова Н.А. Неклюдова о том, что «уголовная политика государства, основанная на уголовной статистике, будет *государственная мудрость*, против которой бессильна всякая борьба, потому что каждая такая мера, каж-

дый такой закон будет, по прекрасному выражению Цицерона, “nonlata, sednata”, т.е. не созданным искусственно, а выбранным жизнью, – а жизнь не может противодействовать своим же собственным потребностям и благу!» [6. С. 5].

Определяя главное предназначение философии преступления, опирающейся на уголовную статистику («имеет своим предметом... не отношение преступления к нашему духу, а отношение его к внешнему миру...»), ученый раскрывает и свое понимание оснований последней. «Основание или исходный пункт статистики, – пишет он, – весьма прост и понятен: *нет действия без причины*. В этом факте сходятся между собою люди всех школ и партий...» [Там же. С. 6]. При этом отграничивает причины внутренние («злую волю») и причины внешние (*внешние условия*). Первые, по мнению Н.А. Неклюдова, «весьма трудно» или «совершенно» не поддаются исследованию, то вторые «могут быть удобно взвешены, измеримы и сочтены, словом наблюдаемы» [Там же. С. 7]. Таким образом государство приобретает относительно надежный и объективный источник для формирования уголовной политики, ее вместе с уголовной статистикой автор определяет как «достояние новейшей **культуры** (выделено нами. – М.К.)» [Там же. С. 8]. Это заключение имеет глубокий смысл и непреходящее значение не только для развития криминологии как науки, а для юридической науки и практики в целом. Правовая политика государства, как нам кажется, есть одна из форм проявления определенного уровня политической и правовой культуры общества, следовательно, и уровня самой жизни этого общества. И если статистика указывает на внешние причины, поддерживающие низкий уровень жизни, высокий уровень преступности, то становится очевидной слабость и инертность государства.

Молодой ученый оптимистично приходит к выводу, что высоко организованное государство посредством правовой (или уголовной) политики может предопределить будущее, опираясь на достаточно развитую правовую культуру общества, системно изменять условия, не только пресекающие, но и истребляющие преступность. Он выделяет совокупность мер, которые выполняют превентивную и репрессивную задачи. К первым относит наказание, как средство «парализующее зло», т.е. воздействующее на внутренние условия преступления, и это, он считает, дело суда. Ко вторым относит уголовную политику, которая предназначена для выявления и «истребления самих причин, изменения характера самих факторов преступления» [Там же. С. 234–235]. Исследователь выделяет пять групп факторов, которые, на его взгляд, в первую очередь должны быть подвержены «наблюдению» и учтены государством в процессе выработки уголовной политики. В основе градации лежит ранее указанный критерий – возраст правонарушителя. Вот эти группы – «1) порядок управления; 2) неразвитость и неопытность организма; 3) отсутствие попечения, как умственного, так и материального; 4) характер человека; 5) имущественные отношения» [Там же. С. 235]. Раскрывая содержание каждой группы факторов, он указывает и пути («лекарства против») изме-

нения внешних условий для преступности. В их числе ширококомасштабные «реформы общественного строя», «воспитание и надзор», «обучение занятиям, труду и улучшению материального быта». «Вот те орудия, которыми может быть парализована злая воля» [6. С. 248], – убежден Н.А. Неклюдов.

Заметим, что простые и не двусмысленные, но в то же время не обделенные большой глубиной и нравственным началом «рецепты» воздействия на источники преступности не только не утратили своей значимости, а остаются современными, и вряд ли к ним можно добавить что-то новое. Николай Андрианович Неклюдов, завершая свой первый большой научный труд, выразил надежду, что если «удалось указать на связь причин и следствия, так сказать на внутреннюю логику явлений; если... удалось показать, что преступление, как явление людское, общественное, находится в тесной связи с другими функциями человеческого организма, если, наконец, несколько тысяч сделанных... вычислений окажут, хотя малейшую подмогу какому-нибудь криминалисту – то я почту себя вполне удовлетворенным» [Там же. С. 250].

Смею утверждать, что надежды оправдались, системный взгляд молодого ученого на преступность и первая в отечественной юридической науке широкая постановка криминологических проблем не только не остались незамеченными, а получили поддержку и продолжение, остаются ориентиром в криминологических исследованиях и сегодня. К примеру, в основу информационной модели преступности положен постулат об основополагающей роли уголовной статистики в формировании уголовной политики государства. Л.В. Кондратюк и В.С. Овчинский придали ему современное звучание. Они пишут: «Если говорить о “мире” наиболее тяжелой человеческой деструктивности, т.е. преступности, то представление о размере и свойствах этого “мира”, а также о том, как он управляется (как “сдерживается”, что ему противостоит, какова эффективность “управления” этим миром и т.д.), должна давать *статистика уголовной юстиции* (здесь и далее курсив авторов. – М.К.)». И продолжают: «Поскольку уголовное правосудие (уголовная юстиция) представляет собой систему правовых институтов и функционально систематизированную совокупность государственных органов, а также (что несомненно в системе развитого правосудия) общественных организаций, то *и статистика уголовной юстиции представляет собой системную инфраструктуру юстиции, имеющую познавательную и управленческую функцию*» [1. С. 117].

В заключение отметим, что уникальное явление в отечественной юридической науке – Николай Андрианович Неклюдов – по достоинству было оценено его современниками [26]. Он ученик В.Д. Спасовича и К.Д. Кавелина. Первый из них назвал его «восходящим светилом», а второй автором, погруженным «в поэзию науки». В речи, произнесенной на заседании уголовного отделения юридического общества при Санкт-Петербургском университете в 1897 г., посвященной памяти Н.А. Неклюдова, профессор В.Д. Спасович с теплом вспоминал «годы самого кипучего движения жизни мысли, дела, которое раз только и

было исполнено Россией в начале шестидесятых годов», связывая эти годы с одним из талантливых своих учеников, о котором вспоминал с не меньшим теплом и любовью. «На всех курсах и публичных лекциях, – писал он, – и на всех сходах видна впереди других и сразу бросается в глаза, и врезается в память фигура молодого человека высокого, сухощавого, с весьма смуглым, почти оливкового цвета лицом, с черными как смоль откинутыми назад волосами, с горящими как две свечки глазами и руками обыкновенно скрещенными на груди. Тип лица, в особенности рассматриваемый в профиле, напоминал мне изображения, начертанные на египетских обелисках и памятниках, тип молодого красивого египтянина. В выражении лица не замечалось никакой нежности, никакой мечтательности, оно поражало бойкостью, энергией и напряженностью внимания. Этот молодой человек и был Неклюдов, саратовец или симбирец, не знаю, родившийся в 1840 г. и поступивший сначала на физико-математический факультет, а уже потом перешедший на юридический» [26. С. 35].

По окончании университета Н.А. Неклюдов проходил стажировку в университетах Франции и Германии. Вернувшись, представил ученому сообществу магистерскую диссертацию «Уголовно-статистические этюды». Значительно позже один из учеников Николая Андриановича, а затем коллега, ординарный профессор военно-юридической академии В.Д. Кузьмин-Караваев указывал на непреходящее методологическое значение труда, написанного еще молодым и не очень опытным исследователем, считая, что тот «придал статистическому методу исследования науки уголовного права исключительное значение» [27. С. 488]. В.Д. Спасович несколько ранее писал об «Уголовно-статистических этюдах» Н.А. Неклюдова: «Литература обогатилась трудом замечательным. Явился не юноша, а зрелый муж во всеоружии таланта, в совершенстве владеющий новым методом исследования и не лишенный некоторой самоуверенности и беззастенчивости, которые могут и не понравиться ученому ареопагу, но украшают молодого бойца...» [Там же. С. 37].

Последующая жизнь Н.А. Неклюдова была связана с государственной деятельностью, в которой в полной мере проявились его ум, талант и «бойцовские» качества. В 1866 г. он становится мировым судьей Санкт-Петербурга, затем председателем столичного съезда мировых судей, затем служба в Министерстве юстиции (1871 г.), в Сенате в качестве обер-прокурора уголовного кассационного департамента (1878 г.), в качестве товарища государственного секретаря (1885 г.) и в Министерстве внутренних дел в должности товарища министра внутренних дел (1895 г.). Из жизни Николай Андрианович ушел фактически в расцвете своих творческих сил, в возрасте 46 лет. Однако успел, несмотря на государственную занятость, оставить многочисленные труды по уголовному процессу и уголовному праву [28–30]. «Суждения Н.А. Неклюдова всегда оригинальны. Анализ каждого явления, каждого положения всегда доведен до конца, – характеризовал его научный вклад В.Д. Кузьмин-Караваев. – Ход мысли всегда так логичен, что не поддаться ему не

возможно. В способности умело классифицировать материал, сводить его в отделы и рубрики по строго продуманной, и не сложной, а всегда ясной, простой системе он мало имел равных. Здесь, несомненно, сказался в нем математик. Изложение его всегда увлекательное, блестящее. Язык точный и образный. Сравнения положительно великолепны. Они великолепны по своему бесконечному разнообразию (в тексте уголовно-статистических этюдов есть и эллипсисы, и треугольники) по неожиданности, смелости, подчас, пожалуй, резкости. И в то же время они всегда метки, убедительны, обрисовывают мысль ясно, что, кажется, она тут, на ладони» [27. С. 489].

Таким Н.А. Неклюдов запомнился своим коллегам. К сожалению, в советское и постсоветское время научное творчество Николая Андриановича Неклюдова не попало в поле зрения российских юристов [31. С. 79; 32]. Молодой талантливый человек в начале своего творческого пути написал незаурядный научный труд (а позже не менее талантливые произведения по уголовному праву), который стал не только открытием для юридического научного сообщества середины XIX в., но, думается, станет открытием и для исследователей правовой жизни России сегодня, так как несмотря на ощущение познающего, эта и иные работы таят в себе еще много неизданного и ждут своего почитателя.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Труд Л.И. Петражицкого на соискание ученой степени доктора римского права назывался «Права добросовестного владельца на доходы с значения добросовестности для гражданского законодательства с точек зрения догмы и политики гражданского права».

ЛИТЕРАТУРА

1. Кондратюк Л.В., Овчинский В.С. Криминологическое измерение / под ред. К.К. Горяинова. М. : Норма, 2012. 272 с.
2. Остроумов С.С. Очерки по истории уголовной статистике дореволюционной России. М., 1961. 303 с.
3. Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования: пер. с англ. 2-е изд. М. : Изд-во МГУ ; Издательская группа ИНФО-М ; НОРМА, 1998. 624 с.
4. Шершеневич Г.Ф. Наука гражданского права в России. М. : Статут, 2003. 250 с.
5. Кожевина М.А. Становление и развитие отечественной юридической науки в XVIII–XIX вв. Омск : Омская академия МВЖ Росии, 2013. 198 с.
6. Неклюдов Н. Уголовно-статистические этюды. Этюд первый. Статистический опыт исследования физиологического значения различных возрастов человеческого организма по отношению к преступлению. СПб., 1865. 255 с.
7. Чубинский М.П. Очерки уголовной политики (Понятие, история и основные проблемы уголовной политики, как составного элемента науки уголовного права). Харьков, 1905. 536 с.
8. Чубинский М.П. Курс уголовной политики. Ярославль, 1909. 448 с.
9. Гогель С.К. Курс уголовной политики в связи с уголовной социологией. СПб., 1910. 507 с.
10. Журнал юридического общества. М., 1898. Книга четвертая – апрель. С. 33–36.
11. Исаков Н.В. Правовая политика современной России: проблемы теории и практики : дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов-н/Д, 2004. 459 с.
12. Малько А.В. Теория правовой политики. М. : Юрлитинформ, 2012. 325 с.
13. Малько А.В., Матузов Н.И. Правовая политика России: теория и практика / под ред. А.В. Малько, Н.И. Матузов. М. : ТК Велби ; Изд-во Проспект, 2006. 752 с.
14. Лиховая С.Я., Ланцедова Ю.А. Полинаучная сущность криминологии по новой классификации юридических наук // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11, № 3. С. 465–472.
15. Прозументов Л.М., Шеслер А.В. Общесоциальные детерминанты преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 1. С. 5–14.
16. Кириллова Н.П., Смирнова И.Г. Основные скрипты современной уголовно-процессуальной политики // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 1. С. 116–127.
17. Судакова Т.М., Номоконов В.А. Осмысление будущего криминалистики: обзор современных тенденций // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 4. С. 531–540.
18. Суходолов А.П., Московец А.Ф. Криминологический дискурс: «классика», современность, перспективы // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 13, № 2. С. 181–196.
19. Maruna Sh., Matravers A. Criminology and the person // *Theoretical Criminology*. 2007. Vol. 11, № 4. P. 427–442.
20. Police, Crime and the problem of weak instruments: revisiting the “Mort police, less crime” thesis / TV. Kovandzic et al. // *Journal of Quantitative Criminology*. 2016. Vol. 32, is. 1. P. 133–158.
21. Stichley A., Koynagi A., Roberts B., Rotman D., McKee M. Criminal victimization and health: Examining the relation in nine countris of the former Soviet Union // *Social Science and Medicina*. 2013. Vol. 91. P. 76–83.
22. Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М. : Норма, 2006. 144 с.
23. Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М. : Волтерс Клувер, 2009. 579 с.
24. Станиславский А.Г. О ходе законовения в России и о результатах современного его направления. Казань, 1853. 100 с.
25. Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М. : Изд-во «Зерцало», 2003. 542 с.
26. Спасович В. Памяти Н.А. Неклюдова // *Журнал юридического общества*. М., 1898. Книга четвертая – апрель. С. 37–38.
27. Правовая наука и юридическая идеология в России. Энциклопедический словарь биографий / отв. ред. В.М. Сырых. М. : РАП, Издательская группа «Юрист», 2009. Т. 1. 920 с.
28. Учебник уголовного права. Часть общая и особенная А.Ф. Беннера. С примечаниями, приложениями и дополнениями по истории русского права и законодательству положительному магистра уголовного права Н. Неклюдова. Вып. I. Часть общая. СПб., 1868. 170 с.
29. Неклюдов Н. Руководство для мировых судей. Т. 1. Устав уголовного судопроизводства. СПб., 1872. 852 с.
30. Неклюдов Н. Руководство для мировых судей. Т. 2. Уставы о наказаниях. СПб., 1874. 815 с.
31. Неклюдов Н. Руководство к особенной части уголовного права. СПб., 1876–1880. Т. 1–4.
32. Максимова Е.Н. Зарождение и эволюция уголовно-правовых взглядов Н.А. Неклюдова // *Юридический мир*. 2006. № 8. С. 77–80.

Статья представлена научной редакцией «Право» 17 июня 2019 г.

Nikolai Andrianovich Neklyudov in the History of National Criminology

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 448, 232–238.

DOI: 10.17223/15617793/448/29

Marina A. Kozhevina, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Omsk, Russian Federation). E-mail: kozhevina1@rambler.ru

Keywords: history of criminology; N.A. Neklyudov; criminal policy; criminal statistics; philosophy of crime; science methodology.

The aim of the article is to actualize and give a new meaning to the concept “criminal statistics”, which emerged during the formation of legal science and eventually became axiomatic, to fill it with a more modern content based on the analysis of the historical experience of the pre-revolutionary Russian legal science. The master’s thesis “Criminal Statistical Studies” of Nikolai Neklyudov, published as a separate edition in 1865, is analyzed. The article draws parallels in the historical and contemporary context regarding the approaches to the study of crime and the criminal, which allows the author to distance himself from the “outdated” knowledge of legal reality and propose a different way of studying the criminal environment and the formation of the criminal policy of the state. The study reveals the main provisions of Neklyudov’s concept of criminal statistics as a scientifically based methodology. The scholar proposes to start with the age of a person, which accumulates the fullness of the person’s spiritual and physical features and allows establishing the interrelations and the interdependence of human behavior and the external environment in which this behavior manifests itself. The central element of the concept is the concept of criminal statistics. The main scientific approach to the study of immoral and criminal acts is determined: a philosophical one, which makes it possible to look at criminal life as a phenomenon with its causes, forms of manifestation, conditions of existence and modifications, both quantitative and qualitative. The analysis of Neklyudov’s thesis shows several important and scientifically relevant provisions. Criminal statistics as a method of scientific knowledge is one of the fundamental components of criminological research. Statistical data are objective; therefore, it is possible to identify both quantitative and qualitative (via content analysis) characteristics of “criminal life”. Criminal statistics provides a comprehensive vision of this life, in which there is a person with their inner world and the environment they live in, and which affects their behavior. Criminal statistics, with its educational potential, can influence the choice of the criminal law strategy of the state and the legal (sectoral: criminal, administrative, etc.) policy. Criminal policy together with criminal statistics is defined as the “weal of modern culture”. The latter conclusion has a deep meaning and an eternal importance not only for the development of criminology as a science, but also for legal science and practice in general. The legal policy of the state is one of the forms of manifestation of a certain level of political and legal culture of society and, therefore, the level of the very life of this society. If statistics indicate the external causes that support a low standard of living and a high level of crime, the weakness and inertia of the state become apparent.

REFERENCES

1. Kondratyuk, L.V. & Ovchinskiy, V.S. (2012) *Kriminologicheskoe izmerenie* [Criminological measurement]. Moscow: Norma.
2. Ostroumov, S.S. (1961) *Ocherki po istorii ugovolnoy statistike dorevolutsionnoy Rossii* [Essays on the history of criminal statistics of pre-revolutionary Russia]. Moscow: [s.n.].
3. Berman, H.J. (1998) *Zapadnaya traditsiya prava: epokha formirovaniya* [Law and Revolution: The Formation of the Western Legal Tradition]. Translated from English. 2nd ed. Moscow: Moscow State University; Izdatel'skaya gruppa INFO-M; NORMA.
4. Shershenevich, G.F. (2003) *Nauka grazhdanskogo prava v Rossii* [The science of civil law in Russia]. Moscow: Statut.
5. Kozhevina, M.A. (2013) Stanovlenie i razvitie otechestvennoy yuridicheskoy nauki v XVIII–XIX vv. [Formation and development of domestic legal science in the 18th–19th centuries]. Omsk: Omsk Academy of the MIA of Russia.
6. Neklyudov, N. (1865) *Ugolovno-statisticheskie etyudy. Etyud pervyy. Statisticheskiy opyt issledovaniya fiziologicheskogo znacheniya razlichnykh vozrastov chelovecheskogo organizma po otnosheniyu k prestupleniyu* [Criminal statistical studies. Study One. Statistical experience in studying the physiological significance of various ages of the human body in relation to crime]. St. Petersburg: V tipografii N. Tiblena i Komp.
7. Chubinskiy, M.P. (1905) *Ocherki ugovolnoy politiki (Ponyatie, istoriya i osnovnye problemy ugovolnoy politiki, kak sostavnogo elementa nauki ugovolnogo prava)* [Essays on criminal policy (concept, history and main problems of criminal policy as an integral element of the science of criminal law)]. Kharkov: Tip. “Pech. delo” kn. K. N. Gagarina.
8. Chubinskiy, M.P. (1909) *Kurs ugovolnoy politiki* [A criminal policy course]. Yaroslavl: Tipografiya gubernskogo pravleniya.
9. Gogel', S.K. (1910) *Kurs ugovolnoy politiki v svyazi s ugovolnoy sotsiologiyey* [A criminal policy course in connection with criminal sociology]. St. Petersburg: tipografiya A. G. Rozena.
10. *Zhurnal yuridicheskogo obshchestva*. (1898) Book 4. April. pp. 33–36.
11. Isakov, N.V. (2004) *Pravovaya politika sovremennoy Rossii: problemy teorii i praktiki* [Legal policy of modern Russia: Problems of theory and practice]. Law Dr. Diss. Rostov-on-Don.
12. Mal'ko, A.V. (2012) *Teoriya pravovoy politiki* [Theory of legal policy]. Moscow: Yurлитinform.
13. Mal'ko, A.V. & Matuzov, N.I. (2006) *Pravovaya politika Rossii: teoriya i praktika* [Legal policy of Russia: theory and practice]. Moscow: TK Velbi; Izd-vo Prospekt.
14. Likhovaya, S.Ya. & Lantsedova, Yu.A. (2017) The Polyscientific Nature of Criminology in the New Classification of Legal Sciences. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 11 (3). pp. 465–472. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(3).465-472
15. Prozumentov, L.M. & Shesler, A.V. (2018) General Social Determinants of Crime. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 12 (1). pp. 5–14. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(1).5-14
16. Kirillova, N.P. & Smirnova, I.G. (2018) Key Scripts of Contemporary Criminal Procedure Policy. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 12 (1). pp. 116–127. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(1).116-127
17. Sudakova, T.M. & Nomokonov, V.A. (2018) Understanding the Future of Criminology: an Overview of Current Trends. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 12 (4). pp. 531–540. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(4).531-540
18. Sukhodolov, A.P. & Moskovets, A.F. (2019) Criminological Discourse: “Classics”, Modernity, Prospects. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 13 (2). pp. 181–196. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(2).181-196
19. Maruna, Sh. & Matravers, A. (2007) Criminology and the person. *Theoretical Criminology*. 11 (4). pp. 427–442.
20. Kovandzic, T.V. et al. (2016) Police, Crime and the Problem of Weak Instruments: Revisiting the “More Police, Less Crime” Thesis. *Journal of Quantitative Criminology*. 32 (1). pp. 133–158.
21. Stichley, A. et al. (2013) Criminal victimization and health: Examining the relation in nine countris of the former Soviet Union. *Social Science and Medicine*. 91. pp. 76–83.
22. Alekseev, A.I., Ovchinskiy, V.S. & Pobegaylo, E.F. (2006) *Rossiyskaya ugovolnaya politika: preodolenie krizisa* [Russian criminal policy: overcoming the crisis]. Moscow: Norma.
23. Lopashenko, N.A. (2009) *Ugovolnaya politika* [Criminal policy]. Moscow: Volters Kluver.

24. Stanislavskiy, A.G. (1853) *O khode zakonovedeniya v Rossii i o rezul'tatakh sovremennogo ego napravleniya* [On the course of law in Russia and the results of its modern direction]. Kazan: Tipografiya Universiteta.
25. Fel'dshteyn, G.S. (2003) *Glavnye techeniya v istorii nauki ugovnogo prava v Rossii* [The main trends in the history of the science of criminal law in Russia]. Moscow: Izd-vo "Zertsalo".
26. Spasovich, V. (1898) Pamyati N.A. Neklyudova [In memory of N.A. Neklyudov]. *Zhurnal yuridicheskogo obshchestva*. Book 4. April. pp. 37–38.
27. Syrykh, V.M. (ed.) (2009) *Pravovaya nauka i yuridicheskaya ideologiya v Rossii. Entsiklopedicheskiy slovar' biografiy* [Legal science and legal ideology in Russia. Encyclopedic Dictionary of Biographies]. Vol. 1. Moscow: RAP, Izdatel'skaya gruppa "Yurist".
28. Benner, A.F. (1868) *Uchebnik ugovnogo prava. Chast' obshchaya i osobennaya A.F. Bennera. S primechaniyami, prilozheniyami i dopolnениyami po istorii russkogo prava i zakonodatel'stvu polozhitel'nomu magistra ugovnogo prava N. Neklyudova* [Textbook of criminal law. General and special parts by A.F. Benner. With notes, appendices and supplements on the history of Russian law and the legislation by the master of criminal law N. Neklyudov]. Is. I. St. Petersburg: V tipografii N. Tiblena i Komp.
29. Neklyudov, N. (1872) *Rukovodstvo dlya mirovykh sudey* [Guide for Justices of the Peace]. Vol. 1. St. Petersburg: tipografiya V. Demakova.
30. Neklyudov, N. (1874) *Rukovodstvo dlya mirovykh sudey* [Guide for Justices of the Peace]. Vol. 2. St. Petersburg: tipografiya P. P. Merkul'eva.
31. Neklyudov, N. (1876–1880) *Rukovodstvo k osobennoy chasti ugovnogo prava* [Guide to the special part of criminal law]. Vols 1–4. St. Petersburg: tip. P.P. Merkul'eva.
32. Maksimova, E.N. (2006) Zarozhdenie i evolyutsiya ugovno-pravovykh vzglyadov N.A. Neklyudova [The Origin and Evolution of the Criminal Law Views of N.A. Neklyudov]. *Yuridicheskiy mir*. 8. pp. 77–80.

Received: 17 June 2019

В.И. Плохова

ДЕТАЛИЗАЦИЯ КРИТЕРИЕВ ПРАВОМЕРНОГО ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В УГОЛОВНОЙ СФЕРЕ

Показывается закрепление законности, обоснованности и соразмерности в Конституции РФ, УК РФ. Делается вывод о завуалированной форме закрепления многих содержательных критериев, отражение в одной статье Конституции РФ нескольких, что предполагает корректное указание в жалобах нарушенного критерия. Предлагаются пути совершенствования практики нормоконтроля, реагирования на частые, даже отказные жалобы в Конституционный Суд, намечаются два вектора исследования проблем уголовного права.

Ключевые слова: законность; обоснованность; соразмерность; уголовный закон; конкретизация; конституционные нормы; принципы права; нормоконтроль; решения; Конституционный Суд; жалоба.

Во времена меняющихся подходов к реализации уголовной ответственности, возникающих при этом проблем [1. С. 323–328] особенно важно соблюсти условия правомерности ограничения прав человека при формулировании и применении уголовно-правовых норм. Между тем многие из них недостаточно четко, некоторые абстрактно, опосредованно сформулированы в Конституции РФ, постановлениях пленума Верховного Суда Российской Федерации (ПП ВС РФ), является предметом полемики в юридической литературе, а потому сложны при использовании. Неслучайно эти вопросы постоянно обсуждаются на площадках Конституционного Суда РФ (КС РФ) и Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ). Так, 8 февраля 2019 г. в Страсбурге во Дворце прав человека вновь состоялось обсуждение понятия верховенства права, качества закона, в том числе критерия пропорциональности вмешательства в конституционные (конвенционные) права в практике КС РФ и ЕСПЧ.

Чаще всего граждане обращаются в Конституционный Суд РФ из-за несоблюдения определенности нормы уголовного права в узком ее значении (ясность, недвусмысленность) [2. С. 1090–1100]. Удельный вес жалоб на несоблюдение материальных (содержательных) критериев правомерного ограничения прав человека в уголовной сфере, по сравнению с формальными, небольшой, несмотря на то что в количественном измерении, даже в обобщенном виде, их больше (обоснованность и соразмерность), чем формальных (законность). Из 114 изученных определений КС за 2016 г., в которых обжаловались уголовно-правовые нормы, только в 42 случаях (в 36,8%) граждане подавали жалобы на несоблюдение материальных критериев правомерного ограничения прав человека. Однако из-за взаимосвязи как отдельных составляющих обобщенных критериев правомерного ограничения прав человека, так и материальных критериев с формальными [3. С. 17–142]¹ игнорирование такого очевидного и вроде бы простого в толковании формального критерия правомерного ограничения прав человека, как определенность нормы уголовного права, завуалированное вынужденной неопределенностью уголовно-правовых норм, приводит к несоблюдению материальных критериев правомерного ограничения прав, незаконному осуждению граждан.

Так, на обозначенную нами в начале исследования проблему – вынужденная неопределенность нормы, признаки которой закреплены в ст. 138.1 Уголовном Кодексе РФ (УК РФ), и (или) некорректное закрепление, толкование ее признаков – пришлось констатировать, что на довольно частое нарушение прав граждан в виде уголовного преследования и наказания повлияли: пробельность статьи УК, противоречивость нормы и ее толкование регулятивному законодательству (нет определенности нормы), частое отсутствие в приговорах доказательств некоторых признаков состава преступления (некорректное ее применение) [4. С. 207–215].

В жалобах в КС РФ на нарушение материальных критериев правомерного ограничения прав часто указывается большой перечень конституционных норм, которым, по мнению заявителей, не соответствует(ют) статья (статьи) УК РФ, их толкование. Так, из 9 определений, выбранных методом случайной выборки, в четырех жалобах утверждается о нарушении 10–12 статей Конституции РФ, в трех – 5 статей, в двух – 1–2 статьи. Большинство из них – конституционные нормы, в которых содержатся общие содержательные критерии правомерного ограничения прав человека: соответствие закона Конституции РФ, общепризнанным нормам и принципам международного права (п. 4 алгоритма) [5. С. 137–138]. Между тем неточный акцент в жалобах ведет к отказу в принятии ее к рассмотрению, поскольку они не отвечают требованиям, в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой. В связи с этим нуждается в уточнении закрепление формальных и материальных критериев правомерного ограничения прав человека в нормах Конституции РФ [6. С. 15–45]², УК РФ [7. С. 96–104]³; необходимо детализировать критерий общей правовой обоснованности ограничения прав человека (п. 4 алгоритма), показать его соотношение с конкретными (фактическая обоснованность, соразмерность); исследовать возможность (невозможность) конкретизации нарушенных критериев правомерного ограничения прав человека в жалобах, механизм совершенствования реагирования даже на отказные жалобы.

Из общей характеристики формальных [8. С. 83–92] и материальных [9. С. 105–116] критериев правомерного ограничения прав человека следует, что одни

из них в конкретной форме закреплены не только в отдельных статьях Конституции РФ, но и в статьях УК РФ. Но даже закрепленные в законах нормы детализируются в решениях ЕСПЧ, КС РФ. Другие не названы в Конституции РФ, но имеются в УК РФ или Европейской конвенции по защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ), других международных договорах, подписанных Россией (из-за более раннего, по сравнению с Конституцией РФ, формирования принципов уголовного права [10. С. 118–120] или более позднего подписания Россией ЕКПЧ. Юрисдикция ЕСПЧ признана Россией позже принятия Конституции РФ, с вступлением в Совет Европы). Третьи названы в завуалированной форме, раскрываются в решениях ЕСПЧ, КС РФ, некоторые из них не находят единого понимания ни среди судей КС и ЕСПЧ, ни в юридической литературе.

Так, формальный критерий законности ограничения прав человека (п. 3.1 алгоритма) закреплен в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ и ч. 1 ст. 3 УК РФ. Одна из составляющих критерия законности его доступность (п. 3.2.1 алгоритма – обязательность опубликования) закреплена в ч. 3 ст. 15 Конституции РФ. Обеспечивающие критерий законности принципы международного и конституционного права – нет преступления без указания на то в законе, запрет придания закону обратной силы – содержатся в ч. 1 и 2 ст. 54 Конституции РФ, ст. 8, 10 УК РФ. Формальный критерий определенности средства ограничения прав во всех ее проявлениях называется и раскрывается в правовых позициях ЕСПЧ и КС РФ, *вытекает* (т.е. закреплен опосредованно) из прямо закрепленного и в Конституции РФ, и в УК РФ принципа равенства перед законом и судом (ч. 1 ст. 19 К РФ и ст. 4 УК), является одним из требований общего принципа верховенства права. *Запрет на расширительное толкование уголовного закона во вред обвиняемому*, в частности его применение по аналогии, *обеспечивающий* критерий определенности средства ограничения прав (п. 3.2.2 алгоритма), содержится в решениях ЕСПЧ, толкующих ст. 7 Конвенции «О защите прав человека и основных свобод». Прямое указание на запрет применения уголовного закона по аналогии содержится в ч. 2 ст. 3 УК РФ. Что касается разумной стабильности закона и обеспечивающих ее условий (непротиворечивость отдельных положений и норм внутри УК РФ; со «стыковыми» нормами регулятивного и деликтного законодательства), а также *предсказуемости последствий ограничения прав*, то они называются в решениях КС, ЕСПЧ, включаются многими теоретиками права в определение понятия принципа правовой определенности как в широком [11. С. 11], так и узком значении [12. С. 68–70]. Кроме того, нельзя игнорировать и того факта, что некоторые формальные критерии выступают средством для достижения других. Так, доступность, определенность, ясность, конкретность, стабильность закона выступают средствами для достижения цели – возможность предвидения, прогнозирования последствий ограничения прав, изменения правового статуса. Возможно, в силу и названных обстоятельств критерий определенности так вольно толкуется на практике, в том числе и Конституционным Судом РФ. Неслучайно

конституционалисты пытаются выработать пределы толкования, конституционное поле толкования норм [13. С. 16–18].

Из 5 формальных критериев правомерного ограничения прав человека (законность, доступность, определенность, стабильность, предсказуемость) только два прямо закреплены в Конституции РФ (законность и доступность), другие вытекают из конкретных конституционных норм, норм-принципов; третьи – опосредованно закреплены и обеспечиваются нормами-декларациями, конституционными нормами о соответствии средства ограничения прав Конституции общепризнанным принципам и нормам международного права, принципами права, характеристика которых относится к содержательным критериям правомерного ограничения прав человека (п. 4 алгоритма – общие содержательные критерии правомерного ограничения прав человека (условно-правовая обоснованность)).

В общих содержательных критериях правомерного ограничения прав человека можно выделить группу названных в Конституции РФ в детализированном виде и общепризнанные принципы, и нормы международного права, конституционные принципы и нормы, не нашедшие отражение в конкретных. Так, равные обязанности, принцип равенства перед законом и судом закреплены в ч. 2 ст. 6, ст. 19 Конституции РФ и ст. 4 УК «Принцип равенства граждан перед законом». Признанный мировым сообществом принцип *non bis in idem* закреплен в качестве фундаментального принципа в ст. 50 Конституции РФ – запрет на повторное осуждение за одно и то же преступление и в ч. 2 ст. 6, ст. 12, 17 УК; принцип вины – в ст. 49 Конституции РФ и ст. 5 УК РФ. Сюда, видимо, следует отнести и ч. 3 ст. 55 Конституции РФ в значении преследования ограничением социально значимой законной цели, для которой оно было введено, и др.

Другая группа критериев – вытекающие из неконкретизированных детализированных многих конституционных норм и названные в конкретной форме в правовых позициях ЕСПЧ и КС РФ. Так, критерий обоснованности средства ограничения прав человека в разных его проявлениях (п. 5, 6 алгоритма) прямо в Конституции не закреплен. На нормативном (правоустанавливающем) и правоприменительном уровнях он вытекает из признаков правового государства, в основе которого лежат многие существенные признаки принципа верховенства права (многие авторы отождествляют эти понятия), характеристику необходимого в демократическом обществе ограничения, принципа справедливости. Эти требования в завуалированной форме заложены в ч. 1 ст. 1, ст. 2 Конституции РФ, в которых РФ провозглашается демократическим правовым государством, высшей ценностью которого является человек, его права и свободы, ч. 1 и 4 ст. 15, ч. 1 ст. 17, 18, 45, ч. 3 ст. 55 и т.д. Конституции РФ. Обязательность обоснованности на правоприменительном уровне, кроме того, закреплена в ч. 1 ст. 6 УК РФ, названа в ч. 2 п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 21 от 27.06.2013 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и

Протоколов к ней» [14. Ч. 2 П. 5], более подробно раскрыта в статьях международных документов, решениях Конституционного и Европейского Судов.

Что касается критерия фактической обоснованности ограничения прав человека применительно к уголовной сфере, во всех проявлениях (п. 5.1 и 5.2 алгоритма) только один назван в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ (правда, не в значении соответствия цели и средства). Все остальные критерии выводятся из неконкретизированных статей Конституции РФ (норм-деклараций), выделяются в решениях ЕСПЧ и КС (соответствие правоприменительного акта конкретным обстоятельствам, относимые и достаточные основания для ограничения прав). Некоторые закрепляются и толкуются на отраслевом уровне: УК РФ, ППВС РФ. Видимо, и поэтому не выполняется конституционная обязанность проводить социальную криминологическую экспертизу до и после опубликования закона. Неслучайно поэтому появляются неработающие или неприменимые нормы в УК РФ, а Президент России В.В. Путин вынужден давать поручение Генеральному прокурору РФ об отмене, замене таких норм.

В юридической литературе мало современных исследований (по сравнению с критерием законности и соразмерности), посвященных общей характеристике критерия обоснованности конституционалистами и теоретиками. Особенно второй составляющей необходимого в демократическом обществе ограничения, вызванного социальной и общественной необходимостью. Представителями науки уголовного права часть этого вопроса рассматривается в аспекте криминализации, декриминализации [15. С. 77–100]. На отраслевом уровне журнальные статьи посвящены криминологической, нравственной, научной обоснованности, обоснованности судебных решений, в которых авторы не акцентируют внимания на понятии, составляющих, иногда подразумевая свое видение этого критерия [16. С. 152–158].

Кроме общественной потребности в ограничении, главным содержательным показателем необходимого в демократическом обществе ограничения является соразмерность, включающая и требования к средству ограничения прав (п. 5.3, 6 алгоритма). Критерий соразмерности в разных его проявлениях (п. 5.3 алгоритма) прямо в Конституции РФ тоже не закреплен. Он характеризуется в решениях ЕСПЧ, Конституционного Суда РФ, выводится из принципа верховенства права; назван в ч. 2 п. 5 названного постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 21, но в значении, отличающимся от его толкования в правовых позициях ЕСПЧ и КС, обусловленного компетенцией ВС РФ. В УК РФ он закреплен в ч. 1 ст. 6 – соответствие наказания и иных мер уголовно-правового характера характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. ППВС РФ отождествляет пропорциональность ограничения преследуемой социально значимой, законной цели необходимому в демократическом обществе ограничению. Она вытекает из ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, положений ЕСПЧ и Протоколов к ней.

В юридической литературе многими авторами соразмерность признается в качестве общеправового принципа. Приверженцы выводят его из ст. 1, 2 Конституции РФ, в которых РФ провозглашается правовым государством, высшей ценностью которого является человек, его права и свободы, в которых, по утверждению исследователей, отражаются признаки верховенства права [17. С. 25, 32, 160–166, 276–340], принципа справедливости. Принцип справедливости, его определение закреплено в ч. 1 ст. 6 УК РФ. Но ни признаки правового государства, ни принцип верховенства права, ни признаки необходимого в демократическом обществе ограничения четко не определены ни на уровне судей ЕСПЧ и КС, ни в юридической литературе. Даже в отношении термина, который бы обозначал принцип соразмерности, ведутся дискуссии [18. С. 56–70]. Приводимый в литературе тест на пропорциональность [19. С. 242–244] на самом деле представляет собой тест на правомерность ограничения прав [20. С. 49, 133], который шире составляющих критерия соразмерности, названных в решениях ЕСПЧ и КС РФ (см. п. 5.3, 6 алгоритма) [21]. В ППВС РФ № 21 от 27.6.2013 тоже называется несколько критериев правомерного ограничения прав, а соразмерность понимается как один из критериев правомерного ограничения прав [14. Ч. 2. П. 5]⁴. Кроме того, критерий соразмерности нужно рассматривать, как и рассматривается КС РФ, в разных аспектах: внутриотраслевом, межотраслевом, при закреплении признаков правонарушения, при применении норм права. Поэтому он не может быть только качественной, как утверждают некоторые исследователи [22. С. 38–43]. В зависимости от аспекта исследования она может быть качественно-количественной, качественной, количественной. Более того, значения, придаваемые некоторым формальным и материальным критериям, в том числе и принципам права (правовой определенности, правового закона, не дважды за одно и то же и др.), не являются застывшими, конкретизируются и эволюционируют в практике Конституционного Суда РФ, Европейского Суда по правам человека, а также других судов. Даже конкретные принципы, закрепленные в статье Конституции РФ, толкуются Конституционным Судом в разных аспектах, выявляя новое значение. Так, несмотря на то, что в ст. 50 Конституции РФ закреплен принцип «никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление», при толковании КС распространяет его и на другие правонарушения. Все эти вопросы требуют дальнейшего исследования.

Следовательно, содержательные критерии в меньшей степени, чем формальные, находят закрепление в детализированных конституционных нормах.

Таким образом, из трех обобщенных критериев правомерного ограничения прав человека – законность, обоснованность и соразмерность – больше всего детализирован критерий законности, причем в формальном аспекте. Обоснованность и соразмерность – в основном в конкретных нормах-принципах. Большинство составляющих этих критериев правомерного ограничения прав человека в завуалированной форме закреплены в нормах-декларациях, сформулированы в

международных договорах, решениях ЕСПЧ, Конституционного Суда РФ. Они требуют особого и постоянного исследования применительно к разным под-разделам обоснованности и соразмерности.

Кроме того, некоторые критерии могут рассматриваться и с формальной и с содержательной стороны. Так, критерий законности (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ), рассматриваемый с формальной стороны (ограничение на основании закона), с содержательной стороны толкуется в значении ограничения прав человека «на основании обоснованного закона» – требование, вытекающее из принципа верховенства права (ст. 1, 2 Конституции РФ). Поэтому можно говорить о нем как о формально-материальном критерии. Тем более что принцип верховенства права включает формальные, материальные и процессуальные требования к средству ограничения прав. Отсюда *разные критерии правомерного ограничения прав человека могут вытекать из одной (одних) статьи (статей) Конституции РФ*. Например, в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, по правовым позициям постановлений ВС РФ, закреплены три критерия правомерного ограничения прав: законность, обоснованность – соответствие законной цели и пропорционально законной цели. Поэтому в жалобе необходимо акцентировать на нарушенный критерий правомерного ограничения прав, указывать, в каком аспекте конституционная норма нарушена.

Очевидна сложность вопросов, тем более и конституционные нормы, по утверждению исследователей-конституционалистов, нуждаются в совершенствовании [23. С. 5–24].

В такой ситуации объяснимы и небольшой удельный вес жалоб на несоблюдение материальных критериев правомерного ограничения прав человека, и частое указание в жалобах большого количества конституционных норм, и структура статей и материальных критериев в изученных нами определениях Конституционного Суда РФ. Чаще всего в жалобах, в разных сочетаниях частей, называются конституционные нормы-декларации, в которых в завуалированном виде закреплены формальные и содержательные критерии правомерного ограничения прав человека: ст. 1, 2, 15, 17, 18, 45, 46, 55 Конституции РФ. Конституционные нормы с более конкретными характеристиками формально-материальных и материальных критериев правомерного ограничения прав называются реже: ст. 54 Конституции РФ называется в трех жалобах (хотя жалоб, в которых нарушается этот критерий, много, возможно это связано с попавшими в выборку определениями); в двух определениях указана ст. 50 Конституции РФ (в сочетании с другими). Даже когда критерий прямо закреплен в Конституции РФ, в УК РФ четкости в жалобах иногда нет.

Структура материальных критериев, названных в жалобах, выглядит так: в пяти определениях граждане жаловались на несоблюдение принципа «не дважды за одно и то же» и равенства граждан перед законом и судом; в пяти определениях – на несоблюдение критерия соразмерности в разных проявлениях: только соразмерности деяния и ответственности (1), в сочетании с нарушением принципа «не дважды за одно и то же» (3), в сочетании с неопределенностью нормы

(1); в трех – на необоснованность в значении соответствия средства законной цели, а надо бы указывать на соразмерность средства и наказания (1), закона и ответственности (2). В 29 определениях указывается на нарушение формально-материальных критериев: никто не может быть осужден за совершение какого-либо действия или бездействия, которое согласно действующему в момент совершения национальному или международному праву не являлось уголовным преступлением; не может налагаться наказание более тяжкое, нежели то, которое подлежало применению в момент совершения уголовного преступления; запрет на расширительное толкование, отсутствие запрета в регулятивном законодательстве (п. 3.2.1, 3.2, 3.2.2 алгоритма – разумная стабильность закона в широком смысле слова, включающая и обратную силу закона, и непротиворечивость норм).

Во многих жалобах, особенно на несоблюдение формально-материальных критериев, обоснован и оправдан отказ Конституционного Суда в принятии к рассмотрению жалоб, но некоторые требуют более конкретных, обоснованных решений в УК, опубликованной судебной практике, совершенствования практики конституционного контроля. Возможно, Конституционному Суду РФ следует оперативнее реагировать на жалобы, в которых сделан некорректный акцент на нарушенный критерий правомерного ограничения прав человека, указывая на правильный. В современных исследованиях конституционалисты предлагают изменить субъектов подачи жалобы и порядок обращения в Конституционный Суд РФ и расширить обязанности судов в отношении дел, в которых применялись нормы, признанные Конституционным Судом не соответствующими Конституции РФ и др. [23. С. 5, 12–14]. Возможно, в этом ключе в порядке обсуждения, обязать Прокуратуру РФ, Верховный Суд РФ проводить ревизию дел, в которых была применена норма, конституционность которой несколько раз (часто) обжалуется, но жалоба Конституционным Судом РФ не была признана приемлемой из-за некорректного акцента на конкретную составляющую обобщенного критерия правомерного ограничения прав человека. Ведь как показывает практика, неслучайно граждане обращаются неоднократно по одному и тому же составу преступления в Конституционный Суд РФ. Например, на несоответствие Конституции РФ ст. 138.1 УК РФ (в том числе и в предыдущей ее редакции) граждане 4 раза обращались в Конституционный Суд РФ, но норма была признана соответствующей Конституции РФ, жалобы – неприемлемыми из-за некорректного акцента. Спустя 9 лет, после обращения осужденного фермера за приобретение GPS-трекера для слежения за своим теленком к Президенту РФ В.В. Путину, Пленум ВС РФ попытался внести ясность по некоторым вопросам толкования этой нормы, а еще через 7 месяцев внесены изменения в эту статью УК РФ, но проблема до конца не решена [24. П. 7–9; 25].

Не без оснований многократные жалобы на несоблюдение принципа «не дважды за одно и то же», ибо проблемы объема охвата деяний составной нормой и совокупности преступлений, единого сложного и мно-

жественных не до конца решены. Этот принцип сложен в толковании вообще, несмотря на появившиеся солидные исследования. Но много не до конца решенных проблем применения его в уголовной сфере как на внутриотраслевом, так и на межотраслевых уровнях. Неслучайно и ст. 15 УК обжалуется, ибо даже в обоснование введения в УК РФ понятия уголовного про-

ступка отмечалось несовершенство этой статьи. В жалобах отмечается по сути противоречивость этой статьи статьям 30 и 66 УК РФ. Очевидно, что некоторые из этих проблем – давние, требующие более корректного решения на уровне не только постоянно ведущихся дискуссий, но и на уровне Закона. Это показывает второй вектор необходимых исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В юридической литературе давно отмечается взаимосвязь конкретных формальных и материальных критериев правомерного ограничения прав. Так, авторы монографии «Концепция стабильности закона» в 2000 г. писали, что «в теории права в определении понятия стабильности закона объединяются требования, относящиеся к его форме и содержанию, ибо в них акцент делается на факторах, обуславливающих и обеспечивающих стабильность закона».

² Общие аспекты этой проблемы рассматриваются конституционалистами.

³ Особенности применения конституционных норм, принципов и норм международного права, договоров при толковании норм уголовного права исследуются представителями уголовно-правовой науки.

⁴ При этом в силу части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации, положений Конвенции и Протоколов к ней любое ограничение прав и свобод человека должно быть основано на федеральном законе; преследовать социально значимую, законную цель (например, обеспечение общественной безопасности, защиту морали, нравственности, прав и законных интересов других лиц); являться необходимым в демократическом обществе (пропорциональным преследуемой социально значимой, законной цели).

ЛИТЕРАТУРА

1. Плохова В.И. Оценка современных подходов к реализации уголовной ответственности с позиции соразмерности деяния и ответственности // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XI международной научно-практической конференции. М. : РГ-Пресс, 2019. С. 323–328.
2. Plokhova V.I. The Use of the Decisions of the European Court of Human Rights, the Constitutional Court of the Russian Federation when Investigating the Problems of the Criminal Law of the Russian Federation (Article One) // Журнал Сибирского федерального университета. Сер. Гуманитарные науки. 2017. Т. 10, № 7. С. 1090–1100.
3. Варламова Н.В., Гаврилов О.А., Исаков В.Б., Казимирчук В.П. и др. Концепция стабильности закона / отв. ред. В.П. Казимирчук. М. : Проспект, 2000. 176 с.
4. Плохова В.И. Вынужденная неопределенность норм уголовного права и (или) некорректное закрепление, толкование их признаков (на примере ст. 138.1 УК РФ) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 433. С. 207–215.
5. Плохова В.И. Алгоритм оценки соответствия законов и правоприменительной деятельности условиям правомерного ограничения прав человека в уголовно-правовой сфере // Уголовное право: стратегия развития в 21 веке: материалы 14 Междунар. науч.-практ. конф. (26–27 января 2017 г.). М., 2017. С. 137–138.
6. Таева Н.Е. Нормы конституционного права в системе правового регулирования Российской Федерации : автореф. ... дис. д-р юрид. наук М. : Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), 2018. 52 с.
7. Плохова В.И. Конституционные и международные нормы в УК РФ // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 2. С. 96–104.
8. Плохова В.И. Условия правомерного ограничения прав и свобод человека в уголовной сфере // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 4. С. 83–92.
9. Плохова В.И. Содержательные условия правомерного ограничения прав и свобод человека в уголовной сфере (общие вопросы) // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. Т. 10, № 1. С. 105–116.
10. Мальцев В.В. Принципы уголовного права. Волгоград : ВА МВД России, 2001. 266 с.
11. Сидоренко А.И. Принцип правовой определенности в судебной практике: имплементация решений европейского суда по правам человека : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2016. 28 с.
12. Дербышева Е.А. Принцип правовой определенности как требование определенности нормы права // Юридические исследования. 2017. № 2. С. 68–80. DOI: 10.7256/2409-7136.2017.2.21970. URL: http://e-notabene.ru/lr/article_21970.html
13. Малютин Н.С. Судебное толкование нормативных правовых актов в Российской Федерации: конституционно-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук М., 2016. 35 с.
14. О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней: ППВС РФ № 21 от 27.06.2013. URL: <http://www.supcourt.ru/documents/own/8352/>
15. Нечаев А. Д. Концептуальные основы и теоретическое моделирование криминализации и декриминализации : дис. ... канд. юрид. наук Саратов, 2017. 331 с.
16. Петрушенко А.Н. Научная обоснованность признаков соучастия в преступлении и их практическая реализация в нормах Особенной части УК РФ // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 1 (29). С. 152–158.
17. Верховенство права и правовое государство : материалы X междунар. науч.-практ. конф. М. : РГУП, 2016. 872 с.
18. Михайлов А.А. Принцип пропорциональности: сущность, практика применения Европейским судом по правам человека, Конституционным судом РФ и значение для совершенствования системы доказывания в современном уголовном процессе России // Уголовная юстиция. 2016. № 1 (7). С. 56–70.
19. Жукова Н.И., Кузнецов В.А., Цветков А.В. Принцип пропорциональности в практике Конституционного Суда РФ // Молодой ученый. 2019. № 5. С. 242–244. URL: <https://moluch.ru/archive/243/56213/> (дата обращения: 01.03.2019).
20. Липкина Н.Н. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека относительно свободы усмотрения государств при осуществлении вмешательства в права и основные свободы : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 225 с.
21. Maunz D. Grundgesetz. 2009. 53. Aufl. S. 109.
22. Малютин Н.С. Проблема оценки соразмерности наказаний в актах судебного толкования (на примере административных штрафов) // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 7 (56) июль С. 38–43.
23. Карасев Р.Е. Осуществление КС РФ защиты прав и свобод человека и гражданина : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2016. 31 с.
24. О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации) : ППВС РФ № 46 от 25.12.2018. URL: <http://www.supcourt.ru/documents/own/27537/>

Статья представлена научной редакцией «Право» 20 сентября 2019 г.

On Specifying the Criteria of Lawful Restriction of Human Rights in the Criminal Sphere

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 448, 239–245.

DOI: 10.17223/15617793/448/30

Valentina I. Plokhova, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation); Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: VPlokhova@yandex.ru

Keywords: legality; validity; criminal law; specification; constitutional norms; principles of law; norm of control; decisions of Constitutional Court; complaint.

The aim of the article is a detailed specification of formal and natural criteria of lawful restrictions of human rights in the criminal sphere and the perfection of the response mechanism even to rejected complaints. The empirical basis of the research is 114 decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, concerning criminal and legal norms, made in 2016. They were analyzed using concrete and sociological, comparative and legal methods. As a result of the research, the following conclusions were drawn. (1) The practice of the constitutional control over criminal law standards shows a small share of complaints (36, 8%) on the validity of restrictions of human rights. Such complaints contain a big list of violations of constitutional norms although there are detailed descriptions of some of them in the RF Constitution, in the decisions of the RF Constitutional Court and in the judgments of the European Court of Human Rights. (2) Out of the three generalized criteria of lawful restriction of human rights—legality, validity and proportionality—legality is the most specified in the formal aspect. Validity and proportionality are generally expressed in principles. Most elements of these criteria are covertly fixed in declarations; they are formulated in international treaties, judgments of the European Court of Human Rights, the RF Constitution. Besides, some criteria can be considered both in terms of form and content. Hence, various criteria of lawful restriction of human rights follow from one (some) article(s) of the RF Constitution. (3) In the complaint, it is necessary to indicate the violated criterion of lawful restriction of human rights and the aspect in which the constitutional norm was violated. In rejected complaints, the RF Constitutional Court should be informed about the correct aspect of the violated criterion of lawful restriction of human rights, which the Court perceived incorrectly. The Office of the Prosecutor General of the Russian Federation, the RF Supreme Court should be obliged to inspect cases that applied norms, whose constitutionality has been repeatedly appealed, but complaints have not been declared admissible by the RF Constitutional Court due to the incorrect accent on the specific content of the generalized criterion of lawful restriction of human rights.

REFERENCES

1. Plokhova, V.I. (2019) [Evaluation of modern approaches to the implementation of criminal liability from the perspective of proportionality of action and responsibility]. *Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke* [Criminal law: Development strategy in the 21st century]. Proceedings of the International Conference. Moscow: RG-Press. pp. 323–328. (In Russian).
2. Plokhova, V.I. (2017) The Use of the Decisions of the European Court of Human Rights, the Constitutional Court of the Russian Federation when Investigating the Problems of the Criminal Law of the Russian Federation (Article One). *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki – Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 10 (7). pp. 1090–1100.
3. Varlamova, N.V. et al. (2000) *Kontseptsiya stabil'nosti zakona* [The concept of stability of the law]. Moscow: Prospekt.
4. Plokhova, V.I. (2018) The forced ambiguity of criminal law norms and (or) incorrect consolidation, interpretation of their features (based on Article 138.1 of the RF Criminal Code). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 433. pp. 207–215. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/433/28
5. Plokhova, V.I. (2017) [Algorithm for assessing the compliance of laws and law enforcement with the conditions of lawful restriction of human rights in the criminal law sphere]. *Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v 21 veke* [Criminal Law: Development Strategy in the 21st Century]. Proceedings of the International Conference. 26–27 January 2017. Moscow: Kutafin Moscow State Law University. pp. 137–138. (In Russian).
6. Taeva, N.E. (2018) *Normy konstitutsionnogo prava v sisteme pravovogo regulirovaniya Rossiyskoy Federatsii* [The norms of constitutional law in the system of legal regulation of the Russian Federation]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
7. Plokhova, V.I. (2014) Constitutional and international rules in the Criminal Code of the Russian Federation. *Kriminologicheskii zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava – Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*. 2. pp. 96–104. (In Russian).
8. Plokhova, V.I. (2014) Terms of legitimate restrictions of human rights and freedoms in criminal sphere. *Kriminologicheskii zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava – Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*. 4. pp. 83–92. (In Russian).
9. Plokhova, V.I. (2016) Substantial conditions for the lawful restriction of rights and freedoms in the criminal sphere (general issues). *Kriminologicheskii zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava – Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*. 10 (1). pp. 105–116. (In Russian).
10. Mal'tsev, V.V. (2001) *Printsipy ugolovnogo prava* [The principles of criminal law]. Volgograd: Volgograd Academy of the MIA of Russia.
11. Sidorenko, A.I. (2016) *Printsip pravovoy opredelennosti v sudebnoy praktike: implementatsiya resheniy evropeyskogo suda po pravam cheloveka* [The principle of legal certainty in judicial practice: implementation of the decisions of the European Court of Human Rights]. Abstract of Law Cand. Diss. Perm', 28 c.
12. Derbysheva, E.A. (2017) *Printsip pravovoy opredelennosti kak trebovanie opredelennosti normy prava* [The principle of legal certainty as a requirement for the certainty of a rule of law]. *Yuridicheskie issledovaniya*. 2. pp. 68–80. DOI: 10.7256/2409-7136.2017.2.21970. [Online] Available from: http://e-notabene.ru/lr/article_21970.html.
13. Malyutin, N.S. (2016) *Sudebnoe tolkovanie normativnykh pravovykh aktov v Rossiyskoy Federatsii: konstitutsionno-pravovoy aspekt* [Judicial interpretation of regulatory legal acts in the Russian Federation: A constitutional-legal aspect]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
14. Supcourt.ru. (2013) *O primeneniі sudami obshchey yurisdiksiі Konventsii o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod ot 4 noyabrya 1950 goda i Protokolov k ney: PPVS RF № 21 ot 27.06.2013* [On the application by courts of general jurisdiction of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of November 4, 1950, and its Protocols: Ruling of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 21 of 27 June 2013]. [Online] Available from: <http://www.supcourt.ru/documents/own/8352/>.
15. Nechaev, A.D. (2017) *Kontseptual'nye osnovy i teoreticheskoe modelirovanie kriminalizatsii i dekriminalizatsii* [Conceptual foundations and theoretical modeling of criminalization and decriminalization]. Law Cand. Diss. Saratov.

16. Petrushenko, A.N. (2015) Scientific Foundation of Complicity Characteristics and Its Practical Realization in the Articles of Specific Part of the Criminal Code of the Russian Federation. *Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii – Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 1 (29). pp. 152–158. (In Russian).
17. Syrykh, V.V. & Vlasenko, V.N. (eds) (2016) *Verkhovensvo prava i pravovoe gosudarstvo* [The rule of law and the rule of law]. Proceedings of the 10th International Conference. Moscow: Russian State University of Justice.
18. Mikhaylov, A.A. (2016) The Principle of Proportionality: Essence, Practices of the European Court of Human Rights, Constitutional Court of the Russian Federation and Importance for Improvement of the System of Proof in the Modern Criminal Process in Russia. *Ugolovnyaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 1 (7). pp. 56–70. (In Russian). DOI: 10.17223/23088451/7/9
19. Zhukova, N.I., Kuznetsov, V.A. & Tsvetkov, A.V. (2019) Printsip proporsional'nosti v praktike Konstitutsionnogo Suda RF [The principle of proportionality in the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Molodoy uchenyy – Young Scientist*. 5. pp. 242–244. [Online] Available from: <https://moluch.ru/archive/243/56213/>. (Accessed: 01.03.2019).
20. Lipkina, N.N. (2008) *Pravovye pozitsii Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka otnositel'no svobody usmotreniya gosudarstv pri osushchestvlenii vmeshatel'stva v prava i osnovnye svobody* [Legal positions of the European Court of Human Rights regarding freedom of discretion of states when intervening in rights and fundamental freedoms]. Law Cand. Diss. Moscow.
21. Maunz, D. (2009) *Grundgesetz*. 53. Aufl.
22. Malyutin, N.S. (2015) Problem of Evaluating Punishment Proportionality in the Acts of Judicial Interpretation (Based upon Examples of Administrative Fines). *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 7 (56). July. pp. 38–43. (In Russian).
23. Karasev, R.E. (2016) *Osushchestvlenie KS RF zashchity prav i svobod cheloveka i grazhdanina* [The protection of human and civil rights and freedoms by the Constitutional Court of the Russian Federation]. Abstract of Law Cand. Diss. Tyumen.
24. Supcourt.ru. (2018) *O nekotorykh voprosakh sudebnoy praktiki po delam o prestupleniyakh protiv konstitutsionnykh prav i svobod cheloveka i grazhdanina (stat'i 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii: PPVS RF № 46 ot 25.12.2018* [On some issues of judicial practice in cases of crimes against constitutional rights and freedoms of man and citizen (Articles 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 of the Criminal Code of the Russian Federation: Ruling of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 46 of 25 December 2018]. [Online] Available from: <http://www.supcourt.ru/documents/own/27537/>.
25. Consultant.ru. (2019) *O vnesenii izmeneniya v stat'yu 138.1 Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon ot 02.08.2019 № 308-FZ* [On amending Article 138.1 of the Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 308-FZ of 02 August 2019]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_330689/.

Received: 20 September 2019

Б.В. Россинский, С.Б. Россинский

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АКТЫ КАК ФОРМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

На основе результатов исследований в области административного и уголовно-процессуального права рассмотрены уголовно-процессуальные акты как юридические формы государственного управления в его широком понимании. Подобный подход позволил сформулировать понятие уголовно-процессуальных актов и выявить их существенные признаки в контексте методологической преемственности к теории административного права и с учетом особенностей, обусловленных назначением уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: административно-правовые формы; государственное управление; правовые акты управления; правоприменительные акты; протоколы; субъекты уголовной юрисдикции; уголовно-процессуальные акты; уголовно-процессуальные решения.

Издание правовых актов управления традиционно рассматривается в административно-правовой литературе как основная форма управленческих действий. Под ними понимаются акты исполнительных органов. Прежде всего такие акты издаются органами исполнительной власти. Однако они также могут издаваться исполнительными аппаратами (их должностными лицами) других ветвей государственной власти, иных государственных органов при разрешении внутриорганизационных вопросов функционирования данных структур [1. С. 302–306]. Помимо этого, к правовым актам управления следует причислить и муниципальные акты исполнительного характера [Там же. С. 344], и локальные акты [2. С. 191].

Почему же издание актов управления связывается лишь с деятельностью исполнительного характера? Рассматривая соотношение государственного управления и исполнительной деятельности, один из авторов настоящей статьи ранее уже писал, что многие годы в нашей стране органы государственного управления отождествлялись с исполнительными и распорядительными органами [3. С. 25–26; 4]. Так, в соответствии со ст. 37 Конституции РСФСР 1918 г. Совету народных комиссаров принадлежало общее управление делами Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Подход к природе управления делами государства со стороны Совнаркома СССР и союзных народных комиссариатов получил развитие в тексте Конституции (Основного закона) Союза Советских Социалистических Республик 1924 г., в ст. 49 которой закреплялось, что наркоматы образуются для непосредственного руководства отдельными отраслями государственного управления, входящими в круг ведения Совнаркома СССР.

Данной нормой впервые был узаконен термин «государственное управление». Более того, с этого времени народные комиссариаты и появившиеся впоследствии в дополнение к ним комитеты, государственные комиссии, комиссии, управления (а затем министерства, государственные комитеты и др.), как и сами Совет народных комиссаров СССР (Совет министров СССР) и совнаркомы (советы министров) входящих в СССР республик, исполнительные и распорядительные органы (исполкомы) советов депутатов

разных уровней постепенно в обиходе стали именоваться органами государственного управления.

Такое наименование данных органов получило официальное закрепление в Конституции (Основном законе) Союза Советских Социалистических Республик 1936 г., глава V которой называлась «Органы государственного управления Союза Советских Социалистических Республик», а глава VI – «Органы государственного управления союзных республик». В статьях 72, 75, 76, 84, 87, 88 указанных глав определялось, что народные комиссариаты руководят отраслями государственного управления. Совнарком СССР, совнаркомы союзных республик, союзные и республиканские наркоматы, а также уже отмеченные выше государственные комиссии, комиссии, комитеты, управления были прямо отнесены к органам государственного управления.

Деятельность исполнительных и распорядительных органов понималась как государственное управление в различных законодательных и подзаконных нормативных правовых актах, в научной и учебной литературе. Соответственно все исполнительные и распорядительные органы именовались органами государственного управления. Более того, никакие иные государственные структуры вне зависимости от характера их работы и реального вклада в обеспечение должного развития государства, его безопасности органами государственного управления не признавались. А поскольку государственное управление отождествлялось лишь с деятельностью исполнительных и распорядительных органов, издание правовых актов управления являлось прерогативой только этих органов.

Необходимость отхода от подобного узкого понимания государственного управления и его широкого восприятия, т.е. не только как деятельности исполнительных и распорядительных административных структур, а как совокупной работы значительного массива разнообразных субъектов, обусловлена современным рассмотрением механизма государственного управления. Оно фактически является управлением большой системой, требующим реализации соответствующих кибернетических закономерностей.

Известно, что управление, органической частью которого являются сбор, передача и анализ информации, невозможно без наличия широкой сети прямых и

обратных связей. В зависимости от особенностей информационной природы тех или иных органов государственной власти, иных государственных органов, других субъектов управления им свойственны различные каналы связи. Для эффективного управления требуется использовать большой набор каналов связи, учитывать всю информацию, поступающую к субъекту управления преимущественно от независимых друг от друга источников. Этим, собственно, и обуславливается необходимость осуществления государственного управления за счет использования многих, причем желательна автономных контуров информации, присущих как одной, так и разным ветвям власти, иным государственным органам, с надлежащей координацией их функционирования¹.

Развивая подобные взгляды на понятие государственного управления, полвека назад Ю.М. Козлов уже начал использовать термины «государственное управление в широком смысле» и «государственное управление в узком смысле». Например, в учебнике по советскому административному праву, опубликованном в 1973 г., он писал, что «функции социалистического государства выполняются всеми его органами: органами государственной власти, органами государственного управления, органами суда и органами прокуратуры. На этой основе деятельность всех государственных органов или вся государственная деятельность характеризуется как управление», и далее: «...о государственном управлении можно говорить в широком смысле, понимая под ним всю деятельность социалистического государства по организующему воздействию на общественные отношения». В то же время ученый выделял различные виды государственной деятельности (в частности, правосудие, прокурорский надзор) как самостоятельные части всей работы органов государства. Исходя из этого, он говорил о государственном управлении и в узком смысле [5. С. 8–9].

Идеи Ю.М. Козлова были в определенной степени развиты другими советскими административистами. Например, А.Е. Лунев, который, также понимая государственное управление, как разновидность социального управления [6. С. 7], писал о широком и узком его смыслах. В первом случае – это деятельность всех государственных органов, во втором – лишь исполнительных и распорядительных органов [Там же. С. 8].

Отсутствие у многих ученых догматического взгляда на управление государством как исключительно на работу исполнительных и распорядительных органов (которые, как уже отмечалось, рассматривались советскими конституциями в качестве единственных органов государственного управления), признание ими допустимости широкого подхода к государственно-управленческой деятельности способствовали созданию теоретической основы изменений, произошедших в системе управления страной в первой половине 90-х гг. прошлого века. Естественно, понимание неизбежности кардинальных изменений в системе государственного управления формировалось не только у исследователей соответствующих управленческих процедур, но и у хозяйственной номенклатуры, политического руководства страны, что привело в конце концов

к отказу в новой конституции – Конституции Российской Федерации – от понятий «государственное управление» и «органы государственного управления». Государственное управление теперь фактически рассматривается как совокупная деятельность всех ветвей власти и иных государственных органов, т.е. в широком его понимании.

Подобный подход, помимо прочего, позволяет отнести к субъектам государственного управления и органы (должностных лиц), которые уполномочены на осуществление уголовно-процессуальной деятельности: суды, прокуратуру, органы предварительного расследования. Ведь уголовный процесс, имея строго определенную цель и обособленное назначение (ст. 6 УПК РФ), является одной из форм реализации государственно-управленческой деятельности (в широком смысле), необходимой для обеспечения нормальной жизнедеятельности любого общества.

К слову, наиболее отчетливо это прослеживается в части реализации своих полномочий органами дознания и предварительного следствия. Ввиду целого ряда факторов и исторических катаклизмов XX в. в России сформировалась особая, самобытная, так сказать, национальная модель уголовного судопроизводства, предполагающая интеграцию классических следственных полномочий с полицейскими, относящая процессуальную функцию предварительного расследования к компетенции «силовых» министерств и ведомств, преимущественно входящих в систему исполнительной власти. Между прочим, Следственный комитет РФ, формально являющийся обособленным государственным органом, тоже во многом подчинен классическим принципам, формам и методам исполнительно-распорядительной деятельности.

Отметим, что мощными каналами информационного обмена между субъектами и объектами системы государственного управления является ее передача посредством издания правовых актов управления. При этом доведение до объектов управления актов, изданных субъектами управления, является реализацией прямых системных связей, а изучение субъектами управления правовых актов, подготовленных объектами управления (в большей степени актов ненормативного характера), что позволяет проанализировать эффективность управленческих решений субъектов и соответствующих действий объектов, – реализацией обратных системных связей. Естественно, при широком подходе к государственному управлению понятие «правовые акты управления», в принципе, не может относиться лишь к формам деятельности исполнительных органов.

Еще И.И. Евтихийев высказывал мнение, что акты управления являются более широким понятием, чем административные акты [7. С. 10]. Не случайно в последние 15–20 лет при рассмотрении правовых актов управления непосредственно исполнительных органов в литературе наравне с термином «правовые акты управления» (а зачастую вместо него) стали нередко употребляться такие словосочетания, как административные акты [1. С. 306–307], административно-правовые акты [8. С. 12], акты органов исполнительной власти [9. С. 71], акты государственной администрации [10. С. 257–265] и др.

И в этой связи интересно рассмотреть природу уголовно-процессуальных актов, которые приобретают особое значение среди всего многообразия действий, решений, иных форм реализации полномочий, прав или обязанностей государственных органов, должностных лиц и иных участников производства по уголовному делу.

В теории под уголовно-процессуальными актами традиционно понимались действия и решения субъектов уголовной юрисдикции (органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда), произведенные (принятые) посредством реализации установленных УПК РФ государственно-властных полномочий и обуславливающие возникновение, изменение или прекращение соответствующих уголовно-процессуальных отношений [11. С. 200–201; 12. С. 4; 13. С. 20 и др.]. И именно такой подход был в свое время использован одним из авторов настоящей статьи при формулировании дефиниции уголовно-процессуальных актов, адресованной студентам юридических вузов и факультетов [14. С. 113].

Хотя справедливости ради следует обратить внимание, что в специальной литературе встречаются и несколько иные позиции. Например, А.Ю. Головин, В.В. Грибков и А.В. Победкин наряду с действиями и решениями государственных органов и должностных лиц также относят к уголовно-процессуальным актам документально закрепленные формы поведения любых других участников уголовного судопроизводства [15. С. 7–8]. Некоторые современные исследователи среди прочих выделяют уголовно-процессуальные акты адвоката [16. С. 9–10; 17. С. 162–166] и т.д.

Вместе с тем вышеуказанные позиции носят самый общий, неопределенный характер. Авторы в своих публикациях не уделяют должного внимания исследованию и осмыслению сущности, понятия и признаков уголовно-процессуальных актов. Они позиционируют эти акты как некую данность, само собой разумеющуюся правовую аксиому, рассматривая преимущественно вопросы их систематизации и классификации, а также частные проблемы, касающиеся содержания и юридического оформления отдельных уголовно-процессуальных документов.

Наиболее фундаментально уголовно-процессуальные акты (в контексте досудебного производства) были рассмотрены 30 лет назад в работах Н.Г. Муратовой. Методологически оттолкнувшись от общей теории права, принимая во внимание специфику уголовно-процессуальных правоотношений в досудебных стадиях, она попыталась выявить и проанализировать сущностные признаки актов, издаваемых органами предварительного расследования, определив их как направленные на осуществление задач уголовного судопроизводства, производимые с соблюдением установленной законом процессуальной формы в ходе предварительного следствия или дознания процессуальные действия прокурора, следователя (начальника следственного отдела) или лица, производящего дознание, облеченные в письменную форму процессуального документа [18. С. 22].

Принимая во внимание всю фундаментальность проведенных Н.Г. Муратовой изысканий в этом сег-

менте науки уголовного процесса, мы, тем не менее, вынуждены констатировать необходимость проведения дальнейших доктринальных исследований указанных проблем, сопряженных с частичным переосмыслением выдвинутых ею позиций. Ведь за прошедшие годы национальная система уголовного судопроизводства претерпела существенные изменения, обусловленные переходом Российской Федерации к новым политическим и социально-экономическим отношениям, признанием приоритета прав и свобод личности, ратификацией международно-правовых документов и т.д. Все эти предпосылки предопределили изменение концептуальных подходов к предварительному расследованию и судебному разбирательству уголовных дел в контексте поиска собственного пути дальнейшего развития уголовного судопроизводства, с одной стороны, отвечающего существующим международным стандартам, а с другой – учитывающего национальные традиции и богатый опыт, накопленный в этой сфере за многие годы. В частности, ввиду передачи ряда решений, ограничивающих конституционные права и свободы личности в исключительное ведение суда, новый УПК РФ предусматривает механизмы судебного контроля за досудебным производством, предполагающие необходимость составления органами дознания и предварительного следствия ряда документов принципиально нового типа – не являющихся результатом реализации властных полномочий (например, ходатайства об избрании / продлении меры пресечения арестантского характера, ходатайства о производстве осмотра, обыска или выемки в жилище и т.д.), статус которых в контексте традиционных подходов к уголовно-процессуальным актам пока остается малоопределенным.

Кроме того, в последнее время представители смежных юридических наук, в первую очередь административного права, стали вновь проявлять большой интерес к проблемам правовых актов управления как необходимого элемента функционирования публичной власти, обязательного атрибута государственно-управленческой деятельности. Очевидно, что результаты подобных исследований тоже не могут не учитываться учеными-процессуалистами, не оказывать влияния на уголовно-процессуальную доктрину в части формирования новых подходов к сущности правовых актов, входящих в содержание уголовного судопроизводства. Ввиду современных тенденций, выраженных в интеграции различных юридических наук, в возникновении и развитии межотраслевых связей, да и просто, исходя из здравого смысла, игнорирование накопленного «научного богатства», которым располагают представители других юридических специальностей по близкой проблематике, было бы явно неконструктивно и ошибочно.

Итак, что же сегодня представляют собой уголовно-процессуальные акты? Каковы их сущностные признаки?

Сам по себе термин «акт» (лат. *actus* – действие) в русском языке имеет множество различных толкований, сводящихся к двум основным понятиям: а) некое единичное действие; б) документ, удостоверяющий какие-либо обстоятельства [19]. Поэтому в общей

теории государства и права под правовым актом традиционно понимается обличенное в документальную форму, имеющее официальный характер и обладающее юридической силой властное волеизъявление уполномоченного субъекта (государственного органа, должностного лица и т.д.), направленное на регулирование общественных отношений [20. С. 192–193; 21. С. 231; 22. С. 255 и др.]. В частности, Ю.А. Тихомиров выделяет следующие существенные признаки правовых актов: а) письменный способ оформления; б) официальный характер, заключающийся в издании от имени органа, организации либо государства; в) ограниченность пределами компетенции автора; г) целевую ориентацию; д) направленность на регулирование общественных отношений; е) общеобязательный характер для всех адресатов; ж) нахождение на определенном месте в сложных правовых механизмах, существующих обществу и государству [21. С. 231–233].

Рассматривая выше сущность правовых актов управления, мы не приводили их дефиниции, содержащиеся в административно-правовой литературе. Здесь же укажем, что в науке административного права под правовым актом ученые обычно понимают выдвинутое на основе закона в одностороннем порядке и в соответствии с установленной административной процедурой властное волеизъявление уполномоченного субъекта управленческой деятельности, определяющее поведение адресата (адресатов) и направленное на установление административно-правовых норм или возникновение, изменение либо прекращение административных правоотношений [1. С. 306–311; 2. 186–188; 23. С. 173].

Среди последних работ административно-правовой направленности, посвященных указанной проблематике, особо следует выделить цикл публикаций В.П. Уманской [9, 24, 25], которая, обобщив результаты многих научных изысканий предшественников, сформулировала наиболее полный перечень существенных признаков, выделяющих правовые акты из множества других форм и методов государственно-управленческой либо иной юридической деятельности. К таковым автор относит: а) государственно-властный характер; б) резолютивный характер (содержат управленческое решение); в) нахождение в ведении уполномоченных субъектов; г) в односторонний порядок вынесения; д) специальную форму и нормативно установленную процедуру принятия; е) официальный характер; ж) юридические последствия; з) императивный характер; и) подзаконность; к) нахождение в иерархической системе правовых актов [24. С. 71–76].

Представляется, что уголовно-процессуальные акты также являются типичными формами реализации публично-правовых функций государства, фактически разновидностью правовых актов управления в их широком понимании. Вполне очевидно, что указанные правовые категории соотносятся между собой в той же степени, в которой само производство по уголовному делу взаимосвязано с общей системой функций современного государства.

И поэтому уголовно-процессуальные акты во многом должны отвечать вышеуказанным признакам, а подходы к определению их сущности – формировать-

ся на основе единой методологической базы с работами по общей теории права в целом, административному праву и теории управления в частности. Однако не следует забывать и специфический характер уголовно-процессуальной деятельности, требующий пристального осмысления каждого из указанных признаков с учетом назначения уголовного судопроизводства и особенностей правоотношений, входящих в предмет уголовно-процессуального регулирования. Остановимся на них более подробно.

1. Вполне очевидно, что любой уголовно-процессуальный акт должен обладать *официальным, государственно-властным характером* и, как следствие, *находиться в ведении строго определённых публично-правовых субъектов, наделённых соответствующими полномочиями*. В судебных стадиях таковым субъектом может быть исключительно суд; в досудебном производстве уголовно-процессуальный акт является результатом деятельности органов дознания, предварительного следствия и прокурора, а применительно к правоотношениям, предусмотренным ч. 2 и 3 ст. 29 УПК РФ, – суда.

В этой связи мы не можем согласиться с вышеприведенными позициями авторов, причисляющими к уголовно-процессуальным актам формы реализации своих прав другими (непубличными) субъектами производства по уголовному делу: подозреваемым, обвиняемым, защитником, потерпевшим и т.д. В обоснование данной и, на наш взгляд, не совсем верной точки зрения Н.Г. Муратова указывает, что уголовно-процессуальная деятельность слагается не только из процессуальных действий и документов государственных органов, но и из процессуальных действий и документов других участников [18. С. 9]. Такое утверждение действительно разумно и справедливо, поскольку современный тип уголовного судопроизводства (как состязательный, так и смешанный) предполагает наделение всех участвующих в нем лиц широким спектром юридических возможностей, обуславливающих целую систему механизмов по их использованию (например, заявление ходатайств, обжалование, направление письменных возражений и пр.).

Однако подобный тезис вовсе не означает, что все участвующие в уголовном деле лица уполномочены законом на издание собственных процессуальных актов. В противном случае это приведет к еще большей неопределенности, так как категория «уголовно-процессуальный акт» просто потеряет свою доктринальную и правовую автономность и фактически сможет применяться ко всякому процессуальному документу или вообще к любому предусмотренному УПК РФ действию или решению любого субъекта. Поэтому если толковать понятие уголовно-процессуального акта в каком-то более широком, бытовом, обиходном значении, то позиция профессора Н.Г. Муратовой и солидарных с ней ученых вполне приемлема и допустима. Но в контексте научной доктрины, предполагающей строго определенные формулировки, наполненные конкретным юридическим смыслом, под уголовно-процессуальным актом все-же следует понимать предусмотренное законом волеизъявление субъекта уголовной юрисдикции (органа до-

знания, предварительного следствия, прокурора или суда), обусловленное соответствующими полномочиями государственно-властного характера.

Кстати, по этой же причине в число уголовно-процессуальных актов нельзя включать формы поведения органов дознания, предварительного следствия и прокурора, которые не имеют собственной властной природы, а всего лишь содержат официальную просьбу о проведении определенных действий или принятии определенных решений, адресованную субъекту с более высокой степенью юрисдикционных полномочий (например, ходатайство следователя о заключении обвиняемого под стражу; ходатайство органа дознания о производстве обыска в жилище, ходатайство государственного обвинителя, заявленное в судебном заседании и т.д.).

2. Уголовно-процессуальный акт, как и любой иной акт государственно-управленческой деятельности, выносится *в одностороннем порядке*, исключая возможность влияния тех субъектов, которым он адресован, на содержащееся в нем волеизъявление государственно-властного характера. Вместе с тем этот признак предполагает известную степень условности, связанную с многообразием уголовно-процессуальных отношений и соответствующих юридических гарантий.

Кстати, подобная условность свойственна не только уголовно-процессуальным, но и многим другим актам государственно-управленческой деятельности. В частности, рассматривая эти вопросы применительно к сфере административно-правового регулирования, В.П. Уманская пишет, что односторонний характер издания не исключает учет уполномоченным субъектом воли граждан, общественных интересов или нужды юридических лиц; во многих случаях именно публичная инициатива физических или юридических лиц, выраженная в предложениях, заявлениях, жалобах, ходатайствах и т.д., служит основанием для издания индивидуальных правовых актов. А ряд административных правовых актов вообще издается совместно двумя или более субъектами. Поэтому односторонний порядок подразумевает, что властные полномочия на издание правового акта принадлежат только одной стороне этих правоотношений – государственным органам [24. С. 72].

В контексте уголовного судопроизводства выявленные В.П. Уманской условности в одностороннем порядке принятия правовых актов могут выражаться в следующем: а) в утверждении (даче согласия) прокурором, руководителем следственного органа или начальником органа дознания некоторых решений следователя или дознавателя; б) отсутствии возражений со стороны подозреваемого или обвиняемого на прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям; в) возбуждении частного-публичного уголовного преследования не иначе как по заявлению потерпевшего или его законного представителя; г) обязанности прекращения уголовного дела частного обвинения в связи с примирением обвиняемого с потерпевшим и т.д.

3. Любой уголовно-процессуальный акт должен обладать *императивным характером*, выраженным в

его обязательности для всех прямых или косвенных адресатов. В целях обеспечения указанного требования законодатель предусматривает целую систему юридических санкций, в том числе мер уголовно-процессуального принуждения – особых правовых средств воздействия на поведение участвующих в уголовном деле лиц, направленных на предупреждение или пресечение их ненадлежащего поведения. Например, в случае неисполнения обязанности по явке к следователю, возникающей вследствие вынесения постановления о признании человека потерпевшим, он может быть подвергнут приводу; при нарушении обязательств, вытекающих из постановления о применении к обвиняемому подписки о невыезде и надлежащем поведении, он может быть взят под стражу и т.д.

Уголовному судопроизводству известны и так называемые внешние санкции, урегулированные нормами не УПК РФ, а иных законов, обеспечивающие императивность уголовно-процессуальных актов как бы извне, со стороны, т.е. посредством установления юридической ответственности за ненадлежащее поведение соответствующего участника. Например, при отказе свидетеля от дачи показаний он может быть привлечен к уголовной ответственности по ст. 308 УК РФ; в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения сотрудником Следственного комитета РФ своих служебных обязанностей он может быть подвергнут дисциплинарному взысканию в соответствии со ст. 28 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» и пр.

4. Уголовно-процессуальные акты являются *частью общей иерархической системы правовых актов государства*, обусловленной сложными, многоступенчатыми механизмами реализации публичной власти. Ввиду нахождения сферы уголовно-процессуального регулирования в исключительном федеральном ведении вынесенные по уголовным делам правоприменительные акты занимают в этой системе одну из высших ступеней.

Вполне очевидно, что из всех уголовно-процессуальных актов приоритетное значение имеют акты органов судебной власти, поскольку в современных условиях именно суд занимает главенствующее положение среди субъектов уголовной юрисдикции, являясь государственным органом, обладающим исключительными полномочиями по осуществлению правосудия. Тем более что согласно ч. 1 ст. 8 УПК РФ судьи независимы и подчиняются только Конституции РФ и федеральному закону. Но даже при таком подходе признак иерархичности вполне ощутим, поскольку многие судебные акты уголовно-процессуальной направленности находятся в зависимости от других судебных актов, имеющих преобладающую юридическую силу. Например, в случае отмены судебного решения в апелляционной инстанции с передачей уголовного дела на новое разбирательство суд первой инстанции обязан вынести процессуальный акт о назначении очередного судебного заседания и т.п.

Однако наиболее ярко иерархичность системы уголовно-процессуальных актов прослеживается в части правоприменительной практики органов дозна-

ния, предварительного следствия и прокуратуры, организация и деятельность которых, как уже отмечалось выше, во многом соответствует «классическим» принципам, формам и методам осуществления исполнительной власти. Целый ряд действий и решений следователя поставлен в зависимость от процессуально-контрольных актов руководителя следственного органа, действий и решений дознавателя – от актов прокурорского надзора, решений прокурора – от актов вышестоящего прокурора и т.д.

5. Уголовно-процессуальные акты имеют *подзаконный характер*, обуславливающий их строгое соответствие требованиям федеральных законов, в первую очередь Уголовно-процессуального кодекса РФ, имеющего в случаях возникновения коллизий нормативно установленный приоритет перед иными равными по юридической силе источниками права (ч. 1–2 ст. 7 УПК РФ). Вместе с тем такой приоритет не является догматичным, исключая возможность влияния на вынесение уголовно-процессуальных актов других, в том числе и несколько расходящихся с УПК РФ по содержанию федеральных законов. Рассматривая указанные вопросы, Конституционный Суд РФ с своим Определением от 8 ноября 2005 г. № 439-О указал, что приоритет УПК РФ перед иными федеральными законами может быть ограничен: а) более поздним по времени принятия законом; б) законом, специально предназначенным для регулирования соответствующих отношений; в) законом, устанавливающим дополнительные гарантии прав и законных интересов отдельных категорий лиц, обусловленные в том числе их особым правовым статусом.

Говоря о подзаконном характере правовых актов государственно-управленческой деятельности применительно к общей теории права в целом и административному праву в частности, ученые обычно подразумевают под ними как нормативные, так и ненормативные (правоприменительные) акты органов государственной власти, местного самоуправления, организаций. Обосновывая необходимость существования первых, они отмечают, что многие положения федеральных законов нуждаются в конкретизации и не могут быть реализованы сами по себе [24. С. 75].

Подобные потребности существуют и в сфере уголовно-процессуального регулирования. И в этой связи мы позволим себе не согласиться с авторами, утверждающими об исключительно законодательном характере источников уголовно-процессуального права [26. С. 33]. Невзирая на особый режим производства по уголовному делу, существенным образом затрагивающий наиболее фундаментальные права и свободы личности и, таким образом, требующий именно законодательного закрепления процессуальной формы, некоторые положения организационно-технического характера, некоторые нормы, предназначенные для «внутреннего» пользования, вполне могут регламентироваться на подзаконном уровне. Тем более, что сам УПК РФ «перепоручает» правовое регулирование определенных вопросов, возникающих в следственной или судебной практике, Правительству РФ, например, касающихся хранения, уничтожения или реализации отдельных видов вещественных

доказательств (4 ч. 3 ст. 81 и ч. 2 ст. 82 УПК). Помимо постановлений Правительства РФ к подзаконным нормативным правовым актам в сфере уголовно-процессуального регулирования относятся различные ведомственные и межведомственные приказы Генеральной прокуратуры РФ, Следственного комитета РФ и других органов, участвующих в производстве по уголовному делу.

Вместе с тем такие документы вряд ли можно считать уголовно-процессуальными актами ввиду их несоответствия рассмотренным выше признакам. Постановления Правительства РФ, ведомственные и межведомственные приказы нормативного характера принимаются за рамками уголовного судопроизводства вне правового режима, установленного УПК РФ и не посредством юрисдикционных полномочий органов предварительного расследования, прокуратуры и суда. Поэтому, несмотря на свою уголовно-процессуальную направленность, указанные подзаконные нормативные акты являются типичными формами административно-правового регулирования, но применяемыми в особом сегменте государственно-управленческой деятельности – при производстве по уголовному делу. Таким образом, уголовно-процессуальные акты *имеют исключительно ненормативную сущность и правоприменительное содержание*.

6. Еще одним обязательным признаком любого уголовно-процессуального акта являются наличие обязательных *юридических последствий*, выраженных в возникновении новых, изменении или прекращении уже существующих правоотношений либо состояний.

Видимо, именно по этой причине УПК РФ не предусматривает необходимости издания специальных уголовно-процессуальных актов в тех случаях, когда принимаемое решение не связано с возникновением, изменением или прекращением каких-либо правоотношений, в первую очередь, когда оно как бы обращено к самому себе. Таковым, например, является решение следователя об окончании «познавательного» этапа предварительного расследования (о завершении проведения следственных действий) и переходе к процедурам ознакомления заинтересованных лиц с материалами уголовного дела (ст. 215 УПК РФ).

7. Уголовно-процессуальные акты всегда имеют *резолютивный характер*, т.е. содержат государственно-властные решения (резолуции) органов предварительного расследования, прокурора или суда.

В науке административного права (и в общей теории права) такую особенность актов управления традиционно связывают с направленностью на реализацию конкретных общественных задач [24. С. 71]. Поэтому, следуя обозначенному выше вектору определения сущности уголовно-процессуальных актов через методологическую преемственность к правовым актам управления, можно смело сказать, что их резолютивный характер обусловлен установленным ст. 6 УПК РФ назначением уголовного судопроизводства как особой формы государственно-управленческой деятельности.

Однако резолютивный характер уголовно-процессуального акта вовсе не предполагает обязательного вынесения соответствующего документа-

решения (приговора, постановления, определения и т.п.). В соответствии с действующим законом многие так называемые промежуточные (текущие) решения органов дознания, предварительного следствия или суда находят свое внешнее выражение посредством протоколирования. Иными словами, современному уголовному процессу известно достаточное количество актов протокольного характера – своеобразных актов-действий.

Вообще протоколами (гр. *protokollon* – первый лист манускрипта) в уголовном судопроизводстве РФ принято считать документы, фиксирующие ход и результаты следственных, судебных и иных процессуальных действий (актов-действий). Вполне очевидно, что основное предназначение протоколирования – обеспечить потенциальным читателям (суду, прокурору, иным участникам уголовного процесса) возможность впоследствии уяснить (мысленно реконструировать) содержание, направленность и динамику проводимых познавательных и организационно-обеспечительных приемов, формы поведения присутствующих лиц, исследовать и проверить итоги процессуального действия для оценки доброкачественности полученных результатов. Например, казалось бы, о каком резолютивном характере может идти речь при описании следователем в протоколе осмотра места происшествия обнаруженных следов преступления или иных объектов? Что резолютивного можно усмотреть в фиксации в протоколе допроса свидетеля его показаний или ответов на заданные вопросы?

Однако это не совсем так. Ведь практически любое следственное, судебное либо иное процессуальное действие наряду с внешними формами поведения участвующих лиц предполагает возможность принятия целого ряда различных мини-решений дознавателя, следователя или суда, в определенной степени влекущих возникновение, изменение или прекращение тех или иных правоотношений. Так, в ходе производства осмотра места происшествия, жилища, автотранспортного средства и т.д. следователь вправе принять решение об изъятии определенных объектов для приобщения к материалам дела (ч. 3 ст. 177 УПК РФ), а при обыске – даже применить принуждение, выраженное в возможности вскрытия любого помещения или адресованного присутствующим запрета покидать, общаться друг с другом и пр. (ч. 6, 8 ст. 182 УПК РФ). И все же наиболее наглядно данный феномен проявляется в части фиксации судебного заседания, предполагающей протоколирование всех текущих процессуальных решений суда, за исключением тех, которые принимаются тайно (в совещательной комнате) и оформляются отдельным судебным актом – постановлением или определением (ст. 256 УПК РФ).

Кроме того, не следует забывать и о протокольной форме решения о задержании лица по подозрению в совершении преступления (ст. 92 УПК РФ) – своеобразном исключении из общего правила о применении установленных разделом IV УПК РФ мер принуждения посредством вынесения мотивированного постановления (определения). К слову, по наиболее распространенному в литературе мнению, это исключе-

ние объясняется некоей традицией [27. С. 231]. И хотя один из авторов настоящей статьи в своих публикациях выявляет более глубокие корни подобной формы фиксации данного решения [28. С. 116–117] и указывает на целесообразность полного исключения этого правового инструмента из системы уголовно-процессуального регулирования [Там же. С. 55–56], протокол задержания подозреваемого пока сохраняет свое значение как резолютивный акт досудебного производства по уголовному делу.

8. Уголовно-процессуальные акты имеют специальную форму и нормативно установленную процедуру принятия. В этой связи необходимо обратить внимание на весьма различную степень формализации тех или иных уголовно-процессуальных актов в зависимости от их предназначения и характера воздействия на поведение участвующих лиц. Некоторые решения предполагают достаточно жесткие правила вынесения, фиксации, обращения к исполнению. А в части самых важных, концептуальных актов (приговора, постановления о возбуждении уголовного дела, постановления о привлечении в качестве обвиняемого и др.) законодатель регламентирует буквально каждый шаг дознавателя, следователя, прокурора или суда. Тогда как многие другие процессуальные акты не требуют столь жесткой формализации. Порядок вынесения, фиксации, обращения к исполнению советующих решений имеет более свободный характер. К таковым, например, можно отнести постановление прокурора, связанное с разрешением спора о подследственности, постановление руководителя следственного органа, начальника органа дознания или суда о восстановлении утраченного уголовного дела и т.д. К ним, безусловно, относятся и многие указанные выше текущие мини-решения, подлежащие фиксации посредством протоколирования соответствующего процессуального действия.

В публикациях по административному праву указывается, что правовые акты управления могут издаваться как в устной, так и в письменной форме [2. С. 187; 10. С. 264; 24. С. 72]. Однако представляется, что, исходя из специфики уголовного судопроизводства, все правовые акты органа дознания, предварительного следствия, прокурора или суда должны иметь лишь письменную форму, позволяющую обеспечить необходимые гарантии их доброкачественности, в частности установленные ч. 4 ст. 7 УПК РФ требования законности, обоснованности и мотивированности любого принимаемого решения.

Резюмируя вышеизложенное, мы приходим к выводу, что уголовно-процессуальными актами следует считать находящиеся в иерархической системе, облеченные в процессуальную форму официальные императивные односторонние волеизъявления органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, содержащие подзаконные правоприменительные решения государственно-властного характера, направленные на возникновение, изменение или прекращение правоотношений либо состояний в сфере уголовного судопроизводства.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹Более подробно эти вопросы были рассмотрены одним из авторов настоящей статьи в работе «Размышления о государственном управлении и административной ответственности» [4. С. 6–15].

ЛИТЕРАТУРА

1. Россинский Б.В., Старилов Ю.Н. Административное право : учебник. 6-е изд. М. : Норма, 2019.
2. Административное право : учебник / под ред. Л.Л. Попова, М.С. Студеникиной. 2-е изд. М. : Норма, 2016.
3. Россинский Б.В. Исполнительная власть и государственное управление // Lex Russica. 2018. № 7.
4. Россинский Б.В. Размышления о государственном управлении и административной ответственности // Административное право и процесс. 2016. № 5.
5. Советское административное право / под ред. Ю.М. Козлова. М. : Юрид. лит., 1973.
6. Лунев А.Е. Теоретические проблемы государственного управления. М. : Наука, 1974.
7. Евтихий И.И. Виды и формы административной деятельности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М. : ВИЮН, 1948.
8. Яхин Ф.Ф. Действие административно-правовых актов : дис. ... канд. юрид. наук. М. : МГИМО, 2004.
9. Уманская В.П. Правовые акты органов исполнительной власти: системный подход / отв. ред. Б.В. Россинский. М. : Норма, 2015.
10. Бахрах Д.Н. Административное право : учебник. 5-е изд. М. : ЭКСМО, 2010.
11. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М. : Наука, 1968.
12. Лупинская П.А. Законность и обоснованность решений в уголовном судопроизводстве. М. : ВЮЗИ, 1972.
13. Уголовно-процессуальные акты : учеб. пособие для бакалавриата, специалитета и магистратуры / под ред. Г.В. Стародубовой. 2-е изд. М. : Юрайт, 2018.
14. Россинский С.Б. Уголовный процесс : учебник. М. : Эксмо, 2009.
15. Головин А.Ю., Грибков А.В., Победкин А.В. Уголовно-процессуальные документы: правовая регламентация, составление, ошибки: учеб. пособие. Тула : ТулГУ, 1999.
16. Муратова Н.Д. Процессуальные акты адвоката в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. : Академия экономической безопасности МВД России, 2009.
17. Величко А.С. Ходатайства адвоката в системе уголовно-процессуальных актов // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 10 (59).
18. Муратова Н.Г. Процессуальные акты органов предварительного расследования. Вопросы теории и практики. Казань : Казан. гос. ун-т, 1989.
19. Большой современный толковый словарь русского языка. URL: <https://slovar.cc/rus/tolk/3228.html>
20. Алексеев С.С. Общая теория права. М. : Юрид. лит., 1982. Т. II.
21. Тихомиров Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика. М. : Формула права, 2008.
22. Морозова Л.А. Теория государства и права : учебник. 4-е изд. М. : Эксмо, 2010.
23. Корнев А.П. Административное право России : учеб. М. : Щит-М, 1999. Ч. 1.
24. Уманская В.П. Правовые акты органов исполнительной власти. Теория и практика / под ред. Б.В. Россинского. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2013.
25. Уманская В.П. Конституционный потенциал современного государственного управления в России. 25 лет: реальные достижения и нерешенные проблемы административного права // Административное право и процесс. 2018. № 12.
26. Уголовный процесс : учебник / под ред. В.П. Божьева. 3-е изд. М. : Спарк, 2002.
27. Баев О.Я., Баев М.О. Современный правовой механизм задержания подозреваемого в совершении преступления и проблемы его совершенствования // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Право. 2016. № 2.
28. Россинский С.Б. Задержание подозреваемого: конституционно-межотраслевой подход. М. : Проспект, 2019.

Статья представлена научной редакцией «Право» 26 июня 2019 г.

Criminal Procedure Acts as Forms of Public Administration

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 448, 246–254.

DOI: 10.17223/15617793/448/31

Boris V. Rossinskiy, Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russian Federation). E-mail: boris.rossinskiy@gmail.com

Sergey B. Rossinskiy, Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russian Federation). E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

Keywords: administrative and legal forms; public administration; legal acts of administration; law enforcement acts; protocols; subjects of criminal jurisdiction; criminal procedure acts; criminal procedure decisions.

The aim of this article is a comprehensive doctrinal and legal study of criminal procedure acts as specific means of administration in its broad sense, which involves the activities of all branches of government and other state bodies. The methodological basis of the article includes general scientific methods of cognition (system analysis, comparison, generalization, synthesis, deduction, analogy) and specific methods: historical law, comparative law, law enforcement studies, technical and legal, and others. Summarizing the currently existing research results in the field of legal acts, the authors of the article substantiate the thesis that criminal procedural acts of inquiry, preliminary investigation, prosecutor's office and the court are also specific means of public administration. Therefore, they are subject to further consideration in the context of methodological continuity to theories of administrative law, yet with due account of the peculiarities predetermined by the purpose of criminal proceedings. A similar approach, expressed in the integration of various legal sciences and in the development of intersectoral relations, specifies the following essential features of criminal procedure acts: (a) their official, governmental nature, which brings them under the jurisdiction of public law entities with appropriate powers; (b) a unilateral procedure for their issuance, which excludes the possibility of influence from subjects they are addressed to on the expression of will in them; (c) imperativeness expressed in the obligatoriness of any criminal procedure act for all its addressees; (d) the place of criminal procedure acts in the general hierarchical system of state legal acts characterized by complex, multi-stage mechanisms for the implementation of public authority; (e) the regulatoriness of criminal procedure acts and the non-normative nature and law enforcement content related to it; (f) mandatory legal consequences of any criminal procedure act expressed in the emergence of new legal relations, change or termination of already existing ones; (g) their resolute nature, which

suggests governmental decisions (resolutions) of preliminary investigation bodies, the prosecutor or the court; (h) a special form and normatively established procedure for the adoption of criminal procedure acts. The authors come to the following conclusion: criminal procedure acts are hierarchically systematized official imperative unilateral expressions of inquiry, preliminary investigation, prosecutor's office and court, containing subordinate law-enforcement decisions of a governmental nature, aimed at emergence, change or termination of legal relations or conditions in the field of criminal proceedings.

REFERENCES

1. Rossinskiy, B.V. & Starilov, Yu.N. (2019) *Administrativnoe pravo* [Administrative law]. 6th ed. Moscow: Norma.
2. Popov, L.L. & Studenikina, M.S. (eds) (2016) *Administrativnoe pravo* [Administrative law]. 2nd ed. Moscow: Norma.
3. Rossinskiy, B.V. (2018) Executive Power and Public Administration. *Lex Russica. 7*. (In Russian). DOI: 10.17803/1729-5920.2018.140.7.024-038
4. Rossinskiy, B.V. (2016) Reflections about the Government and Administrative Responsibility. *Administrativnoe pravo i protsess – Administrative Law and Procedure. 5*.
5. Kozlov, Yu.M. (ed.) (1973) *Sovetskoe administrativnoe pravo* [Soviet administrative law]. Moscow: Yurid. lit.
6. Lunev, A.E. (1974) *Teoreticheskie problemy gosudarstvennogo upravleniya* [Theoretical problems of public administration]. Moscow: Nauka.
7. Evtikhiev, I.I. (1948) *Vidy i formy administrativnoy deyatel'nosti* [Types and forms of administrative activity]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow: VIYuN.
8. Yakhin, F.F. (2004) *Deystvie administrativno-pravovykh aktov* [The effect of administrative acts]. Law Cand. Diss Moscow: MGIMO.
9. Umanskaya, V.P. (2015) *Pravovye akty organov ispolnitel'noy vlasti: sistemnyy podkhod* [Legal acts of executive authorities: A systematic approach]. Moscow: Norma.
10. Bakhrakh, D.N. (2010) *Administrativnoe pravo* [Administrative law]. 5th ed. Moscow: EKSMO.
11. Strogovich, M.S. (1968) *Kurs sovetskogo ugovnogo protsesssa* [A course of the Soviet criminal procedure]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
12. Lupinskaya, P.A. (1972) *Zakonnost' i obosnovannost' resheniy v ugovnom sudoproizvodstve* [Legality and validity of decisions in criminal proceedings]. Moscow: VYuZL.
13. Starodubova, G.V. (ed.) (2018) *Ugovno-protsessual'nye akty* [Criminal procedure acts]. 2nd ed. Moscow: Yurayt.
14. Rossinskiy, S.B. (2009) *Ugovnyy protsess* [Criminal procedure]. Moscow: Eksmo.
15. Golovin, A.Yu. et al. (1999) *Ugovno-protsessual'nye dokumenty: pravovaya reglamentatsiya, sostavlenie, oshibki* [Criminal procedure documents: legal regulation, drafting, errors]. Tula: Tula State University.
16. Muratova, N.D. (2009) *Protsessual'nye akty advokata v ugovnom sudoproizvodstve* [Procedural acts of a lawyer in criminal proceedings]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow: Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
17. Velichko, A.S. (2015) Lawyers' petitions within criminal procedure act. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. 10* (59). (In Russian). DOI: 10.17803/1994-1471.2015.59.10.182-188
18. Muratova, N.G. (1989) *Protsessual'nye akty organov predvaritel'nogo rassledovaniya. Voprosy teorii i praktiki* [Procedural acts of the preliminary investigation bodies. Issues of theory and practice]. Kazan: Kazan State University.
19. Slovar.cc. (n.d.) *Akt* [Act]. [Online] Available from: <https://slovar.cc/rus/tolk/3228.html>.
20. Alekseev, S.S. (1982) *Obshchaya teoriya prava* [General theory of law]. Vol. II. Moscow: Yurid. lit.
21. Tikhomirov, Yu.A. (2008) *Pravovoe regulirovanie: teoriya i praktika* [Legal regulation: theory and practice]. Moscow: Formula prava.
22. Morozova, L.A. (2010) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law]. 4th ed. Moscow: Eksmo.
23. Korenev, A.P. (1999) *Administrativnoe pravo Rossii* [Administrative law of Russia]. Pt. 1. Moscow: Shchit-M.
24. Umanskaya, V.P. (2013) *Pravovye akty organov ispolnitel'noy vlasti. Teoriya i praktika* [Legal acts of executive authorities. Theory and Practice]. Moscow: YuNITI-DANA.
25. Umanskaya, V.P. (2018) Constitutional Potential of Modern Public Administration in Russia. 25 Years: Real Accomplishments and Unsolved Problems of Administrative Law. *Administrativnoe pravo i protsess – Administrative Law and Procedure. 12*. (In Russian).
26. Bozh'ev, V.P. (ed.) (2002) *Ugovnyy protsess* [Criminal procedure]. 3rd ed. Moscow: Spark.
27. Baev, O.Ya. & Baev, M.O. (2016) On Problems of Modern Legal Detention Procedure of Suspect of Committing a Crime and Its Improvement. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Pravo – Proceedings of VSU. Series: Law. 2*. (In Russian).
28. Rossinskiy, S.B. (2019) *Zaderzhanie podozrevaemogo: konstitutsionno-mezhotraslevoy podkhod* [Detention of a suspect: A constitutional-intersectoral approach]. Moscow: Prospekt.

Received: 26 June 2019

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЙЗИКОВА Ирина Александровна – д-р филол. наук, зав. кафедрой общего литературоведения, издательского дела и редактирования Томского государственного университета. E-mail: wand2004@mail.ru

АКИНИНА Мария Дмитриевна – магистрант кафедры общей и экспериментальной физики Томского государственного университета. E-mail: maakin1993@yandex.ru

АЛЕКСАНДРОВ Александр Сергеевич – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России. E-mail: anrc@rambler.ru

АНДРЕЕВА Ольга Ивановна – д-р юрид. наук, доцент, зав. кафедрой уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Томского государственного университета. E-mail: univer_tgu@rambler.ru

БОРИСОВ Денис Алексеевич – канд. ист. наук, зав. кафедрой мировой экономики, международных отношений и права Новосибирского государственного университета экономики и управления. E-mail: denisborisov69@gmail.com

БУГРОВ Константин Дмитриевич – д-р ист. наук, вед. науч. сотр. лаборатории междисциплинарных гуманитарных исследований Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (г. Екатеринбург). E-mail: k.d.bugrov@gmail.com

ВОЛКОВ Иван Олегович – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: wolkoviv@gmail.com

ГНЮСОВА Ирина Федоровна – канд. филол. наук, доцент кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Томского государственного университета. E-mail: irbor2004@mail.ru

ГРИБОВСКИЙ Михаил Викторович – д-р ист. наук, доцент кафедры российской истории Томского государственного университета. E-mail: mgrib@mail2000.ru

ЖИЛЯКОВА Эмма Михайловна – д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: emmaluk@yandex.ru

ЗАЙЦЕВ Олег Александрович – д-р юрид. наук, и.о. зав. отделом уголовного, уголовно-процессуального законодательства, судоустройства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (г. Москва); гл. науч. сотр. отдела проблем уголовного судопроизводства Российского государственного университета правосудия (г. Москва). E-mail: crim@izak.ru

ЗАЛЕСНЫ Яцек – д-р конституционного права, профессор факультета политологии и международных исследований Варшавского университета (Польша). E-mail: zalesnyjacek@gmail.com

ЗАПАРИЙ Василий Владимирович – канд. ист. наук, науч. сотр. сектора политической и социокультурной истории Уральского отделения Российской академии наук (г. Екатеринбург). E-mail: pantera.zap@gmail.com

ЗУСЕВА-ОЗКАН Вероника Борисовна – д-р филол. наук, вед. науч. сотр. отдела литератур Европы и Америки Новейшего времени Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (г. Москва). E-mail: v.zuseva.ozkan@gmail.com

ИМЕКОВА Мария Павловна – канд. юрид. наук, ст. преподаватель кафедры природоресурсного, земельного и экологического права Томского государственного университета. E-mail: Imekova_Maria@mail.ru

ИСАЕВА Анастасия Александровна – канд. юрид. наук, ст. преподаватель кафедры конституционного и международного права Томского государственного университета. E-mail: tess@mail2000.ru

КАЛИНИН Александр Андреевич – ст. преподаватель кафедры романских языков и прикладной лингвистики Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: verbalab@yandex.ru

КАМЕНСКАЯ Екатерина Владимировна – канд. ист. наук, доцент кафедры истории России Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург). E-mail: ekam82@yandex.ru

КИСЕЛЕВ Виталий Сергеевич – д-р филол. наук, зав. кафедрой русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: kv-uliss@mail.ru

КОЖЕВИНА Марина Анатольевна – д-р юрид. наук, профессор кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России. E-mail: kozhevinal@rambler.ru

КОЛМОГорова Анастасия Владимировна – д-р филол. наук, зав. кафедрой романских языков и прикладной лингвистики Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: nastiakol@mail.ru

КОЛПАШНИКОВА Вера Сергеевна – ст. преподаватель кафедры физического воспитания Томского государственного университета. E-mail: vera_shap@mail.ru

КРАПИВКИНА Ольга Александровна – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков для технических специальностей № 2 Иркутского технического университета. E-mail: koa1504@mail.ru

ЛАТЫШЕВ Андрей Сергеевич – проректор по персоналу и организационному развитию Тюменского государственного университета. E-mail: andrewlatyshev@gmail.com

ЛЕБЕДЕВА Ольга Борисовна – д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: obl25@mail.ru

МАЙБОРОДА Светлана Витальевна – преподаватель кафедры русского языка Медицинской академии им. С.И. Георгиевского Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (г. Симферополь); аспирант кафедры русского и латинского языков Саратовского государственного медицинского университета им. В.И. Разумовского. E-mail: ameli25@yandex.ru

МАЛИКОВА Алина Вячеславовна – преподаватель кафедры романских языков и прикладной лингвистики Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: malikovaav1304@gmail.com

МЕЛИК-ГАЙКАЗЯН Ирина Вигеновна – д-р филос. наук, зав. кафедрой истории и философии науки Томского государственного педагогического университета. E-mail: melik-irina@yandex.ru

МИРОНОВ Василий Анатольевич – ст. преподаватель кафедры онтологии, теории познания и социальной философии Томского государственного университета. E-mail: mironovv@mail2000.ru

ОГНЕВ Даниил Алексеевич – аспирант кафедры российской истории Томского государственного университета. E-mail: danielognev@yandex.ru

ОСТАПОВИЧ Игорь Юрьевич – д-р юрид. наук, профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета (г. Екатеринбург). E-mail: ostapovich7@mail.ru

ПАВЛЮКЕВИЧ Руслан Витальевич – канд. ист. наук, доцент кафедры истории и политологии Красноярского государственного аграрного университета. E-mail: autocrator@yandex.ru

ПЕИЧ Индиана – канд. ист. наук, зав. научно-исследовательским отделением “Leadership Advocacy Center” (г. Абуджа, Нигерия). E-mail: indiana.pejic@mail.ru

ПЕРВУШИНА Нина Андреевна – науч. сотр. научно-образовательного центра теории образования Томского государственного педагогического университета. E-mail: pervushina_na@mail.ru

ПЛОТНИКОВ Дмитрий Юрьевич – аспирант, стажёр-исследователь сектора истории второй половины XVI – начала XX в. Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: d.plotnikov@alumni.nsu.ru

ПЛОХОВА Валентина Ивановна – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Новосибирского государственного университета; профессор кафедры уголовного права и криминологии Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: VPlohova@yandex.ru

РОССИНСКИЙ Борис Вульфович – д-р юрид. наук, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина. E-mail: boris.rossinskiy@gmail.com

РОССИНСКИЙ Сергей Борисович – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина. E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

САФАРОВ Аслиддин (Марат) Мукомович – аспирант кафедры мировой экономики, международных отношений и права Новосибирского государственного университета экономики и управления. E-mail: safarovmarat001@mail.ru

СМЫШЛЯЕВА Лариса Германовна – д-р пед. наук, профессор кафедры социальной педагогики Томского государственного педагогического университета. E-mail: laris.s@mail.ru

СОКОЛОВА Татьяна Сергеевна – аспирант кафедры русского языка Томского государственного университета. E-mail: tatyana_sokol-88@mail.ru

СОРОКИН Александр Николаевич – канд. ист. наук, зав. кафедрой отечественной истории Тюменского государственного университета. E-mail: soranhist@yandex.ru

СТАРИКОВА Галина Николаевна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Томского государственного университета. E-mail: gstarikova@yandex.ru

СТЕПНОВ Алексей Олегович – лаборант лаборатории социально-антропологических исследований, аспирант кафедры российской истории Томского государственного университета. E-mail: ASAOM@yandex.ru

СУНГУРОВА Нина Львовна – канд. психол. наук, доцент кафедры психологии и педагогики Российского университета дружбы народов (г. Москва). E-mail: sungurovanl@mail.ru

СУХИХ Андрей Юрьевич – аспирант кафедры истории Национального университета «Острожская академия» (г. Острог, Украина). E-mail: andrew.sukhykh.1992@gmail.com

СУХОСТАВСКАЯ Ксения Владимировна – магистрант кафедры теоретических основ и технологий физкультурно-спортивной деятельности Томского государственного университета. E-mail: sovest_epohi@mail.ru

ТРОФИМОВИЧ Владимир Васильевич – д-р ист. наук, зав. кафедрой истории Национального университета «Острожская академия» (г. Острог, Украина). E-mail: v.trofymovych@rambler.ru

ТРОФИМОВИЧ Лилия Владимировна – канд. ист. наук, профессор кафедры гуманитарных наук Национальной академии сухопутных войск им. гетмана Петра Сагайдачного (г. Львов, Украина). E-mail: l.trofymovych@hotmail.com

ТУРОВ Сергей Викторович – канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории Тюменского государственного университета. E-mail: svtur57@mail.ru

ФОМИНЫХ Сергей Фёдорович – д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета. E-mail: sergei.fominyh1940@mail.ru

ШЕВЦОВ Вячеслав Вениаминович – д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета. E-mail: totleben@yandex.ru

ШИМАНЕК Ярослав – д-р гуманитарных наук, сотрудник аналитического бюро Канцелярии Сейма (г. Варшава, Польша). E-mail: jaroslawszymanek@o2.pl

ШИРОКОВА Марина Алексеевна – д-р филос. наук, профессор кафедры политологии Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: mshirokova1@rambler.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2019. № 448. Ноябрь

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Д.А. Катунин

Адрес издателя и редакции

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 25.11.2019 г. Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 32. Усл. печ. л. 29,7. Тираж 50 экз.
Заказ № .... Цена свободная.

Дата выхода в свет ... 2019 г.

Редакторы: Н.А. Афанасьева, А.А. Цыганкова
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. Учредитель – Томский государственный университет. «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>. Ознакомиться с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Издательство: Издательский Дом Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru